ТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТ

ОДИН ИЗ ТРЕХ
ГИГАНТОВ
ФАНТАСТИКИ

Айзек
АЗИМОВ

Академия
Первая трилогия

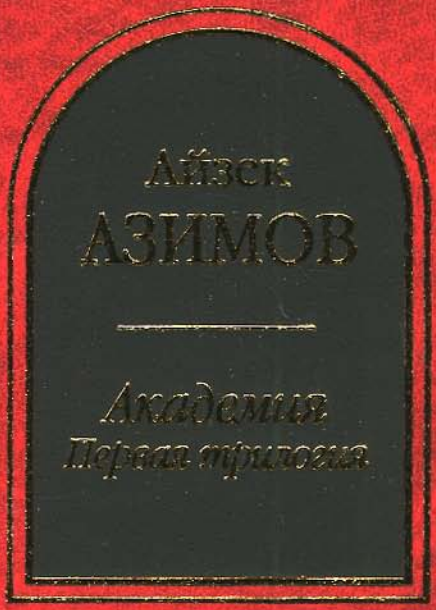
ТРИ КЛАССИЧЕСКИХ
РОМАНА
ЗНАМЕНИТОГО
ЦИКЛА

Айзек
АЗИМОВ

Академия
Первая трилогия

ТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТ

Айзек
АЗИМОВ
Академия
Первая трилогия

Айзек
АЗИМОВ

Академия

•

Академия
и Империя

•

Вторая
Академия

МОСКВА
ЭКСМО
2006

ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ

Айзек

АЗИМОВ

АКАДЕМИЯ

Первая трилогия

МОСКВА
ЭКСМО
2006

УДК 820(73)
ББК 84(7США)
А 35

Isaak ASIMOV

FOUNDATION
FOUNDATION AND EMPIRE
SECOND FOUNDATION

Оформление серии художника *А. Саукова*

Серия основана в 2001 году

Азимов А.
А 35 Академия. Первая трилогия: Фантастические романы/Пер. с англ. Н. Сосновской. — М.: Изд-во Эксмо, 2006. — 800 с. — (Шедевры фантастики).

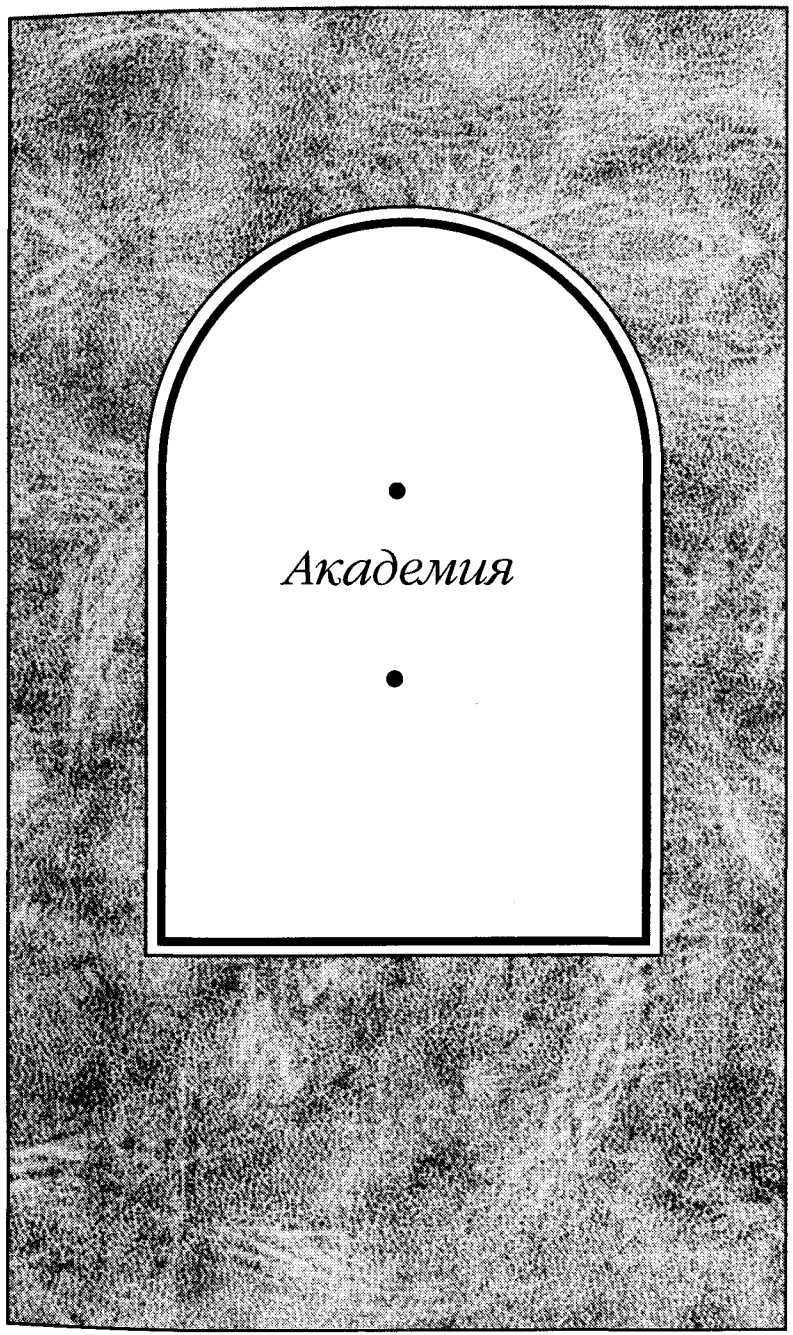
ISBN 5-699-06231-9

Более десяти тысячелетий человечество осваивало Галактику, более двадцати миллионов обитаемых миров насчитывала Империя, столицей которой был Трентор. Но законы Истории неумолимы, и некогда процветающая Галактическая Империя медленно, но верно движется к полному распаду. Начинаются бесконечные межзвездные войны, увядает межпланетная торговля, отдаленные миры утрачивают связь с центром Галактики. И только гений Гэри Селдона противостоит окончательному упадку человеческой культуры. Группа ученых, из созданной им Академии, строит на обломках Империи зачатки новой цивилизации.

УДК 820(73)
ББК 84(7США)

ISBN 5-699-06231-9

© Перевод. Н. Сосновская, 2004
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2004

ЧАСТЬ I

ПСИХОИСТОРИКИ

Глава 1

ГЭРИ СЕЛДОН — ...(11988—12069 Галактической Эры)[1].

Родился в семье среднего достатка на Геликоне, в секторе Арктура, где его отец, как гласит весьма сомнительная легенда, занимался выращиванием табака в гидропонной теплице. Паранормальные математические способности Селдона проявились в раннем возрасте. Утверждают, что в двухлетнем возрасте...

Несомненно, наибольший вклад Селдон внес в психоисторию. Приступив к ее изучению, он не нашел в этой науке ничего, кроме расплывчатых аксиом. Потомкам же он оставил статистическую науку...

Самым достоверным и подробным описанием его жизни является биография, составленная Гаалем Дорником, который встретился с Селдоном за два года до смерти великого математика. История их знакомства...

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ[2]

Гааль Дорник, родом из провинции, ни разу в жизни не бывал на Тренторе, видел его только в гипервизионных фильмах и передачах. Пару раз ему посчастливи-

[1] Далее даты приводятся в основном в современном летосчислении. Первым годом новой, Академической Эры считается 79-й.

[2] Все цитаты из Галактической Энциклопедии взяты из 116-го Издания, опубликованного в 1020 году Издательством Галактической Энциклопедии на Терминусе, с разрешения Издательства.

лось посмотреть грандиозные трансляции с коронации нового Императора и с открытий заседаний Галактического Совета. Но и прожив всю жизнь на Синнаксе, маленькой планетке, обращавшейся вокруг звезды на окраине Голубого Потока, он не был нецивилизованным изгоем. В те времена оторванных от цивилизации мест уже не существовало.

В Галактике насчитывалось около двадцати пяти миллионов обитаемых миров, и все они входили в состав Империи, столицей которой был Трентор.

Для Гааля теперешнее путешествие менее всего означало конец юности и учебы. Прежде он бывал в космосе только на экскурсиях и раз посетил единственный спутник Синнакса с целью сбора данных о метеорном потоке, необходимых ему в работе над диссертацией. Месяц назад он получил степень доктора математики, а через две недели — приглашение от великого Гэри Селдона прибыть на Трентор для участия в разработке проекта.

Итак, в свое первое настоящее космическое путешествие он улетал на многие миллионы миль и световых лет от дома...

Гааль настраивался на прыжок через гиперпространство совсем недолго, хотя в обычных межпланетных перелетах эти ощущения нельзя испытать. Путешествие в обычном пространстве могло проходить со скоростью, не превышающей скорости света — что известно науке еще из забытой эпохи истории человечества, — поэтому на путешествия даже между ближайшими обитаемыми системами уходили бы годы. А в гиперпространстве, этой не поддающейся воображению области, не являющейся ни пространством, ни временем, ни веществом, ни энергией, ни вакуумом, можно было пересечь всю Галактику за мгновенный промежуток времени.

Гааль в прыжке, кроме пустякового толчка, ничего не ощутил. И даже подумал, уж не показался ли тот ему. Гааль, почувствовав разочарование, с нетерпением ждал,

какое впечатление на него произведет сам Трентор. Он отправился в зал видового обзора. Стальные шторы открывались в определенное время, и он не пропускал ни одного сеанса. Восхищенный Гааль любовался великолепным зрелищем звездного неба, напоминавшим ему стайки светлячков, внезапно остановленные неведомой силой в полете и застывшие навсегда. В один из сеансов обзора видимой стала холодная, голубовато-белая газовая туманность, находившаяся на расстоянии пяти световых лет от корабля. Расплываясь по небу, как пролитое молоко, она через два часа, после следующего прыжка, исчезла из виду.

Трентор обращался вокруг солнца, и оно, возникнув в иллюминаторах обзора, представляло собой всего лишь белую точку, одну из миллионов подобных ей. Если бы не указания маршрутной карты, ее невозможно было бы выделить и отличить. С каждым очередным прыжком солнце Трентора сияло все ярче, а остальные звезды блекли в сравнении с ним.

Мимо прошел офицер, бросив на ходу:

— Зал обзора закрывается. Приготовьтесь к посадке.

Гааль догнал его и схватил за рукав белой формы, на котором красовалась эмблема Империи — «Звездолет и Солнце»:

— Простите, а никак нельзя побыть здесь? Мне бы так хотелось увидеть Трентор!

Офицер улыбнулся, и Гааль покраснел от стыда за свой провинциальный акцент.

— Утром будем на Тренторе, — улыбнулся офицер.

— Я понимаю... Мне хотелось посмотреть отсюда.

— Простите, юноша. К сожалению, у нас — не космическая яхта. Мы подлетаем с солнечной стороны. Не хотите же вы ослепнуть, получить ожоги и заодно облучиться?

И Гааль, вздохнув, зашагал к своей каюте.

Офицер крикнул ему вслед:

— Да не огорчайтесь вы так! Трентор выглядит все-

го-навсего этаким серым шаром. Когда прилетите, можете взять билет для осмотра с орбиты. Это и недорого совсем.

Гааль обернулся:

— Большое спасибо!

Конечно, обижен он был, как ребенок. В горле стоял ком горечи и досады. Ожидание становилось невыносимым...

Глава 2

Корабль опускался на Трентор. Шумы сменяли друг друга. Послышался отдаленный свист — это звездолет рассекал атмосферу. Урчали кондиционеры, борясь с нагревом обшивки, гудели трудившиеся в режиме торможения двигатели. Галдели пассажиры, собираясь в зале высадки, жужжали лифты, поднимавшие почту, багаж и прочие грузы.

Легкий толчок означал, что свободное движение закончилось и теперь на звездолет действовала только сила притяжения планеты. Тысячи пассажиров, устроившись в уютных креслах дебаркационных залов, ожидали посадки.

...Багажа у Гааля было немного, а таможенная процедура оказалась на удивление короткой. Инспектор пробежал глазами визу и поставил печать. А Гааль — смотрел по сторонам.

Трентор!

Воздух показался здесь более плотным. Немного сильнее, чем на Синнаксе, было притяжение, но и к этому можно привыкнуть.

Здание космопорта было громадным. Даже задрав голову, Гааль не разглядел потолка. Не видел и ближайшей стены. Видимую часть помещения занимали столы, за которыми сидели таможенники, а дальше все скрывалось в туманной дымке.

Инспектор обратился к Гаалю — видимо, уже не в первый раз:

— Все в порядке, идите.

— Куда? — растерянно пробормотал Гааль, оглядываясь по сторонам.

— К такси. Направо, потом третий поворот налево.

Гааль двинулся в указанном направлении и вскоре заметил в воздухе над собой указатель — буквы светились в пустоте: «ТАКСИ ПО ВСЕМ НАПРАВЛЕНИЯМ».

Только Гааль отошел от стола, как на его место тут же встал другой человек. Таможенник коротко кивнул ему. Человек кивнул в ответ и последовал за Дорником. Гааль уперся прямо в ограждение. Маленькая вывеска гласила: «Диспетчер». Тот, к кому это относилось, буркнул, не взглянув на Гааля:

— Чем могу?

Денег у Гааля было в обрез, но скоротать ночь где-то надо, и он как можно более небрежно бросил:

— В приличную гостиницу.

— У нас все гостиницы приличные, — невозмутимо отозвался диспетчер.

— В ближайшую, — обреченно выдохнул Гааль.

Диспетчер нажал клавишу на пульте. На полу возникла тонкая полоска света, пересекавшаяся с другими, различных цветов и оттенков. Диспетчер подал Гаалю пластинку-билет, слегка светящуюся и того же цвета, что и линия на полу.

— Один двенадцать, — сказал диспетчер. Гааль отсчитал монеты.

— А теперь куда?

— Идите по линии. Пластинка светится, пока вы следуете в верном направлении.

Гааль пошел вперед, туда, куда вела его светящаяся полоска. Рядом с ним двигались сотни людей. Временами кто-то сворачивал направо или налево.

Неожиданно световая ниточка оборвалась, и перед Гаалем вырос носильщик в новенькой желто-голубой униформе из пластотекстиля. Он подхватил чемоданы Гааля.

— Прямая линия на «Люксор», сэр.

Шедший следом человек, услышав эти слова и ответ Гааля: «Хорошо», — проследил, как тот садился в тупоносое такси...

Такси мягко набирало высоту. Гааль смотрел в овальное окно. Было от чего недоумевать — довольно приличный подъем, а они все еще летели внутри здания. Секунда — и люди внизу стали похожи на спешащих куда-то муравьев. Еще секунда — и они пропали из виду.

Впереди возникла бесконечная стена, множество отверстий в ней представляли собой входы в туннели. Такси с Гаалем подлетело к одному из них и втянулось внутрь. Гааль так и не сообразил, как это водителю удалось выбрать именно тот, который был им нужен. В один миг их окружила непроницаемая чернота — только сигнальные огни мигали, разрывая темноту, да шум двигателя нарушал тишину.

Гааля по инерции наклонило вперед — такси выскочило из туннеля и опустилось на тот уровень, с которого они начали полет.

— Отель «Люксор», — безразлично сообщил водитель.

Он помог Гаалю вынести багаж, деловито взял купюру, подобрал ожидавшего такси пассажира и исчез в высоте.

...Все это время, с момента приземления звездолета, Гааль ни разу не видел неба.

Глава 3

ТРЕНТОР — *...В начале тринадцатого тысячелетия этот вариант развития исчерпал себя. Будучи резиденцией правительства Империи на протяжении жизни сотен поколений, расположенная в центре Галактики, среди наиболее густонаселенных и индустриально развитых ми-*

ров, сама планета Трентор была перенаселена до крайности.

Урбанизация планеты достигла предельной точки. Вся поверхность суши Трентора — 75 млн. кв. миль — представляла собой один город. Число его жителей выросло до 40 миллиардов. И эта огромная масса людей была занята административной деятельностью на благо Империи, при том что для выполнения всех необходимых работ служащих еще и не хватало. (Здесь нелишне упомянуть, что — под отнюдь не самым бдительным руководством последних Императоров — неспособность наладить четкий административный контроль в Галактической Империи стала одним из факторов ее распада.) Каждый день огромные флотилии звездолетов доставляли на Трентор продукты из двадцати сельскохозяйственных миров...

...Полная зависимость во всех жизненных потребностях от других миров — ахиллесова пята Трентора — сделала его чрезвычайно уязвимым. В течение последнего тысячелетия существования Империи один Император за другим сталкивались с непрекращающимися мятежами. Имперская политика сосредоточилась на защите от экономической блокады...

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Гааль не знал, какова была скорость вращения Трентора, светило ли солнце. Он так и не смог понять, день сейчас или ночь. А спросить стеснялся. Его только что кормили завтраком, но на многих планетах живут по стандартной схеме, не обращая внимания на такие неудобные понятия, как утро, день, ночь и вечер.

Он было обрадовался, увидев табличку «Солнечная комната», но оказалось, что за дверью — всего-навсего кабинка, где можно позагорать под кварцевой лампой. Через пару минут он спустился в фойе.

— Где можно купить билет на обзорную экскурсию? — спросил Гааль у администратора.

— У меня, если желаете.

— А скоро начало?

— Только что отправили. Следующая — завтра. Можете купить билет прямо сейчас.

— Вот как...

Завтра... Завтра — поздно. Завтра надо быть в Университете.

— Простите, а нет ли здесь чего-нибудь вроде смотровой площадки? Я имею в виду — на открытом воздухе?

— Разумеется! Можете приобрести билет. Я только взгляну, не идет ли дождь.

Администратор нажал кнопку на рукаве, возле локтя. Загорелся маленький экранчик, побежали буквы. Гааль прочел их одновременно с администратором.

Тот отвел взгляд от экранчика и сказал:

— Погода хорошая. Если не ошибаюсь, сезон дождей кончился. — И доверительно добавил: — Я-то сам редко попадаю наружу. Последний раз выбирался года три назад, и что-то больше не тянет. Лифт у вас за спиной. Там табличка «На Башню».

Гааль направился в кабину лифта незнакомой для него конструкции, туда зашли еще несколько человек, и лифтер нажал кнопку. Указатель тяжести показывал «ноль». Гааль ощутил, что тонет в пространстве. Через секунду вес вернулся к нему, но все равно показался меньше обычного. Опять невесомость — и ноги Гааля оторвались от пола. Он судорожно задергался, пытаясь уцепиться за стенку лифта.

— Вы что, неграмотный? — прикрикнул на него лифтер. — Написано же! На полу скобы для ног — закрепитесь!

Гааль огляделся и увидел, что остальные пассажиры преспокойно стоят на полу. Не скрывая улыбок, они смотрели, как Гааль перебирал руками по стене, пытаясь опуститься на пол. Стыд-то какой! А ведь как вошел — видел никелированные скобы на полу, не обратил внимания!

Наконец какой-то мужчина подал ему руку и потянул вниз. Пока Гааль бормотал слова благодарности, лифт остановился на открытой террасе, залитой лучами солнца. Мужчина, который только что помог ему, не отставал.

— Тут можно присесть, — мягко сказал он.

Гааль благодарно кивнул незнакомцу и направился вслед за ним к креслам, но остановился на полпути.

— Мне бы хотелось немного постоять у парапета, если не возражаете.

Незнакомец дружески помахал рукой. Гааль подошел к высокому, по плечо, парапету. Сверху открывалась величественная панорама Трентора.

Землю закрывали хитросплетения построек. Горизонт, насколько доставал глаз, занимали металлические конструкции. Все видимое пространство было одинаково ровного серого цвета. Только несколько прогулочных яхт крутилось в небе. Весь многочисленный транспорт трудился внизу, под металлической корой планеты.

Ни один цвет не оживлял однообразно-серого пейзажа. Ни зелени, ни почвы. Гааль знал, что где-то на Тренторе расположен императорский дворец, занимавший сто квадратных миль, утопавший в цветах и зелени, — маленький островок в стальном океане. Но отсюда его не было видно.

Необходимо как можно скорее отправиться на обзорную экскурсию!

Он впервые по-настоящему ощутил себя на Тренторе, в столице Галактики, в центре человеческой цивилизации. Оттуда, где он стоял, не все было видно... Он не видел звездолетов, приземлявшихся с продовольственными грузами, не знал о существовании тонкой пуповины, связывающей Трентор со всей Галактикой... Он ощущал только могущество человечества, полное и бесповоротное завоевание мира.

Гааль отошел от барьера слегка ослепленным. Попутчик из лифта помахал ему рукой; Гааль подошел и сел рядом с ним.

Незнакомец улыбнулся:

— Меня зовут Джеррил. Вы впервые на Тренторе?

— Да, мистер Джеррил.

— Ну вот, я так и думал. Только Джеррил — это имя, а не фамилия. Да... Трентор захватывающе действует на молодых людей с поэтическим воображением. А сами тренторианцы, между прочим, не очень любят сюда подниматься. Им это на нервы действует, знаете ли.

— На нервы? О, простите, я не представился. Меня зовут Гааль. А... почему им это действует на нервы? Такое величественное зрелище!

— Ваше мнение в данном случае субъективно, Гааль. Если бы вы родились в кубике, выросли в туннеле, потом всю жизнь работали в клетке и проводили отпуск в кабинке «Солнечной комнаты», а потом неожиданно оказались бы на открытом воздухе, думаю, вы бы получили нервный шок. Поэтому детей с пяти лет водят сюда раз в год. Не знаю, на пользу ли им это. Они не хотят отсюда уходить, просто истерики закатывают! Думаю, следовало бы начинать их водить сюда гораздо раньше — как только отнимают от груди. И не раз в год, а каждую неделю. Но на самом деле и это неважно. Что стряслось бы, если бы они вообще не поднимались наверх? Они счастливы там, внизу, эти люди. Они трудятся на благо Империи. Да, кстати, как вы думаете, на какой высоте мы находимся?

— Полмили? — предположил Гааль и тут же понял, как беспомощно и наивно это прозвучало. Джеррил улыбнулся:

— Нет. Всего пятьсот футов.

— Как же так? Но только на лифте мы поднимались...

— Да-да, все правильно. Дело в том, что большую часть времени мы поднимались на уровень первого этажа. Трентор — айсберг. Его подземная часть прорыта на милю вглубь. То есть девять десятых города скрыто от глаз. Он под дно бывшего океана уходит на несколько миль в глубину. Мы углубились настолько, что можем использовать разницу температур на глубине и на поверхности для снабжения планеты энергией. А вы не знали?

— Нет. Я думал, вы пользуетесь атомными генераторами.

— Когда-то пользовались. Но так дешевле.

— Можно представить!

— Ну и что вы думаете обо всем этом?

Взгляд Джеррила изучающе скользил по лицу Гааля.

— Потрясающе! — ничего не замечая, воскликнул Гааль.

— Если не секрет — что вас сюда привело? Отпуск? Путешествуете, осматриваете достопримечательности?

— Не совсем. То есть мне всегда хотелось побывать на Тренторе. Но приехал я по работе.

— Вот как?

Гааль понял, что придется объяснить подробнее.

— Я получил приглашение принять участие в проекте Селдона в Тренторском Университете.

— Ага... Прямиком, значит, к Ворону Селдону в гнездо?

— Простите, не понял?

— Я про него говорю, про Гэри Селдона. Просто у нас его так называют. Он предсказывает всякие неприятности, вот его Вороном и прозвали.

— Правда? — неподдельно удивился Гааль.

— Я вам серьезно говорю. — Джеррил, и правда, не улыбался.

— А вы что, работать у него собираетесь?

— Ну да. Я — математик. А... почему он предсказывает неприятности? Какие именно?

— А вы как думаете?

— Понятия не имею. Я знаком с работами доктора Селдона и его группы. Это же теоретическая математика.

— Ну естественно. *Опубликованные*, — многозначительно подчеркнул незнакомец.

Гааль почувствовал себя неловко.

— Простите, я, пожалуй, спущусь в номер. Очень рад был познакомиться.

Дорник встал и поклонился. Джеррил небрежно помахал рукой.

...В номере Гааля ждал пожилой мужчина. Дорник от неожиданности онемел, потом проговорил сдавленным шепотом:

— Что вы тут делаете?

Мужчина тяжело поднялся из кресла и шагнул навстречу Гаалю, слегка прихрамывая. Глаза у него были живые, веселые, ярко-голубые.

— Я — Гэри Селдон, — сказал он, и Гааль, опомнившись от неожиданности, узнал лицо, которое столько раз видел на журнальных фотографиях.

Глава 4

ПСИХОИСТОРИЯ — *...Гааль Дорник, пользуясь нематематическими терминами, определил психоисторию как раздел математики, изучающий реакции человеческих сообществ на определенные социальные и экономические стимулы.*

...Основное во всех этих определениях — безоговорочное принятие того, что человеческое сообщество велико для того, чтобы статистическая обработка данных давала достоверные результаты. Необходимая численность сообщества может быть определена с помощью Первой Теоремы Селдона, которая гласит...

...Следующее необходимое допущение заключается в том, что само человеческое сообщество не должно догадываться о том, что подвергается психоисторическому анализу, — только тогда реакция будет носить естественный характер.

...Основой психоисторического анализа служат функции Селдона, представляющие свойства, конгруэнтные по отношению к таким социальным экономическим силам, как...

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

— Добрый день, сэр, — запинаясь, проговорил Гааль. — Я...

— Вы думали, что мы встретимся не раньше чем завтра? В общем, да... Но дело в том, что мы очень торопимся. А добровольцев находить все труднее.

— Сэр, я не понимаю...

— Вы разговаривали с человеком на Башне, не так ли?

— Да... Его имя — Джеррил. Больше я о нем ничего не знаю.

— Его имя абсолютно ни при чем. Он — агент Комитета Общественного Спасения. За вами шел от самого космопорта.

— Но почему? Ничего не понимаю!

— Он говорил что-нибудь обо мне?

Гааль смутился:

— Он назвал вас... Вороном.

— А почему — объяснил?

— Он сказал, что вы предсказываете... м-м-м... неприятности.

— Хм... Ну ладно, скажите, какое впечатление на вас произвел Трентор?

Надо же — всем интересно, что он думает о Тренторе!

Гааль не нашел другого слова и выпалил:

— Восхитительно!

— Ну, это первое впечатление... Ваше мнение с психоисторической точки зрения?

— Я никогда не думал о ее конкретном приложении!

— Поработаете у меня, молодой человек, и научитесь применять методы психоистории ко всему подряд. Посмотрите-ка.

(Тут он вынул из кармана маленький калькулятор.)

Поговаривали, что Селдон держит его под подушкой и достает как только просыпается. От частого пользования блестящая панель калькулятора потускнела. Пальцы Селдона, усеянные старческими пятнышками, проворно забегали по клавишам. На сером экране загорелись красные цифры.

Он пояснил:

— Вот что представляет собой сегодняшнее состояние Трентора.

Селдон ждал. Наконец Гааль произнес:

— Это, конечно, не полная картина?

— Да, не полная, — согласился Селдон. — Я рад, что вы не принимаете моих утверждений на веру. Однако в первом приближении их можно использовать для прогноза. Согласны?

— Если потом я смогу верифицировать деривацию функции — согласен.

— Отлично. Добавим к этому известную возможность распада Империи, мятежа вице-королей, учащения периодов экономической депрессии, снижения объема планетарных исследований и...

Он продолжал перечисление. Как только он называл очередной фактор, на экране загорались новые цифры и значение функции все время менялось.

Гааль остановил Селдона только один раз:

— Я не понимаю значения этого преобразования.

Селдон повторил расчеты еще раз, более медленно.

— Но вы производите запрещенную социоопераúию!

— Вы очень сообразительны, — улыбнулся Селдон. — Но в этом смысле такая операция не запрещена. А сейчас я ее проведу методом расширения.

На этот раз вычисления потребовали больше времени. В конце концов Гааль проговорил:

— Да. Теперь я понял.

Селдон оторвался от калькулятора и устало сказал:

— Вот что будет представлять собой Трентор через пять тысячелетий. Как бы вы это определили?

Он лукаво склонил голову набок и ждал ответа.

Гааль смотрел на цифры, не веря глазам.

— Полный упадок? Но... но это невозможно! Трентор никогда...

Селдон был явно доволен.

— Ну-ну, продолжайте. Вы же видели, как получился этот результат. Забудьте на минуточку о цифрах, скажите просто.

Гааль проговорил медленно, подбирая слова:

— Получается так, что чем больше у Трентора административной власти, тем он уязвимее и тем более желанной добычей становится. Поскольку с годами наследственные права на имперский престол станут все более сомнительными, возникнут распри в борьбе за него среди аристократических семейств. Социальная активность пойдет на убыль...

— Достаточно. Теперь по поводу вероятности распада Империи через пятьсот лет в цифровом выражении.

— Я затрудняюсь...

— Ну продифференцируйте в уме. Сумеете?

Гааль был обескуражен. Калькулятор — вот он, под рукой, зачем же в уме! Лоб его покрылся испариной...

— Что-то около восьмидесяти пяти процентов? — наконец выдавил он.

— Неплохо, — улыбнулся Селдон. — Но и не хорошо. Истинная цифра составляет девяносто два и пять десятых процента.

— Поэтому вас и зовут Вороном? — осторожно поинтересовался Гааль. — Ничего подобного в научных журналах мне не попадалось!

— Ну естественно. Это неопубликованные материалы. Неужели вы думаете, что Империя согласится таким образом расписаться в собственной обреченности? Но некоторые наши выводы все-таки просочились в аристократические круги.

— Это плохо.

— Почему же? У нас все учтено.

— И поэтому за мной следят?

— Да. Следят за всем, что касается моего проекта.

— Вы в опасности, сэр?

— О да. Вероятность моей казни составляет 1,7 процента, но разработке проекта это не помешает. Мы учли и это. Не надо волноваться. Надеюсь, вы навестите меня завтра в Университете?

— Конечно, — твердо ответил Гааль.

Глава 5

КОМИТЕТ ОБЩЕСТВЕННОГО СПАСЕНИЯ — *Кучка аристократов, пришедшая к власти после свержения Клеона I, последнего из династии Энтунов. В целом им удалось навести некоторый порядок после нескольких веков нестабильности и смятения. Возглавляемый представителями таких влиятельных семейств, как Чены и Диварты, Комитет постепенно превратился в слепое орудие...*

...Их власть в Империи сохранялась до воцарения последнего сильного Императора — Клеона II. Первый Председатель Комитета...

...В какой-то степени началом падения влияния Комитета можно считать процесс Гэри Селдона, состоявшийся за два года до начала А. Э. Этот процесс подробно описан в биографии Гэри Селдона, составленной Гаалем Дорником...

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Гааль не успел выполнить своего обещания. Наутро его разбудил настойчивый телефонный звонок. Он снял трубку и услышал вежливый голос дежурного администратора, который сообщил ему, что согласно приказу Комитета Общественного Спасения он арестован.

Гааль вскочил с кровати, бросился к двери — заперта. Оставалось только одеться и ждать.

Дальше все было как в тумане. За ним пришли и куда-то отвели. Вежливо задавали вопросы. Он отвечал,

что прибыл из провинции, с Синнакса, окончил такие-то учебные заведения, тогда-то получил степень Доктора Математики, подал прошение о зачислении в штат сотрудников доктора Селдона и получил согласие. А спрашивавшие все уточняли, почему именно он решил принять участие в работе над проектом Селдона. Как он впервые об этом узнал, каковы должны быть его обязанности, какие секретные инструкции он получал, что вообще он знает о проекте?

Он отвечал, что не знает ничего, что никаких секретных инструкций не получал, что он ученый, математик и его не интересует политика.

В конце концов цивилизованный инквизитор задал ему вопрос:

— Когда начнется упадок Трентора?

— Лично я об этом ничего не знаю... — замялся Гааль.

— Может быть, кто-нибудь говорил вам об этом?

— Как я могу говорить за кого-то?

Инквизитор настаивал:

— Кто-нибудь говорил вам об упадке Трентора? Кто-нибудь сообщал вам о том, когда это произойдет?

Замешательство Гааля было настолько очевидным, что инквизитор пришел ему на помощь:

— За вами следили, доктор. Наши люди были в космопорту, когда вы прибыли, с вами говорили на Башне, и, конечно же, ваш разговор с доктором Селдоном прослушивался.

Гааль пожал плечами.

— Значит, вам известна его точка зрения.

— Возможно. Но мне хотелось услышать и от вас.

— Он считает, что упадок Трентора наступит через пятьсот лет.

— Он математически доказывает это?

— Да, доказывает, — с вызовом ответил Гааль.

— И вы считаете, что это можно доказать математическими методами?

— Можно — если это делает доктор Селдон.

— Ну что ж, тогда начнем сначала...

— Постойте, — взмолился Гааль. — Я имею право пригласить адвоката. Как гражданин Империи...

— У вас будет такая возможность.

...И возможность была предоставлена.

В комнату вошел высокий худой мужчина. Его лицо, казалось, нарисовано вертикальными линиями. Такое узкое, что непонятно, поместится ли на нем улыбка...

Гааль поднял на вошедшего измученные глаза. Встать он был просто не в силах. Столько всего сразу — а ведь он находился на Тренторе не более тридцати часов...

Мужчина представился:

— Меня зовут Лорс Аваким. Доктор Селдон прислал меня для защиты ваших интересов.

— Так помогите же мне! Я должен немедленно отправить жалобу Императору. Я задержан без всяких на то оснований. Я ни в чем не виноват. Ни в чем!

Аваким тем временем пристраивал на столе небольшой магнитофон. Закончив приготовления, он взглянул на Гааля.

— За нашей встречей, безусловно, наблюдают с помощью лучей-шпионов. Это противозаконно, но они ни перед чем не остановятся.

Гааль обреченно вздохнул.

Аваким устроился в кресле поудобнее.

— Ну а мы попробуем их перехитрить. Дело в том, что этот магнитофон — с виду самый обычный — полностью экранирован от лучей-шпионов. По крайней мере, они не сразу это обнаружат.

— Значит, я могу говорить?

— Ну конечно.

— Я хочу, чтобы меня выслушал Император! — с удвоенным пылом воскликнул Гааль.

Аваким холодно улыбнулся. Оказалось, что улыбка все-таки умещается на его вертикальной физиономии.

— Вы — из провинции.

— Ну и что? У меня те же права, что у любого гражданина Империи! Как у вас, как у членов Комитета Общественного Спасения!

— Конечно, конечно. Я не к тому. Но вы — провинциал и недостаточно четко представляете себе нынешнюю обстановку на Тренторе. Император не дает аудиенций.

— А кому же тогда я могу пожаловаться на действия этого Комитета? Какова процедура апелляции?

— Нет никакой процедуры. Практически — никакой. Теоретически — вы можете обратиться к Императору, но аудиенции не получите. Нынешний Император, если вы знаете, не из династии Энтунов. Трентор сейчас находится в руках аристократических семейств, представители которых составляют Комитет Общественного Спасения. Этот этап в развитии Империи давно предсказан методами психоистории.

— Правда? — искренне удивился Гааль. — Ну, если доктор Селдон может предсказать судьбу Трентора на пятьсот лет вперед...

— Он может предсказать и на пятнадцать тысяч лет вперед.

— Хорошо! — Гааль вскочил и заходил по комнате, размахивая руками. — Пусть хоть на двадцать тысяч! Почему же тогда он не мог предвидеть вчера, что произойдет наутро, не предупредил меня? Ах нет, простите, что я говорю...

Он сел, обхватив голову руками.

— Я понимаю, что психоистория — статистическая наука, что с ее помощью нельзя предвидеть будущее отдельного человека. Но поймите, я в ужасе...

— Вы не правы, Гааль. Доктор Селдон отлично знал, что утром вас арестуют.

— То есть — как?

— Не огорчайтесь, но это так. Комитет в последнее время просто наступал нам на пятки. За всеми новыми сотрудниками устанавливалась слежка. И наши графические модели показали, что для успеха дела было бы лучше, если бы кризис наступил именно сейчас. Чтобы ускорить события и спровоцировать Комитет на активные действия, доктор Селдон и посетил вас вчера.

Гааль тяжело дышал.

— Я возмущен! Я протестую!

— Прошу вас, успокойтесь. Это было необходимо. Никаких личных мотивов здесь нет. Вы должны понять, что планы доктора Селдона, опирающиеся на фундаментальные математические исследования, учитывают разнообразные случайности с высокой степенью достоверности. Сейчас — именно такая случайность. Я послан к вам с единственной целью — убедить вас, что бояться вам нечего. Все окончится благополучно, в том числе и с проектом.

— Ну и как это выглядит в вашем любимом процентном отношении? — с горьким сарказмом поинтересовался Гааль.

— Что касается проекта — 99,5 процента.

— А что касается меня?

— Мне сказано, что ваши шансы на благоприятный исход дела составляют 77,2 процента.

— Так. Значит — один против пяти в том смысле, что меня казнят или посадят в тюрьму?

— Вероятность казни — не более одного процента.

— Что вы говорите?.. Только не надо меня утешать. Я отлично понимаю, что все расчеты вероятности в отношении отдельного человека всегда приблизительны! А... вы не могли бы передать доктору Селдону, чтобы он навестил меня?

— Увы, — грустно развел руками Аваким, — это невозможно. Доктор Селдон сам под арестом.

Гааль не успел закрыть рот, как дверь распахнулась,

вошел охранник, подошел к столу, взял магнитофон, повертел его в руках и сунул в карман.

Аваким вяло запротестовал:

— Но... он мне еще потребуется!

— Вам будет передан другой, точно такой же, уважаемый адвокат. Только без защитного поля, — холодно заметил охранник.

— В таком случае — моя беседа с подследственным закончена.

Гааль проводил Авакима полным отчаяния взглядом. Дверь закрылась. Он остался один.

Глава 6

Процесс (по крайней мере, Гааль думал, что идет процесс, хотя происходившее мало походило на то, как он представлял себе судебное разбирательство) шел всего третий день, но Гааль уже с трудом мог вспомнить в подробностях его начало.

Лично его не слишком беспокоили вопросами. Вся тяжелая артиллерия была направлена на Селдона, который, однако, сохранял олимпийское спокойствие. Прессу и простых смертных в зал не пустили, и, видимо, кроме присутствовавших, мало кто и догадывался, что в эти дни судят Гэри Селдона. Обстановка была крайне недружелюбная.

Пятеро представителей Комитета Общественного Спасения восседали на возвышении за длинным столом. На них были алые с золотом мантии и плотно облегавшие головы блестящие шапочки — символы правосудия. В центре сидел Председатель Комитета Линь Чен. Гааль до сегодняшнего дня ни разу не видел столь знатного аристократа и восхищенно разглядывал его. За все дни процесса Чен не вымолвил ни слова. Видимо, его речь была впереди.

Судья просмотрел бумаги и продолжил допрос. Вопросы по-прежнему задавались только Селдону.

Вопрос: Итак, доктор Селдон. Сколько человек занято в вашем проекте?

Ответ: Пятьдесят математиков.

В.: Включая доктора Гааля Дорника?

О.: Доктор Дорник — пятьдесят первый.

В.: Следовательно — пятьдесят один человек? Подумайте хорошенько, доктор Селдон. Может быть, насчитаете пятьдесят два или пятьдесят три, а может — и больше?

О.: Доктор Дорник еще не приступал к работе. Вместе с ним число сотрудников составляет пятьдесят один. А пока, как я уже сказал, — пятьдесят.

В.: И никак не сто тысяч?

О.: Математиков? Нет.

В.: Я не спрашивал, сколько у вас математиков. Всего сотрудников у вас сто тысяч?

О.: Если считать всех, то вы близки к истине.

В.: Близок? Цифра точная! Я утверждаю, что в разработке вашего проекта занято девяносто девять тысяч пятьсот семьдесят два человека.

О.: По-видимому, вы учли даже жен и детей.

В. (раздраженно): Я утверждаю, что сотрудников девяносто девять тысяч пятьсот семьдесят два. Отрицать бесполезно.

О.: Я согласен с приведенной вами цифрой.

В. (заглянув в бумагу): В таком случае оставим на время этот вопрос и перейдем к другому. Не будете ли вы, доктор Селдон, так добры и не повторите ли еще раз ваши соображения относительно будущего Трентора?

О.: Я уже отвечал, но могу повторить еще раз: через пять веков Трентор будет лежать в руинах.

В.: Вы не находите, что ваше высказывание противозаконно?

О.: Нет, сэр. Научная истина не имеет ничего общего с такими понятиями, как законность и противозаконность.

В.: Вы уверены в том, что ваше утверждение является научной истиной?

О.: Да.

В.: На каком основании?

О.: На основании результатов математических и психоисторических исследований.

В.: Можете ли вы доказать, что ваши математические расчеты верны?

О.: Другому математику? Конечно.

В. (улыбнувшись): Вы хотите сказать, что открытая вами истина настолько эзотерична, что простому человеку ее не понять? А вот мне почему-то всегда казалось, что истина должна быть доступна для всех.

О.: А она доступна. Для многих. К примеру — физика переноса энергии, известная нам под названием термодинамики, была ясна и истинна на протяжении всей истории человечества. Однако до сих пор найдутся люди, которые сочтут, что построить обычный генератор невозможно. Причем среди них могут быть и высокообразованные люди. Сомневаюсь, что уважаемые члены Комитета...

(Тут один из «уважаемых членов Комитета» наклонился к судье и что-то прошептал ему на ухо. Судья покраснел и прервал Селдона.)

В.: Мы здесь не для того, чтобы выслушивать лекции, доктор Селдон! Допустим, вы ответили на мой вопрос. А теперь позволю себе высказать предположение. Не могут ли ваши предсказания упадка Трентора быть направлены на подрыв доверия населения к правительству Империи, причем в ваших интересах?

О.: Это не так.

В.: Не содержится ли в ваших предсказаниях упоминание о том, что период времени, предшествующий так называемому распаду Трентора, будет характеризоваться различными беспорядками?

О.: Вы правы.

В. (удовлетворенно): Отсюда легко предположить,

что вы надеетесь спровоцировать эти беспорядки и на вашей стороне будет армия в сто тысяч человек.

О.: Во-первых, это неправда. И даже если бы это было так, вам было бы легко убедиться, что среди исследователей с трудом наберется десять тысяч мужчин призывного возраста, причем ни один из них в жизни не держал в руках оружия.

В.: А не действуете ли вы как агент какой-либо другой организации?

О.: Нет, я ни на кого не работаю, господин судья.

В.: Вы — бессребреник, слуга науки?

О.: Да.

В.: Тогда следующий вопрос. Можно ли изменить будущее, доктор Селдон?

О.: Конечно. Например, этот зал может через пару мгновений взлететь на воздух. Если бы это произошло, будущее в какой-то степени изменилось бы.

В.: Не иронизируйте, доктор Селдон. Я вас спрашиваю, может ли измениться будущее всего человечества.

О.: Да.

В.: Это легко сделать?

О.: Нет. Очень трудно.

В.: Почему?

О.: Дело в том, что психоисторическая направленность населения даже одной планеты имеет колоссальный запас инерции. Для того чтобы направленность изменилась, она должна столкнуться с чем-то, имеющим сходный запас инерции. С такой же массой людей, например. А если их мало, должен пройти солидный промежуток времени. Понимаете?

В.: Думаю, что да. Трентор не обязательно должен быть разрушен, если большие массы людей будут этому противостоять.

О.: Вы правильно поняли.

В.: Ста тысяч человек хватит?

О.: Нет, сэр. Этого будет мало.

В.: Вы уверены?

О.: Прошу вас учесть, что население Трентора составляет около 40 миллиардов. Что тенденция к распаду охватывает не только Трентор, но и всю Империю, а в Империи проживает почти квинтиллион человек.

В.: Ясно. Тогда, может быть, сто тысяч ваших сотрудников смогут хоть как-то противостоять разрушению, если и они, и их потомки будут работать над этой проблемой в течение пятисот лет?

О.: Боюсь, что нет. Пятьсот лет — это слишком мало.

В. (улыбаясь): Ну-ну... Итак, доктор Селдон, из всех ваших заявлений можно логически вывести следующее: вы собрали сто тысяч человек для работы над вашим проектом. Однако этого недостаточно для того, чтобы изменить ход истории Трентора на протяжении пятисот лет. Другими словами, они не могут предотвратить упадка, как бы упорно ни трудились.

О.: К сожалению, вы правы.

В. (торжественно): В таком случае, доктор Селдон... Обдумайте ответ. Какова цель работы ста тысяч ваших сотрудников?

Голос судьи сделался резко-скрипучим. Казалось — до сих пор он темнил, а теперь вышел из укрытия и был уверен, что загнал своими вопросами Селдона в угол.

По залу пробежал шепоток. Даже члены Комитета начали переговариваться. Только Председатель оставался все таким же невозмутимым и мрачным.

Гэри Селдон молчал. Он ждал, пока установится тишина.

О.: Свести к минимуму последствия упадка.

В.: Точнее. Что вы имеете в виду?

О.: Объяснить просто. Будущее разрушение Трентора — не изолированный процесс, отдельный от всей истории человечества. Оно станет кульминацией сложной драматической коллизии, возникшей несколько столетий назад, развитие которой все ускоряется. Я имею в виду, господа, полный упадок и распад Галактической Империи.

Шепот в зале перерос в возмущенный гул.

— Значит, вы открыто заявляете, что... — воскликнул судья.

Но его слова потонули в общем крике: «Измена!»

Председатель поднял молоток и ударил в гонг. В аудитории постепенно восстановилась тишина. Судья глубоко вздохнул и продолжил допрос.

В. (театрально-торжественно): Осознаете ли вы, доктор Селдон, что говорите об Империи, история которой насчитывает двенадцать тысячелетий, за плечами которой превратности судьбы многих и многих поколений...

О.: Осознаю. Мне известно как теперешнее состояние Империи, так и ее прошлое. Не желая оскорбить кого-либо из присутствующих, скажу, что мне все это известно лучше, чем многим другим.

В.: И вы предсказываете разрушение всей Империи?

О.: Мое предсказание основано на математических расчетах. Здесь нет никаких личных суждений. Я и сам не рад, что все так складывается. Даже если предположить, что Империя плоха на сегодняшний день, состояние анархии, которое неизбежно наступит в ней после распада, будет во много раз хуже. Именно с угрозой анархии и призван бороться мой проект. Падение Империи, господа, — катастрофа, и противостоять ей чрезвычайно трудно. Империей правит бюрократия, власть которой все более усиливается. Всякая инициатива снизу пресекается, воздвигаются кастовые барьеры, задыхается научный поиск, и прочее, и прочее. Все это продолжается уже много веков. Повторяю, это слишком непостижимый и грандиозный процесс для того, чтобы его остановить.

В.: Но разве не известно всем и каждому, что именно сейчас Империя сильна, как никогда?!

О.: Впечатление обманчиво. Господин судья, гнилое дерево кажется нам сильным и здоровым, пока молния не расколет его пополам. Порывы грозового ветра в ветвях дерева Империи уже слышны. Прислушайтесь — и вы услышите, как оно потрескивает.

В. (не слишком уверенно): Мы здесь не для того, мистер Селдон, чтобы выслушивать ваши...

О. (решительно): Империя исчезнет, и все блага, что были созданы за время ее существования, исчезнут вместе с ней: знания, установленный порядок вещей... Начнутся бесконечные межзвездные войны, заглохнет межпланетная торговля, уменьшится число людей, отдаленные миры утратят связи с центром Галактики. И ничего с этим нельзя будет поделать.

В. (тихо, почти шепотом): Никогда?

О.: Психоистория, способная предсказать упадок, не умалчивает и о последующих мрачных временах. Империя, господа, как уже говорилось, продержится двенадцать тысяч лет. А период мрака и хаоса продлится не двенадцать, а тридцать тысячелетий. Потом появится Вторая Империя, но в промежутке между нашей цивилизацией и ее возникновением тысячи поколений проживут в хаосе. Вот с чем мы призваны бороться.

В. (оправившись от потрясения): Но вы сами себе противоречите! Ранее вы сказали, что не можете препятствовать разрушению Трентора, то есть, по-видимому, и распаду — так называемому распаду Империи тоже...

О.: А я и не утверждаю, что мы способны противостоять упадку. Но пока еще не поздно попытаться повлиять на продолжительность мрака и хаоса. Есть возможность, господа, свести ее к одному тысячелетию взамен тридцати, если у моей группы будут условия для работы. Мы живем в очень нестабильное время. Огромную, разрушительную массу событий нужно скорректировать немного — совсем немного, но и этого окажется достаточно, чтобы вычеркнуть двадцать девять жутких тысячелетий из истории человечества.

В.: И как вы предполагаете это осуществить?

О.: Путем спасения интеллекта. Знания не могут принадлежать отдельному человеку, даже тысячам людей. Когда рухнет социальный институт Империи, знания разлетятся на миллионы осколков. Отдельные специалисты будут знать многое о немногом. Сами по себе

они станут беспомощными, и знания исчезнут за одно поколение. Но если сейчас мы создадим банк данных всей суммы знаний человечества, они не будут утрачены никогда. Потомки будут строить свою деятельность на готовом фундаменте, им не придется каждый раз открывать все заново. Одно тысячелетие вместо тридцати.

В.: Все это очень...

О.: Тридцать тысяч моих сотрудников с женами и детьми работают над подготовкой «Галактической Энциклопедии». За свою жизнь им этой работы не закончить. Я сам не доживу до выхода первого тома. Но к тому времени, когда Трентор будет разрушен, работа будет завершена и тома Энциклопедии будут в каждой крупной библиотеке по всей Галактике.

Молоток Председателя поднялся и опустился. Гэри Селдон сел на скамью подсудимых рядом с Гаалем, улыбнулся и шепнул:

— Ну, как вам этот спектакль?

— Похоже, вы выиграли. Что же будет теперь?

— Прекратят процесс и постараются заключить со мной частное соглашение.

— Откуда вы знаете?

— Если честно — не знаю. Все зависит от Председателя Комитета. Но его я знаю много лет. Я пытался анализировать его деятельность, хотя психоисторическими методами это делать трудновато. Тем не менее есть надежда...

Глава 7

Аваким подошел, кивнул Гаалю, наклонился к Селдону и что-то шепнул ему на ухо. Раздались возмущенные крики, подбежали охранники и отвели Авакима в сторону. Гааля увели.

На следующий день обстановка в корне переменилась. Селдон и Дорник оказались наедине с пятеркой комитетчиков. Им даже предложили сигары. Селдон закурил, Гааль отказался.

— Наш адвокат отсутствует, — заметил Селдон.

— А сегодня — не судебное заседание, доктор Селдон, — ответил один из членов Комитета. — Мы собрались лишь для того, чтобы обсудить проблемы государственной безопасности.

— А теперь буду говорить я, — мрачно проговорил Линь Чен.

Четверо Комитетчиков торжественно выпрямились. Наступила тишина. Гааль затаил дыхание. Линь — худой, поджарый, угрюмый — выглядел старше своих лет. Он был фактическим правителем Галактики, поскольку ребенок, носивший титул Императора, оставался марионеткой, символом. Правил Галактикой Чен.

— Доктор Селдон, — начал он, — вы нарушили спокойное течение имперской истории. Никто из квадриллионов ныне живущих людей не проживет более столетия. Зачем же нам в таком случае отягощать себе жизнь, гадая о том, что будет через пятьсот лет?

— Ну а я протяну не более пяти, — с улыбкой возразил Селдон. — Однако для меня этот вопрос — первостепенный. Можете считать меня идеалистом. Но я думаю так, потому что считаю себя человеком.

— Не имею ни малейшего желания философствовать. Объясните, почему бы мне просто не избавиться от вас, а вместе с вами — от мифического будущего, отстоящего от нашего времени на пять столетий?

— Неделю назад, — мягко сказал Селдон, — у вас была возможность поступить так, и, вероятно, у вас появился бы шанс — один из десяти, — что вы доживете до конца года. Сегодня такая вероятность составляет один из тысячи.

Селдон стряхнул пепел. Комитетчики заерзали в креслах, зашептались. Веки Чена дрогнули.

— О чем это вы?

— Падение Трентора, — ответил Селдон, сделав глубокую затяжку, — нельзя предотвратить никакими волевыми усилиями. А вот ускорить — легко. Молва о

судилище надо мной очень быстро разнесется по всей Галактике. Ваш отказ от моих планов предотвратить, смягчить, сократить мучения человечества убедит народы в том, что им не на что надеяться в будущем. Они уже сейчас с тоской вспоминают о том, как жили их предки. Они увидят, что политические революции и промышленные кризисы растут как грибы. В Галактике воцарится ощущение, что только то и ценно, что можно заполучить немедленно. Люди амбициозные ждать не станут, не замедлят и беспринципные. Каждое их деяние будет приближать конец. Казните меня — и крах Трентора наступит не через пятьсот лет и даже не через пятьдесят, а ваш собственный — через год, а то и раньше.

— Этим пугайте младенцев, — буркнул Чен. — Однако ваша казнь — не единственный выход.

Он оторвал свою сухую ладонь от бумаг, на которых она покоилась. Только два пальца остались лежать поверх первого листа.

— Скажите, — спросил он, глядя мимо Селдона, — действительно ли вся деятельность вашей группы заключается, как вы утверждаете, в подготовке Энциклопедии?

— Чистая правда.

— Это обязательно должно происходить на Тренторе?

— Трентор, мой Господин, располагает уникальной Имперской Библиотекой и материалами, собранными нами в Университете.

— Тем не менее. Если бы вы работали в любом другом месте, скажем, на планете, где бы вас не отвлекала суета метрополии, где бы ваши сотрудники могли целиком и полностью отдаться работе, — разве это не лучше?

— Не исключено.

— Прекрасно. Тогда позвольте сообщить вам, что такое место найдено. Трудитесь там спокойно, доктор, вместе со своими коллегами. Галактике будет известно, что вы упорно работаете и боретесь с упадком.

Чен улыбнулся:

— А поскольку сам я не верю во многое из того, в чем должен убеждать других, мне не составит особого труда внушить всей Галактике мысль о возможности упадка, в который сам не верю ни на йоту. А вы, доктор, перестанете досаждать Трентору и Империи. Альтернатива — ваша казнь. И не только ваша. Угрозы меня не пугают. Итак, у вас есть возможность в течение пяти минут выбрать между ссылкой и казнью.

— А какая планета избрана, мой Господин? — осведомился Селдон.

— Если не ошибаюсь, она называется Терминус. — Чен перелистал страницы, выбрал одну и повернул ее к Селдону. — Она необитаема, но пригодна для жизни. Правда, она несколько удалена...

— Она на краю Галактики! — прервал его Селдон.

— Я и говорю — несколько удалена. Вам это поможет полностью сконцентрироваться на работе. У вас осталось две минуты.

— Но нам потребуется время для организации переезда. Нам придется вывезти двадцать тысяч семей.

— Время у вас будет.

Селдон думал. Последняя минута шла на убыль. Наконец он решился:

— Я выбираю ссылку.

При этих словах замершее сердце Гааля вновь забилось. Он ощутил естественную радость человека, избежавшего смерти. Однако к этому чувству примешивалась доля огорчения — Селдон проиграл...

Глава 8

Такси неслось по темным туннелям к Университету. Всю дорогу они молчали. Наконец Гааль спросил:

— То, что вы сказали Председателю Комитета, — правда? Действительно ли ваша казнь ускорила бы упадок?

— Я никогда не шучу с выводами психоисторических исследований, — улыбнулся Селдон. — В данном случае тоже. И Чен знает, что я прав. Он — тонкий и умный политик, а политики по роду своей деятельности инстинктивно чувствуют верность психоисторических выводов.

— Значит, им было нужно, чтобы вы выбрали ссылку?! — воскликнул Гааль. Селдон промолчал.

Когда такси опустилось на площадь перед Университетом, Гааля вдруг охватила страшная слабость. Селдон помог ему выбраться из такси и повел под руку.

Здание Университета сверкало так, что Гааль на мгновение забыл, что существует солнце. А ведь Университет стоял не под открытым небом. Его строения были покрыты огромным куполом из какого-то прозрачного материала. Материал был, видимо, поляризован, поэтому его блеск не слепил глаза.

Университетский комплекс выгодно отличался от остальных серо-стальных зданий Трентора. Цвет его построек был скорее серебристым. Металл отливал мягким сиянием слоновой кости.

Селдон шепнул:

— Похоже, солдаты.

— Что?

Взгляд Гааля опустился с небес на землю, и он увидел патруль.

Капитан обратился к ним низким, хорошо поставленным голосом военного:

— Доктор Селдон?

— Да.

— Мы ждали вас. Вы и ваши сотрудники с этого момента — на военном положении. Я уполномочен проинформировать вас о том, что на приготовления к отлету на Терминус вам дается полгода.

— Всего полгода! — воскликнул Гааль, но пальцы Селдона мягко сжали его локоть.

— Таковы инструкции, — подвел черту капитан.

Он удалился во главе патруля, а Гааль повернулся к Селдону:

— Но как? Что можно успеть за шесть месяцев? Это же медленная казнь!

— Спокойно, спокойно. Пройдемте ко мне в кабинет.

Кабинет был небольшой, но надежно защищенный от шпионажа. Лучи-шпионы, натыкавшиеся на его стены, не встречали ни подозрительной тишины, ни тем более подозрительного отсутствия движения. Наоборот, они улавливали беседу, состоящую из совершенно невинных фраз, произносившихся разными голосами.

— Ну, — вздохнул облегченно Селдон, — все хорошо. Шести месяцев нам хватит за глаза.

— Непонятно как!

— Мальчик мой, при таком плане, как у нас, даже Комитет, сам того не зная, нам помогает. Я ведь уже говорил вам, что стереотип поведения Чена мы изучили досконально. Процесс не начался бы до тех пор, пока в нашу пользу не сработали бы обстоятельства и время!

— Но как вы могли хотеть...

— Ссылку на Терминус? А почему бы и нет?

Селдон надавил пальцами на крышку стола, и часть стены у него за спиной отъехала в сторону.

— Там — видеотека. Возьмите ящичек на букву Т.

Гааль достал ящичек, подал его Селдону, тот вынул кассету и вставил ее в миниатюрный проектор. Перед глазами Гааля замелькали кадры фильма.

— Как же это... — пробормотал он.

— Что вас так удивляет?

— Вы... два года готовились к перелету?

— Точнее — два с половиной. Мы, конечно, не были уверены, что Чен выберет именно Терминус, но надеялись, что будет именно так.

— Но почему, доктор Селдон? Зачем вам ссылка? Разве не легче было бы остаться здесь, на Тренторе?

— Ну, есть целый ряд причин. Работая на Термину-

се, мы заручаемся поддержкой Империи, которая больше не считает, что мы угрожаем ее безопасности.

— Но ведь вы сами вызвали эти опасения, для того чтобы отправиться в ссылку. Нет, не понимаю.

— Но согласитесь, двадцать тысяч семей по своей воле на край Галактики не полетят?

— Разве у вас есть право их вынуждать? Или я не должен этого знать?

— Пока — нет, — спокойно отозвался Селдон. — Пока достаточно того, что вы знаете: на Терминусе будет основано научное убежище. А на другом краю Галактики — еще одно, такое же.

Он улыбнулся:

— Что же до остального, то могу сообщить вам, что сам я скоро отправлюсь в мир иной, и вы увидите и узнаете больше, чем я. Ну-ну, не надо так переживать. Доктора говорят, что я протяну еще год, максимум — два. Так или иначе — я успел завершить то, к чему стремился.

— А... после вашей смерти, сэр?

— Ну, у меня будут последователи — возможно, даже вы. Именно им будет суждено поставить последнюю точку в разработанной схеме и спровоцировать Анакреонский бунт в нужное время и именно так, как надо. После этого все пойдет своим чередом.

— Не понимаю...

— Поймете.

Селдон устало сгорбился.

— Большинство улетит на Терминус, — промолвил он вполголоса. — Но кое-кто останется. Это будет легко устроить. Но что касается меня, — закончил он шепотом, так что Гааль едва расслышал последние слова, — то мне... конец.

ЧАСТЬ II

ЭНЦИКЛОПЕДИСТЫ

Глава 1

ТЕРМИНУС — *...отдаленное расположение планеты может вызвать законное удивление, если учесть роль, отведенную ей в истории Галактики. Однако в этом, как отмечают многочисленные авторы, была историческая неизбежность. Находящаяся на самом краю галактической спирали, планета Терминус — единственный спутник небольшой звезды, бедная полезными ископаемыми, не представлявшая никакой ценности с экономической точки зрения, была необитаема с момента ее открытия до высадки энциклопедистов...*

...Когда выросло новое поколение — потомки первых переселенцев с Трентора, Терминус приобрел значение гораздо большее, чем убежище психоисториков. С начала Анакреонского бунта и прихода к власти Сальвора Гардина...

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Время было позднее, но Льюис Пирен продолжал работать, склонившись над кипой бумаг при свете настольной лампы.

...Прошло пятьдесят лет после высадки на Терминус и создания поселения энциклопедистов — первой Академии. За это время был собран колоссальный подготовительный материал, и через пять лет должен был увидеть свет первый том Энциклопедии — самого внушительного издания в Галактике. А потом — каждые десять лет — том за томом, как часы...

Пирен раздраженно покосился на дверь — звонили. Он забыл о назначенной встрече, с головой уйдя в работу. Пирен нажал кнопку на краю стола, дверь открылась, и в кабинет вошел высокий грузный мужчина — Сальвор Гардин.

Пирен, не отрываясь, продолжал просматривать бумаги. Гардин мысленно улыбнулся. Он спешил, но прекрасно знал, как «гостеприимен» Пирен, когда ему мешают работать. Поэтому он молча уселся в мягкое кресло по другую сторону письменного стола и стал ждать.

Тишину нарушало только поскрипывание авторучки Пирена. Гардин от нечего делать вынул из кармана серебристую монетку, подбросил ее, поймал и снова подбросил. На Терминусе, куда все металлы поступали только по импорту, нержавеющая сталь была единственным средством бартера...

Пирен поднял глаза и часто заморгал.

— Прекратите! — раздраженно выговорил он.

— А?

— Прекратите кидать вашу чертову монету!

— А-а-а...

Гардин убрал монетку в карман.

— Сообщите, когда освободитесь, ладно? Я обещал вернуться на заседание городского Совета к началу голосования по проекту нового водопровода.

Пирен вздохнул и встал из-за стола.

— Валяйте. Очень надеюсь, что вы не станете надоедать мне с городскими делами. Займитесь ими сами, пожалуйста. Все мое время занято Энциклопедией.

— Вы новости слышали?

— Какие именно?

— Самые свежие. Поймали на ультраволнах два часа назад. Правитель Анакреона принял титул короля.

— Ну и что?

— Это означает, что мы отрезаны от центра Империи. Мы ожидали, что это может случиться, но от этого, как говорится, не легче. Анакреон встал на пути нашего последнего оставшегося торгового пути к Сантании, Трентору, Веге. Откуда мы теперь будем получать металлы? Уже полгода нет поступлений стали и алюминия, а теперь и ждать неоткуда, если только не воззвать к милости Его Величества — короля Анакреона.

Пирен нетерпеливо оборвал Гардина:

— В таком случае заключите с ним договор на поставку.

— Каким образом? Послушайте, Пирен: в соответствии с Хартией, подписанной при основании Академии, вся административная власть принадлежит Попечительскому Совету Комиссии по изданию Энциклопедии. У меня как у мэра города Терминуса власти хватит только на то, чтобы самостоятельно высморкаться, не спрашивая ни у кого разрешения, да на то, чтобы чихнуть, если вы соизволите подписать соответствующий приказ. Заключение торговых сделок — прерогатива ваша и вашего Совета. Я обращаюсь к вам от имени города, благосостояние которого зависит от устойчивой торговли с Галактикой. Созовите срочное заседание!

— Хватит! Не надо меня агитировать! Вы забываете, Гардин, что Попечительский Совет не был против установления муниципального правления на Терминусе. Мы считаем это необходимым, поскольку за пятьдесят лет со дня основания Академии население планеты выросло и большинство не занято непосредственной работой над Энциклопедией. Но это вовсе не означает, что первоочередной задачей Академии перестает быть ее создание. Мы — государственное научное учреждение, Гардин! Мы не можем, не должны и не будем вмешиваться в местную политику.

— В местную политику? Да это вопрос жизни и смерти! Наша планета просто погибнет без металлов! И потом — что станет с вашей Энциклопедией, если анакреонский царек вздумает напасть на нас?

— Вы забываете, что мы находимся под защитой самого Императора! Мы не являемся частью префектуры

Анакреон, так же, как и частью любой другой префектуры. Никто не посмеет нас пальцем тронуть. Империя нас не оставит!

— А почему же тогда Империя не помешала захвату власти королем Анакреона? Да разве только Анакреона! Как минимум двадцать отдаленных от центра префектур, то есть практически вся Периферия Галактики теперь независима от Империи. И я абсолютно не уверен, что Империя бросится на нашу защиту!

— Ерунда! Экзархи, тетрархи, короли — какая разница! Как будто раньше не было переворотов! К Империи это не имеет отношения. Хватит об этом, Гардин. Это не наша забота. Мы прежде всего ученые. Наше дело — Энциклопедия. Да, кстати, пока не забыл...

— Да?

— Вы собираетесь разбираться со своей газетенкой?

— Вы имеете в виду еженедельник «Городские Новости»? Он не мой, как вы изволили выразиться. Это частное издание. А что вас не устраивает?

— Уже несколько недель там публикуются призывы к шумному празднованию пятидесятилетия основания Академии.

— А почему бы и нет? Через три месяца сработает механизм радиевых часов и откроется Склеп Селдона. По-моему, это грандиозное событие. А вы так не считаете?

— В любом случае, это не повод для идиотских спектаклей. Открытие Склепа — дело исключительно Совета Попечителей. То, что нужно будет сообщить народу, будет сообщено. Это не подлежит обсуждению. Будьте так добры, изложите это в «Новостях».

— Сожалею, Пирен, но Городская Хартия гарантирует-таки нам такую малость, как свобода печати.

— Хартия — да, но не Совет Попечителей! Я — представитель Императора на Терминусе, Гардин, и обладаю всеми полномочиями...

Было похоже, что Гардин про себя считает до десяти. Наконец он печально проговорил:

— Вот как раз потому, что вы являетесь представителем Императора на Терминусе, у меня есть для вас еще одна новость.

— Опять про Анакреон?

— Да. Через две недели нас посетит чрезвычайный посол Анакреона.

— ???

Пирен сглотнул слюну.

— Это... зачем еще?

Гардин встал и придвинул кресло к столу.

— А вот догадайтесь!

И ушел не простившись.

Глава 2

Ансельм, лорд Родрик, в жилах которого, судя по титулу, текла голубая кровь, вице-префект Плуэмы и чрезвычайный посол Его Величества Короля Анакреона, носитель еще двенадцати различных титулов, был встречен Сальвором Гардином в космопорту с подобающим случаю ритуалом.

С легким поклоном и натянутой улыбкой вице-префект вынул из кобуры свой бластер и вручил его Гардину. Гардин церемонно передал ему свой, специально для этого захваченный. Тем самым были продемонстрированы добрые намерения. И хотя правое плечо лорда Родрика как-то странно и подозрительно приподнималось, Гардин сделал вид, что ничего не заметил.

Машина, в сопровождении эскорта других автомобилей, медленно и торжественно тронулась к площади Энциклопедии. По пути посла Анакреона радостно приветствовали жители Терминуса.

Вице-префект отвечал на приветствия сдержанным помахиванием руки — как истинный воин и аристократ.

— Этот город — и есть весь ваш мир? — спросил он Гардина.

— Наш мир молод, Ваше Превосходительство. За нашу короткую историю нас впервые посещает столь высокий гость. Отсюда и энтузиазм жителей, — прямо в ухо прокричал Гардин.

«Высокий гость», не уловив иронии, задумчиво проговорил:

— Поселение основано пятьдесят лет назад... Гм-м-м... В таком случае у вас должно быть полно неразрабатываемой земли. Вы не собираетесь ее раздать под поместья?

— Пока в этом нет необходимости. Мы проживаем очень компактно. Нам нужно близкое взаимодействие. Это связано с работой над Энциклопедией. Возможно, когда-нибудь население станет больше...

— Странный мир! У вас что, нет крестьян?

— Нет, — ответил Гардин непринужденно. — И аристократов тоже нет.

Брови лорда Родрика поползли вверх.

— А... ваш правитель? Тот, с кем я должен встретиться?

— Доктор Пирен? Он Председатель Совета Попечителей и личный представитель Императора.

— Доктор? И больше — никаких титулов? Ученый? И его пост выше, чем ваш?

— Ну конечно, — дружелюбно ответил Гардин. — Да мы здесь все более или менее ученые. Ведь мы не просто — страна, мы — научное учреждение в личном ведении Императора.

Последние слова он произнес несколько подчеркнуто. Видно было, что вице-префекту они явно не по душе. Всю остальную дорогу он молчал.

Гардин жутко устал за вторую половину дня, особенно — за вечер, но его, по крайней мере, утешало то, что Пирен и лорд Родрик совсем неплохо поладили между собой.

Лорд Родрик тупо посматривал по сторонам, когда Пирен таскал его на «обзорную экскурсию» по Дворцу Энциклопедии. С любезной, но дежурной улыбкой он слушал торопливые объяснения Пирена, пока тот водил его по громадным хранилищам микрофильмов и бесконечным кинозалам.

В конце концов он начал зевать и глубокомысленно изрек:

— Все это очень интересно. Но... очень странное занятие для взрослых людей. Какая в этом польза?

Пирен от удивления только рот раскрыл...

За обедом же лорд Родрик монополизировал беседу, с мельчайшими подробностями и оживленнейшей жестикуляцией описывая свои боевые подвиги во время недавней войны между Анакреоном и соседним новоиспеченным королевством — Смирной.

Рассказ затягивался... Прием подходил к концу, а лорд Родрик, подогретый вином, все говорил и говорил... Мало-помалу присутствовавшие на обеде официальные лица разошлись. Последний, самый сногсшибательный рассказ — о разбитых всмятку смирнианских звездолетах — лорд Родрик закончил, выходя в сопровождении Гардина и Пирена на балкон под солнечные вечерние лучи.

— Ну а теперь, — сказал он с напускной непринужденностью, — давайте перейдем к более серьезным делам.

— Пора бы, — буркнул себе под нос Гардин, закуривая длинную веганскую сигару и с грустью отмечая, как мало их осталось.

— Ну конечно, — сказал вице-префект, устраиваясь в кресле, — все формальные переговоры, подписание документов и прочую нудятину мы оставим на завтра, когда ваш... Как вы называете ваше правительство?

— Совет Попечителей, — холодно отозвался Пирен.

— Странное название... Ну ладно, все равно — на завтра. А пока переговорим лично.

— Это означает... — проговорил Гардин, выпуская колечко дыма.

— Это означает вот что. Ситуация здесь, на Периферии, мягко говоря, несколько изменилась, и статус вашей планеты вызывает некоторые сомнения. Было бы неплохо, если бы мы достигли взаимопонимания в этом вопросе. Кстати, мэр, не найдется ли у вас еще сигары?

Гардин протянул ему коробку.

Лорд Родрик повертел сигару и восхищенно пощелкал языком.

— Веганский табак! Откуда?

— Из последней партии. Уже почти не осталось. Кто знает — когда еще прибудут. И прибудут ли вообще.

Пирен нахмурился. Он не курил и не любил, когда курили при нем.

— Позвольте поинтересоваться, Ваше Превосходительство. Ваша миссия заключается только в ознакомлении с Терминусом?

Сделав несколько глубоких затяжек, лорд Родрик кивнул.

— В таком случае ваш визит не займет много времени. Статус Терминуса и первой Академии такой же, как он был всегда.

— Да? А каким он был всегда?

— А вот каким: мы являемся государственным научным учреждением в личном ведении Его Августейшего Величества Императора.

Похоже было, что это заявление Пирена на вице-префекта особого впечатления не произвело. Он продолжал пускать дымные кольца.

— Очень мило, доктор Пирен. Догадываюсь, что у вас имеются на то соответствующие бумаги с императорской печатью. Но какова реальная ситуация? Как, например, насчет Смирны? Ее столица всего в пятидесяти парсеках от вас, а то и меньше. Как насчет Конома и Дарибо?

Пирен сердито ответил:

— Нам нет никакого дела до других префектур. Как учреждение, находящееся в личном ведении...

— Это не префектуры, — заметил лорд Родрик. — Это теперь королевства.

— Ну хорошо, пускай королевства. Все равно нам до них дела нет. Как научное учреждение...

— К дьяволу вашу науку! — по-солдафонски рявкнул лорд Родрик. — К чему она вам, когда Смирна в любой момент может захватить Терминус?

— А вы думаете, что в такой ситуации Император будет сидеть сложа руки?

Лорд Родрик немного поостыл.

— Ладно, ладно, доктор Пирен... Вы почитаете Императора, его собственность, его владения. Анакреон тоже. А вот Смирна запросто может пренебречь! Кстати, мы только что подписали соглашение с Императором, и завтра я буду иметь честь представить вашему Совету его копию. В нем, кстати, содержится пункт о том, что на нас возлагается ответственность за сохранение целостности границ древней префектуры Анакреон с санкции Императора. По-моему, все ясно.

— Ясно. Но Терминус не является частью префектуры Анакреон!

— А Смирна...

— И частью префектуры Смирна тоже не является! Терминус — сам по себе.

— А в Смирне знают об этом?

— Мне безразлично, знают ли там!

— А нам нет! Мы решили прекратить войну, но они, черт бы их побрал, до сих пор удерживают две звездные системы, исконно принадлежащие Анакреону. Ваш Терминус представляет собой важную стратегическую точку между двумя королевствами.

Гардину надоела перепалка, и он вмешался в разговор:

— Какие у вас предложения, Ваше Превосходительство?

Видимо, к этому моменту вице-префект исчерпал запас красноречия и был рад перейти к более конструктивной беседе. Он с готовностью откликнулся:

— Мы считаем совершенно очевидным, что Терминус сам себя защитить не в состоянии, поэтому — что вполне естественно — его и себя должен защитить Анакреон. А в ваши внутренние дела мы вмешиваться не намерены.

Гардин понимающе кивнул.

— Мы считаем, что вы не меньше нас заинтересованы в размещении на Терминусе военной базы Анакреона.

— И это все, чего вы хотите, — разместить военную базу на незанятом участке земли?

— Ну... в общем... возникает вопрос, как обеспечить контингент базы всем необходимым для жизни.

Гардин, до этого беспечно раскачивающийся в кресле-качалке, остановился и, наклонившись вперед, сжал под подбородком кулаки.

— Вот мы и добрались до самого главного... Давайте назовем вещи своими именами. Терминус должен стать протекторатом и платить дань.

— Почему «дань»? Нормальная оплата. Мы вас защищаем — вы за это платите!

Пирен с размаху стукнул кулаком по ручке кресла.

— Дайте-ка мне сказать, Гардин. Ваше Превосходительство, что касается меня, то все ваши Анакреоны, Смирны, ваши дурацкие войны гроша ломаного не стоят! Я еще раз повторяю, что вы находитесь в государственном, не облагаемом налогами научном учреждении и имеете честь беседовать с личным представителем...

— Его Августейшего Величества Императора, — насмешливо закончил лорд Родрик. — А я, если позволите, личный представитель короля Анакреона. А Анакреон находится чуть-чуть поближе, не правда ли, доктор Пирен?

— Давайте вернемся к делу, — поспешил вмешаться Гардин. — В каком виде вы думаете получать оплату, Ваше Превосходительство? Какими товарами — пшеницей, картофелем, овощами, скотом?

Вице-префект злобно уставился на него.

— Какого дьявола? У нас этого полно! Золото нам нужно. А лучше — хром или ванадий, если они у вас есть.

Гардин расхохотался:

— Ванадий! Да у нас даже железа нет ни крошки! Золото! Да вы взгляните на нашу разменную монету! — Он подал послу монетку. Лорд Родрик поднес ее поближе к глазам и изумился:

— Сталь?

— Вот именно.

— Но я не понимаю...

— На Терминусе практически нет металлов. Мы их импортируем. Разумеется, у нас нет и золота, и все, что мы можем вам предложить, — несколько тысяч бушелей картофеля!

— А... промышленная продукция?

— А станки, простите, из чего делают?

Наступила пауза. Пирен попытался вмешаться:

— Весь разговор представляется мне совершенно бессмысленным. Терминус — не просто планета, а научное учреждение, занятое подготовкой к изданию колоссального труда — Энциклопедии. Послушайте, неужели у вас нет никакого уважения к науке?

— С Энциклопедией под мышкой войн не выиграешь! — парировал лорд Родрик. И, нахмурившись, добавил: — Значит, вы ничего не производите? А свободной земли — хоть отбавляй! Тогда... расплачивайтесь землей!

— Что вы имеете в виду? — удивился Пирен.

— У вас полно незанятой и, наверное, плодородной земли. На Анакреоне найдется немало аристократов,

которые будут не против прибавить ваши угодья к своим поместьям.

— Кто дал вам право делать нам такие предложения?

— Не переживайте так, доктор Пирен. Хватит на всех. Если все наладится и вы станете с нами сотрудничать, все устроится. Никто не пострадает. И ваши люди получат поместья. И титулы, кстати. Надеюсь, вы меня понимаете?

— Искренне признателен, — процедил сквозь зубы Пирен.

Глядя в одну точку, Гардин изрек:

— А не мог бы Анакреон, в свою очередь, обеспечить нас необходимым количеством плутония для нашей атомной электростанции? У нас запасов осталось только на ближайшие несколько лет.

Пирен кашлянул и заерзал в кресле. Возникла неловкая пауза. Наконец лорд Родрик изменил тон:

— А у вас, простите, атомная энергия имеется?

— Ну конечно, — небрежно отозвался Гардин. — Уже пятьдесят тысячелетий все человечество пользуется атомной энергией. Удобная штука, знаете ли. Вот только плутоний добывать стало трудновато...

— Ну да, ну да... — закивал головой лорд Родрик и неожиданно выпалил: — Джентльмены, давайте вернемся к этому вопросу завтра. Прошу меня простить...

Он встал и торжественно удалился. Пирен, проводив его взглядом, пробормотал вслед:

— Непробиваемый, тупоголовый осел!

— Да нет... — перебил его Гардин. — Просто — продукт своего общества, в котором отношения с людьми строятся по принципу: «Я — начальник, ты — дурак. Ты — начальник, я — дурак». Вот и все.

Пирен возмущенно взглянул на него.

— А вы-то, вы-то хороши! Какого черта вы болтали обо всей этой чепухе — военных базах, оплате? Вы в своем уме?

— Вполне. Я просто дал ему возможность выложить

все, о чем он думал. Вот он и проговорился насчет истинной цели своего визита — основать на Терминусе поместья для анакреонской знати. И, естественно, я не позволю ему этого.

— Вы не позволите! Вы! Да кто вы такой? И как у вас хватило наглости проболтаться про нашу атомную электростанцию! И этого достаточно, чтобы нас держали под прицелом!

— Но только не под прицелом, а совсем наоборот. Вы не догадались, зачем я завел этот разговор? Я просто проверил свое давнее предположение.

— Какое?

— Я предполагал, что на Анакреоне больше не существует атомной энергетики. Если бы я ошибался, наш высокий гость непременно заметил бы, что плутоний давным-давно не используется в качестве сырья. А это означает, что атомной энергетики нет на всей Периферии. Нет ее и на Смирне, иначе Анакреон проиграл бы войну. Интересно, не правда ли?

— Потрясающе! — восхищенно воскликнул Пирен, а Гардин только улыбнулся в ответ. Он выбросил окурок сигары и поднял взгляд к ночному небу.

— Они пользуются бензином и углем, не иначе!

...И больше он не сказал ничего, хотя ясно было, что ему еще есть что сказать...

Глава 3

Сказав Пирену, что он не является хозяином «Городских Новостей», Гардин был прав лишь отчасти. Как инициатора и лидера движения за превращение Терминуса в автономный муниципалитет Гардина избрали первым мэром Терминуса. И не имея ни одной акции еженедельника, он фактически контролировал это издание процентов на шестьдесят...

Поэтому неудивительно, что, когда Гардин обра-

тился к Пирену с просьбой разрешить ему посещать заседания Совета Попечителей, еженедельник развернул целую кампанию. Так состоялось беспрецедентное заседание в истории Академии, во время которого было высказано требование включить представителей городского населения в «национальное» правительство. И, естественно, Пирен любезно согласился...

Сидя в конце стола президиума, Гардин размышлял о том, почему из ученых получаются такие плохие администраторы. Видимо, думал он, потому, что они привыкли иметь дело с фактами, а не с живыми людьми.

Слева от него сидели Томасс Сатт и Джорд Фара, а справа — Лундин Краст и Йет Фулхэм. Он был давно с ними знаком, но сегодня все выглядели несколько помпезно.

Пока звучали первые формальные фразы, Гардин дремал и встрепенулся только тогда, когда Пирен глянул в его сторону и обратился, по-видимому, в основном к нему:

— Я с удовлетворением сообщаю вам, что за время, прошедшее с нашего последнего заседания, я получил послание от лорда Дорвина, имперского канцлера, о том, что он собирается посетить Терминус через две недели. Из этого следует, что наши отношения с Анакреоном смягчатся и станут выгодными для нас, как только Император будет проинформирован о сложившейся ситуации.

Он послал Гардину ослепительную улыбку с другого конца стола.

— Информация об этом передана в «Новости». — Гардин усмехнулся про себя. Складывалось впечатление, что Пирен только для того и согласился допустить его в «святая святых», чтобы выложить это. Он спокойно сказал:

— Я не собираюсь выражать восторгов по этому поводу. Скажите мне только, чего вы ждете от визита лорда Дорвина?

Ответил ему Томасс Сатт. У него была дурная манера говорить о присутствующих в третьем лице:

— Я давно убедился в том, что мэр Гардин — профессиональный циник. Но ему придется согласиться с тем, что Император не позволит задеть свои интересы!

— Да? И что же он предпримет, если они будут задеты?

Советники зашумели.

— Я вам слова не давал! — вмешался Пирен. — И к тому же вы позволяете себе высказывания откровенно изменнического характера!

— Я должен считать, что получил ответ на свой вопрос?

— Да! И если вам больше нечего сказать...

— Вы торопитесь с выводами. Мне бы хотелось задать еще один вопрос. Помимо этого тонкого дипломатического хода, что еще было предпринято в ответ на угрозу Анакреона?

Йет Фулхэм поскреб рыжие пиратские усы.

— А вы полагаете, что угроза существует?

— А вы — нет?

— Вряд ли... — подняв глаза к потолку, протянул Фулхэм. — Император...

— О боже! — всплеснул руками Гардин. — Да что же это такое? Все говорят: «Император, Империя», — как будто заклинание!

Император от нас в пятидесяти тысячах парсеков, и я очень сомневаюсь, что ему до нас есть дело. Да если и так, чем он может нам помочь? Все корабли имперского флота теперь в руках Четырех Королевств, и Анакреона в том числе. Послушайте, нам придется сражаться оружием, а не разговорами!

И вот еще что. У нас было два месяца. Мы дали Анакреону понять, что у нас в руках атомное оружие. Но мы-то с вами отлично знаем, что это не так. У нас есть атомная энергия, да и та — на исходе. И об этом узнают. Ес-

ли думаете, что они позволят долго водить себя за нос, то глубоко заблуждаетесь.

— Многоуважаемый...

— Подождите, я еще не закончил! — Гардин сам чувствовал, что разошелся не на шутку, но продолжал в том же духе:

— Как мило, что в это дело вмешивается канцлер. Но было бы гораздо лучше, если бы нам удалось обеспечить себя атомным оружием. Мы уже два месяца потеряли. Боюсь, что времени у нас просто не осталось. Что вы намерены предпринять?

Ему ответил Лундин Краст, сердито морща длинный нос:

— Если речь о милитаризации Академии, я не желаю далее слышать об этом! Это — открытая политическая акция. А мы, господин мэр, научное учреждение и ничто иное.

Сатт добавил:

— Да он, помимо всего прочего, не понимает, что создание оружия отвлечет людей, ценных сотрудников, от подготовки Энциклопедии. Этого нельзя допустить, что бы ни происходило!

— Совершенно верно, — подтвердил Пирен. — Прежде всего и всегда — Энциклопедия.

Гардин мысленно простонал.

«Они все больны, — думал он, — болезнь называется — энциклопедист». Вслух же он холодно произнес:

— Видимо, уважаемому Совету просто никогда в голову не приходило, что у Терминуса могут быть другие интересы, помимо Энциклопедии.

Пирен буркнул:

— У Академии нет и не может быть других интересов.

— Я не об Академии. Я — о Терминусе. Боюсь, вы сильно недооцениваете ситуацию. Нас на Терминусе — почти миллион. Непосредственно над Энциклопедией работает не более ста пятидесяти тысяч человек. Для остальных Терминус — дом. Мы родились здесь. Наши

фермы, дома, фабрики значат для нас больше, чем Энциклопедия. Разве не естественно, что мы хотим все это защитить?

Его последние слова потонули в общем крике.

— Энциклопедия превыше всего! — рявкнул Краст. — Мы исполняем великую миссию!

— Миссию, будь она неладна! — воскликнул Гардин. — Да, это было так пятьдесят лет назад! Теперь здесь живет новое поколение!

— Нас это не должно волновать, — упорствовал Пирен. — Мы — ученые.

Тут уж Гардин взорвался окончательно:

— Да ну? А у вас, случаем, не галлюцинация? Ваша возня здесь — потрясающий пример того, что происходит в Галактике в последние тысячелетия! Какой же «наукой» вы занимаетесь и собираетесь заниматься еще века? Классификация работ ученых прошедших веков? А вам никогда не хотелось сделать шаг вперед и развить научную мысль? Нет! Вам нравится загнивать. Вместе со всей Галактикой. Вот почему Периферия бунтует. Вот почему рвутся нити коммуникаций, вот почему тянутся бесконечные войны, вот почему целые звездные системы от атомной энергии возвращаются к варварским методам энергетического обеспечения. Так вот, если вас интересует мое мнение, я скажу: Галактика на грани распада!

Он замолчал и откинулся в кресле, чтобы перевести дыхание.

Ему пытались ответить сразу двое или трое. В конце концов слово взял Краст:

— Не понимаю, чего вы добиваетесь своими истерическими выпадами, господин мэр. Совершенно очевидно, что ваше участие в дискуссии неконструктивно. Я предлагаю, господин Председатель, чтобы сказанное господином мэром в протокол не вносилось и чтобы мы вернулись к обсуждению с того момента, когда оно было прервано.

Тогда заговорил Джорд Фара, который до сих пор хранил молчание. Его немалому весу вполне соответствовал солидный бас.

— А не забыли ли мы кое о чем, господа?

— О чем? — удивился Пирен.

— О том, что через месяц мы празднуем нашу пятидесятую годовщину.

— И что же?

— А то, что в день юбилея будет раскрыт Склеп Гэри Селдона. Вам никогда не приходило в голову, что окажется в этом Склепе?

— Не знаю... — пожал плечами Пирен. — Скорее всего, ничего из ряда вон выходящего. Поздравление с юбилеем, наверное. Не думаю, что этому стоит придавать большое значение, хотя «Городские Новости», — тут он выразительно глянул на Гардина, — посвятили этому целый номер. Но я запретил выпуск.

— А-га... — протянул Фара, глядя в потолок. — А зря, пожалуй. Вряд ли раскрытие Склепа приходится на очень подходящий момент.

— Вы хотите сказать «на очень неподходящий момент», — пробормотал Фулхэм. — У нас и без того достаточно причин для беспокойства.

— Что может быть важнее послания от Гэри Селдона? — Фара становился все более важным и загадочным. Гардин с интересом изучал его мясистую физиономию и думал, куда тот клонит.

— Видите ли, — оживился Фара, — такое впечатление складывается, будто все забыли, что Селдон был величайшим психологом нашего времени и основателем Академии. Мне представляется весьма вероятным, что он пользовался наукой для прогнозирования возможного течения истории на ближайшее будущее. Если так, а скорее всего это именно так, он, конечно же, предусмотрел, как предупредить нас об опасности, и скорее всего предусмотрел и то, как этой опасности избежать. Энциклопедия была дорога его сердцу, вам это не хуже меня известно.

Наступила напряженная пауза. Наконец Пирен хмыкнул:

— Ну... я не знаю... Психология, конечно, великая наука — кто с этим спорит? Думаю, вы уводите нас в сторону.

Фара, не обращая внимания на слова Пирена, обратился к Гардину:

— Если не ошибаюсь, вы изучали психологию у Алурина?

— Да, — улыбнулся Гардин. — Но, честно признаться, я не был примерным учеником. Теория казалась мне скучноватой. Меня интересовала инженерная психология, но без практики я почел за лучшее заняться политикой. Что, в конечном счете, одно и то же.

— Ну и как вы думаете, что в Склепе?

— Не знаю, — честно ответил Гардин.

До конца заседания он не произнес ни слова, хотя разговор опять вернулся к визиту канцлера. Он не говорил и больше не слушал. Мысли его потекли в другом направлении. Все, что прежде поддавалось логике, теперь распадалось на куски. Он пытался собрать эти куски, как части головоломки, в единое целое.

Ключом была психология — теперь он в этом уверен.

Он отчаянно вспоминал то, что изучал когда-то, и выудил наконец на свет божий ниточку, за которую можно было ухватиться.

Такой великий психолог, как Селдон, достаточно хорошо разбирался в людских эмоциях и поведении, чтобы прогнозировать будущее.

А это значило... О-го-го!

Глава 4

Гардину лорд Дорвин сразу не понравился. Он нюхал табак и свои длинные, изящно завитые локоны то и дело накручивал на пальцы. Речь его отличалась исключительной изысканностью и грассированием.

Но неприязнь Гардина он вызвал не всем вышеперечисленным. Виной тому были подчеркнуто элегантные манеры и снисходительность, с которой он выслушивал любую фразу Гардина.

Как бы то ни было, Гардину срочно нужно было отыскать канцлера, который исчез вместе с Пиреном полчаса назад, точно испарился, будь он неладен.

Гардин торопился. Он прекрасно понимал, что Пирена как нельзя лучше устраивает его отсутствие во время предварительных переговоров.

Пирена видели на этом этаже, в этом крыле. Что ж, придется просто открывать все двери подряд — чем он и занялся. Как ни странно, ему быстро повезло.

В затемненной комнате на фоне освещенного экрана Гардин увидел профиль лорда Дорвина — из-за замысловатой прически его невозможно было спутать.

Канцлер обернулся к двери.

— А, Гавдин! Вы нас вазыскивали, да?

Он протянул Гардину кустарную табакерку с препакостным табаком. Гардин вежливо отказался, а лорд Дорвин сделал понюшку и заулыбался.

Пирен нахмурился, но Гардин сделал вид, что ничего не замечает.

В тишине раздался стук крышечки табакерки. Канцлер отставил ее в сторону и изрек:

— Пвосто потвясающее достижение, Гавдин, — эта ваша Энциклопедия. Я бы сказал — одно из самых потвясающих достижений всех ввемен и наводов.

— Мы тоже так считаем, милорд. Но работа еще не закончена.

— Я не так много успел посмответь, но совевшенно не сомневаюсь, что вабота идет успешно. Очень успешно, не боюсь утвевждать.

Он улыбнулся Пирену, и тот ответил ему почтительным кивком.

«Ну просто праздник любви», — подумал Гардин, а вслух сказал:

— А я, милорд, вовсе не хотел сказать, что работа плохо продвигается. Я просто подчеркнул, что так же неплохо продвигается деятельность Анакреона, которая может перечеркнуть всю нашу работу.

— О да, Анаквеон... Я только что оттуда. Совевшенно ваввавсĸая планета. Вообще твудно пведставить, как тут, на Певифевии, живут люди. Они лишены элементавных удобств, пвиспособлений, необходимых для жизни любому культувному человеку! Никакого комфовта!

Гардин сухо перебил его:

— К сожалению, анакреонцы обладают всем необходимым для ведения войны и кучей приспособлений для нападения и разрушения.

— Ну да, ну да...

Лорду Дорвину явно не понравилось, что его прервали на полуслове.

— Только мы сейчас пво дела гововить не будем. Хотя это очень, очень меня твогает. Доктов Пивен, вы, кажется, хотели пводемонствивовать мне втовой том? Будьте добвы...

Свет погас. Следующие полчаса о Гардине не вспоминали, как будто он находился не здесь, рядом, а на Анакреоне или где подальше. У него не было никакого желания углубляться в перелистываемую на экране книгу, а вот лорд Дорвин то и дело высказывал искреннее восхищение.

Когда вновь вспыхнул свет, лорд Дорвин поинтересовался:

— А интевесно узнать, вы, случайно, не интевесуетесь авхеологией, Гавдин?

— Как вы сказали? А... Нет, милорд. Не могу сказать, чтобы очень интересовался. Я учился на психолога, а стал политиком.

— Ну это вы звя, звя... Потвясающе интевесные исследования. Сам я, пвизнаться, пвосто без ума от авхеологии!

— Да что вы?

— Его Превосходительство, — вмешался Пирен, — большой специалист в этой области.

— Навевное, навевное, так, — смущенно, но не без гордости проговорил лорд Дорвин. — Я очень, очень много ваботал над этой наукой. Пвочитал все, что только можно. Все ваботы Джовдана, Квомвилля, ну, в общем, много кого.

— Фамилии мне знакомы, — сказал Гардин. — Но читать — не читал.

— Непвеменно, непвеменно почитайте, мой довогой! Вам понвавится, очень понвавится! Я почему так обвадовался, что меня послали сюда, на Певифевию, — здесь я мог ознакомиться с копией ваботы Ламета. Вы не повевите, но у меня в библиотеке нет этой ваботы. Кстати, доктов Пивен, вы не забыли, что обещали мне скопивовать ее?

— Это моя святая обязанность.

— Ламет, должен вам сказать, — произнес лорд Дорвин торжественно, — во многом пволивает свет на «Основной вопвос».

— Какой вопрос? — поинтересовался Гардин.

— «Основной вопвос». Вопвос о пвоисхождении человечества. Вы навевняка знаете, что было вввемя, когда думали, что человечество сначала пвоживало в единственной планетавной системе?

— Да, мне это известно.

— Конечно, никто не знает навевное, что это была за система. Знания утвачены в туманной двевности. Есть, однако, кое-какие пведположения. Некотовые гововят, что это мог быть Сивиус. Двугие утвевждают, что это была Альфа Центавва, тветьи — что Солнце, четвевтые — 61-я Лебедя. Но, обватите внимание — все системы в сектове Сивиуса!

— Ну а Ламет что говорит?

— У него совевшенно двугой подход! Он утвевждает, что авхеологические находки на тветьей планете

системы Авктува неопвовевжимо доказывают, что человечество пвоживало там в докосмическую эву.

— Это что же означает, что человечество зародилось именно на этой планете?

— Навевное! Но я еще должен внимательно ознакомиться с ваботой для того, чтобы высказать более опведеленные сообважения. Пока я могу только сказать, что его наблюдения очень, очень ценны.

Некоторое время Гардин молчал, потом спросил:

— А когда Ламет написал свою работу?

— Пвимевно восемьсот лет назад. Конечно, он в большой степени основывался на пведыдущих ваботах Глена...

— Почему же вы так безоговорочно верите ему? Не лучше было бы лично отправиться на Арктур и самостоятельно изучить материал раскопок?

Лорд Дорвин удивленно вскинул брови и поспешно взял щепотку табака.

— Но... для чего, мой довогой?

— Для того, чтобы иметь информацию из первых рук.

— Но я не вижу необходимости. Такой способ пведставляется мне совевшенно несоввеменным и непвактичным. Ну посмотвите. Я васполагаю ваботами всех ставых мастевов — всех великих авхеологов пвошлого. Я их читаю, свавниваю их выводы, анализивую, вешаю, кто из них пвав, а кто — не пвав, и делаю свое заключение. Вот это настоящий научный подход. По квайней мере (тут он смущенно улыбнулся) я так считаю. А на Авктув лететь нет совевшенно никакого смысла, когда ставые мастева там все певекопали вдоль и попевек.

— Я понял вас, — усмехнулся Гардин. Научный метод, черт бы тебя побрал! Чего уж тут удивляться, что Галактика того и гляди развалится!

— Милорд, — обратился к лорду Дорвину Пирен, — полагаю, нам лучше вернуться ко мне в кабинет.

— Да, навевное, навевное...

Когда они были уже у двери, Гардин неожиданно спросил:

— Милорд, вы позволите задать вам один вопрос?

Лорд Дорвин натянуто улыбнулся, но сопроводил ответ изящным движением руки.

— Безусловно, мой довогой. Очень вад, если мои сквомные познания вам помогут.

— Но это не из области археологии, милорд.

— Нет? Как жаль...

— Нет. Дело вот в чем. В прошлом году на Терминус поступило сообщение о том, что на атомной электростанции пятой планеты Гаммы Андромеды произошел взрыв. Детали происшествия нам неизвестны. Не могли бы вы рассказать, что именно там произошло?

Физиономия Пирена выражала все, что он думал о Гардине в эту минуту.

— Перестаньте надоедать Его Превосходительству посторонними вопросами!

— Ничего, ничего ствашного, доктов Пивен! — успокоил его канцлер. — Все в повядке. Я, пвизнаться, не слишком ховошо осведомлен об этом случае. Мне известно, что электвостанция взоввалась, и это была катаствофа, пвосто катаствофа... Погибло несколько милионов людей, и половина планеты пвосто пвевватилась в вуины. В настоящее ввемя пвавительство вассматвивает вопрос о введении опведеленных огваничений на пвименение атомной эневгии, но это, как гововится, совевшенно секветно.

— Понятно, — усмехнулся Гардин. — А что все-таки произошло на электростанции?

— Ну знаете, — протянул лорд Дорвин. — Кто скажет? Кто может знать? Она взоввалась паву лет назад, и тогда гововили, что плохо был пвоведен вемонт. Тепевь так твудно найти певсонал, котовый действительно ховошо вазбивался бы в атомной эневгетике...

Он скорбно понюхал табак.

— Вам известно, милорд, что независимые королевства Периферии также утратили принцип использования атомной энергии?

— Пвавда? Совевшенно неудивительно. Ваввавские планеты. Только, довогой мой... не надо называть их независимыми. Это не так. Мы заключили с ними соглашения, в котовых нет ни слова об их независимости. Они пвизнают сувевенитет Импевии. Им пвидется его пвизнавать, иначе мы с ними... поссовимся.

— Хочу надеяться, что вы правы. Однако свобода действий у них не ограничена.

— Да, навевное. Не огваничена. Но не стоит пвидавать этому значения. Для Импевии даже выгодно, что Певифевия пведоставлена самой себе. Бвошена, так сказать, на пвоизвол судьбы. Нам от них никакой пользы нет. Ваввавские, дикавские планеты...

— Когда-то они были вполне цивилизованными. Анакреон считался богатейшей из отдаленных провинций. На уровне Веги.

— О, Гавдин, но это было много веков назад! Не надо делать сковопалительных выводов. В пвежние ввемена все было по-двугому. И мы тепевь уже не те, что были когда-то, и потом, Гавдин, вы слишком настойчивы. Я же сказал, что у меня нет настваения сегодня гововить пво дела. Доктов Пивен пведупвеждал меня. Он гововил, что вы будете ко мне пвистават с вопвосами. Но поймите, довогой мой, я очень ставый человек. Я устал. До завтва, Гавдин.

Дверь закрылась. Гардин остался один.

Глава 5

Это было второе по счету заседание Совета, на котором присутствовал Гардин. Однако мэр был абсолютно уверен, что было проведено еще как минимум одно, а не исключено, что два или три, на которые ему не были присланы приглашения.

Пожалуй, он не получил бы приглашения и сейчас, если бы не ультиматум.

Это был именно ультиматум, хотя при поверхностном чтении послания возникало впечатление, что речь идет об официальном обмене любезностями.

Послание начиналось цветистым приветствием: «От Его Величества Короля Анакреона — другу и брату, Председателю Совета Попечителей Академии Энциклопедистов», а заканчивалось великолепной печатью, отличавшейся изысканной символикой.

Но как бы то ни было — это был ультиматум, и поэтому первым слово взял Гардин.

— У нас было очень мало времени — всего три месяца. Но мы ухитрились не использовать и этот срок. После получения этой бумажки у нас остается неделя. Что же теперь будем делать?

Пирен озабоченно нахмурился:

— Должен быть какой-то выход. Не верится, чтобы они пошли на крайности после того, как у нас побывал лорд Дорвин и заверил нас во всем, что касается Империи и лично Императора.

Гардин оживился.

— Ну-ну. Вы проинформировали короля Анакреона об отношении к нам Императора?

— Да. Но только после того, как вопрос был поставлен на голосование и я получил единогласную поддержку Совета Попечителей.

— И когда же это голосование имело место?

— Полагаю, что не обязан отвечать, мэр Гардин!

— Можете не отвечать. Не больно-то интересно. Просто этот факт лишний раз укрепил меня во мнении, что вы должным образом развили дипломатическую линию, блестяще намеченную лордом Дорвином, — усмехнулся Гардин и продолжил: — А ведь именно его дипломатия и стала причиной дружеского послания. Если бы не так, они, наверное, еще потянули бы время. Но

Терминусу и это бы не помогло — если учесть отношение Совета к сложившейся ситуации.

— И как же вы пришли к такому замечательному выводу, господин мэр? — ехидно вмешался Йет Фулхэм.

— Да очень просто! Для этого мне потребовалось вернуться к здравому смыслу. Видите ли, существует такая отрасль знаний — математическая логика. Ею пользуются для выявления истины, не приукрашенной мишурой болтовни и реверансов.

— А конкретно?

— Я воспользовался методом математической логики. И при чтении этого послания в частности. Не из личного тщеславия — я и так прекрасно понимал, о чем здесь может идти речь. Но думаю, что пять физиков все проще объяснят цифрами.

Гардин взял из стопки несколько листов бумаги и раздал присутствующим.

— Кстати, это не я придумал и не я сделал. Все анализы провел Мюллер Холк из Отдела Логики.

Пирен склонился над листком, чтобы лучше разглядеть, а Гардин продолжал:

— Послание с Анакреона не представляло особой трудности, поскольку написано людьми дела, а не слова. Содержание его можно свести в одно заявление. Вот как это выглядит в цифрах, а в словах получается: «Вы даете необходимое нам не позднее чем через неделю, иначе мы вытрясем это из вас силой».

Наступила тишина. Пять членов Совета молча разглядывали уравнение. Пирен выпрямился и нервно кашлянул.

Гардин спокойно спросил:

— Похоже, выхода нет, доктор Пирен?

— Похоже, нет.

— Ну а теперь, — Гардин перевернул листки, — перед вами копия соглашения между Империей и Анакреоном — того самого, которое со стороны Императора

подписал лорд Дорвин. Вот его смысл после анализа методами математической логики.

Соглашение занимало пять страниц убористого текста, а выводы анализа — всего полстранички.

— Как видите, господа, практически девяносто процентов текста соглашения не поддалось анализу по причине полной бессмысленности. А то, что осталось, может быть интерпретировано следующим образом:

«Обязательства Анакреона перед Империей — НИКАКИХ!»

«Власть Империи над Анакреоном — НИКАКОЙ!»

Члены Совета углубились в изучение документа, то и дело сверяясь с текстом соглашения. Наконец Пирен озабоченно пробормотал:

— Похоже, все правильно...

— Следовательно, вы признаете, что соглашение — не что иное, как декларация полной независимости Анакреона и признание ее Империей?

— Видимо, да...

— Сомневаетесь ли вы теперь, что Анакреон этого не знает и не стремится воспользоваться независимостью? Тем более что препятствий со стороны Империи ожидать не приходится!

— Но как же, — вмешался Сатт, — тогда понимать заверения лорда Дорвина в поддержке Империи? Нам они показались, — он пожал плечами, — удовлетворительными...

Гардин откинулся в кресле.

— А вот это как раз — самое интересное! Признаюсь, когда я впервые встретился с лордом Дорвином, я решил, что более тупоголового осла в жизни не встречал. Однако позднее я понял, что передо мною опытный дипломат и умный человек. Так вот. Я взял на себя смелость записать все его высказывания на магнитофон.

Члены Совета зашептались, а Пирен от возмущения открыл рот.

— А что тут такого? Я, конечно, понимаю, что этим я нарушил кодекс гостеприимства и поступил не поджентльменски. То есть все было бы так, если бы Его Превосходительство что-нибудь заметил. Но он ничего не заметил, а записи я передал для анализа Холку.

— Где же сами выводы анализа? — не вытерпел Лундин Краст.

— Не удивляйтесь их отсутствию, господа, — улыбнулся Гардин. — Этот анализ оказался самым трудным. Холк бился над ним целых два дня. Он отбросил все незначащие фразы, болтовню, «ценные» высказывания... и в конце концов для анализа не осталось ничего! То есть — абсолютно ничего!

Лорд Дорвин, господа, за пять дней, в течение которых шли переговоры, не сказал ничего! Но ухитрился сделать это так, что никто из вас этого не заметил. Вот какова цена заверениям в поддержке Империи!

Если бы Гардин вынул из кармана адскую машину и поставил ее на стол за секунду до взрыва, эффект не был бы сильнее, чем после этих слов. Он спокойно ждал, пока утихнут страсти.

— Таким образом, — резюмировал он, — если вы намерены угрожать (что, собственно, уже сделали) Анакреону от имени Империи, вы ничего не добьетесь, только раздразните монарха, которому лучше вашего известна истина. Естественно, его задетое самолюбие подвигнет его к немедленным действиям. Что уже имело место. Ультиматум перед вами. А теперь я позволю себе вернуться к тому, о чем уже говорил. На размышления осталась неделя. Что мы предпримем?

— Такое впечатление... — выдавил Сатт, — что нет другого выбора, кроме как согласиться на то, чтобы Анакреон разместил военные базы на Терминусе...

— Тут я с вами согласен, — кивнул Гардин. — Но как нам привести положение вещей в соответствие с первоначальным вариантом?

Йет Фулхэм пошевелил усами.

— Похоже, вы твердо решили применить силу?

— Сила, — последовал ответ, — последний козырь дилетантов. Но я вовсе не исключаю возможности ее применения.

— Мне все-таки не нравится то, как вы все это преподносите, — настаивал Фулхэм. — Это опасная тактика. Тем более опасная, что в последнее время вас поддерживает большая часть населения. И должен вам заметить, мэр Гардин, что в Совете — не слепые, мы отлично знаем, чем вы занимаетесь.

Он сделал паузу. Остальные поддержали его молчаливым согласием. Гардин равнодушно пожал плечами.

Фулхэм продолжал:

— Если вы доведете дело до того, что в городе раздадутся призывы к применению силы, это окажется равносильно самоубийству! Мы не намерены подобное допустить. Основа нашей политики и ее кардинальный принцип — Энциклопедия. Что бы ни случилось, Энциклопедия должна быть сохранена!

— Следовательно, — буркнул Гардин, — вы прямо заявляете, что мы должны продолжать интенсивную кампанию по ничегонеделанию.

Пирен печально проговорил:

— Вы же сами только что продемонстрировали, что Империя не может нам помочь. Хотя я так и не понял, почему так вышло. Если необходим компромисс...

Гардин ощутил себя как в страшном сне — когда мчишься изо всех сил, а добежать до цели никак не можешь.

— Да нет компромисса! Как вы не понимаете, что вся эта суета вокруг военных баз — обман высшей марки! Лорд Родрик явно дал нам понять, какова истинная цель Анакреона — неприкрытая аннексия, экспансия феодальной системы, насаждение аристократии и крестьянства здесь, у нас. Их может в какой-то степени приостановить знание о том, что у нас есть какая-никакая атомная энергетика, но и то ненадолго, уверяю

вас. — И с последними словами он встал. Поднялись и все остальные, кроме Джорда Фара.

— Пожалуйста, сядьте все, — попросил он. — Мы зашли слишком далеко. Не надо так распаляться, мэр Гардин. Мы все здесь — не предатели.

— Вы уж меня в этом убедите, будьте так добры!

Фара мягко улыбнулся:

— Не верю, что вы действительно так думаете. Позвольте мне высказаться.

Его маленькие, утонувшие в морщинках глаза были полуприкрыты. На подбородке блестели капельки пота.

— Полагаю, что нет необходимости и дальше скрывать тот факт, что Совет Попечителей постановил принять решение по Анакреону в зависимости от того, что произойдет при раскрытии Склепа. То есть через шесть дней.

— Это и есть ваш вклад в решение проблемы?

— Да.

— Выходит, если я правильно понял, что делать нечего, кроме как сидеть и ждать сложа руки, пока чертик не выскочит из табакерки — то есть, прошу прощения, из Склепа?

— Если оставить в стороне красивые слова, идея именно такова.

— Потрясающий эскапизм! Поистине — от великого до смешного один шаг. Простенько и со вкусом.

Фара снисходительно улыбнулся:

— Ваша любовь к афоризмам известна, но сейчас это неуместно. Надеюсь, вы не забыли сказанное мною о Склепе три недели назад?

— Помню. И сегодня скажу то же самое — ничего нет в идее, кроме непроходимой глупости с точки зрения дедуктивной логики. Остановите меня, если я буду не прав, но вы сказали, что Гэри Селдон был величайшим психологом и мог, следовательно, предвидеть обстоятельства, в которых мы сейчас оказались. Из этого

следует, что Склеп существует, чтобы подсказать нам выход.

— Вы правильно понимаете суть дела.

— Тогда вас не удивит сообщение о том, что я тщательно обдумывал этот момент в течение последних недель.

— Как это мило с вашей стороны. До чего же вы додумались?

— Я додумался до того, что здесь необходима чистая дедукция. Как и во всем остальном — нужна искра здравого смысла.

— Например?

— Например: если Селдон предвидел переворот на Анакреоне, почему он не нашел для нас другой планеты, поближе к центру Галактики? Известно, что Селдон путем психологических уловок убедил Комитет Общественного Спасения Трентора отправить нас именно на Терминус. Но почему он этого хотел? Почему он решил разместить нас здесь, если предвидел заранее разрыв коммуникационных связей, нашу изоляцию от Галактики, угрозы со стороны опасных соседей — и нашу беспомощность, вызванную полным отсутствием металлов на Терминусе? Последнее — самое важное. Ну а если он предвидел, почему не предупредил первых поселенцев заранее, чтобы у них было время подготовиться, а не ждать, пока мы ступим одной ногой в пропасть?

— Вы забываете вот о чем. Если он мог предвидеть тогда, мы тем более способны увидеть сейчас. В конце концов Селдон не был волшебником. Существенна дилемма. Он ее видел.

— А мы не можем?

— Но, Гардин, — мягко вмешался Фара, — мы же действительно не можем!

— Да вы и не пытались! Ни разу! Сначала вы отказывались признать, что угроза вообще существует. Потом вы слепо твердили о вашей непоколебимой вере в Императора. Теперь вы ухватились за Гэри Селдона как

за соломинку. Вы все время полагаетесь на авторитеты, только не на самих себя. — У него дрожали руки. — Это просто какая-то болезненная мания — условный рефлекс, защищающий ваш разум от принятия самостоятельных решений, как только нужно пойти против мнения какого-то авторитета. Вы, несомненно, продолжаете считать, что Император сильнее вас, а Гэри Селдон — умнее. Но это не так, неужели вы не видите?!

Ему никто не ответил.

Гардин продолжал:

— Да дело не только в вас. Такое положение — во всей Галактике. Пирен был свидетелем того, как лорд Дорвин высказался о том, что, по его мнению, представляет собой научный метод. Он считает, что для того, чтобы стать хорошим специалистом в археологии, достаточно прочитать все книги на эту тему, написанные людьми, почившими много веков назад. Он полагает, что спорные вопросы решаются путем сравнения различных точек зрения. А Пирен слушал и не возражал. Не кажется ли вам все это странным?

Гардин уже чувствовал себя проповедником, взывающим к душам заблудших. Ответом было молчание.

Он продолжал:

— И вы, и половина народа на Терминусе таковы. Мы сидим тут и молимся на Энциклопедию. Мы считаем, что главной задачей науки является классификация существующих знаний. Это, конечно, важно, но разве больше делать нечего? Здесь, на Периферии, больше не пользуются атомной энергией. На Гамме Андромеды взорвалась атомная станция из-за некачественного ремонта. Канцлер Империи жалуется, что стало трудно с персоналом. А выход-то какой? Новых готовить? Да что вы! Ни за что! Легче запретить пользоваться атомной энергией!

И как вы не понимаете! Это происходит по всей Галактике. Это знаки смерти! Это развал, загнивание!

Он переводил взгляд с одного лица на другое. Все молчали, уставившись на него.

Первым пришел в себя Фара.

— Мистика нам сейчас не поможет. Давайте говорить более конкретно. Вы берете на себя смелость отрицать, что великий Гэри Селдон был способен предсказать исторические тенденции с помощью психологических исследований?

— Да нет же, нет, конечно! — вскричал Гардин. — Но нельзя же целиком и полностью на него полагаться! Как максимум он мог обозначить проблему, а уж ее решение на нашей совести.

Вдруг ожил Фулхэм.

— Что вы имеете в виду — «обозначить проблему»? Проблема известна.

Гардин пристально посмотрел на него.

— Известна, вы думаете? Полагаете, что у Гэри Селдона, кроме Анакреона, больше голова ни о чем не болела? А я думаю по-другому! Я заявляю, господа, что до сих пор никто из вас и не понял, что именно происходит!

— А вы понимаете? — сердито хмыкнул Пирен.

— Думаю, что да.

Гардин вскочил и отбросил в сторону стул.

— Если и можно сказать что-то определенное, так это то, что ситуация плохо пахнет. Есть здесь что-то более важное, чем все, о чем мы с вами толкуем. Задайте себе вопрос: почему в числе первых поселенцев не было ни одного психолога высшей категории, кроме Бора Алурина? А он, между прочим, почему-то упорно не готовил учеников, преподавал студентам элементарные азы.

После короткой паузы Джорд Фара выдавил:

— Как понять почему?

— Может быть, потому, что психолог давным-давно раскусил бы что к чему. Слишком быстро раскусил бы, а это Гэри Селдона не устраивало. В итоге мы — как

слепые котята и видим все как в тумане. А Селдону только того и надо было!

Он нервно рассмеялся:

— Прощайте, господа!

И вышел из зала.

Глава 6

Гардин безуспешно пытался затянуться. Сигара его давно погасла, но заметил он это только сейчас. Прошлой ночью он не сомкнул глаз и уже не сомневался, что в следующую тоже не заснет. Он устало вымолвил:

— Это все?

— Пожалуй, да.

Йон Ли потер ладонью подбородок.

— Ну и как звучит?

— Неплохо. Но действовать нужно немедленно. При этом — никакой шумихи. Нельзя оставлять времени на размышления, не то нам не дадут овладеть ситуацией. Если придется отдавать приказы, делайте это так, как будто только этим всю жизнь и занимались. И они будут вынуждены подчиниться.

— А если Совет не среагирует?

— Совет? Можете о нем забыть. Послезавтра их роль в делах Терминуса уподобится ломаному грошу.

Ли понимающе кивнул:

— Но все-таки странно, что до сих пор ничего не предпринято, чтобы нас остановить. Вы говорили, что им кое-что известно.

— Фара кое о чем догадывается. Порой он действует мне на нервы. А Пирен относится к моей деятельности подозрительно с первого дня. Но все-таки до конца они не понимают, что действительно происходит. Ли, они выросли в авторитарной системе. Они уверены в том, что Император всесилен только потому, что он Император. Кроме того, они уверены, что Совет Попечителей, действуя от имени Императора, никогда не ока-

жется в ситуации, когда он не сможет отдавать приказы. То, что они не верят в возможность переворота, гарантирует наш успех.

Он поднялся и подошел к вентилятору.

— Они не такие уж плохие люди, Ли, пока занимаются своей Энциклопедией. Но — абсолютные невежды, когда речь заходит об управлении Терминусом. А теперь — идите и начинайте действовать. Я хочу побыть один. Устал зверски.

Он присел на угол письменного стола и уставился на стакан с водой.

Господи! Как хотелось быть таким уверенным во всем, что он говорил Ли! Через два дня должны высадиться анакреонцы, а ему не оставалось ничего другого, как только перебирать в уме варианты будущего, задуманного Гэри Селдоном! А ведь Гардин не был настоящим психологом — недоучка, пытавшийся разгадать замысел величайшего ума Галактики!

Если Фара прав и Анакреон был единственным предвидением Селдона, если Энциклопедия была тем, что он хотел сохранить, — каков тогда смысл государственного переворота, который он затеял?

Гардин пожал плечами и жадно выпил воды...

Глава 7

В Склепе стояло гораздо больше шести кресел — будто ждали большую компанию. Гардин устроился в углу, подальше от членов Совета.

Они, видимо, тоже были рады, что он не сел рядом, и разговаривали друг с другом шепотом. До Гардина доносились только отдельные слова. Только Джорд Фара казался спокойным. Он вытащил карманные часы и время от времени поглядывал на циферблат.

Гардин тоже достал часы, взглянул на них, потом — на стеклянный куб, абсолютно пустой, который занимал добрую половину Склепа. Этот куб и создавал впечатление необычности. Трудно было поверить, что где-то рядом вот-вот закончится период полураспада радия, упадет рычажок, произойдет соединение и...

Свет погас!

Он погас не сразу, а постепенно, но это было настолько неожиданно, что Гардин едва не вскочил со стула. Он поднял глаза на потолочные лампы, а когда опустил взгляд, куб уже не был пуст.

Внутри его возникла фигура — фигура человека в инвалидном кресле!

Какое-то время человек молчал, потом закрыл книгу, лежавшую на коленях, и заложил страницу пальцем. Улыбнулся. Было полное впечатление, что он живой.

— Я — Гэри Селдон, — сказал человек усталым мягким голосом.

Гардин опять чуть было не вскочил, чтобы поприветствовать старика, но вовремя одумался.

— Видите ли, я прикован к креслу и не могу встать, чтобы поздороваться с вами, — говорил старик. — Ваши бабушки и дедушки отправились на Терминус несколько месяцев назад, хотя между нами разница во времени, но с тех пор меня мучает паралич. Я вас не вижу и даже не знаю, сколько вас, поэтому давайте обойдемся без формальностей. Если кто-то стоит — пусть сядет. Если кому-то хочется закурить — я не возражаю. Да и как я могу возражать?

Гардин автоматически потянулся за сигарой, но тут же раздумал закуривать.

Гэри Селдон отложил книгу в сторону, на невидимый стол, оторвал от нее пальцы — она исчезла.

Он продолжал:

— Сегодня — пятьдесят лет со дня рождения Академии. Пятьдесят лет сотрудники Академии не догадывались, чем занимаются. И не должны были знать. Так было нужно. Но сегодня такая необходимость отпала.

Прежде всего должен вам сообщить, что Академия

Энциклопедистов — не что иное, как обычное надувательство.

Члены Совета зашевелились, зашептались, раздались удивленные и возмущенные голоса, но Гардин даже не посмотрел в их сторону.

Гэри Селдон, естественно, тоже. Он продолжал:

— Да, это надувательство в том смысле, что ни я, ни мои коллеги не придаем никакого значения тому, выйдет ли когда-нибудь хоть один том. Академия сделала свое дело, ибо именно благодаря ей мы стали обладателями имперской Хартии, благодаря ей мы вытянули с Трентора сто тысяч человек, необходимых для осуществления наших задач. Благодаря ей все эти люди делали свое дело, пока ход событий не обрисовался до определенных очертаний, пока не стало пути к возврату назад.

Пятьдесят лет вы трудились над фальшивым проектом, над этим мыльным пузырем — теперь нет нужды смягчать выражения и пути к отступлению отрезаны. Теперь вам ничего больше не остается, как перейти к осуществлению более важного проекта, который предназначен для реализации настоящего плана.

Для этого мы поместили вас на такую планету и в такое время, чтобы через пятьдесят лет вы подошли к точке, где полностью утратили бы свободу действий. С сегодняшнего дня на многие века вперед путь, по которому вы пойдете, неизбежен. Вас ожидает несколько кризисов. Сейчас наступает первый. Во время каждого из них, как сейчас, ваша свобода действий будет ограничена до такой степени, что вы сможете выбрать один-единственный путь. Тот один-единственный, который предусмотрен нашими психологами.

В течение многих веков галактическая цивилизация разлагается и загнивает, но осознают это очень немногие. Теперь наконец откалывается Периферия и тем самым нарушается политическая целостность Империи. Когда-нибудь один из пятидесяти прошедших годов

историки будущего назовут годом начала распада Галактической Империи.

И будут правы, хотя еще несколько столетий спустя никто не догадается о том, что Империя распадается.

После распада наступит период варварства, который, как говорит психоистория, продлится в нормальных обстоятельствах тридцать тысячелетий. Мы не в силах остановить упадок. Мы и не хотим этого, поскольку имперская культура утратила всякую ценность и жизнеспособность. Но мы можем свести период хаоса до одного тысячелетия.

Мы не можем сейчас раскрыть вам все тонкости того, как это будет достигнуто, — как пятьдесят лет назад не могли сказать всю правду об Академии. Если бы вы узнали детали, наш план провалился бы, потому что за счет знания расширилась бы свобода ваших действий. В схему попало бы непредсказуемое число переменных, и наши психоисторические методы оказались бы неприменимыми.

Но вам это не дано, потому что на Терминусе нет и не было психологов, кроме Алурина, а он был одним из моих сотрудников.

Но вот что может вас утешить: Терминус и его Академия, так же как и вторая Академия на другом краю Галактики, — зерна возрождения, зародыши второй Галактической Империи. Теперешний кризис — начало пути Терминуса к этой цели.

Кстати сказать, нынешний кризис — самый несложный из тех, что вам придется пережить. Для того чтобы преодолеть его последствия, следует помнить следующее: вы — планета, внезапно оказавшаяся отрезанной от пока еще цивилизованного центра Галактики. Вам угрожают более сильные соседи. Вы — крошечный мир ученых, окруженный быстро разрастающейся границей варварства. Вы — островок атомной энергии в океане примитивной энергетики. Однако вы беспомощны, потому что у вас нет металлов.

Вы видите, следовательно, что стоите лицом к лицу с тяжелейшими обстоятельствами. На вас направлены враждебные силы. Ваши ответные действия, полагаю, очевидны.

Рука Гэри Селдона потянулась за невидимым предметом, и в ней оказалась книга. Он открыл ее и произнес:

— Но какое бы замысловатое течение ни приобрела ваша будущая история, вы должны убедить своих потомков, что путь ваш имеет предназначение и в конце его — новая великая Империя!

Взгляд его упал на страницы книги, и он исчез вместе с ней. Вспыхнул свет.

Гардин обернулся и увидел, что на него растерянно смотрит Пирен.

— Похоже, вы оказались правы. Если вы посетите нас в шесть часов вечера, думаю, Совет обратится к вам за консультацией по поводу дальнейших действий.

Все советники по очереди пожали руку Гардина и удалились. Гардин улыбнулся. Они были-таки здравомыслящими людьми. И, в конце концов, неплохими учеными, честно признавшими свое поражение. Только делали это слишком поздно.

Он посмотрел на часы. Да, все было кончено. Люди Ли взяли ситуацию под контроль, и Совет не мог больше отдавать приказы...

Завтра должны приземлиться первые корабли анакреонцев. Но с этим тоже было все в порядке. Через шесть месяцев и они не смогут отдавать приказы.

Как сказал Гэри Селдон и о чем догадался Сальвор Гардин, в тот самый день, когда Ансельм, лорд Родрик, впервые проговорился об отсутствии на Анакреоне атомной энергии, решение проблемы было очевидным.

Чертовски очевидным!

ЧАСТЬ III

МЭРЫ

Глава 1

ЧЕТЫРЕ КОРОЛЕВСТВА — *название, данное областям провинции Анакреон, отделившимся от Первой Империи в начале Академической Эры и образовавшим независимые, но недолго просуществовавшие государства. Самым обширным и могущественным из них был Анакреон, площадь которого...*

...Безусловно, поворотным моментом в истории Четырех Королевств стало появление необычной социальной прослойки во времена правления Сальвора Гардина...

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Депутация!

Гардин был о ней предупрежден, но это нисколько не улучшало настроения. Наоборот, ожидание было мучительным.

Йон Ли выглядел всерьез озабоченным.

— Я считаю, Гардин, — говорил он, шагая из конца в конец комнаты, — что нам не следует терять время. До следующих выборов им ничего не сделать. Я имею в виду — легально. Таким образом, у нас есть год. А за год их можно в порошок стереть.

Гардин разжал губы:

— Ли, голубчик, вы так ничему и не научились. Я вас сорок лет знаю, а вы так и не овладели тактикой внезапного нападения сзади.

— Я не сторонник таких методов.

— Знаю. Наверное, именно поэтому вы — единственный, кому я доверяю. — Он замолчал и потянулся за сигарой.

— С того дня, Ли, когда нам повезло и мы удачно одолели Энциклопедистов, немало воды утекло. Я старею. Мне уже шестьдесят два. Вы не почувствовали, как быстро пролетели тридцать лет?

Ли фыркнул:

— Мне, между прочим, шестьдесят шесть, а я вовсе не считаю себя стариком.

— Мне бы ваш желудок... — вздохнул Гардин.

Гардин лениво посасывал сигару. Он уже давно перестал мечтать о веганском табаке времен своей молодости. Дни, когда Терминус торговал со всей Галактикой, канули в Лету. Та же участь ожидала и всю Империю. Он думал о том, кто теперь правит Империей, есть ли вообще Император? Вот уже тридцать лет никакой связи, и вся Вселенная для Терминуса замкнулась на нем самом и Четырех Королевствах...

Господи боже — королевства! Когда-то они были префектурами, областями одной-единственной провинции, которая являлась частью сектора из части квадранта, а квадрант — частью громадной Галактической Империи. А теперь, когда Империя утратила власть над отдаленными областями Галактики, эти крошечные скопления планеток стали королевствами — с опереточными королями и вельможами, карточными, бессмысленными войнами, с жизнью на развалинах.

Ли, стоя у окна, заговорил и тем прервал размышления Гардина:

— Вот и они. Надо же — в автомобиле последней марки! Пижоны...

Он пошел к двери, но на полпути обернулся и посмотрел на Гардина. Тот улыбнулся и махнул рукой:

— Не беспокойтесь, Ли. Я распорядился проводить их сюда.

— Сюда? Зачем? Не много ли чести?

— Да неохота устраивать официальную аудиенцию. Я уже стар для всех этих реверансов. Кроме того, небольшая порция лести не повредит, когда имеешь дело с юнцами. Тем более это ни к чему не обязывает.

Он подмигнул Ли и добавил:

— Садитесь, Ли, и поддержите меня морально в разговоре с Сермаком.

— Кстати, о Сермаке, — мрачно вставил Ли. — Он опасен. У него есть сторонники, Гардин, и немало. Не стоит его недооценивать.

— Ну, мне это несвойственно.

— Тогда арестуйте его. Потом можно придумать, за что.

Гардин на это не ответил.

— Они здесь, Ли, — сказал он, глянув на сигнальную лампочку. Нажал кнопку под столом, и двери открылись.

Вошли четверо. Гардин гостеприимно указал на кресла, окружавшие его стол. Вошедшие поклонились и сели, выдерживая паузу. Видимо, ждали, что первым заговорит мэр.

Гардин открыл затейливо украшенную крышку сигарной шкатулки, принадлежавшей когда-то Джорду Фара, члену Совета Попечителей Энциклопедических времен. Шкатулка была сделана на Сантании, но сигары в ней теперь лежали местные. Поочередно, молчаливо и торжественно, члены депутации взяли по сигаре и церемонно закурили. Зеф Сермак сидел вторым справа. Он был самым молодым из четверых и самым интересным на вид: у него были жесткие белесые, аккуратно подстриженные усы и глубоко посаженные выцветшие глаза. Остальные трое Гардина не заинтересовали. Он сосредоточился на Сермаке, который за время со дня своего избрания в Городской Совет успел не один раз перевернуть там все вверх дном. Гардин сказал, обращаясь именно к нему:

— Искренне рад видеть вас, Советник, в особенно-

сти — после вашего блестящего выступления в прошлом месяце. Ваша критика внешней политики нашего правительства была просто превосходна.

В глазах Сермака вспыхнули злые искорки.

— Для меня — большая честь, что вы это заметили. Критика могла быть какой угодно. Главное — по делу.

— О да! Ваше мнение — это ваше мнение, несомненно. Ну и потом, вы еще так молоды!

Сермак сухо ответил:

— Молодость — это грех, которому каждый подвержен в определенное время. Вы, между прочим, стали мэром города, когда были на два года моложе меня.

«Однако сосунок не так-то прост», — подумал Гардин.

— Если я правильно понимаю, — сказал он мягко, — ваше посещение имеет ту же цель — поговорить о внешней политике. Вы выражаете мнение всех спутников или я должен буду выслушать каждого в отдельности?

Молодые люди понимающе переглянулись.

А Сермак торжественно изрек:

— Я говорю от имени народа Терминуса — народа, который наконец имеет своих представителей в насквозь обюрократившейся структуре, именуемой Советом.

— Понятно. Давайте дальше.

— Дело в том, господин мэр, что мы недовольны...

— «Мы» — это, надо понимать, народ?

Сермак зло покосился на Гардина, чувствуя подвох, и холодно ответил:

— Я уверен, что мои взгляды разделяет большинство избирателей Терминуса. Устраивает это вас?

— Ну, это еще надо проверить... Но продолжайте. Итак, вы недовольны...

— Да! Недовольны! Возмущены политикой, которая за тридцать лет сделала Терминус беззащитным перед любым вторжением извне!

— Ясно, продолжайте.

— Благодарю вас, — процедил Сермак. — Поэтому мы формируем новую партию, ее задачей станет защита жизненных интересов населения Терминуса. Мы собираемся выкинуть вас и ваших трепачей из зала заседаний Совета, и очень скоро!

— Если только... Обязательно должно быть что-то вроде «если только...».

— Вовсе не обязательно. Но тем не менее: если только вы немедленно не уйдете в отставку. Я не прошу вас изменить вашу политику, потому что не верю ни единому вашему слову. Ваши обещания ничего не стоят. Единственное, что нас устроит, — немедленная отставка.

— Понял.

Гардин, положив ногу на ногу, откинулся назад и покачивался на стуле.

— Таков ваш ультиматум. Спасибо, что предупредили. Но, видите ли, я откажусь.

— Вы напрасно думаете, что это — предупреждение, господин мэр. Новая партия уже сформирована и начинает официально действовать с завтрашнего дня. Для компромиссов нет ни времени, ни места. Честно говоря, только ваши личные заслуги перед городом заставили нас предложить такой вариант. Я предполагал, что вы его не примете, но, по крайней мере, наша совесть будет чиста. Следующие выборы покажут, что ваша отставка неизбежна.

Он встал. За ним, как по команде, поднялись остальные.

Гардин поднял руку:

— Постойте! Прошу вас задержаться.

Зеф Сермак недовольно опустился в кресло. Лицо Гардина осталось непроницаемым, хотя он с трудом сдержал улыбку.

О чем бы они там ни трепались, а должно было последовать какое-то предложение. Этого предложения он и ждал.

Раскурив погасшую сигару, он спросил:

— А каким именно образом вы хотели бы изменить нашу внешнюю политику? Хотите, чтобы мы немедленно напали на все Четыре Королевства?

— Я этого не предлагаю, господин мэр. Мы требуем вашего отказа от пацифизма. За время своего правления вы только и делали, что оказывали научную и практическую помощь Четырем Королевствам. Вы дали им атомную энергию, вы помогли восстановить атомные электростанции, вы открыли там клиники, химические лаборатории, заводы.

— Какие у вас возражения?

— Это делалось якобы для того, чтобы они не напали на нас. Заигрывая с ними, вы затянули Терминус в омут. В итоге мы теперь отданы на откуп этим варварам.

— Каким же это образом?

— А таким, что вы дали им энергию, оружие, оснастили корабли военного флота! Теперь они несравненно сильнее, чем тридцать лет назад. Их запросы растут, и оружия у них скапливается все больше! А когда они получат новое оружие, то удовлетворят все свои запросы разом — захватят Терминус. Не тем ли обычно кончаются такие игры?

— А что предлагаете вы?

— Немедленно прекратить заигрывания, пока у вас еще есть такая возможность. Направьте все усилия на укрепление мощи Терминуса — и ударьте первым!

Гардин с внутренней неприязнью разглядывал аккуратные белесые усики Сермака. Как уверен в себе... И никаких сомнений, что он действительно выражает мнение значительной части населения...

Взяв себя в руки, Гардин холодно поинтересовался:

— Вы закончили?

— Пока — да.

— В таком случае, если не трудно, прочитайте, что у меня за спиной в рамочке написано. Будьте так добры!

Губы Сермака дрогнули:

— «Насилие — последний козырь дилетантов». Это — девиз для стариков, господин мэр.

— Ну почему же? Я им с успехом пользовался, когда был молод. Вы тогда только родились, но, может быть, в школе вам что-нибудь рассказывали про те времена?

Гардин в упор посмотрел на Сермака и сдержанно продолжил:

— Когда Гэри Селдон основал Академию, единственной целью нашего существования здесь было издание Энциклопедии. Пятьдесят лет мы шли за этим миражом, пока не поняли, куда идем на самом деле. И чуть было не опоздали. Когда связь с центральными областями Империи прервалась, мы оказались научным мирком, замкнутым в единственном городе, не имеющем промышленности, окруженном враждебными новоиспеченными королевствами. Мы были крохотным островком прогресса в пучине варварства и весьма лакомым кусочком.

Анакреон был и остается самым могущественным из Четырех Королевств, поэтому потребовал и получил свое — военные базы на Терминусе. А тогдашние правители города — Энциклопедисты — знали, что это только первый шаг к захвату всей планеты. Вот как обстояли дела, когда я... гм-м-м... возглавил теперешнее правительство. А вы бы как поступили?

Сермак пожал плечами:

— Риторический вопрос. Мне известно, что вы сделали.

— А я все-таки повторю. Мне кажется, что вы не до конца понимаете суть дела. Уже тогда появилось искушение собрать все силы и начать битву. Это было самое простое и с точки зрения самолюбия самое верное. Но, как ни странно, самое глупое. Вы бы, конечно, только так и поступили — вы, со своей доктриной относительно «первого удара». А я вместо этого посетил остальные три королевства и указал им на то, что передача секрета использования атомной энергии в руки Анакреона —

самый быстрый путь к харакири. И еще я подсказал им (мягко и ненавязчиво) совершенно очевидный выход. Вот и все. Через месяц после того как анакреонцы высадились на Терминусе, их король получил ультиматум от остальных трех королевств. А еще через семь дней последний анакреонец убрался с Терминуса. А теперь скажите мне, была ли необходимость в применении силы?

Молодой Советник аккуратно погасил сигару.

— Не вижу аналогии. Инсулин приводит диабетика в норму без хирургического вмешательства, а при аппендиците операция необходима. И тут никуда не деться. Когда все другие способы исчерпали себя, что остается, кроме последнего козыря? Вы, только вы, виноваты, что дело дошло до этого!

— Я? Ну да, во всем опять виновата моя политика пацифизма. Похоже, вы так и не вникли. Наши беды не закончились на том, что анакреонцы убрались восвояси. Они только тогда по-настоящему и начались. Четыре Королевства стали нашими врагами — им всем была необходима атомная энергия, и нас не прикончили потому, что каждое из них боялось трех остальных. Мы балансировали на лезвии бритвы, и малейшее движение в ту или другую сторону... Ну, к примеру, вдруг одно из королевств становится сильнее других, вдруг два объединятся — понимаете?

— Естественно. Тогда нужно было начинать всенародную подготовку к войне.

— Совсем наоборот! Тогда настало время начать всенародное предотвращение войны! Я настраивал их друг против друга? Я помогал им всем по очереди. Предлагал им науку, торговлю, образование, медицину. Сделал так, что Терминус стал более привлекательным в качестве источника процветания, чем в качестве военной мишени. И мы продержались тридцать лет.

— Да, но вы окружили эти гуманитарные дары неслыханной таинственностью. Просто-таки новую религию создали! Вы возвысили целую иерархию священников и придумали идиотский ритуал!

Гардин нахмурился:

— Ну и что? Не понимаю, разве это относится к нашему спору? То, о чем вы говорите, было предпринято только после того, как я убедился, что эти дикари хотя бы воспринимают нашу науку. Они считают ее разновидностью волшебства. Проще всего было все так и оставить. Вот так сформировалось священство, и если мы оказываем ему поддержку, то лишь потому, что двигаемся по пути наименьшего сопротивления. Зря вы так за это зацепились.

— Ничего себе — зря! Да ведь священники заведуют атомными станциями!

— Да, но обучили-то их мы! Их знания примитивны, носят исключительно эмпирический характер. Кроме того, они сами свято верят в ту мистику, которая их якобы окружает.

— Ну а если представить, что хотя бы один из них вырвется из тумана мистики? Что помешает ему изучить атомную энергетику такой, какая она есть, а потом выгодно продать этот секрет? Чего это будет стоить королевствам?

— Вероятность слишком мала, Сермак. Вы воспринимаете проблему поверхностно. Самые способные люди с планет Четырех Королевств посылаются в Академию каждый год для религиозного обучения. Лучшие из них остаются здесь для исследовательской работы. Но даже у тех, кто остается, практически отсутствует знание азов ядерной физики. Более того, знания подаются им в извращенном виде. Так вот, если вы думаете, что они способны проникнуть в суть ядерной теории, электроники, проблемы гиперпереноса, мне остается сделать вывод, что у вас несколько чисто поэтическое отношение к науке. На то, чтобы изучить все вышеперечисленное, потребуется не только вся жизнь, но и незаурядный интеллект.

Гардин продолжал говорить, когда Йон Ли резко встал и вышел из комнаты. Вернулся он как раз тогда, когда Гардин завершал тираду. Ли наклонился и что-то шепнул ему на ухо. Тот также ответил ему шепотом и принял из рук Ли металлический цилиндр. Ли сердито глянул на депутацию и отошел к окну.

Гардин вертел в руках цилиндр, с усмешкой глядя на Сермака. Резким движением он открыл его. На стол упала свернутая в трубочку бумага...

— Короче говоря, господа, — заявил Гардин, — правительству кажется, что оно отвечает за свои действия.

Произнося эту фразу, Гардин пробежал глазами бумагу. Лист был испещрен значками сложного кода. В углу карандашом были написаны три слова, раскрывавших содержание письма. Прочитав их, Гардин скомкал бумагу и бросил ее в корзину.

— Сожалею, но наша беседа окончена. Был искренне рад всех вас повидать. Спасибо, что навестили.

Он церемонно попрощался со всеми за руку. Визитеры молча удалились.

Когда за депутацией закрылась дверь, Гардин, не в силах более сдерживаться, расхохотался. Успокоившись, он смущенно взглянул на Ли:

— Ну, как вам этот блеф?

Ли мрачно хмыкнул:

— Думаю, что он-то как раз не блефовал. Вы с ним, как с маленьким, а он возьмет да и победит на следующих выборах, что тогда?

— Что ж, это вполне возможно, если только раньше ничего не произойдет.

— Будьте уверены, Гардин, на этот раз они не промахнутся. Уверяю вас, у Сермака немало сторонников. А что, если он не станет ждать следующих выборов? Были же времена, когда и вы, и я действовали достаточно жестко, невзирая на ваш любимый девиз?

Гардин прищурил глаз.

— Вы что-то пессимистично настроены сегодня,

Ли. И совершенно не правы, говоря о жестокости. Наш маленький переворотик обошелся без единой капли крови. Тогда это было необходимо. У Сермака же цели совсем другие. Вы и я, Ли, — не энциклопедисты. Мы понимаем, что к чему. Вот что: натравите-ка ваших людей на этих юнцов, но только очень тонко, как вы умеете.

Ли насмешливо смотрел на Гардина.

— Хорош бы я был, если бы ждал ваших распоряжений! Уже месяц, как за Сермаком и его командой ведется слежка!

Мэр довольно крякнул.

— Первый придумал, да? Ну и славно. Кстати... — Он поднял указательный палец и тихо сказал: — Посол Верисов возвращается на Терминус. Надеюсь, не насовсем.

— Что в письме? — поинтересовался Ли после небольшой паузы. — Плохо дело?

— Не знаю. Ничего не могу сказать, пока не встречусь с Верисовым. Все может быть. Я же сказал, что до выборов всякое может случиться. Что вы вдруг побледнели?

— Пытаюсь представить, как обернется... Вы хитры, Гардин, и никому не раскрываете карты...

— И ты, Брут... — прошептал Гардин и ехидно осведомился: — А вы сами не собираетесь в партию Сермака?

Ли не смог сдержать улыбки:

— Угадали. Пойдемте завтракать.

Глава 2

Гардину приписывают множество эпиграмм и афоризмов, но далеко не все они действительно принадлежат ему. Как бы то ни было, говорят, что однажды он изрек: «Не мешает изредка быть объективным, особенно если вас считают пророком».

Поль Верисов не раз имел возможность последовать этому совету, поскольку вот уже четырнадцать лет он

выполнял на Анакреоне обязанности двусмысленного характера. Работа его часто казалась ему чем-то вроде танца босиком на раскаленных углях.

Для народа Анакреона он был верховным священником, представителем Академии, которая была для этих дикарей средоточием тайны и центром религии, созданной (не без помощи Гардина) в последние три десятилетия. Почитание, с которым к нему относились, его угнетало, ибо в душе он глубоко презирал тот ритуал, верховным носителем которого являлся.

А для королей Анакреона — прежнего и его внука, который ныне стоял у власти, он был воплощением силы, которую они боялись и ненавидели.

В общем, работенка не из легких, поэтому он думал о первой за последние три года поездке на Терминус как об отпуске, несмотря на то что вызвана она была случаем весьма неприятным.

Поскольку в обстановке полной секретности путешествовать приходилось не впервые, он вновь воспользовался изречением Гардина об объективности...

Верисов переоделся в цивильное, что само по себе было праздником, и отправился пассажирским звездолетом в салоне второго класса на Терминус. Прибыв туда, первым делом по видеофону связался с Городским Советом.

— Меня зовут Ян Смит, — представился он красивой девушке, появившейся на экране. — Мне назначена аудиенция у мэра.

Девушка хорошо поставленным голосом вызвала кого-то по внутреннему видеофону, обменялась с кем-то несколькими фразами и сухо сообщила Верисову:

— Мэр Гардин ждет вас через полчаса, сэр.

Экран померк.

Затем посол Терминуса на Анакреоне купил в киоске последний номер «Городских Новостей», прогулялся по парку перед зданием Совета, уселся на скамеечку,

прочел передовицу, спортивные новости, пробежал глазами комиксы. Полчаса истекли.

Он встал, сунул газету под мышку, вошел в здание Совета и неузнанным проследовал в кабинет Гардина.

Гардин встретил его с улыбкой:

— Садитесь, закуривайте! Как добрались?

Верисов взял сигару.

— Довольно забавно. В соседнем кресле сидел священник. Он летел сюда на курсы по применению радиоактивного синтеза в онкологии.

— Надеюсь, он не называл это «радиоактивным синтезом».

— Нет, конечно. Он называл это Святой Пищей.

Мэр кивнул и улыбнулся:

— Продолжайте.

— Он вовлек меня в теологическую дискуссию и изо всех сил старался лишить меня материалистической платформы.

— Что, так и не узнал своего верховного владыку?

— Без алой сутаны? Да он к тому же смирнианец. Однако поговорить было очень интересно. Просто потрясающе, Гардин, до чего глубоко пустила корни наша религия! Я даже написал эссе по этому поводу — для личного пользования, разумеется.

— Да, очень занятно, — согласился Гардин. Закинув руки за голову, он сказал серьезно: — А теперь, будьте любезны, о ситуации на Анакреоне.

Посол нахмурился и, вытащив сигарету изо рта, брезгливо положил ее в пепельницу.

— Плохо. Очень плохо.

— Понятно. Иначе вы не были бы здесь.

— Естественно. Дела вот какие: главный человек на Анакреоне сейчас — регент Винис, дядя короля Леопольда.

— Знаю. Но в будущем году Леопольд достигнет совершеннолетия. По-моему, шестнадцать ему в феврале?

— Да.

Помолчав немного, Верисов добавил:

— Если доживет. Его отец погиб при странных обстоятельствах. Игольная пуля попала ему в грудь на охоте. Сказали, что это несчастный случай.

— Хм-м-м... Кажется, я припоминаю Виниса. Я его видел на Анакреоне в те славные денечки, когда мы спровадили их с Терминуса. Еще до того, как вы начали там работу. Ну-ка, ну-ка... Если не ошибаюсь, тогда это был темноволосый молодой человек, смуглый, косил на правый глаз. И еще нос у него крючковатый.

— Он самый. Нос крючком, косоглазый — все правильно. Только волосы у него уже седые. Он играет в грязные игры, оставаясь, к счастью, самым набитым дураком на планете. Однако дьявольски проницателен и изобретателен, отчего глупость его распространяется довольно успешно.

— Так обычно и бывает.

— Образно говоря, он из тех, кто считает, что, для того чтобы разбить яйцо, в него нужно выстрелить из бластера. Вспомните, что сразу же после смерти старого короля именно он пытался ввести налог на имущество храмов. Помните?

Гардин задумчиво кивнул и улыбнулся:

— Священники тогда взбунтовались.

— Еще как! На Лукреции было слышно. С тех пор со священниками он стал более осторожен, но кое-какие дела проделывает исключительно жестко. Помимо всего прочего, он потрясающе честолюбив.

— Это скорее всего комплекс неполноценности. Как у младших королевских сыновей.

— Да, наверное. Но у него все сводится к одному. Он просто спит и видит, как бы напасть на Академию. И скрывать этого не пытается. Учитывая запасы оружия, он вполне на это способен. Старый король построил могущественный военный флот, и последние два года Винис настороже. Ведь налог на имущество храмов первоначально планировалось пустить на дальнейшее воо-

ружение. Когда затея провалилась, он добился того, что налоги с прибыли повысили в два раза.

— Это вызвало недовольство?

— Не настолько серьезное. В течение нескольких недель после этого темой речей на всех королевских церемониях были дисциплина и повиновение властям.

— Ясно. А что стряслось сейчас?

— Две недели назад торговый корабль анакреонцев подобрал брошенный военный крейсер старого имперского флота. Он, похоже, болтался в пространстве лет тридцать, не меньше.

Глаза Гардина загорелись. Он выпрямился в кресле.

— Да-да. Я слышал об этом. Комиссия по Навигации послала мне петицию с требованием, чтобы я забрал корабль для проведения научных исследований. Похоже, он в хорошем состоянии?

— В отличном, — кивнул Верисов. — Когда на прошлой неделе Винис получил предложение передать корабль Академии, его чуть кондрашка не хватил.

— Кстати, он пока не отвечает.

— И не ответит. Разве что орудийным залпом. Видите ли, он навестил меня в тот день, когда я улетал с Анакреона, и спросил, может ли Академия отремонтировать и вернуть крейсер анакреонскому флоту. По его намеку, ваше послание означает, что Академия вынашивает планы напасть на Анакреон. Он сказал также, что отказ отремонтировать крейсер укрепит его в подозрениях и что он берет на себя ответственность за оборону Анакреона. Вот его слова: «Беру на себя». Вот почему я здесь.

Гардин расхохотался.

Верисов улыбнулся в ответ и продолжил:

— Понятно, что он ждет повода для немедленного нападения, то есть отказа.

— Ну, чему быть, того не миновать, у нас для размышлений — шесть месяцев. За это время надо привести корабль в полный порядок и передать его Винису с

наилучшими пожеланиями. И... знаете что? Его надо переименовать. Назовем его не как-нибудь, а именно «Винис» — в знак уважения и лучших чувств, черт бы меня побрал!

Он снова расхохотался.

— Допускаю, что это логично, Гардин, — сказал Верисов, — но я обеспокоен.

— Чем?

— Знаете, что это за корабль? О, тогда умели строить корабли. Это такая громадина! По военной мощности — половина анакреонского флота. Ядерных зарядов, которые он несет, хватит, чтобы взорвать целую планету! Кроме того, он оборудован защитным полем, способным отразить пучок Q-лучей без дополнительных затрат энергии! Он слишком хорош, Гардин.

— Ерунда, Верисов, ерунда... Мы с вами прекрасно знаем, что у Виниса и без того достаточно оружия, чтобы завладеть Терминусом. Что же изменит передача крейсера? Вы-то должны понимать, что настоящей войны не будет никогда!

— Надеюсь, да. Но... — Посол поднял глаза к потолку. — Но, Гардин..

— Ну? Что же вы остановились? Продолжайте!

— Это, конечно, не мое дело. Но я читал газету, — сказал он и положил на стол «Городские Новости», указав на первую полосу. — Как это понимать?

Гардин небрежно пробежал взглядом страницу и ответил:

— Группа Советников формирует новую политическую партию.

— Да, там так и написано... — кивнул Верисов. — Конечно, вы лучше разбираетесь во внутренних делах, но... они вас атакуют только разве что не физически! Насколько они сильны?

— Чертовски сильны. Не исключено, что именно они возглавят Совет после следующих выборов.

— А не до? — Верисов украдкой взглянул на мэра. —

Существует столько способов захвата власти, не считая выборов.

— Вы меня за Виниса принимаете?

— Нет, конечно. Но ремонт корабля займет несколько месяцев, и после этого нападение на Терминус станет неизбежным. Наша щедрость будет воспринята как капитуляция, признание собственной слабости, а имперский крейсер удвоит мощь анакреонского флота — флота Виниса. Я не я буду, если он не нападет. Зачем испытывать судьбу? Сделайте одно из двух: либо раскройте Совету план кампании, либо начните войну с Анакреоном сейчас.

Гардин нахмурился:

— Сейчас? До начала кризиса? Нет. Это единственное, чего делать категорически нельзя. Существует Гэри Селдон. И План.

Верисов немного растерялся и пробормотал:

— А вы... абсолютно уверены в том, что План существует?

— В этом не может быть никаких сомнений, — твердо ответил Гардин. — Я присутствовал в Склепе и видел Селдона своими глазами, то есть не его, конечно, а объемную видеозапись.

— Я не о том, Гардин. Я просто не понимаю, как можно рассчитать историю на тысячу лет вперед. Может быть, Селдон переоценивал себя?

Он немного смутился, поскольку на лице Гардина появилась ироническая усмешка, но добавил:

— Я, конечно, не психолог...

— Вот именно. И среди нас нет психологов. Но я в юности все же получил кое-какие элементарные познания, достаточные для того, чтобы понять, на что способна психология, кто бы ни воспользовался ее возможностями. Сомнений нет — Селдон сделал именно то, о чем говорил. А говорил он, что Академия была создана как научное убежище — средство, с помощью которого наука и культура умирающей Империи могут

быть спасены и сохранены на протяжении веков хаоса и мрака, которые уже начались, для того чтобы их можно было передать во вторую Империю.

Верисов кивнул, но было видно, что Гардин не убедил его.

— Все знают, что так должно быть. Но можем ли мы позволить себе испытывать судьбу? Можем ли мы рисковать настоящим ради туманного будущего?

— Должны. Потому что будущее не туманно. Оно спрогнозировано Селдоном. Каждый кризис в нашей истории нанесен на график, и каждый последующий зависит от того, как закончился предыдущий. Сейчас приближается второй кризис, и одному богу известно, каковы будут последствия, если ситуация хоть на йоту отклонится...

— Это не более чем предположения!

— Нет! Гэри Селдон сказал тогда, в Склепе, что при каждом кризисе наша свобода действий будет ограничена настолько, что окажется возможным только один выход.

— Чтобы мы шли только прямо и вперед?

— Чтобы мы не уклонялись от намеченного пути. И наоборот: пока наш выбор выхода не ограничен — значит, кризис еще не наступил. Мы просто обязаны пустить все на самотек, и чем дольше так будет продолжаться, тем лучше. Именно этим я и собираюсь заняться.

Верисов молчал. Он покусывал губы и думал... Всего лишь год назад Гардин впервые серьезно разговаривал с ним, обсуждая важную проблему — проблему военных приготовлений на Анакреоне. И то только потому, что он, Верисов, высказывался против дальнейшего пацифизма.

Гардин, видимо, догадался, о чем думает его посол.

— Лучше бы я вам тогда ничего не говорил.

— Почему? — удивленно воскликнул Верисов.

— Потому что теперь уже шестеро — вы, я, еще три посла и Йон Ли точно знают, что ждет нас впереди. А я

чертовски опасаюсь, что Селдон рассчитывал, что никто не будет знать.

— Почему?

— Потому что даже фундаментальная психология Селдона имела свои ограничения. Она не могла учесть слишком большое число независимых переменных. Он не мог предусмотреть действия отдельных людей на коротких отрезках времени. Ну представьте себе — как будто вы решили применить теорию газовой кинетики к отдельным молекулам! Он брал в расчет массы, население целых планет. Причем только слепые массы, которые не ведают, что творят, и тем более не видят, к чему приведут их действия.

— Да. Непросто.

— Ничего не поделаешь. Я вынужден объяснять так, как сам понимаю. Но вот что вам нужно иметь в виду. Обученных, профессиональных психологов на Терминусе нет, нет и математических пособий по прикладной психологии. Совершенно очевидно, что Селдон не хотел, чтобы кто-нибудь на Терминусе мог предсказать будущее. Он хотел, чтобы мы шли вперед слепо, что по законам массовой психологии означает — правильно. Как я вам уже когда-то говорил, я и понятия не имел о том, что будет потом, после того, как мы в первый раз отправили анакреонцев восвояси. У меня была цель — сохранить равновесие сил, и не более. Только потом я понял, что в течении событий прослеживается определенная схема. Но я изо всех сил старался действовать так, как будто ничего не понял. Любое вмешательство изменило бы План.

Верисов задумчиво кивнул:

— Сложно. Однако в анакреонских храмах я слышал споры и посложнее. А как же вы собираетесь определить верный момент для начала действий?

— Это как раз ясно! Вы же сказали: как только мы отремонтируем крейсер, ничто не остановит Виниса. Никаких альтернатив не будет.

— Да.

— Ну вот. Так обстоят наши внешние дела. Признаем затем, что новые выборы дадут жизнь другому, агрессивно настроенному Совету. Тоже — без альтернативы.

— Так.

— А как только исчезнут все альтернативы, значит, настал кризис. Все просто. Но я все равно волнуюсь.

Он замолк. Верисов, не отрываясь, смотрел на него. Медленно, даже лениво, Гардин продолжил:

— У меня появились вот какие соображения... Видимо, внешние и внутренние силы должны войти в резонанс. Если так, то получается разрыв в несколько месяцев. Винис, вероятно, нападет на нас не позднее весны, а до выборов еще целый год.

— Мне кажется, что это не так важно.

— Не знаю, не знаю... Может быть, это просто результат ошибки при вычислении, а может быть, я слишком много знаю... Я-то старался избегать прогнозирования собственных действий, но что я могу гарантировать? Какими могут быть последствия этого временного разрыва? Но, как бы то ни было, — он поднял глаза к потолку, — кое-что я решил твердо.

— Что же?

— Когда кризис начнется, я отправлюсь на Анакреон. Хочу влезть в самое пекло... Ну все, все, хватит, Верисов! Уже поздно. Устал как собака. Давайте пойдем куда-нибудь и отпразднуем нашу встречу. Мне нужно немного расслабиться.

— А давайте никуда не пойдем, — предложил Верисов. — Мне нужно остаться инкогнито, а то — вы представляете себе, что будет, если нас увидят вместе ваши драгоценные Советники. Попросите, чтобы нам принесли бренди.

И Гардин попросил принести бутылку бренди.

Глава 3

В славные времена расцвета Империи, когда Анакреон был могущественнейшей и богатейшей из префектур Периферии, не один Император посетил дворец вице-короля. И ни один из них не покинул Анакреон без того, чтобы хоть раз не испытать свою ловкость в обращении с игольным ружьем в охоте на летающую пернатую крепость под названием птица Ньяк.

Слава Анакреона ушла в небытие. Дворец вице-короля превратился в руины — за исключением одного крыла, отреставрированного специалистами из Академии. Ни одного Императора не видели на Анакреоне уже лет двести, не меньше.

Тем не менее охота на Ньяка оставалась королевским видом спорта, а острый глаз и ловкость в обращении с игольным ружьем по-прежнему были обязательными для королей Анакреона.

Леопольд I, король Анакреона, и, как обычно, но совершенно необоснованно добавлялось — Повелитель Заграничных территорий, которому еще не исполнилось шестнадцати, уже доказал свое незаурядное мастерство в этом хитром деле. Первого Ньяка он прикончил, когда ему не было и тринадцати, десятого — когда пришел к власти. Только что он вернулся с удачной охоты. Это была его сорок шестая победа.

— К совершеннолетию я доведу свой счет до пятидесяти! — объявил он свите. — Хотите пари?

Конечно, никто из свиты не рискнул усомниться в способностях юного короля, так что тот отправился в свои покои переодеваться в наилучшем расположении духа.

— Леопольд!

Короля заставил остановиться голос единственного человека, который мог себе это позволить. Леопольд недовольно обернулся. На пороге своей опочивальни стоял Винис.

— Отошли свиту, — нетерпеливо потребовал он. — Пускай убираются, да поскорей.

Леопольд царственно кивнул, и двое придворных, низко поклонившись ему, стали спускаться по лестнице. Король вошел в покои Виниса.

Тот с явным неудовольствием оглядел охотничий костюм короля.

— Скоро у тебя появятся дела поважнее, чем охота на Ньяка!

Он повернулся и пошел к столу. Винис был уже стар и с нескрываемым презрением относился к охоте вообще и к охотникам в частности.

Леопольд обиженно изрек:

— Дядя, ну что вы так сердитесь? Жаль, что вас не было с нами! Мы спугнули здоровенного Ньяка в Самийской чащобе! И началось... Мы гонялись за ним добрых два часа по всему лесу! А потом я один пошел на восток (он жестикулировал так, как будто у него попрежнему в руках было ружье) и пополз (это он тоже изобразил). Он взлетел, а я ранил его в левое крыло. Он чуть с ума не сошел от злости! А я следил за ним. Он полетел над рекой, и я подождал, пока он не свалился в воду. Он, конечно, стал снижаться. И когда он был уже в одном взмахе крыльев от воды, я выстрелил...

— Леопольд!

— Да! Дядя, я подстрелил его!

— Нисколько не сомневаюсь. А теперь — ты можешь меня выслушать?

Обреченно вздохнув, Леопольд уселся за небольшой резной столик и совсем не по-королевски жадно набросился на леранский орех. Дяде в глаза он старался не смотреть.

Винис начал издалека:

— Я был сегодня на корабле.

— На каком корабле?

— Корабль — один. На Корабле! На том, что Академия ремонтирует для нашего флота. На старом имперском крейсере. Понятно?

— А-а-а... На этом... Вот видите, я же говорил вам, что Академия обязательно его починит, если мы попросим. Значит, зря вы выдумывали, будто они собираются на нас напасть. Ну, правда, дядя, если бы они хотели этого, зачем бы они тогда ремонтировали корабль для нас? Это же бессмысленно...

— Леопольд, ты идиот!

Король, только что выбросивший скорлупу от первого ореха, собираясь приняться за следующий, побагровел...

— Знаете что, дядюшка, — проговорил он срывающимся голосом, — вы не должны так меня называть. Вы... забываетесь. Через два месяца — мое совершеннолетие!

— Вот именно! А твой образ жизни как нельзя хуже соответствует государственной деятельности! Если бы ты отдавал делам королевства хотя бы половину времени, которое тратишь на охоту за Ньяками, я бы с легким сердцем давно передал бы тебе бразды правления!

— Не надо! Это к делу не относится. Хоть вы и правитель, и дядя мой, я все-таки король! А вы — мой подданный. И вы не имеете никакого права обзывать меня идиотом и сидеть в моем присутствии не имеете права! Вот! Я вам не позволял! Будьте повежливее со мной, а то я возьму и как-нибудь накажу вас!

Винис смерил короля ледяным взглядом.

— Я должен обращаться к тебе «Ваше Величество»?

— Да!

— Отлично! Ты — идиот, Ваше Величество! — Темные маленькие глазки Виниса злобно косили из-под лохматых бровей.

Юный король съежился в кресле. Мгновение на лице регента сохранялась сардоническая усмешка, но она быстро уступила место широкой улыбке. Рука его мягко легла на плечо короля.

— Не обижайся, Леопольд! Пожалуй, я, и правда, был слишком груб. Знаешь, иногда бывает трудно сдержаться, когда так тяжел груз обстоятельств. Понимаешь?

Леопольд неуверенно проговорил:

— Д-да... Государственные дела, конечно, это трудно...

Он безучастно ожидал, не заведет ли дядя с ним пространную беседу с перечислением нудных подробностей — о годовом объеме торговли со Смирной или о проблемах заброшенных миров Красного Коридора.

— Мальчик мой, — начал Винис, откашлявшись, — я давно собирался поговорить с тобой и, наверное, должен был сделать это раньше. Но я хорошо понимаю, что твоя юная душа противится суете и скуке государственных дел.

Леопольд зевнул.

— Да, то есть нет... Валяйте...

— Как бы то ни было, — продолжал Винис, расхаживая по покоям, — через два месяца — твое совершеннолетие. Настают тяжелые времена, Леопольд, и тебе придется включиться в государственные дела. Скоро ты будешь настоящим королем, Леопольд.

Леопольд кивнул, слабо понимая, к чему клонит дядя.

— Будет война, Леопольд!

— Война? Но со Смирной вроде бы покончено?

— Не со Смирной, Леопольд. С Академией.

— Но дядя! Они же согласились отремонтировать корабль! Вы же говорили...

Увидев выражение лица Виниса, он запнулся.

— Леопольд, — сказал тот жестко, — я говорю с тобой как мужчина с мужчиной. Война с Академией должна начаться независимо от того, починят корабль или нет. Тем скорее, чем скорее его починят. Академия — источник силы и могущества. Все величие Анакреона, все наши корабли и города, весь народ, вся торговля — это объедки, милостиво брошенные нам с барского стола Академией. Я еще помню времена, когда наши города согревались теплом горящего угля и нефти. Но тебе об этом говорить бесполезно. Ты этого никогда не видел и понять не сумеешь.

— Мне кажется, — осторожно вставил Леопольд, — что мы должны быть благодарны...

— Благодарны? — рявкнул Винис. — За что? За то, что они кормят нас отбросами, оставляя себе лакомые кусочки, о вкусе которых мы и не догадываемся? А зачем приберегают, а? Только для одного — они мечтают в один прекрасный день завладеть всей Галактикой!

Ладонь Виниса опустилась на колено племянника. Косые глаза превратились в две черные щелочки...

— Леопольд, ты — король Анакреона! Твои наследники и дети твоих детей смогут стать королями Вселенной, если ты обретешь власть, которую Академия прячет от нас!

— А вы правы, дядя, — проговорил Леопольд. Глаза его загорелись, он выпрямился. — В конце концов какое они имеют право от нас что-то скрывать! Это бесчестно! Анакреону тоже кое-что причитается!

— Вот видишь, ты начинаешь понимать, — улыбнулся Винис, потирая руки. — А теперь, мой мальчик, скажи мне, что будет, если Смирна решит напасть на Академию и прибрать к рукам все ее богатства? Как долго тогда нам удастся продержаться? Как долго ты удержишься на троне?

Леопольд заволновался:

— Черт подери, вы правы, дядя! Мы должны нанести первый удар. Да это просто самозащита!

Винис широко улыбнулся:

— Умница, Леопольд! Позволь, я напомню тебе еще кое-что. В первые годы правления твоего деда Анакреон основал военную базу на планете Терминус, где расположена Академия. Базу, которая нам была действительно необходима для самообороны. Но мы были вынуждены покинуть эту базу из-за происков главного

человека в Академии — этого гада, этого ученого сухаря, плебея, в жилах которого нет ни капли аристократической крови! Ты понимаешь, Леопольд? Твой дед был унижен этим плебеем! Я его хорошо помню! Он был не намного старше меня, когда впервые появился на Анакреоне со своей дьявольской улыбочкой. И с дьявольским умом! И с властью над тремя королевствами, которые вступили в предательский союз, объединившись против несчастного Анакреона!

Лицо Леопольда залилось краской. Огонь в глазах вспыхнул с новой силой.

— Ей-богу, дядя, на месте деда я бы тогда начал войну!

— Нет, Леопольд. Тогда мы решили выждать, дождаться более удобного момента. Твой отец всю жизнь, до безвременной кончины, мечтал, что это удастся сделать ему... Он был моим братом... — с напускной трагичностью Винис отвел взгляд в сторону. — Но ты, его сын...

— Да, дядя! Я не посрамлю его! Все. Я решил! Ради справедливости Анакреон уничтожит это логово злодеев, и немедленно!

— Нет-нет. Не сейчас. Подождем, пока они закончат ремонтировать корабль. Согласие на ремонт, Леопольд, выдает их страх. Глупцы! Хотят обмануть нас, но это им не удастся!

— Пока я — король Анакреона, не удастся! — воскликнул Леопольд, вскочив на ноги.

Губы Виниса дрогнули в едва заметной ухмылке:

— Хорошо! Присядь, Леопольд. Есть важное дело. Мы должны дождаться прибытия Сальвора Гардина.

— С-с-сальвора Г-гардина? — Глаза короля округлились.

— Да, Леопольд. Он — глава Академии, и он лично прибудет на Анакреон в твой день рождения — вероятно, для того, чтобы убаюкать нас ласковыми словечками. Но у него ничего не выйдет!

— Сальвор Гардин... — повторил Леопольд, тупо уставившись на вазу с орехами.

Винис нахмурился:

— Почему тебя пугает это имя? Это тот самый Сальвор Гардин, который когда-то сунул нас лицом в грязь! Это он унизил твоего деда. Он! Плебей, подонок, ньячий помет!

— Н-нет. Я не боюсь... То есть не буду бояться! Не буду! Мы ему отплатим, но... но... все-таки как-то страшновато, дядя. Ну, капельку совсем.

Регент гипнотизировал Леопольда немигающим взором.

— Страшновато? Почему? Чего ты боишься, ты, молодой ид... — и запнулся.

— Понимаете, дяденька, мне кажется, что в нападении на Академию есть что-то вроде... богохульства. Я хочу сказать...

— Ну! Продолжай!

Леопольд жутко смутился, но продолжал:

— Я хочу сказать, что, если Галактический Дух действительно существует, ему это может... не очень понравиться. А вам так не кажется?

— Нет, не кажется! — отрезал Винис. Он сел в кресло и хитро улыбнулся. — Значит, и тебе заморочили голову этим Галактическим Духом? Вот они, плоды свободного воспитания... Все ясно — Верисова наслушался.

— Но... он многое объясняет...

— О Галактическом Духе?

— Да.

— Знаешь, что я тебе скажу, глупое ты дитя... Он верит в эту ерунду не больше, чем я. А я в нее не верю ни капельки. Сколько раз повторять, что все это — дурацкая болтовня!

— Да-да, я знаю... Но Верисов говорит...

— К черту Верисова! Это все бредни, чушь собачья!

Наступила короткая, напряженная пауза, потом Леопольд осторожно сказал:

— Но ведь... все верят, дядя! Все верят в то, что рассказывают о великом пророке Гэри Селдоне и как он основал Академию, чтобы в один прекрасный день снова настал Рай Земной, и что все, кто не повинуется его заповедям, исчезнут навеки. Все верят в это! Я бывал на празднествах, и я... уверен, что это так!

— Они! Они верят, но мы-то — нет! Мы — ты и я! И ты должен радоваться, что мы не верим. Ведь благодаря этому всеобщему помешательству ты — не просто король, а король милостью божьей! Поэтому нам не грозят никакие бунты и обеспечено беспрекословное подчинение. И поэтому, Леопольд, именно тебе нужно будет объявить войну Академии. Я — всего лишь регент и простой смертный. Ты — король, а для народа — полубог!

— Но... у меня есть подозрение, что на самом деле... это не совсем так, — с опаской глядя на дядю, заметил Леопольд.

— На самом деле — нет, — согласился Винис, улыбаясь. — А для народа — да! Для всех, кроме этих скотов из Академии. Когда они будут стерты с лица Галактики, ты действительно станешь полубогом для всех. И никто не осмелится этого отрицать. Подумай об этом. Подумай хорошенько!

— Тогда мы сможем сами, — восхищенно воскликнул Леопольд, — управлять великими святыми ящиками в Храме и кораблями, которые летают сами по себе, и овладеем Святой Пищей, которая излечивает рак и все другие болезни?! А Верисов говорил, что только просвещенные Галактическим Духом могут...

— Опять Верисов!! Помни, Леопольд, что Верисов вместе с Сальвором Гардином — твои заклятые враги! Держись за меня, мой мальчик, а их не бойся! Вместе с тобой мы воскресим Империю! Не только королевство Анакреон, а всю Империю, в которой миллиарды солнц! Не получше ли это будет, чем пресловутый Рай Земной?

— Д-да...

— Может Верисов обещать больше?

— Н-нет...

— Ну и славно.

В голосе Виниса снова появились командные нотки.

— Значит, решено. Иди к себе, Леопольд. Я спущусь попозже. Да... вот еще что, Леопольд...

Юный король обернулся с порога. Винис улыбнулся. Но глаза его — нет.

— Будь осторожен на охоте, мой мальчик. Со дня гибели твоего отца меня не покидают дурные предчувствия. Знаешь, когда воздух кишит стрелами, ни за что нельзя ручаться. Я очень надеюсь, что ты будешь осторожен. Насчет Академии мы договорились?

Леопольд отвел взгляд в сторону.

— Да, конечно...

— Хорошо!

Винис посмотрел племяннику вслед и вернулся к столу.

А Леопольд ушел к себе в совершенно расстроенных чувствах.

«Может быть, — думал он, — и будет лучше, если мы победим Академию и заполучим власть, о которой говорил дядя. Но потом, когда война закончится и я воссяду на трон...»

Тут его как ножом резанула мысль — ближайшими наследниками престола являются не кто иные, как Винис и двое его взрослых сыновей...

Но пока королем был он, Леопольд. А короли могут отдать приказ казнить кого угодно. Даже дядюшек и кузенов.

Глава 4

Вслед за Сермаком наиболее активным участником диссидентского движения на Терминусе был Льюис Борт. Движение сформировало новую партию, она была названа партией Действия. Однако в составе депута-

ции полгода назад у Сальвора Гардина Борта не было. Это произошло не потому, что его деятельность недооценивалась сподвижниками. Совсем наоборот. Он отсутствовал по вполне понятной причине — был тогда на главной планете Анакреона.

Он прибыл туда как частное лицо. Не посещал никого из представителей власти, чего-либо привлекающего внимание не делал. Просто заглядывал в потайные уголки столицы и совал свой длинный любопытный нос во все щели.

Он вернулся на Терминус на закате короткого зимнего дня, занявшегося в тучах и шедшего в пелене снега к концу. Уже через час после прибытия Борт сидел за восьмиугольным столом дома у Сермака.

Увы, то, что он сообщил собравшимся, не смогло развеять гнетущую атмосферу собрания, усугубленную тяжелым снегопадом за окном.

— Боюсь, — начал он угрюмо, — что наше положение в данный момент можно определить таким мелодраматическим словосочетанием, как «пропащее дело».

— Ты действительно так думаешь? — не менее угрюмо спросил Сермак.

— Это даже не мнение, Сермак. Просто по-другому не скажешь.

— Всеобщее вооружение, — начал было Докор Вальто официальным тоном, но Борт тут же прервал его:

— Да забудь об этом! Старая песня!

Взгляд его скользнул по лицам присутствующих.

— Я говорю не о ком-нибудь, а о народе Анакреона. Признаюсь, у меня была идея дворцового переворота. В том или ином виде, для того, чтобы королем Анакреона стал кто-нибудь более устраивающий Академию. Неплохая была идейка. Она и сейчас недурна. У нее единственное слабое место. Она неосуществима. Великий Сальвор Гардин все предусмотрел.

Сермак с кислой миной выговорил:

— И все-таки, если бы ты сообщил нам детали, Борт, было бы лучше...

— Детали! Нету их! Все не так-то просто! Вся ситуация на Анакреоне, будь она проклята! А все — та религия, которую там насадила Академия. Она делает свое дело!

— Ну?

— Нужно видеть своими глазами, как это выглядит, чтобы оценить обстановку. Здесь, у нас, мы видим что? Только крупную школу, которая готовит священников, да иногда — особые празднества, устраиваемые для приезжих. А там...

Он откашлялся, Лем Тарки провел пальцем по узким усикам и спросил, глядя в потолок:

— Что же это за религия? Гардин всегда говорил, что это просто обман, рассчитанный на то, чтобы они принимали нашу науку и не задавались лишними вопросами. Помнишь, Сермак, он как-то сказал...

— Объяснения Гардина, — ответил Сермак, — не выдерживают даже поверхностной критики. Так что это за религия, Борт?

— С этической стороны ни к чему не подкопаешься. Немногим отличается от философских течений старой Империи. Высокие моральные принципы и всякое такое. Она оказала мощнейшее влияние на ход истории, и...

— Это мы знаем, — нетерпеливо прервал его Сермак. — Ближе к делу.

— Ну так вот... — Борт смутился, но виду не подал. — Религия, которую Академия выдумала и насадила, построена на жестких авторитарных началах. Священники — единственные, кто обладает правом доступа к научным приборам, которые мы передали Анакреону. Но обращаются с ними чисто эмпирически. Они сами верят во все безоговорочно, к примеру — в духовную природу сил, которыми управляют. Кстати, пару месяцев назад какой-то идиот вздумал пошалить на атомной станции в Тессаликийском Храме. Взорвалось пять го-

родских кварталов. И что же вы думаете? Это было воспринято как божья кара всеми, не исключая и священников.

— Я припоминаю. Что-то такое промелькнуло в газетах. Но я пока не понимаю, куда ты клонишь.

— Ну так послушайте, — твердо продолжил Борт. — Священники формируют иерархию, во главе которой стоит король-полубог. Он — абсолютный монарх милостью божьей, и народ безоговорочно верит в это. И священники тоже. Свергнуть такого короля невозможно. Понятно теперь?

— Подожди, — вмешался Вальто. — Что ты имел в виду, говоря, что все устроил Гардин? Он-то здесь при чем?

Борт печально посмотрел на собеседника.

— Академия целиком и полностью приветствовала эту кампанию. Мы весь свой научный потенциал вложили в постановку сей клоунады. На каждом празднестве король восседает на троне, окруженный радиоактивной аурой. Над его тупой головой она сияет как корона. Любой, кто попытается прикоснуться к нему, рискует получить тяжелые ожоги. В самые торжественные моменты трон летает по воздуху, что, конечно же, связано с проявлением силы Галактического Духа. По царственному взмаху руки в храме зажигается свет. И такие фокусы-покусы можно перечислять без конца. И все это мы делаем для него. Но верят и священники, которые своими руками творят эти чудеса.

— Плохо, — буркнул Сермак, кусая губы.

— Плохо? Да мне хотелось выть от злости! — воскликнул Борт. — Я все время думал о том, как глупо мы упустили свой шанс! Вспомните только, как тридцать лет назад Гардин спас Академию от Анакреона. В то время анакреонские обыватели не подозревали, что Империя разваливается. Они худо-бедно сводили концы с концами после Зеонского бунта. И даже тогда, ко-

гда все каналы связи оборвались, они еще не догадывались о том,что Империи — конец!

Если бы Императору хватило сил, он снова мог бы победить их с помощью крейсеров, опираясь на восстание внутри страны, которое неизбежно вспыхнуло бы. И мы могли бы сделать то же самое! Так нет же! Гардин установил там абсолютную монархию. Почему? Почему? Почему?!!

— А что там делает Верисов? — неожиданно поинтересовался молчавший до сих пор Джейм Орси. — Было время, когда он был членом нашей партии. Чем он теперь занимается? Он что, слепой?

— Не знаю, — пожал плечами Борт. — Для них он — верховный священник. Насколько мне известно, он только консультирует остальных священников по техническим вопросам. Но — главная фигура, черт бы его побрал, главная фигура!

Наступило напряженное молчание. Взгляды всех присутствовавших обратились к Сермаку. Молодой лидер партии нервно грыз ногти и вдруг четко выговорил:

— Дело плохо. Что-то тут не так! — Он огляделся по сторонам и добавил: — Что же, Гардин такой балбес?

— Получается, что так, — отозвался Борт.

— Не может быть! Что-то не так. Что же, мы все это время зря глотки драли? Значит, мы еще глупее Гардина? В то, что глуп он, я никогда не поверю. Что-то тут есть... С одной стороны — создать религию, которая сводит к нулю всякую возможность переворота. С другой — вооружить Анакреон до зубов. Непонятно.

— Да, дело странное, — согласился Борт. — Но таковы факты.

— Государственная измена! Они ему платят! — выпалил Вальто.

Сермак замотал головой:

— Нет. Не принимаю. Скажи-ка мне, Борт, слышал ли ты там что-нибудь о военном крейсере, который Академия якобы ремонтирует для анакреонского флота?

— О военном крейсере?

— Да, о старом имперском корабле.

— Нет, не слышал. Но это не так важно. Порты военного флота — религиозные святыни, абсолютно недоступные для простых смертных. И вообще, о делах флота там не принято распространяться.

— А тут как раз слухи ползут. Кое-кто из наших пытался поднять этот вопрос в Совете. Гардин не отрицал, заметь. Его представитель просто пожурил тех, кто распускает слухи, и все. По-моему, в этом что-то есть.

— Может быть. Но это — всего лишь часть целого, — покачал головой Борт. — Если это правда, это — полное безумие. Но... не более, чем все остальное.

— Я полагаю, — сказал Орси, — что у Гардина нет в запасе никакого засекреченного оружия. Это означает...

— Да, — резко оборвал его Сермак. — Это означает вот что: если бы это было так, старый Винис уже корчился бы в предсмертных судорогах. Конечно, никакого оружия нет.

— Следовательно, — поспешно продолжил свою мысль Орси, — это вопрос времени. Сколько его у нас, Борт?

— И в этом-то все дело. Но у меня спрашивать нечего. Я не знаю. В анакреонских газетах — ни слова об Академии. В последнее время там пишут только о предстоящих торжествах: на следующей неделе — совершеннолетие Леопольда.

— Ну, значит, несколько месяцев у нас есть, — впервые за все время улыбнулся Вальто. — Можно успеть.

— Успеть! О боже, — простонал Борт. — Король — бог, говорю я вам! Вы думаете, ему в голову придет начинать кампанию по пропаганде агрессии? Вы думаете, ему нужно будет убеждать народ в наших злодейских намерениях? Нет! Когда настанет время, Леопольд отдаст приказ, и война начнется!

— Вот так. В этом весь ужас. Он может отдать приказ и завтра, а нам останется только умыть руки.

Тут все заговорили разом. Сермак призывал собравшихся к порядку, но открылась дверь, и вбежал Леви Норст. Пальто его было в снегу.

— Посмотрите! Нет, вы только посмотрите! — И он бросил на стол мокрую от снега газету. — И по всем каналам телевидения то же самое!

Пять голов склонились над газетой.

Первым заговорил Сермак. Он охрип от волнения.

— Господи! Он летит на Анакреон! На Анакреон!

— Измена... — прошептал Тарки. — Разрази меня гром, если Вальто не прав. Он продал нас и теперь едет собирать урожай.

Сермак встал.

— У нас нет другого выбора. Завтра я потребую в Совете, чтобы Гардин был смещен. Если и это не удастся...

Глава 5

Снег уже перестал идти, но земля была покрыта толстым его слоем, и автомобиль с трудом продвигался по пустынным улицам. Призрачный, сумеречный свет начинающегося дня был холоден не только в поэтическом смысле, и, несмотря на бурные события, никто — ни люди из Действия, ни сторонники Гардина — не вышел на улицы Терминуса с лозунгами и транспарантами.

Йон Ли по обыкновению был недоволен и выражал свои мысли вслух.

— Дела плохи, Гардин. Они собираются вас скинуть.

— Пусть попробуют. Я лечу на Анакреон и хочу, чтобы все закончилось хорошо. Вот и все, Ли.

Гардин поудобнее устроился на мягком сиденье. Его слегка знобило. В машине было тепло, но весь город

был так выстужен, что, казалось, холод проник и в машину...

Он задумчиво проговорил:

— Когда-нибудь, когда у нас дойдут до этого руки, нужно будет оборудовать Терминус климатическим кондиционированием. Это вполне возможно.

— Я бы предпочел, — угрюмо отозвался Ли, — чтобы для начала было сделано кое-что другое. Я бы в первую очередь обеспечил климатическим кондиционированием Сермака. Посадил бы его в такую уютную сухую клеточку, в которой постоянно поддерживалась бы температура градусов 25 по Цельсию. Мне кажется, ему бы это очень подошло.

— Вот тогда-то мне действительно понадобились бы телохранители, — усмехнулся Гардин. — И не только эти двое. — Он указал на сидевших впереди, рядом с водителем, здоровяков, без всякого выражения на лицах смотревших вперед, положив лапищи на приклады бластеров. — Похоже, вы хотите гражданской войны.

— Я? В огонь брошено уже столько поленьев, что мне подбрасывать не придется, уверяю вас. Во-первых (он загнул большой палец на правой руке), Сермак вчера затеял свару в Совете и потребовал вашего досрочного переизбрания.

— У него было на то полное право. Если я не ошибаюсь, против было 206, а за — 184.

— Да, преимущество в 22 голоса, в то время как мы рассчитывали на шестьдесят минимум. Не отрицайте, ведь рассчитывали?

— Вроде бы, — согласился Гардин.

— Так. Во-вторых (он загнул указательный палец), после голосования пятьдесят членов партии Действия демонстративно покинули зал заседаний.

Гардин молчал. Ли загнул еще один палец.

— И в-третьих, прежде чем покинуть зал, Сермак крикнул, что вы — изменник, что вы отправляетесь на Анакреон за тридцатью сребрениками, что преимущество в голосовании обеспечили пособники измены и что название их партии еще скажет само за себя. О чем это говорит?

— Ну... о возможных неприятностях, видно?

— И в такой момент вы удираете на рассвете, как преступник! А надо бы встретиться с ними открыто, лицом к лицу, Гардин, и если это произойдет, объявите военное положение, заклинаю вас!

— Насилие — последний козырь...

— ...дилетантов. Ерунда!

— Ладно, Ли. Не горячитесь, посмотрим. А теперь слушайте меня внимательно. Тридцать лет назад открылся Склеп, и в пятидесятую годовщину со дня основания Академии появился образ Гэри Селдона, чтобы открыть нам глаза на происходящее.

— Помню, — кивнул Ли, улыбаясь, — в тот день мы совершили государственный переворот.

— Верно. Тогда произошел первый кризис. Сейчас назревает второй. Через три недели — восьмидесятилетие основания Академии. Вы не улавливаете никакой связи?

— Хотите сказать, что он снова появится?

— Подождите, я еще не закончил. Селдон ни слова не сказал о том, появится ли он еще раз, но это как раз вполне согласуется с его Планом. Он все время старался удержать нас от попыток любых предвидений. Нельзя также с уверенностью сказать, предусмотрены ли в механизме часов Склепа последующие открытия. Думаю, если бы мы вздумали там покопаться, то просто сломали бы часы. Каждую годовщину с того самого дня я бывал там, просто так — на всякий случай. Он ни разу не появился. Но именно сейчас, впервые, наступил настоящий кризис.

— Значит, он появится.

— Может быть. Не знаю. Однако дело именно в этом. На сегодняшнем заседании Совета, сразу же после того как будет объявлено, что я отбыл на Анакреон, сообщи-

те о том, что четырнадцатого марта произойдет второе пришествие Гэри Селдона и он сообщит нам известие величайшей важности относительно успешного преодоления второго кризиса. Это очень важно, Ли. Больше ничего не добавляйте, какие бы вопросы вам ни задавали.

Ли удивленно уставился на Гардина.

— А мне поверят?

— Неважно. Если удастся привести их в замешательство, это то, что нам нужно. Пусть гадают, правда это или нет. На время они затихнут. До четырнадцатого марта. А я вернусь гораздо раньше.

Слова Гардина, кажется, не очень убедили Ли.

— Но... что касается «успешного преодоления» — это же чушь какая-то!

— Это беспроигрышная чушь. А вот и космопорт.

Ожидавший Гардина звездолет тускло поблескивал в сумерках. Гардин пробрался сквозь сугробы к кораблю. У открытого люка он обернулся к Ли и поднял руку, прощаясь.

— Счастливо, Ли. Безумно жаль оставлять вас на горячей сковородке, но больше дела доверить некому. Держитесь подальше от огня.

— Не волнуйтесь, Гардин. Сковородка горяча и так. *Я сделаю все, как вы сказали.*

Гардин отступил. Люк за ним закрылся.

Глава 6

На главную планету Королевства Анакреон Гардин прибыл за день до коронации Леопольда. А до этого успел посетить восемь крупнейших звездных систем Анакреона, чтобы переговорить с местными представителями Академии.

Обширность королевства произвела на него угнетающее впечатление. Конечно, по сравнению с мас-

штабами Галактической Империи, частью которой был когда-то Анакреон, королевство было крошечной точкой на карте. Но для того, кто всю свою жизнь прожил на одной-единственной планете, территория Анакреона и его население казались громадными.

Границы древней префектуры Анакреон включали в себя двадцать пять звездных систем, в шести из которых насчитывалось несколько обитаемых миров. Население составляло девятнадцать миллиардов. Во времена расцвета Империи оно было значительно больше, зато теперь, в условиях массового внедрения научных достижений Академии, рост численности ускорился.

Только теперь Гардин по-настоящему осознал грандиозность стоящей перед ним задачи. Ведь за тридцать лет был завоеван только главный из населенных миров Анакреона. Отдаленные провинции до сих пор имели колоссальные территории, где еще не была реставрирована атомная энергетика.

...Когда Гардин прибыл на столичную планету Анакреона, здесь все было спокойно. В дальних провинциях подготовка к коронации проходила шумно, с помпой, а тут, казалось, никто не проявлял особого усердия в приготовлениях к близящемуся празднеству.

Только Верисов разрывался на части. Гардину удалось лишь полчаса побеседовать с ним. Но разговор оказался исключительно плодотворным, и Гардин ожидал ночного торжества в наилучшем расположении духа.

Он старался вести себя как посторонний наблюдатель. *Если бы его инкогнито было раскрыто,* его тут же втянули бы в религиозные приготовления, а его это совсем не устраивало. Поэтому, когда бальный зал дворца наполнился блестящей толпой высочайших особ королевства, он тихо и незаметно разместился у стены, где на него никто или почти никто не обращал внимания.

Он был представлен Леопольду в бесконечном ряду гостей с безопасного расстояния — будущий король стоял в полном одиночестве и величии, окруженный

смертельным сиянием радиоактивной ауры. Менее чем через час Леопольд должен был воссесть на колоссальных размеров трон из радиево-иридиевого сплава, украшенный золотом и бриллиантами. Затем трон оторвется от пола и зависнет в воздухе перед громадным окном, в котором собравшиеся внизу толпы простонародья увидят своего божественного монарха, визжа от восторга и падая от счастья без чувств. Трон, конечно, мог бы и не быть таким громадным, если бы не вмонтированный в него атомный двигатель...

Половина одиннадцатого... Гардин приподнялся на цыпочки, чтобы лучше видеть. Хотел даже встать на стул. И заметил, что к нему сквозь толпу вельмож пробирается Винис. Гардин облегченно вздохнул.

Винис шел медленно. Он то и дело останавливался, чтобы сказать пару вежливых слов тому или другому вельможе, чей дед в свое время помогал деду Леопольда в захвате власти, за что все они получили титулы герцогов и князей.

Наконец он раскланялся с последним сановником и подошел к Гардину. Губы его изобразили подобие улыбки, но глаза светились недобрым светом из-под косматых бровей...

— Милый Гардин, — вкрадчиво проговорил он, — вы, вероятно, опасались, что вам будут надоедать, если ваше инкогнито будет раскрыто?

— Мне трудно надоесть, Ваше Высочество, — с легким поклоном ответил Гардин. — Но здесь очень интересно. У нас на Терминусе таких зрелищ не бывает, вы же знаете.

— О да! Не желаете ли пройти в мои покои, где мы могли бы побеседовать в более интимной обстановке?

— С удовольствием!

Рука об руку они сошли вниз по дворцовой лестнице. Не одна герцогиня поднесла к глазам лорнет, чтобы удивленно и с любопытством рассмотреть буднично

одетого незнакомца, которому оказывает такую честь великий князь.

— Локрийское вино, Гардин, — сказал Винис. — Из королевских погребов. Настоящее, двухсотлетней выдержки. Было заложено за двадцать лет до Зеонского бунта.

— Истинно королевский напиток, — согласился Гардин и поднял бокал. — За Леопольда I, короля Анакреона!

Они выпили, и Винис как бы невзначай заметил:

— А может, и за Императора Периферии, а может, и поболее того, кто знает? Ведь настанет же когда-нибудь светлый праздник объединения Галактики!

— Несомненно. И, естественно, под эгидой Анакреона?

— А почему бы и нет? С помощью Академии наше превосходство в Периферии станет очевидным!

Гардин поставил на столик пустой бокал и сказал:

— О да, конечно, если исключить одну малость: Академия призвана оказывать помощь любой нации, которая в ней нуждается. Высокие идеалы, которыми руководствуется наше правительство, и грандиозная моральная цель, которую перед нами поставил наш основатель Гэри Селдон, не позволяют нам иметь фаворитов. Тут ничего не поделаешь, Ваше Высочество.

Рот Виниса расплылся в улыбке.

— Как говорят в народе — «На Галактический Дух надейся, а сам не плошай». Я хорошо понимаю, Гардин, что по своей воле Академия вообще бы никому не помогала.

— Я бы не стал так говорить. Мы же ремонтируем для вас имперский крейсер, хотя наш Навигационный Совет очень настаивал на том, чтобы крейсер был передан ему для научных исследований.

— «Для научных исследований», — саркастически проговорил Винис. — Как же! Да вы ни за какие ков-

рижки не стали бы его ремонтировать, если бы я не угрожал вам войной!

Гардин пожал плечами:

— Ну, не знаю...

— Зато я знаю! Эта угроза существовала всегда!

— И теперь существует?

— Теперь об угрозах рассуждать слишком поздно. — Винис быстро взглянул на настольные часы. — Послушайте, Гардин. Вы ведь уже были однажды на Анакреоне. Вы тогда были молоды. Мы оба были молоды тогда. Но уже тогда смотрели на мир по-разному. Вы ведь из тех, кого называют пацифистами?

— Как будто да. По крайней мере, я считаю насилие крайне неэкономичным способом достижения цели. Всегда найдутся лучшие варианты, хотя путь к цели может оказаться не таким прямым.

— Ясно. Слышал я ваш знаменитый афоризм: «Насилие — последний козырь дилетантов». Однако... (регент повернул голову к двери и прислушался) я не склонен считать себя таким уж дилетантом.

Гардин вежливо кивнул.

— И, несмотря на это, — продолжал Винис, — я всегда был сторонником прямого действия. Я всегда верил в то, что надо проложить прямой путь к цели и идти по этому пути. И многого достиг. И достигну большего.

— Я понял вас, — прервал его Гардин. — Полагаю, что именно один из таких прямых путей вы прокладываете для себя и своих сыновей. Путь, который ведет прямехонько к трону, если вспомнить о недавней скоропостижной и безвременной кончине отца короля — вашего старшего брата и если учесть, что здоровье молодого короля внушает серьезные опасения. А оно внушает опасения, не так ли?

Винис нахмурился, голос его утратил мягкость и вкрадчивость.

— Я бы посоветовал вам, Гардин, не касаться определенных тем.

Вы, конечно, можете считать, что у вас есть некоторые привилегии как у мэра Терминуса... и что вы можете себе позволять... опрометчивые заявления, но, если вы себе это и позволяете, прошу вас иметь в виду, что я не из тех, кого можно запугать словами. Моя жизненная философия всегда основывалась на том, что трудности исчезают, когда встречаешь их лицом к лицу, в открытом бою. И я не отворачивался ни разу.

— Не сомневаюсь. И от чего же вы не хотите отвернуться сейчас?

— От трудности заставить Академию сотрудничать с нами! Ваша мирная политика, если хотите знать, привела к тому, что вы совершили ряд серьезных ошибок. Именно потому, что недооценили прямоту противника. Никто так не боится прямого действия, как вы.

— Например? — поинтересовался Гардин.

— Например, вы прибыли на Анакреон без телохранителей и проследовали в мои покои.

Гардин удивленно огляделся по сторонам.

— Ну и что?

— Да ничего, конечно, — ответил регент, ухмыляясь, — кроме того, что за дверью пять гвардейцев, неплохо вооруженных и готовых стрелять по первому приказу. Не думаю, что вам удастся уйти, Гардин.

Гардин поудобнее устроился в кресле.

— А я пока и не собираюсь. А что, вы меня так боитесь?

— Я вас не боюсь! Просто хотел убедить вас в своих намерениях. А вы называйте это как хотите.

— Нет уж, это вы называйте как хотите, — безразлично отозвался Гардин. — Зачем мне квалифицировать ваши действия?

— А я думаю, что скоро вы измените мнение. Кстати, вы совершили еще одну крупную ошибку, Гардин. Насколько мне известно, планета Терминус практически беззащитна?

— Естественно. Кого нам бояться? Мы никому не угрожаем и со всеми поддерживаем ровные отношения.

— Вот именно. И, оставаясь беззащитными, вы милостиво позволили нам прекрасно вооружиться. В особенности вы помогли нам с флотом. Он у нас благодаря вам колоссальный. А учитывая ваш замечательный подарок в виде имперского крейсера, наш флот стал непобедим!

— Ваше Высочество, вы напрасно теряете время и красноречие. Если вы собираетесь объявить войну и хотите сообщить мне это, позвольте мне связаться с моим правительством.

— Сядьте, Гардин! Я не объявляю войну, а вы не будете связываться со своим правительством. Когда война начнется, Академия будет об этом извещена разрывами ядерных снарядов, пущенных с анакреонского флота под командованием моего сына. Он будет на флагманском корабле — на крейсере «Винис»!

Гардин нахмурился:

— И когда это произойдет?

— Ну если вам так интересно — флот покинул Анакреон ровно пятьдесят минут назад, в одиннадцать. А первый удар будет нанесен, как только они подлетят к Терминусу, то есть завтра в полдень. А вы можете считать себя военным пленником.

— А кем же еще? — хмуро отозвался Гардин. — Однако... я разочарован.

Винис злорадно хихикнул:

— Только-то?

— Да. Я-то думал, что наилучшим моментом для старта вашего флота будет полночь — время коронации. А вы, оказывается, решили начать войну, пока вы еще регент... В первом случае все сложилось бы более драматично.

Регент подозрительно уставился на Гардина.

— О чем это вы, черт бы вас подрал?

— Не понимаете? — улыбнулся Гардин. — Мой контрудар назначен на полночь.

Винис вскочил и, брызгая слюной, заорал:

— Лжете! Не может быть никакого контрудара! Если вы рассчитываете на поддержку других королевств, можете о ней забыть! Их флот, собери вы его весь вместе, не сравнится с нашим!

— Конечно. Только я стрелять не собираюсь. Просто неделю назад там, где надо, было брошено словечко-другое о том, что сегодня в полночь Анакреон будет объявлен вне закона.

— Вне закона?!

— Да. Если не понятно, объясню. Все священники на Анакреоне объявят забастовку, если я не отменю приказ. А я не смогу его отменить до тех пор, пока вы задерживаете меня. Да и не стал бы отменять, даже если бы вы меня отпустили!

Он наклонился вперед и отчетливо произнес:

— Отдаете ли вы себе отчет в том, Ваше Высочество, что нападение на Академию — святотатство?

Винис изо всех сил старался сохранять спокойствие.

— Мне таких вещей лучше не говорить. Приберегите это для толпы.

— А для кого бы, вы думали, я это приберегаю? Видите ли, Ваше Высочество, последние полчаса во всех храмах Анакреона толпы народа слушают развесив уши что говорят им священники! Сейчас на Анакреоне нет простого смертного, который не узнал бы, что его правительство предприняло злобную, ничем не спровоцированную атаку на Терминус — центр их религии. А до полуночи — всего четыре минуты. Так что спускайтесь-ка в зал и смотрите, что будет. А мне тут очень спокойно под охраной ваших гвардейцев.

Гардин откинулся в кресле, налил себе еще бокал локрийского и безразлично уставился в потолок.

Винис разразился потоком проклятий и выбежал из своих покоев.

...В зале воцарилась тишина. Придворные расступились, и к трону образовался широкий проход. Леопольд сидел, опустив руки на подлокотники трона, высоко подняв голову, с окаменевшим лицом. Громадные люстры освещали зал. В рассеянном свете маленьких атомных лампочек, которыми был усеян сводчатый потолок, королевская аура отважно сверкала над головой Леопольда, образуя лучистую корону.

Винис остановился на лестнице. На него никто не обратил внимания — взгляды всех были устремлены на трон. Он до боли сжал кулаки и остался стоять, где стоял.

«Нет, — думал он, — Гардин не заставит меня сделать неверный шаг. Наврал, змей подколодный. Все идет как надо!»

...Трон зашевелился. Бесшумно оторвался от пола и поплыл над подиумом, над ступенями и — на высоте шести футов от пола — к раскрытому настежь огромному окну.

Пробил колокол. Полночь... Трон застыл в воздухе перед окном. И вдруг... королевская аура погасла!

Мгновение король ничего не понимал. Потом лицо его удивленно скривилось. Без лучистой ауры оно стало обычным лицом болезненного, перепуганного подростка... Трон пошатнулся и грохнулся на пол! В ту же секунду во дворце погасли все огни.

В шуме перепуганных голосов раздался вопль Виниса:

— Принесите факелы! Факелы сюда!

Он метался в смешавшейся толпе сановников, пробираясь ко входу в зал. Оттуда в темноту рванулась королевская охрана.

Наконец в зал притащили факелы. Те самые, которые должны были гореть во время торжественной процессии по улицам города после коронации.

Зал озарился призрачным светом разноцветных факелов — голубым, красным, зеленым. Жутковато выглядели перекошенные физиономии напуганных до смерти вельмож.

— Ничего страшного, господа! — кричал Винис. — Оставайтесь на местах! Сейчас дадут свет.

Он повернулся к капитану охраны, с напускным спокойствием ожидавшему распоряжений.

— В чем дело, капитан?

— Ваше Высочество, — последовал ответ, — дворец окружен жителями города.

— Что им нужно? — рявкнул Винис.

— Во главе толпы — священник. Это верховный владыка — Поль Верисов. Он требует немедленного освобождения Сальвора Гардина и прекращения войны против Академии.

Винис прорычал:

— Если кто-нибудь из них осмелится приблизиться к воротам дворца — стреляйте без предупреждения! Пока все! Пусть орут на здоровье! Завтра разберемся.

Факелы расставили вдоль стен, стало светлее. Винис бросился к трону, все еще стоявшему у окна, и поднял на ноги бледного как мел Леопольда.

— Иди со мной!

Винис бросил взгляд за окно. Город покрыл мрак. Снизу доносились громкие крики разгневанной толпы. Только справа от дворца, в Арголидском храме, горел свет. Винис злобно застонал и поволок короля за собой.

...Толкнув дверь плечом, Винис ворвался в свои покои. За ним бочком вошел задыхающийся Леопольд.

— Гардин! — срывающимся голосом прокричал Винис. — Вы играете с силами, слишком опасными для вас!

Мэр не обратил на Виниса никакого внимания. Озаренный жемчужным сиянием карманного атомного фонарика, лежавшего рядом на столике, он все так же спокойно сидел в кресле и лукаво улыбался.

— Доброе утро, Ваше Величество, — обратился он к Леопольду. — Мои поздравления с вашей коронацией!

— Гардин! — гаркнул Винис и топнул ногой. — Прикажите вашим священникам вернуться к выполнению своих обязанностей!

— А вы сами прикажите, Винис! Вот тогда и увидите, кто с какими силами играет и для кого они опасны. Сейчас на Анакреоне не вертится ни одно колесо. Не горит ни один огонек — только в храмах. Из кранов не течет вода — только в храмах. Больницы не принимают больных. Электростанции закрылись. Корабли вернулись в порты. Если вам это не нравится, Винис, прикажите священникам вернуться к исполнению обязанностей. Мне, откровенно говоря, неохота это делать.

— И прикажу, Гардин, черт бы вас побрал! Играть в открытую так играть! Сегодня же ночью во всех храмах будет установлена военная охрана.

— Замечательно! А как вы собираетесь отдать приказ? Все линии связи на планете прерваны. Не работает ни радио, ни телевидение. Откровенно говоря, единственное функционирующее средство коммуникации — вот этот ваш телевизор, — я имею в виду, за пределами храмов. Но он работает только на прием.

Винис задыхался от ярости, а Гардин спокойно продолжил:

— Но, если желаете, можете отдать гвардейцам приказ войти в Арголидский храм, а затем свяжитесь по ультраволновой связи с остальными районами планеты. Но я очень опасаюсь, что, если вы это сделаете, толпа просто разорвет гвардейцев на куски. А кто тогда будет охранять дворец? И вашу жизнь, Винис?

Винис прошипел:

— Мы продержимся, дьявол! Ночь продержимся. Пусть орет толпа, пусть гаснет свет, но мы продержимся! А когда поступит сообщение о том, что Академия захвачена, ваша драгоценная толпа убедится в том, каким мыльным пузырем была вся ваша религия! Тогда они отвернутся от ваших священников и восстанут против них! Я даю вам время до завтрашнего полудня, Гардин,

потому что вы можете прекратить подачу энергии на Анакреоне, но вы не в силах остановить анакреонский флот!!

Он охрип от крика.

— Они на пути, Гардин, и с ними огромный крейсер, который вы лично распорядились отремонтировать!

Гардин, хитро улыбаясь, сказал:

— Вот именно — который я лично распорядился отремонтировать. Но — весьма и весьма специфически, заметьте... Скажите, Винис, вы когда-нибудь слышали об ультраволновом реле? Вижу, что не слышали. Ну так вот: примерно через две минуты вы увидите его в действии.

Вдруг вспыхнул экран телевизора. Гардин добавил:

— Ах нет, простите, — через две секунды! Садитесь, Винис, смотрите и слушайте.

Глава 7

Тео Эйпорат был одним из самых высокопоставленных духовных персон Анакреона. Уже одного этого было достаточно для того, чтобы он смог занять высокий пост корабельного священника на флагманском крейсере «Винис».

Но дело было не только в этом. Он знал корабль. Он работал на его ремонте под руководством святых людей из самой Академии. Он выполнял их распоряжения. Изучил принцип работы двигателей, налаживал системы связи, заделывал пробоины в корпусе, восстанавливал переборки. Ему позволили помогать даже тогда, когда мудрые люди из Академии монтировали такое священное устройство, которого до сих пор не было ни на одном корабле, — ультраволновое реле!

И неудивительно, что у него щемило сердце, стоило ему подумать о том, какой цели послужит этот великолепный корабль! Он отказывался верить, когда Верисов

рассказал ему об этом! Корабль должен был принять участие в величайшем злодеянии — его орудия будут повернуты против великой Академии! Против той Академии, где он учился в юности, против источника всеобщей благодати!

Теперь сомнений не было — то же самое он услышал от адмирала.

Но как же мог король, помазанник божий, позволить свершиться этому святотатству! И знал ли он об этом? Может быть, это приказ злобного регента — Виниса, а король ничего не ведает? А сын Виниса пять минут назад сказал Тео: «Занимайтесь своими делами — спасением душ и благословениями. А кораблем займусь я».

Эйпорат хитро усмехнулся. Он-то займется. И еще как! И князь Лефкин очень скоро запросит пощады!

...Эйпорат зашел в центральный пункт связи. Его сопровождал младший священник. Двое офицеров, оказавшихся в зале, никоим образом не выразили неудовольствия. Главный корабельный священник имел право входить всюду.

— Закройте дверь, — приказал Эйпорат и взглянул на хронометр. Было без пяти двенадцать.

Быстрыми, отработанными движениями он нажал несколько клавиш на пульте. Теперь на всем протяжении корабля длиной в две мили был слышен его голос и виден он сам.

— Солдаты королевского флагманского корабля «Винис», внимание! Говорит ваш корабельный священник! Ваш корабль, — чуть дрожащим от волнения голосом продолжал Тео, — втянут в святотатственное деяние, за которое душа каждого из вас может погибнуть безвозвратно в пучинах пространства! Слушайте! Ваш командир хочет повести этот корабль к Академии и превратить в руины этот источник нашей благодати! Это его приказ, и поэтому я во имя Галактического Духа лишаю его права командования! Он не может командовать там, где нарушена воля Галактического Духа! Даже

сам божественный король не может править без помощи Галактического Духа!

Младший священник, потрясенный до глубины души, внимал словам Тео. Двое офицеров в страхе застыли.как статуи.

— И потому, что этот корабль вовлечен в сатанинское злодеяние, от него отнимается благословение Галактического Духа!

Эйпорат торжественно воздел руки. У тысячи экранов по всему кораблю столпились солдаты и офицеры и слушали, что говорит корабельный священник.

— Во имя Галактического Духа и пророка его, Гэри Селдона, и его учеников, святых людей из Академии, я проклинаю этот корабль! Пусть телевизоры — его глаза — ослепнут! Пусть атомные заряды — его руки — отсохнут! Пусть двигатели — его сердце — остановятся! Пусть вентиляционная система — его легкие — перестанут дышать! Пусть линии связи — его голос — замолчат! Пусть его освещение — его душа — погаснет! Так, во имя Галактического Духа, я проклинаю этот корабль!

Когда Тео произнес последнее слово, пробило полночь. В Арголидском храме, на расстоянии многих световых лет от корабля, чья-то рука включила ультраволновое реле, и в тот же миг сработало ультраволновое реле на корабле.

И корабль умер!

Потому что главное свойство научной религии в том, что она практична, и проклятия, подобные произнесенным Эйпоратом, действительно смертельны!

Мрак объял все помещения крейсера. Затих шум гиператомных двигателей. Тео облегченно вздохнул и вытащил из потайного кармана сутаны маленький атомный фонарик, свет которого озарил зал призрачным сиянием...

Он взглянул свысока на офицеров, которые, хотя и

были храбрыми мужчинами, упали на колени в смертельном ужасе и вопили:

— Спасите наши души, Ваше Преподобие! Мы — простые люди и не ведали о преступлениях наших начальников!

— Идите за мной, — строго приказал Эйпорат. — Для вас еще не все потеряно.

На корабле царили темнота и ужас. Солдаты окружили Эйпората, идущего в круге света, пытаясь коснуться его сутаны, и умоляли о пощаде. Он говорил только:

— Следуйте за мной!

Навстречу ему шел князь Лефкин. Столкнувшись лицом к лицу со священником, адмирал смерил его ненавидящим взглядом.

— А-а-а! Вот вы где!

Лефкин унаследовал красивые голубые глаза матери, но, увы, ему достались и крючковатый нос, и косоглазие отца.

— Каковы бы ни были мотивы ваших изменнических действий, я приказываю немедленно вернуть кораблю энергетическое обеспечение. Командир здесь я!

— Уже нет! — гордо ответил Эйпорат.

Лефкин огляделся вокруг.

— Взять этого человека! Арестовать его — или, клянусь, я вышвырну за борт всякого, кто меня сейчас слышит!

Никто не пошевелился.

— Ваш адмирал приказывает вам! Арестуйте его.

Никакого эффекта...

— Как же вы позволяете, чтобы вас дурачил этот шут, комедиант! Он обманщик, а Галактический Дух, о котором он разглагольствует, — плод его воображения, который...

Эйпорат гневно прервал его:

— Взять богохульника! Слушать его — значит губить свои души!

Благородный адмирал тут же оказался в крепких руках своих солдат.

— Ведите его за мной!

Эйпорат повернулся и отправился в зал связи. За ним по коридорам, черным от толпы солдат, тащили упирающегося Лефкина. Войдя в зал, Эйпорат приказал подвести бывшего командира к единственному работавшему передатчику...

— Прикажите флоту изменить курс и приготовиться к возвращению на Анакреон!

Смещенный адмирал, истерзанный, полубезумный, повиновался.

— А теперь, — продолжал Эйпорат твердо и сурово, — мы на ультраволновой связи с Анакреоном. Повторяйте за мной слово в слово.

Лефкин замотал головой. Толпа, наполнившая зал и близлежащие коридоры, дико взревела.

— Говорите! — крикнул Эйпорат. — Начали: «Анакреонский флот...» — Лефкин повторил...

Глава 8

В покоях Виниса стояла напряженная тишина, когда на экране возникло лицо князя Лефкина. Регент только охнул и застонал, когда увидел, как плачевно выглядит его сын и наследник...

Гардин смотрел на экран спокойно, положив ногу на ногу, а только что коронованный Леопольд, дрожа, забился в самый темный угол и судорожно закусил рукав своего раззолоченного одеяния. Даже солдаты, выйдя из обычного бесстрастия, с ужасом глядели на экран.

Лефкин говорил запинаясь, устало, то и дело делая паузы:

— Анакреонский флот... осознавая сущность своей миссии... и отказываясь участвовать... в невиданном злодеянии и святотатстве... возвращается на Анакреон...

предъявляя следующий ультиматум... тем богохульникам и грешникам, которые осмелились применить силу... против Академии... источника всякой благодати... и против Галактического Духа... Требуем немедленно прекратить войну... против... истинной веры... и дать гарантии... которые бы устроили... военный флот, представляемый нашим священником... Тео Эйпоратом... чтобы такая война больше не повторилась... и чтобы... (тут возникла довольно долгая пауза) и чтобы... прежний регент... Винис... был заключен в тюрьму... и предстал перед церковным судом... за свои преступления... В противном случае... королевский флот... вернувшись на Анакреон... сровняет дворец с землей... и сделает все необходимое... для ликвидации гнезда грешников... и логова разрушителей...

Голос адмирала затих. Он отчаянно всхлипнул. Экран погас.

Пальцы Гардина быстро прикоснулись к корпусу атомного фонарика. Свет его постепенно пошел на убыль. И когда он совсем исчез, в наступившей темноте регент, король и солдаты стали черными тенями. А вокруг Гардина появилась аура!

Конечно, она не сверкала так торжественно, как былая аура короля, но была по-своему эффектна и куда более эффективна.

Гардин, с трудом скрывая иронию, обратился к Винису:

— Есть старая притча. Старая, как само человечество. Думаю, вам полезно будет послушать...

«У лошади был злейший враг — волк, который заставлял ее жить в постоянном страхе. Окончательно отчаявшись, она решила поискать сильного защитника, который помог бы ей избавиться от врага.

И отправилась она к человеку, и предложила ему заключить союз, потому что волк был врагом человека тоже. Человек тут же согласился и предложил немедленно убить волка, если только лошадь ему поможет. Лошадь

с радостью согласилась и позволила человеку надеть на себя седло и уздечку. Человек вскочил на лошадь верхом, поскакал — и убил волка.

Лошадь на радостях поблагодарила человека и говорит: «Теперь, когда враг наш мертв, сними с меня седло и уздечку!» А человек громко рассмеялся и ответил: «Да что ты говоришь? Ну, моя лошадка!» — и пришпорил ее хорошенько».

Стояла гробовая тишина. Тень Виниса не пошевелилась.

Гардин спокойно продолжал:

— Думаю, аналогия очевидна. Желая навечно закрепить за собой незыблемую власть над своими народами, правители Четырех Королевств приняли от нас научную религию, которая стала их седлом и уздечкой. Животворная сила атомной энергии сконцентрировалась в руках священников, которые выполняли наши приказы — наши, замечу, а не ваши. Вы убили волка, но не смогли избавиться от...

Винис, как подброшенный, вскочил с кресла. В темноте его глаза казались черными омутами безумия. Хриплым голосом он проговорил:

— Но ты в моих руках! Никуда не денешься. Ты погибнешь! Пусть нас поднимут на воздух! Пусть все взорвут! Но ты погибнешь! Я убью тебя! Солдаты, — заорал он, — стреляйте в дьявола! Огонь! Огонь!!!

Гардин обернулся и посмотрел на солдат, улыбаясь. Один из них поднял было бластер, но тут же опустил. Остальные даже не пошевелились. Сальвор Гардин, мэр Терминуса, окруженный мягким сиянием, дружелюбно улыбающийся, перед которым только что рассыпалась в прах мощь Анакреона, был слишком велик для них, несмотря на приказ трясущегося регента...

Винис выкрикнул проклятие и бросился к ближайшему солдату. Выхватил у него бластер, направил его на Гардина и нажал кнопку...

Бледный тонкий луч отразился от силового защит-

ного поля, окружавшего Гардина, и, не причинив тому никакого вреда, нейтрализовался. Винис нажимал и нажимал кнопку, хохотал в истерике и заливался бессильными слезами.

А Гардин спокойно улыбался, а его защитное поле — его аура — светилось все сильнее, поскольку поглотило энергию луча бластера. Леопольд в своем углу закрыл глаза и тихо застонал...

Издав истошный вопль, Винис развернул бластер к себе и выстрелил...

Глядя на обезглавленную фигуру на полу, Гардин пробормотал:

— Да... Приверженец «прямого действия» до конца... Последний козырь!

Глава 9

Склеп был переполнен.

Сальвор Гардин невольно сравнил эту толпу народа с той небольшой кучкой советников, которая собралась здесь во время «первого пришествия» Гэри Селдона, тридцать лет назад. Тогда их было всего лишь шестеро-пятеро старых энциклопедистов, из которых никто не дожил до сегодняшнего дня, и он сам, новоиспеченный мэр... В тот самый день он с помощью Йона Ли и его людей лишил власти старого догматика...

Теперь все было по-другому. Все члены Городского Совета ожидали появления Гэри Селдона. Гардин по-прежнему был мэром, но теперь он обладал всей полнотой власти. А после поражения Анакреона Гардин пользовался всеобщей популярностью и любовью. Когда он вернулся с Анакреона с известием о смерти Виниса и подписании нового соглашения с трясущимся от страха Леопольдом, его встретили с восторгом. Когда за этим последовало подписание соглашений с остальными королевствами — соглашений, которые охраняли Академию от любых попыток нападения, — радости не было конца! По всем улицам Терминуса прошли факельные шествия. Даже имя Гэри Селдона никогда не звучало так громко!

Губы Гардина дрогнули в улыбке. Да, начала такой популярности он добился тогда, тридцать лет назад...

В противоположном углу Склепа Зеф Сермак и Льюис Борт что-то оживленно обсуждали. Казалось, события последних дней на них не отразились никак. А ведь они голосовали за вотум доверия, публично покаялись в ранее произнесенных оскорблениях в адрес Гардина, оправдываясь и извиняясь... и тут же затеяли новую кампанию...

Йон Ли коснулся руки Гардина и многозначительно показал на часы.

Гардин поднял взгляд.

— Привет, Ли. Что это вы такой грустный? Теперь-то что не так?

— Он должен появиться через пять минут?

— Надеюсь. В прошлый раз он появился в полдень.

— А если не появится?

— Послушайте, Ли, вы, видимо, решили до конца моих дней мучить меня своими сомнениями. Не появится — значит, не появится!

Ли нахмурился и задумчиво покачал головой:

— Если все сорвется, у нас будут очередные неприятности. Если Селдон, так сказать, не одобрит наших действий, у Сермака руки будут развязаны. Он хочет полной и бесповоротной аннексии Четырех Королевств и немедленной экспансии Академии, если потребуется — с применением силы. Кампанию эту он уже разворачивает вовсю.

— Знаю. Пожиратель огня должен глотать факелы, даже если рискует сам сгореть... А вы, Ли, будете всегда сомневаться и переживать. А если причин для волнения не останется, вы их придумаете.

Ли собрался было ответить, но в эту секунду у него

перехватило дыхание. Все огни постепенно погасли, и взгляды собравшихся устремились на большой стеклянный куб, занимавший половину Склепа. Ли глубоко вздохнул и опустился в кресло рядом с Гардином.

Гардин выпрямился, пристально глядя на фигуру человека, возникшую внутри куба. Там, в инвалидном кресле, сидел старик!

Из находившихся в Склепе только Гардин помнил день, когда это произошло впервые... Тогда он был молод... С тех пор Гардин здорово постарел, а старик в кубе не состарился ни на один день...

Он тихо сказал:

— Я — Гэри Селдон...

В Склепе стояла тишина... Гэри Селдон продолжал говорить, просто и непосредственно:

— Вот уже второй раз я появляюсь здесь. Конечно, я не могу знать, есть ли здесь сейчас кто-нибудь из тех, кто был в первый раз. Я не знаю даже, есть ли здесь кто-нибудь вообще. Но и это не так уж важно. Если второй кризис успешно преодолен, вы должны быть здесь. Если вас здесь нет, значит, второй кризис вас сломал.

Он мягко улыбнулся:

— Но вряд ли, потому что мои расчеты показывают, что в первые восемьдесят лет выполнения Плана значительных отклонений от него быть не должно. Вероятность — девяносто девять процентов.

Судя по нашим расчетам, сейчас вы достигли превосходства над варварскими королевствами — ближайшими соседями Академии. Если во время первого кризиса вы победили за счет баланса сил, то во время второго — духовной силой одолев физическую.

Однако должен предупредить вас. Не будьте слишком беспечны. Я не собираюсь открывать вам знания, являясь сюда призраком, но подскажу: то, чего вы добились сейчас, — не более чем новое равновесие. Но теперь ваше положение значительно лучше. И помните о том, что духовной мощи, которой было достаточно, чтобы отразить мощь физическую, мало для собственной агрессии. У вас расцветают регионализм и национализм, и духовная мощь не сможет продержаться долго. Думаю, не говорю вам ничего такого, что может вас удивить.

И еще — вы должны простить меня за то, что мои объяснения несколько туманны. Я вынужден пользоваться приблизительными терминами, поскольку никто из вас не имеет образования, необходимого для понимания сути психоистории. Вот я и говорю так, чтобы вам было понятно.

Сейчас Академия находится в самом начале пути, ведущего к созданию новой Империи. Окружающие вас королевства по ресурсам еще сильнее вас. Далее — громадные, непроходимые дебри варварства. За поясом варварства находится то, что пока еще называется Империей. Она слаба и полуразрушена, но все же еще жизнеспособна.

Тут Гэри Селдон взял с невидимого столика книгу и открыл ее. Лицо его стало серьезным и торжественным.

— И не забывайте о том, что существует вторая Академия, основанная, как и ваша, восемьдесят лет назад. Академия на другом краю Галактики. Господа! Перед вами дорога длиной в девятьсот двадцать лет. Дерзайте! — Селдон опустил взгляд на книгу и исчез. Снова загорелся свет. Склеп наполнился шумом голосов. Ли склонился к уху и прошептал:

— А он не сказал, вернется ли еще.

Гардин хмыкнул:

— Не сказал. Но я очень надеюсь, что ко времени его нового пришествия и вы, и я будем надежно упокоены в земле. Так-то, Ли!

ЧАСТЬ IV

ТОРГОВЦЫ

Глава 1

ТОРГОВЦЫ — *...постепенно политическую олигархию Академии возглавили Торговцы, которые оплели тонкими сетями маршрутов грандиозные просторы Периферии. Они покидали Терминус на долгие месяцы и годы. Их корабли зачастую были латаны-перелатаны собственноручно; честность в их среде оставляла желать лучшего, но бесстрашие и отвага...*

...за счет всего вышеперечисленного им удалось создать собственную «Империю», более могущественную, чем псевдорелигиозные деспотии Четырех Королевств...

...ходит множество рассказов об этих одиноких и угрюмых великанах, которые полушутя-полусерьезно произносили свой лозунг, заимствованный из афоризмов Сальвора Гардина: «Никогда не позволяйте морали удерживать вас от правильных поступков»... Теперь трудно судить, какие из рассказов точны, а какие апокрифичны. Почти все в той или иной степени приукрашены...

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Лиммар Пониетс стоял под душем, когда зазвучал сигнал вызова, — странно, но гипервизионная связь и горячий душ действовали на необъятных, пустынных просторах галактической Периферии...

К счастью, этот отсек корабля, не заполненный всевозможными грузами, был настолько миниатюрен, что душевая комната занимала кубик размером два на четыре фута и находилась всего в двух футах от пульта управления. Ласковый плеск воды прервало стрекочущее стаккато вызова...

Наспех стерев с лица мыльную пену, бормоча ругательства, Пониетс босиком прошлепал к пульту, отладил звук и изображение...

Не прошло и трех часов, и к его кораблю причалил другой торговый звездолет, и через стыковочный тунель вошел улыбающийся юноша.

Пониетс указал ему на свое лучшее кресло, а сам бочком пристроился в кресле пилота.

— Каким ветром вас занесло, Горм? — мрачно спросил он. — Вы что, всю дорогу от Академии тащились за мной?

Лес Горм закурил сигарету и отрицательно покачал головой.

— Делать мне нечего! Просто угораздило попасть на четвертую Глипты после прибытия почты. Вот меня и послали вдогонку за вами с этой штукой.

Он передал Пониетсу маленький блестящий шарик и добавил:

— Конфиденциально. Сверхсекретно. Нельзя передавать по субэфиру, и все такое прочее. В общем, это персональная капсула, и никто, кроме вас, ее не прочтет.

Пониетс грустно вертел в руке шарик.

— Вот так подарочек! Что-то я не припомню, чтобы персональная капсула хоть когда-нибудь приносила радостные известия...

Шарик раскрылся у него на ладони. Из него побежала тонкая ленточка. Он пробежал глазами сообщение — читать необходимо было как можно скорее, потому что, когда появлялся конец ленты, начало ее уже чернело и обугливалось. Еще через мгновение ленточка распалась на молекулы и испарилась.

— Черт подери, — огорченно проговорил Пониетс.

— Может, чем-нибудь помочь? — поинтересовался

Горм, с любопытством глядя на Лиммара. — Или это действительно секрет?

— Да нет, вам-то как раз я могу сказать. Вы ведь член Гильдии... В общем, мне нужно лететь на Аскон.

— На Аскон? С какой стати?

— Они там торговца арестовали. Вот и весь секрет.

Горм был искренне возмущен.

— Арестовали? Но это же нарушение Конвенции!

— Угу. И вмешательство во внутреннюю политику.

— О! Так он на этом засыпался! А кто такой? Я его знаю?

— Нет! — резко отозвался Пониетс, и Горм понял, что больше вопросов задавать не стоит.

Пониетс встал, нажал на клавиши пульта и уставился на монитор. Ряд бесстрастных цифр, появившихся на экране, поверг его в бешенство... Он с ненавистью смотрел на экран и бормотал:

— Проклятие! В то время как у меня не выполнена квота по продаже! Мать твою...

Тут в глазах Горма вспыхнул огонек.

— Послушайте, дружище, Аскон-то — закрытая территория!

— То-то и оно! Что там, кроме перочинного ножика, продашь? Они упорно не желают приобретать никаких атомных устройств. А у меня квота наполовину не выполнена. Просто самоубийство туда лететь!

— А отвертеться нельзя?

Пониетс печально покачал головой.

— Дело — дрянь. Этот парень — мой друг, и я не могу бросить его в беде! Меня ведет рука Галактического Духа...

— Чего-чего? — прищурился Горм.

Пониетс взглянул на обескураженного Горма и сухо рассмеялся:

— Простите, отвлекся. Вы ведь не читали «Книгу Духа».

— Да я про такую и не слышал!

— Естественно. Ее читают те, кто обучается в религиозных школах.

— А вы, что же...

— Увы, Горм. Это темное пятно в моей биографии и страшная тайна. Но для Преподобных Отцов я оказался крепким орешком. Они меня выгнали, и мне ничего не оставалось, как получить светское образование в Академии. Ну ладно, это все, так сказать, лирика. А как у вас с квотой в этом году?

Горм погасил сигарету и напялил кепочку.

— Последний груз — и все.

— Счастливчик, — буркнул Пониетс.

Горм попрощался с ним и перешел на свой корабль, а Лиммар еще долго сидел, угрюмо глядя в одну точку...

Итак — Эскел Горов был на Асконе и в тюрьме!

Скверные дела... Хуже, чем могло показаться на первый взгляд. Одно — рассказать об этом так, как Пониетс рассказал любопытному юнцу, чтобы тот поскорее отвязался. Другое — что все принимало серьезный оборот.

Лиммар Пониетс был одним из немногих, кто знал, что Старший Торговец Эскел Горов — вовсе не торговец, а агент Академии...

Глава 2

Прошло две недели. И все — впустую!

Неделю он потратил, добираясь до Аскона. На границе его встретили бдительные патрульные кораблики. Какова ни была асконская система слежения — она действовала, и неплохо...

Сохраняя дистанцию, патруль сопровождал его до центральной планеты Аскона.

Пониетс без особого труда узнал эти корабли. Прежние имперские реликвии. Но не военные звездолеты, а

спортивные. Не имея на борту атомного оружия, они представляли собой разве что музейные экспонаты...

Еще неделя ушла на общение с бесчисленными чиновниками, которые, как многоголовый шлагбаум, перекрывали дорогу к Верховному Магистру. Перед всяким секретарем и советником нужно было расшаркиваться и раскланиваться. Каждого нужно было долго и нудно уговаривать, чтобы получить драгоценную подпись, открывавшую путь к следующему чинуше.

Впервые в жизни Пониетс почувствовал, как бесполезны здесь его торговые титулы...

И вот наконец он стоял перед дверью, ведущей в тронный зал. Прошло две недели. Горов сидел в тюрьме, а груз Пониетса бесполезно томился в трюмах корабля.

Верховный Магистр был небольшого роста, лысеющий. Лицо его избороздили глубокие морщины, тонкую шею украшал огромный, пышный меховой воротник. Казалось, тело Магистра подвешено к нему.

Он сделал знак рукой, цепочка вооруженных охранников разомкнулась. По образовавшемуся проходу Пониетс приблизился к трону.

— Молчи! — прошипел Верховный Магистр, хотя Пониетс не успел и рта открыть. — Вот так-то лучше! — обрадованно заявил Верховный Магистр. — Чего не выношу — так это бесполезной болтовни. Молчишь — и молчи. И не угрожай мне, и не пытайся льстить! И жаловаться не вздумай! Я уже счет потерял — сколько раз такие, как ты и твой дружок, пытались всучить моим людям адские машинки!

— Сир! — смиренно проговорил Пониетс. — Я не хочу оправдывать упомянутого торговца. У нас не принято лезть туда, где нас не ждут. Но Галактика велика, и бывали случаи, когда границы нарушались невольно. Это были досадные ошибки...

— Досадные... — проскрипел Великий Магистр. — Только вот ошибки ли? А? Ваши люди с четвертой Глипты терроризируют меня просьбами о переговорах уже две недели, с того дня, когда мы посадили в тюрьму этого богохульника! Они мне и о твоем прибытии сообщили, не сомневайся. Что это, как не хорошо организованная кампания по спасению? Слишком продуманная для досадной ошибки!

Черные глазки асконского правителя метали молнии.

— А вы, торговцы, мечетесь между мирами как шальные и заинтересованы только в своих правах! У вас хватает наглости прилетать в центральную систему Аскона, а потом называть это невольным переходом границы, досадной ошибкой? Не морочьте мне голову, ладно?

Пониетс дрогнул, но виду не подал. Он так же смиренно произнес:

— Если попытка торговать совершена преднамеренно, Ваше Превосходительство, то это, безусловно, противоречит жестким правилам, установленным в нашей Гильдии.

— Противоречит, противоречит! И нашим правилам — тоже! Да так противоречит, что твой приятель скоро жизнью заплатит за это.

У Пониетса противно засосало под ложечкой. Казалось, выхода нет.

Он тихо проговорил:

— Сир, но смерть так абсолютна и бесповоротна, что, может быть, ей найдется какая-нибудь замена?

Наступила молчаливая пауза. Затем Верховный Магистр вкрадчиво поинтересовался:

— Я слышал, Академия очень богата?

— Да! К сожалению, вы постоянно отказываетесь от наших богатств! Наши атомные товары стоят...

— Да ничего они не стоят, ваши атомные товары. На них нет благословения наших предков. Они греховны и прокляты во веки веков.

Последняя фраза прозвучала как школьная формула...

Морщинистые веки Верховного Магистра опустились на глаза.

— А больше ничего ценного у тебя нет?

Пониетс сделал вид, что намека не понял.

— А что бы вы хотели?

Асконец открыл глаза и пожал плечами:

— Хорошенькое дело! Кто торговец — ты или я? Что же ты у меня спрашиваешь, что мне нужно? Так не пойдет! Твоему драгоценному дружку грозит смерть за нарушение законов Аскона. Газовая камера. Мы, кстати, справедливый народ. Беднейший из крестьян не пострадал так, как твой друг. Я сам, окажись я, не дай бог, на его месте, пострадал бы не меньше.

Пониетс, потупив взор, безнадежно спросил:

— Сир! Не будет ли мне позволено переговорить с узником?

— Асконские законы, — холодно отозвался Верховный Магистр, — не разрешают свиданий со смертниками.

У Пониетса перехватило дыхание. Мгновение он собирался с духом и вдруг воскликнул:

— Ваше Превосходительство, я прошу вас проявить милость к душе человеческой в часы, когда тело его готовится к скорой погибели. Он лишен духовного окормления, и душа его в опасности. Он может уйти в мир иной неподготовленным.

Верховный Магистр медленно, подозрительно поинтересовался:

— Ты что... — исповедник?

Пониетс скромно потупился.

— Меня так учили, Ваше Превосходительство. В мрачных пучинах космоса странствующим торговцам нужны такие люди, как я, которые могли бы позаботиться о духовной стороне их жизни...

Асконский правитель задумчиво покачал головой:

— Да... человек должен подготовить свою душу к путешествию в страну предков... Вот уж не думал не гадал, что торговцы — верующие! Дивны дела твои, господи!

Глава 3

Эскел Горов пошевелился на нарах и приоткрыл один глаз. Дверь камеры резко скрипнула и тяжело открылась... Горов быстро вскочил на ноги.

— Пониетс! Тебя послали!

— Совпадение обстоятельств, — печально ответил Пониетс. — Случайность или мой злой демон подшутил... Сначала ты попадаешь в беду на Асконе. Затем мой торговый маршрут, известный Совету по Торговле, пролегает в пятидесяти парсеках отсюда, когда случается то, что во-первых. В-третьих, мы раньше работали вместе, и Совету это известно. Ну разве не удачное стечение обстоятельств?

— Говори осторожнее, — тихо проговорил Горов. — Нас наверняка подслушивают. Или у тебя портативный отражатель?

Пониетс молча показал узорчатый металлический браслет, охватывающий запястье левой руки, и Горов успокоился.

Пониетс огляделся. Камера была чистая и просторная. Ничем дурным не пахло.

— Повезло. Похоже, с тобой тут неплохо обращаются.

Горов пропустил его слова мимо ушей.

— Ты мне вот что скажи. Как тебе удалось ко мне пробраться? Никого не допускают уже две недели!

— С того самого дня, значит, как я прибыл... Ну что тебе сказать? Представь себе, что этот общипанный воробей — здешний правитель — имеет кое-какие слабости. Он, видишь ли, обожает благочестивые речи. Глупо этим не воспользоваться! Как видишь, вышло. Ты думаешь, я кто? Не падай в обморок — я твой духовник. Удивительные люди — эти святоши! Понадобится, так он тебе лично глотку перережет, глазом не моргнув, но при этом искренне печется о твоей бестелесной, несуществующей душе. В общем, выражаясь по-научному,

я применил методы эмпирической психологии. Хороший торговец должен знать обо всем понемногу.

Горов саркастически ухмыльнулся:

— Ясно. Ты же учился в богословской школе. Молодчина, Пониетс! Какая удача, что послали именно тебя! Но как-то мне не верится, что Верховный Магистр так уж переживает за мою душу. Наверняка он намекнул на выкуп?

Глаза торговца сузились.

— Да, намекнул, вскользь. Параллельно угрожая смертью в газовой камере. Я сделал хитрый ход и увернулся. Запросто мог попасть в ловушку. Неужели это всего лишь вымогательство? Вот те на! А что ему надо?

— Золота.

— Золота? — нахмурился Пониетс. — Что, сам металл? Зачем?

— У них золото — средство обмена.

— Вот как? А где же я его возьму?

— Где хочешь. Послушай, это очень важно. Если запахнет золотом и Верховный Магистр учует этот запах, со мной ничего не сделают. Пообещай ему столько, сколько он запросит. Потом отправляйся в Академию, на Терминус, если потребуется. Когда меня освободят, нас с почетом проводят из Аскона, и мы благополучно разбежимся в разные стороны.

— Ага. А потом ты вернешься и попробуешь еще раз?

— Пониетс, иначе я не могу! Я обязан продать атомные устройства на Асконе.

— Да ты не успеешь и на парсек от Аскона отлететь. Ты не хуже меня представляешь последствия.

— Нет. Не понимаю, о чем ты? А и понимал бы — все равно ничего бы не изменилось.

— Будь уверен, в следующий раз тебя точно прикончат.

Горов пожал плечами.

Пониетс неожиданно спокойно проговорил:

— Знаешь, если мне еще раз выпадет переговорить с

Верховным Магистром, было бы желательно знать всю подноготную. До сих пор я действовал вслепую. Но даже путем легких намеков мне удалось довести Его Превосходительство до нужной кондиции.

— Все предельно просто, — отозвался Горов. — Безопасность Академии здесь, на Периферии, может быть укреплена путем создания коммерческой империи с религиозным управлением. Мы все еще недостаточно сильны для того, чтобы вводить политический контроль. Хотя это возможно при поддержке Четырех Королевств.

Пониетс кивнул:

— Это понятно. А в системе, которая отказывается приобрести атомные приспособления, ни за что не поставишь под контроль религиозное правление.

— Вот именно! И такая система становится очагом напряженности.

— Ну ладно, — зевнул Пониетс. — Это все, так сказать, теория. Давай ближе к делу. Что конкретно здесь мешает торговле? Религия? Я именно так и решил, когда препирался со старым козлом.

— У них тут культ предков. Они считают, что существовало первородное зло, от которого их спасли скромные и отважные герои — их предки. Сто лет назад имперские войска вышибли отсюда, и было установлено независимое правление. Развитая наука, а в особенности атомная энергетика, стала ассоциироваться с прежним, имперским, режимом, о котором они вспоминают с ужасом.

— Вот оно что! Однако... мне показалось, что от тех хорошеньких корабликов, которые сопровождали меня сюда от границы, сильно попахивало атомными двигателями...

Горов хмыкнул:

— Эти корабли — имперские реликвии. Может, и с атомными двигателями. Они сохраняют то, чем владеют. Дело в другом, а именно в их нежелании пробовать

новое. Вся асконская промышленность ориентирована не на атом. Вот это мы и должны изменить.

— И как же ты собираешься это сделать?

— Попытаюсь сломить сопротивление сначала в одной точке. Проще говоря, если бы мне удалось загнать хотя бы один перочинный нож с атомным лезвием местному аристократу, это значило бы заинтересовать его провести в правительстве закон, позволивший бы этим ножиком пользоваться. Может, это выглядит чересчур примитивно, но с психологической точки зрения тут не подкопаешься. Для того чтобы осуществлять стратегическую торговлю в стратегических местах, нужно создать проатомную фракцию в правительстве.

— Ясненько... Стало быть, вот для какой высокой цели тебя послали, а я здесь торчу, чтобы заплатить за тебя выкуп и удрать во все лопатки, а ты снова продолжишь свое? А тебе не напоминает это змею, кусающую себя за хвост?

— В каком смысле?

— Послушай! — разгорячился Пониетс. — Ты ведь дипломат, а не торговец, и сколько бы ты себя торговцем ни называл, ты им не станешь! Тут дельце для того, кто смыслит в торговле. А у меня тут корабль с полными трюмами всякой всячины, которую я напрасно, выходит, тащил! И вдобавок квота по продаже у меня не выполнена!

— Ты... хочешь рискнуть жизнью из-за чужого дела?

Пониетс насмешливо произнес:

— А ты хочешь сказать, что тут, дескать, чувство патриотизма и всякое такое? Торговцы, стало быть, патриотами быть не могут?

— Нет. Не могут. Первооткрыватели — не патриоты по определению.

— Ну и ладно. Я это учту. Естественно, у меня и в мыслях нет ничего вроде укрепления безопасности Академии. Мое дело — бизнес, и, похоже, у меня есть шанс. Ну а если я еще и Академии помощь окажу — тем лучше. А жизнью я рисковал и по более пустяковым поводам.

Пониетс встал, и Горов поднялся вслед за ним.

— Что ты собираешься делать? — встревоженно спросил он.

Торговец улыбнулся:

— Не знаю, Горов. Пока — не знаю. Но если все дело заключается в том, чтобы что-то продать, я тебе помогу. Я не жулик и еще ни разу в жизни не заканчивал торговый сезон с невыполненной квотой.

Дверь камеры тяжело открылась, как только Пониетс постучал, и по обеим сторонам ее встали охранники.

Глава 4

— Цирк, — презрительно буркнул Верховный Магистр. Он укутался в меха, рука крепко сжимала железную дубинку, служившую ему жезлом.

— И золото, Ваше Превосходительство!

— Ну да, и золото, — небрежно кивнул Верховный Магистр.

Пониетс поставил на столик шкатулку и осторожно приоткрыл ее. Чувствовал он себя до крайности неуютно в этой обстановке недоверия и враждебности — только в первый год своей работы в космосе он испытывал такое.

Вельможи расположились полукругом на возвышении, бросая колючие взгляды в его сторону. Среди них был и Ферл, узколицый, костлявый фаворит, восседавший рядом с Верховным Магистром. Его лицо было особенно злым. Пониетсу уже довелось с ним встретиться однажды, и он тут же отметил для себя, что это — его главный враг. А следовательно, и первая жертва...

За дверьми зала ожидал развязки небольшой военный отряд. За все время Пониетс так и не сумел попасть на корабль. С собой у него ничего не было — кроме

этой штуковины, которую он решил испытать, а Горов все еще томился в асконском застенке.

Он задумал поработать с маленьким шедевром инженерной мысли, на изготовление которого ушла неделя кропотливого труда, и мысленно умолял, чтобы покрытый свинцом кварц выдержал испытание...

— Что это? — с подозрением спросил Верховный Магистр.

— Это, — ответил Пониетс, отступив на шаг назад, — небольшой приборчик, который я сделал сам.

— Я не об этом спрашиваю. Это — одно из приспособлений черной магии вашего мира?

— В основе работы прибора — действительно атомная энергия, — спокойно ответил Пониетс. — Но вам не нужно к нему прикасаться. Если прибор нанесет вред, то отразится это исключительно на мне.

Верховный Магистр поднес жезл к прибору, и губы его быстро и беззвучно зашевелились, произнося очистительное заклинание.

Узколицый советник, сидевший рядом с ним, склонился к уху Верховного Магистра. То ли он пощекотал Магистра встопорщенными рыжими усиками, то ли тот не захотел его слушать, только Верховный Магистр брезгливо отстранился от него.

— А может ли эта машина произвести золото, которое спасло бы жизнь твоего соотечественника?

— С помощью этого прибора, — начал Пониетс, мягко опуская руку на панель прибора, — я могу превратить в золото железо, которое вы мне дадите, если будете так любезны. Золото получится высочайшего качества. Это единственное устройство, известное людям, Ваше Превосходительство, которое способно взять железо — самое простое железо, которое украшает ваш трон и стены этого зала, и превратить его в сияющее золото.

Пониетс говорил, но без чувства уверенности в себе. Обычно торговые переговоры давались ему легко, гладко, а сейчас он напоминал сам себе перегруженный вагон на искореженных рельсах. К счастью, Верховного Магистра больше интересовало содержание, чем форма...

— Вот как? Трансмутация? Тут уже бывали хитрецы, которые хвастались, что умеют это делать. Они жестоко поплатились за свое богохульство!

— Им удалось сделать золото?

— Нет.

Великий Магистр несколько оживился.

— Производство золота — это преступление, которое таит в себе наказание. Попытка плюс неудача — и вот вы уже смертник. Ну-ка, сделай что-нибудь с моим жезлом!

Он швырнул жезл к ногам Пониетса.

— Ваше Превосходительство простит меня. Мой прибор мал для вашего жезла.

Маленькие блестящие глазки Верховного Магистра обвели полукруг вельмож и остановились на одном из них.

— Рандел, одолжите пряжки. Не бойтесь вы так, я верну. В двойном размере, не сомневайтесь.

Пряжки передали по рядам. Верховный Магистр взвесил их на ладони и бросил на пол.

— Возьми!

Пониетс подобрал с пола пряжки, сильно дернул за кольцо. Свинцовый цилиндр раскрылся. Глаза его сузились от мнимого напряжения. Он старательно разместил пряжки на решетке анода. Потом пойдет легче, а сейчас нельзя было ударить лицом в грязь.

Самодельный трансмутатор сердито потрескивал минут десять. В воздухе появился запах озона. Асконцы зашумели. Ферл снова наклонился к уху Верховного Магистра. Однако лицо старика оставалось непроницаемым. Он вновь отклонился от Ферла.

Пониетс раскрыл цилиндр. Пряжки стали золоты-

ми. Лиммар поднес их Верховному Магистру, поклонился, пробормотав подобострастно:

— Прошу вас, Ваше Превосходительство!

Старик был не на шутку перепуган. Он сделал рукой отчаянный жест, повелевая Пониетсу убрать пряжки подальше, и с ужасом взирал на трансмутатор. Пониетс обратился к присутствующим:

— Господа, вот золото. Настоящее золото. Если вы сомневаетесь, то можете подвергнуть его любым физическим и химическим анализам и убедиться сами в его схожести с природным. Любое железо поддается обработке таким способом. Ржавчина и небольшие примеси сопутствующих металлов — не помеха.

Слова Пониетса повисли в тишине. Пряжки еще лежали на его ладони. Молчание было красноречивым.

Верховный Магистр наконец взял себя в руки. Только он потянулся за пряжками, как узколицый Ферл вскочил и крикнул:

— Ваше Превосходительство, но золото получено из загрязненного источника!

Пониетс возразил:

— Прекрасные цветы вырастают из грязной земли, Ваше Превосходительство! Вы торгуете со всеми соседями, покупаете у них разные вещи и не спрашиваете при этом, как их изготовили — в древней машине, благословленной вашими предками, или на каком-нибудь проклятом небесами устройстве. А потом — я же не предлагаю вам прибор. Я предлагаю золото!

— Ваше Превосходительство! — не унимался Ферл. — Вы не можете отвечать за грехи чужестранца, который действует против вашей воли. Но... принять это греховное псевдозолото, порочным методом изготовленное из железа в вашем присутствии, на ваших глазах и с вашего согласия, — это оскорбление духов наших предков!

— Но... все-таки... золото есть золото, — колеблясь, проговорил Верховный Магистр. — Это выкуп за того, кто сидит в тюрьме. А вы, Ферл, чересчур придирчивы.

Он принял из рук Пониетса пряжки, протянул их Ферлу, но тот гордо отвернулся.

— Вы — сама Мудрость, Ваше Превосходительство, — смиренно произнес Пониетс. — Ведь помилование осужденного не оскорбит памяти ваших предков. Кроме того, полученное золото можно принести им в жертву. Если оно несет в себе зло, то распадется в прах, будучи приложенным к благословенному святилищу!

— Клянусь прахом моего дедушки! — изумленно воскликнул Верховный Магистр. — Ферл, что вы скажете об этом молодом человеке? По-моему, он дело говорит. Его слова благочестивы...

Ферл мрачно проговорил:

— Если только они не были продиктованы Злым Духом.

— Сделайте так, Ваше Превосходительство! — предложил ободренный Пониетс. — Возьмите золото в плен. Поместите его на алтари ваших предков как жертвоприношение, а меня задержите на тридцать дней. Если к концу этого срока вы не заметите никаких признаков отторжения, то есть — если не произойдет никаких несчастий, это будет указанием, что жертва принята.

Верховный Магистр торжественно поднялся и оглядел присутствующих, ища одобрения на лицах сановников. Даже Ферл, пожевывая кончик рыжих усов, церемонно кивнул.

Пониетс улыбнулся и... возблагодарил небеса за пользу религиозного образования...

Глава 5

Минула еще неделя, и настал день, назначенный для встречи с Ферлом. Пониетсу все до чертиков надоело, но деваться было некуда, приходилось мириться с собственным бессилием.

Он покинул пределы города под конвоем. На заго-

родной вилле Ферла его содержали под замком. Ничего не оставалось, как смириться и с этим.

Дома Ферл казался моложе и стройнее и вовсе не был похож на старейшину.

— Вы — интересный человек, — сказал он, твердо глядя на Пониетса близко посаженными глазами. — На прошедшей неделе вы бездельничали. А в последние два часа вы всеми возможными способами пытались выяснить, не нужно ли мне золото. Это глупо. Кому же оно не нужно? Предложили бы прямо.

— Но это не простое золото, — объяснил Пониетс. — Не только золото. Не просто монетка-другая. Скорее, это все, что скрывается за понятием «золото».

— А что скрывается за этим понятием? — буркнул Ферл, кривя губы. — Надеюсь, мы не станем тратить время на бесполезные споры и еще одну нелепую демонстрацию?

— Нелепую?

— Естественно.

Ферл оперся подбородком на сложенные руки.

— У меня нет к вам претензий. Я отлично понимаю, что буффонада входила в ваши планы. Надо предупреждать Его Превосходительство, хотя я сомневаюсь в ваших мотивах. Если быть искренним, на вашем месте я бы произвел золото на корабле и предложил уже готовое. Тогда можно было бы обойтись без спектакля и не вызывать неудовольствия.

— Конечно, — согласился Пониетс, — но поскольку на моем месте был я сам, то я предпочел возбудить недовольство, чтобы привлечь ваше внимание.

— Вот как? Неужели?

Ферл был искренне удивлен.

— Следовательно, тридцатидневное очищение вы рассчитывали употребить на то, чтобы мое внимание переросло во что-то более существенное? А что, если золото окажется нечистым?

Пониетс мрачно отшутился:

— Угу. В то время как заключение экспертизы зависит от тех, кто более других заинтересован, чтобы оно оказалось чистым?

Ферл, прищурившись, взглянул на торговца. Казалось, он был удивлен и рад одновременно.

— Попали в точку. Ну а теперь расскажите мне, почему вы так старались привлечь мое внимание?

— Это просто. За то короткое время, что я нахожусь здесь, я узнал многое из того, что оказалось исключительно полезным. Ну, например, — вы слишком молоды для члена Совета Старейшин, а кроме того, происходите из относительно молодого рода.

— Вы что-то имеете против моей семьи?

— Вовсе нет. Ваши предки велики и святы — это общепризнанно. Но кое-кто поговаривает, что вы не входите в число Пяти Племен.

Ферл откинулся в кресле.

— При всем своем уважении к ним, — проговорил он с плохо скрытым раздражением, — в Пяти Племенах — сплошное кровосмесительство и вырождение. Сейчас с трудом отыщется хотя бы пятьдесят истинных членов Племен.

— Но кто-то поговаривает, что не желает видеть всякого, кто не входит в число членов Пяти Племен, на посту Верховного Магистра. А у молодого новоявленного фаворита неизбежно должны быть могущественные враги из числа сильных мира сего. Это очевидно. Его Превосходительство стареет, и его протекции не станет вместе с ним.

Ферл сдвинул брови.

— Для чужеземца вы что-то слишком много успели разузнать. Вам следовало бы отрезать уши.

— Этот вопрос можно решить потом.

— Дайте-ка подумать.

Ферл заерзал в кресле.

— Вы предлагаете мне силу и власть, которые пре-

доставляются за маленькие греховные устройства, которыми заполнен ваш корабль? Так?

— Допустим. Есть возражения? Что-нибудь из области понятий о добре и зле?

Ферл покачал головой:

— Нет. Послушайте, чужеземец. Вы с позиций языческого агностицизма вольны думать о нас что угодно. Но что касается лично меня, то я хочу уверить вас в том, что я не ослеп от мифологии, хотя вам так и могло показаться. Я — образованный человек, сэр, и, не боюсь этого слова, — просвещенный. Наши религиозные обряды — скорее в ритуальном, чем в этническом плане — предназначены для толпы.

— В таком случае что вам мешает?

— Толпа. Лично я не прочь иметь с вами дело, но ваши приборчики должны приносить пользу! Разве ко мне поплывут несметные богатства, если я воспользуюсь вашим предложением — ну, не знаю, бритвы там всякие и ножи — втайне? Разве чисто выбритый подбородок сулит мне богатство? И как мне удастся избежать смерти в газовой камере и гнева толпы, если меня в один прекрасный день застанут за этим занятием?

Пониетс пожал плечами.

— Вы правы. По-моему, единственным выходом из ситуации было бы обучение вашего народа применению атомных приспособлений для их же удобства и для вашей личной немалой выгоды. Это гигантская работа, не отрицаю, но выигрыш стоит того. Но это вам решать, не мне. Поскольку я не предлагаю вам ни бритву, ни нож, ни механический мусоросборник.

— Что же вы предлагаете?

— Золото. Просто золото. Вы можете получить тот прибор, который я показывал на прошлой неделе.

Ферл напрягся:

— Трансмутатор?

— Именно. И золота в ваших руках окажется столько, сколько сейчас железа. Этого должно вам хватить на

все про все. И для того, чтобы получить пост Верховного Магистра, несмотря на вашу молодость и многочисленных недругов. Кроме того, это абсолютно безопасно.

— В каком смысле?

— В таком, что принцип трансмутации секретен. Так же секретен, как бритье атомной бритвой втайне от любопытных глаз. Вы можете упрятать трансмутатор в глубокое подземелье в мощной крепости самого отдаленного поместья, и он станет источником вашего благосостояния. Вы приобретаете золото, а не прибор, а золото не пахнет — оно не несет следов производства, и его никак нельзя будет отличить от природного.

— А кто же будет работать с прибором?

— Да вы и будете работать. Пять минут обучения — и дело в шляпе.

— А... что вы хотите взамен?

— Ну... — Пониетс сразу стал серьезнее и осторожнее, — я честно назову вам цену. Прибор очень дорогой — эквивалент кубического фута золота в чугуне.

Ферл рассмеялся, а Пониетс покраснел.

— Я хотел бы отметить, сэр, что два часа принесут все, что вам нужно.

— Конечно! А через час вы спокойненько улетите, а прибор вдруг перестанет работать. Мне нужны гарантии.

— А мое честное слово?

— Восхитительно!

Ферл развеселился не на шутку. Вдруг он нахмурился и отчеканил:

— Меня больше устраивает ваше присутствие. Я, в свою очередь, даю честное слово заплатить после того, как прибор проработает неделю.

— Это невозможно.

— Невозможно? Да за одно предложение я могу вас казнить! Даю слово, что завтра с утра вы отправитесь в газовую камеру.

Лицо Пониетса оставалось непроницаемым. Но глаза сверкнули огнем.

— Круто... Вы не могли бы письменно зафиксировать свое обещание?

— И подписать собственный смертный приговор? Нет уж, увольте!

Ферл широко улыбнулся:

— Простите, дорогой! Но один из нас идиот!

Торговец обреченно проговорил:

— Договорились...

Глава 6

Горова освободили на тридцатый день, и его место заняли пятьсот фунтов чистейшего золота. Корабль вернули ему в целости и сохранности. Так же, как и звездолет Пониетса. В сопровождении эскорта маленьких юрких звездолетов они покидали пределы Аскона.

Голос Горова, измененный расстоянием, долетал до слуха Пониетса.

— Но... это не то, чего мне хотелось, Пониетс. Трансмутатор — нет, не то... Где ты его взял?

— Я его не брал. Смастерил сам из камеры для облучения пищи. Конечно, не то. Слишком велика потребляемая мощность, не то бы Академия давно бы использовала трансмутацию вместо того, чтобы мотаться по всей Галактике в поисках тяжелых металлов. Это скорее стандартный трюк, которым пользуется порой торговец. Но, положа руку на сердце, скажу — никогда не видел, как из железа получается золото. Но это впечатляет, а главное, срабатывает — ненадолго, правда.

— Понятно. Но меня это мало устраивает.

— Ну ты даешь! Благодаря этому я вытащил тебя из тюрьмы!

— Это вовсе не то, что было нужно. Мне нужно вернуться, как только от нас отвяжется конвой.

— Почему?

— Ты все сам объяснил этому политику! Твоя торговая сделка состояла в том, что трансмутатор — не предмет продажи, а средство производства. Он купил золото, а не прибор. С психологической точки зрения все в порядке, но...

— Но?

Голос Горова зазвучал резче:

— Необходимо продать им приборы, именно приборы! Что-то, что бы они не боялись применять открыто, чтобы заставить их применять атомную технику.

— Это понятно, — мягко отозвался Пониетс. — Но я — не маленький. Послушай-ка, что выходит из моей сделки, ладно? Пока будет работать трансмутатор, Ферл станет качать золото, и этого окажется достаточно, чтобы он смог купить себе следующие выборы. Верховный Магистр долго не протянет.

— Ты что, рассчитываешь на его благодарность?

— Нет. На заинтересованность неглупого человека. Трансмутатор позволит ему выиграть на выборах, а другие приборы...

— Нет! Нет! Это слишком запутанно. Он заплатил не за трансмутатор, а за золото, старомодное золото. Вот что я пытаюсь тебе втолковать!

Пониетс усмехнулся и поудобнее устроился в кресле пилота.

«Да, — подумал он, — я и вправду здорово запутал беднягу...»

Вслух он сказал:

— Не надо торопиться, Горов. Я еще не закончил. Кое-какие приспособления я ему всучил.

Последовала короткая пауза. Затем Горов осторожно спросил:

— Какие приспособления?

Пониетс сделал небрежный жест рукой.

— Видишь этот эскорт?

— Ну, вижу. Ты про приспособления выкладывай.

— Скажу. Вот послушай. Нас сопровождает личный

эскорт Ферла — дар Верховного Магистра. Это Ферл устроил для нас.

— Вот как?

— А как ты думаешь, куда нас направляют? На его собственные копи, вот куда! Слушай! — Пониетс оживился. — Я ведь говорил тебе, что собираюсь делать деньги, а не трепаться! Да, я отдал трансмутатор даром. Ни за что, кроме риска оказаться в газовой камере, а такая цена ничего не добавляет к моей квоте.

— Вернись к копям, Пониетс. Откуда они-то?

— А они фигурируют в договоре об оплате. Мы отправляемся за оловом, Горов. Мы наполним оловом все отсеки этой старой развалины, да еще и тебе останется! Слушай внимательно! Я спущусь с Ферлом вниз, в шахту, а ты прикроешь меня сверху на тот случай, если Ферлу вздумается с нами шутить. Вот так он расплатится, Горов!

— За трансмутатор?

— За весь груз атомных приспособлений! Загнал за двойную цену плюс вознаграждение. — Он стыдливо пожал плечами. — Осознаю, что это надувательство, но мне нужно квоту выполнить, ясно?

Горов растерянно спросил:

— Может... объяснишь все-таки?

— Что тут объяснять? Просто, как в школе. Понимаешь, Горов, этот умник посчитал, что я у него в ловушке, — его слово значило для Верховного Магистра больше, чем мое. Он взял трансмутатор, хотя на Асконе это считается уголовным преступлением. Но в любой момент он мог бы оправдать свой поступок тем, что совершил его якобы для того, чтобы устроить мне западню из чисто патриотических соображений и обвинить меня в продаже запрещенного товара.

— Это как раз понятно...

— Естественно, но мы не просто дали друг другу слово. Видишь ли, Ферл никогда в жизни не слышал о такой замечательной штучке, как микропленочная камера.

Горов расхохотался.

— Вот-вот! — продолжал Пониетс. — Он держал руку на пульсе. Я был связан по рукам и ногам. Но, продавая ему трансмутатор, я вмонтировал в это устройство микропленочную камеру, а на следующий день вынул. В результате я стал обладателем первосортной видеозаписи того, как бедняга Ферл, выжимая из трансмутатора последние эрги, получил первое золото и кудахтал над ним как курица, снесшая первое в жизни яйцо!

— И ты, конечно, показал ему пленку?

— Через пару дней. Бедолага — он раньше никогда не видел объемного цветного звукового фильма! Он утверждал, что он — человек без предубеждений, но я прежде не встречал более напуганного взрослого мужчину! А когда я сообщил ему, что у меня есть проектор, который я установил на центральной городской площади и настроил на включение в полдень, и эту кинокомедию посмотрят миллионы фанатичных асконцев, которые тут же разорвут его на части, он просто-таки упал к моим ногам. И, что вполне естественно, был готов заключить любую сделку на моих условиях.

— Ну а... — Горова душил смех, — на городской площади действительно был проектор?

— Не было, конечно. Но дело-то не в этом. Главное — сделка состоялась! Он купил у меня все приспособления до единого и все, что было у тебя, согласившись уплатить нам оловом — сколько увезем. Соглашение подписано, и я передам тебе копию, прежде чем спуститься с ним в шахту, — на всякий случай.

— Да, но станет ли он заниматься продажей приспособлений?

— Почему бы и нет? За счет продажи он не только покроет расходы, но и наживется, что компенсирует ему оскорбленное самолюбие. А главное — он станет следующим Верховным Магистром — и таким, что Академии лучшего и не пожелаешь.

ЧАСТЬ V

КОРОЛИ ТОРГОВЛИ

Глава 1

ТОРГОВЦЫ — *...с психоисторической неизбежностью экономическая мощь Академии росла. Торговцы богатели, а с богатством приходила власть... Иногда забывают о том, что Хобер Мэллоу начал свою карьеру как простой торговец. Но всегда помнят о том, что он стал первым из Королей Торговли...*

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Джоран Сатт, разглядывая свои тщательно ухоженные пальцы, проговорил:

— Тут что-то загадочное... Строго между нами — очень может быть, что наступает очередной из кризисов, предсказанных Гэри Селдоном.

Мужчина, сидевший напротив, полез в карман короткой смирнианской куртки за сигаретой.

— Ничего не могу сказать, Сатт. Вообще-то, как правило, политики начинают вопить: «Селдоновский кризис, селдоновский кризис!» — перед каждыми очередными выборами мэра...

Сатт кисло улыбнулся:

— До предвыборной кампании далеко, Мэллоу. Надо узнать, откуда берется атомное оружие, вот и все.

Хобер Мэллоу из Смирны, Мастер Торговли, безразлично выпустил струйку дыма.

— Дальше. Выкладывайте, Сатт, что там у вас еще. — Мэллоу никогда не допускал проявлений излишней фамильярности к себе в общении с людьми из Академии. Для них он был чужеземец, он это прекрасно понимал, но достоинство сохранял в любой ситуации...

Сатт нажал кнопку, крышка стола преобразилась — на ней возникла трехмерная карта звездных систем. Нажал еще одну — и с полдюжины систем замерцали красными огоньками.

— Это, — сказал он, — Республика Кореллия.

Торговец небрежно кивнул:

— Был я там. Чертова дыра! Кому только в голову взбрело назвать ее республикой? Командора там всякий раз избирают из семейства Арго. А если это кому-то не понравится, то с ним — тихо и ненавязчиво — происходит несчастный случай... В общем, я там бывал, — повторил он, брезгливо скривившись.

— Вам повезло, Мэллоу. Вы вернулись. А это далеко не всегда бывает. За последний год три торговых корабля, отправленных туда в соответствии с Конвенцией, исчезли на территории республики. Они были вооружены до зубов, оборудованы защитным полем...

— И какие пришли последние сообщения?

— Да обычные отчеты. Больше — ничего. Тишина.

— Ну а Кореллия что говорит по этому поводу?

— Не узнавали. При нашей-то репутации, когда мы держим под контролем всю Периферию, спрашивать о каких-то трех пропавших кораблях?

— Сатт, давайте ближе к делу. От меня вы чего хотите?

Джорана Сатта трудно было вывести из равновесия. Как секретарю мэра ему приходилось иметь дело с советниками из оппозиции, безработными, реформаторами, шарлатанами, время от времени утверждавшими, что они знают все тонкости будущего не хуже самого Гэри Селдона. Работа вышколила, закалила его психику — он держал себя в руках всегда и со всеми. Он методично, спокойно проговорил:

— Минуточку. Так вот, три корабля исчезли в одном месте за один год — это не случайность, и атомное

оружие можно захватить только с применением атомного оружия. Возникает естественный вопрос: если у Кореллии имеется атомное оружие, откуда они его получают?

— Ну и откуда, по-вашему?

— Есть два варианта. Либо делают сами...

— Сомнительно!

— Весьма. Другой вариант — шпионаж.

— Вы действительно так думаете? — холодно спросил Мэллоу.

— В этом нет ничего из ряда вон выходящего. С тех пор как Четыре Королевства подписали с Академией Конвенцию, нам приходилось неоднократно сталкиваться с деятельностью значительных групп диссидентов. В каждом из прежних королевств существуют свои конформисты, бывшие аристократы, которым с трудом удается скрывать нелюбовь к Академии. Ничего удивительного, если бы они проявили активность.

Мэллоу густо покраснел.

— Намек ясен. Я — смирнианец.

— Знаю. Вы — смирнианец, то есть вы родились на Смирне, одном из бывших Четырех Королевств. Вы являетесь гражданином Академии только по образованию. По рождению вы — чужеземец. Не сомневаюсь, что ваш отец был бароном во времена войн с Анакреоном и Лориксом и ваши землевладения были экспроприированы, когда Зеф Сермак проводил земельную реформу.

— Нет, клянусь всем святым, нет! — воскликнул Мэллоу. — Мой отец был простым шахтером. Я ничем не обязан старому режиму! Да, я родился на Смирне, но ничего постыдного в этом не нахожу! Вы уж оставьте при себе ваши тонкие намеки на шпионаж. Либо отдайте соответствующие распоряжения, либо изложите обвинения.

— Любезный Мастер Торговли! Честно говоря, меня ни капли не волнует, кем был ваш дражайший дедушка — королем Смирны или последним нищим.

Данные биографии я изложил именно для того, чтобы вы поняли, что как раз это меня вовсе не интересует. Вы просто кое-что пропустили мимо ушей. Вернемся назад. Вы — смирнианец. Вы неплохо знаете чужеземцев. Кроме того, вы — торговец, и притом один из лучших. Вы бывали в Кореллии. Я хотел бы, чтобы вы отправились туда.

— Как шпион? — выдохнул Мэллоу.

— Не совсем. Вы отправитесь как торговец — но с открытыми глазами. И будет очень хорошо, если вам удастся узнать, откуда берется оружие. А поскольку вы — смирнианец, я напомню еще кое-что: на двух из пропавших кораблей были смирнианские экипажи.

— Когда нужно отправляться?

— Когда будет готов ваш корабль?

— Через шесть дней.

— Вот сразу и отправляйтесь. С деталями ознакомитесь в Адмиралтействе.

— Ясно!

Торговец встал, крепко стиснул руку Сатта и вышел.

Потирая побелевшие от рукопожатия пальцы, Сатт пожал плечами, нажал кнопку — звездная карта погасла. Он поднялся и прошел в кабинет мэра.

Мэр выключил видеофон и откинулся в кресле.

— Ну, что скажете, Сатт?

— Из него вышел бы очень неплохой актер, — ответил Сатт, задумчиво глядя в одну точку...

Глава 2

Вечером того же дня в холостяцких апартаментах Джорана Сатта на двадцать четвертом этаже Дома Гардина неторопливо потягивал вино Публис Манлио.

Это был тот самый Публис Манлио, который, несмотря на свою тщедушную комплекцию, занимал два высоких поста в Академии. В кабинете мэра он был

секретарем по иностранным делам, а для всего мира оставался Примасом Церкви, Главным Хранителем Священной Пищи, и тому подобное.

Пригубив вино, он изрек:

— Ну... он же согласен послать туда торговца. Это главное.

— Не сказал бы, — отозвался Сатт. — Результат это даст не сразу. Мы должны действовать стратегически, хотя не можем предугадать, что нас ждет. Мы просто тянем за веревочку в надежде, что она в конце концов затянется.

— Согласен. А этот Мэллоу — не дурак. Способный парень. Вы уверены, что нам удастся его провести?

— Все учтено. Если есть измена, нужно прежде всего иметь в виду таких способных парней, как он. Если измены нет, все равно нужны способные парни, чтобы узнать правду. Кроме того, Мэллоу будут сопровождать. Кстати, ваш бокал пуст.

— Спасибо. Мне уже хватит.

Сатт наполнил до краев свой бокал и стал спокойно ждать, когда его собеседник выйдет из состояния напряженной задумчивости.

Однако крайне неожиданно Примас спросил:

— Сатт, о чем вы думаете?

— Сейчас скажу, Манлио. — Его тонкие губы разжались: — Наступает селдоновский кризис.

Манлио быстро взглянул на него.

— Откуда вы знаете? Насколько я знаю, Селдон в Склепе не появлялся.

— Да это и не нужно, мой дорогой. Вы сами посудите. С тех самых пор, как Галактическая Империя бросила Периферию на произвол судьбы, у нас еще никогда не было врага, обладающего атомным оружием. Теперь такой враг существует. Это немаловажно даже само по себе. Но не только. Впервые за семьдесят лет мы столкнулись с серьезным внутриполитическим кризисом. Я думаю, что совпадение двух кризисов, внешнего и внутреннего, не оставляет сомнений в том, что...

Глаза Манлио сузились.

— Если дело обстоит именно так, то — нет. Когда были предыдущие кризисы, Академия была на грани уничтожения. Ни о каком третьем кризисе не может быть и речи, пока подобная угроза не возникнет вновь.

Сатт спокойно отозвался:

— Угроза повторится. Видите ли, когда кризис уже наступит, каждый дурак его почувствует и определит. Сослужить службу государству — это выявить кризис в зародыше. Вы же знаете, Манлио, что история спланирована, что Гэри Селдон рассчитал вероятности в будущем. Мы знаем, что в один прекрасный день нам придется восстанавливать Галактическую Империю. Мы знаем, что пройдет тысяча лет. Мы знаем, что за это время нам придется столкнуться с рядом кризисов.

Первый кризис наступил через пятьдесят лет после основания Академии. Второй — через тридцать лет после первого. После второго кризиса прошло почти семьдесят лет. Пора бы, Манлио, пора бы...

Манлио рассеянно почесал нос.

— Ну... и что, у вас есть какие-то планы?

Сатт кивнул.

— И какова моя роль?

— Прежде чем мы столкнемся с внешней угрозой в виде атомного оружия, нам, Манлио, нужно у себя дома навести порядок. Эти торговцы...

— О да! — Примас напрягся, глаза его заблестели.

— Разделяю ваше мнение, Манлио. Торговцы полезны Академии, но они стали слишком сильны — и действуют просто бесконтрольно. В основном они — чужестранцы, получившие у нас образование, но не прошедшие религиозного обучения.

— Ну а если удастся доказать факты измены и шпионажа, что тогда?

— Если бы нам это удалось, прямые действия не замедлили бы последовать. Но не это главное. Даже если среди них нет изменников и шпионов, они все равно являют собой крайне опасный элемент нашего общест-

ва. Они не связаны с нами ни патриотическими чувствами, ни общим происхождением, ни религиозными устремлениями. Их мирское влияние в Четырех Королевствах, где со времен Сальвора Гардина на нас смотрели как на Священную Планету, может нам сильно повредить.

— Это я понимаю не хуже вас, но где же выход?

— Выход... не знаю... Но найти его нужно быстро — до того, как селдоновский кризис захлестнет нас с головой. Если извне нам будет угрожать атомное оружие, а внутри — беспорядки, — дело будет худо, очень худо.

Сатт поставил на столик пустой бокал и постучал по нему ногтем.

— Так вот — то, что внутри, и есть ваше дело, Манлио.

— При чем тут я?

— Ну не я же. В сферу деятельности моего ведомства это не входит.

— А разве мэр...

— Исключено. Его энергия направлена на то, чтобы уйти от ответственности. Нужна новая независимая партия, которая сумела бы ускорить перевыборы. Тогда мэр станет управляем.

— Но, Сатт, у меня нет никаких склонностей к практической политике!

— Вы себя недооцениваете, Манлио. Выйдет очень интересный вариант... Со времен Сальвора Гардина такого еще не было — мэр и Примас в одном лице! Зато теперь это возможно. Я вас поддержу, но главное— чтобы свое дело вы сделали отлично.

Глава 3

...И на другом краю города, в более уютной обстановке встретились двое. Гостя принимал Хобер Мэллоу. Он слушал и затем осторожно поинтересовался:

— Да, я слышал о вашей кампании, направленной

на то, чтобы добиться прямого представительства в Совете для торговцев. Но почему именно я, Твер?

Джейм Твер — один из первых чужеземцев, получивших светское образование в Академии, о чем он неизменно любил вспоминать.

— Я знаю, что делаю, — твердо ответил он. — Вспомните нашу первую встречу в прошлом году.

— Это во время подписания Торговой Конвенции?

— Именно. Вы тогда еще председательствовали. Образно говоря, вы тогда просто пригвоздили этих красноорожих бульдогов к креслам, сделали свое дело и спокойненько удалились. Думаю, что с народом вы справитесь. В вас есть что-то такое... блеск или что-то вроде романтизма...

— Спасибо за комплимент, — сухо отозвался Мэллоу. — А почему именно сейчас?

— Потому что время самое подходящее. Вы слышали, что Министр Образования подал в отставку? Это еще не обнародовано, но точно.

— А вы откуда знаете?

— Ну... неважно. Кроме того, в акционистской партии серьезный раскол, и мы имеем возможность покончить с ней раз и навсегда, если поднимем вопрос о предоставлении равных прав торговцам, а еще лучше — просто потребуем демократии.

Мэллоу откинулся в кресле, вытянул ноги.

— Угу, — глубокомысленно протянул он. — Ничего не выйдет, Твер. Через неделю я улетаю по делам. Так что лучше вам поискать кого-то еще.

Твер подозрительно уставился на Мэллоу.

— По делам? Это по каким таким делам?

— О, это совершенно секретно. С литерой «А», то есть аж с тремя литерами «А». Такие дела. Я вчера беседовал с личным секретарем мэра.

— С этой змеей подколодной, Саттом? — разволновался Твер. — Ловушка, явная ловушка. Мэллоу, этот сукин сын хочет от вас избавиться!

Мэллоу твердо сжал запястье Твера.

— Держите себя в руках. Если это ловушка, я в один прекрасный день вернусь, чтобы отомстить. Если же нет, то, как вы изволили выразиться, подколодная змея играет нам на руку. Потому что наступает селдоновский кризис.

Мэллоу ждал реакции, но ее не было. Твер беспечно поинтересовался:

— А что такое селдоновский кризис?

— Господи боже! — вскричал Мэллоу и чуть не вскочил от изумления. — Что за дурацкий вопрос? Чему вас в школе учили?

Старик нахмурился:

— Лучше бы объяснили...

Последовала долгая пауза, потом Мэллоу, до предела удивленный, проговорил:

— Объяснить? Ну что ж, объясню, хотя и очень странно... Когда отдаленные районы Галактической Империи пришли в упадок и варварство возобладало, Гэри Селдон вместе с группой психологов основал колонию, убежище, именуемое Академией, в самом ядре дикарства и вырождения. Целью основания Академии было накопление культурных, научных и технических ценностей на благо будущей, Второй Империи.

— Да, да, знаю...

— Я еще не закончил, — ледяным тоном продолжал Мэллоу. — Будущее Академии было спланировано на основании законов психоисторической науки, в то время невероятно развитой, и мы оказались в таких условиях, что неизбежно должны были столкнуться с серией кризисов, преодоление которых быстрее продвинет по пути к будущей Империи. Каждый селдоновский кризис означает конец очередной эпохи в нашей истории. Сейчас надвигается третий кризис.

— Ну правильно, — спохватился Твер. — И как это я забыл? Но, честно говоря, школу-то я закончил гораздо раньше вас...

— Действительно. Ну ладно, давайте оставим это. Лучше подумаем, почему меня отсылают в то время, когда приближающийся кризис так очевиден? Неизвестно, что тут будет, когда я вернусь, а выборы в Совет — каждый год...

Твер изучающе глядел на Мэллоу.

— Вы что-нибудь подозреваете?

— Пока нет.

— А план у вас есть какой-нибудь?

— Нет. Никакого плана.

— Ну... — разочарованно протянул Твер.

— Ну нет плана. Ну нет! Знаете, Гардин как-то изрек: «Чтобы преуспеть в делах, планировать мало. Нужно уметь импровизировать». Так что я, пожалуй, поимпровизирую немного.

Твер недоверчиво покачал головой. Оба встали.

Пожимая гостю руку, Мэллоу улыбнулся, и неожиданно у него вырвалось:

— Послушайте, а почему бы вам не полететь со мной? Да не смотрите так, старина! Вы же вроде бы торговцем были, пока не вообразили, что политика интереснее? Так я слышал, по крайней мере.

Твер, опустив веки, молчал мгновение, потом спросил:

— А куда вы направляетесь?

— Ориентировочно — в район Вассалианского Провала. Остальное — потом. Ну что скажете?

— А вдруг Сатт станет меня искать?

— Маловероятно. Ему не терпится избавиться от меня и почему бы заодно не избавиться от вас? Кроме того, я имею полное право лично набирать команду. Кого хочу, того беру.

В глазах старика вспыхнули искорки...

— Хорошо. Я полечу с вами.

Он высвободил руку из железной лапищи Мэллоу и добавил:

— Это будет первый полет за три года!

Мэллоу хлопнул его по плечу так, что тот пошатнулся, и радостно пробасил:

— Отлично! Просто класс! Теперь осталось только команду набрать. Знаете, где док «Далекой Звезды»? Загляните туда завтра. До встречи!

Глава 4

Кореллия представляла собой то часто встречающееся в истории явление, когда атрибуты абсолютной монархии, кроме названия, имеют место в республике. В Кореллии царила обычная в такой ситуации деспотия, не ограниченная к тому же понятиями монаршей «чести» и дворцового этикета.

Кореллию нельзя было назвать процветающей страной. Золотые времена Галактической Империи миновали, оставив после себя молчаливую память и руины. Лучшие дни Академии еще не наступили, и, судя по настроению нынешнего правителя Кореллии, Командора Аспера Арго, не спускавшего глаз с торговцев и упорно сопротивлявшегося миссионерству, дни эти могли и не наступить...

Космопорт оказался заброшенным и запущенным донельзя. Развороченные ангары, пустынные взлетные площадки... Атмосфера самая что ни на есть тоскливая и удручающая. Команда «Далекой Звезды» истомилась в ожидании.

Джейм Твер скрашивал время раскладыванием сложного пасьянса.

Хобер Мэллоу задумчиво проговорил:

— Поторговать бы тут...

Он со скукой взирал на пейзаж окрестностей, открывавшийся в иллюминаторе центрального обзора. Пока о Кореллии ничего определенного не скажешь. Долетели без происшествий. Эскадрон кореллианских звездолетов, патрулировавший «Далекую Звезду», представлял собой стайку маленьких, прихрамывающих музейных чучел имперских времен. Держались они на почтительном расстоянии. Прошла уже неделя, но дистанция сохранялась до сих пор. На все запросы Хобера Мэллоу о встрече с Командором отвечали молчанием.

Мэллоу повторил:

— Да, поторговать тут было бы очень неплохо. Что называется, девственная территория.

Джейм Твер рассерженно смешал карты.

— Черт побери, Мэллоу, вы собираетесь что-нибудь предпринимать? Команда ропщет, офицеры на нервах. Даже я волнуюсь, по правде говоря.

— Волнуетесь? О чем?

— Как — о чем? А вас не беспокоит это бездействие? Нужно что-то делать!

— Ждите, — отрубил Мэллоу.

Старый торговец недоверчиво хмыкнул и покраснел.

— Мэллоу, вы не слепой! Все летное поле оцеплено, а в небе — патрульные корабли. Вам не кажется, что от нас и мокрого места не оставят?

— Ну знаете, за неделю они уже сто раз могли бы это сделать.

— Может, они ждут подкрепления?

Мэллоу резко откинулся на спинку кресла.

— Да. Об этом я думал. Вообще, картина интересная. Во-первых, мы добрались сюда без происшествий. Это, конечно, может ничего и не означать, поскольку из трехсот посланных сюда кораблей за год пропали только три. Процент низкий... Но это может означать, что у них очень мало собственных кораблей, оснащенных атомным оружием. И они, следовательно, не пользуются ими без крайней необходимости.

С другой стороны, это может означать, что у них вообще нет ни атомного оружия, ни атомной энергетики. Если есть — значит, они затаились и боятся, как бы мы об этом не пронюхали. Одно дело — захватить беззa-

щитные, маловооруженные торговые корабли. Совсем другое — шутить с аккредитованным послом Академии, одно присутствие которого здесь может означать, что у Академии возникли кое-какие подозрения. Если все это подытожить...

— Ну хватит, Мэллоу, хватит! — воскликнул Твер, подняв руки вверх. — Вы меня заговорили. К чему вы клоните? Только без мелочей!

— Твер, на мелочи волей-неволей приходится обращать внимание, иначе ничего не поймешь. Они не знают, что я тут делаю, а я не знаю, что у них есть. Но только мое положение похуже, поскольку я один, а они все против меня, и, очень даже может быть, с атомным оружием на изготовку. Такое положение вещей меня не устраивает. Да, мы в опасности. Да, нас запросто могут сровнять с землей. Но это можно было предвидеть с самого начала. Что же нам остается делать?

Раздался сигнал вызова. Мэллоу повернулся в кресле и спокойно отрегулировал изображение. На экране появилось лицо сержанта охраны.

— Говорите, сержант.

Сержант, заикаясь от волнения, проговорил:

— Сэр... Простите, сэр. М-мои люди вп-пустили на б-борт миссионера из Академии.

— Кого?

Мэллоу, всегда спокойно-непроницаемый, изменился до неузнаваемости.

— Мис-сионера, с-сэр. Ему нужна м-медицинская п-помощь, сэр!

— Как бы она вам не потребовалась, сержант! Прикажите вашим людям немедленно занять боевые посты!

Через пять минут после того как был отдан этот приказ, жилые отсеки членов команды опустели. Даже свободные от вахты офицеры и солдаты заняли свои боевые посты.

...Мэллоу, тяжело ступая, вошел в отсек, где находился миссионер, смерил священника взглядом с голо-

вы до ног. С тем же выражением лица он взглянул на офицеров; на лейтенанта Тинтере, неловко переминавшегося с ноги на ногу, и на сержанта охраны Демене, бледного как сама смерть.

Мэллоу обернулся к Тверу и какое-то мгновение задумчиво глядел ему в глаза. Твердо сказал:

— Вот что, Твер. Пригласите-ка сюда офицеров — всех, кроме навигаторов и штурмана. Эти пусть остаются на своих постах до дальнейших распоряжений.

В течение следующих пяти минут Мэллоу занимался тем, что заглянул во все углы: в туалеты, за занавески. На полминуты он вышел из отсека и вернулся, что-то мурлыча себе под нос.

Вошли офицеры, за ними — Твер. Он молча закрыл за собой дверь.

Мэллоу спокойно спросил:

— Во-первых, мне хотелось бы узнать, кто впустил этого человека на борт корабля без моего разрешения?

Сержант охраны сделал шаг вперед.

— Прошу прощения, сэр. Трудно сказать, кто именно. Что-то вроде общего согласия. Ведь он все-таки наш человек, а эти местные, вы же зна...

Мэллоу резко оборвал его:

— Разделяю ваши чувства, сержант. Меня интересует другое. Эти люди находились под вашим командованием?

— Да, сэр.

— Когда мы тут закончим, они отправятся под домашний арест на неделю. Вы освобождены от своих обязанностей на такой же срок. Все ясно?

Плечи сержанта обреченно опустились. Он хрипло проговорил:

— Да, сэр.

— Можете идти. Займите свой боевой пост.

Дверь за сержантом закрылась. Оставшиеся зашептались.

Тут вмешался Твер:

— Мэллоу, ну за что же их наказывать? Вы же прекрасно знаете, что кореллианцы убивают захваченных в плен миссионеров!

— Действия, совершенные без моего приказа, плохи сами по себе, каковы бы ни были их причины. Никто не имеет права ни покинуть корабль, ни взойти на него без моего разрешения.

Лейтенант Тинтере тихо выговорил, глядя в пол:

— Семь дней бездействия... О какой дисциплине можно говорить...

— Да! — рявкнул Мэллоу. — Легко говорить о дисциплине в идеальных условиях. А я должен сохранить ее здесь, перед лицом смерти! Где миссионер? Подведите его ко мне!

Торговец сел в кресло. К нему, поддерживая под локти, подвели миссионера в красной сутане.

— Как ваше имя, Преподобный?

Миссионер как будто очнулся. Он протянул к Мэллоу руки, словно желая обнять его.

— Сын мой! Дети мои! Да пребудет с вами вечно благодать Галактического Духа!

Твер приблизился и встал сбоку от Мэллоу. Он был крайне взволнован, голос его дрожал.

— Мэллоу, он болен. Ему нужно в постель. Отведите его кто-нибудь! Мэллоу, прикажите, чтобы за ним кто-нибудь присмотрел! Боже, как его избили!

Железная ручища Мэллоу отшвырнула Твера назад.

— Не вмешивайтесь, Твер, или я прикажу вывести вас отсюда. Ваше имя, Преподобный!

Миссионер сжал руки у груди и взмолился:

— Если вы люди просвещенные, спасите меня от рук грешников! Они гонятся за мной, как стая ворон, они оскорбляют Галактический Дух своими деяниями! Я Джорд Парма из Анакреона. Я учился в Академии, в самой Академии, дети мои. Я — служитель Духа, посвященный во все таинства. А сюда меня повлек внутренний голос...

Задыхаясь, он продолжал:

— Я пострадал от рук неверных. Вы — дети Духа, и во имя его я заклинаю вас, спасите меня!

В это мгновение резко зазвучал сигнал тревоги, и металлический голос произнес:

«В виду корабля противник. Требуются инструкции».

Взгляды всех присутствующих обратились к экрану. Мэллоу резко встал, быстро подошел к экрану, нажал кнопку обратной связи и прокричал:

— Всем оставаться на местах! Пока все!

И выключил экран. Потом подошел к иллюминатору и отодвинул плотную занавеску.

Противник! Мягко сказано. Их было несколько тысяч — толпа занимала все летное поле. В холодном жестком свете магниевых факелов первые ряды подступали все ближе к кораблю.

— Тинтере! — гаркнул Мэллоу, не отворачиваясь от иллюминатора. — Включите внешнюю связь и узнайте, чего они хотят. Спросите, есть ли среди них представитель властей. Никаких угроз и никаких обещаний, не то я пристрелю вас.

Тинтере щелкнул каблуками и быстро вышел из отсека.

Мэллоу почувствовал на плече чью-то руку и раздраженно сбросил ее. Это был Твер. Он гневно зашептал Мэллоу на ухо:

— Мэллоу, вы обязаны спасти этого человека! Вы не смеете его отдавать дикарям. Будьте милосердны! Он из Академии и к тому же — священник. Там же злобные варвары! Вы слышите меня, Мэллоу?

— Слышу, Твер, — невозмутимо отозвался Мэллоу. — Но у меня здесь есть дела поважнее, чем спасение миссионеров. Я, сэр, буду делать то, что считаю нужным. И, клянусь Селдоном и всей Галактикой, если вы будете мне мешать, я найду способ заставить вас молчать.

Он обернулся и крикнул священнику:

— Вы! Преподобный Парма! Вы что, не знаете, что

согласно Конвенции миссионерам из Академии запрещено ступать на землю Кореллии?

Миссионера била дрожь.

— Я иду туда, сын мой, куда ведет меня Галактический Дух. И если темные люди отвергают попытки просветить их, не лучшее ли это доказательство того, что они более других нуждаются в просвещении?

— Я не об этом говорю, Ваше Преподобие. Ваше присутствие здесь — нарушение законов Кореллии и Академии одновременно. Юридического права защищать вас у меня нет.

Миссионер воздел руки к небесам. Теперь он уже не был так жалок и напуган, как несколько минут назад. Донесся голос лейтенанта, говорившего с толпой через систему внешней связи. Ответом ему был дикий, звериный рев. В глазах священника загорелся безумный огонь.

— Вы слышали? Как вы можете говорить о законах, созданных людьми? Есть высшие законы! Разве не сказал нам Галактический Дух: «Не допускай, чтобы при тебе обижали ближнего твоего»? И разве не он сказал: «Как ты поступишь со слабым и беззащитным, так поступят и с тобой»?

Разве нет у вас орудий? Разве нет у вас кораблей? И разве не Академия за вами? И разве не за вас Галактический Дух, который правит всей Вселенной?

Он остановился, чтобы перевести дыхание. В этот момент гулкий голос лейтенанта за бортом корабля замолк, и вскоре сам он, встревоженный и озабоченный, вошел в отсек.

— Докладывайте, — коротко приказал Мэллоу.

— Сэр, они требуют выдачи Джорда Пармы.

— А если нет?

— Разные угрозы, сэр. Трудно понять. Их так много, и они просто обезумели, сэр. Один из них кричит, будто управляет этим районом планеты, будто его сопровождает наряд полиции. Похоже, так оно и есть.

— Важно одно: он — представитель власти, — сухо

сказал Мэллоу. — Скажите им, пусть этот губернатор или кто он там подойдет к кораблю один. Если он сделает это, он может получить Преподобного Джорда Парму.

Тут в руке Мэллоу неожиданно оказался бластер. Он прорычал:

— Прошу помнить, что я не знаю такого понятия, как «нарушение субординации». И если кто-нибудь попытается учить меня, что мне делать, я ему преподам хорошую науку.

Бластер остановился на Твере. Старый торговец с трудом разжал сцепленные пальцы, опустил руки. Он тяжело, с присвистом дышал.

Тинтере вышел. Через пять минут от толпы отделилась фигурка. Человек шел медленно и осторожно.

Дважды поворачивал назад, но вопли разъяренной толпы гнали его к звездолету.

— Отлично, — процедил сквозь зубы Мэллоу и указал на миссионера бластером. — Грин и Эпшер, выведите его.

Миссионер взвизгнул, как раненый зверь, и в полном отчаянии воззвал к небесам, воздев руки. Тяжелые рукава сутаны упали и обнажили почти до плеч его худые, покрытые сетью расширенных вен руки. Что-то сверкнуло. Мэллоу непроизвольно моргнул и повторил приказ.

Миссионер, пытаясь освободиться от крепких рук державших его солдат, выкрикивал:

— Будь проклят предатель, отдающий своего ближнего на поругание и смерть! Да оглохнут уши, которые глухи к мольбам слабого и беспомощного! Да ослепнут глаза, которые слепы к невиновности! Да почернеет навеки душа, соединившаяся с мраком...

Твер закрыл уши руками.

Мэллоу убрал бластер и спокойно приказал:

— Всем разойтись по своим постам. Сохранять полную боевую готовность в течение шести часов после то-

го, как разойдется толпа. После этого — сдвоенные вахты на сорок восемь часов. Потом будут новые инструкции. Твер, пойдемте со мной.

...Через пять минут они были в каюте Мэллоу. Он знаком предложил Тверу сесть. Твер был удручен и подавлен до крайности.

Мэллоу с нескрываемой иронией смотрел на него.

— Твер, — сказал он мягко, — вы меня разочаровали. Три года политической карьеры напрочь изжили в вас торговца! Помните: в Академии я могу быть демократом, но нечего удивляться тому, что на корабле я — тиран и деспот. При всем том я еще ни разу в жизни не доставал бластера в присутствии моих людей. И теперь бы не достал, если бы вы меня не вынудили.

Твер, у вас нет на корабле официальной должности. Вы находитесь здесь исключительно по моему личному приглашению, и я готов оказывать вам всяческие знаки гостеприимства. Тем не менее с сегодняшнего дня в присутствии моих офицеров и любого члена команды я для вас не «Мэллоу», а «сэр». И, когда я буду отдавать распоряжения, не советую вам хотя бы из чувства самосохранения вскакивать, будто вы новобранец и командир выкрикнул вашу фамилию. Иначе я буду вынужден применить крайние меры, что весьма прискорбно. Я излагаю ясно?

Лидер партии торговцев сглотнул набежавшую слюну и прошептал:

— Мои извинения...

— Приняты. Вашу руку!

Потные пальцы Твера скользнули в железобетонную ручищу Мэллоу. Дрожащим от волнения голосом он проговорил:

— Я действовал из лучших побуждений, поверьте! Мы же послали его на верную смерть. Этот сиволапый губернатор не сможет его спасти. Это же просто убийство!

— Ничего не могу поделать. Твер, эта история плохо пахнет. Вы ничего не заметили странного?

— А-а-а... вы?

— А вот посмотрите... Космопорт находится в весьма отдаленном от населенных районов месте. Откуда ни возьмись бежит миссионер. Откуда? Но бежит именно сюда. Зачем? Совпадение? Собирается огромная толпа. Откуда она взялась? Ближайший мало-мальски населенный городок находится как минимум в ста милях отсюда. А они добираются за полчаса. Каким образом?

— Да, каким образом? — эхом отозвался Твер.

— А как насчет того, что миссионер был доставлен сюда и выпущен как приманка? Наш друг, преподобный Парма, был поначалу просто-таки здорово смущен.

— Но... жестокое обращение... — пробормотал Твер.

— Может быть! А может быть, они думали, что мы будем настолько благородны и милосердны, что тут же бросимся на его защиту. А ведь он нарушил законы и Кореллии, и Академии. И если я оставляю его на борту, то фактически объявляю войну Кореллии, а Академия при всем желании не может нас защитить.

— Ну, это... вы, пожалуй, хватили...

Мэллоу не успел ответить, поскольку пискнул сигнал вызова и раздался голос:

— Сэр, получено официальное сообщение!

— Немедленно! Срочно передайте!

Сияющий стальной цилиндр тут же вывалился в приемник пневмопочты. Мэллоу раскрыл его, вынул лист бумаги и внимательно пробежал глазами.

— Телепортировано прямо из столицы. Из личных апартаментов Командора.

Мэллоу громко, от души расхохотался:

— Значит, Твер, вы считаете, что я хватил? Тогда читайте. И обратите внимание на странное совпадение: через полчаса после того как передали им миссионера, мы наконец получаем приглашение навестить августейшего Командора. После семи дней молчания и ожидания! Лично я полагаю, что экзамен выдержан с честью!

Глава 5

Командор Аспер, по его собственному определению, был человек из народа. Шишковатая голова его почти совсем облысела, лишь оставшиеся на затылке длинные волосы жиденькими сосульками спускались до плеч. Сорочка давно нуждалась в стирке. К тому же он гнусавил.

— Не хочу хвастаться, торговец Мэллоу, — говорил он, вышагивая рядом с Мэллоу по дорожкам сада, — но в моем лице вы видите не кого-нибудь, а просто первого гражданина государства. Вот что означает «Командор». Это мой единственный титул.

Казалось, ему самому страшно нравится все, что он говорит.

— Именно это, — продолжал он, — как ничто другое, связывает наш народ с народом Академии. Я чувствую, как вы радуетесь благам республиканского строя.

— Безусловно, Командор, — ответил Мэллоу торжественно. — Позволю себе заметить, что как раз в этом мне видится надежда на мир и дружбу между правительствами и народами наших стран.

— О да! Мир и дружба, это замечательно!

Физиономия Командора озарилась сентиментальной улыбкой, отчего жиденькие патлы на затылке зашевелились.

— Хочу заверить вас, — продолжал он, — что никто на Периферии не принимает так близко к сердцу идеалы мира, как я. С полной ответственностью могу заявить, что с той самой поры, как я сменил своего августейшего отца на посту руководителя государства, у нас воцарились мир и благоденствие. Может быть, и не следовало говорить вам об этом, возможно, это прозвучит нескромно... (он театрально прокашлялся), но мне говорили, что мой народ, вернее — мои сограждане, называют меня Аспером, Горячо Возлюбленным.

Мэллоу с любопытством рассматривал хорошо ухо-

женный сад. Казалось вероятным, что в темных уголках, за густыми зарослями, прячутся вооруженные охранники. Но его внимание привлекло другое: высокие, массивные, обитые сталью стены, окружавшие сад, были не так давно укреплены. Что-то не вязалось это с репутацией народного любимца...

— Какая удача, — сказал Мэллоу, — что я имею дело именно с вами, Командор, а не с деспотами и тиранами окружающих миров, среди которых и в помине нет просвещенных монархов. Да, их, пожалуй, никто не зовет «горячо возлюбленными»...

— Неужели? — вскричал Командор с напускным удивлением.

— Да-да, и все потому, что они не думают так, как вы, о счастье своих народов. Я просто уверен, что вы без устали заботитесь о благосостоянии своих сограждан!

Командор, довольно улыбаясь, не отрывал глаз от посыпанной гравием дорожки сада. Они медленно шли вперед.

Мэллоу вкрадчиво продолжал:

— Командор! До сегодняшнего дня отношения между нашими странами сильно страдали из-за того, что ваше правительство применяло ограничения к нашим торговцам. Мне кажется, что именно вы давно понимаете преимущества свободной торговли.

— Свободной торговли? — испуганно пробормотал Командор.

— Да-да, свободной торговли! Вы должны понять как просвещенный и трезвомыслящий человек, что она была бы выгодна для обеих сторон. У вас есть кое-что, что нужно нам, а у нас что-то, что нужно вам. Речь идет всего-навсего о взаимовыгодном обмене, который обеспечил бы ваше процветание. Такой просвещенный правитель, такой друг народа, как вы, думаю, не нуждается в объяснениях, почему и насколько это важно. Надеюсь, я не оскорбил ваших чувств таким предложением?

— Ну что вы, конечно, нет! Я понимаю. Но все-та-

ки... (в голосе Командора появились отечески-укоризненные нотки) ваши люди частенько вели себя опрометчиво, даже неразумно. Что касается лично меня, то я всей душой за торговлю! Она просто-таки необходима нашей экономике. Но... не такая, как вы предлагаете. И потом... я здесь не хозяин. Я ведь просто выразитель, если можно так сказать, общественного мнения. Мой народ не желает принимать торговлю, одетую в пурпур и золото!

Мэллоу остановился.

— Вы имеете в виду то, что наша торговля сопровождается обязательным введением нашей религии?

— Конечно! Это же было всегда и везде! Вы наверняка знаете, что случилось на Асконе двадцать лет назад? Сначала ваши продали там кое-какие штучки, а потом потребовали обязательного присутствия миссионеров, потому что без них эти штучки не работали. Ну и понастроили всякого-разного — Храмы Здоровья, или как они там называются... Ну вот... А потом пошло-поехало: открыли религиозные школы, служителям культа дали особые права, и что в итоге? А? Аскон теперь — пешка в системе Академии, и Верховный Магистр, извиняюсь за выражение, свое нижнее белье, наверное, не имеет права считать личной собственностью! Нет-нет! И не уговаривайте! Наш народ — народ свободный и гордый, и этого он не примет никогда!

— Я не собираюсь предлагать вам ничего подобного, — спокойно возразил Мэллоу.

— То есть?

— Я — Мастер Торговли. Единственная моя религия — деньги. Весь этот мистицизм и фокусы-покусы миссионеров я сам не терплю! Искренне рад, что в вашем лице нахожу единомышленника. Очень, очень рад, что мы хорошо понимаем друг друга.

Командор тоненько захихикал:

— Неплохо сказано! Ей-богу, Академии давно следовало прислать вас!

Он по-товарищески потрепал торговца по могучему плечу.

— Однако, мой друг, вы мне сказали не все. Чего вы не предлагаете, я понял. Но что же вы в таком случае предлагаете?

— Только одно — нескончаемые богатства и процветание, Командор!

Командор шмыгнул носом.

— А что делать с богатствами? Мое единственное богатство — любовь народа! Она у меня есть, и больше мне ничего не надо!

— Ну, одно другому не помеха. Можно ведь одной рукой загребать золото, а другой — народную любовь.

— Ну если так, молодой человек, то это было бы очень, очень недурно... Только как же это делается, а?

— О, Командор, для этого есть масса способов! Так много, что просто трудно выбрать. Ну, скажем, предметы роскоши. Вот тут у меня с собой есть одна вещица...

Мэллоу вытащил из кармана куртки плоскую длинную цепочку из блестящего металла.

— Это что такое?

— Видите ли, нужно на ком-нибудь показать... У вас тут есть молодые девушки? И еще — нужно большое зеркало, в полный рост.

— Хм-м-м... Ну, давайте тогда пойдем в дом.

Командор назвал свое жилище домом. Однако уместнее было бы назвать его дворцом. Тем не менее от острого взгляда Мэллоу не укрылись кое-какие мелочи, позволившие ему сделать вывод, что дом Командора был еще и его крепостью. Дом стоял на холме. Весь город лежал внизу, под его стенами. А стены дома были основательно укреплены. Все подходы к дому охранялись, и вообще композиция постройки говорила сама за себя...

«Да уж... — подумал Мэллоу, — как раз такое жилище лучше всего подходит Асперу, «горячо возлюбленному»...

В комнату вошла молодая стройная девушка. Она низко поклонилась Командору. Тот пояснил Мэллоу:

— Одна из служанок Командорши. Подойдет?

— Вполне! — улыбнулся Мэллоу.

Под пристальным взором Командора Мэллоу подошел к девушке и обернул цепочку вокруг ее тонкой талии.

— Это все? — скептически прогнусавил Командор.

— Будьте так любезны, Командор, опустите, пожалуйста, занавески! Девушка, прошу вас — там около пряжки маленькая кнопочка. Нажмите ее. Да не бойтесь, это не страшно!

Девушка сделала так, как сказал Мэллоу, взглянула на свои руки и ахнула...

Фигурка, от талии до головы, озарилась мягким сиянием. Вокруг головы свечение напоминало корону. Словно кто-то снял с неба звезду и прикрепил к ее платью. Девушка подошла к зеркалу и, затаив дыхание, любовалась своим отражением.

— А теперь наденьте вот это, — сказал Мэллоу и подал девушке ожерелье из невзрачных на вид камешков.

Девушка надела ожерелье, и каждый камешек в нем, отразив сияние, исходившее от пояса, загорелся своим огнем.

— Нравится? — с улыбкой спросил Мэллоу.

Девушка не ответила — за нее говорили сверкавшие восторгом глаза. Командор махнул рукой, и она с явной неохотой нажала кнопку — сияние погасло. Сняв пояс и ожерелье, она с поклоном передала их Мэллоу и ушла, унося с собой память о чуде...

— Это вам, Командор, — смиренно передавая Командору украшения, проговорил Мэллоу. — Для Командорши. Скромный подарок от Академии.

— Хм-м-м...

Командор огорошенно вертел в руках пояс и ожерелье, как бы взвешивая их.

— А... как они устроены?

Мэллоу пожал плечами:

— Вопрос не ко мне — я не специалист. Хочу только вот что подчеркнуть — для того чтобы эта красота действовала, вам не понадобятся священники!

— Да... но... в конце концов, это всего-навсего бабские побрякушки. Мне-то они на что сдались? Разве на этом можно сделать деньги?

— Скажите, Командор, у вас бывают балы, приемы, банкеты — что-нибудь в этом роде?

— Да... конечно, — нехотя признался Командор.

— Вы же понимаете, что любая женщина станет мечтать о таких украшениях? Можно запросить тысяч десять как минимум.

До Командора наконец дошло.

— Ага! — крякнул он и хитро улыбнулся, потирая руки.

— А поскольку батарейка, питающая эти украшения, — бодро продолжал Мэллоу, — действует не более шести месяцев, ее придется довольно часто менять. Скажем так: сегодня мы в состоянии поставить столько украшений, сколько вы в состоянии приобрести по цене тысяча за штуку. В уплату нам желательно получить на такую же сумму чугуна. Тем самым ваша выгода составит девятьсот процентов.

Командор поглаживал жидкую бороденку и сосредоточенно подсчитывал в уме. Наконец он обрадовался:

— Черт подери, я представляю, как бабы передерутся из-за этих безделушек! А я нарочно буду продавать понемножку, чтобы они побесились на славу! Ну, не сам, конечно, буду продавать, это исключается...

Мэллоу пришел ему на помощь.

— Да, конечно, все можно подать как изделия мастерских, которых на самом деле не существует! Зачем же вам лично, вы правы! Только так! Кроме того, Командор, мы имеем возможность поставлять вам полные комплекты бытового оборудования. Прекрасные печи, которые жарят мясо за две минуты, ножи, не нуждаю-

щиеся в заточке, мини-прачечные, помещающиеся в обычной ванной, посудомоечные машины-автоматы, полотеры, пылесосы — все, что угодно. Вы только представьте себе, как возрастет ваша популярность в народе, когда вы, именно вы, сделаете эти прекрасные, удобные вещи доступными для людей! Подумайте, сколько можно накупить на полученные доходы! Покупателям все это обойдется намного дороже, а знать, сколько вы заплатили, им вовсе не обязательно. Еще раз напоминаю — никаких священников! И все будут счастливы!

— Кроме вас вроде бы. Вам-то какая выгода, не понимаю?

— Такая же, какую извлек бы любой торговец по законам Академии.

Я и мои люди получим половину суммы, вырученной от продажи. Вы купите то, что я предлагаю, и меня это вполне устроит. Вполне.

Командор, с явным удовольствием на физиономии, размышлял...

— Да-да, конечно... А что бы вы хотели взамен? Чугун?

— Чугун очень бы устроил. А также — уголь, бокситы. Не отказались бы и от магния. С удовольствием приобрели бы дерево твердых пород, табак, перец.

— Неплохо, неплохо...

— Думаю, да. Кстати, есть еще предложение. Я мог бы помочь вам в переоборудовании ваших предприятий.

— Каких?

— Ну возьмем, к примеру, сталеобрабатывающие заводы. У меня с собой есть исключительно удобные компактные устройства для обработки стали, которые позволили бы вам удешевить ее производство и обработку раз в сто. Если вам угодно, я готов продемонстрировать устройства в действии. У вас в столице есть сталеобрабатывающий завод? Уверяю вас, это займет совсем немного времени!

— Это можно будет устроить, торговец Мэллоу, можно. Но только завтра, завтра... Вы отужинаете со мной?

— С удовольствием. Но... моя команда...

— Пусть все приходят! — махнул рукой Командор. — Это будет нечто вроде символического братания наших народов. А мы с вами еще поболтаем. Только...

Он нахмурился:

— Никаких религиозных штучек! Не советую рассматривать мое приглашение и личную приязнь как возможность проникновения в Кореллию ваших миссионеров!

— Командор, — сухо отозвался Мэллоу, — даю честное слово, что религия не имеет никакого отношения к сделке.

— Вот и славно. Договорились, значит. К кораблю вас проводят.

Глава 6

Командорша была намного моложе мужа. У нее было холодное, злое, бледное лицо. Гладкие, блестящие черные волосы были зачесаны назад.

Войдя в комнату, она ехидно поинтересовалась:

— Вы уже закончили, о мой великодушный и благородный супруг? Совсем, совсем закончили? Надеюсь, теперь я могу выйти в сад?

— Ой, только не надо театра, Личия, — поморщился Командор. — Этот молодой человек пожалует к ужину, и ты еще успеешь всласть потрепаться. Нужно распорядиться, чтобы его людям отвели место. Очень надеюсь, что их не будет слишком много.

— Ага, не слишком много! Да наверняка жуткие обжоры. Каждому подавай четверть барана и бочку вина. А потом ты две ночи будешь стонать и думать, во что это обошлось!

— Ну, это как сказать, как сказать... Может, и не

придется. Значит, так, дорогая, ужин должен быть по высшему разряду!

Командорша подозрительно уставилась на супруга.

— Что-то ты церемонился с этим варваром! Даже не позволил присутствовать! Ну-ка, ну-ка, посмотри мне в глаза! Что ты задумал? Уж не пришло ли тебе в голову пойти против воли моего отца?

— С чего ты взяла?

— И я должна вот так поверить? О небо! Если и была когда на свете несчастнейшая из женщин, которая стала жертвой политики, выйдя замуж за нелюбимого, то это я! О, я могла встретить более достойного человека в своей стране! — причитала Командорша, заламывая руки.

— Послушай-ка, Личия, что я скажу. Наверное, золотце мое, тебе очень хочется вернуться в любимую страну. Я бы с превеликой радостью отпустил тебя на все четыре стороны. Только оставил бы на память себе, моя прелесть, маленький кусочек тебя, самый дорогой моему сердцу! Язык твой длинный я бы отрезал на память, — прошипел Командор. Он склонил голову и оценивающе оглядел супругу. — И чтобы ты стала еще красивее, я бы отрезал тебе уши и кончик твоего любопытного носа!

— Не посмеешь, старый шакал! Да мой отец может превратить тебя и весь твой презренный народец в космическую пыль! Стоит мне только рассказать ему, что ты любезничал с этими дикарями...

— Ну-ну, не надо мне угрожать, моя крошка! Можешь сама поговорить с ними вечером. А пока помалкивай!

— Ты мне еще приказывать будешь?

— Черт бы тебя побрал! На, возьми вот это и помалкивай!

Командор обернул пояс вокруг талии Личии и защелкнул на шее ожерелье. Нажал кнопочку и отступил назад.

Командорша ахнула, всплеснула руками да так и не опустила их... Немного придя в себя, она стала перебирать пальцами камешки ожерелья, тихо постанывая...

Командор довольно потер руки и проворковал:

— Ну как? Можешь надеть сегодня вечером. А после у тебя будет еще много таких штучек. Поняла? Так что — помалкивай.

И Командорша не сказала больше ни слова...

Глава 7

Джейм Твер беспокойно ерзал на стуле.

— Что вы улыбаетесь, Мэллоу?

Хобер Мэллоу очнулся от раздумий.

— Я? Улыбаюсь? Не заметил...

— Я так понимаю, что вчера кое-что произошло. Помимо пиршества, на котором вы все так перепились. Мэллоу, черт бы вас побрал, что случилось?

— Случилось? Ничего плохого, уверяю вас. Скорее наоборот. Просто у меня такое ощущение, что я ломился в открытую дверь. Уж больно просто оказалось проникнуть в самое сердце их сталепрокатной промышленности.

— Ловушка, Мэллоу?

— О, ради всего святого, только не драматизируйте! — поморщился Мэллоу и доверительно добавил: — У меня такое ощущение, что там просто смотреть не на что.

— Хотите сказать, что они не пользуются атомной энергией?

Твер погрузился в раздумья.

— А знаете, Мэллоу, лично у меня такое впечатление, что атомной энергетики тут нет и в помине. Очень трудно было бы замаскировать такую фундаментальную технологию!

— Да, но если только ее применение начато совсем

недавно. И если атомная энергетика не применяется исключительно в военной промышленности. А вот это как раз можно заметить только в двух местах — на космических заводах и на сталеобрабатывающих.

— Ну а если мы там ничего не обнаружим...

— Следовательно, ничего нет. Или прячут. Хороша дилемма, а? Хоть монетку бросай!

Твер покачал головой:

— Жаль, что меня не было вчера...

— Мне тоже жаль. Я бы нисколько не возражал против вашей моральной поддержки. Но, увы, парадом командовал Командор. А вот, кстати, правительственный автомобиль, который повезет нас на завод. Все готово, Твер?

Глава 8

Завод был большой, но запущенный настолько, что никакой поверхностный ремонт не скрасил бы атмосферу разрухи и беспорядка. Стояла неестественная тишина, поскольку на завод пожаловал Командор со свитой.

...Мэллоу закрепил стальной лист в двух суппортах, взял из рук Твера инструмент и крепко сжал кожаную рукоятку под свинцовым обшлагом.

— Этот инструмент, — сообщил он, — опасен не более чем пчелиное жало. Но все-таки прошу руками не трогать.

Он изящно провел инструментом по прямой через весь лист стали, который тут же спокойно и беззвучно распался на две равные части.

Все присутствующие дружно ахнули, а Мэллоу спокойно улыбнулся. Он взял в руки одну из половин листа и сказал:

— Глубину резания можно установить с точностью до сотой доли дюйма, и двухдюймовый лист стали будет разрезан так же легко, как этот. Если глубина резки установлена точно, можно спокойно класть лист стали хоть на полированный стол, и на нем не останется ни царапинки.

Он говорил и продолжал демонстрировать возможности атомного резака. По цеху распространился запах окалины...

— Вот так, — сказал он, — обстоит дело со сталью. И вообще с любым плоским материалом. Допустим, вам необходимо уменьшить толщину листа, сгладить неровности, удалить ржавчину. Смотрите!

Стальной лист превратился в тонкую сияющую фольгу. Мэллоу регулировал инструмент, и ширина полос менялась — шесть дюймов, восемь, двенадцать...

— По тому же принципу осуществляется и сверление.

Вся свита во главе с Командором столпилась вокруг Мэллоу. Казалось, представление дает бродячий фокусник. Командор Аспер осторожно трогал полоски стали. Высшие чиновники вставали на цыпочки, заглядывали друг другу через плечо и оживленно шептались. А Мэллоу работал и работал... В листе стали появляться четкие, ровные, безукоризненно круглые отверстия.

— И еще вот что я вам покажу... Пусть кто-нибудь принесет два коротких куска стальной трубы.

Чей-то камердинер с готовностью откликнулся на просьбу Мэллоу. Не прошло и трех минут, как он, передав Мэллоу требуемое, отряхивал руки...

Мэллоу поставил куски трубы вертикально, провел по их краям инструментом и быстро прижал куски друг к другу. Они соединились! Да как! Шва не различить и под микроскопом!

Мэллоу оглядел присутствующих, начал было объяснять, но запнулся. У него противно засосало под ложечкой, замерло сердце...

Личная охрана Командора в общей суматохе покинула ответственный пост и протиснулась вперед. Мэллоу впервые увидел их так близко!

И их, и вооружение...

Ошибки быть не могло — атомные бластеры! Но даже это было не самым важным!

На прикладах бластеров красовалась эмблема: «Звездолет и Солнце».

Те самые «Звездолет и Солнце», которые украшали обложку каждого из огромных томов «Галактической Энциклопедии», все еще издающейся на Терминусе! «Звездолет и Солнце» — символ Империи!

Мэллоу говорил, но думал только об этом...

— Посмотрите на эту трубу — она целая. Конечно, это не самый лучший вариант. Я имею в виду, что соединение не должно производиться вручную.

Спектакль был окончен, Мэллоу узнал все, что хотел. Перед глазами у него стоял золотой шар солнца, окруженный острыми лучами, и обтекаемая сигара космического корабля... «Звездолет и Солнце» Империи!

Империя! В голове не укладывалось! Ведь прошло уже сто пятьдесят лет, а Империя, стало быть, еще существовала где-то в глубинах Галактики. И не только там. И здесь, на Периферии...

Мэллоу понимающе улыбнулся...

Глава 9

«Далекая Звезда» уже два дня была в пути, когда Хобер Мэллоу в своей каюте вручил лейтенанту Драуту конверт, кассету с микрофильмом и серебристый шарик.

— Через час, лейтенант, вы вступите в командование «Далекой Звездой». До тех пор, пока я не вернусь, или — навсегда.

Драут попытался встать, но Мэллоу жестом остановил его.

— Спокойно. Слушайте внимательно. В конверте содержится детальное описание вашего маршрута. На планете, которая указана там, вы ждете меня два месяца.

Если Академия обнаружит вас раньше, имейте в виду, что микрофильм — это отчет о проделанной работе. Если же, — сказал он менее жестко, — через два месяца я не вернусь, то вы отправляетесь на Терминус и представляете в виде отчета капсулу. Ясно?

— Да, сэр.

— Ни при каких обстоятельствах ни вы, ни кто-либо другой из команды не должны добавлять к отчету ни слова.

— А если нас спросят, сэр?

— Вы ничего не знаете.

— Ясно, сэр.

...Так окончилась их беседа, и через пятьдесят минут от борта «Далекой Звезды» отчалил небольшой катер.

Глава 10

Онум Барр был стар. Слишком стар, чтобы бояться. Со времени последних беспорядков он жил один-одинешенек среди руин на окраине города. Ему было нечего терять, кроме последних дней своей жизни, поэтому он без страха взглянул на вошедшего незнакомца.

— У вас дверь была открыта, — сказал тот.

Говорил он с жутким акцентом. От глаз Барра не укрылось и странное оружие, висевшее у него на ремне. В полумраке маленькой комнатушки Барр хорошо видел мягкое сияние защитного поля, окружающее фигуру незнакомца.

— Нет нужды закрывать, — сказал он устало. — Ко мне никто не ходит. Что вам угодно?

— Хотел кое-что разузнать.

Незнакомец продолжал стоять в центре комнаты. Он был очень высокий, плотного телосложения.

— Я так понял, что, кроме вас, тут вообще никто не живет?

— Да, это заброшенное место, — подтвердил Барр. —

Но к востоку отсюда есть город. Я могу показать вам дорогу.

— Не сейчас. Можно присесть?

— Садитесь, если стул выдержит, — грустно вздохнул старик. Да, мебель, как и ее хозяин, знавала лучшие времена...

— Меня зовут Хобер Мэллоу, — представился незнакомец. — Я из дальней провинции.

Барр кивнул и улыбнулся:

— Можно было не уточнять. Акцент вас сразу выдал. Я — Онум Барр из Сивенны, бывший патриций Империи.

— Значит, это Сивенна! У меня с собой только очень старые карты.

— А зачем им быть новыми? Звезды не сходят со своих мест.

Барр сидел неподвижно. Незнакомец с любопытством разглядывал комнатушку.

Барр заметил, что сияние защитного поля, окружавшее фигуру гостя, угасло, и с грустью отметил, что он уже никому не страшен — ни другу, ни врагу...

— Дом мой беден, — сказал Барр, — и припасов у меня немного. Если вы хотите разделить со мной трапезу, то могу предложить лишь черный хлеб да сухое зерно.

Мэллоу покачал головой.

— Нет-нет, благодарю, я сыт, да и задерживаться не могу. Вы мне только скажите, как добраться в правительственный центр.

— Это не составит большого труда. Только что вы имеете в виду: главный город планеты или столицу императорского сектора?

Гость удивленно прищурился.

— А разве это не одно и то же? Разве это не Сивенна?

— Да, Сивенна, — кивнул старый патриций. — Только Сивенна давно не столица Норманнского сектора. Да, даже старые карты подводят... Звезды не меняют своих мест, а вот политические границы слишком зыбки...

— Скверно. Очень скверно. И далеко новая столица?

— На Орше-II. Двадцать парсеков отсюда. Посмотрите на карте. Какого времени ваша карта?

— Издана сто пятьдесят лет назад.

— Так давно?

Старик вздохнул.

— С тех пор много воды утекло. И вы ничего не знаете?

Мэллоу покачал головой.

— Вам повезло, — грустно улыбнулся старик. — Более или менее спокойные времена для провинции были в царствование Станнеля II. Он скончался пятьдесят лет назад. С тех пор — только бунты и разруха, разруха и бунты. И руины...

Мэллоу резко выпрямился. Стул угрожающе заскрипел...

— Как — руины? Вы хотите сказать, что провинции больше не существует?

— Да нет, не так чтобы... Кое-какие ресурсы есть, наверное, планетах на двадцати. Однако по сравнению с процветанием, которое царило здесь в прошлом столетии, мы здорово скатились вниз, и никаких признаков возврата к лучшему нет. Пока нет... А почему вы этим интересуетесь, молодой человек? И глаза у вас заблестели.

Торговец слегка покраснел. Старик попал в точку.

— Послушайте, — объяснил Мэллоу, — я торговец. Тружусь на задворках Галактики. Вот нашел старые карты и хотел попробовать найти новые рынки сбыта. Конечно, ваше сообщение о том, что провинция обеднела, меня расстроило, если не сказать больше. В мире, где денег нет, их не сделаешь. Ну а как обстоят дела в Сивенне?

Старик наклонился вперед, задумался.

— Даже не знаю, что сказать. Очень может быть, что даже и теперь не так уж плохо. А вы действительно тор-

говец? Вы больше смахиваете на военного. Рука на прикладе, шрам на виске...

Мэллоу запрокинул голову и расхохотался:

— Видите ли, в нашем мире тоже не все слава богу! Шрамы — следствие моей профессии. Но когда в конце концов получаешь денежки, можно и подраться. Неплохо было бы обойтись без этого, но что поделаешь? Ну а здесь-то как? Могу я тут сделать деньги и не заработать новых шрамов? Похоже, что дело обстоит наоборот?

— Пожалуй, наоборот, — улыбнулся Барр. — В принципе, можете поискать тех, кто остался от Вискарда, на Красных Звездах. Правда, не знаю, как лучше назвать то, чем они занимаются, — торговлей или пиратством. Кроме того, у вас есть возможность присоединиться к нашему нынешнему вице-королю — благословенному... благословенному убийце, воришке...

Морщинистые щеки старого патриция залил нервный румянец. Он закрыл глаза, а когда вновь открыл их, взгляд его стал по-птичьи зорок.

— Что-то вы не слишком любезно отзываетесь о вице-короле, уважаемый патриций Барр, — сказал Мэллоу. — А вдруг я шпион?

— А хоть бы и так, — спокойно откликнулся старик. — Что с меня взять?

Он обвел рукой комнату.

— Жизнь, например.

— О, это бы мне принесло только облегчение. Я уж и так лишних лет пять прожил. Но вы не из людей вице-короля. Были бы из них, я бы почувствовал и рта бы не раскрыл.

— А как бы вы почувствовали?

Старик тихо рассмеялся:

— А вы подозрительны! Честное слово, могу поклясться, теперь вы думаете, что я пытаюсь спровоцировать вас на разговор, в котором вы могли бы неосторожно высказаться о правительстве. Нет-нет, уверяю вас, меня уже давно не интересует политика.

— Не интересует политика? Мне так не показалось! Как вы сказали о вице-короле — «убийца, воришка»?

Старик пожал плечами.

— Так, воспоминания нахлынули... Посудите сами: в те времена, когда Сивенна была еще столицей провинции, я был патрицием и членом провинциального сената. Мой род — древний и знаменитый. Один из моих прадедов... а впрочем, ладно, хватит об этом...

— То есть, — осторожно проговорил Мэллоу, — у вас тут была гражданская война или революция?

Лицо Барра помрачнело.

— Гражданские войны не прекращались в эти кошмарные годы. Но Сивенна всегда находилась в стороне. В годы царствования Станнеля II она почти достигла своей былой славы и процветания. Но ему наследовали слабые императоры. А при слабых императорах всегда сильные вице-короли. И наш последний вице-король, Вискард, остатки приверженцев которого еще занимаются чем-то вроде торговли у Красных Звезд, возмечтал о королевской мантии. Да не он первый...

Но — не удалось. Потому что в тот день, когда Адмирал Империи приблизился к Сивенне во главе флота, Сивенна восстала против мятежного вице-короля.

Он печально вздохнул и замолчал. Мэллоу ерзал на краешке отчаянно скрипевшего стула. Его просто раздирало любопытство!

Но он сдержался и тихо попросил:

— Продолжайте, сэр!

— Благодарю вас, — кивнул Барр. — Вольно вам смеяться над старым человеком. Итак, они восстали. Вернее было бы сказать — мы восстали, поскольку я был один из второстепенных лидеров восстания. Вискард убрался из Сивенны, еле ноги унес, а планета и вся провинция были оставлены на попечение Адмирала и выразили полную и безоговорочную лояльность Импера-

тору. Почему мы так поступили, я и сам не понимаю. Может быть, мы выразили лояльность не более чем к символу, а не к самому Императору — жестокому и порочному мальчишке. Может быть, испугались ужасов блокады.

— Ну и?.. — осторожно поторопил его Мэллоу.

— Ну и, — с горечью в голосе продолжал Барр, — это никак не устроило Адмирала. Ему до смерти хотелось присвоить себе славу завоевания мятежной планеты, а его людям хотелось добычи, сопутствующей завоеванию. И пока народ в городах выходил на улицы, славя Императора и его Адмирала, он потихонечку захватил все военные центры, а затем приказал перестрелять почти все население.

— Почему?

— Потому что они восстали против вице-короля — так объявил Адмирал. Он и стал новым вице-королем — после того, как целый месяц шли убийства, грабежи, насилие. У меня было шестеро сыновей. Пятеро погибли — все по-разному... У меня была дочь. Я надеюсь, что она погибла. Такая красавица... Я уцелел, потому что был стар. Поселился здесь, зная, что слишком стар для того, чтобы вице-король мной интересовался. Они ничего, ничего мне не оставили, — сказал он, печально качая седой головой. — Потому что я помогал мятежному губернатору выбраться из города и лишил тем самым Адмирала славы его поимки...

Мэллоу молчал и ждал.

— А что случилось с вашим шестым сыном? — наконец спросил он.

— А? С последним? Он жив. Потому что вступил в армию Адмирала как простой солдат. Под чужим именем. Теперь он стрелок в его личной гвардии. О нет, не подумайте о нем плохо! Он хороший сын. Навещает меня, когда может, и что может, приносит мне. Только он один и поддерживает мою жизнь. А в один прекрасный

день, когда наш замечательный вице-король сойдет в могилу, именно мой сын поможет ему в этом.

— И вы говорите это незнакомому человеку? Рискуете не только своей жизнью, но и жизнью сына!

— Нет, я как раз помогаю ему, потому что вижу в вас нового врага вице-короля. Знаете, был бы я ему другом настолько же, насколько я ему враг, то посоветовал бы послать на границу как можно больше кораблей.

— Хотите сказать, что на Периферии нет кораблей вице-короля?

— А вы их видели? Вас кто-нибудь остановил? Кораблей мало, не хватает даже для того, чтобы охранять границы соседних провинций, где хватает своих интриг и беспорядков. Но, кстати сказать, издалека нам еще никто не угрожал — пока не появились вы.

— Я? Да я вовсе не опасен.

— За вами придут другие.

Мэллоу пожал плечами:

— Что-то я вас не понимаю.

— Послушайте! — неожиданно резко сказал старик. — Я сразу все понял, как только вы вошли. Вокруг вас было защитное поле.

— Да. Было, — признался после короткой паузы Мэллоу.

— Я сразу заметил, но ничего не сказал. Я кое-что в этом понимаю. В наше страшное время немодно быть ученым. Все так быстро меняется — как прилив и отлив... Но когда-то я им был, и вся история развития атомной энергетики мне неплохо знакома. Насколько я помню, ни в одном учебнике не упоминалось о портативном защитном поле. У нас есть защитные поля, но они огромны — целые здания. Они рассчитаны на то, чтобы защищать города, корабли, но никак не отдельного человека.

— Вот как? — удивленно приподнял брови Мэллоу. — И какой же вывод вы делаете?

— До нас доходили кое-какие слухи. Правда, похо-

же, что перевранные... Но когда я был молод, у нас появился небольшой корабль с людьми довольно странными. Они не знали наших обычаев и не могли объяснить, откуда прилетели. Рассказывали о волшебниках, которые живут на краю Галактики. О волшебниках, которые сияют в темноте, летают без всяких приспособлений и которых нельзя убить никаким оружием. Мы тогда смеялись. Я тоже смеялся... До сегодняшнего дня я не вспоминал про эти байки... Но вот пришли вы — и сияете в темноте, и я почти уверен, что мой бластер, если бы он у меня был, не смог бы вам повредить. А летать вы умеете?

— Нет, — спокойно отозвался Мэллоу.

— Мне нравится ваш ответ, — отозвался старик. — Я не имею привычки экзаменовать своих гостей. Но если эти волшебники действительно существуют и вы — один из них, в один прекрасный день вас — или их — станет больше... Может быть, это будет даже хорошо. Наверное, нам просто необходима инъекция свежей крови.

Барр что-то забормотал про себя, потом проговорил:

— Но есть и оборотная сторона медали. Об этом, конечно, мечтает и наш новоиспеченный вице-король, как до него мечтал Вискард.

— Что, тоже охотится за имперской короной?

Барр кивнул:

— Мой сын много слышит. Наш новый вице-король не откажется от короны, если ему предложат. Но пока он держит оборону. Поговаривают, что он собирается создать новую Империю на задворках Галактики. Так говорят, но я не уверен, что так. Вроде бы он уже выдал свою дочь замуж за какого-то варварского князька.

— Ну если слушать всю болтовню...

— Конечно. Я стар и несу чепуху. Ну а вы-то что скажете?

Он пристально смотрел на Мэллоу.

Немного помолчав, торговец ответил:

— Да ничего я не скажу. Но хочу спросить: на Сивенне есть атомная энергия? Есть ли у них работающие генераторы или во времена беспорядков их разрушили?

— Разрушили? О нет! Скорее бы смели полпланеты, чем разрушили хоть одну самую маленькую атомную станцию. Все стоят на своих местах и снабжают энергией корабли. Наши станции не хуже, чем на Тренторе, — с гордостью ответил он.

— И как можно их увидеть?

— Это невозможно! — отрезал Барр. — Да вы и близко не подойдете ни к одному военному центру. Вас пристрелят на месте. Это еще никому не удавалось. Ведь Сивенна до сих пор лишена гражданских прав.

— Все атомные станции охраняются военными?

— Не все. Существуют еще небольшие станции, которые снабжают город теплом и электричеством. Но и там не проще. Их охраняют технологи.

— Кто они такие?

— Каста специалистов. Профессия передается по наследству. У них невероятное чувство ответственности. Кроме технологов, никто не имеет права входить в помещение станции.

— Ясно.

— Но я не хочу сказать, — добавил Барр, — что не бывало случаев, когда технологов подкупали. Во времена, когда за пятьдесят лет у нас сменилось девять Императоров, когда любой капитан-звездолетчик вынужден то и дело присягать очередному вице-королю или сам мечтает стать вице-королем, даже технолог не устоит, если ему предложить денег. У вас есть деньги?

— Деньги? Нет. Но подкупить можно не только деньгами, правда?

— А чем же еще, если все покупается за деньги?

— О, есть многое, чего и за деньги не купишь... А теперь подскажите мне, где находится ближайший город с атомной станцией? Я вас отблагодарю.

— Постойте, — сказал Барр, протянув к Мэллоу иссохшие руки. — Куда вы торопитесь? Вы пришли ко мне, и я не задавал вам вопросов. Но в городе, все жители которого до сих пор считаются мятежниками, у вас прежде всего потребуют документы. А вы говорите со страшным акцентом и одеты необычно.

Тут он встал, удалился в угол комнаты и вернулся с небольшой книжечкой.

— Вот мой паспорт. Мне удалось его сохранить.

Он вложил паспорт в ладонь Мэллоу.

— Описание внешности, как вы понимаете, не сходится, но, возможно, вам повезет и они не станут приглядываться.

— А вы? Как же вы останетесь без паспорта?

Старый отшельник равнодушно пожал плечами:

— Ну и что? Вот еще: старайтесь говорить поменьше. Язык ваш — враг ваш. А сейчас я расскажу вам, как лучше добраться до города.

Через пять минут Мэллоу ушел.

Когда на следующее утро Онум Барр вышел из дома в свой крошечный садик, он нашел у крыльца ящик. Там была еда — консервы, которые обычно берут с собой в далекие путешествия на звездолетах. Они были незнакомого вкуса, странно приготовлены. Но вкусные, и хватит их надолго...

Глава 11

Технолог оказался прыщавым коротышкой с жидкими сальными волосами, сквозь которые просвечивала багровая лысина. На мясистых пальцах красовались крупные перстни, от одежды разило потом. Он был первым человеком в Сивенне, который не показался Мэллоу голодным.

Липкие губы технолога лениво шевельнулись.

— Ну, валяй, да побыстрей. Дел полно. А ты, похоже, не из нашенских, — сказал он, подозрительно оглядывая Мэллоу сквозь редкие ресницы.

— Да, я не здешний, — признался Мэллоу. — Но это к делу не относится. Кстати, вчера я послал вам небольшой подарочек.

— Да. Мне передали. Забавненькая безделушка. Может, я ею и воспользуюсь.

— У меня есть и другие, не менее интересные вещицы. И не только безделушки.

— Так... Ясненько. Похоже, я понимаю, как у нас дальше дело пойдет. Начнешь предлагать мне всякую дребедень. Пару кредиток, тряпки, побрякушки — всякое такое, чем, как кажется твоей грязной душонке, можно подкупить честного технолога!

Он продолжал, презрительно выпятив нижнюю губу:

— Я знаю даже, чего ты хочешь взамен. Много вас таких шляется.

Только одного и надо. Меня не проведешь! Хотите втереться в наш благородный клан, хотите постичь тайны атомной науки и научиться обращаться с техникой! Вы, собаки сивеннские, думаете... Между прочим, плевать я хотел на твою болтовню, будто ты нездешний. Хрена лысого я тебе поверил! Все вы думаете, что если попадете в технологи, так уйдете от наказания за мятеж. Спрятаться хотите — технологи-то неприкосновенны. Знаю я вас...

Мэллоу собрался возразить, но технолог остановил его властным жестом.

— А теперь, — взревел он, — убирайся вон, пока я не сообщил твое подлое имя коменданту города. Ты что, всерьез думаешь, что я запросто нарушу клятву? Те сивеннские предатели, что тут работали до меня, — те, может, и согласились бы. Но ты меня не за того принимаешь. Как жаль, что я тебя не сразу прикончил вот этими самыми руками!

Мэллоу мысленно улыбался. Из технолога вышел бы неплохой трагик... Торговец бросил взгляд на жир-

ные лапы технолога, украшенные массивными перстнями, — те самые, которыми тот грозился его придушить, и сказал:

— Ваше Мудрейшество, вы не правы. Во-первых, я не шпион вице-короля, явившийся сюда затем, чтобы проверить вашу лояльность. Во-вторых, я хочу предложить вам кое-что, чего нет у самого Императора. В-третьих, взамен мне нужно совсем немного. То есть практически совсем ничего.

— Вот как ты заговорил! — прищурился технолог. — Ну и какие же такие царские дары ты готов бросить к моим ногам? Чего же это такого нет у самого Императора? — выговорил технолог, давясь от смеха.

Мэллоу встал и отодвинул в сторону стул.

— Три дня я ждал, когда вы соизволите принять меня, Ваше Мудрейшество, но то, что я хочу вам показать, не займет более трех секунд. Будьте так любезны, возьмите бластер...

— Чего-чего?

— И выстрелите в меня. Я буду весьма вам признателен.

— Чего?!!

— Если вы меня прикончите, можете спокойно объяснить полиции, что я пытался вас подкупить, чтобы вы выдали мне секреты вашей гильдии. Вас щедро вознаградят. А если вы меня не прикончите, я вам подарю свое защитное поле.

Тут технолог впервые заметил, что его гость окружен бледным сиянием. Он поднял бластер, прицелился и выстрелил.

Молекулы воздуха пронзил атомный разряд. Они распались на сверкающие, горящие ионы, вытянулись в ослепительный, тонкий луч, добрались до груди Мэллоу и...

Смертоносный луч испарился. Мэллоу даже не пошевельнулся.

Бластер технолога с глухим стуком брякнулся на пол.

Мэллоу спокойно поинтересовался:

— Ну так что — есть у Императора персональное защитное поле? А у вас будет.

Технолог в страхе прошептал:

— Ты... вы... что, технолог?

— Нет.

— Т-тогда откуда у вас это?

— А вам какая разница? Хотите или нет?

На стол легла тонкая цепочка с кнопкой на запястье.

Технолог судорожно схватил ее и стал разглядывать, дрожа от волнения.

— Это... она целая? Вся?

— Вся.

— Как включать?

Мэллоу нажал кнопку.

Технолог поднял на Мэллоу взгляд, исполненный ужаса и удивления.

— Сэр... Я — технолог высшей квалификации. Уже двадцать лет я работаю инструктором. Я учился на Тренторе у великого Блера! Вы или подлый шарлатан, который пытается уверить меня, что внутри крошечной коробочки величиной... черт бы меня побрал, с лесной орех находится атомный генератор, или... нет, надо тебя к коменданту отвести.

— Это от вас не уйдет. А объяснять тут нечего. Я вам серьезно говорю, что устройство — в полном комплекте.

Технолог побледнел, застегнул цепочку на запястье и нажал кнопку дрожащей рукой... Его тут же окружило мягкое сияние... Он поднял бластер, но тут же опустил его. Судорожно перевел регулятор интенсивности облучения на минимум. Нервно нажал спусковой крючок, нацелив бластер на собственную ладонь... Луч спокойно оттолкнулся от руки, не причинив технологу никакого вреда...

Технолог поднял голову, обалдело уставился на Мэллоу и прохрипел:

— А... если я возьму да и выстрелю в вас?

— Валяйте, — равнодушно отозвался Мэллоу. — Вы что, думаете, я вам последний отдал?

Его массивную фигуру тут же окружило голубоватое сияние.

Технолог нервно поежился. Бластер лег на крышку стола...

— Ну ладно, говорите. Чего хотите взамен?

— Я хотел бы взглянуть на ваши генераторы.

— Нет! Это запрещено! Нас могут вышвырнуть в открытый космос!

— Не собираюсь я к ним прикасаться. Только взгляну.

— А если я не соглашусь?

— Если не согласитесь, то останетесь при своем. У вас теперь есть защитное поле. А у меня есть еще кое-что. Например, бластер, который пробивает защитное поле.

Глаза технолога алчно заблестели.

— Г-м-м... Пойдемте со мной!

Глава 12

Коттедж технолога располагался позади большого здания без окон, кубической формы, стоявшего в самом центре города. Мэллоу последовал за технологом по подземному переходу, и вскоре оба очутились в безмолвной, пахнущей озоном атмосфере атомной станции.

Еще минут пятнадцать он шел по залам станции за своим проводником. Мэллоу молчал, ничего не трогал. Но от его внимательного взгляда ничто не ускользнуло.

Наконец технолог хрипло поинтересовался:

— Может быть, хватит?

— Хватит, — усмехнулся Мэллоу.

Они вернулись в кабинет. Мэллоу спросил:

— Все эти генераторы — в вашем ведении?

— Все, — печально вздохнул технолог.

— И вы отвечаете за то, чтобы они нормально работали?

— Да.

— А если они выйдут из строя?

Технолог упрямо замотал головой:

— Они не выходят из строя. Они никогда не выходят из строя! Они построены навечно!

— Вечность — это, конечно, очень долго. Ну а если предположить, что...

— Предполагать невозможное — антинаучно!

— Хм... Но если все-таки предположить, что жизненно важные центры повредит, к примеру, атомный взрыв. Ну, там, расплавятся главные соединения или будет повреждена дельта-лучевая трубка... Что тогда?

— Тогда, — рявкнул технолог, — вам конец!

— Я не об этом! — рявкнул в ответ Мэллоу. — Генератор меня интересует! Его можно будет починить?

— Сэр! — взмолился технолог. — Мы с вами в расчете! Я сделал то, о чем вы просили. Уходите! Я больше вам ничего не должен!

Мэллоу усмехнулся, кивнул и вышел.

...Через два дня он вернулся на «Далекую Звезду», ожидавшую в условленном месте, и отбыл на Терминус.

Через два дня защитное поле технолога пропало, и как он ни чертыхался и ни тряс цепочку, так и не загорелось вновь...

Глава 13

Впервые за полгода Мэллоу отдыхал по-настоящему. Лежа на спине, он загорал в искусственном солярии своего нового дома. Забросив руки за голову, он наслаждался теплом и покоем...

Человек, стоявший рядом, вложил в губы Мэллоу

сигарету и чиркнул зажигалкой. Потом закурил сам и произнес:

— Чувствую, вы здорово устали. Вам бы отдохнуть подольше.

— Может, вы и правы, Джаэль, но лучше я отдохну в кресле Совета. Я должен его занять, а вы должны мне в этом помочь.

Анкор Джаэль удивленно вскинул брови и спросил:

— Каким образом?

— Очень просто. Во-первых, вы в политике собаку съели. Во-вторых, Джоран Сатт вас из Совета выкинул за шкирку. В-третьих, он скорее добровольно ослепнет на один глаз, чем согласится увидеть меня в Совете. Шансы мои невысоки, правда?

— Естественно, — согласился бывший Министр Образования. — Вы — смирнианец.

— Ну, это дело десятое. Законом не запрещено. У меня высшее светское образование.

— Не в том дело. Нет законов, которым подчинялись бы предрассудки. Вы мне лучше скажите, что по этому поводу думает ваш приятель Джейм Твер?

— Он еще год назад прожужжал мне все уши о том, что мне необходимо баллотироваться в Совет! — лениво отозвался Мэллоу. — Но он мне уже не помощник. Не потянет. Он не настолько глубок и тонок. Шума много, а толку — чуть. Мне нужен настоящий помощник. Мне нужны вы.

— Мэллоу, но Джоран Сатт — крупнейший политический деятель планеты, и вы его восстанавливаете против себя! Мне с ним не справиться. К тому же он способен на игру исподтишка.

— У меня есть деньги.

— Это хорошо. Но предрассудки стоят очень дорого! Не забывайте, для них вы — грязный смирнианец!

— У меня очень много денег.

— Ну хорошо, я подумаю. Только не считайте, что я вам подал надежду, ладно?

Раздался звонок.

— Кто это там? — удивился Джаэль.

— Не иначе как Джоран Сатт собственной персоной. Рановато. Но я его понимаю. Я скрывался от него целый месяц. Знаете что, Джаэль? Подите-ка в соседнюю комнату и потихонечку включите видеофон. Хочу, чтобы вы послушали.

Обескураженный отставной министр вышел, а Мэллоу спустил ноги с кушетки, встал и завернулся в мягкий шелковый халат.

...Секретарь мэра вошел твердой поступью. Невозмутимый мажордом, сопровождавший его, вернулся к двери и тихо прикрыл ее.

Мэллоу щелкнул пряжкой ремня и любезно проговорил:

— Присаживайтесь!

Сатт нервно усмехнулся. Сел в первое попавшееся кресло — на краешек, будто засиживаться не собирался.

— Мэллоу, если вы сразу скажете ваши условия, мы скорее перейдем прямо к делу.

— Это какие же условия?

— Не валяйте дурака, Мэллоу. Ну ладно, спрашиваю прямо: что вы делали в Кореллии? Ваш отчет — не более чем отписка!

— Интересно! Я сдал отчет два месяца назад. Тогда он вам вроде бы понравился.

— Да! — выпалил Сатт, ожесточенно потирая лоб. — Но с тех пор вы развили бешеную деятельность! Нам известно многое из того, чем вы занимаетесь. Мы знаем точно, сколько фабрик вы строите, и как торопитесь, и во что вам это обходится. И потом — эти ваши хоромы...

Сатт обвел взглядом роскошно обставленную комнату и продолжал:

— Вам это обошлось не меньше чем в мое годовое жалованье!

— Ну? И какие же из этого следуют выводы, кроме того, что ваша разведка неплохо работает?

— Выводы вот какие: у вас завелись деньги, которых год назад не было. А означать это может что угодно. Например, то, что вы в Кореллии совершили выгодную сделку, о которой не поставили нас в известность. Откуда у вас деньги?

— Сатт, дорогой мой, вы что, серьезно думаете, что я вам все так и расскажу?

— Нет. Не думаю. Поэтому отвечу сам. Денежки ваши — из казны Командора Кореллии!

Нервно моргая, Сатт ждал реакции Мэллоу. Мэллоу улыбнулся и ответил:

— Наверное, я вас очень огорчу, но деньги совершенно законные. Я — Мастер Торговли. Деньги, которые я там получил, — это стоимость чугуна и хрома, вырученных за кое-какие безделушки, которые мне удалось им всучить. Половина выручки по контракту — моя. Вторая половина отойдет правительству в конце финансового года после выплаты налогов.

— В вашем отчете нет ни слова о контракте!

— Ну, мало ли чего там нет! Там не сказано ни о том, например, что я ел сегодня на завтрак, ни о том, как зовут мою теперешнюю любовницу, и еще много чего!

Улыбка не сходила с лица Мэллоу.

— Я был послан туда, если процитировать ваши собственные слова, для того, чтобы смотреть на все широко открытыми глазами. Я их не закрывал. Вы хотели узнать, что случилось с пропавшими кораблями? Я их не видел и не слышал о них ни слова. Вы хотели узнать, обладает ли Кореллия атомным оружием? Я сообщил, что, кроме ручных бластеров у телохранителей Командора, я ничего такого не заметил. Я сообщил также, что их бластеры — имперские реликвии, так что, возможно, они в нерабочем состоянии. То есть сообщил все, что узнал и увидел.

Таким образом, ваши указания я выполнил, и я — свободный торговец. По законам Академии Мастер Торговли имеет право открывать новые рынки сбыта где

только возможно и получать причитающуюся ему половину прибыли. Есть возражения?

Сатт сидел, уставившись в одну точку. Наконец он сказал, с трудом сдерживая раздражение:

— Но впереди торговли по обыкновению идет религия.

— Я действую в соответствии с законом, а не повинуюсь обычаям.

— Бывают времена, когда обычаи превыше законов!

— В таком случае обратитесь в суд.

Сатт мрачно взглянул на Мэллоу.

— Вы смирнианец до мозга костей. Это в вас сидит, несмотря на то что вы получили образование и бог знает сколько уже живете на Терминусе. Но все равно, послушайте меня и постарайтесь понять.

Существуют вещи поважнее денег и рынков сбыта. Существует наука, созданная великим Гэри Селдоном, согласно которой от нас зависит будущее Галактики, будущее новой Империи, и мы не можем свернуть с пути, ведущего нас вперед. А религия — наш мощный инструмент.

Именно благодаря ей мы подчинили себе Четыре Королевства, причем тогда, когда у них была полная возможность разделаться с нами. На сегодняшний день мы не располагаем более мощным средством воздействия на человеческие души и миры.

Именно религия была причиной распространения торговли и появления торговцев, которые должны были не просто торговать, но внедрять нашу религию, а посредством ее — и принципиально новую технологию, и в корне иную экономику.

Он остановился, чтобы набрать воздуха, но Мэллоу небрежно прервал его:

— Можете не тратить слов. Я все это прекрасно знаю.

— Знаете? Трудно поверить. Но если вы действительно это знаете, то не можете не согласиться с тем, что ваши отношения с Кореллией — это торговля ради

торговли. В условиях массового производства дорогих безделушек, продажа которых окажет лишь поверхностное воздействие на галактическую экономику, в условиях, когда в межзвездной политике воцарится идол прибыли, когда атомная энергетика уйдет из-под контроля религии, мы будем отброшены назад, отказавшись от той политики, которой с таким успехом пользуемся уже целое столетие!

— Я считаю, что это слишком долго, — вставил Мэллоу, — для политики безнадежно устаревшей и порочной. Обратите внимание: как бы вы ни гордились своими успехами в захвате Четырех Королевств, больше ни одно государство на Периферии не приняло вашей пресловутой политики! Уже в те времена, когда удалось завоевать Четыре Королевства, нашлись злые языки, которые разнесли по белу свету молву о том, как Сальвор Гардин воспользовался религией и людскими предрассудками, чтобы лишить светских монархов силы и независимости. Когда этого было недостаточно, вы поступали так, как поступили с Асконом двадцать лет назад. И теперь на Периферии просто не осталось правителя, который не согласился бы скорее удушить себя собственными руками, чем позволить миссионеру из Академии проникнуть на свою территорию!

Поэтому, Сатт, я не собираюсь навязывать ни Кореллии, ни любому другому государству то, чего они не хотят. Если наличие у них атомного оружия делает их опасными соседями, то не проще ли установить с ними дружеские отношения через торговлю, чем ставить их в зависимость от чужой церковной власти? Ведь стоит такому владычеству ослабнуть хоть немного, как оно рассыплется в прах, не оставив после себя ничего, кроме вечного, нескончаемого ужаса, страха и ненависти!

— Неплохо излагаете, — едко парировал Сатт. — А теперь давайте начнем сначала. Каковы ваши условия? Что вы хотите за то, чтобы ваши убеждения остались при вас?

— А вы полагаете, они продаются?

— А почему бы и нет? По-моему, это вполне в вашем духе — покупать и продавать!

— О, только с прибылью! — спокойно отозвался Мэллоу. Похоже было, что укол Сатта цели не достиг. — Вы можете предложить мне больше, чем у меня есть?

— Могу. Я предлагаю вам получать три четверти прибыли от сделок вместо половины.

Мэллоу коротко рассмеялся:

— Недурно. Но, к сожалению, то, что я выручу от торговли на ваших условиях, не составит и десятой части того, что я выручаю сам. Что вы можете предложить еще?

— Вы... могли бы получить кресло в Совете!

— А я его так и так получу, без вашей помощи.

Сатт наклонился вперед и резко схватил Мэллоу за руку:

— Вы можете спасти себя от тюрьмы! От двадцати лет заключения! Не согласитесь — уж я постараюсь, будьте уверены! Выгодно это вам?

— Не очень. А в чем, собственно, вы собираетесь меня обвинить?

— В убийстве!

— В убийстве? — с нескрываемым удивлением воскликнул Мэллоу.

— В убийстве анакреонского священника, посланца Академии.

— Вот как? И какие у вас доказательства?

Секретарь мэра прошипел в самое ухо Мэллоу:

— Мэллоу, я не шучу! Хватит, поговорили! Предварительное следствие уже закончено. Мне осталось подписать последнюю бумагу, и начнется процесс, на котором истцом будет Академия, а ответчиком — Хобер Мэллоу, Мастер Торговли. Вы бросили гражданина Академии на произвол судьбы, отдали на растерзание и смерть, отдали его на поругание варварской толпе! Мэллоу, я даю вам пять секунд. У вас есть возможность уйти

от возмездия. Что до меня, то лучше бы оно вас настигло — вы меня устраиваете больше как поверженный враг, а не как сомнительный друг! Да, лучше бы вы оказались за решеткой!

Мэллоу улыбнулся:

— Это ваше личное дело. Хотеть, как говорится, не запретишь.

— Прекрасно! — криво улыбнулся секретарь мэра. — Я так и думал. Это мэр предложил мне попробовать уговорить вас. Иначе я с вами и разговаривать бы не стал!

Дверь распахнулась. Сатт ушел не простившись. Из соседней комнаты вышел Анкар Джаэль.

— Ну, все слышали? — с улыбкой спросил его Мэллоу.

Джаэль был обескуражен не на шутку.

— Никогда не видел его таким бешеным, — пробормотал он.

— Да ладно. Каковы ваши выводы?

— Выводы вот какие: внешняя политика, основанная на религиозном давлении, — это его идефикс, но у него есть веские основания полагать, что его конечная цель не имеет под собой никакой религиозной основы. Ведь я лишился портфеля именно из-за того, что в свое время схлестнулся с ним именно по этому поводу. Вам бы я мог и не объяснять.

— Конечно. И какова же, по-вашему мнению, его конечная цель?

Улыбка сошла с лица Джаэля. Он ответил серьезно:

— Ну... он неглуп, поэтому должен сам осознавать провал религиозной политики, которая за последние семьдесят лет не принесла ни одной ощутимой победы. Не исключено, что он использует религию в собственных интересах.

Видите ли, всякая догма, изначально основанная на слепой вере и эмоциях, — опасное оружие. Это та самая яма, которую роешь другому, но не имеешь гарантии,

что сам не окажешься там. Вот уже сто лет мы стараемся сохранить ритуалы и мифологию, которые давным-давно дышат на ладан. Они безнадежно устарели, утратили действенность и гибкость. Да и сама религия...

— Ну? — поторопил его Мэллоу. — Не останавливайтесь! Мне крайне важна ваша точка зрения!

— Ну представьте себе, что найдется какой-нибудь человек, в достаточной степени амбициозный, который возьмет да и обратит силу религии против нас.

— Вы хотите сказать, что Сатт...

— Именно это я и хочу сказать. Если ему удастся объединить всю церковную иерархию на соседних планетах и поднять ее против Академии — исключительно из соображений сохранения чистоты веры, к примеру, — каковы будут наши шансы? Он ведь преспокойненько может объявить крестовый поход против ереси, к примеру — в вашем лице, и стать монархом на веки вечные! В конце концов, не сказал ли однажды Гардин:

«Бластер — штука хорошая, но направить его можно в любую сторону!»

Мэллоу почесал голую пятку.

— Ладно, Джаэль, вы мне только место в Совете добудьте, а уж я с ним разберусь.

После короткой паузы Джаэль задумчиво проговорил:

— Победа может оказаться и не за вами. Что это за история с убийством священника? Вранье, конечно?

— Чистая правда, — беспечно отозвался Мэллоу.

Джаэль присвистнул.

— Что, у него могут быть доказательства?

— Запросто. Дело в том, что Джейм Твер с самого начала работал на Сатта, хотя ни он сам, ни Сатт не догадывались, что я об этом знаю. А Твер видел все собственными глазами.

— Вот оно что... — протянул Джаэль. — Плоховато...

— Это почему же? Священник находился в Корелии нелегально — даже по законам Академии. К тому

же не исключено, что кореллианское правительство использовало его — вольно или невольно — как заложника. По всем законам здравого смысла у меня не было другого выбора. К тому же мой выбор полностью соответствовал официальным законам. Если он станет со мной судиться, он только того и добьется, что сам предстанет в совершенно дурацком свете, и больше ничего.

Джаэль покачал головой:

— Нет, Мэллоу, дело не в этом. Я же говорил вам, что Сатт способен на грязные игры. Даже если ему не удастся засадить вас за решетку, он может повредить вашему общественному положению. Он же сказал: «Обычаи порой превыше законов!» Вы можете спокойно выйти из зала суда победителем, но, когда народ узнает, что вы бросили миссионера на съедение кореллианским собакам, ваша популярность полетит ко всем чертям!

Нет, они поймут, что вы действовали в рамках закона, и все такое прочее. Но все равно в их глазах вы останетесь трусом, предателем, бессердечным чудовищем. Вот тогда-то вам придется навсегда расстаться с мыслью о месте в Совете! Вы можете даже лишиться титула Мастера Торговли. Вы же — иноземец. А что еще нужно Сатту?

— Так... — выдавил Мэллоу.

— Мальчик мой, — грустно сказал Джаэль. — Я буду на вашей стороне, но помочь вряд ли сумею. Вы — под прицелом.

Глава 14

Зал заседаний Совета был битком набит в самом прямом смысле слова. Шел четвертый день суда над Хобером Мэллоу, Мастером Торговли... В Президиуме не хватало только одного советника — того, кто предал его. Зрители, не сумевшие пробиться в зал, до отказа заполнили боковые галереи. Прочие толпились на площади перед зданием Совета, наблюдая за ходом процесса на трехмерных экранах внешних видео.

Анкор Джаэль не без труда пробрался на свое место. Полицейские расталкивали зрителей, освобождая ему путь. Наконец он оказался у скамьи подсудимых, где сидел Мэллоу.

Мэллоу оглянулся, увидел Джаэля и облегченно вздохнул.

— Слава богу, вы поспели как раз вовремя. То, что я просил, у вас?

— Вот, возьмите. Здесь все, что вы хотели.

— Отлично. Что там на улице?

— Они просто осатанели. Не стоило вам соглашаться на открытое слушание!

— Все нормально. Именно это мне и нужно.

— Да они вас четвертовать готовы. А на других планетах люди Манлио...

— Вот-вот! Как раз об этом я и хотел узнать! Он обрабатывает там священников?

— Обрабатывает? Не то слово! Ситуация просто немыслимая. Как секретарь по иностранным делам он все прокручивает на основании межпланетных законов. А как Первосвященник и Примас Церкви он поднимает толпы фанатиков...

— Так. Все ясно. Помните присказку Гардина про бластер? Вот сейчас мы ее и продемонстрируем на примере...

Мэр занял свое место в президиуме, советники почтительно привстали...

Началось дневное слушание дела, и через пятнадцать минут Хобер Мэллоу, сопровождаемый враждебным шепотком зрителей, вышел на свободное пространство перед скамьей мэра. Проходя мимо Джаэля, он шепнул:

— Вот и моя очередь. Смотрите и слушайте.

Мэллоу стоял, озаренный одиноким лучом света. На экранах уличных, домашних видеофонов во всех

уголках Терминуса и соседних планет люди видели одно и то же: могучую мужскую фигуру в луче беспощадного света.

Мэллоу начал легко и спокойно:

— Чтобы понапрасну не тратить времени, я заявляю, что полностью признаю высказанные против меня обвинения. Случай с миссионером был изложен абсолютно точно.

В партере зашептались, с галерки донесся победный рев. Мэллоу спокойно ждал, когда восстановится тишина.

— Однако, — продолжал он, — в картине недостает некоторых деталей. Прошу предоставить мне возможность ее уточнить. Поначалу мой рассказ может показаться не имеющим никакого отношения к делу, и поэтому прошу вашего благосклонного терпения и внимания.

Мэллоу продолжал, даже не заглядывая в лежащие перед ним записки:

— Я позволю себе начать с того же момента, с какого начато обвинение. То есть с момента моей встречи с Джораном Саттом и Джеймом Твером. О чем тогда шла речь, вам известно. Содержание бесед было передано точно, и мне нечего к этому добавить, кроме того, о чем я сам размышлял в те дни.

А поразмышлять было о чем. В те дни происходили странные вещи... Например: двое людей, с каждым из которых я едва знаком, делают мне непонятные предложения. Первый из них, секретарь мэра, предлагает мне сыграть роль правительственного шпиона по совершенно секретному делу, суть и важность которого вам уже известна. Другой, лидер политической партии, предлагает мне баллотироваться в Совет.

Конечно, естественно было задуматься о мотивах их предложений. Похоже, Сатт не доверял мне с самого начала. Не исключено, что он серьезно думал, будто я продаю врагам атомное оружие и вынашиваю планы

мятежа. Возможно, он просто хотел ускорить события. В такой ситуации ему был нужен человек, который отправился бы туда со мной как наблюдатель. Эта мысль пришла ко мне чуть позже, когда на сцене появился Джейм Твер. Обратите внимание: Джейм Твер представился мне бывшим торговцем, ушедшим в политику. Надо сказать, мне до сих пор так и не удалось выяснить подробностей его торговой карьеры, хотя моя информированность в этой области достаточна широка. Далее: Твер утверждает, что получил светское образование, но, оказывается, никогда не слышал о том, что такое селдоновский кризис!

Хобер сделал паузу, подождал, пока его слова дойдут до зрителей. На галерке раздался дружный вздох изумления. Удивленно ахнули и все жители Терминуса. На соседних планетах, куда транслировался усеченный вариант процесса, этой фразы не услышали. Там не должны были знать о селдоновских кризисах. Но и для них у Мэллоу было кое-что в запасе...

Он продолжал:

— Кто из присутствующих здесь может положа руку на сердце утверждать, что человек, получивший светское образование, мог не слышать о селдоновском кризисе? Существует единственный тип образования, не предусматривающий никаких упоминаний о природе и сути селдоновских кризисов и представляющий самого Гэри Селдона как полумифического чародея...

Я сразу догадался, что Джейм Твер — никакой не торговец, а священник, и все то время, когда он якобы возглавлял вымышленную партию торговцев, он просто-напросто работал на Джорана Сатта.

Сначала я действовал вслепую. Я не знал наверняка, какие цели преследует Сатт относительно меня, но, поскольку он сделал вид, что предоставляет мне полную свободу действий, я решил этим воспользоваться. Я уже говорил о своих предположениях относительно того, что Твер был подослан ко мне Саттом. Мне было ясно,

что дело этим не кончится. Вот я и пригласил его отправиться со мной. Когда знаешь о ком-то, что он враг, он становится гораздо менее опасен. Твер согласился лететь.

Эти факты, уважаемые члены Совета, проливают свет как минимум на два момента. Во-первых, я доказал, что Твер не является моим добрым знакомым, который свидетельствует против меня исключительно из соображений совести, как пыталось утверждать обвинение. Он — шпион, которому платили за работу. Во-вторых, этим объясняются некоторые мои поступки в тот момент, когда я впервые увидел миссионера, которого потом якобы послал на смерть.

Советники зашептались. Мэллоу театрально откашлялся и продолжал:

— Мне очень тяжело описывать чувства, охватившие меня, когда я услышал, что на борту моего корабля — миссионер. Сначала я решил, что это проделка Сатта. На трезвую оценку ситуации времени у меня не было. Я, мягко говоря, был просто обескуражен.

И предпринять в тот момент я мог только одно. На пять минут я избавился от Твера, послав его за офицерами. Пока его не было, я успел включить видеокамеру, чтобы все, что ни случилось, оценить впоследствии трезво.

С тех пор я просмотрел видеозапись не менее пятидесяти раз. Она у меня с собой, и, если вы не возражаете, давайте взглянем на нее все вместе.

Публика взревела, многие повскакали со своих мест. Мэр унылым, монотонным баритоном призвал зал к порядку. В пяти миллионах квартир на Терминусе люди придвинулись поближе к экранам, а со скамьи обвинения Джоран Сатт нервно кивнул взволнованному первосвященнику.

Центр зала очистили от публики, огни медленно погасли. Анкор Джаэль, сидевший справа от пульта, закончил необходимые приготовления. Раздался легкий щелчок, и пошла цветная, объемная видеозапись...

И все увидели испуганного, истерзанного миссионера, стоявшего между лейтенантом и сержантом, и Мэллоу, который молча ожидал, когда соберутся офицеры. Тех привел Твер.

Началась беседа. Был отчитан лейтенант, были заданы вопросы миссионеру. Послышались вопли собравшейся у корабля толпы кореллианцев. Преподобный Парма стал взывать к милости. Мэллоу поднял бластер, а миссионер, которого поволокли прочь из каюты, воздел руки к небесам в последнем проклятии. При этом что-то резко вспыхнуло и погасло. Далее последовала немая сцена: офицеры, замершие от ужаса, Твер, зажавший руками уши, Мэллоу, спокойно опустивший бластер...

Дали свет. В зале стояла гробовая тишина.

Мэллоу, живой, теперешний Мэллоу, продолжал свой рассказ:

— Как видите, внешне все происходило именно так, как было изложено представителями обвинения. Позволю себе, однако, краткое замечание. Поведение Джейма Твера на протяжении всего инцидента подтверждает, что он действительно получил религиозное образование.

В тот же день я указал Тверу на кое-какие странности в случае с миссионером. Я спросил его, откуда, по его мнению, мог взяться миссионер в том практически безлюдном районе Кореллии, где находился космопорт. Спросил его и о том, откуда взялась гигантская толпа народа, когда ближайший населенный пункт находится не менее чем в ста милях от космопорта. На эти моменты следствие, кстати, никакого внимания не обратило.

Отмечу еще кое-что. Например, у меня вызвала серьезные сомнения сама личность преподобного Джорда Пармы. Миссионер из Академии, рискующий жизнью, нарушая как наши, так и кореллианские законы, разгу-

ливает по планете в новенькой, с иголочки, сутане, не оставляющей никаких сомнений в том, что он — священник. Что-то тут было не так. Тогда я предположил, что миссионер — невольный соратник Командора, пытающегося использовать его для провокации военного конфликта.

Следствие обошло стороной тот момент, что уже одним только этим могли быть оправданы мои действия. Мне пытались доказать, что безопасность корабля, команды, выполнение данного мне задания не стоили жизни одного человека, в то время как его все равно бы убили — с нашей помощью или без нее. Мне говорили общие фразы о «чести» Академии, которую я должен был сохранить во имя нашего «доброго имени».

По непонятной мне причине следствие совершенно отказалось от выяснения личности самого Джорда Пармы. Не было представлено никакой информации о нем — где родился, где учился и тому подобное. А это очень важно, и именно этим и могут быть объяснены многие неувязки в инциденте.

Следствие не представило никакой информации о личности Джорда Пармы по одной простой причине. Оно не могло ее представить. Никакого Джорда Пармы нет и никогда не существовало! Из вышеизложенного следует, что судилище надо мной является грандиозным фарсом, сфабрикованным по делу, которого на самом деле не существует.

Мэллоу пришлось сделать паузу и подождать, пока взбудораженный зал затихнет. Когда вновь стало тихо, он спокойно продолжил:

— Мне хотелось бы, господа, еще на несколько минут задержать ваше благосклонное внимание на одном-единственном кадре видеозаписи. Он скажет сам за себя. Прошу вас, Джаэль!

Огни погасли. В пустом пространстве посреди зала вновь возникли фигуры участников событий на Кореллии — призрачная, восковая иллюзия. Офицеры, замершие в страхе. Бластер в руке Мэллоу. Слева — преподобный Джорд Парма, в отчаянии воздевший руки к небесам. Упавшие рукава сутаны обнажили его худые руки по локоть... От предплечья миссионера исходило непонятное неяркое свечение, которое при предыдущем просмотре записи выглядело короткой вспышкой.

— Обратите внимание на свечение, идущее от руки миссионера, — раздался в темноте спокойный голос Мэллоу. — Джаэль, дайте увеличение!

Последовал ряд щелчков, и в воздухе не осталось ничего, кроме увеличенной во много раз руки миссионера.

Свечение исходило из трех букв — «КТП».

— Это, — разорвал темноту и тишину голос Мэллоу, — особая разновидность татуировки, джентльмены. При обычном освещении она не видна, и сейчас мы видим ее только потому, что во время записи моя каюта освещалась и ультрафиолетом. Должен признать, это исключительно примитивный способ идентификации агентов, но в Кореллии, где в свете нет ультрафиолета, он работает просто превосходно. Даже на нашем корабле это было замечено случайно.

Может быть, присутствующие уже догадались, что обозначают эти три буквы — «КТП»? Джорд Парма неплохо владел лексиконом священника и сыграл свою роль превосходно. Где он этому научился, трудно судить, но «КТП» означает: «Кореллианская Тайная Полиция».

Дальше Мэллоу пришлось до предела напрячь голосовые связки, чтобы перекричать взревевший зал...

— Последнее я могу доказать с помощью ряда документов, привезенных из Кореллии, которые, если возникнет необходимость, я готов передать Совету.

Так позвольте же спросить, господа, где же тогда состав преступления? Мне было повторено десятки раз, что я должен был всеми силами стараться спасти жизнь миссионера вопреки законам, пожертвовать своей миссией, кораблем и самим собой ради «чести» Академии. Ради кого — шарлатана, шпиона, мошенника? Ради тай-

ного агента кореллианской разведки, облачившегося в священную сутану, разглагольствовавшего на языке благочестивого служителя веры, который он выучил где-нибудь на задворках Анакреона? Должны ли были Джоран Сатт и Публис Манлио заводить меня в эту подлую и мерзкую западню?..

Голос его потонул в реве публики. Зрители рванулись к Мэллоу, подняли его на руки и поднесли к креслу мэра. Через раскрытые настежь окна ему было видно, как к площади бегут новые и новые тысячи горожан...

Мэллоу оглядывался по сторонам и искал взглядом Анкора Джаэля, но так и не смог отыскать его. Постепенно беспорядочные крики толпы переросли в ритмичное скандирование. Могучий хор повторял одно и то же:

«Слава Мэллоу! Сла-ва Мэл-лоу! Сла-ва Мэл-лоу!»

Глава 15

Анкор Джаэль и Мэллоу уже две ночи напролет не смыкали глаз. Джаэль устало моргал воспаленными веками.

— Мэллоу, — хрипло проговорил он, — вы устроили превосходный спектакль, но теперь главное — не смазать финал. Не стоит залетать слишком высоко. Неужели вы всерьез подумываете о должности мэра? Энтузиазм толпы, конечно, великая вещь, но и она способна подвести.

— Естественно, — угрюмо отозвался Мэллоу. — Поэтому нам не остается ничего другого, как потакать толпе. И лучший способ для этого — дать второе действие спектакля.

— Господи, что еще?

— Вы должны арестовать Публиса Манлио и Джорана Сатта.

— Что?

— То, что слышали. Заставьте мэра арестовать их! Мне абсолютно все равно, какими методами вы этого добьетесь. Толпу я беру на себя — по крайней мере, на сегодня. Мэр побоится выступить против воли народа.

— Но на каком основании?

— Основание совершенно очевидное. Они настраивали священников соседних планет против Академии. По Селдону, это противопоказано. Обвините их в том, что они ставили под удар государственную безопасность. Большего, думаю, не потребуется. Мне они надоели до смерти, и я не хочу, чтобы они у меня перед глазами мельтешили, пока я еще не мэр.

— Но... до выборов еще полгода!

— Не так уж много. — Мэллоу встал, подошел к Джаэлю и крепко сжал его руку повыше локтя. — Послушайте, если мне будет нужно, я могу силой захватить власть — так, как это сделал Сальвор Гардин сто лет назад. Селдоновский кризис никуда не делся. Он неуклонно надвигается, и к тому времени, когда приблизится вплотную, я должен быть мэром и... Первосвященником! Да не смотрите вы так! Именно — и тем и другим!

Джаэль нахмурился.

— Кто же на этот раз? — спросил он обреченно. — Неужели Кореллия?

— Конечно, — кивнул Мэллоу. — Они обязательно объявят нам войну. Но не сейчас. Года через два.

— У них что, есть ядерный флот?

— А вы как думали? Те три торговых корабля, что пропали без вести в их секторе, были сбиты не пневматическими пистолетами! Джаэль, они получают корабли из самой Империи. Что вы рот раскрыли? Из Империи, говорю я вам! Она все еще существует. На Периферии ей действительно пришел конец, но в центре Галактики она еще вполне жива! И один-единственный неверный шаг может привести к тому, что она сядет нам на шею. Вот почему мне необходимо стать мэром и Первосвя-

щенником! Я — единственный человек, кто знает, как вести себя во время нового кризиса.

Джаэль сглотнул слюну.

— Что вы собираетесь делать? — шепотом спросил он.

— Ничего.

Джаэль нервно улыбнулся:

— Как — ничего?

Мэллоу решительно ответил:

— Когда я стану хозяином Академии, я собираюсь не делать ничего. На сто процентов ничего. В этом и есть секрет нового кризиса.

Глава 16

Аспер Арго, Горячо Возлюбленный, Командор Кореллианской Республики, приветствовал свою супругу сердитым взглядом из-под нахмуренных бровей. Он прекрасно знал, что пышный эпитет после его имени для нее не значил ровным счетом ничего.

Голосом жидким, как ее волосы, и холодным, как ее глаза, она произнесла:

— Мой благородный господин и повелитель, как я понимаю, наконец решил судьбу Академии?

— Хм! — притворно удивился Командор. — А что еще понимает моя прозорливая госпожа и супруга?

— Много чего, мой супруг и повелитель! У тебя было важное, очень важное совещание с твоими тупоголовыми советниками. Хороши помощнички! Сборище малахольных идиотов, которые только и думают, как урвать куш пожирнее, не заботясь о том, как это понравится моему отцу!

— И кто же, моя бесценная, служит источником столь важной информации, на основании которой ты делаешь свои изумительные выводы?

Командорша хихикнула:

— Ага! Так я тебе и сказала. Чтобы источничек стал покойничком? Держи карман шире!

— Ну, моя прелесть, ты, как всегда, вольна поступать как тебе заблагорассудится, — лениво ответил Командор и отвернулся. — А что касается твоего отца... то у меня есть подозрение, что он просто-напросто не желает присылать нам больше кораблей.

— Еще кораблей? Ну нахал! Разве он не прислал тебе уже целых пять штук? Не отпирайся! Я знаю, что прислано пять, а шестой обещан.

— Уже год как обещан.

— Но тебе же хватит одного — одного, ты слышишь? — для того, чтобы разодрать в клочки эту Академию. Одного! Одного корабля хватит, чтобы обратить в пыль и прах никчемные, карликовые звездолетики!

— Но не могу я атаковать их планету, будь у меня даже дюжина кораблей!

— Не можешь — и не надо! Прекрати торговать с ними. Они долго не продержатся! Сдались тебе эти побрякушки!

— Эти побрякушки означают денежки... — вздохнул Командор. — Много, много денежек.

— Но если ты захватишь всю Академию целиком, разве ты не получишь в свои руки все, что у них есть! Уже три года прошло, как тут побывал этот варвар и заморочил тебе голову, — удушила бы его собственными руками! Может, хватит, а?

— Золотко мое, — устало сказал Командор, взглянув на нее через плечо. — Я уже старый. Устал я. Не могу так долго выдерживать твою трескотню. Ты сказала, что знаешь, что я решил. Да. Будет война между Кореллией и Академией.

— Отлично! — каркнула Командорша. Выпрямилась, сверкнула злыми глазами. — Наконец-то ты научился уму-разуму, хотя и поздновато, надо сказать! А теперь, когда ты станешь хозяином всей Периферии, ты станешь важной персоной и для Империи! Наконец мы

сможем покинуть эту варварскую глушь и появиться при дворе вице-короля. Наконец-то!

Довольно улыбаясь, она вышла из комнаты. Дождавшись, пока за женой закрылась дверь, Командор процедил сквозь зубы:

— У-гу... Когда я стану хозяином Периферии, этой, как ты выразилась, варварской глуши, я прекрасненько обойдусь и без твоего вшивого папаши, и без ядовитого язычка его милой дочурки. Еще как обойдусь!

Глава 17

Старший лейтенант звездолета «Черная Туманность» в ужасе замер у иллюминатора кругового обзора.

— Господь Всемогущий! — хотел крикнуть он, но из горла вырвался лишь хриплый шепот: — Что это?!!

Это был звездолет таких колоссальных размеров, что «Черная Туманность» по сравнению с ним выглядела как рыбка-лоцман рядом с китом. Борт его украшала эмблема — «Звездолет и Солнце» Империи...

На «Черной Туманности» истерически заливались все сигналы тревоги.

Приказ уже был отдан, и «Черная Туманность» была готова удирать так быстро, как только можно, или отражать атаку, если понадобится, а из зала ультраволновой связи было послано срочное сообщение в Академию.

За ним еще и еще одно... Не то крики о помощи, не то предупреждение о грозящей опасности...

Глава 18

Хобер Мэллоу поморщился и устало пошевелил затекшими ступнями. Он уже битых три часа занимался просмотром официальных отчетов. Характер его здорово смягчился за два года пребывания на посту мэра, однако он так и не проникся любовью к умопомрачительной официальщине государственных бумаг.

— Сколько кораблей они захватили? — поинтересовался Джаэль.

— Четыре на стоянках. Два — черт знает где. Не сообщается. Зато все остальное — в порядке, — буркнул Мэллоу. — Можно было бы и уменьшить потери, да ладно. Комариные укусы, не больше.

Джаэль молчал. Мэллоу поднял на него усталый взгляд.

— Вас что-то беспокоит?

— Хотел бы я, чтобы сейчас здесь был Сатт, — последовал совершенно неожиданный ответ.

— Чтобы мы с вами выслушали очередную проповедь о состоянии внутренних дел?

— Нет, не для этого, — откликнулся Джаэль. — Ну вы и упрямец, Мэллоу! Я не отрицаю: что касается внешней политики — тут вы все проработали просто превосходно, а вот что у нас творится дома, так вас вроде и не волнует совсем!

— А разве это не ваше дело? Для чего, собственно, я назначил вас Министром Образования и Пропаганды?

— Скорее всего для того, чтобы побыстрее свести меня в могилу за все хорошее, что я сделал для вас, — мрачно пошутил Джаэль. — За два года я вам все уши прожужжал о том, что Сатт и его религиозная партия становятся все более и более опасными. Куда вы денетесь с вашими грандиозными планами, если Сатт добьется досрочных выборов и вышвырнет вас к чертовой матери?

— Никуда не денусь, вполне с вами согласен.

— А вчера вы произнесли в Совете такую речь, что просто взяли и подарили Сатту возможность потребовать досрочных выборов! Зачем вы это сделали, можно узнать?

— А как я еще мог поступить?

— Не так! — выкрикнул Джаэль. — Только не так!

Вы утверждаете, что все предусмотрели, но так и не объяснили, почему три года торговали с Кореллией в режиме наибольшего благоприятствования. Единственный пункт вашей военной доктрины — отступление без боя. Вы просто не желаете торговать ни с кем, кроме Кореллии. Вы открыто объявили себя взяточником. Вы не гарантируете Терминусу никакой защиты, даже в будущем. Черт подери, Мэллоу, что же вы хотите от меня в такой неразберихе?

— Вы считаете, что не хватает помпезности?

— Я считаю, что не хватает одобрения народа.

— Это одно и то же.

— Мэллоу, очнитесь! Одно из двух: либо представьте народу активную внешнюю политику, либо пойдите на компромисс с Советом.

Мэллоу спокойно ответил:

— Все верно. Если я не преуспел в первом, попробуем второе. Тем более что Сатт уже прибыл.

Сатт и Мэллоу не встречались со дня окончания процесса, то есть уже два года. Оба не обнаружили никаких перемен друг в друге, не считая того, что за это время они поменялись ролями...

Сатт сел, не пожав руки Мэллоу. Мэллоу предложил ему сигару и спросил:

— Вы не возражаете, если Джаэль останется? Он — честный человек и всей душой желает, чтобы мы достигли согласия. Кроме того, если разыграются страсти, он будет действовать как буфер.

Сатт пожал плечами.

— Компромисс — единственное, что вас сейчас устроит. Помните, Мэллоу, когда мы с вами последний раз встречались, я предложил изложить ваши условия. Видимо, теперь все будет наоборот.

— Верно.

— Мои условия таковы: вы должны немедленно

прекратить осуществление своей политики экономического предательства, торговлю всякой дребеденью и вернуться к проверенной десятилетиями политике наших предков.

— Вы имеете в виду религию?

— Естественно.

— Вариантов нет?

— Нет.

— Хм-м-м...

Мэллоу спокойно, с чувством затянулся...

— Интересно все-таки получается... Во времена Гардина, когда религиозная конкиста была нова и радикальна, люди вашего толка противились ей. Теперь же, когда эта тактика безнадежно устарела, обветшала и выдохлась, вас это почему-то продолжает устраивать! Но скажите мне ради всего святого, как вы собираетесь вытащить нас из нашей теперешней неразберихи?

— Из вашей теперешней неразберихи, если уж быть до конца точным, Мэллоу. Я тут ни при чем.

— Ну ладно, будем считать, я неправильно сформулировал вопрос.

— Академии нужна мощная защита. Вы зашли в тупик и радуетесь, а в нем кроется смертельная опасность! Наше влияние на Периферии ослабло донельзя! А там, кроме силы, ничего не признается. Вы должны это понимать как никто другой. Вы же смирнианец!

Мэллоу сделал вид, что пропустил последнее замечание мимо ушей, и спросил:

— Ну хорошо, допустим, мы одолеем Кореллию. А что делать с Империей? Вот ведь где настоящий враг!

Уголки рта Сатта дрогнули в усмешке.

— Да-да. Я читал ваш отчет о посещении Сивенны. Вице-король Норманнского сектора жаждет захватить Периферию. Но это только часть дела, как я понимаю, и не самая главная. Не думаю, что он собирается ставить на карту все, что у него есть. У него наверняка хватает дел и поближе. Как и у самого Императора, кстати.

Фактически я перефразировал слова из вашего собственного отчета.

— Да, Сатт, все именно так и может обстоять, если только он считает нас достаточно сильными и опасными. В этой мысли его легко убедить, применив против Кореллии грубую силу. Но мне кажется, что нам следует проявить гибкость.

— То есть? Например?

Мэллоу откинулся на спинку кресла.

— Сатт, я даю вам шанс. Вы мне, честно говоря, не нужны, но я честно и откровенно говорю вам, что не прочь вас использовать. Поэтому рассказываю вам об истинном положении дел, а вы решайте — присоединяетесь ко мне и получаете портфель в коалиционном правительстве или играете в «крестики-нолики» в тюремной камере.

— Однажды вы мне уже угрожали подобным образом.

— Да, пытался. Но так, слегка... А теперь слушайте.

Глаза Мэллоу сузились...

— Тогда, два года назад, побывав в Кореллии, я подкупил Командора, — начал он, — обычным набором безделушек, которым пользуется в таких случаях каждый торговец. Поначалу это нужно было исключительно для того, чтобы проникнуть на сталеобрабатывающий завод. Далеко идущих планов у меня не было, но уже тогда я разузнал, что хотел. Только после визита в Империю я понял, в какое оружие можно превратить эту торговлю.

Сатт, мы стоим перед угрозой очередного селдоновского кризиса, а селдоновские кризисы разрешаются не волевыми усилиями отдельных людей, а сочетанием исторических сил. Гэри Селдон, планируя нашу историю, рассчитывал не на блестящих героев, а на развитие экономических и социальных процессов. Поэтому разрешение кризисов должно происходить за счет тех сил, которые на данный момент времени имеются в распоряжении. В теперешней ситуации это торговля!

Сатт скептически приподнял брови и воспользовался образовавшейся паузой.

— Вроде бы я не страдаю недостатком интеллекта, однако ваша туманная проповедь меня пока не просветила и ни в чем не убедила.

— Успеется, — кивнул Мэллоу. — Я абсолютно уверен в том, что до сих пор роль торговли недооценивалась. Все время считалось, что нам необходимо внедрять религию и держать ее под неусыпным контролем для того, чтобы торговля стала мощным оружием. Это не так! Именно это и есть мой личный вклад в общегалактическую ситуацию. Торговля без религии — сама по себе! Она и так достаточно сильна. Давайте посмотрим на вещи проще и точнее. Кореллия объявила нам войну. Соответственно наша торговля с ней прекратилась. Но... — учтите, что я до предела упрощаю проблему, учтите, что за последние три года Кореллия поставила всю свою экономику на атомный путь, основываясь на технологиях, которые мы ей поставляли. Как вы думаете, что произойдет теперь, когда все это начнет постепенно выходить из строя — реакторы, генераторы, машины?

Первыми заглохнут бытовые приборы. Через полгода у каждой домохозяйки перестанет работать такой удобный и любимый атомный нож. Перестанет жарить мясо ее драгоценная атомная духовка. Выйдут из строя очаровательный душ, стиральная машина. Кондиционер заглохнет в самый жаркий день. Что из этого следует? — Он замолчал, ожидая ответа.

Ответ последовал:

— Да ничего не следует. Людям многое приходится переносить, когда идет война.

— Правильно. Приходится. Многое приходится переносить, посылая сыновей на жуткую смерть в разбитых звездолетах, погибая под бомбами врага. Все это можно перенести, даже если придется перебиваться на сухом хлебе и сырой воде в пещерах! Но безумно трудно пережить даже самые маленькие лишения, когда пат-

риотического подъема нет! Вот это будет тупик! Ведь не будет ни битв, ни бомбардировок, ни осады.

А будет вот что: нережущий нож, холодная духовка, дом, замерзающий посреди суровой зимы. Это будет раздражать обывателей, и в конце концов народ заропщет!

Сатт медленно, удивленно проговорил:

— И вы всерьез ставите на это? Чего вы ждете? Бунта домохозяек? Новой Жакерии? Восстания мясников и зеленщиков, потрясающих тупыми топорами и капустными сечками и скандирующих: «Верните нам наши автоматические-самые-лучшие-атомные-стиральные машины!»?

— Нет, сэр, — прервал его Мэллоу. — Я рассчитываю не на это. Я рассчитываю на общее недовольство, на фоне которого может разыграться недовольство гораздо более крупных фигур.

— Каких крупных фигур?

— Производителей, Сатт. Фабрикантов, промышленников Кореллии. У них тоже будет масса поводов для недовольства. Они-то чем лучше домохозяек и мясников? Начнут выходить из строя станки, от первого до последнего сконструированные по весьма специфическим проектам. Задохнется тяжелая индустрия.

— Да, но работали же там фабрики и заводы до вашего визита, Мэллоу?

— Работали, Сатт. В одну двадцатую от теперешней мощности. А во что обойдется обратная конверсия, вы посчитали? Сколько продержится Командор, если против него восстанут промышленники, финансисты и все население Кореллии?

— Сколько угодно, если сумеет получить новую атомную технику из Империи.

Мэллоу весело рассмеялся:

— А вот и проиграли, Сатт! Проиграли вместе с Командором. И ни черта не поняли. Ничегошеньки они от Империи не получат. Империя всегда страдала гигантоманией. Они там мыслят не иначе как в планетарном,

межзвездном масштабе. Их генераторы — громадины, колоссы! Так и были задуманы.

А мы — мы, крошечная Академия, маленький мир, не имеющий источников добычи металлов, всегда были страшно экономны. Мы просто вынуждены были производить генераторы размером с мизинец — большей роскоши мы не могли себе позволить. Нам пришлось разрабатывать новые методики, новые технологии, о которых в Империи никто и не помышляет. Регресс науки там настолько очевиден, что ни о каком движении научной мысли вперед не может быть и речи.

Они могут закрыть защитными полями целые города, планеты, планетарные системы, но так и не додумались до создания индивидуального защитного поля. Для освещения и обогрева городов у них стоят генераторы в шесть этажей высотой — я их видел собственными глазами, а наши могут спокойно уместиться вот в такой комнате. А когда я показал одному из их специалистов по атомной энергетике свинцовый контейнер с орех величиной, в котором находился атомный генератор, он чуть на тот свет не отправился от удивления! Да и в собственных гигантах они уже ничего не смыслят. Машины работают автоматически, профессия технолога передается по наследству, и я знаю, что эти горе-специалисты будут совершенно беспомощны, если однаединственная D-трубка выйдет из строя!

Таким образом, война произойдет между двумя системами — между Империей и Академией, между большим и малым. Для того чтобы обрести власть над Галактикой, они отправятся в путь на громадных звездолетах, которые годятся для войны, но не имеют никакого отношения к экономике. Мы же, со своей стороны, оперируем маленькими вещицами, совершенно никчемными с военной точки зрения, но абсолютно бесценными в плане процветания и благополучия.

Вице-король и Командор выберут первое — эти здоровенные корабли — и начнут воевать. Мало ли было в истории случаев, когда деспотичные монархи жертво-

вали благополучием своих народов, ставя перед собой наполеоновские цели? Но в жизни, повседневной жизни, гораздо большее значение имеют малости. И Аспер Арго не устоит против экономического кризиса, который через два-три года раскрутится в Кореллии.

Сатт стоял у окна, повернувшись спиной к Мэллоу и Джаэлю. Наступал вечер. В небе загорелись первые звезды. Где-то далеко-далеко отсюда находились останки Галактической Империи, объявившей войну Академии.

Сатт процедил сквозь зубы:

— Нет. Вы — не человек.

— Вы мне не верите?

— Я вам не доверяю. У вас язык без костей. Вы меня обвели вокруг пальца еще тогда, когда я думал, что вы полностью в моей власти, когда впервые отправились в Кореллию. И тогда, когда я думал, что уж точно загнал вас в угол на суде, вы развели демагогию и уселись в кресло мэра. В вас нет ни капли честности, прямоты, ни одного мотива для действия, за которым не прятался бы другой, вы не говорите ни слова, которое не имело бы меньше трех смыслов.

А вдруг вы предатель? А вдруг вам обещали помощь и поддержку во время вашего визита в Империю? Вы бы действовали именно так, как сейчас. Вы как раз и начали бы войну после того, как до зубов вооружили врага. А потом нашли бы для этого подходящее объяснение.

— Надо понимать, компромисса не будет?

— Я хочу сказать, что вам следует сойти со сцены, добровольно или нет — неважно!

— Сатт, я предупреждал вас о том, какой у вас выбор.

Лицо Сатта побагровело, и он рявкнул:

— А я предупреждаю вас, Хобер Мэллоу из Смирны, что в том случае, если вы меня арестуете, события не заставят себя ждать. Мои люди ни перед чем не остановятся и будут везде говорить правду о вас, и простой народ в Академии объединится против своего чужеземного правителя! У нашего народа есть представление о собственной судьбе, которого никогда не понять смирнианцу! Это и погубит вас!

Хобер Мэллоу спокойно приказал двум вошедшим гвардейцам:

— Арестовать его. Увести.

— Это ваш последний шанс! — прохрипел Сатт.

Мэллоу, не глядя на него, погасил сигару...

После пятиминутного молчания Джаэль спросил:

— Ну и что теперь?

Мэллоу отставил в сторону пепельницу и взглянул на него.

— Да, это не тот Сатт, которого я знавал когда-то. Ослепший от злобы маньяк. Черт подери, как же он меня ненавидит!

— Тем более он опасен.

— Опасен? Ерунда! Он совершенно утратил здравый смысл.

Джаэль угрюмо проговорил:

— Вы слишком беспечны, Мэллоу. Вы игнорируете возможность народного восстания.

Мэллоу так же угрюмо возразил:

— Джаэль, раз и навсегда запомните: народное восстание невозможно!

— Вы слишком самоуверенны!

— Я уверен только в том, что существуют селдоновские кризисы и что их разрешение имеет явную историческую ценность — как во внешней политике, так и во внутренней. Есть кое-что, о чем я не сказал Сатту. Он ведь пытался и в Академии насадить ту же религию, что и в соседних мирах. Но это ему не удалось. И это верный признак того, что по схеме Селдона религия больше не нужна.

А система экономического патронажа сработала иначе. Если перефразировать знаменитый афоризм Гардина, который вы так любите, она как раз и стала тем несчастным, столько раз упомянутым бластером, который не стреляет в какую угодно сторону. То есть не стреляет

вообще. При условии, что Кореллии обеспечено благополучие благодаря нашей торговле, процветаем и мы. Но оно прекратится с наступлением коммерческой изоляции внешних миров, и если кореллианские заводы встанут без наших торговцев, то встанут и наши заводы.

Если Сатт предпримет революционную пропаганду, то не окажется ни одной фабрики, ни одного торгового центра, ни одной звездолетной линии, которых я бы не держал в своих руках, которых я бы не мог раздавить в лепешку. Там, где его пропаганда приносит успех или даже теоретически может его иметь, я обязательно устрою все так, что экономика развалится. А там, где не сработает, процветание продолжится, потому что штат моих заводов укомплектован полностью.

Основываясь на тех же выводах, которые придают мне уверенность, что кореллианцы решат в пользу благополучия, я считаю: мы не станем восставать против. Игра будет сыграна до конца.

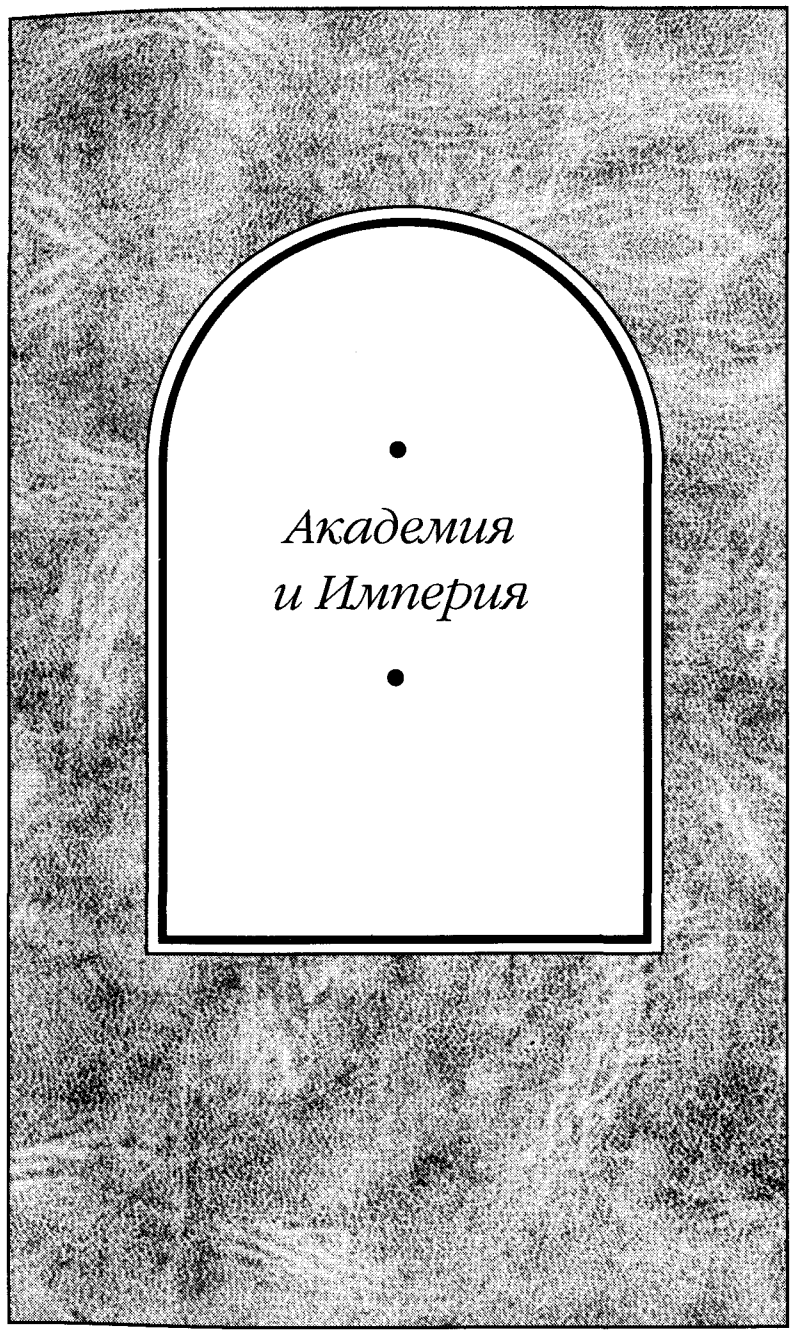
— Затем, — вставил Джаэль, — вы установите плутократию. Вы превратите нас в страну торговцев и коммерческих королей. А что потом?

Мэллоу поднял мрачное лицо и свирепо сказал:

— Какое мне дело? Не сомневаюсь, что Селдон предвидел и подготовил будущее. Начнутся новые кризисы, когда власть денег окажется такой же мертвой силой, какой сейчас является религия. Пусть мои последователи решат новые проблемы, как я решил сегодняшнюю.

КОРЕЛЛИЯ — *...После трех лет войны, которая, безусловно, явилась самой мирной из известных войн, Республика Кореллия безоговорочно капитулировала, и Хобер Мэллоу занял место рядом с Гэри Селдоном и Сальвором Гардином в сердцах народа Академии.*

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Академия и Империя

ПРОЛОГ

Галактическая Империя умирала...

Это была грандиозная Империя, в которую входили миллионы звездных миров от края до края колоссальной спирали Млечного Пути. Упадок ее, как и ее размеры, был грандиозен и долог.

Он продолжался уже несколько столетий к тому времени, когда один-единственный человек понял это. Этим человеком был Гэри Селдон. Именно ему удалось пролить свет на то, что совершалось в те дни. Он развил и привел к высотам совершенства науку психоисторию.

Психоистория в основу своих исследований положила не поведение отдельных людей, а действия крупных человеческих сообществ. С ее помощью можно было прогнозировать реакции миллиардных масс на различные стимулы с точностью, с которой любая другая наука не могла бы рассчитать траекторию движения бильярдного шара. Реакцию отдельного человека математическими методами прогнозировать практически невозможно, но реакции миллиардных масс людей такому анализу поддаются.

Гэри Селдону удалось построить графики тенденций социального и экономического хода событий. Изучив их, он предсказал устойчивый и ускоряющийся упадок цивилизации и указал на то, что промежуток хаоса и мрака до возникновения новой Империи, спо-

собной восстать из пепла и руин, займет тридцать тысячелетий.

Остановить процесс упадка было уже невозможно, но еще не поздно было попытаться сократить продолжительность периода хаоса и анархии. Селдон основал две Академии на разных концах Галактической спирали. Их местоположение было избрано с таким расчетом, чтобы всего лишь за одно тысячелетие преодолеть период хаоса вместо тридцати, а эти два научных убежища должны были стать зародышами новой, более мощной и более гуманной Второй Империи.

В книге «Академия» (Foundation, 1951) излагается история первой из двух Академий на протяжении первых двух веков ее существования.

История Первой Академии берет начало с высадки ученых-физиков на Терминусе, планете, расположенной на самом краю дальнего витка Галактической спирали. Изолированные от центра Империи, ученые работали над созданием универсального хранилища знаний человечества — «Галактической Энциклопедии», не помышляя о более важной роли, уготованной им покойным Гэри Селдоном.

Империя загнивала, и отдельные провинции оказались в руках новоиспеченных «независимых» королей. Они угрожали Академии. Однако, умело восстанавливая каждого из опереточных правителей против остальных, Академия, под руководством своего первого мэра, Сальвора Гардина, сохраняла зыбкое равновесие. Будучи монопольным владельцем секрета производства атомной энергии среди миров, утративших научные знания и вернувшихся к таким примитивным источникам энергии, как уголь и нефть, Академия сумела добиться перевеса сил в свою сторону.

Впоследствии Академия развила обширнейшие торговые связи с Периферией, а издательство Энциклопедии отошло на второй план. Торговцы из Академии, поставлявшие в соседние миры уникальные по своей компактности и удобству атомные приспособления, которые не производились в Империи даже в ее лучшие дни, отправлялись с товарами за сотни световых лет от Академии, по всей Периферии Галактики.

Во времена правления Хобера Мэллоу, первого из Торговых Королей Академии, была успешно применена тактика экономической блокады в войне с Республикой Кореллия, несмотря на то что этот мир получал помощь и поддержку от одной из внешних провинций полуразрушенной Империи.

К концу второго века своего существования Академия стала одним из могущественнейших государств Галактики, за исключением останков Империи, которые, сконцентрировавшись в средней трети Млечного Пути, все еще держали под контролем три четверти населения и богатств Галактики.

Не было никаких сомнений в том, что ближайшей угрозой безопасности Академии будет последний взрыв агонии умирающей Империи.

Наставало время для решающей схватки между Академией и Империей...

ЧАСТЬ I

ГЕНЕРАЛ

Глава 1

В ПОИСКАХ ВОЛШЕБНИКОВ

БЕЛ РИОЗ — *...За время своей относительно короткой карьеры Риоз заработал титул «Последнего Империалиста» — и не зря. Изучение отчетов о его боевых операциях ставит его как стратега в один ряд с Пюрифуа и показывает, что он превосходил последнего по таланту обращения с подчиненными. То, что он родился в дни заката Империи, лишило его возможности сравняться с Пюрифуа в масштабах военных завоеваний. Такой шанс у Риоза появился, когда он, первый из имперских генералов, столкнулся лицом к лицу с Академией...*

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ [1]

Бел Риоз ехал без эскорта, что было явным нарушением дворцового этикета и к тому же весьма небезопасно для командующего флотом, оккупировавшим неспокойную звездную систему Галактической Империи.

Но Бел Риоз был молод и полон сил — поэтому именно его сочли наилучшей кандидатурой для того, чтобы послать чуть ли не на край Вселенной. Сановники Императора были люди малоэмоциональные и исключительно расчетливые, но любопытные. Именно любопытство, подогреваемое странными, невероятными рассказами, перевираемыми, обрастающими немыслимыми подробностями при передаче из уст в уста, и руководило особами, приближенными к Императору, а отсутствие воображения и трезвый расчет заставляли их всюду подозревать военную угрозу. Все это вместе взятое и было причиной присутствия здесь Бела Риоза.

[1] Все цитаты из Галактической Энциклопедии взяты из 116-го издания, опубликованного в 1020 году А.Э. Компанией по издательству Галактической Энциклопедии, Терминус, с разрешения Издательства.

Он вышел из разболтанного, дребезжащего такси у обшарпанного особняка. Глазок фотоэлемента на двери загорелся, но открыл ее сам хозяин.

— Я — Риоз.

— Я узнал вас, — без тени удивления ответил старик, стоя в дверном проеме. — Что вам угодно?

Риоз сделал шаг вперед, намекая, что хочет войти.

— Если вы Дьюсем Барр, мне хотелось бы поговорить с вами.

Дьюсем Барр отступил в сторону, пропуская гостя. Внутренние стены дома, подсвеченные дневным светом, ожили. Риоз коснулся стены кабинета рукой и удивленно взглянул на кончики собственных пальцев.

— Вот как? У вас в Сивенне и это есть?

Барр мягко улыбнулся.

— Думаю, не везде. Мне приходится самому следить за тем, чтобы они работали. Прошу прощения, что заставил вас ждать у двери, фотоэлемент только сообщает о приходе гостя, а открывать приходится самому.

— Что, плохо починили? — с едва заметной насмешкой поинтересовался Риоз.

— Видите ли, запасные части раздобыть просто невозможно. Прошу садиться. Выпьете чаю?

— Мой добрый господин, вы могли бы и не спрашивать! Здесь просто нельзя не пить чай — у вас в Сивенне это просто ритуал какой-то!

Старый патриций с достоинством кивнул и удалился. В манерах его чувствовалось благородство лучших времен прошлого века.

Риоз проводил взглядом удаляющуюся фигуру хозяина и невольно поежился. Он был военным — и по образованию, и по всему жизненному опыту. Он, как говорится, не раз смотрел смерти в глаза, и эти глаза ему были хорошо знакомы и не могли напугать. Но совершенно неудивительно, что боготворимый своими подчиненными лев Двадцатого флота Империи чувствовал себя не в своей тарелке в затхлой атмосфере старинного особняка.

Генерал догадался, что черные с золотым тиснением коробки на полках вдоль стен — книги. Названия их были ему незнакомы. Он догадался также, что большое неуклюжее устройство в углу кабинета — не что иное, как видеопреобразователь, с помощью которого можно посмотреть и послушать любую книгу. Генерал ни разу в жизни не видел, как работает такой преобразователь, — только слышал.

Ему говорили, что давным-давно, в дни Золотого Века Империи, в девяти из десяти домов по всей Галактике были такие преобразователи и такие полки, полные книг.

Теперь были другие времена — нужно было охранять границы, и книгами интересовались только старики. Да и добрая половина рассказов про старые времена была переврана и приукрашена.

Вернулся хозяин и принес поднос с чаем. Риоз сел. Дьюсем Барр церемонно приподнял чашку.

— За ваше здоровье.

— Благодарю. И за ваше.

Дьюсем Барр осторожно поинтересовался:

— Мне говорили, что вы молоды. Сколько же вам лет? Тридцать пять?

— Почти угадали. Тридцать четыре.

— Ну что ж, в таком случае я сразу хочу вас предупредить, что не смогу предложить вам ни приворотного зелья, ни любовных заговоров — словом, ничего такого, что могло бы вам помочь овладеть сердцем какой-нибудь молодой леди.

— Но в этих делах я, как правило, обхожусь без посторонней помощи, сэр, — ответил генерал с искренним удивлением. — А что, к вам часто обращаются за услугами такого рода?

— Да, представьте себе, довольно часто. К сожалению, в наши дни темные люди путают ученых с волшебниками, колдунами, а любовные дела кажутся им наиболее подходящими для чародейства.

— Ну что ж, это вполне естественно, — усмехнулся Риоз. — Но лично я так не думаю. Я считаю, что наука помогает найти ответы на трудные вопросы.

Сивеннианец пожал плечами.

— Не исключено, что вы ошибаетесь не меньше остальных.

— Может быть. А может быть, и нет.

Молодой генерал поднес свою чашку к блестящему цилиндру, и она тут же наполнилась кипятком. Хозяин передал ему небольшую баночку с искусственным концентратом чая. Риоз капнул в чашку немного концентрата.

— В таком случае скажите-ка мне, патриций, кто же такие волшебники? Настоящие волшебники.

Барр, казалось, был не на шутку поражен вопросом.

— Никаких волшебников не существует.

— Но люди говорят о них. Сивенна просто кишит россказнями про волшебников. Нечто вроде культа, что ли? Может быть, я и не прав, но есть какая-то странная взаимосвязь между этими байками и мечтами кое-каких ваших сограждан о временах былой свободы и независимости. Поймите, в конце концов речь идет о безопасности государства.

Старик покачал головой.

— А почему вы меня об этом спрашиваете? Неужели вы подозреваете, что затевается мятеж и я могу его возглавить?

Риоз поежился.

— Ну что вы! Нет, конечно. Хотя это не такая уж нелепая мысль. В свое время ваш отец был изгнанником, а вы в свое — патриотом и националистом. Пожалуй, мне, как гостю, невежливо напоминать вам об этом, но к тому вынуждает меня моя миссия здесь, в Сивенне. Но чтобы до сих пор сохранялась какая-то конспирация, подполье... Нет. Сомневаюсь. Этот дух выкорчеван в Сивенне. Уже три поколения ни о чем таком не помышляют.

Старик тяжело, тщательно подбирая слова, ответил:

— Наверное, я покажусь вам столь же негостеприимным хозяином, как вы мне — неучтивым гостем. Позволю себе напомнить вам, что когда-то и вице-король, точно как вы сейчас, полагал, что дух свободомыслия у сивеннианцев выбит на веки вечные. По вине этого вице-короля мой отец стал отшельником и презренным нищим, мои братья погибли мученической смертью, а моя сестра покончила с собой. Однако вице-король и сам умер страшной смертью от рук тех самых сивеннианцев, которых он считал бессловесными рабами.

— Да, вот именно. Вот вы сами и завели этот разговор. Я, видите ли, уже три года размышляю о загадочной гибели вице-короля. В его личной гвардии был один молодой солдат, деятельность которого весьма и весьма занимательна. Этим солдатом были вы, патриций, и, думаю, подробности уточнять не стоит.

— Не стоит, — спокойно отозвался Барр. — Что вам угодно?

— Мой добрый господин, — лениво проговорил Риоз, — времена нынче тяжелые, а у вас дети и друзья. Есть страна, которую вы, по всей видимости, любите и тоскуете по ее славному прошлому. Так что если я буду вынужден применить силу...

— Чего вы хотите от меня? — холодно оборвал его Барр.

Покачивая пустой чашкой, Риоз ответил:

— Послушайте, патриций! В наши дни из военных преуспевают болваны, что вышагивают в парадной форме, завешав всю грудь орденами, на празднествах в императорском дворце и, задрав нос, эскортируют в разукрашенных звездолетах Его Императорское Величество в летнюю резиденцию. Я... в этом смысле — неудачник. Неудачник в тридцать четыре года и неудачником останусь. Потому что я — солдат. Моя стихия — сражения. Вот почему меня послали сюда. При дворе меня, честно говоря, не слишком жалуют. Я, видите ли, не вписываюсь в рамки придворного этикета! Меня не терпят щеголи адъютанты и чванливые господа адмиралы, но зато лучше меня просто не найти, когда нужно кого-нибудь послать к черту на кулички, чтобы он там сгинул поскорее. Сивенна для такой цели — местечко лучше не придумаешь. Пограничный мир, мятежная, оккупированная провинция. Она так далеко от двора, что они там просто счастливы. А я торчу здесь — и гнию! Никакими мятежами тут и не пахнет, да и соседние вице-короли в последнее время притихли, особенно после того, как славной памяти папаша Его Императорского Величества задал им перцу в духе Монтеля Парамайского.

— Сильный был Император, — пробормотал Барр.

— Да. И нужны нам именно такие, как он. Прошу не забывать, мой хозяин — Император. Его интересы — это мои интересы.

— Какое отношение это имеет к делу? — пожал плечами Барр.

— В двух словах: волшебники, о которых я упомянул, если верить сказкам, издалека, откуда-то из-за границ Империи, где звезды рассеяны редко...

— Где звезды рассеяны редко, — повторил за ним Барр, — и свет их душу холодит...

— Это что — стихи? — нахмурился Риоз. Ему было явно не до стихов. — Так вот, они явно с Периферии, волшебники эти, то есть из единственного района Га-

лактики, где я беспрепятственно могу сражаться за честь Императора.

— Конечно же, исключительно из соображений служения интересам Его Величества и удовлетворения собственной жажды сражений?

— Вот именно. Однако я должен знать, с кем сражаюсь, и в этом вы можете мне помочь.

— Почему вы в этом так уверены?

Риоз откусил кусочек печенья.

— Потому что уже три года я не пропускаю мимо ушей ни одной побасенки, ни одного словечка, оха, вздоха из того, что говорят о волшебниках, и из всего того объема информации, которым я теперь располагаю, только два момента связаны между собой, и, естественно, только они и правдивы. Первый факт — волшебники прилетали с того края Галактики, что лежит как раз против Сивенны, а второй — это то, что у вашего отца была встреча с волшебником, живым и настоящим, и он с ним разговаривал.

Барр задумчиво проговорил:

— Да, пожалуй, я мог бы вам кое-что рассказать. Это будет мой собственный маленький психоисторический эксперимент.

— Какой эксперимент? — сощурился Риоз.

— Психоисторический, — усмехнулся старик. — Вы бы налили себе еще чаю. Рассказ будет долгий...

И старый патриций откинулся на мягкую спинку кресла. Светящиеся стены отбрасывали розовато-золотистый свет, смягчавший даже жестко очерченный профиль генерала.

Дьюсем Барр начал свой рассказ...

— То, что я знаю, — это результат двух случайностей. Во-первых, я сын своего отца, во-вторых — я родился в этой стране. История начинается сорок лет назад, во времена Великого Побоища, когда мой отец жил отшельником в лесах Юга, а я был стрелком в личной гвардии вице-короля. Того самого вице-короля, между

прочим, который и учинил Побоище, а потом погиб такой жестокой смертью. — Барр печально улыбнулся и продолжал: — Мой отец был Патрицием Империи и Сенатором Сивенны.

Риоз нетерпеливо прервал его:

— Причины и обстоятельства изгнания вашего отца мне хорошо известны. Незачем на них останавливаться.

Сивеннианец, не обратив никакого внимания на замечание Риоза, продолжал:

— Однажды отшельническое жилище моего отца посетил незнакомец. Торговец с края Галактики. Это был молодой человек, говоривший со странным акцентом, ничего не ведавший о последних событиях имперской истории. Самое главное: его окружало персональное защитное силовое поле.

— Персональное силовое поле? — воскликнул Риоз. — Ну вы даете, патриций! Какой же величины должен быть генератор, чтобы создать такое поле? Черт подери, он должен был таскать за собой повсюду тысячи миллионов тонн ядерного топлива! На чем? На маленькой тележке?

Барр невозмутимо продолжал:

— Это и был тот самый волшебник, о котором вы слышали столько сказок и небылиц. По большому счету, звание это он заслужил не зря. Никакого генератора таких размеров, о каких говорите вы, у него не было. Но даже такое мощное оружие, как то, что висит у вас на поясе, не могло бы пробить его защитного поля.

— И это все? Значит, все россказни о волшебниках основаны на старческой болтовне одинокого, выжившего из ума изгнанника?

Барр вспыхнул, но сдержался.

— Рассказы о волшебниках слыхивал и мой отец, сэр, еще до этой встречи. Но есть и более точные факты. Покинув дом моего отца, этот торговец, которого в народе называют волшебником, посетил одного технолога в городе, дорогу к которому указал мой отец. Там

торговец оставил генератор защитного поля такого же типа, какой был у него самого. Этот генератор попал в руки моего отца, когда он вернулся в город после казни ненавистного вице-короля. Прошло еще много времени, пока удалось...

Генератор висит на стене, у вас за спиной, сэр. Он сломан. Проработал он всего два дня. Но если вы внимательно рассмотрите его, то сразу убедитесь, что сделан он не в Империи.

Бел Риоз потянулся и снял со стены плоскую металлическую цепочку — пояс. Его внимание привлекло эллипсоидное утолщение на конце цепочки размером с лесной орех.

— Это... — пробормотал он удивленно.

— ...было генератором, — кивнул Барр. — Но это *был* генератор. Как он действовал, сейчас определить невозможно. Исследования на субэлектронном уровне показали, что все структуры сплавлены в цельный кусок металла, и никакие самые тонкие методы дифракции не смогли продемонстрировать, каким было его устройство до сплава.

— Извините, но все равно выходит, что все ваши «доказательства» зиждутся на пустословии и никаких конкретных фактов попросту нет.

Барр пожал плечами.

— Вы просили меня рассказать все, что мне известно, и угрожали применить силу, если я откажусь. Если вы предпочитаете относиться к тому, что я вам рассказал, скептически, я-то что могу поделать? Вы не хотите больше слушать?

— Продолжайте! — рявкнул генерал.

— После смерти отца я продолжил исследования, и тут мне на помощь пришла вторая из двух случайностей, о которых я упоминал. Сивенна была известна Гэри Селдону.

— Кто такой Гэри Селдон?

— Гэри Селдон — выдающийся ученый расцвета

Империи, времен царствования Далубена IV. Он был психоисториком, последним и величайшим из психоисториков. Однажды, в те времена, когда Сивенна была процветающим центром торговли, науки и искусства, он побывал здесь.

— Хм-м... — хмыкнул пренебрежительно генерал. — В наши дни просто невозможно отыскать ни одной заброшенной, полуразрушенной планеты, жители которой не клялись бы и не божились, что в старые добрые времена их планета процветала!

— Я говорю о временах двухсотлетней давности, когда власть Императора простиралась до самых дальних звезд, а Сивенна была столицей внутренней, а не полуварварской пограничной провинции! В те дни Гэри Селдон предсказал будущий упадок имперского могущества и постепенное воцарение варварства во всей Галактике.

Риоз громко расхохотался.

— Вот как? Но его предвидения не оправдались, уважаемый ученый! Вы ведь так себя называете? Империя сейчас сильна как никогда! Ваши глаза просто ослепли от старости и дальше собственной границы не видят. Взяли бы да слетали во внутренние миры разок, да посмотрели бы, как там тепло и прекрасно!

Старик грустно покачал головой.

— Упадок начинается с дальних границ. Пройдет время, и он доберется до сердца Империи. Я говорю о внешних признаках упадка, видимых невооруженным глазом, которые отличаются от малозаметных внутренних признаков так же, как рассказ, сочиненный пятнадцать столетий назад, от того, как его рассказывают теперь.

— Стало быть, этот ваш Гэри Селдон предсказал, что вся Галактика потонет в пучине варварства? — добродушно усмехнулся Риоз. — Ну а что потом, а?

— Он основал два убежища на разных концах Галактики — две Академии, где собрал самых лучших, са-

мых молодых, самых сильных, чтобы они выросли там. Миры для размещения Академий выбирались не случайно, так же как и время их основания, и их окружение. Все было продумано таким образом, чтобы будущее, предсказанное математико-психоисторическими методами, привело к быстрой изоляции Академий от центра Имперской цивилизации и к тому, чтобы Академии стали зародышами Второй Галактической Империи и помогли бы сократить период неизбежного мрака, упадка и варварства до одного тысячелетия вместо тридцати.

— А откуда вы знаете все это? У вас просто-таки недюжинные познания в этой области!

— Я не занимался этим специально, — спокойно ответил патриций. — Это всего-навсего результат мучительных раздумий в попытке связать между собой разрозненные факты, известные моему отцу, да кое-что, что удалось разузнать мне самому. Фундамент моих знаний зыбок, а надстройка сильно романтизирована, в ней огромные пробелы. Однако я убежден, что здесь есть большая доля правды.

— Мне остается сделать вывод, что вы легко внушаемы.

— Я? Да на это потрачено сорок лет упорного труда!

— Хм-м... Сорок лет! Да я бы за сорок дней во всем разобрался! И, видимо, придется. Только по-другому.

— И как же вы собираетесь это сделать?

— Да очень просто. Например, стану первопроходцем и отыщу эту вашу Академию. И посмотрю на нее собственными глазами. Вы сказали, их две?

— Так говорят исторические документы. Но достоверная информация имеется только об одной Академии. Это и понятно, потому что вторая Академия должна находиться на более отдаленном краю Галактической спирали.

Генерал встал, поправил портупею.

— И вы знаете, куда лететь?

— Вроде бы — да. В жизнеописании последнего вице-короля, того самого, которого вы так ловко отправили на тот свет, есть весьма подозрительные упоминания о дикарях из внешних миров. В общем, одна из дочерей вице-короля была отдана замуж за варварского царька. Так что уж что-что, а дорогу я найду.

Он протянул старику руку на прощание.

— Благодарю за гостеприимство.

Дьюсем Барр слегка коснулся пальцами жесткой ладони генерала и церемонно кивнул.

— Ваш визит — большая честь для меня.

— Так же, как и информация, которую вы мне сообщили, — кивнул в ответ Бел Риоз. — Я подумаю, как отблагодарить вас, когда вернусь.

Дьюсем Барр смиренно проследовал за гостем до двери и вслед удаляющемуся автомобилю тихо проговорил:

— Если вернешься...

Глава 2

ВОЛШЕБНИКИ

АКАДЕМИЯ — *...После сорокалетней успешной экспансии своего могущества Академия столкнулась с угрозой нападения Риоза. Эпохальные дни Гардина и Мэллоу миновали, а с ними ушла в прошлое и смелость в принятии решений...*

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

В тихой дальней комнате, где никто не мог их побеспокоить, заседали четверо мужчин. На длинном столе, разделявшем их, стояло четыре бутылки и столько же до краев наполненных бокалов, но до сих пор никто не сделал ни глотка. И, судя по всему, не собирался.

Тягостное молчание нарушил мужчина, сидевший

ближе к дверям. Он нервно забарабанил кончиками пальцев по крышке стола и сердито поинтересовался:

— Ну, что, так и будем в молчанку играть? Не все ли равно, кто первым возьмет слово?

— Вот вы и начните, — предложил толстяк, сидевший напротив. — Вас же это больше всех касается.

Сеннет Форрел угрюмо усмехнулся.

— Потому что я богаче вас, что ли? Или вам кажется, что я и дальше намерен продолжать в том же духе? Это я к тому, чтобы напомнить вам, что именно мой собственный Торговый Флот захватил их шпионский корабль.

— У вас самый крупный флот, — пожал плечами третий из присутствующих. — И пилоты самые лучшие. То есть вы действительно самый богатый среди нас. Это был большой риск, конечно, но для любого из нас он был бы большим, чем для вас, согласитесь!

Сеннет Форрел снова усмехнулся.

— Да... Способность рисковать я унаследовал от отца. Но, главное, чтобы риск был оправдан. В данном случае он был оправдан, поскольку вражеский корабль был захвачен без потерь для нас и без угрозы для остальных.

Форрел был дальним родственником великого Хобера Мэллоу. Это было известно в Академии всем и каждому. Однако ходили упорные слухи, что степень его родства с Мэллоу более близка, а именно, что Форрел его незаконнорожденный сын.

Четвертый собеседник хитро прищурился и проговорил, как бы процеживая слова сквозь узкие губы:

— А по-моему, нечего особенно гордиться и успокаиваться. Подумаешь, кораблик захватили. Скорее всего мы просто раздразнили того молодого человека, что побывал у нас недавно.

— А вам что же, кажется, — саркастично поинтересовался Форрел, — мы должны были перед ним расшаркаться и вежливо разъяснить ему мотивы наших действий?

— Представьте себе, кажется! По крайней мере, тогда ему не пришлось бы сочинять их за нас. Хобер Мэллоу действовал в таких ситуациях иначе. И Сальвор Гардин тоже. Применять силу они предоставляли другим, сами же действовали спокойно и уверенно.

Форрел пожал плечами.

— Однако захват корабля оправдался. Если уж на то пошло, мотивы наших действий недороги и продали мы их с выгодой.

Последнюю фразу он произнес с гордостью прирожденного Торговца.

— Этот молодой человек — из старой Империи.

— Это нам известно, — ворчливо прервал его толстяк.

— Для нас это не было неожиданностью, — продолжал Форрел. — Понимаете, даже когда кто-то является с кучей звездолетов и заверениями в лучших намерениях, его не следует вот так сразу заворачивать восвояси, пока не убедишься доподлинно, нет ли чего подозрительного под камуфляжем торговли. Но сейчас...

Третий мужчина оборвал его:

— Но сейчас нам следовало бы быть еще более осторожными. Надо было сначала все выяснить. До того как мы позволили ему спокойно улететь. Вот это было бы по-настоящему мудро.

— Эту идею мы обсуждали и в конце концов от нее отказались.

Резким жестом Форрел дал присутствующим понять, что этот вопрос обсуждению не подлежит.

— Правительство у нас нынче слабое... — пробурчал третий, — а мэр — так тот просто идиот!

Четвертый мужчина обвел взглядом присутствующих и губами перебросил наполовину выкуренную сигару из одного края рта к другому. Убедившись, что сигара безнадежно погасла, он вынул ее изо рта, положил

окурок в дезинтегратор справа от себя, где тот вспыхнул и исчез. В голосе его звучала нескрываемая ирония.

— Я надеюсь, что джентльмен, произнесший последние слова, сказал их исключительно по привычке. В этом кругу нет необходимости напоминать, что правительство — это мы.

Остальные одобрительно закивали.

Четвертый прищурил маленькие глазки и продолжил, уставившись в одну точку:

— Так что болтовню о политике правительства лучше оставим. Этот молодой человек... этот чужестранец, действительно запросто мог оказаться обычным торговым агентом. Такие случаи бывали. И вы трое пытались поначалу заключить с ним торговое соглашение. Торгового не вышло — вышло джентльменское, но... вы пытались...

— Так же, как и вы, между прочим, — буркнул второй.

— Не отрицаю, — кивнул четвертый.

— Предлагаю забыть о том, чем мы занимались раньше, — нетерпеливо вмешался Форрел. — Давайте лучше обсудим, чем нам заниматься теперь. Да, черт подери, мы могли взять его под стражу, пытать, убить, наконец! Чего бы мы добились? Да, его намерения остались нам неясны, но зато другое ясно как божий день: нельзя победить Империю, прикончив одного человека. Неужели непонятно, что его возвращения или невозвращения где-нибудь неподалеку мог ожидать целый флот!

— Запросто! — согласился четвертый. — А что вам удалось выудить при осмотре захваченного корабля? Только коротко, от нудных подробностей я быстро устаю.

— Можно и без подробностей, — угрюмо буркнул Форрел. — Он — имперский генерал или что-то в этом роде. Я не так уж хорошо разбираюсь в имперской табели о рангах. Он молод, прославился военными подвига-

ми — так мне говорили. Подчиненные его просто боготворят. Карьеру сделал поистине романтическую. Наверняка половина россказней о его победах — вранье, но это ни в коей мере не умаляет значимости его фигуры.

— А кто это «они»? Кто рассказывает? — поинтересовался второй.

— Команда захваченного корабля. Видите ли, я взял на себя труд заснять все беседы на микропленку, которая хранится в надежном месте. Позднее, если вам будет интересно, вы можете ознакомиться с фильмами. Впрочем, можете и сами с ними побеседовать. А главное я вам сказал.

— А каким образом вам удалось вытрясти из них все это? И уверены ли вы, что они говорят правду?

Форрел нахмурился:

— А я с ними не церемонился. Действовал жестко. И к тому же безжалостно использовал психотест. Они не могли не говорить. И говорили правду, будьте уверены.

— В прежние времена, — осуждающе пробурчал третий, — обошлось бы чистой психологией. Безболезненно, знаете ли, и очень надежно. И никаких шансов соврать.

— Мало ли чего хорошего было в старые времена, — сухо отозвался Форрел. — Теперь времена другие.

— И все-таки, — поинтересовался четвертый, — что нужно было здесь этому генералу, любимцу подчиненных?

Форрел сверкнул глазами.

— Вы что, думаете, он солдатам государственные тайны выдает? Они этого не знали. Ничего такого выудить у них не удалось, хотя я очень старался, видит бог.

— Значит, нам остается...

— Делать выводы самостоятельно, вне всякого сомнения.

Форрел снова забарабанил пальцами по столу.

— Этот молодой человек — видный военный деятель Империи, однако он упорно пытался выдать себя за вто-

ростепенного князька малюсенького звездного княжества где-то на дальних окраинах Периферии. Одно это говорит само за себя — он не желал, чтобы истинные мотивы его присутствия здесь стали нам известны. А теперь попробуйте поразмыслить: он военный, а Империя уже пыталась напасть на нас однажды — во времена моего отца. Все становится очевидным. Первая атака провалилась. Сомневаюсь, чтобы с тех пор Империя питала к нам большую любовь.

— И все-таки вашим выводам недостает конкретности. Вы ничего не скрываете? — осторожно поинтересовался четвертый.

Форрел спокойно ответил:

— Мне нечего скрывать. Теперь вопрос о торговом этикете просто-напросто снимается с повестки дня. Существует прямая угроза.

— Патриотизм? — усмехнулся третий.

— К дьяволу патриотизм, — отмахнулся Форрел. — Неужели вы думаете, что меня хоть в какой-то степени заботит судьба и будущее Второй Империи? Вы что, всерьез полагаете, что я пожертвую хоть одной торговой миссией, чтобы расчистить мифическую дорогу для Второй Империи? И с другой стороны — неужели вы думаете, что имперское вторжение сильно поможет моему — и вашему, господа, — бизнесу? Если Империя победит, соберутся огромные стаи ворон, чтобы поживиться трупами!

— И вы считаете, что трупами будем мы, — закончил четвертый.

В комнате повисла гнетущая пауза. Нарушил ее третий. Он резко повернулся в кресле, так что оно угрожающе заскрипело.

— Не понимаю, что толку об этом разглагольствовать. Ведь Империя не может победить. По определению — не может! Гэри Селдоном доказано, что Вторую Империю как-никак основывать нам. Это просто очередной кризис. Было уже три — и сплыло!

— Вот-вот! Очередной кризис! — рявкнул Форрел. — Только во времена первых двух нами руководил Сальвор Гардин, а третий разрешил Хобер Мэллоу, царство ему небесное. А теперь — кто?!

Он обвел присутствующих суровым взглядом.

— Законы психоистории, открытые Гэри Селдоном, на которые так удобно полагаться, по всей вероятности, учитывают в качестве одной из переменных некоторые нормальные проявления инициативы Академии. Законы Селдона помогают тем, кто сам себе помогает.

— Времена меняют людей, — сказал третий. — Вот вам еще одна поговорочка.

— Вот уж на что нельзя рассчитывать! — хмыкнул Форрел. — Мне сейчас все видится вот в каком свете: если это четвертый кризис, значит, Гэри Селдон его предвидел. Если это так, его можно преодолеть и должен быть какой-то выход.

Сейчас Империя сильнее нас, да и всегда была сильнее. Но с угрозой прямого нападения мы сталкиваемся впервые, и в этой ситуации мощь Империи действительно опасна. Если мы и сумеем ее победить, то опять-таки не за счет применения грубой силы, как и во времена предыдущих кризисов. Мы должны найти слабое место врага — и атаковать именно в этом месте.

— И что же это за слабое место? — поинтересовался четвертый. — Уже есть какая-то идея?

— Нет. Я скажу вам прямо. Великие наши лидеры всегда ухитрялись найти слабое место врага и, повторяю, били именно по нему. А сейчас... — он безнадежно махнул рукой и замолчал. Молчали и все остальные.

— Нам нужны шпионы, — пришел на помощь Форрелу четвертый.

Форрел резко повернулся к нему.

— Верно! Я не знаю, когда именно Империя собирается атаковать. Может, у нас еще есть время!

— Хобер Мэллоу в свое время лично посетил доми-

нион Империи, — осторожно проговорил второй. Форрел отрицательно покачал головой.

— Нет, ничего такого делать не будем. Мы не так молоды. Для такого дела нужны молодые ребята, которые сейчас на заданиях.

— Независимые Торговцы? — спросил четвертый. Форрел склонил голову и прошептал:

— Если успеем...

Глава 3

МЕРТВАЯ РУКА

Бел Риоз раздраженно шагал из угла в угол. Он с надеждой взглянул на вошедшего адъютанта.

— Ну?! Новости о «Звездочке»?

— Нет, сэр. Разведывательная группа прочесала все пространство, но приборы ничего не обнаружили. Командор Юм сообщает, что флот готов к ответной атаке.

Генерал замотал головой.

— Нет! Еще чего! Контратака в ответ на пропажу одного патрульного корабля? Пока нет. Передайте ему, чтобы он удвоил... Постойте. Я напишу депешу. Закодируйте ее и передайте световым пучком.

Он набросал на бумаге несколько фраз, передал листок адъютанту.

— Сивеннианец прибыл?

— Еще нет, сэр.

— Как только прибудет, срочно доставить его ко мне.

Адъютант браво отсалютовал и вышел. Бел Риоз снова зашагал по комнате...

Когда дверь каюты открылась вновь, на пороге стоял Дьюсем Барр. Медленно, устало ступая вслед за адъютантом, он вошел в броско обставленную комнату, потолок которой был украшен голографической моделью Галактики. В центре комнаты в полной военной форме стоял Бел Риоз.

— Добрый день, патриций, — буркнул генерал, по-

додвинув вошедшему стул. Адъютанта он спровадил приказом: — Никому не входить, пока сам не позову.

Он стоял перед сивеннианцем, расставив ноги, сложив руки за спиной, слегка покачиваясь с носка на пятку.

— Патриций, вы почитаете Императора? — резко спросил генерал.

Барр, до той поры хранивший безразличное молчание, слегка приподнял бровь и холодно ответил:

— У меня нет причин питать любовь к имперским законам.

— Ну, это все-таки довольно далеко от того, чтобы вас можно было назвать изменником.

— Пожалуй. Но не быть изменником — это также далеко от того, чтобы стать активным пособником.

— Тоже верно. А вот отказ от сотрудничества уже можно расценить как изменничество и соответственно к этому относиться.

Барр нахмурился.

— Оставьте эту словесную эквилибристику для подчиненных. Скажите просто, что вам нужно. Мне этого будет достаточно.

Риоз уселся, закинув ногу на ногу.

— Помните, Барр, мы с вами разговаривали полгода назад?

— О ваших «волшебниках»?

— Да. Помните, я сказал тогда, что собираюсь предпринять.

Барр кивнул.

— Вы собирались навестить их. Вас не было четыре месяца. Вы отыскали их?

— Отыскал? Конечно! — выкрикнул Риоз.

Рот его искривился. Было впечатление, что он с трудом сдерживается, чтобы не заскрипеть зубами.

— Патриций, они не волшебники! Они — дьяволы! Тот, кто их так назвал, так же далек от истины, как отсюда — другие галактики! Вы только представьте себе: их мир — размером с носовой платок, с ноготь, черт бы

их подрал! Ресурсов — ноль, защиты практически никакой, население мизерное, как где-нибудь на самой завалящей планете в районе Темных звезд. Но при этом они такие гордые и неприступные, что спокойно и уверенно размышляют об управлении Галактикой!

То есть они настолько самоуверенны, что даже не торопятся! Делают все медленно, флегматично, строят планы на века. Говорят лениво, перелетают из мира в мир, как будто у них вечность в запасе...

И они преуспели! Преуспели... Их никто не останавливает. Они сплели широчайшую торговую сеть, охватывающую звездные миры, настолько отдаленные от них, что даже непонятно, как они туда добираются на своих игрушечных звездолетиках! Их Торговцы — так они называют своих агентов — улетают на сотни парсеков от дома!

Дьюсем Барр прервал гневную тираду генерала:

— И все-таки, что из сказанного вами — правда, а что нужно списать на счет вашего озлобления?

Генерал отдышался и заговорил спокойнее:

— Нет-нет. Я не ослеплен гневом, уверяю вас. Я побывал в мирах, которые ближе к Сивенне, чем к Академии, где для людей понятие Империи — миф, небылица, зато Торговцы — повседневная реальность. Мы сами здорово ошиблись насчет этих Торговцев.

— И что же, в Академии вам так прямо и сказали, что они стремятся к галактическому господству?

— Сказали? — Риоз снова вышел из себя. — Как же? Держите карман! Они мне этого могли и не говорить. Официальные лица, конечно, помалкивали. Все разговоры только о торговле, бизнесе. Но я говорил и с простыми людьми. И понял, что они там все без исключения верят в свою особенную судьбу и преспокойненько разглагольствуют о «светлом будущем». Они просто не скрывают этого всеобщего оптимизма, будь они трижды неладны!

На лице сивеннианца было написано молчаливое удовлетворение.

— Могу отметить только одно, генерал: выводы, которые я сделал на основании чистых умозаключений, оказались верны.

— В этом нет сомнений, — саркастически кивнул Риоз. — И я готов снять шляпу перед вашим аналитическим талантом. Но позволю себе тем не менее отметить, что все вышеперечисленное красноречиво свидетельствует, как они опасны в плане угрозы целостности владений Его Императорского Величества!

Барр скептически пожал плечами. Риоз резко наклонился вперед, грубо схватив за плечи старого патриция, и посмотрел ему прямо в глаза:

— Верьте мне, патриций! У меня нет ни малейшего желания быть тираном! Но для меня факт враждебности Сивенны по отношению к Империи остается фактом, и я сделаю все, что в моих силах, чтобы погасить этот очаг инакомыслия. Однако я выполняю военную миссию и не имею права вмешиваться в гражданские дела. Случись что — меня просто отзовут, и моей карьере конец. Понимаете вы это? Вижу, что понимаете. Тогда чисто между нами: я не прочь забыть события сорокалетней давности. Мне нужна ваша помощь — и в этом откровенно признаюсь.

Молодой генерал с нетерпением ждал ответа, но Дьюсем Барр медленно покачал головой.

Риоз отпустил руки и умоляюще проговорил:

— Вы чего-то недопонимаете, патриций, и сомневаюсь, чтобы удалось вас убедить. Я не мастак говорить умные слова. Вы — ученый. Я — солдат. Но вот что я хочу вам сказать. Что бы вы там ни думали об Империи, вы должны признать ее могущество. Да, ее вооруженные силы совершали отдельные преступления, но большей частью они несли мир и цивилизацию. Именно военный флот создал Имперский Мир, который царил в Галактике на протяжении тысячелетий. Да сравните же

тысячелетия мира под знаменами, на которых красуются «Звездолет и Солнце», и тысячелетия межзвездной анархии, которые предшествовали воцарению Империи! Вспомните о войнах и разрухе тех лет и скажите мне: неужели, несмотря на все свои недостатки, Империя не заслуживает того, чтобы она была сохранена? Представьте себе, — продолжал он с новой силой, — во что превратились внешние миры Галактики за годы разрухи и так называемой независимости, и спросите себя, неужели во имя дурацкого отмщения вы действительно хотите, чтобы Сивенна, вместо того чтобы стать провинцией, которую защищает могучий флот, превратилась бы в варварский мирок в дикарской Галактике, купающийся в мутных волнах вымороченной независимости, которая ничего вам не даст, кроме упадка и нищеты?

— Неужели все так плохо и... так скоро? — пробормотал сивеннианец.

— Нет, — откликнулся Риоз. — Безусловно, мы защитим вашу безопасность! Потому что я сражаюсь за Империю. И за военную традицию, хотя последнее — мое личное дело. Это то, чего вам я объяснить не могу. Военная традиция, построенная на имперских установлениях, — вот за что я сражаюсь.

— Вы впадаете в мистику, — пожал плечами Барр. — А мне всегда было трудно понять чужие мистические настроения.

— Я вас не прошу об этом! Вы хоть отдаете себе отчет в том, что Академия опасна?

— А разве не я предупреждал вас о том, что вы можете натворить бед, еще тогда, до того как вы туда отправились?

— Тогда кому, как не вам, понять, что их нужно уничтожить в зародыше. Ну как же вы не понимаете? Вы знали об этой Академии тогда, когда о ней никто не знал. Поэтому именно вам легче представить, как ее лучше всего было бы атаковать. Именно вы могли бы

лучше всех подсказать мне, каковы могут быть их ответные ходы. Послушайте, патриций, давайте заключим союз!

Дьюсем Барр поднялся.

— Такая помощь вам ничего не даст. Я говорю вам совершенно серьезно: всей мощи Империи не хватит для того, чтобы победить этот крошечный мир.

— Но почему?!

Глаза Риоза бешено сверкали.

— Нет! Не смейте уходить. Стойте где стоите! Я скажу, когда вам можно будет уйти. Так вот: если вы думаете, что я недооцениваю противника, вы ошибаетесь. Патриций! — Риоз сдерживался изо всех сил. — На обратном пути я потерял один корабль. Я не знаю наверняка, попал ли он в руки Академии, но обнаружить его не удалось. Если бы это был несчастный случай, то был бы обнаружен хотя бы остов корабля. Это не такая уж большая потеря — меньше одной десятой части военной мощи моего флота, но это может означать, что Академия уже демонстрирует свои враждебные намерения. Такая поспешность и недоверие с их стороны, такая беспечность в отношении последствий означают, что могут существовать тайные силы, о которых я ничего не знаю. Можете вы мне помочь в ответе на конкретный вопрос? Какова их военная мощь?

— Не имею понятия.

— Как прикажете вас понимать? Почему же вы с такой уверенностью заявляете, что Империя не способна справиться с таким ничтожным врагом?

Сивеннианец тяжело опустился на стул и отвел глаза в сторону от испытующего взгляда Риоза. Медленно, с горечью проговорил:

— Потому что я верю в законы психоистории. Это странная наука. Математическое обоснование ее законов дал один человек — Гэри Селдон, и это обоснование умерло вместе с ним. После его смерти ни один специалист не смог досконально разобраться в сложно-

сти этих законов. Но за небольшой промежуток времени, прошедший с тех пор, психоистория показала, что является мощнейшим инструментом, когда-либо изобретенным для изучения человечества. Не пытаясь прогнозировать действия отдельных людей, психоистория сформулировала законы, которые можно подвергнуть математическому анализу и экстраполировать для прогнозирования и управления действиями огромных масс людей.

— Ну и?..

— Именно психоистория, разработанная и доведенная до совершенства Гэри Селдоном и его группой, была заложена в фундамент Академии. Время, место и условия — все было рассчитано математическими методами. Поэтому создание Второй Галактической Империи неизбежно.

Голос Риоза дрожал от раздражения:

— Так что же, вы хотите меня уверить в том, что именно эти вот его научные финтифлюшки могут предсказать, что, если я, например, нападу на Академию, я проиграю такое-то и такое-то сражение по такой-то и такой-то причине? Вы что, думаете, что я тупоголовый робот, который идет прямехонько в пекло, навстречу собственной гибели?

— При чем здесь вы? — отрезал старый патриций. — Я же сказал уже, что психоистория не имеет ничего общего с действиями конкретных людей. Прогнозировались гораздо более широкомасштабные события.

— И мы, так сказать, крепко сжаты могучей десницей Ее Величества — Исторической Неизбежности?

— *Психоисторической Неизбежности,* — мягко уточнил Барр.

— Ну а если я все же воспользуюсь такой маленькой привилегией, как свобода воли? Если я вздумаю атаковать их через год или раздумаю атаковать вообще? При чем тут тогда Ее Величество? Какой от нее прок?

Барр равнодушно пожал плечами.

— Нападайте сейчас или не нападайте вовсе. На одном-единственном корабле или всем имперским флотом. Действуйте военной силой или экономической блокадой. Объявите войну честно или нападайте вероломно. Делайте что вашей душе угодно, проявляйте полную свободу воли. Вы все равно проиграете.

И все это по мановению безжалостной десницы математически рассчитанных законов поведения человечества, которые нельзя ни отменить, ни остановить, ни отбросить в сторону.

Оба, не отрываясь, смотрели друг на друга. Наконец генерал просто и спокойно проговорил:

— Я принимаю вызов. Пусть будет так: мертвая рука против живой свободной воли...

Глава 4

ИМПЕРАТОР

КЛЕОН II, *называемый Великим. Последний сильный Император Первой Империи. Во время его длительного правления отмечался значительный всплеск политической и культурной активности. В литературе он, однако, чаще всего упоминается рядом с именем Бела Риоза, а в народе его так и называли — «Император эпохи Риоза». Однако несправедливо утверждать, что события последних лет затмевают его сорокалетнее...*

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Клеон II был Повелителем Вселенной. Клеон II страдал жестокой и непонятной болезнью. Неисповедимы пути господни. Как ни странно, эти два факта вовсе не исключали друг друга. В каком-то смысле в их сочетании не было ничего удивительного. В истории таких случаев было — хоть отбавляй.

Но Клеона II эта мысль мало утешала и ни на йоту не облегчала страданий его измученного тела. Правда,

временами его убаюкивали размышления о том, что, в то время как его прадед был всего-навсего пиратским правителем крошечной планетки, сам он возлежал в роскошных покоях дворца Амменетика Великого как истинный наследник рода, корнями уходящего в незапамятное прошлое. Теперь, когда он был узником собственного ложа, много ли ему было радости от сознания того, что его отец положил жизнь на то, чтобы прекратить чумную полосу бунтов и мятежей, восстановить мир и единство, царившие в Империи во времена правления Станнеля VI, и что, как следствие этого, за двадцать пять лет его собственного царствования ясные небеса его славы не затуманило ни единое облачко мятежа?

Император Галактики, Повелитель Всего Сущего застонал, пытаясь приподнять голову с невидимых гравитационных подушек. Раздался тихий, ласковый звон. Перемена положения принесла некоторое облегчение. Клеон немного расслабился. Он с трудом сел и угрюмо уставился в дальнюю стену своей огромной опочивальни. В этой комнате было плохо одному. Она была чересчур велика, как и все дворцовые покои.

Но во время изнурительных приступов болезни он предпочитал одиночество. Лучше было быть одному, чем терпеть сборище вельмож с их льстивым подобострастием и непроходимой тупостью. Лучше одиночество, чем созерцание этих скучных масок, за которыми прятались ничем не прикрытые мыслишки о том, когда же он наконец отойдет в мир иной и кому достанется трон после его смерти.

Мысли набегали беспокойными волнами, торопили, тревожили... У Императора было трое сыновей — трое здоровых, сильных юношей, подававших большие надежды. Куда они все подевались в эти кошмарные дни? Не иначе — ждут. Тоже ждут. Каждый следит за другим, а все вместе — за ним. Сговорились, подлецы...

Он с трудом пошевелился.

А тут еще Бродриг просит аудиенции. Верный простолюдин Бродриг. Конечно, верный — деваться-то некуда! Его искренне, не скрываясь, ненавидели все придворные. Только в этом и наблюдалось согласие между дюжиной группировок, на которые раскололся в те дни императорский двор...

Бродриг — преданный фаворит, которому ничего не оставалось, кроме как быть преданным. Да, ему был дарован Императором самый быстрый в Галактике корабль. Но если бы он и бросился на нем наутек в день смерти Клеона, все равно на следующий день он оказался бы в радиационной камере.

Вялой рукой Клеон II нажал мягкую, послушную кнопку на подлокотнике своего громадного ложа, и высокая дверь в противоположной стене медленно растаяла в воздухе.

По пушистому пурпурному ковру к ложу подошел Бродриг, встал на колени и поцеловал руку монарха.

— Как вы себя чувствуете, сир? — обеспокоенно поинтересовался Личный Секретарь Императора.

— Я жив, — выдохнул Император. — Если это можно назвать жизнью... Всякий шарлатан, прочитавший учебник медицины, использует меня как подопытного кролика. И как только отыскивается какой-нибудь еще не испробованный метод лечения, как тут же объявляется очередной знахарь с другого края Галактики, чтобы немедленно испытать его на мне. И всегда, что самое характерное, находится какая-нибудь книженция, чаще всего — подделка, где они вычитали про этот метод. Клянусь памятью моего отца, — печально продолжал он, — такое впечатление, что не осталось ни одного врача, который просто взял бы да посмотрел на больного своими собственными глазами. Никто уже пульс не может сосчитать, не заглянув в книжку, которую написали мудрецы прошлого! Я болен, а они говорят, что болезнь им неизвестна. Идиоты! Получается, что если на протяжении тысячелетий тела человеческие начина-

ют как-то по-новому страдать, а в книжках по этому поводу ничего не написано, то нет надежды на излечение! Оказались бы предки на моем месте, а я — на их!

Император закончил свою жалобу долгим беззвучным проклятием. Бродриг покорно ждал. Клеон II капризно спросил:

— Ну, сколько их там сегодня притащилось? — Он качнул головой в сторону двери.

— Не больше чем обычно, сир. Ожидают в Большом зале, — спокойно ответил Бродриг.

— Ну, пускай подождут. Сделаем вид, что я занят государственными делами. Прикажите капитану гвардии объявить это во всеуслышание. Хотя нет. Не надо про государственные дела. Пусть скажет, что я не даю сегодня аудиенций, а на лице при этом пусть изобразит искреннее сожаление. Пусть эти шакалы думают, что я просто плохо спал.

— Поговаривают, сир, что вас беспокоит сердце? — мягко поинтересовался Бродриг.

Улыбка, с которой Император закончил свою вымученную шутку, быстро сошла с его лица.

— Если слух не подтвердится, кого это больше огорчит, Бродриг? Тебе-то что нужно? Говори.

По знаку Императора Бродриг поднялся с колен.

— Дело касается генерала Бела Риоза — военного губернатора Сивенны.

— Риоз? — Клеон II нахмурился. — Что-то не припоминаю. Погоди-ка, это не тот ли, что прислал нам странное донесение пару месяцев назад? Да, вспомнил. Он просил разрешения на военную кампанию во славу Империи и Императора.

— Совершенно верно, сир.

Император усмехнулся.

— А ты думал, у меня уже не осталось таких генералов, а, Бродриг? Это просто атавизм какой-то, так все думают? Ну, и что мы ему ответили? Надеюсь, ты об этом позаботился?

— Конечно, сир. Ему было приказано ждать особых распоряжений и самому ничего не предпринимать.

— Хм-м. Разумно. Кто он такой, этот Риоз? Он бывал при дворе?

Бродриг кивнул. Узкие губы его скривились в усмешке.

— Он начал свою карьеру как офицер гвардии десять лет назад. Участвовал в военных событиях в составе соединения Лемюля.

— Соединения Лемюля? Ох, Бродриг, ты же знаешь, у меня с памятью неважно. Это тогда, что ли, когда молодой офицер спас два корабля на передовой с помощью... — Император нетерпеливо пошевелил рукой. — Ну, в общем, деталей не помню. Что-то такое героическое.

— Да, это был Риоз. Тогда он получил повышение, — сухо подтвердил Бродриг. — И назначение на должность капитана корабля.

— А теперь он — военный губернатор пограничной провинции и все еще молод. Способный парень, Бродриг!

— Небезопасный, сир. Он живет иллюзиями прошлого. Мечтатель, ретроград, в плену у мифов. Такие люди сами по себе безопасны, но, как ни странно, отсутствие у них реализма делает их идолами для других. Его люди, — добавил он доверительно, — как я понимаю, преданы ему душой и телом. Он один из ваших *«народных»* генералов.

— Вот как? — удивился Император. — А почему тебя это огорчает, Бродриг? Я бы, пожалуй, не был в восторге, если бы мне служили сплошные тупицы-дилетанты. Они-то уж никак не могут являть собой примеры верности.

— Дилетант-изменник не опасен, сир. Следить надо прежде всего за такими способными парнями.

— Ты ведь тоже из них, Бродриг? — рассмеялся Клеон II и тут же скривился от боли. — Ну, хорошо, лирику

пока оставим. Что там нового у этого героя-завоевателя? Догадываюсь, завел ты этот разговор не для того, чтобы предаваться воспоминаниям?

— От генерала Риоза, сир, получено еще одно донесение.

— А! Что же там?

— Он отыскал мир этих варваров и предлагает начать атаку. Перечислять аргументы в пользу этого долго и нудно. Я не хотел бы утомлять Ваше Величество сейчас, когда вы неважно себя чувствуете. В особенности потому, что этот вопрос будет подробно обсуждаться на заседании Совета Лордов. — Бродриг отвел взгляд в сторону.

Клеон II нахмурился.

— Совет Лордов? С какой стати? Они-то что в этом смыслят? Там все, как обычно, сведется к тому, что необходимо более широко трактовать Хартию. Одна у волка песня.

— Этого не избежать, сир. Да, было бы гораздо лучше, если бы ваш августейший родитель, погасив последний мятеж, не согласился бы подписывать Хартию. Но раз уж она подписана, с ней приходится считаться.

— Наверное, ты прав. Ладно, пусть решают Лорды. Только к чему весь этот официоз, дружок? В конце концов, дело-то второстепенное. Военные дела на дальних границах с участием ограниченного контингента войск вряд ли могут считаться делом государственной важности.

Бродриг криво улыбнулся и холодно проговорил:

— Да, сир, с виду все так. Речь идет о романтическом идиоте. Но даже романтический идиот может превратиться в смертельное орудие, если неромантический бунтовщик использует его в качестве инструмента. Сир, этот человек был популярен здесь, а теперь он популярен там. Он молод. Если он захватит еще одну-две варварские планеты, то станет героем-конкистадором. А в наше время молодой завоеватель, доказавший свою

способность вызвать энтузиазм звездолетчиков, шахтеров, торговцев и тому подобного сброда, опасен всегда. Даже если у него в мыслях нет ничего такого, что сделал ваш августейший отец с узурпатором Рикером, его запросто может использовать любой из ваших лояльнейших Лордов. Для своих целей.

Клеон II пошевелился. Лицо его исказила гримаса страдания. Он с трудом расслабился. Улыбка получилась вымученная.

— Ты ценный человек, Бродриг. Ты всегда подозреваешь больше, чем нужно, и мне остается делить твои подозрения на два, чтобы чувствовать себя в безопасности. Давай передадим дело Лордам. Посмотрим, что они скажут, а поступим как сочтем нужным. Надеюсь, этот молодой человек пока еще ничего такого не натворил? — прошептал Император.

— Ничего не сообщает. Просит подкрепления.

— Подкрепления? — Император удивленно сощурился. — А какими силами он располагает?

— У него десять линкоров, сир, обеспеченных кораблями сопровождения. Два корабля оборудованы двигателями, снятыми со звездолетов старой Великой Армады, на одном стоит артиллерия, оттуда же. Другие корабли последнего пятидесятилетия, но все боеспособные.

— По идее, этого с лихвой должно хватить. Ну-ка, вспомни, мой отец все свои победы одержал, не имея такого флота! А что это за варвары, с которыми он собирается сражаться?

Брови Личного Секретаря скептически приподнялись.

— Он называет их Академией.

— Академией? Это еще что такое?

— Сир, никаких документов и записей на этот счет отыскать не удалось. Я тщательнейшим образом изучил архивные материалы. На территории Галактики имело место падение древней провинции Анакреон, которая два столетия назад начала приходить в упадок, в ней во-

царились варварство и анархия. Однако в этой провинции нет планеты с таким названием. В архиве я нашел лишь скудные упоминания о группе ученых, высланных в эту провинцию как раз незадолго до того, как она вышла из-под нашей опеки. Они должны были издавать Энциклопедию. — Он презрительно улыбнулся. — По-моему, в какой-то из бумаг фигурирует название «Академия Энциклопедистов».

— Ну... — пожевал губами Император, — я не вижу особой связи...

— И я не вижу, сир. Ни слова об этой экспедиции после начала воцарения анархии в этом районе я не нашел. Если потомки энциклопедистов еще живы и название сохранилось, тем вернее они должны были захлебнуться в пучине варварства.

— А он просит подкрепления... — Император пристально взглянул на Секретаря. — Очень интересно. Он собрался напасть на беспомощных дикарей на десяти кораблях и просит еще... Вот теперь я, пожалуй, точно вспомнил этого Риоза. Он был красивым мальчиком из добропорядочного семейства... Бродриг, что-то тут не так. Не исключено, что все более важно, чем кажется.

Пальцы Императора беспокойно забегали по золоченому покрывалу.

— Мне нужен человек там, Бродриг, — с глазами, мозгами — и верный мне...

Секретарь понимающе кивнул.

— И с подкреплением, сир?

— Пока нет!

Император тихо застонал, медленно меняя положение измученного тела на гравитационных подушках. Подняв вверх указательный палец дрожащей руки, он добавил:

— Пока не узнаем больше. Назначьте заседание Совета Лордов на эту неделю. Удобный будет случай. Я сделаю это, а там — будь *что будет*.

Он опустил усталую голову на невидимые подушки. Раздался тихий звон.

— Иди, Бродриг. Пошли ко мне доктора. Наверняка — очередной трепач...

Глава 5

ВОЙНА НАЧИНАЕТСЯ

Сивенна осталась позади крошечной сияющей точкой. Корабли Имперского Флота осторожно углублялись в темные пучины черной неизвестности — галактической Периферии. Гигантские звездолеты преодолевали огромные расстояния, разделявшие звезды, разбросанные по витку Галактической спирали, все более приближаясь к границам миров, находившихся в сфере влияния Академии.

Звездные системы, два столетия назад отделившиеся от Империи, впервые за прошедшие годы ощутили на своем горле мертвую хватку бывших хозяев. Возврат к прошлому осуществлялся просто — путем массированных артиллерийских налетов на столицы.

В захваченных мирах оставались гарнизоны военных в форме с погонами, на которых красовалась эмблема Империи — «Звездолет и Солнце». Старики, увидев эту эмблему, вспоминали давно забытые рассказы прадедов о временах, когда Вселенная была велика и богата, когда в ней царил мир под знаменами, на которых красовались эти самые Звездолет и Солнце...

Имперские корабли двигались дальше — к Академии. На захваченных планетах основывались военные базы. Как только завоевывался очередной мир, в штаб Верховного Главнокомандующего Бела Риоза шло соответствующее донесение. Штаб был расположен на скалистой безлюдной заброшенной планете.

Риоз вздохнул и угрюмо улыбнулся Дьюсему Барру.

— Ну, что скажете, патриций?

— Я? Что я вам могу сказать? Зачем вам мое мнение? Я не военный.

Он окинул взглядом комнату и отметил про себя, что в ней тесно и неприбрано. Помещение штаба размещалось в прилепившемся к скале походном доме. Оно было наполнено искусственным воздухом, согрето искусственным теплом — крошечный островок жизни на мертвой, холодной планете...

— Единственная помощь, которую я мог бы вам оказать, — пробормотал он, — а точнее, хотел бы оказать, — это совет возвратиться в Сивенну.

— Рановато, рановато... — покачал головой Риоз. Генерал повернулся на вертящемся стуле к углу, в котором мерцал огнями большой прозрачный глобус. На нем была обозначена граница старой имперской префектуры Анакреон и прилегающих к ней секторов Галактики.

— Позже, когда все будет кончено, патриций, вы сможете вернуться к своим книжкам и всякому такому прочему. Я лично прослежу за тем, чтобы все землевладения и поместья вашего семейства были возвращены вам и вашим детям навечно.

— Благодарю вас, — с горькой иронией откликнулся Барр. — К сожалению, мне недостает вашей твердой уверенности в том, что все хорошо кончится.

Риоз грубо расхохотался.

— Ой, только не надо вашего «пророческого» карканья! Эта карта говорит больше, чем все ваши старческие теории.

Генерал аккуратно настроил кривую, очерчивающую границы.

— Вы умеете читать карту в радиальной проекции? Умеете? Отлично. Тогда смотрите сами. Золотые звездочки обозначают имперские территории. Красные — территории протектората Академии, а розовые — относящиеся к экономической сфере ее влияния. Вот и посмотрите...

Рука Риоза легла на кнопку, и поле мелких белых точек окрасилось в темно-синий цвет и накрыло красные и розовые точки, будто перевернутая чаша.

— Звезды, накрытые синим куполом, завоеваны моим флотом, — со спокойным удовлетворением сообщил Риоз. — И мы идем вперед. Нигде не встречено сопротивления. Варвары настроены миролюбиво. Кроме того — ни малейшего сопротивления со стороны вооруженных сил Академии. По всей вероятности, мирно спят и ничего не ведают.

— Ваши силы рассредоточены, как я понимаю? — спросил Барр.

— Естественно, — кивнул Риоз. — За исключением особых обстоятельств. Ключевые точки, где находятся мои гарнизоны, укреплены. Их немного, но они избраны очень верно со стратегической точки зрения. В этом много преимуществ. Гораздо больше, чем может показаться тому, кто не занимался скрупулезным изучением тактики звездных войн. Но, думаю, любому ясно, что я могу вести нападение из каждой точки этого замкнутого круга и что, когда мой план окружения будет доведен до конца, Академия не сможет контратаковать ни на флангах, ни с тыла. Я просто не оставлю им ни флангов, ни тыла!

Эта стратегия предварительной блокады применялась и раньше, например, во время кампании Лориса VI. Но, во-первых, это было две тысячи лет назад, а во-вторых, тогда план не был доведен до конца. Так получалось, что враг или знал, или догадывался о подобных планах и успевал контратаковать. Сейчас все выглядит иначе.

— Идеальный хрестоматийный случай? — равнодушно поинтересовался Барр.

Риоз разозлился.

— Вы по-прежнему уверены, что моя армия проиграет?

— Должна проиграть.

— Да как вы не поймете! В военной истории не было случая, чтобы при успешно завершенной блокаде атакующая армия не победила бы, если только с тыла по ней не ударит флот, сил которого достаточно для прорыва блокады!

— Вам виднее.

— И все-таки вы остаетесь при своем мнении?

— Да.

Риоз пожал плечами.

— Как хотите.

Барр выдержал паузу и спокойно спросил:

— Вы получили ответ от Императора?

Барр вытащил из контейнера в стене у себя над головой сигарету и медленно закурил.

— Вы имеете в виду мою просьбу о подкреплении? Ответ пришел, но это всего лишь отписка. Не более того.

— Кораблей не будет.

— Нет. Я этого, в общем, ожидал. Честно говоря, патриций, я уже жалею, что наслушался ваших идиотских теорий. Это выставляет меня в ложном свете.

— Разве?

— Однозначно. Корабли — роскошь в наши дни. В гражданских войнах за последние два столетия погибло больше половины Великой Армады, а те, что уцелели, находятся в весьма плачевном состоянии. Видите ли, патриций, между нами говоря, те корабли, что строят сегодня, гроша ломаного не стоят. Я так думаю, что сейчас во всей Галактике вряд ли отыщется грамотный инженер, способный собрать первоклассный гиператомный двигатель.

— Я знаю об этом, — кивнул сивеннианец. Взгляд его стал острым и внимательным. — Для меня это не новость. Но я не знал, знаете ли об этом вы. Значит, Его Императорское Величество не может себе позволить разбрасываться кораблями направо и налево. Психоистория могла это предвидеть. Да скорее всего и предвидела. Я бы сказал, что мертвая рука Гэри Селдона побеждает-таки в открытом бою.

Риоз резко оборвал его:

— Кораблей у меня и сейчас достаточно. И ни черта ваш Селдон не выигрывает. Только тогда, когда ситуация станет более серьезной, нам понадобятся новые корабли. И они у меня будут. Просто пока Император всего не знает.

— Да? И о чем же вы умолчали?

— Естественно — о ваших теориях, — сардонически усмехнулся Риоз. — Дело в том, патриций, что при всем моем к вам уважении теории ваши представляются мне абсолютно вздорными. Вы уж не обижайтесь. Только если ситуация обострится, только если будут какие-то конкретные факты, тогда, и только тогда, я буду говорить с Императором о смертельной опасности. Не раньше. И еще, — непринужденно добавил Риоз. — Теория, не подтвержденная фактами, сильно отдает черной магией, а, вы сами знаете, наш Император это недолюбливает.

Старый патриций улыбнулся.

— Вы хотите сказать, что объявлять Императору о том, что его августейшему трону угрожает кучка презренных варваров откуда-то с задворок Галактики, глупо, потому что он в это не поверит. Тогда вам и вовсе нечего ждать от него помощи.

— Если только не удастся заполучить сюда Чрезвычайного Посла.

— А зачем здесь нужен Чрезвычайный Посол?

— Это старая традиция. Непосредственный представитель двора присутствует на любой военной кампании, осуществляющейся в государственных интересах.

— Правда? А зачем?

— Ну... чтобы создать иллюзию, будто всей кампанией руководит лично Император. Ну, и лишняя возможность убедиться в лояльности генералов. В чем, в чем, а в последнем традиция себя оправдала...

— Но вам это должно быть не слишком удобно, генерал. Посторонний авторитет, я имею в виду.

— Конечно, — буркнул Риоз и слегка покраснел. — Но тут уж ничего не поделаешь.

В этот момент загорелся экран приемного устройства, и из него с мягким щелчком выпал блестящий цилиндр. Риоз раскрыл цилиндр и прочитал донесение.

— Отлично! То самое!

Дьюсем Барр вопросительно приподнял брови.

— Вы знаете, что мы захватили одного из этих... как их там... торговцев, живого — и в неповрежденном корабле? — спросил Риоз.

— Я слышал об этом.

— Ну, так вот. Его только что доставили сюда. Через минуту он будет здесь. Останьтесь, патриций. Я хочу, чтобы вы присутствовали при допросе. Я вас за этим и вызвал сюда. Поможете мне в случае чего, ясно?

Прозвенел звонок на входной двери. Генерал нажал ногой педаль под столом. Дверь открылась. Человек, стоявший на пороге, был высокого роста, бородатый. На нем была короткая куртка из мягкого, похожего на тонкую кожу, пластика с капюшоном, отброшенным на спину. Руки его были свободны, правда, сопровождавшие его были вооружены, но он этого как будто не замечал.

Он вошел вразвалку и с любопытством осмотрелся. Поприветствовал генерала легким кивком и фамильярным жестом.

— Ваше имя? — сухо спросил Риоз.

— Латан Деверс, — ответил торговец, заложив ладони за широкий узорчатый пояс. — А вы — здешний босс?

— Вы — торговец из Академии?

— Точно. Послушайте, если вы тут действительно босс, вы бы лучше сказали вашим парням, чтобы они не баловались с моим грузом.

Генерал поднял голову и смерил пленного ледяным взглядом.

— Извольте отвечать на вопросы. Распоряжения здесь отдаю я.

— Ладно. Я человек покладистый. Только учтите, что один из ваших парней уже заработал дырку в груди — фута в два, не меньше, когда сунул руки не туда, куда надо.

Риоз перевел взгляд на дежурного лейтенанта.

— Этот человек говорит правду, Врэнк? В вашем отчете сказано, что потерь нет.

— Потерь не было, сэр, — твердо отрапортовал лейтенант, — когда я писал отчет. Позже мы попытались обыскать корабль, сэр, потому что прошел слух, будто на корабле — женщина. Женщины мы не обнаружили, но нашли множество устройств, назначение которых нам неизвестно. Этот человек утверждает, что это — его торговый груз. Один из наших солдат пытался разобраться с одним устройством, но оно взорвалось у него в руках. Он погиб.

Генерал спросил у торговца:

— На вашем корабле есть ядерное оружие?

— Да нет же! На кой оно мне сдалось? Этот ваш солдат, олух, схватил ядерную дрель, направил ее на себя и включил на полную мощность. И как это ему в голову пришло? Это же все равно что нейтронный бластер к башке приставить! Честное слово, я бы его остановил, если бы в это время на мне не сидело верхом пятеро ваших молодцов!

Риоз махнул рукой охранникам.

— Все свободны. Можете идти. К захваченному кораблю не приближаться. Сядьте, Деверс.

Торговец уселся на предложенный стул. Чувствовал он себя легко и непринужденно под свинцовым взглядом генерала и любопытным — сивеннианского патриция.

— А вы — неглупый человек, Деверс, — процедил сквозь зубы Риоз.

— Спасибочки. Вы... как это... физиономист? Или

вам от меня что-то надо? Я вам вот что скажу: я — неплохой бизнесмен, вот и все.

— Это почти одно и то же. Вы сдались в плен, вместо того чтобы понапрасну сопротивляться. Это правильно. Начни вы сопротивляться — от вас бы мокрого места не осталось. Если вы и впредь будете вести себя так же разумно, с вами будут хорошо обращаться.

— Класс! Хорошее обращение — это то, что я больше всего уважаю, босс.

— Отлично. А я больше всего уважаю согласие сотрудничать, — улыбнулся Риоз и тихо — Барру: — Надеюсь, я правильно понял слово «уважаю» в этом контексте? Слыхали ли вы когда-нибудь такой варварский жаргон?

Деверс спокойно, даже лениво проговорил:

— Ладно, вроде я вас понял. Только о каком сотрудничестве речь? Прямо скажем, я не врубился, где это я нахожусь?

Он огляделся по сторонам.

— Ну да, что за местечко, и вообще, в чем дело?

— Ах, простите, я забыл представиться, — добродушно улыбнулся Риоз. — Этот джентльмен — Дьюсем Барр, патриций Империи. Я — Бел Риоз, Пэр Империи, Генерал Третьего ранга вооруженных сил Его Императорского Величества.

Торговец раскрыл рот от удивления.

— Вот те раз! Империя? — пробормотал он. — То есть старая Империя, про которую нам в школе рассказывали. Ха! Вот здорово. А я-то думал, что ее и нет вовсе!

— Прекрасный шанс убедиться, что она существует.

— Да... Вообще-то можно было догадаться, — согласился Латан Деверс, задрав голову и поглядев на потолок. — С Периферии-то никто не сумел бы захватить мое старое корыто. Ну, так что за дела, босс, — нахмурился он. — Или мне вас генералом называть?

— Дела такие: война.

— Империя против Академии — так, что ли?

— Совершенно верно.

— А почему?

— Думаю, вы знаете почему.

Торговец взглянул на Риоза и отрицательно покачал головой.

Риоз немного помолчал, потом мягко повторил:

— Я просто уверен, что вы знаете почему.

Латан Деверс пробормотал:

— Жарковато тут у вас, — и встал, чтобы снять куртку. Сев, вытянул ноги. — «Знаете», — ворчливо передразнил он. — Вы зря ждете, что я сейчас вскочу и начну орать от удивления. Да я мог бы с вами в два счета разделаться, и этот старикан, что сидит тут и помалкивает, мне бы не помешал!

— Но вы не будете этого делать, — уверенно резюмировал Риоз.

— Не буду, — согласился Деверс. — Во-первых, потому, что, даже если я вас прикончу, война-то ведь от этого не прекратится. Там у вас, я чувствую, генералов хватает...

— Верно подмечено.

— А потом, и меня самого кокнут тут же, как только я вас отправлю на тот свет, — чуть раньше, чуть позже, но кокнут, это точно. А это в мои планы не входит. Выгоды никакой.

— Я же сказал, что вы неглупый человек.

Деверс кивнул.

— Только, босс, было бы все-таки желательно, если бы вы мне растолковали, почему это вы, черт подери, так уверены, что я знаю, с чего это вы на нас напали. Нет, честно, я понятия не имею. А в загадки играть как-то неохота.

— Да? А про Гэри Селдона вы никогда не слышали?

— Нет. Я же сказал, что в загадки не играю.

Риоз бросил быстрый взгляд на Дьюсема Барра, ко-

торый лишь тонко улыбнулся в ответ и опять погрузился в молчаливую задумчивость.

— Вы не играете, Деверс, — криво усмехнулся Риоз и продолжил: — Ходят слухи или сказки, но не исключено, что это правда, о вашей Академии, что в один прекрасный день вы собираетесь основать Вторую Империю. Я в подробностях знаю обо всех штучках Селдона, а также и о том, что вы вынашиваете агрессивные планы против Империи.

— Неужели? — Деверс задумчиво и удивленно покачал головой. — И кто же вам про это рассказал?

— Какая разница? — отозвался Риоз, постепенно теряя терпение. — Вы здесь не для того, чтобы задавать вопросы. Я хочу, чтобы вы рассказали мне все, что вам известно про сказку о Селдоне.

— Так. Значит, я вам сказки должен рассказывать? Нашли нянюшку!

— Не цепляйтесь к словам, Деверс.

— Я и не цепляюсь. Я вам прямо скажу. Я знаю об этом столько же, сколько вы. Это чистая чепуха, наполовину выдумка. В любой стране есть свои сказки, не без этого, правда же? Да, слыхал я кое-какую болтовню вроде этого — Селдон, Вторая Империя, все такое... Ну, правда, про это на ночь сказочки рассказывают. Детишки смотрят триллеры про Селдона. В общем, все это не для взрослых. Во всяком случае, не для тех взрослых, кто соображает, что к чему.

Генерал прищурился.

— Это правда? Вы лжете, молодой человек, и напрасно. Я был на вашей планете, Терминусе. И видел все собственными глазами.

— А чего же тогда меня спрашиваете? Я-то там, дай бог, два месяца из десяти пробыл. Так что — зря время теряете. А вообще — воюйте на здоровье, если вам так охота воевать со сказками.

Тут впервые подал голос Барр.

— Вы так уверены, что Академия победит? — спросил он тихо.

Торговец удивленно повернул голову в его сторону. Он слегка покраснел, и стал виден беловатый шрам на виске.

— Гм-м... А вы, оказывается, не немой? И почему же вы сделали *такой* вывод из моих слов, док?

Риоз небрежно кивнул Барру, и сивеннианец все так же тихо продолжил:

— Потому что вам неприятна *была бы* мысль о том, что ваш мир может проиграть в войне, я это понял. Мой мир проиграл однажды, и я знаю, что это такое.

Латан Деверс запустил пятерню в бороду, поскреб ее, поглядел по очереди на своих собеседников и, запрокинув голову, издал короткий смешок.

— Он, что, всегда так разговаривает, босс? Послушайте, — сказал он более серьезно, — что такое поражение? Видал я войны, видал я и поражения. Что значит победить? Кого это волнует? Меня? Таких парней, как я? — Он поджал губы и скептически покачал головой. — Я вам вот что скажу, а вы слушайте, — твердо, уверенно продолжал торговец. — Всегда есть пять-шесть жирных слюнтяев, которые управляют какой-нибудь планетой. Вот они-то будут дрожать, как кролики. Только мне до них нет абсолютно никакого дела. Ясно? Народ? Ну, то есть самый простой народ? Ну, кого-то, понятное дело, кокнут, не без этого, а остальным придется какое-то время платить дополнительные налоги. Но в конце концов все как-то устраивается. А потом — все то же самое, только слюнтяи другие.

Щеки Барра побагровели, вздулись жилы на худых руках, но он промолчал.

Латан Деверс смотрел на него в упор. От его глаз ничто не ускользало. Переведя взгляд на генерала, он проговорил:

— Послушайте! Я болтаюсь в космосе годы напролет со своими безделушками и продаю их за бесценок.

А они, толстяки поганые, — он указал большим пальцем за спину, — сидят себе дома и только и делают, что подсчитывают мои доходы. Снимают сливки с меня и еще с сотен таких, как я. Ну, представьте, что было бы, если бы Академией управляли *вы*. Вы бы все равно без нас не обошлись. Мы бы вам еще больше были нужны, чем нашему правительству драгоценному, потому что вы плохо знакомы с ситуацией, правильно? А мы, помимо всего прочего, еще и доходы неплохие приносим. Так что уж кто-кто, а мы смогли бы с Империей договориться. Я вам точно говорю, а я — человек дела. Если для меня это будет выгодно — я «за»! — твердо сказал он, смерив собеседников решительным взглядом.

Некоторое время сохранялась тишина. Ее нарушил тихий шорох в приемнике почты. Генерал вынул оттуда цилиндр. Пробежал глазами донесение и резко включил видеопередатчик.

— Подготовьте план с указанием местонахождения всех кораблей. Ожидайте приказа. Полная боевая готовность!

Риоз потянулся за шлемом. Пристегивая его, он обернулся к Барру и небрежно бросил:

— Оставляю нашего гостя на ваше попечение. Буду ожидать результатов. Идет война, и я буду беспощаден. Помните об этом, патриций!

Латан Деверс проводил Риоза взглядом и повернулся к Барру.

— Похоже, генерал схлопотал по больному месту. Что стряслось, док?

— Наверное, сражение, — хрипло ответил Барр. — Полагаю, вооруженные силы Академии дают первый бой. Давайте-ка лучше уйдем отсюда.

В комнату вошли вооруженные солдаты. Выправка их была безукоризненна, лица угрюмы. Деверс вслед за гордо поднявшим голову сивеннианским патрицием вышел из комнаты.

...Комнатка, в которую их препроводили, была гораздо меньше и обставлена скромнее, нежели штабной

кабинет Риоза. В ней стояли две кровати, видеоприемник. За маленькой дверью — душ и туалет. Солдаты вышли, дверь за ними со стуком закрылась.

— Хм-м... — вытянул губы Деверс. — Похоже, это надолго...

— Так оно и есть, — коротко отозвался Барр и отвернулся.

Торговец раздраженно спросил:

— Ну а вы-то тут в какие игры играете, док?

— Ни в какие игры я не играю. Просто вы переданы под мою ответственность, вот и все.

Торговец подошел к сидевшему на кровати сивеннианцу. Его внушительная фигура нависла над старым патрицием.

— Да? А почему же вы тут заперты вместе со мной? Что-то мне показалось, что, когда нас сюда вели под конвоем, бластеры были направлены на вас так же, как и на меня. И потом — вы же просто взбесились, когда я разорялся там о войне и мире.

Он тщетно дожидался ответа. Не дождавшись, продолжил:

— Ладно, я вас лучше вот о чем спрошу. Вы сказали, что *ваша* страна однажды пострадала. От кого? От каких-нибудь инопланетян из неведомой туманности?

Барр поднял на торговца взгляд, исполненный тоски.

— От Империи.

— Вот как? А здесь вы что делаете?

Барр красноречиво молчал.

Торговец выпятил нижнюю губу и понимающе кивнул. Снял с правой руки плоскую цепочку-браслет и протянул Барру.

— Что скажете?

На левой руке у него был такой же браслет. Сивеннианец взял браслет. По знаку торговца надел его на запястье, защелкнул. Странное покалывание в запястье быстро прошло.

Голос Деверса сразу изменился.

— Ладно, доктор, теперь можете быть спокойны. Го-

ворите свободно. Если эта комната прослушивается, они ничего не услышат. Это — искажатель поля, изобретение гениального Мэллоу. Продается за двадцать пять кредиток в любом мире отсюда до самого края Галактики. Вам — так и быть — бесплатно. Только не раскрывайте широко рот, когда говорите, и не волнуйтесь. Ничего, вы быстро освоитесь.

Дьюсем Барр вместо покоя вдруг ощутил страшную усталость. А взгляд торговца был суров и требователен.

Стараясь говорить тише, Барр спросил:

— Чего вы хотите от меня?

— Я уже сказал. Те немногие слова, что вы сказали, сильно отдают тем, что у нас называют патриотизмом. Ваш собственный мир завоеван Империей. А вы тут играете в «крестики-нолики» с белокурой бестией — имперским генералом. Как это понимать, а?

Барр устало ответил:

— Я уже сделал свое дело. Имперский вице-король-захватчик был отправлен на тот свет моими руками.

— Да? И давно ли?

— Сорок лет назад.

— Сорок... лет... назад?!

Смысл сказанного постепенно дошел до торговца.

— Да... Долгий срок для того, чтобы жить воспоминаниями... А этот подонок в генеральских погонах знает об этом?

Барр кивнул.

Глаза Деверса потемнели. Он напряженно размышлял.

— А... вы хотите, чтобы Империя победила?

Старый патриций неожиданно вспылил:

— Пусть Империя провалится в тартарары! Вся Сивенна за это молится каждый день. Когда-то у меня были братья, сестра, отец. Сейчас у меня есть дети и внуки. Генерал знает, где их найти.

Деверс ждал.

Барр продолжал шепотом:

— Но и это бы меня не остановило, если бы игра стоила свеч. Они знали бы, как умереть.

Торговец тихо проговорил:

— Выходит, вы когда-то убили вице-короля? Пожалуй, я кое-что начинаю понимать... Когда-то у нас был мэр. Звали его Хобер Мэллоу. Он побывал в Сивенне — так называется ваш мир? Там он встречался с человеком по фамилии Барр...

Дьюсем Барр тяжело, устало смотрел на торговца.

— Что вы знаете об этом?

— То же, что и любой торговец из Академии. Я вот что хочу сказать, док. Я ведь могу вам не поверить. Почему бы вам не оказаться хитрющим стариканом, посаженным здесь для того, чтобы выведать у меня побольше. Ясное дело, вам угрожали смертью родственников и вы ненавидите Империю и всей душой желаете ее погибели. Тогда я развешиваю уши и раскрываю вам душу к большой радости генерала. Нет, док, так у нас ничего не выйдет. Но как бы то ни было, мне жутко хотелось бы, чтобы вы доказали мне, что вы действительно сын Онума Барра из Сивенны — шестой, младший сын, которому удалось избежать смерти.

Дрожащей рукой Дьюсем Барр открыл маленький металлический ящичек в нише стены. Металлический предмет, который он вынул оттуда, тихонько звякнул, когда он положил его в руку торговца.

— Вот. Взгляните, — прошептал он.

Деверс поднес предмет ближе к глазам. Это было выпуклое центральное звено цепочки. Он ахнул...

— Это монограмма Мэллоу! Провалиться мне сквозь землю — эта штука сделана пятьдесят лет назад. Это так же верно, как то, что я — Латан Деверс.

Он запрокинул голову и тихо рассмеялся.

— Отлично, док! Генератор персонального защитного поля — то самое доказательство, которое было нужно!

И он протянул Барру свою здоровенную ручищу.

Глава 6

ФАВОРИТ

Небольшие юркие кораблики появились из черной пустоты пространства и ринулись в центр Армады. Без единого выстрела и выброса энергии они проскочили через буквально перегороженную имперскими линкорами территорию и дали несколько залпов. Неуклюжие имперские звездолеты только успевали поворачиваться за ними с грациозностью бегемотов. Сверкнули две бесшумные вспышки — будто два светляка вспыхнули и погасли на черных небесах. Остальные корабли противника удалились так же быстро и неожиданно, как и появились.

Имперские корабли побродили еще немного — и вернулись к выполнению своей главной задачи. Мир за миром, система за системой — кольцо блокады смыкалось...

Военная форма ловко сидела на Бродриге — она была хорошо подогнана, да и носил он ее щегольски. Он лениво прогуливался по парку на далекой планете Ванда, где теперь размещалась Ставка Верховного Главнокомандующего Имперским Флотом. Лицо его было угрюмо.

Рядом с ним вышагивал Бел Риоз. Верхняя пуговица его кителя была расстегнута. Серо-черная полевая форма генерала выглядела мрачновато рядом с парадным мундиром Бродрига.

Риоз указал на блестящую черную скамейку, стоявшую в тени благоухающего куста папоротника, громадные перистые листья которого тянулись к белесому солнцу.

— Взгляните, сэр. Вот образчик имперской старины. Резные скамейки, поставленные для влюбленных. Стоят себе и стоят, ничего им не делается. А дворцы и заводы лежат в руинах.

Он уселся на скамейку, а Личный Секретарь Клеона II остался стоять перед ним, легонько трогая листья папоротника своей изящной тростью из слоновой кости.

Риоз закинул ногу на ногу и предложил своему спутнику сигарету. Достал еще одну для себя и проговорил:

— Именно этого следовало ожидать от нашего мудрейшего Императора. Его Величество просто не мог послать лучшего наблюдателя, чем вы. А то я, признаться, чувствовал себя в высшей степени неловко, отвлекая его особу от более важных дел, нежели незначительная военная кампания на Периферии.

— Очи Императора зрят повсюду, — лениво, заученно отозвался Бродриг. — Мы далеки от того, чтобы недооценивать важность кампании, но нам до сих пор кажется, что трудность ее осуществления несколько преувеличена. Их маленькие кораблики, несомненно, не могут быть непреодолимым барьером для завершения Блокады.

Риоз вспыхнул, но овладел собой.

— Я не имею права рисковать жизнью своих людей. Их мало. Не могу рисковать и кораблями — их мне никто не возместит, если я предприму грубую атаку. Завершение Блокады снизит наши потери в окончательной атаке, какой бы трудной она ни оказалась. Военные принципы этой тактики я имел честь объяснить вам вчера.

— Да-да, конечно, я же не военный. Просто у меня такое впечатление, что вы изо всех сил стараетесь убедить меня в том, что все, что кажется так просто и ясно, на самом деле не так. Мы вам это позволили. Однако ваша предосторожность этим не ограничивается. Во втором вашем донесении вы потребовали подкрепления. Для чего? Для борьбы с противником малочисленным, нищим — варварами, с которыми у вас до сих пор не было ни одного серьезного столкновения? Просьба о подкреплении в такой ситуации говорит либо о вашей

некомпетентности, либо... о чем-то похуже — тем более что вся ваша карьера доказала, как вы упрямы, дерзки и как страдаете избытком воображения.

— Благодарю вас, — холодно отозвался генерал. — Однако позволю себе напомнить вам, что упрямство и слепота — далеко не одно и то же. Можно позволить себе разрабатывать тонкие стратегические ходы, когда имеешь дело с противником, от которого знаешь что ждать. Тогда возможно хотя бы приблизительно определить степень риска. Однако всякий шаг по отношению к незнакомому врагу — дерзость сама по себе. С таким же успехом можно гадать, почему днем человек спокойно ходит по тесной комнате, а ночью натыкается на мебель.

Бродриг ответил на тираду генерала неопределенным изящным жестом.

— Красиво. Но неубедительно. Вы же лично побывали в этом варварском мире. Кроме того, у вас содержится пленник, торговец. Как я понимаю, между вами и пленником нет полосы ночного тумана?

— Вы так думаете? Простите, но я возьму на себя дерзость напомнить вам, что мир, который два столетия развивался в изоляции, нельзя вот так сразу взять и понять! Я там пробыл всего месяц. Я солдат, а не супермен с квадратным подбородком и непробиваемой грудью из субэфирного голографического триллера! Точно так же и один-единственный пленник, член непонятного экономического сообщества, которое не связано напрямую с правительством противника, — не слишком надежный источник информации о секретах военной стратегии врага.

— Вы его допрашивали?

— Допрашивал.

— Ну и?

— Довольно результативно, но все же не настолько, насколько хотелось бы. Его корабль невелик, военное значение — ноль. Он торгует маленькими безделушками. Они забавны, но не более того. Самые интересные я хотел бы отослать в качестве сувениров Его Величеству. Вот в конструкции корабля есть кое-что интересное. Но не все пока понятно. Но я и не инженер, с другой стороны.

— Что, на флоте нет специалистов?

— Есть, — желчно отозвался генерал. — Но этим балбесам придется еще долго головы ломать, прежде чем они докопаются до того, что меня интересует. Я уже просил прислать сюда хоть одного мало-мальски смыслящего инженера, который смог бы разобраться в принципе действия странных силовых полей, имеющихся в конструкции корабля. Ответа пока нет.

— Таких специалистов мало, генерал. Неужели в подведомственной вам провинции не отыщется ни одного специалиста по ядерной энергетике?

— Да если бы такой был, он бы уже давно привел в чувство хромающие, покалеченные двигатели двух моих подбитых кораблей! У меня всего-то десять звездолетов, и два из них не годятся для серьезного сражения из-за недостаточного энергетического обеспечения. То есть пятая часть моего флота должна будет прятаться за атакующими кораблями, когда дело дойдет до настоящей драки!

Пальцы секретаря нервно скользили по рукоятке трости.

— Вы не один в таком положении, генерал. У Императора те же трудности.

Генерал бросил на землю свою измятую, так и не закуренную сигарету, достал другую, закурил, пожал плечами.

— Да я все понимаю. Конечно, это дело не сегодняшнего дня — отсутствие профессионалов высокого класса. Да и с пленником дело пошло бы успешнее, если бы прибор для психологического тестирования был в порядке.

Брови секретаря поползли вверх.

— У вас есть психотест?

— Старенький. Развалина — вечно выходит из строя именно тогда, когда нужен. Я включил его, когда пленный спал, и ничего не добился. Такие вот дела. Я проверял прибор на своих подчиненных, и реакция была совершенно адекватная, но опять-таки никто из моего персонала — я имею в виду инженеров — не может понять, почему с пленным прибор не срабатывает. Дьюсем Барр — ученый-теоретик, не разбирающийся в механике, говорит, что, вероятно, структура психики пленного может быть нечувствительна к тесту, поскольку тот якобы с детства находился под влиянием чужеродной среды и инородных нейронных стимулов. Не знаю... Но думаю, что кое-что из него еще можно будет выудить. Именно из этих соображений я оставил его в живых. Пока.

Бродриг оперся на трость.

— Я попытаюсь найти специалиста в столице. Кстати, что это за человек, о котором вы упомянули? Сивеннианец? Не много ли врагов, к которым вы излишне милосердны?

— Он кое-что знает о противнике. Его я тоже берегу на будущее. Он может оказаться полезным.

— Но он сивеннианец и сын мятежника.

— Он стар и немощен, а его родственники — заложники.

— Понятно. Тем не менее мне хотелось бы лично побеседовать с пленным.

— Конечно.

— Наедине, — холодно добавил секретарь.

— Конечно, — вяло согласился генерал. — Как верный слуга Императора, я принимаю его личного представителя как старшего по чину. Однако, поскольку пленный находится на нашей стационарной базе, вам придется покинуть передовую в очень интересный момент.

— Да? В каком же смысле интересный?

— В том смысле, что сегодня завершено формирование блокадного кольца. В том смысле, что через неделю Двадцатый Пограничный Флот выступает вперед к цели — в очаг сопротивления.

Риоз улыбнулся и отвернулся.

Бродриг почувствовал себя задетым...

Глава 7

ПОДКУП

Сержант Мори Люк был образцовым солдатом. Родом он был из обширного сельскохозяйственного мира системы Плеяд, где только армейским подразделениям было под силу справляться с каторжными сельскими работами. Армейская карьера его ничего выдающегося собой не представляла. Начисто лишенный эмоций, он без опаски смотрел страху в глаза. Он был по-крестьянски силен и ловок и не раз выходил победителем из нешуточных переделок. Беспрекословно выполнял приказы, с подчиненными был прост и справедлив, генералу предан беззаветно.

Тем не менее характер у него был веселый и жизнерадостный. Если ему и доводилось пускать в ход оружие по долгу службы, делал он это не задумываясь, но беззлобно.

Сержант Люк позвонил у двери, прежде чем войти, но мог бы этого и не делать — он имел полное право войти, не позвонив.

Двое узников в это время ужинали. Оторвавшись от еды, они встретили сержанта вопросительными взглядами. Тот, что был помоложе, встал, чтобы уменьшить громкость транзисторного телевизора.

— Еще книжек принесли? — поинтересовался Латан Деверс.

Сержант вытащил из кармана небольшой цилиндр с микропленкой и поскреб пятерней шею.

— Да, вот взял у инженера Орре. Надо будет вернуть. Он вроде бы собирался отправить эту штуковину своим ребятишкам. Как сувенир, понимаете?

Дьюсем Барр повертел цилиндр в руках и спросил:

— А откуда это у инженера? У него есть телевизор?

Сержант решительно замотал головой и, кивнув в сторону стоящего на полу у кровати старенького телевизора, сообщил:

— Нет, этот, что у вас, здесь единственный. Больше нет. Этот парень, Орре, значит, заполучил эту книжку в одном из этих миров, которые мы захватили, — не помню названия. Она, книжка-то, хранилась там в каком-то доме особом — одна, представляете? Ну, и ему пришлось кокнуть пару туземцев, чтобы ее заполучить.

Он оценивающе глянул на цилиндр.

— Ну, для ребятишек, наверное, в самый раз будет.

Немного помолчав, вкрадчиво добавил:

— Тут, между прочим, кое о чем поговаривают. Может, и враки, но прямо страсть как хочется вам рассказать. Наш генерал — ну, в общем, полный успех.

Он красноречиво моргнул.

— Вот как? — удивился Деверс. — А в чем успех?

С опаской оглянувшись на дверь, сержант прошептал:

— Блокада завершена, вот что! Ну, разве он не молодец? — радостно прищелкнул языком сержант. — Ведь как быстро все провернул! Один из наших, мастер красиво выражаться, сказал, что все было так красиво — ну вроде... как же он это сказал-то? А! Музыка сфер, вот как! Только я в этом все равно ни черта не смыслю.

— Теперь начнется генеральное наступление? — тихо спросил Барр.

— Наверно! — резво откликнулся сержант. — Мне бы теперь поскорее вернуться к себе на корабль. Рука-то у меня уже срослась. Чертовски надоело валяться тут на койке, разрази меня гром!

— Мне тоже, — горько вздохнул Деверс.

Сержант подозрительно поглядел на Деверса и сказал:

— Пожалуй, я пойду. Скоро капитан начнет обход. Не дай бог, тут застукает.

Дойдя до двери, Люк остановился.

— Да, кстати, сэр, — проговорил он смущенно, обратившись к торговцу, — я тут с женой разговаривал. Она говорит, что тот маленький морозильничек, что вы мне дали, чтоб я ей послал, здорово работает! Он ведь ей даром достался, а она уже успела месячный запас продуктов заморозить. Так что я очень доволен.

— Все в порядке. Не стоит благодарности.

Толстенная дверь бесшумно открылась и так же бесшумно закрылась за улыбающимся сержантом. Дьюсем Барр встал со стула.

— Ну что ж, он честно расплатился с нами за морозильник. Давайте-ка посмотрим, что же это за новая книга. Ага, названия нет...

Он отмотал около ярда пленки и посмотрел на свет. Удивленно пробормотал:

— Разрази меня гром, как выражается наш сержант! Это же «Сад Саммы», Деверс!

— Да? — лениво отозвался торговец, отодвигая в сторону тарелку с остатками ужина. — Садитесь, Барр. Я ничего не смыслю в этой вашей древней литературе. Вы слышали, что сержант сказал?

— Слышал. И что?

— Того гляди, наступление начнется! А мы тут торчим!

— А где бы вы предпочли торчать?

— Ох, только не надо... Вы прекрасно понимаете, о чем я говорю. Ждать больше нельзя!

— Нельзя? — безразлично повторил Барр, вынимая из приемника старую пленку и вставляя новую. — Послушайте, за месяц вы мне столько рассказали об истории Академии, и, знаете, у меня возникло впечатление,

что ваши прежние лидеры во время кризисов только и делали, что сидели и... ждали.

— Да, Барр, но они хотя бы знали, куда идут!

— Разве? А мне почему-то показалось, что они говорили об этом, когда все уже было позади. Причем, насколько я понимаю, большей частью так оно и было. Но нет никаких доказательств, что все пошло бы лучше и проще, если бы они знали, куда идут. Глубинные экономические и социальные процессы не могут управляться отдельными людьми.

Деверс хмыкнул.

— Да. Но нет и доказательств, что все могло пойти хуже. Вы не с той стороны смотрите. — Он прищурился. — А не прикончить ли его?

— Кого? Риоза?

— Да.

Барр вздохнул. Глаза его затуманились — видимо, вспомнил дела давно прошедших дней.

— Убийство — не выход, Деверс. Я сам однажды сделал это. То есть меня убедили, что это необходимо. Мне было двадцать лет тогда. Но я ничего не решил. Я убрал злодея из Сивенны, но от имперского ига мы не избавились. Конкретный человек не имел значения.

— Но Риоз не просто злодей, док. Он — это вся его проклятущая армия. Без него она рассыплется! Они же, как детишки, на нем висят. Вы на сержанта посмотрите — он же просто пузыри от умиления пускает, стоит ему только о генерале заговорить!

— Пусть так. Обязательно отыщутся другие армии, другие генералы. Нужно смотреть глубже. Например, существует Бродриг. Его никак нельзя сбрасывать со счетов — никто другой не имеет такой возможности шептать на ушко Императору. Он может потребовать — и получит! — сотни кораблей там, где Риоз вынужден обходиться десятком. Мне отлично известна его репутация.

— Вот как? И что же он за птица? — загорелись глаза торговца.

— Коротко? Он — наглый простолюдин, путем беспроигрышной лести проникший в окружение Императора. Его до смерти ненавидит дворцовая аристократия (сами подонки — хуже некуда), поскольку ему в равной степени плевать и на аристократов, и на простонародье. Он — советник Императора по всем вопросам и его правая рука в самых темных делишках. Он бесчестен по сути и лоялен исключительно по необходимости. В Империи вряд ли отыщется человек, более изощренный в злодействах и более грубый в развлечениях. Говорят, к Императору просто невозможно проникнуть без протекции Бродрига, а к самому Бродригу — не иначе как через унижение.

— А-га... — задумчиво пробормотал торговец, поглаживая аккуратно подстриженную бороду. — И именно этого человека Император послал сюда приглядывать за Риозом... Знаете что? У меня есть идея.

— Знаю.

— Допустим, этому Бродригу не слишком понравится наш молодой армейский божок...

— А он и так от него не в восторге. Риоз вообще мало кому нравится.

— Отлично! Допустим, дела пойдут не слишком хорошо. И Император об этом узнает. Тогда Риозу придется туговато, верно?

— Пожалуй. Весьма вероятно. Но как вы думаете это устроить?

— Пока не знаю. Может, его можно подкупить?

Патриций тихо рассмеялся.

— Наверное, можно, но только не так, как нашего милейшего сержанта. Уж никак не с помощью карманного морозильника! Но даже если вам удастся придумать что-нибудь соответствующее его уровню, вряд ли из этого что-то выйдет. Подкупить-то его, пожалуй, легче, чем кого-либо другого, но у него нет ни капли

честности для джентльменской сделки. Он *не останется* подкупленным, понимаете? Ни за какую цену. Придумайте что-нибудь еще.

Деверс закинул ногу на ногу.

— Ценная информация. Хотя...

Он замолчал, потому что вспыхнула сигнальная лампочка и на пороге снова возник сержант. Он был взволнован, круглая физиономия пылала румянцем. Вопреки обыкновению он не улыбался.

— Сэр... — начал он, изо всех сил стараясь сохранять почтительный тон. — Я вам, конечно, очень благодарен за морозильник, и вы всегда ко мне были так добры, хотя я всего-навсего сын простого крестьянина, а вы — такие важные господа...

От волнения он говорил со страшенным плеядским акцентом, и выглядел он сейчас действительно деревенщиной — куда девались всегдашняя военная выправка и четкость!

— Что случилось, сержант? — поинтересовался Барр.

— Лорд Бродриг прибывают сюда для встречи с вами! — выпалил сержант. — Для встречи с вами. Завтра! Я знаю про это, потому что капитан приказал мне приготовиться к смотру назавтра для... для его встречи! Я подумал... что должен предупредить вас.

— Спасибо, сержант. Мы вам очень признательны. Но почему вы так взволнованы? Что в этом такого...

Однако его слова нисколько не успокоили сержанта Люка. На лице его был написан страх. Срывающимся голосом он прошептал:

— Вы просто не знаете, что это за человек! Про него такое рассказывают! Он... продал душу космическому дьяволу, вот что! Говорят еще, что он ни шагу не ступит без своих телохранителей, вооруженных бластерами. И когда ему захочется, он приказывает им стрелять в любого, кто попадется, — просто так, для удовольствия. Они и стреляют, а он — он смеется! Говорят, — сержант

покосился на дверь, — что его даже Император побаивается и что он заставляет Императора повышать налоги, а что люди ропщут, про это он ему не говорит. А еще говорят, что он ненавидит нашего генерала, потому что наш генерал — такой большой и умный человек. Говорят, что он хочет его убить, но только не может этого сделать, потому что генерала все любят, а генерал знает, что лорд Бродриг — злодей и мошенник.

Сержант часто заморгал и смущенно улыбнулся, стыдясь собственной эмоциональности. И, уже пятясь к дверям, резко кивнул и закончил:

— Запомните мои слова. Будьте с ним поосторожнее.

И выскользнул за дверь...

Деверс задумчиво уставился в потолок.

— А ведь, похоже, все идет как надо, а, док?

— Все зависит, — сухо отозвался Барр, — от Бродрига.

Но Деверс не слушал. Он думал...

Лорду Бродригу приходилось то и дело пригибать голову, передвигаясь по отсекам торгового корабля. Два его вооруженных телохранителя быстро шли за ним с бластерами на изготовку и профессионально хмурыми выражениями на физиономиях записных храбрецов.

На взгляд Деверса, Личный Секретарь Императора мало походил на того продавшего душу дьяволу проходимца, каким его описал сержант. Если космический дьявол и купил его душу, то на внешности Лорда не оставил никаких признаков того, что он ею владеет. Скорее Бродриг привнес своим появлением даже некоторый дворцовый шик, ожививший мрачную скуку военной базы.

Четкие, безукоризненные линии его парадной, ловко сидящей на нем формы создавали иллюзию, что он — высокого роста, и с этой мнимой высоты его хо-

лодные, бездушные глаза взирали на торговца. Он выставил перед собой трость из слоновой кости, изящно оперся на нее. Перламутровые запонки на манжетах поблескивали.

— Нет-нет, — мягким жестом остановил он Деверса. — Оставайтесь на месте. Ваши безделушки меня не интересуют.

Он придвинул стул, тщательно стер с него пыль ослепительно белым платком и сел. Деверс искал глазами второй стул, но Бродриг лениво проговорил:

— В присутствии Пэра Империи вы должны стоять. — И улыбнулся.

Деверс пожал плечами.

— Если вас не интересует мой торговый груз, зачем вы меня сюда пригласили?

Личный Секретарь Императора молчал, и Деверс медленно добавил:

— Сэр...

— Для личной беседы. Неужели вы думаете, что я пролетел двести парсеков для того, чтобы полюбоваться на ваши побрякушки? Я на вас хотел посмотреть.

Он достал из узорчатой коробочки маленькую розовую таблетку, положил ее под язык и стал медленно посасывать.

— Например, — продолжал он, — мне бы хотелось узнать, кто вы такой? Действительно ли вы — гражданин варварского мира, из-за которого разгорелся весь этот сыр-бор?

Деверс утвердительно кивнул.

— Так... И вы действительно были захвачены в плен этим... после того, как началась эта перебранка, которую он называет войной? Я имею в виду нашего молодого генерала.

Деверс снова кивнул.

— Так! Отлично, мой прекрасный чужестранец! Как я посмотрю, вы не слишком разговорчивы. Я облегчу вашу задачу. У меня впечатление, что наш генерал ведет

здесь абсолютно бессмысленную войну с неоправданными затратами дорогостоящей энергии — и все это ради неоправданного захвата крошечной системы где-то на задворках Галактики, что для здравомыслящего человека должно, по идее, заключаться в одном-единственном метком выстреле из одного-единственного бластера. Однако нашему генералу в отсутствии логики не откажешь. Наоборот, я бы сказал, что он — очень неглупый человек. Вы улавливаете мою мысль?

— Не сказал бы, сэр.

Секретарь внимательно разглядел свои ухоженные ногти и продолжил:

— Тогда слушайте дальше. Генерал не стал бы разбрасываться людьми и кораблями исключительно ради боевой славы. Мне известно, что говорит он именно о славе и имперской чести, но не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что весь этот пафос гроша ломаного не стоит. Что-то здесь другое... К тому же он проявляет к вам странное, непонятное милосердие. Если бы вы были в плену у меня и сказали мне так же мало, как ему, я бы уже давно распорол вам живот и подвесил вас на ваших собственных кишках.

Деверс сохранял спокойствие. Взгляд его остановился по очереди на бульдожьих физиономиях телохранителей Бродрига. Да, они были наготове...

Секретарь криво улыбнулся.

— Да, вы просто потрясающе немногословны. Если верить генералу, даже психотест у вас ничего не вызвал. И это было большой ошибкой с его стороны — именно это и заставило меня усомниться в том, что наш молодой военный гений говорит правду.

Похоже, у Бродрига поднялось настроение.

— Благородный торговец, — продолжал он, улыбаясь. — У меня есть собственный прибор для психотеста, и он вам как нельзя лучше подойдет. Взгляните-ка...

Между большим и указательным пальцами левой

руки Бродрига была зажата пачка розовато-желтых шестиугольников.

— Похоже на деньги... — пробормотал Деверс.

— Деньги и есть. Причем деньги верные — они обеспечены моей недвижимостью, а поместий у меня больше, чем у самого Императора. Сто тысяч кредиток. Все здесь! Они ваши.

— За что, сэр? Я честный торговец, но не вижу предмета сделки.

— За что? За правду! Чего хочет генерал? Почему он ведет эту войну?

Латан Деверс вздохнул, нахмурился, погладил бороду...

— Чего он хочет?.. — задумчиво повторил он, поглядывая, как длинные пальцы Бродрига пересчитывают кредитки. — Если коротко — имперской короны.

— Хм-м... Как просто! В конце концов все всегда сводится к этому. Но как? Это какая же такая дорога ведет с задворок Периферии прямо к Императорскому Олимпу?

— Академия, — скорбно вздохнул Деверс, — владеет множеством тайн и секретов. У них есть много книг — старых книг, таких старых, что язык, на котором они написаны, знают всего несколько человек. И все эти тайны скрыты под оболочкой ритуалов и религии, и простой смертный не может ими воспользоваться. Я однажды попытался... Теперь я здесь, а там меня ожидает смертный приговор.

— Ясно. А что это за древние тайны? Полагаю, за сто тысяч кредиток я имею право на подробности.

— Трансмутация элементов! — выпалил Деверс.

Секретарь прищурился. Он был явно удивлен.

— Вот как? Но мне говорили, что практическое осуществление трансмутации по законам ядерной физики невозможно!

— Да, если используется ядерная энергия. Но в Академии народ способный подобрался. Им известны ис-

точники энергии более мощные, чем ядерная. Если Академия пользуется такими источниками, то...

Деверс почувствовал, как у него засосало под ложечкой. Да, он верно выбрал наживку, и рыбка ее почуяла...

Бродриг поторопил его:

— Продолжайте. Я все понял. Уверен, что генерал знает обо всем этом. Вот только... что он собирается предпринять, когда закончится вся эта буффонада?

Деверс твердо, уверенно ответил:

— Владея секретом трансмутации, он возьмет под контроль всю экономику Галактики. Минеральные ресурсы не будут стоить ни гроша — ведь Риоз будет иметь возможность производить вольфрам из алюминия и иридий — из железа. И вся экономика, основанная на недостатке где-то одних элементов и избытке других, прикажет долго жить. Наступят величайший хаос и разъединение за всю историю Империи, и прекратить их под силу будет только Риозу. Вот какую власть обретет Риоз, если учесть, что религиозные предрассудки его ни капельки не волнуют. Теперь его ничто не остановит. Он сел Академии на шею, и через два года после того, как покончит с ней, станет Императором.

— Так... — Бродриг неожиданно повеселел. — Значит, иридий из железа, так вы сказали? А хотите, торговец, я вам раскрою государственную тайну? Да будет вам известно, что у генерала уже были встречи с правительством Академии.

По спине у Деверса пробежали мурашки...

— Вы удивлены? А почему бы и нет? По-моему, это вполне логично. Нам известно, что они предлагали ему сотни тонн иридия в год, чтобы он их оставил в покое. Вернее — сотни тонн железа, превращенного в иридий в нарушение всех религиозных установок, ради спасения собственных шкур. Вот так. И совершенно неудивительно, что наш неподкупный генерал отказался, — он ведь может получить и иридий, и Империю. А наш

бедный Клеон еще называл его одним из самых честных генералов! Мой благородный торговец, вы заслужили свои деньги!

С этими словами он бросил кредитки на пол. Деверс торопливо подобрал их.

У двери Бродриг обернулся.

— Один совет, торговец. Вы, конечно, можете считать, что мои ребятки с бластерами лишены ушей, языков, мозгов... Они, и правда, не слышат, не разговаривают и не имеют понятия о том, что такое психотест. Зато они весьма, весьма искушены в изощренных пытках. Я купил тебя, парень, за сто тысяч кредиток и полагаю, что совершил выгодную сделку. От тебя нужно только одно — забыть навсегда, что ты получил от меня какие-то деньги. Не дай тебе бог заикнуться Риозу о нашем разговоре! Ты тут же отправишься на тот свет! Причем так, как я умею это делать.

В одно мгновение тонкое, аристократическое лицо Секретаря стало жестким, злым. Губы, вытянутые в дежурную, искусственную улыбку, превратились в красный, отвратительный шрам поперек лица. Деверс поймал себя на мысли, что вот сейчас на него глазами Бродрига смотрит тот, кто раньше купил его самого...

Под дулами бластеров телохранителей Бродрига он молча проследовал в свою комнату.

На вопрос Дьюсема Барра он ответил с задумчивым удовлетворением:

— Нет. И это — самое потрясающее. Это он подкупил меня!

...Два месяца тяжелой войны не прошли даром для Бела Риоза. Он как-то осунулся, согнулся под грузом проблем, стал вспыльчив.

Он раздраженно приказал подобострастно взиравшему на него сержанту Люку:

— Ждите снаружи, сержант. Отведите этих людей

назад в их комнату, когда мы тут закончим. Никому не входить без моего разрешения. Никому, поняли?

Сядьте, — бросил он пленникам. — У меня мало времени. Честно говоря, я бы сюда не прилетел, если бы не необходимость вас повидать.

Он повернулся к Дьюсему Барру, вертевшему в руках хрустальный кубик, в котором красовался голографический бюстик Его Императорского Величества.

— Во-первых, патриций, — начал генерал, — должен вам сообщить, что ваш Селдон проигрывает. То есть не совсем так — бьется он здорово. Эти вояки из Академии носятся, как очумелые пчелы, и дерутся как сумасшедшие. Планеты защищаются отчаянно, а после того, как мы их захватываем, на каждой из них тут же вспыхивают мятежи, подавлять которые почти так же трудно, как и захватить планету. Но как бы то ни было, мы их захватываем и удерживаем. Так что, повторяю — проигрывает ваш Селдон.

— Но пока не проиграл, — тактично уточнил Барр.

— У самой Академии оптимизма поменьше, чем у вас. Они предлагают мне миллионы только ради того, чтобы я окончательно не разгромил вашего беднягу Селдона!

— Я слышал об этом.

— Значит, слухи меня опередили? Отлично! Ну и что же тут говорят о последних событиях?

— Смотря что вы имеете в виду.

— Я имею в виду лорда Бродрига, любимчика Императора. Он ведь теперь стал вторым Главнокомандующим — сам напросился.

Тут Деверс впервые подал голос.

— Сам, босс? Как это? Или он вам стал нравиться?

— Нет, не сказал бы, — спокойно отозвался Риоз. — Он просто купил себе эту должность за честную и высокую цену.

— То есть?

— За запрос Императору о подкреплении.

Ироничная улыбка Деверса стала шире.

— Значит, он все-таки связался с Императором, да? Надо понимать, генерал, подкрепление прибудет со дня на день, так?

— Нет. Не так. Они уже прибыли. Пять мощнейших, маневренных линкоров и личное послание от Императора с пожеланиями успехов. А на пути к нам — еще корабли. Что это вы так расстроились, торговец?

— Ничего... — отозвался Деверс похолодевшими губами.

Риоз вышел из-за стола и встал перед торговцем, положив ладонь на приклад бластера.

— Я спрашиваю, что это вы так расстроились? Новость вам явно не по вкусу! А вы говорили, что судьба Академии вас не слишком волнует?!

— Говорил.

— Да... Что-то все-таки есть в вас непонятное, — процедил сквозь зубы Риоз.

— Вы так думаете, босс? — слабо улыбнулся Деверс и сунул руки в карманы куртки. — А вы скажите, что вам непонятно, а уж я как-нибудь постараюсь объяснить.

— Вот-вот. Хватит дурачиться, торговец. Непонятно вот что: вы были захвачены в плен потрясающе легко — сдались при первой же угрозе. Даже защитное поле не включили. Вы без сожаления готовы предать свой мир, причем без всякого вознаграждения. Интересно, не правда ли?

— Просто хотелось бы остаться на стороне победителя, босс. Я же неглупый человек, вы сами сказали.

Риоз раздраженно, хрипло выпалил:

— Ладно! Только почему-то с тех самых пор мы не захватили в плен ни одного торговца. Торговые корабли имеют такую скорость, что спокойно могут удрать в случае чего. Все до одного эти корабли оборудованы защитным полем такой интенсивности, что отлично могут закрыться от легкого крейсера. Но уж если стычки

возникали, все до единого торговцы дрались как звери — все до единого! Кроме того, мы выяснили, что торговцы часто стояли во главе партизанских движений на оккупированных планетах и организовывали вылазки в занятых нами секторах космоса.

Это что же выходит — вы один такой неглупый человек? Вы и не сражались, и не удирали, а сразу взяли и стали предателем, хотя вас никто об этом не просил. Вы уникальны — просто потрясающе уникальны! Я бы сказал больше — вы подозрительно уникальны!

Деверс мягко возразил:

— Я понимаю, что вы хотите сказать, но фактов у вас нет никаких, босс. Я пробыл у вас шесть месяцев и вел себя паинькой.

— Да, это так, и я отплатил вам хорошим обращением. Я оставил в целости и сохранности ваш корабль, и вам оказывались всяческие милости. Однако вы недотянули. Добровольная информация, например, о том, как устроены приспособления, которыми набит ваш корабль, была бы весьма в вашу пользу. Это я к тому, что принцип их действия с большой вероятностью может применяться в некоторых видах оружия, используемого Академией.

— Я простой торговец, — попытался возразить Деверс, — а не инженер. Я ведь только торгую этими штуками, а не делаю их.

— Ну, это мы скоро выясним. Для этого я сюда и прилетел, собственно говоря. К примеру — в ближайшее время ваш корабль будет обыскан до последнего винтика на предмет обнаружения источника персонального защитного поля. Вы им ни разу не воспользовались, в то время как оно есть у каждого солдата флота Академии. Найдем — будет ясно, что вы чего-то недоговариваете. Понятно?

Ответа не последовало. Генерал удовлетворенно продолжал:

— Но я получу и более прямые доказательства.

Я привез с собой новый прибор для проведения психотеста. Однажды тест не удался, но, когда общаешься с врагом, век живи — век учись.

В голосе генерала нарастали угрожающие нотки. Деверс почувствовал, как холодное дуло бластера уперлось ему в живот. Риоз хладнокровно отчеканил:

— А теперь ты снимешь свой браслет и все остальные металлические побрякушки, которые у тебя есть, и отдашь мне. Спокойно! Не двигаться! Думал, я глупее тебя? Конечно, атомное поле можно исказить, а психотест действует только в условиях статики. Так-то.

Но в это время около письменного стола генерала замигал сигнал и в приемник почты упала капсула. А около приемника стоял Барр, все еще сжимая в руке кубик с изображением Императора...

Риоз отступал к столу, держа бластер на изготовку. Он приказал Барру, не глядя на него:

— И вы тоже, патриций. Ваш браслет выдал вас. Раньше вы были нужны мне. Я не мстителен, но судьба вашей семьи, видит бог, будет зависеть от результатов психотеста!

Риоз согнулся, протянул руку к приемнику почты, чтобы взять капсулу. Но в это мгновение рука Барра с зажатым в ней кристаллом поднялась и опустилась на голову генерала.

Это случилось настолько внезапно, что даже Деверс был ошеломлен. Тихий, миролюбивый патриций в одно мгновение превратился в карающего демона!

— Бежать! — хрипло выкрикнул Барр. — Быстро!

Он выхватил бластер из безжизненно повисшей руки Риоза и спрятал его под блузу.

Стоявший у двери сержант Люк резко обернулся, когда они выскользнули в коридор.

Барр хладнокровно приказал:

— Вперед, сержант.

Деверс закрыл за собой дверь.

Люк, ничего не понимая, пошел вперед по коридору по направлению к комнате пленников, но вынужден

был идти дальше, поскольку его спины коснулся холодный металл бластера, а прямо в его ухо голос Деверса, не допускающий возражений, проговорил:

— К торговому кораблю!

...Деверс обогнал спутников, чтобы открыть входной люк, а Барр сказал:

— Стойте где стоите, сержант. Вы были добры к нам, и нам не хотелось бы вас убивать.

Тут сержант разглядел монограмму на прикладе бластера и яростно вскричал:

— Вы... убили генерала!

В диком, неосознанном порыве он бросился вперед, прямо под пучок лучей, и на пол упала обугленная, бесформенная масса, всего лишь секунду назад бывшая сержантом Люком...

Торговый корабль успел подняться над поверхностью планеты до того, как отчаянно замигали и завыли сигналы тревоги, и устремился к центру Галактики.

Деверс угрюмо проговорил:

— Держитесь покрепче, Барр. А мы сейчас посмотрим, найдется ли у них корабль, который сможет догнать мое старое корыто!

Он отлично знал: такого корабля нет!

Когда они уже были в открытом космосе, торговец усталым, убитым голосом промолвил:

— Похоже, я оказал Бродригу чересчур хорошую услугу. Теперь он заодно с генералом.

Корабль быстро удалялся в черные глубины Галактики...

Глава 8

К ТРЕНТОРУ

Система связи молчала... Маленькая полусфера на пульте управления была темна и безжизненна. Система контроля направления полета медленно, методично обшаривала пространство тонкими пучками лучей.

Барр, расположившись в низком кресле в углу кабины, с состраданием поглядывал на Деверса. Наконец он осторожно спросил:

— Похоже, они безнадежно отстали?

— Имперские черепахи? Давно! — махнул рукой Деверс. — Беспокоит меня не это. Просто удивительно, как это мы, совершая прыжки через гиперпространство вслепую, до сих пор не врезались в какую-нибудь звезду. А они за нами не угнались бы, даже если бы обнаружили нас. Но они нас не обнаружили.

Он откинулся в кресле и рывком расстегнул воротник.

— Вообще непонятно, чем эти имперские бездельники тут занимаются. В их пресловутой Блокаде полным-полно прорех!

— Вы хотите направиться к Академии?

— Пока я пытаюсь связаться с Ассоциацией. Но, увы, — без толку.

— С Ассоциацией? Кто это такие?

— Ассоциация Независимых Торговцев. Вы о ней не слыхали? Ну, не вы один. Просто мы еще не успели себя показать как следует.

Наступила пауза. Индикатор приема по-прежнему молчал.

— А мы в пределах досягаемости для связи? — спросил Барр.

— Не знаю. У меня нет ни малейшего понятия о том, где мы находимся. Я двигаюсь наугад. Вот почему пришлось прибегнуть к контролю направления. Так можно годами болтаться...

— Да? — Барр указал пальцем на замигавший индикатор. Деверс вздрогнул, быстро надел наушники. Внутри маленькой темной полусферы загорелась крошечная белая точка.

В течение получаса Деверс безуспешно пытался наладить связь через гиперпространство между двумя точ-

ками, расстояние между которыми обычный свет преодолел бы не раньше чем через пятьсот лет.

Наконец он устало откинулся на спинку кресла, помотал головой и снял наушники.

— Давайте-ка лучше поедим, док. Если хотите, можете принять массажный душ. Но горячей воды скорее всего нет.

Деверс встал, прошелся вдоль стенки кабины и остановился у одного из многочисленных шкафчиков. Открыл дверцу и заглянул внутрь.

— Надеюсь, вы не вегетарианец?

— Я всеяден, — улыбнулся Барр. — И все-таки насчет Ассоциации. Значит, связаться с ними невозможно?

— Похоже на то. Наш сигнал не дошел. Но это не важно. Честно говоря, я это предвидел.

Он выпрямился и поставил на стол два металлических контейнера.

— Через пять минут, док, нажмите вот тут. Будет вам и тарелка, и еда, и вилка — очень удобно, когда торопишься и когда не до такой роскоши, как салфетки. Вам, наверное, интересно, что я узнал в Ассоциации раньше?

— Если это не секрет.

Деверс покачал головой.

— Для вас — не секрет. То, что сказал Риоз, — чистая правда.

— Это насчет того, что ему выкуп предложили?

— Ага. Они предложили, а он отказался. Все точно. Так что — дело плохо. Сейчас идет сражение в районе внешних солнц Лориса.

— А Лорис далеко от Академии?

— А? Да, вы же не знаете! Это — одно из бывших Четырех Королевств. Можно считать его участком внутренней линии обороны. Но это не самое худшее. Им там никогда раньше не приходилось иметь дело с большими кораблями. Риоз не соврал. Он действительно получил подкрепление. Бродриг действительно пере-

метнулся на его сторону, а я действительно спутал их карты.

Взгляд Деверса был мрачен. Он коснулся пальцем контактной точки на контейнере. Тот бесшумно раскрылся. Еда, по виду напоминавшая жаркое, аппетитным ароматом наполнила кабину. Дьюсем Барр уже жадно поглощал свою порцию.

— Итак, — подытожил Барр, — нам ничего не остается, как только импровизировать. Здесь нам делать нечего, прорваться через окружение к Академии мы не можем. Самое разумное — спокойно ждать. Однако, если Риоз действительно прорвался к внутренней линии обороны, ждать нам придется недолго.

Деверс отложил вилку.

— Ждать, говорите? — буркнул он, сверкнув глазами. — Вас это, возможно, устраивает. Вы же ничего не поставили на карту!

— Вот как? — грустно улыбнулся Барр.

— Да! Знаете, что я вам скажу? — Раздражение Деверса рвалось наружу. — Я зверски устал от того, что мы как будто в микроскоп разглядываем все, что происходит. Там умирают мои товарищи. Там гибнет мой мир, мой дом. Вы — посторонний. Вы не можете понять.

— Я тоже видел, как погибали мои товарищи, — проговорил старик, обхватив руками колени и прикрыв глаза. — Вы женаты?

— Торговцы не женятся, — ответил Деверс.

— Ну а у меня двое сыновей и племянник. Они предупреждены, но по ряду причин сделать ничего не могут. Наш побег означает их смерть. Дочь с внуками, надеюсь, успели покинуть планету заранее, но даже если не считать их, я уже успел рискнуть гораздо большим, чем вы.

Деверс немного смутился, но раздражение его не прошло.

— Знаю. Но у вас был выбор. Вы могли остаться и

продолжать играть в «крестики-нолики» с генералом! Я вас не просил...

Барр покачал головой.

— Не было у меня выбора, Деверс. Ваша совесть чиста. Я рисковал жизнью своих сыновей не ради вас. Я был с Риозом до тех пор, пока это было нужно. Напомню вам, нам грозил психотест.

Сивеннианец поднял глаза. Они были полны боли и горечи.

— Риоз впервые пришел ко мне год назад. Он расспрашивал меня о том культе, который возник вокруг слухов о волшебниках. Но правды он не узнал. Это не совсем культ. Понимаете, уже сорок лет Сивенна томится под игом, которое теперь угрожает вашему миру. Пять мятежей вспыхнули за эти годы, все пять были жестоко подавлены. Потом я нашел древние упоминания о Гэри Селдоне, и теперь так называемый «культ» ждет своего часа.

Наши люди ждут возвращения «волшебников». Они готовы к этому. Тех, кто ждет, возглавляют мои сыновья. Этой тайны в моем сознании не должен был коснуться психотест. А теперь они должны погибнуть как заложники! В противном случае они были бы казнены как мятежники, и вместе с ними — половина населения Сивенны. Так что, как видите, — выбора у меня не было. И я — не посторонний!

Деверс опустил глаза, а Барр продолжал:

— Сивенна всей душой надеется, что Академия победит. Ради этой победы я пожертвовал жизнью сыновей. А ведь Селдон не предсказал неизбежного освобождения Сивенны, как предсказал победу Академии. У меня нет никакой уверенности в судьбе моих соотечественников — только надежда!

— И все-таки вы предпочитаете ждать! Ждать, когда имперский флот уже в Лорисе!

— Руку на сердце положа, — просто сказал Барр, —

я бы ждал, даже если бы они уже высадились на самом Терминусе.

Торговец нахмурился.

— Ну, не знаю... Я так не могу. В чудеса я не верю. Психоистория или что другое — но они чертовски сильны, а мы слабы. Что с этим может поделать Селдон?

— Поделать — ничего. Все уже сделано. И сейчас продолжает совершаться. То, что вы не слышите, как крутятся шестеренки и звонят колокола курантов истории, не означает, что ничего не происходит.

— Может быть. Только, мне кажется, было бы лучше, если бы вы не просто оглушили Риоза, а отправили его на тот свет. Он — более опасный враг, чем вся его армия.

— Лучше? Вы так думаете? Это при том, что вторым Главнокомандующим является Бродриг? — Лицо Барра исказила гримаса ненависти. — Тогда в заложниках оказалась бы вся Сивенна! Бродриг давно показал, на что способен. Есть один мир, который пять лет назад потерял каждого десятого жителя — только потому, что отказался платить повышенные налоги. А налоги ввел не кто иной, как Бродриг. Нет, пусть уж лучше Риоз живет! Он просто ангел по сравнению с Бродригом.

— Но шесть месяцев, шесть месяцев — на вражеской базе и — никакого толку! — простонал Деверс, до хруста сжав пальцы в кулаки. — Никакого толку!

— Ну-ка, ну-ка, постойте! Вы мне напомнили... — Барр пошарил в кармане. — Может быть, вас хоть сколько-нибудь утешит вот это?

Он положил на стол маленький серебристый шарик.

Деверс рассеянно взял его.

— Что это?

— Капсула с донесением. Та, что пришла Риозу как раз перед тем, как я его стукнул. Может, она нам чем-нибудь поможет?

— Не знаю. Все зависит от того, что в ней.

Деверс уселся поудобнее и стал внимательно разглядывать шарик.

Когда Барр вышел из-под холодного душа и с удовольствием согрелся под теплыми струями воздуха, он застал Деверса сидящим за пультом в глубочайшем раздумье. Сивеннианец, похлопывая себя ладонями, чтобы окончательно согреться, поинтересовался:

— Ну, чем вы тут занимаетесь?

Деверс поднял на него глаза, метавшие молнии. В бороде его сверкали капельки пота.

— Пытаюсь открыть эту капсулу, будь она проклята!

— А разве ее можно открыть, не зная персонального кода Риоза?

— Если я не смогу ее открыть, я подам в отставку, уйду из Ассоциации и никогда в жизни не ступлю на борт корабля! Я уже трижды прощупал ее электронную схему с помощью разных видов электронного анализа. У меня для этого есть специальные устройства, которые Империи неизвестны, а в Академии разработаны именно для вскрытия капсул. Я ведь раньше был взломщиком, если честно. Торговцу приходится знать обо всем понемногу.

Он снова склонился над капсулой. Маленький тонкий инструмент слегка коснулся поверхности шарика. Все контакты засветились.

— А капсула-то грубовато сработана, — вскользь отметил он. — Эти мудрецы из Империи ни хрена не смыслят в таких вещах. Видели хоть раз капсулы производства Академии? Они примерно вполовину меньше и, что самое главное, — не поддаются электронному анализу.

Он напрягся, мускулы напружинились под тонкой тканью куртки. Маленький тестер еще раз коснулся шарика...

Шарик бесшумно раскрылся. Донесение развернулось, как высохший пергамент. Деверс устало и облегченно вздохнул.

— Это от Бродрига, — сообщил он и презрительно добавил: — Да... Еще и носитель информации не разлагается... В наших капсулах сообщение через минуту окисляется до газообразного состояния.

Дьюсем Барр знаком остановил его и быстро пробежал глазами донесение:

«ОТ АММЕЛЯ БРОДРИГА, ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ПОСЛА ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, СЕКРЕТАРЯ ИМПЕРСКОГО СОВЕТА, ПЭРА ИМПЕРИИ, —

БЕЛУ РИОЗУ, ВОЕННОМУ ГУБЕРНАТОРУ СИВЕННЫ, ГЕНЕРАЛУ ИМПЕРСКОГО ФЛОТА, ПЭРУ ИМПЕРИИ.

ПРИВЕТСТВУЮ ВАС.

ПЛАНЕТА 1120 ЗАХВАЧЕНА. ПЛАН НАСТУПЛЕНИЯ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ БЕЗ ОСЛОЖНЕНИЙ. ПОТЕРИ ВРАГА ЗНАЧИТЕЛЬНЫ. ЗАДАЧА БЛИЗКА К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ».

Барр оторвал взгляд от мелкого шрифта и в отчаянии прокричал:

— Идиот! Старый дурак! Разве это — донесение?!

— А? — вяло откликнулся Деверс. Он тоже был не на шутку разочарован.

— Да это же хуже, чем ничего! — безнадежно махнул рукой Барр. — Наш обожаемый сановник теперь действительно играет на генерала! Убрав Риоза, он станет Верховным Главнокомандующим! Пока же он тешит свою пустую душонку тем, что отправляет ему помпезные донесения о военных победах, к которым не имеет ни малейшего отношения. «Такая-то и такая-то планета захвачена». «Наступление продолжается по намеченному плану». «Потери врага значительны». Надутый петух!

— Постойте, Барр! Минуточку! Дайте-ка...

— Выбросьте это в мусоросборник!

Старик отвернулся, не зная, куда деваться от стыда и досады.

— Клянусь, я не ждал, что там окажется что-то из ряда вон выходящее! Но во время войны стоит предполагать, что даже самое пустяковое донесение, не доставленное в срок, может повлиять на ход военных действий и привести хоть к каким-то осложнениям. Вот почему я взял капсулу! О, господи! Лучше бы я ее не брал! Тогда бы Риоз хоть минуту своего драгоценного времени потратил на чтение этой цидульки. Теперь-то он, как пить дать, употребит его на что-нибудь более существенное...

Деверс встал.

— Послушайте, патриций, перестаньте, ради бога, ходить из угла в угол! Можете остановиться?

Он поднес крошечный листочек с донесением к самому носу Барра.

— Да прочтите же еще раз! Что это он имеет в виду под словами «Задача близка к осуществлению»?

— Захват Академии, конечно!

— Да? А может быть, Империи? Вы же знаете, он верит, что его задача именно такова!

— И что?

— И что?

Улыбка Деверса утонула в бороде.

— Погодите... Сейчас покажу...

Ловким движением он убрал подписанное изысканной монограммой Бродрига донесение обратно в капсулу. Легкий щелчок — и капсула закрылась — будто ее и не открывали. Внутри раздался едва слышный шум — система контроля совершала обратный ход.

— Итак, вы утверждали, что открыть эту капсулу невозможно, не зная персонального кода Риоза. Так?

— В Империи — невозможно.

— Следовательно, содержание донесения нам неизвестно и абсолютно подлинно?

— Для Империи — да.

— Но Император может ее раскрыть, верно? Персональные коды всех офицеров имперского флота наверняка внесены в компьютерные файлы. Во всяком случае, в Академии такая практика.

— В имперской столице тоже, — подтвердил Барр.

— Следовательно, когда вы, патриций Империи и Пэр Империи, докажете этому Клеону, вашему Императору, что его любимый ручной попугайчик и самый верный и храбрый из его генералов снюхались, чтобы скинуть его, и вручите ему эту капсулу как вещественное доказательство, как он поймет, какая такая «задача» Бродрига близка к завершению, а? Ну, смелее!

Барр помотал головой.

— Подождите... Я не совсем понял... Вы ведь это несерьезно? — спросил он, потирая ладонью щеку.

— Абсолютно серьезно! — выпалил Деверс. Распаляясь все больше, он продолжал: — Послушайте! Девять из десяти ваших последних Императоров отправились на тот свет не без помощи своих верных генералов. У всех этих генералов были наполеоновские планы. Вы же сами мне об этом рассказывали! И не раз! Да старикашка Клеон поверит нам сразу, и голова Риоза очень скоро полетит с плеч!

— Да, он серьезно... — прошептал Барр в сторону и продолжил, повернувшись к Деверсу лицом: — Ради всего святого, поймите, что селдоновский кризис нельзя преодолеть с помощью этой притянутой за уши нереальной, детективной дешевки! Ну, представьте, что нам в руки не попала капсула. Представьте, что Бродриг не закончил донесение фразой «Задача близка к осуществлению». План Селдона не учитывает таких мелочей, такого дикого везения!

— Но все-таки, уж если нам так дико повезло, разве есть законы, которые говорят о том, что Селдон не воспользовался бы такой удачей?

— Ну, в общем-то, нет, но... но...

Барр замолчал, потом заговорил более спокойно, но с очевидным напряжением:

— Ну, например, во-первых: как вы доберетесь до Трентора? Вы не знаете даже его координат, а я их просто не помню, не говоря уже об эфемеридах. Вы даже собственных координат не знаете!

— В пространстве заблудиться невозможно, — хмыкнул Деверс. Он был уже у пульта управления. — Отправимся на ближайшую планету, а оттуда улетим со всем, что нам необходимо, и в придачу — с самыми лучшими навигационными картами. Не забывайте, что у нас с собой — сто тысяч кредиток!

— Вот именно, с картами! И в наручниках. Да наши портреты уже разосланы по всем планетам этого сектора Империи!

— Док, — спокойно сказал Деверс. — Не будьте занудой. Риоз сказал, что мой корабль подозрительно быстро сдался, — и он не шутил. У моего корабля хватит энергии и огневой мощи, чтобы превратить в космическую пыль все, что мы встретим на своем пути. Кроме того, у нас есть персональные защитные поля. Пронырыиз Империи их не нашли, но это не значит, что их нет.

— Ну, ладно, ладно, — махнул рукой Барр. — Допустим, мы на Тренторе. Как вы собираетесь попасть к Императору? Вы что, думаете, у него есть приемные часы?

— А об этом поразмыслим, когда будем на Тренторе!

Барр беспомощно развел руками.

— Ну что ж, будь по-вашему. Честно говоря, я уже пятьдесят лет мечтаю побывать на Тренторе. А то так и умру — не увижу.

Гиперядерный двигатель заработал... Мигали огни... Деверс и Барр ощутили легкий толчок, означавший, что корабль совершает прыжок через гиперпространство...

Глава 9

НА ТРЕНТОРЕ

Звезд — что сорняков на непрополотом поле. Латан Деверс наконец увидел на табло цифры справа от нуля — они были крайне важны для расчета траектории полета через гиперпространство. То, что приходилось совершать прыжки на расстояния не более одного светового года, терзало его, как клаустрофобия. Небеса,

озаренные мертвенным светом неизвестных звезд, пугали своей суровостью.

В центре звездного скопления, в котором было не меньше десяти тысяч светил, озарявших своим сиянием непроглядную черноту, вращалась громадная имперская планета — Трентор.

Это была не просто планета — это было в полном смысле слова сердце Империи, биение которого передавалось двадцати миллионам звездных миров. У Трентора была единственная функция — контроль, единственная задача — правление, единственный продукт производства — законы.

Трентор, огромный мир, функционировал как одно целое. Население планеты составляли люди, домашние животные и их паразиты. Ни единой полоски травы, ни единого участка открытой почвы невозможно было отыскать за пределами ста квадратных миль, занятых Императорским Дворцом. Проточной воды, кроме как за стенами, окружавшими дворец, тоже не было видно — она хранилась в огромных подземных цистернах — запас для всей планеты.

Сверкающий, прочнейший, нержавеющий металл, покрывавший всю поверхность планеты, был основанием, на котором возвышались величественные металлические постройки, лабиринты которых покрывали всю планету. Здания были связаны между собой переходами; от переходов змеились во все стороны бесчисленные коридоры, размещались бесчисленные учреждения. На нижних этажах располагались многочисленные торговые центры, занимавшие участки площадью в несколько квадратных миль, а на верхних — развлекательные центры, яркие огни которых призывно загорались по вечерам.

Можно было запросто, войдя в одно из зданий, так и не выйти на поверхность...

Армады кораблей, число которых было никак не меньше, чем во всем Имперском Флоте, доставляли на

Трентор ежедневно многотонные грузы, чтобы прокормить сорок миллионов людей, которые ничего не давали Империи взамен. Каждый день они занимались одним и тем же: распутывали мириады нитей, ведущих к Верховному Правительству — самому многочисленному и сложному по структуре из всех, что знала Галактика.

Двадцать сельскохозяйственных миров были огородом и садом Трентора. Вся Галактика была его прислугой.

...Крепко сжатый металлическими лапами торговый корабль был мягко опущен на высокий пандус, ведущий к ангару. Деверс уже вкусил «радостей» общения с представителями мира, где доверяли только бумажкам, и был ознакомлен со священным принципом «заполнения форм в четырех экземплярах».

Для начала их остановили на подлете к Трентору, где они должны были ответить на первую из ста последующих анкет. Они прошли сотни перекрестных обследований, тестирование, характерологическое обследование, позднее продублированное; корабль был сфотографирован, обыскан на предмет наличия контрабанды, была уплачена иммиграционная такса, и, наконец, их попросили предъявить паспорта и визы.

Дьюсему Барру было проще: он был сивеннианцем, подданным Императора, а Латан Деверс — неизвестным без необходимых документов.

Дежурный таможенник, изобразив на лице сожаление, сообщил Деверсу, что он не имеет права пропустить его, а, наоборот, вынужден задержать до выяснения личности.

Но тут, откуда ни возьмись, появились новенькие блестящие кредитки и быстро перешли из рук в руки. Чиновник с деловым видом убрал деньги, и сожаление тут же покинуло его физиономию. Из соответствующего ящичка был извлечен на свет новый бланк, который был быстро и аккуратно заполнен, а к нему были при-

ложены документы, удостоверяющие личность Деверса, — все как надо, комар носа не подточит.

Два человека — торговец и патриций — ступили на Трентор...

А в ангаре в это время до мельчайших подробностей обследовали их корабль — его фотографировали, просвечивали, переписывали грузы, снимали копии с идентификационных карточек пассажиров. За все это были уплачены солидные суммы налогов.

Теперь наконец Деверс отдыхал на высокой открытой террасе под лучами ярко-белого солнца. Мимо него прогуливались весело болтавшие дамы, смеясь, бегали дети. Мужчины лениво потягивали спиртное и поглядывали на экраны огромных телевизоров, передававших имперские новости.

Барр уплатил положенное количество иридиевых монет и купил последний номер пухлой газеты. Это были издававшиеся на Тренторе «Имперские Новости» — официальный орган правительства. В дальней части информационного салона мягко пощелкивали трудолюбивые машины, на которых печатались другие издания. Редакция «Имперских Новостей» располагалась за десять тысяч миль отсюда — добраться до нее можно было по длиннющему коридору. Десять миллионов копий одновременно печатались в это время в десяти миллионах таких же салонов по всей планете.

Барр пробежал глазами заголовки и тихо спросил:

— Ну, с чего начнем?

Деверс встрепенулся. Он находился так далеко от родного дома, в мире, убивавшем его своей сложностью, запутанностью, среди людей, чье поведение ему было так же мало понятно, как язык, на котором они говорили. Зрелище сияющих металлических башен, окружавших его и простиравшихся вокруг насколько хватал глаз, угнетало его. Вся суетная, безостановочная жизнь метрополии повергали его в жуткую тоску, вызывая

чувство одиночества, собственной пигмейской беспомощности.

— Придумайте что-нибудь сами, док, — вяло отозвался Деверс.

Барр понимающе кивнул.

— Я пытался рассказать вам, но в это трудно поверить, пока не увидишь своими глазами. Я вам искренне сочувствую. Знаете, сколько людей в день мечтает увидеть Императора? Около миллиона. А знаете, скольких он принимает? Не более десяти. Тут нам придется иметь дело с гражданскими чиновниками, а это еще хуже. Причем с аристократами вообще вряд ли что удастся.

— Но у нас еще такая куча денег!

— Один-единственный Пэр Галактики будет стоить как раз такую сумму. А для того чтобы навести мостик к Императору, придется подкупить троих-четверых. Можно, правда, попробовать обойтись чинами пониже — председателями Комиссий, главными наблюдателями — их нам для той же цели потребуется не меньше пятидесяти, и каждый обойдется примерно в сотню. Переговоры придется вести мне. Мне — потому что, во-первых, они не поймут вашего диалекта, во-вторых, — вам неизвестен тонкий этикет придворного взяточничества. Это хитрая наука, поверьте! Ох...

На третьей странице «Имперских Новостей» было то, что искал Барр. Он передал газету Деверсу.

Деверс читал медленно. Язык был непривычен, но смысл он все-таки уловил. Оторвав взгляд от газеты, он сердито ударил ладонью по листу.

— Что, этому можно доверять?!

— В определенной степени, — пожал плечами Барр. — Весьма маловероятно, чтобы они уничтожили весь флот Академии. Думаю, они уже не первый раз печатают подобное вранье. Если они прибегли к обычной практике освещения военных событий — объективности ждать не приходится. Скорее всего это означает, что Риоз выиграл еще одно сражение. Это больше похо-

же на правду. Надо понимать, он захватил Лорис. Это что, главная планета Королевства Лорис?

— Да, — пробурчал Деверс. — Или того, что было когда-то Королевством Лорис. А оттуда до Академии меньше двадцати парсеков. Док, нам нужно торопиться!

— На Тренторе быстро не получится. Поспешишь — получишь в лоб из бластера, вот и все.

— И сколько же времени нам потребуется?

— Месяц, если повезет. Месяц и наши тысячи кредиток. Если их хватит. И это в том случае, если Императору за это время не взбредет в голову отправиться на Летние Планеты, а там он вообще никого не принимает.

— Но Академия...

— Позаботится о себе сама, как и раньше. Ладно, Деверс, нам пора перекусить. Я ужасно голоден. И потом, у нас в распоряжении весь вечер, и нужно его с толком провести. Вряд ли нам когда-нибудь еще удастся посмотреть на Трентор. Нет худа без добра!

...Председатель Комиссии по внутренним делам беспомощно развел руками, с совиной близорукостью разглядывая посетителей.

— Сожалею, но Император нездоров, джентльмены. Так что передача дела по инстанциям — дело совершенно бесполезное. За эту неделю Его Величество никого не принял.

— Нас он примет, — с полной уверенностью заявил Барр. — Нам бы только встретиться с кем-нибудь из кабинета Личного Секретаря.

— Это невозможно! — воскликнул Председатель Комиссии. — Да за это я своим местом могу поплатиться! Если бы вы хотя бы намекнули, в чем суть вашей просьбы, я, возможно, и сумел бы вам помочь. Поймите, я всей душой желал бы быть вам полезен, но для этого мне нужна хоть какая-нибудь ясность. Должен я что-то объяснить моему боссу!

— Видите ли, — настойчиво гнул свое Барр, — если бы наше дело могло быть решено в более низкой инстанции, я бы и не просил аудиенции у Императора. Я убедительно прошу вас попытаться и рискнуть. Позволю себе напомнить вам, что Его Величество обязательно оценит важность нашего дела, и вы, несомненно, будете увенчаны заслуженными почестями.

— Да, но... — Председатель Комиссии запнулся и пожал плечами.

— Безусловно, — кивнул Барр, — риск должен быть оплачен. Для нас большая честь обратиться именно к вам, и мы крайне признательны за то, что вы согласились выслушать нас. Надеюсь, вы позволите нам подкрепить нашу благодарность...

Деверс нахмурился. Подобные речи с небольшими вариациями за последний месяц он выслушивал уже раз двадцать, не меньше. После этих слов обычно происходила передача денег. Однако на сей раз все выглядело несколько иначе. Как правило, деньги старались взять побыстрее, с опаской. Сейчас же они оставались на виду. Председатель Комиссии медленно пересчитал кредитки, тщательно осматривая их с обеих сторон, — только что на зуб не пробовал.

Голос его сразу изменился.

— Подписаны Личным Секретарем, да? Верные денежки!

— Давайте вернемся к делу, — поторопил его Барр.

— Нет, погодите, — оборвал его Председатель Комиссии. — Давайте еще раз сначала, и поточнее. Мне действительно важно знать, в чем суть вашего дела. Эти деньги — совсем новенькие, и, судя по всему, у вас их было немало, поскольку, как я понимаю, до меня вам много с кем пришлось повидаться. Итак, в чем дело?

— Я не понимаю, к чему вы клоните?

— Видите ли, мне не составит труда доказать, что вы на Тренторе находитесь нелегально, поскольку въездная виза и карточка идентификации вашего молчаливого спутника явно не соответствуют действительности. Он не является подданным Императора.

— Это неправда.

— Вы можете отрицать что угодно, — с неожиданной жесткостью в голосе заявил Председатель Комиссии. — Чиновник, который за тысячу кредиток заполнил подложные документы, во всем сознался — и мы знаем о вас гораздо больше, чем вы думаете.

— Сэр, если вы намекаете на то, что сумма, предложенная вам, не соответствует степени риска...

Председатель Комиссии снисходительно улыбнулся.

— Наоборот, денег больше чем достаточно, — и он отложил кредитки в сторону. — Так вот. Император лично заинтересовался вами. Разве это неправда, господа, что вы не так давно были гостями генерала Риоза? Разве неправда, что вы совершили побег с центральной военной базы с легкостью, мягко говоря, необычайной? Разве неправда, что у вас с собой изрядная сумма денег, обеспеченных недвижимостью лорда Бродрига? Короче говоря, как вы докажете, что вы — не шпионы и не террористы, посланные сюда, чтобы... В общем, вам придется признаться, кто вам платит и за что.

— Видите ли, — с плохо скрытым гневом сказал Барр, — я полагаю, что чиновник вашего ранга не имеет права предъявлять нам какие бы то ни было обвинения. Позвольте откланяться.

— Нет, не позволю!

Председатель Комиссии резко встал, и взгляд его тут же утратил всякое подобие близорукости.

— Вопросы вам будут заданы позднее и более настойчиво. Кстати, я не Председатель Комиссии, а лейтенант имперской полиции. Вы арестованы.

В руке его блеснул мощный бластер. Он злобно ухмылялся.

— Сейчас под арестом люди и поважнее вас. Скоро расчистим ваше осиное гнездо!

Деверс зарычал и потянулся за своим бластером. Лейтенант полиции улыбнулся еще шире и нажал на контакт. Ядерный луч коснулся груди Деверса — и, не причинив ему никакого вреда, нейтрализовался.

Деверс выстрелил в ответ, и голова лейтенанта вместе с верхней половиной туловища оторвалась и повалилась на пол. Через дыру в стене, прожженную лучами бластера, в кабинет хлынули солнечные лучи и осветили продолжавшее улыбаться мертвое лицо лейтенанта.

...Ушли они через потайную дверь.

Деверс хрипло бросил на ходу:

— Быстро на корабль! Сейчас начнется тревога! — И добавил яростным шепотом: — Все против нас, черт подери! Могу поклясться, что на их стороне — сам космический дьявол!

Уже выбравшись из здания, они увидели, что у громадных экранов уличных телевизоров собираются толпы народа. У них не было времени останавливаться и ждать. Пропуская мимо ушей взволнованные выкрики людей, Деверс и Барр мчались вперед. Однако, прежде чем они нырнули под своды ангара, Барру удалось прихватить свежий номер «Имперских Новостей». Корабль безжалостно прожег в крыше ангара огромную дыру и рванулся в небо...

— Вы сможете от них удрать? — переводя дыхание, спросил Барр.

Десять полицейских кораблей на полной скорости неслись за убегавшим торговым кораблем, который быстро пересек полосу радиопеленгации и помчался дальше, нарушая все установленные пределы скорости. Далеко позади остались медлительные, грузные, лосняшиеся, как тюлени, корабли Тайной Полиции, отправившиеся в погоню за описанным в подробностях кораблем, на котором удирали двое убийц с хорошо известными приметами.

— Внимательно, док, — проговорил сквозь зубы Деверс, когда они были уже в двух тысячах миль от поверхности Трентора.

Перегрузка оказалась чудовищной. Барр потерял сознание, а тело Деверса пронзила невыносимая боль, глаза заволокло кровавой пеленой. Когда они пришли в

себя, на многие световые годы впереди пространство было свободно.

— Ни один имперский звездолет не угонится за мной! — с гордостью за свой корабль воскликнул Деверс и горько добавил: — Только бежать нам больше некуда и делать нечего. Нам с ними не справиться. Что же делать? Что тут мог поделать хоть кто-нибудь?

Барр беспомощно пошевелился на кушетке. Шок от прыжка через гиперпространство еще не прошел, болели все мышцы. Он с трудом проговорил:

— А ничего и не надо делать. Все кончено. Читайте. — Он передал Деверсу номер «Имперских Новостей», который все это время сжимал в руке. Торговец сразу нашел нужный заголовок:

— «Арестованы и отозваны Риоз и Бродриг», — пробормотал Деверс. Он ошалело уставился на Барра. — Почему?!!

— Тут об этом не пишется, но какое это имеет значение? Война с Академией окончена, и Сивенна восстала. Прочитайте заметку и увидите.

Голос его звучал все тише — он очень устал.

— Остановимся в какой-нибудь провинции и узнаем детали. Если вы не против, я вздремну немного.

Что он и сделал.

Торговый корабль, как большой железный кузнечик, совершая гигантские прыжки через гиперпространство, несся к Академии...

Глава 10

ВОЙНА ЗАКАНЧИВАЕТСЯ

Латан Деверс изнемогал от скуки. Он уже получил положенные награды и стоически выслушал занудную речь мэра, которой тот сопроводил прикалывание алой ленты. Собственно, его роль в церемонии была окончена, но формальности вынудили его задержаться, в то

время как он всей душой жаждал поскорее, тихо и незаметно, улизнуть и добраться до своего корабля — единственного места, где он чувствовал себя в своей тарелке.

Сивеннианская делегация, с Дьюсемом Барром во главе, подписала конвенцию, согласно которой Сивенна становилась первой провинцией, перешедшей от Империи под экономический протекторат Академии.

Пять имперских линкоров, захваченных во время сивеннианского восстания в тылу, сверкали в небесах — громадные, величественные. Они громко салютовали, пролетая над городом.

А потом — прием, этикет, разговоры...

Кто-то окликнул его с балкона. Это был Форрел — человек, который, как хорошо знал Деверс, был способен купить его двадцать раз за свою дневную прибыль. Форрел, как видно, пребывал в наилучшем расположении духа.

Деверс вышел на балкон. Лицо его приятно освежил легкий вечерний ветерок. Он слегка поклонился, ухмыляясь в густую щетинистую бороду. Барр тоже был здесь. Улыбнувшись Деверсу, он сказал:

— Деверс, спасите меня! Меня тут упрекают в таком ужасном, непростительном преступлении, как ложная скромность.

— Деверс, — проговорил Форрел, вынув толстую сигару изо рта. — Лорд Барр утверждает, что ваше путешествие в столицу Клеона никак не связано с отзывом Риоза.

— Это чистая правда, сэр, — признался Деверс. — Мы и не видели Императора. Те сведения о процессе, которые нам удалось раздобыть на обратном пути, привели нас к мысли о том, что дело было попросту сфабриковано. Генерала как будто обвинили в преступных подрывных намерениях?

— А он был невиновен?

— Риоз? — вопросом на вопрос ответил Барр. — Нет, клянусь вам, невиновен! Бродриг, по большому

счету, предатель, но и он не был виновен ни по одному пункту обвинения. Это был юридический фарс — но неизбежный и предсказуемый.

— Надо понимать, вы имеете в виду психоисторическую неизбежность? — иронично поинтересовался Форрел, старательно, утрированно выговаривая каждое слово.

— Естественно, — серьезно ответил Барр. — До этого момента вопрос о психоистории как бы не возникал, но, когда все было окончено, возникла возможность как бы... ну, знаете... подсмотреть ответ в конце задачника. И тогда все стало ясно. Теперь мы видим, что социальный фон в Империи делает захватнические войны невозможными. Во времена правления слабых Императоров Империю рвут на части генералы, борющиеся за никчемный, смертельно опасный в конце концов трон. Во времена правления сильных Императоров Империю парализует их иго, и раздирающие ее изнутри противоречия на какое-то время затихают, но только на время, чтобы потом вспыхнуть с новой силой.

В промежутке между двумя глубокими затяжками Форрел буркнул:

— Не слишком ясно излагаете, лорд Барр.

Барр смущенно улыбнулся.

— Может быть. Это оттого, что я не слишком искушен в психоистории. Слова — жалкая подмена математических уравнений. Но вы сами посудите...

Барр замолчал, потому что Форрел явно отвлекся и, облокотившись на парапет балкона, глядел на небо. Деверс глядел туда же и вспоминал о Тренторе...

Барр попытался продолжить свою мысль:

— Видите ли, сэр, — и вы, и Деверс — да, наверное, все — полагали, что победа над Империей заключалась в том, чтобы поссорить Императора и генерала. И вы, и Деверс, и все остальные были правы — все время, пока учитывался принцип внутренних противоречий.

Тем не менее вы были не правы, полагая, что этого

внутреннего разъединения можно достичь за счет индивидуальных действий. Вы пробовали подкуп, обман. Вы рассчитывали на амбиции и страх. Но из этого ничего не вышло — как вы ни старались. То есть, наоборот, после каждого подобного шага положение вещей еще больше осложнялось.

Дьюсем Барр отвернулся и, опершись на перила, задумчиво поглядел на огни праздничного города, затем медленно проговорил:

— Всех нас толкала мертвая рука. Всех — храброго генерала и великого Императора, наш мир и ваш мир — мертвая рука Гэри Селдона. Он знал, что такой человек, как Риоз, обречен на неудачу, поскольку именно его успехи и были залогом провала. И чем больше были бы его успехи, тем грандиозней был бы его провал.

— Не сказал бы, чтобы стало понятнее, — опять буркнул Форрел.

— Минуточку, — спокойно продолжал Барр. — Давайте еще раз по порядку. Слабый генерал и не подумал бы нам угрожать — это совершенно очевидно. Сильный генерал при слабом Императоре также не стал бы нам угрожать, поскольку обязательно повернул бы свое оружие в направлении гораздо более близкой и более притягательной мишени. История показала, что три четверти Императоров за последние два столетия в прошлом были мятежными генералами или мятежными вице-королями.

Следовательно, серьезную угрозу для Академии могло представлять только сочетание сильного генерала с сильным Императором, поскольку сильного Императора трудно сместить, а сильный генерал вынужден действовать за границами Империи.

Но — что делает Императора сильным? Чем был силен Клеон? Это очевидно. Он был силен, потому что безжалостно подавлял подданных. Вельможа, который становится слишком богат, генерал, который становится чересчур популярен, — опасны. Вся последняя исто-

рия Империи доказывает, что так обстояли дела со всеми мало-мальски умными Императорами, желавшими укрепить свою власть.

Риоз выигрывал сражение за сражением — и Император стал относиться к нему с подозрением. Вся атмосфера тех дней вынуждала его быть подозрительным. Риоз отказался от взятки? Очень странно — скрытые причины. Его самый доверенный вельможа ни с того ни с сего поддержал Риоза — очень подозрительно, тайные мотивы. Не было ни одного действия с чьей-либо стороны, которое не казалось бы ему подозрительным. Мы могли бы еще что-то предпринять — только наши действия были ненужными, тщетными. Успехи Риоза были подозрительны. Поэтому он был отозван, обвинен, осужден и казнен. Таким образом Академия снова *победила*.

Видите — получается, что нет такого стечения обстоятельств, при котором Академия не выиграла бы. Это было неизбежно — что бы ни предпринял Риоз, что бы ни предприняли мы.

Магнат Академии самодовольно кивнул.

— Неплохо. Только вот... А если бы Император и генерал были в одном лице? А? Что тогда? Этой ситуации вы не учли, поэтому я считаю, что вы меня не убедили.

Барр пожал плечами.

— Да я и не пытался что-то доказать. Я не знаю математики и не могу подкрепить свои доводы математическими выкладками. Я говорю только о том, что подсказывает мне здравый смысл. При том, что в Империи каждый аристократ, любой мужчина в расцвете сил, всякий уважающий себя разбойник мечтают только о том, как бы поскорее забраться на трон, — и как говорит история, мечты эти далеко не всегда бесплодны — что бы случилось даже тогда, когда сильному Императору пришло в голову затеять заграничную войну на дальнем краю Галактики? Как долго он мог бы отсутствовать в столице, пока там дело не дошло до гражданской войны и он вынужден был бы вернуться домой? Нет, социальная ситуация в Империи не позволила бы ему отлучиться надолго!

Однажды я сказал Риозу, что вся мощь Империи бессильна против мертвой руки Гэри Селдона.

— Хорошо, хорошо! — Форрел был явно доволен. — Следовательно, вы утверждаете, что Империя больше никогда не станет нам угрожать?

— Похоже, что так, — развел руками Барр. — Честно говоря, Клеон вряд ли протянет больше года, после чего неизбежно встанет вопрос о праве на престол, что будет означать последнюю гражданскую войну в истории Империи.

— Ну что ж, — прищурившись, проговорил Форрел, — получается, что врагов больше нет?

Барр задумался:

— Существует Вторая Академия.

— На другом краю Галактики? Исключено.

В это время Деверс резко обернулся и угрюмо уставился на Форрела.

— Думаю, у нас достаточно врагов у себя дома.

— Да? — искренне удивился Форрел. — Кто же это, если не секрет?

— Например, люди, которые делают вид, что за мир и благосостояние всех, а сами только и следят, как бы чересчур много прибыли не скопилось в руках у тех, кто создает это благосостояние. Улавливаете?

Взгляд Форрела постепенно утратил благодушие и встретился с открытым, гневным взглядом Деверса.

ЧАСТЬ II

МУЛ

Глава 11

МОЛОДОЖЕНЫ

МУЛ... *Как ни парадоксально, о «Муле» известно меньше, чем заслуживает фигура такого масштаба в истории Галактики, даже период его высочайшей славы известен нам в основном по свидетельствам его противников и в особенности из записок молодой женщины, жены...*

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Хейвен произвел на Байту удручающее впечатление. Муж показал ей его солнце — тусклую звездочку, потерянную в пустоте пространства на далекой окраине Галактики. Плотные звездные скопления остались позади — только одинокие лучи рассеянного света озаряли мрак. Но даже среди своих многочисленных соседей Хейвен был тускл и непривлекателен.

Торан прекрасно понимал, что в качестве прелюдии к будущей семейной идиллии красный карлик выглядел маловпечатляюще. Он смущенно улыбнулся.

— Конечно, Бай, обмен неравноценный. После Академии выглядит не очень, правда?

— Это ужасный обмен, Торан. Лучше бы мне было не выходить за тебя.

Но, заметив, что лицо мужа моментально стало обиженным, не дав ему обидеться окончательно, она проговорила особым «уютным» голоском — так, как умела только она:

— Ну, что ты, глупыш! Сейчас ты оттопыришь губу и станешь похож на умирающую утку, а потом уткнешься мне в плечо, а я поглажу тебя по головке, вот так... Боже, как током от волос бьет! А ты, конечно, ждал, что я буду в восторге, да? Ты думал, я скажу: «Тори, с тобой — хоть на край света» или «Милый, где угодно — хоть в пустоте, среди звезд, — лишь бы с тобой». Ну, признайся!

Ее указательный палец коснулся носа мужа, и она вовремя отдернула руку, а то бы Торан точно укусил ее.

Он обиженно проговорил:

— Ну а если я сдамся и признаюсь, что ты права, ты ужин приготовишь?

Она ласково кивнула. Торан улыбнулся в ответ.

По большому счету, красавицей она не была — он это понимал. Это было видно с первого взгляда. Волосы у нее были темные, блестящие и густые, хоть и невьющиеся, рот немного великоват, но тонкие, дивно очерченные брови отделяли прекрасный, мраморно-белый лоб от теплых, всегда улыбающихся карих глаз.

А за тщательно выстроенным и упорно охраняемым фасадом практичности, неромантичности, житейской расчетливости таилось маленькое озерцо нежности, которое ни за что бы не вырвалось наружу, если бы вы попытались добиться этого силой, а только тогда, когда вы знали, как этого добиться — а вы бы и не почувствовали, что чего-то добивались.

Торан еще немного посидел у пульта управления, хотя делать там было абсолютно нечего, и решил отдохнуть. Оставался еще один межзвездный прыжок, потом еще несколько миллимикропарсеков «по прямой», и только потом потребуется ручное управление. Он запрокинул голову назад и повернулся в кресле, пытаясь разглядеть через приоткрытую дверь хозяйственного отсека, что там делает Байта. Она доставала с полок контейнеры с едой.

В его отношении к жене была едва заметная доля

самодовольства. Нечто вроде удовлетворенного самолюбия человека, который добился желанного успеха после трехлетней борьбы с собственным комплексом неполноценности.

Как бы то ни было — он был провинциалом, и не просто провинциалом, а сыном отставного торговца. А она была из самой Академии. Мало того — ее родословная прослеживалась до великого Мэллоу...

Он все время побаивался этого путешествия. Везти ее на Хейвен — в скалистый мир с пещерными городами — было рискованно. Заставить ее столкнуться с извечной враждебностью торговцев к Академии — враждебностью крестьян к горожанам — было еще рискованнее.

И все-таки после ужина — последний прыжок! Звезда Хейвена горела недобрым тускло-алым светом, а вращавшаяся вокруг нее планета светилась бледно-розовым румянцем, поскольку окружавшее ее кольцо атмосферы поглощало свет звезды. Половина планеты покоилась во мраке. Байта склонилась над большой голографической картой участка космоса, испещренной паутиной пересекающихся линий. В центре их сплетения мерцал Хейвен. Подперев щеку рукой, она проговорила:

— Жаль, что я не познакомилась с твоим отцом раньше. Вдруг я ему не понравлюсь?

— Тогда, — уверенно проговорил Торан, — ты будешь первой хорошенькой девушкой, ухитрившейся не понравиться ему. Пока он не потерял руку и не перестал мотаться по Галактике, он... ну, в общем, если ты спросишь его об этом, он будет болтать до тех пор, пока у тебя уши не отсохнут. Я слушал-слушал и в конце концов понял, что он здорово привирает. Не было случая, чтобы хоть один свой роман он пересказал дважды одинаково.

Хейвен-II стремительно приближался. Уже было видно внутреннее море, грифельно-серое в сгущавших-

ся сумерках, то и дело исчезавшее в густых облаках. Берега его окаймляли высокие скалистые горы.

Они подлетали все ближе к поверхности планеты. Уже было видно, как море катит к берегу величественные валы. В тот миг, когда до горизонта не было видно ничего, кроме серых волн, в видовом иллюминаторе мелькнул покрытый льдом берег.

— Скафандр застегнула? — крикнул Торан, пытаясь перекричать шум двигателей, работавших в режиме торможения.

Байта кивнула. Ее пухлое личико за прозрачным пластиком шлема мягкого, плотно прилегающего скафандра покрылось нежным румянцем.

Корабль приземлился на открытую площадку в двух шагах от подножия скалистого плато.

Осторожно, неуклюже ступая, они спустились в густую темень галактической ночи. Байта поежилась от холода. Изо рта у нее вырвалось облачко пара. Торан крепко взял ее под локоть, и они побежали по заледенелой, утрамбованной земле к островку света, мерцавшему вдали.

На полпути их встретили вооруженные часовые. Они обменялись с Тораном парой коротких фраз, после чего пошли дальше вместе с ними. И ветерок, и холод остались позади, когда они вошли в высокие ворота в скале, которые тут же закрылись за ними. Внутри было тепло, от стен исходило мягкое белое сияние. Слышался гул множества голосов. Таможенник, оторвавшись от бумаг, с любопытством поглядел на вошедших. Торан подал ему бумаги.

Тот, быстро просмотрев документы, тут же возвратил их Торану и жестом указал дорогу. Торан шепнул жене:

— Похоже, отец договорился. Обычно тут часов пять торчать приходится.

Они вышли на открытое пространство, и Байта воскликнула:

— Вот это да!

Пещерный город был залит дневным светом — ярким дневным светом утреннего солнца. Конечно, на самом деле никакого солнца не было. То, что должно было быть небом, терялось в свете рассеянных лучей. Теплый, довольно плотный воздух был напоен ароматом свежей зелени.

— Ну, Торан, да здесь просто красиво! — удивилась Байта.

Торан кивнул с ревнивой гордостью.

— Конечно, Бай, это не Академия, но все-таки большой город — самый большой на Хейвене. Двадцать тысяч человек. Думаю, тебе здесь понравится. Правда, с развлечениями — не густо, но зато тайной полиции нет.

— О, Тори, это же просто как в сказке — игрушечный городок! Весь белый и розовый — и какой чистенький!

— Да...

Торан глядел на город вместе с женой. Дома были большей частью двухэтажные, построенные из прочного камня с волнистым рисунком — его добывали на планете. Высотных домов с башнями и шпилями, столь типичных для Академии, здесь не было и в помине, не было и громадных многоквартирных монстров, украшавших улицы старых Королевств, — здесь царили малые формы и индивидуальность — реликвии частной инициативы в Галактике массовой психологии.

Торан шепнул жене на ухо:

— Бай, смотри туда. Это отец. Да не туда, глупышка! Видишь?

Она увидела. Им махал единственной рукой высокий, грузный пожилой мужчина, широко растопырив пальцы, как будто загребал воздух. До них долетали раскаты громоподобного баса. Байта взяла мужа под руку, и они сбежали вниз по аккуратно подстриженной лужайке. Рядом с отцом Торана стоял мужчина пониже ростом. Издалека его невозможно было разглядеть рядом с однoруким великаном, который продолжал махать рукой и кричать.

Наклонившись к жене, Торан шепнул:

— Это сводный брат отца. Тот самый, что бывал в Академии. Я тебе рассказывал.

Они встретились на зеленом ковре травы, радостно смеясь. Отец, наконец выпустив сына из железного полуобъятия, поспешно привел себя в порядок: одернул короткую куртку и поправил свое единственное украшение — расшитый металлическими узорами пояс.

Склонив голову набок, он по очереди оглядел молодых и наконец, борясь с чуть заметной одышкой, пробасил:

— Ну, сынок, ты выбрал отличный денек для возвращения домой!

— Что? Ах да! Сегодня ведь день рождения Селдона?

— Угу. Знаешь, натерпелся по дороге — наняли машину, и я попросил этого дракона Ранду сесть за руль. Тот еще водитель!

Взгляд его остановился на Байте. Голос его сразу смягчился.

— У меня есть кристалл с твоей мордашкой. Неплохо вышло, но теперь я гляжу на тебя и понимаю, что парень, который тебя снимал, — жалкий любитель.

Он вынул из кармана маленький прозрачный кубик — внутри его светилось крохотное смеющееся лицо Байты.

— Ах, вы про это... — смутилась Байта. — И зачем только Торан послал вам эту карикатуру. Просто удивительно, что вы вообще разговариваете со мной после этого, сэр.

— Да ну? Слушай, малышка, называй меня Фрэн. Давай без формальностей. Так что бери меня под руку и пошли к машине. Знаешь, строго между нами — до сих пор я не предполагал, что мой сыночек способен на что-нибудь стоящее. Пожалуй, придется изменить свое мнение.

Торан тихо спросил у дяди:

— Как поживает старик? Все еще бегает за юбками?

Доброе лицо Ранду покрылось паутиной мелких морщинок, когда он улыбнулся:

— Когда удается, Торан, когда удается. Время от времени он вспоминает, что в следующий день рождения ему стукнет шестьдесят, и это его ужасно огорчает. Но он быстро прогоняет эту печальную мысль и снова становится самим собой. Он — торговец старой закалки. Ну а ты-то как, Торан? И где это ты отыскал такую красотку?

Торан усмехнулся и взял дядю за руку.

— Дядя, разве можно в двух словах рассказать историю, которая длилась три года?

В маленькой уютной гостиной Байта наконец с облегчением сняла дорожный костюм и, тряхнув головой, распустила волосы. Села в кресло, положила ногу на ногу и принялась украдкой разглядывать фигуру хозяина. Он тоже с любопытством поглядывал на нее.

— Я знаю, о чем вы думаете, — сказала она с улыбкой, — и попытаюсь вам помочь. Возраст — двадцать четыре года, рост — пять футов четыре дюйма, вес — пятьдесят четыре килограмма, специальность — историк.

Байта обратила внимание, что хозяин старается стоять или сидеть так, чтобы отсутствие руки было не так заметно.

Но тут Фрэн склонился к самому ее уху и прошептал:

— Знаешь, если на то пошло, я уточню: вес — пятьдесят шесть килограммов.

Он весело расхохотался, увидев, как она покраснела, и добавил вслух, повернувшись к остальной компании:

— Вес женщины можно безошибочно определить — стоит только внимательно разглядеть ее руки. Но это —

если имеешь большой опыт, конечно. Выпьешь чего-нибудь, Бай?

— Наверное, но попозже, — ответила она и, взяв свекра под руку, вышла с ним из гостиной. Торан тем временем занялся новыми журналами на книжных полках.

Фрэн вернулся один и сообщил:

— Она спустится попозже.

Он тяжело опустился в большое кресло в углу и положил негнущуюся левую ногу на табуретку перед собой. Торан повернулся и посмотрел на отца. Тот сказал ласково:

— Ну вот ты и дома, мальчик мой. Я ужасно рад. Мне очень понравилась твоя жена. Умница. Не кисейная барышня.

— Я женился на ней, — просто ответил Торан.

— Я не о том, сынок, — слегка помрачнел отец. — Женитьба — не самый лучший способ устройства будущей жизни. За свою долгую жизнь я себе ни разу этого не позволил. И правильно сделал.

Ранду, до этого молча стоявший в противоположном углу комнаты, прервал его.

— Ну, Фрэнссарт, что ты сравниваешь? До той аварии, что стряслась шесть лет назад, ты нигде не задерживался настолько, чтобы мог позволить себе жениться. Да и потом, кто бы за тебя пошел?

Однорукий гигант рывком выпрямился и рявкнул:

— Любая, понял ты, зануда, любая!

Торан мягко возразил:

— Это не более чем юридическая формальность, папа. В этом есть определенные удобства.

— Для женщин, — буркнул Фрэн.

— Пусть так, — согласился Ранду, — но в любом случае это — личное дело мальчика. Женитьба — старая традиция в Академии.

— Подумаешь! Академия! Есть с кого брать пример!

Торан снова возразил:

— Моя жена из Академии.

Он прислушался, посмотрел по очереди на отца и дядю и, приложив палец к губам, проговорил вполголоса:

— Тихо! Она идет.

После ужина разговор перешел на общие темы, но за ужином Фрэнссарт ударился в воспоминания о бурной молодости, в которых, естественно, фигурировали и женщины, и пролитая кровь, и сумасшедшие прибыли, и драгоценности... Включили маленький телевизор. На экране, на который никто не смотрел, разыгрывалась какая-то классическая драма. Ранду устроился поудобнее на низкой кушетке, а Байта уселась на мягкий пушистый ковер — хозяин привез его давным-давно из какой-то экзотической торговой вылазки, и стелили его исключительно для торжественных случаев.

— Ты изучала историю, девочка? — с интересом спросил Ранду.

Байта кивнула.

— Да, но я была не очень дисциплинированной студенткой. Но кое-чему научилась, конечно.

— Ага, на стипендию натягивала, — съехидничал Торан.

— И что же ты изучала? — мягко поинтересовался Ранду.

— Что — все рассказать? Сейчас? — рассмеялась девушка.

Старик смущенно улыбнулся.

— Ну, ладно, ладно, не смейся над стариком. Скажи только, что ты думаешь по поводу нынешней ситуации в Галактике?

— Я думаю, — совершенно серьезно ответила Байта, — что надвигается селдоновский кризис, причем такой, какой выходит за рамки Плана Селдона. Такое впечатление, что План просто проваливается.

(Фрэн в своем углу присвистнул и пробормотал себе под нос: «Ничего себе! Сказать такое о Селдоне!» Однако вслух он ничего не сказал.)

Ранду задумчиво посасывал трубку.

— Вот как! Почему ты так считаешь? Знаешь, когда я был помоложе, я был в Академии, и мне когда-то приходили в голову всякие трагические мысли. Но все-таки почему ты так думаешь?

— Хорошо, я скажу.

Байта задумалась, нахмурилась, закутала ноги поглубже в мех ковра, обхватила колени руками.

— Мне представляется, что весь смысл Плана Селдона состоял в создании лучшего мира, чем тот, которым была древняя Галактическая Империя. Тот мир начал распадаться три столетия назад, как раз в то время, когда Селдон основал Академию. Если верить истории, распад его был вызван триадой болезней — инерцией, деспотизмом и неравномерностью распределения материальных ценностей в Галактике.

Ранду медленно кивнул. Торан глядел на жену гордыми, сияющими глазами, а Фрэн в своем углу восхищенно прищелкнул языком и наполнил свой бокал.

Байта продолжала:

— Если все, что рассказывают о Селдоне, — правда, получается, что он предвидел окончательное падение Империи с помощью законов психоистории. Ему удалось предсказать и то, что должно пройти тридцать тысячелетий неизбежного варварства, прежде чем будет создана новая Империя, в которой будет восстановлена цивилизация и культура человечества. Главной целью его жизни было создание условий, способных обеспечить ускорение возрождения.

Из угла донесся приглушенный бас Фрэна:

— И именно с этой целью он основал две Академии, да прославится имя его во веки веков!

— Именно поэтому он основал две Академии, — подтвердила Байта. — Наша Академия представляла собой сообщество ученых из умирающей Империи, призванных возвести науку и знания человечества на новые невиданные высоты. Академия была географиче-

ски расположена таким образом и поставлена в такие исторические обстоятельства, что посредством своих гениальных исследований и расчетов Селдон предсказал, что через тысячу лет она станет основой Второй, более могущественной Империи.

Стояла почтительная тишина.

Девушка мягко проговорила:

— Это старая история. И все вы ее знаете. Уже триста лет в Академии ее знает любой школьник. Но мне показалось, что стоит вспомнить ее — хотя бы вкратце. Сегодня — день рождения Селдона, вы знаете. И хотя я из Академии, а вы — с Хейвена — это наш общий праздник.

Она медленно закурила сигарету и рассеянно повертела ее в руке, глядя на горящий кончик.

— Законы истории так же абсолютны, как законы физики, и если вероятность ошибок в истории более высока, то это только потому, что история не располагает для своих исследований таким количеством людей, как физика — атомов, и в ней больше места для индивидуальных вариаций. Селдон предсказал ряд кризисов на протяжении тысячелетия, каждый из которых должен был ознаменовать определенный поворотный пункт в нашей истории, в нашем движении по заранее намеченному пути. Именно эти кризисы двигают нас вперед. Поэтому сейчас должен наступить кризис. Сейчас, — повторила она убежденно. — Прошло уже почти сто лет со времени последнего кризиса, и за это время все пороки Империи как в зеркале отразились в Академии. Наши правители признают только один закон — никаких перемен. Что это как не деспотизм? Они признают только один стиль правления — насилие. Они знают только одно желание — удержать то, что считают своим.

— Пока другие голодают! — рявкнул Фрэн, трахнув кулаком по подлокотнику кресла. — Девочка! Слова твои — драгоценный жемчуг! Толстосумы, сидя на де-

нежных мешках, управляют Академией, в то время как отчаянные смельчаки — Торговцы — влачат жалкое существование на заброшенных планетах вроде Хейвена. Это оскорбление Селдона, пригоршня грязи ему в лицо!

Он поднял единственную руку, сжатую в кулак, лицо его непривычно вытянулось.

— Если бы у меня было две руки! Я бы заставил их выслушать меня! Они бы...

— Папа, — вмешался Торан, — папа, успокойся!

— Успокойся, успокойся! — передразнил его отец. — Мы тут гнием и сдохнем тут, а ты говоришь — успокойся!

— Ну просто воскресший Латан Деверс, — сказал Ранду, указывая на брата трубкой, — наш старина Фрэн. Латан Деверс погиб на невольничьих рудниках восемьдесят лет назад с прадедушкой твоего мужа, девочка. Он добр и честен, но мудрости ему недоставало.

— Да, черт подери, на его месте я сделал бы то же самое! — продолжал распаляться Фрэнссарт. — Деверс был величайшим Торговцем всех времен, выше, чем этот раскрашенный мыльный пузырь Мэллоу, идол Академии. И если висельники, которые правят Академией, убили его только потому, что он боролся за справедливость, тем больше крови на их руках!

— Девочка, продолжай, — попросил Ранду, — продолжай, или он будет вот так орать всю ночь напролет, а потом весь день будет стонать и бредить.

— Да продолжать-то особенно нечего, — с неожиданной горечью откликнулась Байта. — Кризис должен наступить, но как его ускорить, я не знаю. Прогрессивные силы в Академии жестоко подавлены. Вы, Торговцы, могли бы восстать, но за вами охотятся, и вы разъединены. Если бы удалось объединить все силы доброй воли внутри Академии и за ее пределами...

Фрэн засмеялся — будто огромный ворон закаркал.

— Слушай ее, Ранду, слушай! Девочка, девочка, нет никакой надежды отыскать слабые места в Академии. У них ведь там как: один хлещет бичом, а другие прини-

мают удары — смертельные удары. Во всей Галактике не осталось смельчака, который мог бы встретиться лицом к лицу с одним честным Торговцем!

Байта тщетно пыталась перевести разговор в другое русло. Торан обнял ее и нежно прикрыл ее рот ладонью.

— Папа, — попытался он урезонить отца, — ты никогда не был в Академии. Ты о ней практически ничего не знаешь. Я хочу, чтобы ты поверил мне: в тамошнем подполье много сильных и смелых людей. Между прочим, Байта — одна из них.

— Ладно, ладно, мальчик, ну что ты оправдываешься? Еще не хватало нам поссориться! — Он был явно смущен.

Но Торан пылко продолжал:

— Твоя беда, папа, в том, что ты — провинциал. Ты думаешь, что несколько сот тысяч Торговцев — великий народ уже только потому, что обречены на жизнь в пещерах на забытой богом планете, на краю Галактики. Конечно, сборщик налогов из Академии, попав сюда, имеет мало шансов вернуться обратно, но это — дешевый героизм. Что бы вы стали делать, если бы Академия вздумала послать сюда флот?

— Мы бы разнесли его на куски и отправили к чертовой бабушке!

— И сами бы отправились туда же. Преимущество было бы на их стороне. Вас мало, вы плохо вооружены, плохо организованы, и как только это поймет Академия — и вы это очень быстро поймете. Поэтому лучше бы вам поискать единомышленников — и в самой Академии, и за ее пределами.

— Ранду! — умоляюще пробасил Фрэн, беспомощно глядя на брата.

Ранду вынул изо рта трубку.

— Фрэн, мальчик прав. Послушай свое сердце и ты поймешь, что он прав. Просто тебе неприятны эти мысли, и ты прогоняешь их и орешь на всех. Только от них

никуда не деться, Фрэн. Торан, я сейчас объясню тебе, для чего я все это устроил.

Он задумчиво выпустил струйку дыма и положил трубку на край пепельницы. Подождал, пока табак догорит, и, аккуратно постучав по пепельнице, вытряс пепел. Медленно, тщательно снова набил трубку табаком.

— Ты сказал, Торан, что Академия может нами заинтересоваться. Это очень важно. И опасно. Не так давно нас дважды посетили на предмет сбора налогов. Самое неприятное, что второй сборщик прибыл в сопровождении небольшого патрульного корабля. Они приземлились недалеко от города Глейяр, дав на всякий случай холостой залп. Как ты понимаешь, после этого они просто не имели шансов вернуться обратно. Теперь наверняка прилетят другие. Твой отец знает об этом, Торан. Он все прекрасно понимает. Но ты только посмотри на этого упрямого старого повесу! Он знает, что Хейвен в беде, знает, что мы беспомощны, а сам только и делает, что повторяет заученные фразы. Его это, видите ли, согревает и успокаивает. Он думает, что, понося Академию и изрыгая проклятия ей, он выполняет свой долг человека и Торговца, и, значит, он так же делает свое дело, как каждый из нас.

— Из кого это — из нас? — поинтересовалась Байта.

Ранду улыбнулся ей.

— Мы организовали небольшую группу, Байта, пока только в нашем городе. Мы еще ничего выдающегося не сделали. Пока нам даже не удалось наладить связи с другими городами, но это начало.

— Начало чего?

Ранду покачал головой.

— Мы пока не знаем. Надеемся на чудо. Мы тоже поняли, что должен наступить селдоновский кризис.

Он поднял руку с трубкой.

— Ведь Галактика просто кишит осколками и отбросами разбитой Империи. Среди них немало генера-

лов. Как ты думаешь, разве не может хоть один из них озвереть настолько, чтобы...

Байта на мгновение задумалась, затем так решительно замотала головой, что одна прядка волос упала на лоб.

— Нет, это исключено! Среди этих генералов нет ни одного, который бы не понимал, что нападение на Академию — самоубийство. Бел Риоз из старой Империи был лучшим из них, и на его стороне были силы всей Галактики, но и он не смог противостоять Плану Селдона. Разве найдется сейчас хоть один генерал, который этого не помнит?

— Ну а если мы их подстегнем?

— Куда? В ядерное пекло? И чем их можно подстегнуть?

— Понимаешь, появился один новичок... В последние год-два начали поговаривать об одном странном человеке, которого называют Мулом.

— Мул? — нахмурилась Байта и повернулась к мужу: — Торан, ты что-нибудь слышал?

Торан отрицательно покачал головой.

— Что вы знаете о нем? — спросила Байта у Ранду.

— Ничего определенного, кроме того, что он выигрывает сражение за сражением в самых невероятных ситуациях. Может, слухи и приукрашены, но в любом случае было бы интересно с ним познакомиться. Не всякий человек с раздутой амбицией и грандиозными возможностями верит в План Селдона и психоисторию. Скорее — наоборот. Мы можем поддержать его в этом неверии, а он может напасть на Академию.

— И Академия победит.

— Да, но вовсе не обязательно легко! Может начаться кризис, и мы сможем им воспользоваться для того, чтобы заставить этих деспотов из Академии пойти на компромисс. В худшем случае они будут вынуждены хотя бы на время позабыть о нас, а мы тем временем получим возможность строить дальнейшие планы.

— Что скажешь, Тори?

Торан мягко улыбнулся и легким движением отбросил темную прядь со лба жены.

— Из того, что сказал Ранду, мало что понятно. Кто он все-таки, этот Мул? Что ты вообще о нем знаешь, Ранду?

— Пока — ничего. Узнать кое-что мог бы ты, Торан. И твоя жена, если захочет. Мы говорили об этом с твоим отцом. Очень много говорили.

— А именно, Ранду? Что от нас нужно?

Торан украдкой взглянул на жену.

— Ну, если можно назвать путешествие сюда из Академии медовым месяцем...

— Как насчет того, чтобы продолжить его в более приятной обстановке, — скажем, на Калгане? Субтропики, водный спорт, пляжи, сафари — словом, курорт. Около семи тысяч парсеков отсюда — не так уж далеко.

— И что там, на Калгане?

— Там — Мул. По крайней мере, его люди. Они захватили эту планету месяц назад, причем без боя, хотя диктатор Калгана клялся и божился по всем радио- и телепрограммам, что скорее превратит всю планету в звездную пыль, чем сдаст ее.

— И где же теперь диктатор?

— Нет его, — хмуро ответил Ранду. — Ну, что скажете?

— Ну а что мы там должны делать?

— Не знаю. Фрэн и я — мы уже старики, да и провинциалы к тому же. Все Торговцы в Хейвене — безнадежные провинциалы. Ты же сам сказал. Мы привыкли и торговать, и жить по старинке. Мы уже не те сотрясатели Галактики, которыми были наши предки. Так... Фрэн, помолчи, пожалуйста! А вы молодые, сильные, вы знаете Галактику. Байта, что очень немаловажно для такого дела, говорит с приятным столичным акцентом. Мы просто хотели бы, чтобы вы хоть что-нибудь разузнали. Если вам удастся войти в контакт с... но это, ко-

нечно, вряд ли. Хотя бы подумайте об этом, ладно? Если хотите, вы могли бы встретиться со всей нашей группой. Но это не раньше чем на следующей неделе. Надо вам дать время передохнуть.

Наступившую паузу прервал Фрэн. Он пробурчал из угла:

— Кто хочет еще выпить? Кроме меня, я имею в виду.

Глава 12

КАПИТАН И МЭР

Капитан Хэн Притчер ожидал аудиенции у мэра. Роскошь апартаментов главы Академии была настолько непривычна для него, что даже не производила впечатления. Почему — ему и думать не хотелось. Как правило, он не прибегал к самоанализу и философствованию, если это напрямую не было связано с его работой.

Это помогало.

Работа его состояла в том, что в Департаменте Обороны именовалось «разведка» и «шпионаж». К сожалению, несмотря на помпезно-хвалебные визги средств массовой информации, разведка и шпионаж ассоциировались в умах обывателей с грязными делишками, выражавшимися в непрерывном предательстве и вранье. Тем не менее во все времена этот род деятельности обществом оправдывался, поскольку служил «интересам государства». Однако, поскольку долгие философские раздумья неизменно приводили капитана Притчера к выводу, что общественное сознание легче убаюкать, чем собственную совесть, он решил не философствовать.

А теперь в роскошной приемной мэра мысли его, вопреки обыкновению, обратились к самому себе.

Его нельзя было назвать счастливчиком. Многие обошли его — многие, менее талантливые, чем он. Он выстоял под проливным дождем чернильных капель,

легших пятнами на его биографию, под перекрестным обстрелом официальных выговоров и взысканий. Он упрямо продолжал гнуть свою линию, пребывая в твердой уверенности, что нарушение субординации во имя все тех же священных «интересов государства» сыграет в конце концов свою истинную роль.

Итак, он находился в приемной мэра под охраной пятерых невозмутимых гвардейцев и — весьма вероятно — в преддверии трибунала.

Тяжелые створки мраморных дверей раскрылись, открыв взгляду обтянутые узорчатым шелком стены, покрытый алым синтетическим ковром пол и еще одни двери, тоже мраморные, украшенные металлической инкрустацией.

Двери отворились, оттуда вышли двое чиновников в строгих костюмах фасона трехсотлетней давности и провозгласили:

— Аудиенция капитану Хэну Притчеру из Службы Информации!

Они расступились, церемонно склонив головы, и капитан шагнул вперед. Эскорт гвардейцев остался у первой двери, и в проем второй Притчер вошел один.

За анфиладой дверей находился неожиданно скромный кабинет, где за большим, удивительно строгим письменным столом восседал мужчина маленького роста и весьма невыразительной внешности. Высоченные потолки и вообще вся грандиозность обстановки кабинета еще больше усугубляли тщедушность его фигурки.

Мэр Индбур — третий по счету из мэров, носивших эту фамилию, был внуком Индбура-первого, человека жестокого, но умного. Его дед производил на людей впечатление деятеля, способного удержать власть, чего он добился, кстати, потрясающей ловкостью в уничтожении последних остатков избирательной демократии, но при этом с еще большей ловкостью ухитрился сохранить достаточно миролюбивый стиль правления.

Мэр Индбур был сыном Индбура-второго, первого

из мэров Академии, занявшего этот пост по праву рождения и повторившего своего отца лишь наполовину, — тот был жесток, но умен, а этот — только жесток.

Итак, мэр Индбур был третьим мэром в семье и вторым, занявшим этот пост по праву рождения.

Качеств у него было еще меньше, чем у его предшественников. Он не был ни умен, ни жесток. Он был просто-напросто хорошим бухгалтером, родившимся не в той семье.

Индбур-третий придавал огромное значение таким сторонам своего правления, которые всем, кроме него самого, казались странными.

Для него болезненная привязанность к строгим геометрическим формам в окружающей обстановке была системой; неутомимый и страстный интерес к мельчайшим тонкостям повседневного бюрократизма — трудолюбием; проявление нерешительности в обстоятельствах, когда он был прав, — предосторожностью, а упрямство тогда, когда он был не прав, — решительностью.

При всем том он никогда не пускал денег на ветер и не отправлял людей на смерть зря и имел-таки неплохую репутацию.

Капитан Притчер думал об этом, стоя по установленному этикету перед большим письменным столом. Лицо его, однако, было настолько непроницаемо, что трудно было предположить — думает ли он о чем-нибудь вообще. Он не позволял себе ни кашлянуть, ни переступить с ноги на ногу до тех пор, пока взгляд колючих глаз мэра не оторвался наконец от бумаг, на полях которых его перо делало многочисленные пометки. Лист бумаги с убористо напечатанным текстом переместился из одной стопки в другую.

Мэр Индбур аккуратно, как школьник, сложил руки перед собой, неспешно оглядел стол в поисках нарушений образцового порядка размещения письменных принадлежностей.

Наконец он проговорил, уточняя:

— Капитан Хэн Притчер из Службы Информации?

Капитан Притчер, повинуясь строгим канонам этикета, преклонил колено и склонил голову. Так он стоял до тех пор, пока не услышал положенного приказа:

— Встаньте, капитан Притчер!

Мэр начал довольно дружелюбно:

— Вы приглашены сюда, капитан Притчер, по поводу определенного дисциплинарного взыскания, наложенного на вас старшим по чину. Бумаги относительно этого инцидента попали ко мне, что вполне естественно, и, поскольку меня интересует все, что происходит в Академии, я решил взять на себя труд уточнить кое-какие детали. Надеюсь, вы не слишком удивлены?

Капитан Притчер четко ответил:

— Нет, Ваше Сиятельство. Ваша справедливость известна всем.

— Вот как? Да что вы говорите? — самодовольно усмехнулся мэр. Тонкие контактные линзы на его глазах сверкнули недобрым светом. Он старательно подровнял лежащую перед ним стопку сколотых скрепкой листков и стал их переворачивать. Листы шуршали, длинный указательный палец мэра скользил вдоль строчек. — У меня здесь — ваше полное досье, капитан. Итак, вам сорок три года, семнадцать из них вы служите в армии. Родились в Лорисе, родители — анакреонцы, в детстве ничем серьезным не болели, перенесли приступ мио... так, это неважно... образование до поступления на военную службу — Академия Наук, основная специализация — гиператомные двигатели, успехи в учебе... гм-м... отличные, с чем вас и поздравляю... поступили в армию в чине младшего офицера на сто сорок второй день двести девяносто третьего года Академической Эры.

Он на мгновение оторвал взгляд от листка, мельком взглянул на капитана, перевернул лист и продолжил чтение.

— Видите, — изрек он немного погодя, — как четко работает моя администрация? Порядок! Система!

Не отрывая взгляда от бумаг, он протянул руку к стоявшей справа шкатулке, достал из нее маленькую розовую конфетку и сунул под язык. Мэр был сладкоежкой — это был его единственный порок. Справедливости ради укажем, что на письменном столе мэра не было ни единой принадлежности для курения — он не курил сам, и, естественно, этого не могли себе позволить его посетители.

Индбур продолжал перечислять подробности биографии капитана, время от времени сопровождая их невыразительными комментариями одобрительного или неодобрительного свойства.

Наконец он аккуратно сложил листки в прежнем порядке.

— Ну, капитан, — сказал он довольно живо, — у вас необычная биография! Судя по всему, у вас блестящие способности и выдающиеся заслуги. Тут написано, что вы были дважды ранены при исполнении обязанностей и награждены орденом Славы за проявленную храбрость — совершили подвиг, что выходило за рамки ваших непосредственных обязанностей. Подобные факты трудно недооценить.

Выражение лица капитана не изменилось. Он по-прежнему стоял навытяжку. По этикету посетитель, удостоившийся аудиенции у мэра, не имел права садиться — да в кабинете и не было ни единого кресла или стула, кроме того, на котором восседал Индбур. Кроме того, не положено было позволять себе никаких посторонних высказываний, кроме ответов на вопросы.

Во взгляде мэра появилась жестокость, а в голосе — колючие нотки.

— Однако вы не получали повышений по службе уже десять лет, и ваши начальники в один голос говорят о вашем неисправимом упрямстве. Все они сообщают, что вы постоянно нарушаете субординацию, некорректно ведете себя со старшими по чину офицерами, неприкрыто отказываетесь от поддержания дружеских отношений с коллегами и, кроме того, непрерывно создаете конфликтные ситуации. Как вы это объясните, капитан?

— Ваше Сиятельство, я стараюсь всегда поступать так, как считаю правильным. Мои деяния во славу Державы и мои ранения на этом фронте свидетельствуют о том, что то, что я полагал верным и справедливым, не расходилось с интересами Государства.

— Это — ответ военного, капитан, но... опасная доктрина. Чуть позднее мы к этому вернемся. Например, вас обвиняют в том, что вы трижды отказались от предписаний, невзирая на то что были соответствующие распоряжения моих подчиненных. Что вы на это ответите?

— Ваше Сиятельство, предписаниям порой недостает гибкости в критических ситуациях, когда игнорируются вещи, имеющие первостепенную значимость.

— А кто вам сказал, что то, что вы считаете вещами первостепенной важности, на самом деле таковыми являются? И кто вам сказал, что они, будучи таковыми, если на то пошло, игнорируются?

— Ваше Сиятельство, есть вещи, в которых я просто убежден. Мой опыт, мое понимание событий — этого не отрицает никто из старших по чину — тому порукой.

— Но, милый мой капитан, вы просто слепы! Неужели вы не видите, что, присваивая себе право судить о том, что верно, а что — нет, и определяя тем самым для себя лично смысл деятельности разведывательной службы, вы просто узурпируете права старших по чину?

— Ваше Сиятельство, я служу прежде всего Державе, а не начальникам.

— Ошибаетесь. У всякого старшего по чину есть свой начальник, а главный из них — я, а я и есть Держава. У вас нет причин жаловаться на какую бы то ни было несправедливость с моей стороны. Собственно, вы сами признали, что справедливость моя общеизвестна.

А теперь, будьте так добры, объясните сами, каким образом все ваши дисциплинарные проступки привели к тому, к чему привели.

— Ваше Сиятельство, моя служба состоит в соблюдении интересов Государства, а не в том, чтобы я играл роль отставного моряка в Калгане. В инструкциях, данных мне, было черным по белому написано, что я обязан был осуществлять на планете деятельность на благо Академии, создать там организацию, которая могла бы контролировать действия диктатора, в особенности — в области внешней политики.

— Это мне известно. Дальше!

— Ваше Сиятельство, в своих отчетах я неоднократно указывал на важное стратегическое положение Калгана и контролируемых им звездных систем. Я сообщал о том, что диктатор амбициозен, о том, каковы его военные планы, каковы ресурсы, а также о его миролюбивом или — как минимум — нейтральном отношении к Академии.

— Все ваши отчеты я внимательно изучил. Дальше!

— Ваше Сиятельство, я вернулся два месяца назад. В то время я не наблюдал на Калгане никаких признаков военных приготовлений. Им никто не угрожал. Месяц назад никому не известный джентльмен удачи захватил Калган без боя. Тот человек, что был диктатором Калгана, вряд ли в живых. Там не говорят об измене. Все разговоры — только о гениальности и мощи этого разбойника — Мула.

— Этого кого?

Мэр подался вперед. Он был явно обескуражен и недоволен.

— Ваше Сиятельство, его называют Мулом. Говорят о нем много, но достоверных фактов — крохи, так что я вынужден был добывать информацию где придется и из множества слухов отбирать только заслуживающие доверия. Скорее всего он незнатен и небогат. Кто его отец — неизвестно. Мать умерла при родах. Воспита-

ние — никакого, бродяга. Образование получил, кочуя по заброшенным мирам. Никакого другого имени его, кроме клички «Мул», никто не знает. Причем утверждают, что он сам присвоил себе эту кличку, — она как нельзя лучше говорит о его потрясающей физической силе и упрямстве в достижении целей.

— Какова его военная мощь, капитан? Физическая сила меня не интересует.

— Ваше Сиятельство, говорят, что его флот огромен, но, вполне возможно, эти слухи от того, с какой легкостью он захватил Калган. Территория, находящаяся под его контролем, невелика, хотя точные ее границы определить трудно. Как бы то ни было, за этим человеком нужно наблюдать.

— Хм-м. Так-так...

Мэр погрузился в раздумье. Медленно, старательно он вывел на чистом листе блокнота шесть абсолютно правильных квадратов, замкнув их стороны в шестиугольник. Вырвал лист, аккуратно разорвал на три части и выбросил в бумажную корзину. Немедленно заработала бесшумная система атомной дезинтеграции, и бумага исчезла.

— А теперь скажите мне, капитан, каковы альтернативы? Вы сказали мне, за кем, по вашему мнению, нужно следить. А за кем вам приказано было следить?

— Ваше Сиятельство, есть одна крысиная нора, жители которой, судя по всему, не желают платить долги.

— Вот как? И все? Вы не знаете и вам не говорили, что эти люди, не желающие платить налоги, — потомки одичавших Торговцев, анархистов, мятежников, социальных маньяков, которые, заявляя, что они родом из Академии, плюют на достижения нашей культуры? Вы не знаете и вам не говорили, что эта крысиная нора — не одна, что их много, что этих крысиных нор гораздо больше, чем нам кажется, что эти крысиные норы сообщаются друг с другом, а все вместе — с криминаль-

ными элементами на территории Академии? Даже здесь, капитан, даже здесь?!

Мэр почувствовал, что говорит чересчур эмоционально, и быстро взял себя в руки.

— Так вы не знали об этом, капитан?

— Ваше Сиятельство, все это мне говорили. Но, будучи на службе у Государства, я призван служить честно, а честно служит тот, кто служит Истине. Каковы бы ни были политические устремления этих остатков древних Торговцев, опаснее диктаторы, унаследовавшие обломки Империи. Они реально обладают и силой, и властью. У Торговцев нет ни оружия, ни ресурсов. И единства нет. И я не сборщик налогов, чтобы посылать меня, опытного разведчика, как мальчика на побегушках...

— Капитан Притчер, вы военный, и рассуждать вам не положено. Вы допускаете большую ошибку, позволяя себе выказывать неповиновение мне. Будьте осмотрительнее. Я справедлив, да, но это не означает, что я не могу быть жестким. Капитан, уже давно доказано, что генералы Имперского века и теперешние диктаторы одинаково беспомощны против нас. Наука Селдона, предсказывающая картину течения истории Академии, основана не на геройстве отдельных лиц, как вам представляется, а на социальных и экономических тенденциях истории. Мы успешно преодолели уже четыре кризиса, не так ли?

— Ваше Сиятельство, это так. Но наука Селдона не известна никому, кроме Селдона. У нас же нет ничего, кроме веры в нее. Во время первых трех кризисов, как нас учили, Академией управляли выдающиеся руководители, которые, сумев разгадать природу кризисов, предприняли определенные меры предосторожности. Если бы не это — кто мог бы поручиться за благоприятный исход?

— Да, капитан, но вы забыли о четвертом кризисе. Вспомните, капитан, в то время у нас не было выдающегося государственного деятеля, тогда мы столкнулись с угрозой в лице умнейшего противника, колоссальной военной мощи! А победили за счет исторической неизбежности.

— Ваше Сиятельство, все это так. Но эта неизбежность стала неизбежностью только после целого года нашего отчаянного сопротивления. Наша неотвратимая победа стоила нам полусотни первоклассных кораблей и полумиллиона жизней наших соотечественников. Ваше Сиятельство, План Селдона помогает тому, кто сам себе помогает.

Индбур нахмурился. Ему надоело сдерживать себя. Он понял, что с самого начала неправильно повел беседу, позволив капитану высказывать собственное мнение.

Он жестко проговорил:

— Как бы то ни было, капитан, Селдон гарантирует победу над диктаторами, а я не могу позволить себе в наше трудное время разбрасываться людьми. Эти Торговцы, к которым вы так легкомысленно относитесь, родом из Академии. Война с ними — это гражданская война. В этом плане нам Селдон ничего не гарантирует, поскольку и они, и мы — Академия. Поэтому их надо поставить на колени. Приказ у вас есть, и извольте выполнять его.

— Ваше Сиятельство...

— Я не задавал вам вопроса, капитан! Извольте выполнять приказ! Любое неповиновение мне или моим представителям будет расценено как измена. Пока я вас прощаю. Пока!

Капитан Хэн Притчер снова преклонил колено, встал и медленно отступил к двери.

Мэр Индбур, третий в династии и второй по праву рождения в истории Академии, восстановил нарушенное душевное равновесие, достав из шкатулки еще одну конфетку. Затем он взял из левой стопки очередной лист бумаги. Это был отчет о качестве металлических

деталей на униформе полицейских. Мэр зачеркнул лишнюю запятую, исправил пару орфографических ошибок, сделал три пометки на полях и положил лист в правую стопку. Взял следующий лист из левой стопки...

Капитан Хэн Притчер из Службы Информации, вернувшись в казарму, обнаружил, что его ожидает персональная капсула. В ней он нашел приказ, пересеченный большими красными буквами «Срочно» и начинавшийся с заглавной буквы Я.

Капитану Хэну Притчеру предписывалось немедленно вылететь в мятежную систему Хейвен.

Капитан Хэн Притчер, один в легком одноместном катере, отправился прямехонько на Калган. Эту ночь он спал спокойно, как добившийся своего упрямец.

Глава 13

ЛЕЙТЕНАНТ И ШУТ

В то время как на расстоянии в семь тысяч парсеков сдача Калгана без боя отрядам армии Мула вызвала любопытство отставного Торговца, привлекла к себе пристальное внимание упрямого капитана и вызвала раздражение мэра-бюрократа, для самих жителей Калгана как будто ничего и не произошло. Вот извечный урок для человечества — расстояние во времени и пространстве не имеет никакого значения. К сожалению, никто и никогда не выучил урока на «отлично»...

Калган был как Калган. Только там во всем огромном квадранте Галактики как будто и ведать не ведали, что пала Империя, что давным-давно ею не правит династия Станнелей, что ее величие ушло в небытие и нет мира под оливами.

Калган был миром роскоши. Кругом все рушилось, а он сохранял свою неизменную репутацию индустрии развлечений, пожирателя золота и рынка удовольствий.

Превратности истории обошли Калган стороной,

потому что ни один завоеватель не стал бы разрушать или даже сколько-нибудь серьезно вредить миру, в котором было столько готовых, на блюдечке с голубой каемочкой, денег, за которые можно купить любого завоевателя с потрохами.

Однако даже Калган в конце концов стал резиденцией диктатора, и война коснулась его холодной десницей.

Его уютные джунгли, мягкие линии пляжей, города с прихотливой архитектурой откликались жалобным эхом на топот сапог наемных солдат. Миры его провинций были вооружены, немалые деньги были вложены в покупку военных кораблей — впервые в истории Калгана. Его новый правитель быстро показал, что он твердо намерен защищать то, что считает своим, и не прочь захватить чужое.

Он был самым могущественным диктатором в Галактике, вершителем войны и мира, полагал себя строителем Империи и родоначальником династии.

И вдруг никому не известный самозванец, у которого и имени-то не было — только дурацкая кличка, — захватил и его, и его армию, и его новоявленную Империю просто так, без боя.

Тем не менее на Калгане внешне все было как прежде, и его мало что понимающие жители поспешили вернуться к привычной жизни, в то время как иноземные вояки быстро примыкали ко все новым и новым формированиям армии Мула.

Снова, как обычно, устраивались экзотические сафари — охота на специально разводимых диких животных в джунглях, где, естественно, как вещала реклама, не ступала нога человека, а в небе над джунглями носились скоростные охотничьи катера — там шла охота на гигантских птиц.

В городах туристы, убежавшие на Калган от суеты Галактики, могли по-прежнему позволить себе всю гамму развлечений в зависимости от собственного кошель-

ка — от эфирных фантастических воздушных замков, распахивающих свои двери перед звоном монетки в полкредитки, до таинственных, мало кому известных домов с привидениями, войти в которые могли себе позволить только самые богатые...

В колоссальном потоке пассажиров Торан и Байта не привлекли особого внимания. Они зарегистрировали свой корабль в громадном общем ангаре на Восточном Полуострове и отправились в местечко, которое было вполне по карману туристам со средним достатком, — на побережье Внутреннего Моря. Там можно было развлечься и отдохнуть, и притом народу было не слишком много.

На Байте были темные очки и тонкое белое летнее платье. Она сидела на песке, обхватив колени руками, едва тронутые нежным золотистым загаром. Взгляд ее рассеянно скользнул по фигуре мужа, вытянувшегося на песке рядом с ней. Он уже успел прилично загореть.

— Смотри, обгоришь! — предупредила она его в первый день, но это было бесполезно. Торан был родом с угасающей звезды, и, хотя он целых три года провел в Академии, солнце было для него роскошью, посему он уже четыре дня, обработав кожу специальным кремом от солнечных ожогов, разгуливал по Калгану в одних шортах.

Байта придвинулась к Торану поближе, и они заговорили шепотом.

Торан печально проговорил, прикрыв рукой глаза от солнца:

— Нет, Байта, конечно, я признаю, что мы ничего не добились. Мы — нигде. Но он-то, он-то где? Кто он? В этом сумасшедшем мире о нем никто ничего не знает. Может быть, его и нет вовсе?

— Он существует, — еле шевеля губами, отозвалась Байта. — Просто он умен и хитер, вот и все. Твой дядя прав. Он человек, который мог бы нам помочь. Если еще не поздно.

После короткой паузы Торан прошептал:

— Извини, Байта, я на минутку задремал. Разморило. Забыл обо всем. Как было здорово.

Голос его почти затих. Стряхнув дремоту, он заговорил снова:

— Помнишь, как нам в колледже говорил доктор Амани, Бай? Академия не может проиграть никогда, но это не значит, что не могут проиграть ее правители. Разве настоящая история Академии не началась тогда, когда Сальвор Гардин сбросил Энциклопедистов и стал первым мэром Терминуса? Разве потом, в следующем столетии Хобер Мэллоу не захватил власть не менее жестоким способом? Дважды правители потерпели поражение — значит, в принципе, это возможно. И почему бы нам этим не заняться?

— Ох, Тори, это из области литературы. Напрасная трата слов.

— Разве? Ну, задумайся! Что такое Хейвен? Разве он — не часть Академии? Если мы победим, это все равно будет означать победу Академии и всего-навсего поражение нынешних правителей.

— Есть большая разница между «мы можем» и «мы победим». Так что — хватит болтать.

— Ну, ладно, Бай. Ты просто не в настроении. Это с тобой бывает. Только зачем ты хочешь мне настроение испортить? Прости, если не возражаешь, я подремлю немного.

Он прикрыл глаза, а Байта рассеянно глядела в сторону моря, как вдруг ее внимание неожиданно привлекла странная фигурка человека, ходившего на руках на потеху скучающей толпе. Скорее всего это был один из бродячих пляжных акробатов — они тут постоянно околачивались, готовые свернуться в клубок и извиваться как змеи за пару небрежно брошенных монет. Торан открыл глаза, приподнялся и вместе с Байтой стал следить за развитием событий. К кучке людей, собравшихся вокруг акробата, неожиданно приблизились

несколько полицейских из береговой охраны. С потрясающей виртуозностью акробат, балансируя на одной руке, сделал им «нос» другой. Командир патруля сделал шаг вперед, но тут же с позором отступил, получив пинок в живот. Паяц быстро встал на ноги и немедленно бросился бежать, а оскорбленного охранника удержала толпа, явно ему не симпатизирующая.

Паяц, петляя из стороны в сторону, перепрыгивая через мирно загорающих туристов, бежал по пляжу. Кучка народа быстро рассосалась. Охранники рассыпались по пляжу.

— Странный какой... — удивленно прошептала Байта.

Торан рассеянно хмыкнул. Паяц был уже недалеко от них, и его можно было разглядеть получше. Его худое, изможденное лицо украшал прямой длиннющий нос. Его длинные, гибкие руки и ноги, по-паучьи ловкое тело, обтянутое клоунским трико, двигались грациозно и легко, однако сразу было видно, что в нужный момент он может собраться в комок железа и камня.

Смотреть на него без улыбки было невозможно. Пробегая мимо Торана и Байты, паяц заметил, что они смотрят на него, совершенно неожиданно остановился и вернулся к ним. Пристальный взгляд его карих глаз остановился на Байте.

Она почувствовала себя неловко.

Он улыбнулся, отчего его по-птичьи носатая физиономия стала еще печальнее. Заговорил он с мягким, своеобразным выговором Центральных Секторов Галактики.

— Пожелай я употребить все красноречие, дарованное мне Добрыми Духами Галактики, — изрек он, молитвенно сложив руки, — я бы сказал, что такой прекрасной госпожи просто не может быть на свете! Разве может сон стать явью? Кто сможет в это поверить? Разве только безумец! Но я готов сойти с ума и преклониться перед блеском этих очаровательных, восхитительных глаз!

Байта только широко раскрыла рот и выдохнула:

— Вот это да!

Торан рассмеялся.

— Ах ты, коварный искуситель! Ну-ка, давай еще что-нибудь в том же духе! Бай, по-моему, он заслуживает поощрения. Дай-ка ему пару монет!

Оскорбленный паяц одним прыжком подскочил поближе.

— О нет, моя госпожа, не поймите меня превратно! Я вовсе не из-за денег расточаю похвалы вашим прекрасным глазам и восхитительному лицу!

— Ну... благодарю вас, — проговорила ошеломленная Байта и, обернувшись к мужу, шепнула: — Ты погляди, как у него глаза горят!

— Но не только дивное лицо и восхитительные глаза, — продолжал паяц с еще большим воодушевлением, — так поразили мое воображение! Госпожа, за столь прекрасной оправой скрывается чудный ум ваш — светлый, твердый, как алмаз, и доброе сердце.

Торан встал и поднял с песка белую рубашку, которую уже четыре дня таскал, забросив за плечо. Доставая из кармана кошелек, он проговорил:

— Слушай, парень, может, скажешь прямо, сколько тебе дать, и перестанешь надоедать даме?

Паяц испуганно отступил, потупил взгляд, ссутулился.

— О, я вовсе не желал огорчить вас, поверьте! Здесь я чужой, про меня всякое говорят, только я, и правда, умею кое-что читать по лицам. Доброе сердце госпожи не оставит в беде несчастного. Прошу простить меня, я говорю неуклюже...

— Пяти монет хватит, чтобы помочь твоей беде? — сухо поинтересовался Торан и протянул паяцу деньги.

Однако тот не двинулся с места, чтобы взять их, и Байта вмешалась:

— Позволь, я поговорю с ним, Тори! — И добавила мягко, вполголоса: — Что ты сердишься? Ну, глупостей

наговорил человек. Просто у него такая манера говорить, вот и все. Наверное, на его взгляд, мы тоже странно разговариваем.

Она обернулась к паяцу и спросила:

— Что за беда? Тебя напугал охранник? Не бойся его!

— О нет! — замахал руками паяц. — Нет, не он! Что мне он — не более чем прибрежный ветерок, осыпающий песком мои ступни. Я боюсь другого человека, а он — это ураган, сметающий миры и сталкивающий их друг с другом, как бильярдные шары. Неделю назад я убежал от него, скитался, спал где придется — порой прямо на мостовой, прятался в толпе. Я заглядывал в глаза многим, ища помощи и поддержки. И вот я нашел ту, что может мне помочь.

Последнюю фразу он произнес тихо, чуть не плача, и повторил:

— Я нашел ту, что может мне помочь!

— Ну, — растерянно проговорила Байта, — я рада бы тебе помочь, но, право же, дружок, из меня выйдет неважная защитница от урагана, сметающего миры. Честно говоря, я бы тебе посоветовала...

Громкий окрик прервал их разговор:

— Вот ты где, грязный подонок!

Это был не кто иной, как оскорбленный охранник. Его багровая физиономия перекосилась от злости. Он тяжело дышал после бега под палящим солнцем. Указывая на паяца тяжелым револьвером, он крикнул:

— Эй, вы, двое, держите его, слышите! Не дайте ему удрать!

Его тяжелая лапища мертвой хваткой вцепилась в плечо несчастного акробата. У того от страха подогнулись колени.

— Собственно, что он натворил? — спросил Торан.

— Что он натворил? Что он натворил? — брызгал слюной охранник. — Так, сейчас, хорошо...

Он полез в карман свободной рукой, вынул огромный красный носовой платок и вытер вспотевшую шею. Слегка отдышавшись, он прорычал:

— Скажу, сейчас скажу, что он натворил! Он удрал, сволочь такая! Об этом знают везде вокруг Калгана, и я бы его давно узнал и сцапал, если бы он стоял на ногах, а не на руках! — Закончив тираду, он довольно осклабился.

— А откуда он убежал, сэр? — вежливо поинтересовалась Байта.

Охранник откашлялся. Вокруг них собирались зеваки: глаза любопытные, ушки на макушке. Прямо пропорционально числу зевак росло воодушевление охранника.

— Откуда он убежал? — с театральным пафосом вопросил охранник. — Про Мула слыхали?

Зеваки притихли, а у Байты противно засосало под ложечкой. Паяц умоляюще глядел на нее, не в силах вырваться из железной хватки охранника.

— Спрашивается, кто же этот подлый бродяга, — с надрывом продолжал охранник, — как не придворный шут Его Величества, удравший от него?!

Он грубо встряхнул свою жертву.

— Признаешь это, мерзавец?

Паяц ничего не ответил, только смертельно побледнел от ужаса. Байта что-то прошептала на ухо Торану.

Торан, дружелюбно улыбаясь, подошел поближе к охраннику.

— Послушайте, дружище, не могли бы вы на минутку отпустить беднягу? Просто он тут плясал для нас и еще не отработал свои денежки.

— Да ну? — притворно удивился охранник. — И где же они? Не болтайте ерунды! Так я его и отпустил! За него знаете, какая награда назначена?

— Вы ее получите, если докажете, что он — именно тот, кого вы ищете. А пока все-таки отпустите его. Вы нарушаете кодекс гостеприимства, и вам за это может здорово нагореть.

— А вы... вы нарушаете законы Его Величества, и за это может здорово нагореть вам! — рявкнул охранник, еще раз крепко встряхнув паяца. — Верни этому человеку деньги, подонок!

Торан резко взмахнул рукой, и револьвер охранника упал на песок — тот не успел и глазом моргнуть. Охранник взвыл от боли и ярости. Торан решительно оттолкнул его, а освободившийся паяц спрятался у Торана за спиной.

Толпа росла. Люди толкались, заглядывали друг другу через плечо. Вдруг издали послышался нарастающий ропот и твердый приказ расступиться и дать дорогу. Зеваки нехотя расступились, и по образовавшемуся проходу к месту происшествия быстро подошли двое парней с бульдожьими физиономиями и электрическими хлыстами наготове. На обоих были пурпурные блузы с изображением молнии и расколотой надвое планеты.

За ними следом шел смуглый великан в форме лейтенанта — черноволосый и хмурый.

Лейтенант заговорил с подозрительной мягкостью в голосе — вероятнее всего, у него не было нужды повышать голос. Он спросил у охранника:

— Это вы нас вызвали?

Охранник все еще потирал ушибленную руку. Скривившись от боли, он пробормотал:

— Я требую выплаты положенной награды, ваша честь, и обвиняю этого человека...

— Вы получите свою награду, — отрезал лейтенант, не глядя на него, и резко приказал солдатам: — Взять его!

Торан почувствовал, как паяц судорожно вцепился в его рубашку. Постаравшись взять себя в руки, он сказал как можно спокойнее:

— Сожалею, лейтенант, но этот человек — мой.

Солдаты не моргнув выслушали это неожиданное сообщение. Один из них инстинктивно поднял плеть, но по безмолвному приказу лейтенанта тут же опустил ее.

Смуглый гигант шагнул вперед и скалой навис над Тораном.

— Кто вы такой?

Торан гордо ответил:

— Гражданин Академии!

Это произвело должное впечатление — по крайней мере, на толпу. Глухое молчание сменилось гулким ропотом. Имя Мула могло напугать, но, в конце концов, имя это было пока ново, и к нему еще не успели привыкнуть настолько, насколько привыкли к слову «Академия». Академия победила Империю, и священный трепет перед ней был еще силен в этом квадранте Галактики. Все знали о ее силе и деспотизме.

Лейтенант, однако, остался невозмутим.

— Вам известно, что за человек прячется у вас за спиной?

— Мне сказали, что он убежал из дворца вашего правителя, но наверняка я знаю одно — он мой друг.

Вам придется здорово постараться и доказать точно, что он действительно тот, кого вы ищете.

В толпе послышались возгласы испуга и восхищения, но лейтенант сохранял спокойствие.

— У вас есть документы, подтверждающие, что вы действительно гражданин Академии?

— На моем корабле.

— Вы осознаете, что ваши действия противозаконны? Я могу пристрелить вас на месте!

— Нисколько не сомневаюсь. Однако, застрелив гражданина Академии, вы сами скоро отправитесь туда в виде собственного трупа — четвертованного, в качестве частичной компенсации. Так было со многими диктаторами.

Лейтенант нервно облизнул губы. Это было правдой. Он проговорил:

— Ваше имя?

Торан развивал достигнутое преимущество...

— На дальнейшие вопросы я буду отвечать только на

борту моего корабля. Можете узнать в ангаре номер стоянки. Корабль зарегистрирован под названием «Байта».

— Вы отказываетесь выдать беглеца?

— Разве что самому Мулу. Передайте ему мое приглашение!

Разговор был окончен. Резко отвернувшись, лейтенант сквозь зубы отдал приказ:

— Разогнать толпу!

Щелкнули раз-другой электрические плети. Напуганные зеваки быстро разошлись.

Торан пришел в себя только на пути к ангару. Он проговорил, обращаясь больше к самому себе:

— Ох, Бай, ну и пережил я! Честно говоря, сдрейфил не на шутку.

— Да... — откликнулась она дрожащим голосом. — Это было на тебя совсем не похоже, Тори...

— Ну, сам не знаю, как это вышло! Стоял, как дурак, с револьвером в руке... Бай, я ведь даже толком не знаю, как с ним обращаться! И дерзил этому... В общем, не знаю, как это вышло!

Обернувшись через плечо, он украдкой взглянул на скрючившегося на заднем сиденье скоростного катера придворного шута Мула. Тот дремал, совершенно обессиленный. Катер уносил их все дальше от пляжа. Торан вздохнул:

— Да... труднее работенки у меня, пожалуй, не было.

Лейтенант стоял навытяжку перед гарнизонным полковником. Полковник спокойно сказал:

— Хорошо сработано. Свое дело вы сделали.

Но лейтенант после этих слов не ушел. Он мрачно проговорил:

— Мул пал в глазах народа, сэр. Необходимо принять срочные меры по восстановлению должного порядка.

— Меры уже приняты.

Лейтенант совсем было собрался уйти, но задержался еще и пробормотал с горечью в голосе:

— Я согласен, сэр, порядок есть порядок, только вот стоял я там перед этим хлюпиком, а у него в руке — револьверишко паршивый, а я был беспомощен, как котенок. Труднее работенки у меня, пожалуй, не было...

Глава 14

МУТАНТ

«Ангар» на Калгане — постройка весьма специфическая, рассчитанная на размещение огромного количества кораблей, на которых сюда прибывают гости из других миров. В «ангаре» все предусмотрено для быстрого и качественного удовлетворения самых разнообразных потребностей туристов. Умник, который все это придумал, моментально стал миллионером. Его наследники — как кровные, так и финансовые — легко попали в круг богатейших людей Калгана.

Постройки «ангара» занимали колоссальные участки земли, так что слово «ангар» в весьма отдаленной степени отражает суть и назначение этого строения. Фактически это был отель — отель для звездолетов. Путешественник платит вперед, и его кораблю предоставляется стоянка, с которой он может стартовать в любой момент. При желании турист может жить в своем корабле. Обычные гостиничные услуги, как-то: доставка продуктов питания, медикаментов, несложный ремонт корабля, спецрейсы по Калгану — все это предоставляется за номинальную плату.

В итоге турист имеет одновременно стоянку для корабля и гостиницу для себя, что и удобно, и выгодно. Кроме того, владельцы сдают участки земли, примыкающие к «ангару», по сходной цене. Правительство

собирает высокие налоги. И все довольны. Никто не внакладе. Простенько — и со вкусом!

Человек, уверенно шагавший по коридорам «ангара», соединявшим его многочисленные «крылья», явно был здесь не впервые. В свое время он уже оценил по достоинству новизну и удобства этого сооружения, а сейчас ему было не до восторгов. Он торопился.

Корабли самых разнообразных размеров и конструкций выстроились длинными четкими рядами. Человек шел вперед, оставляя позади ряд за рядом. Предварительно изучив схему «ангара», он понял, в каком крыле находится нужный ему корабль, а теперь богатый опыт и профессиональное чутье должны были помочь ему выбрать его из сотни других звездолетов.

Тишину нарушил отдаленный призрачный вздох. Человек остановился, повернулся и пошел вдоль очередного ряда кораблей — муравей среди металлических чудовищ.

То тут, то там из приоткрытых входных люков вырывались лучи света. Это означало, что хозяева рано вернулись домой, предпочтя шумным развлечениям домашний уют.

Человек остановился. Если бы он умел улыбаться, он непременно улыбнулся бы. Во всяком случае, мысленно он улыбнулся.

Корабль, у которого он остановился, был невелик, но, судя по всему, способен развивать огромную скорость. Некоторые особенности его конструкции убедили человека в том, что он нашел то, что искал. Корабль был необычной модели. В те дни большинство конструкций звездолетов в данном квадранте Галактики либо имитировали модели, созданные в Академии, либо просто были построены тамошними инженерами. Этот корабль был другим. Это был корабль из Академии. Ошибка исключена — утолщения в обшивке свидетельствовали о том, что он оборудован защитным полем — которое было только у кораблей Академии. Было и еще

кое-что, что окончательно убедило человека в успехе поисков.

Все стоянки в «ангаре» были оборудованы электронными барьерами. Однако это не смутило человека. Он достал портативный нейтрализатор весьма специфической конструкции и легко преодолел барьер.

Поэтому внутри корабля узнали о визите постороннего только по мягкому жужжанию звонка в центральном отсеке. Это означало, что кто-то коснулся глазка фотоэлемента сбоку от главного входного люка.

Все время, пока продолжался этот увенчавшийся успехом поиск, Торан и Байта чувствовали себя в относительной безопасности за стальной обшивкой «Байты». Паяц Мула, сообщивший, что его зовут не как-нибудь, а Магнифико Гигантикус — имечко, прямо скажем, *издевательское для столь тщедушного создания*, скрючился у стола и жадно поглощал приготовленную для него еду.

Взгляд его печальных карих глаз отрывался от еды только для того, чтобы украдкой взглянуть на Байту, которая хлопотала на кухне рядом с ним.

— Благодарность такого ничтожества, как я, конечно, пустяки для вас, госпожа, — смущенно пробормотал он, — но я действительно благодарен вам. Ведь за последнюю неделю я питался одними огрызками. А у меня, признаться, несмотря на то что я такой худой, отличный аппетит.

— Ну так ешь! — улыбнулась Байта. — И не трать времени на благодарности. Знаешь пословицу про благодарность? Я ее точно не помню, один раз только слышала.

— Да, моя госпожа, есть такая пословица. Мне довелось услышать, как один мудрый человек изрек: «Лучшая благодарность — молчание». Но, увы, моя госпожа, я — болтун. Когда-то мое пустословие пришлось по нраву Мулу, и он нарядил меня в этот шутовской костюм и наградил громким именем — раньше-то меня

звали просто Бобо. Ему это не понравилось. А потом, моя госпожа, если моя болтовня была ему почему-либо не по вкусу, он нещадно избивал меня.

Из отсека управления вышел Торан.

— Делать нечего, Бай. Остается одно — ждать. Надеюсь, Мулу известно, что корабль из Академии является территорией Академии.

Магнифико Гигантикус, в прошлом Бобо, широко раскрыв глаза, воскликнул:

— Как же велика должна быть Академия, если даже слуги Мула трепещут перед ней!

— А ты слышал об Академии? — с улыбкой спросила Байта.

— Кто же не слышал о ней! — подобострастно воскликнул Магнифико. — Говорят, что это мир великих чудес, в котором есть огонь, способный поглотить целые планеты. Говорят, что самые высокопоставленные люди по всей Галактике не могут похвастаться честью и уважением, которым пользуется всякий простой смертный, имеющий счастье сказать: «Я — гражданин Академии!» — будь он простым шахтером или даже таким ничтожеством, как я.

Байта покачала головой.

— Ох, Магнифико, если ты будешь произносить такие пышные речи, ты никогда не покончишь с едой. На-ка, выпей молока. Очень вкусное!

Она поставила на стол кувшин с молоком и стакан и, знаком попросив Торана удалиться, сама вышла следом за ним.

— Торан, что же мы будем с ним делать? — тихо спросила она, кивнув в сторону кухни.

— Что ты имеешь в виду?

— Если явится Мул, мы отдадим его?

— А что же нам еще остается, Бай? — обреченно пожал плечами Торан и сдул со лба прилипшую прядь волос. — Пока мы сюда не попали, — устало продолжал он, — я, как дурак, думал: ну, прилетим, порасспросим

тут про Мула, а потом займемся делом — а каким, я и сам не знал.

— Я понимаю, что ты хочешь сказать, Тори. Я сама, честно говоря, не надеялась, что нам удастся увидеть Мула. Я тоже думала, что мы ограничимся просто расспросами, которые в конце концов могли бы вывести нас на людей, которым побольше известно о его межзвездных интригах. Кто знал, что так выйдет! Я же не шпион из космического боевика!

— В этом плане я недалеко от тебя ушел, Бай...

Сжав кулаки, он продолжал:

— Да... Ситуация... Честно говоря, мы ведь и не были до конца уверены, что Мул на самом деле существует. А тут вдруг такая передряга! Значит, ты думаешь, он придет за своим паяцем?

Байта быстро взглянула на него.

— Не знаю, хочу ли я этого. А ты?

В это мгновение прерывисто зазвонил звонок. Кто-то стоял у входного люка! Байта беззвучно прошептала:

— Мул!

На пороге, широко раскрыв глаза, перепуганный насмерть, стоял Магнифико.

— Мул?!

— Придется впустить их, — огорченно пробормотал Торан.

Щелкнул контакт, люк открылся и впустил гостя. Крышка люка захлопнулась. На сканере в центральном отсеке была видна одинокая тень.

— Там всего один человек, — облегченно вздохнул Торан. Сдерживаясь, чтобы не выдать волнения, он спросил в переговорное устройство: — Кто вы такой?

— Может, все-таки мне будет позволено войти? — донесся голос из переговорного устройства.

— Должен вас предупредить, что это корабль из Академии и по Конвенции о международном праве он является ее территорией.

— Мне это известно, — ответил голос.

— Входите, подняв руки. В противном случае я буду стрелять. Я неплохо вооружен.

— Договорились.

Торан открыл дверь отсека и взвел курок бластера. На пороге стоял незнакомый мужчина.

Магнифико облегченно прошептал:

— Это не Мул! Просто человек!

«Просто человек» церемонно кивнул паяцу.

— Точно подмечено. Я действительно не Мул.

Руки он по договору держал чуть приподнятыми и разведенными в стороны.

— Я не вооружен, — сообщил он, — и пришел к вам с миром. Так что не волнуйтесь и уберите бластер.

— Кто вы? — недовольно спросил Торан.

— Это мне следовало бы вас спросить, — холодно парировал незнакомец. — Это вы скрываете свою личность, а не я.

— Как это?

— Вы утверждали, что вы — гражданин Академии, не правда ли? Да будет вам известно, что среди прибывших на Калган не зарегистрировано ни одного Торговца.

— Это неправда! Откуда вы знаете?

— Знаю, потому что я — гражданин Академии. У меня есть соответствующие документы. А у вас?

— Я думаю, вам лучше уйти!

— А я так не думаю. Если вам известно, что бывает с теми, кто выдает себя за гражданина Академии, не будучи им, и еще кое-какие процессуальные тонкости, вам будет нетрудно догадаться, что вас ожидает, если я не вернусь живым на свой корабль. Тут же поступит сигнал на ближайшую военную базу Академии. Так что настоятельно рекомендую вам убрать оружие.

Наступило напряженное молчание. Наконец Байта спокойно сказала:

— Убери бластер, Торан, и поверь ему на слово. Похоже, он правду говорит.

— Благодарю вас, — поклонился незнакомец.

Торан положил бластер на стул рядом с собой.

— Надеюсь, теперь вы можете объясниться?

Незнакомец продолжал стоять. Он был высокий, широкоплечий. Лицо словно вырублено из камня. Почему-то сразу возникла уверенность, что он никогда не улыбается. Но глаза у него были добрые.

— Слухи распространяются быстро, — сказал он, — особенно невероятные. Думаю, вряд ли на Калгане сейчас отыщется хоть один человек, который бы не знал, что люди Мула схлопотали по зубам от двоих туристов из Академии. Главное я знал уже днем. Кроме того, как я сказал, зарегистрированных туристов из Академии на Калгане нет, кроме меня. Такие вещи нам известны.

— Кто это — «мы»?

— «Мы» — это «мы». Я — один из них. Я понял, что вы припарковались в «ангаре», — вы сами обмолвились там, на пляже. Поэтому я своими методами изучил список и своими методами нашел корабль. — Он резко повернулся к Байте. — Вы — уроженка Академии, не так ли?

— Да что вы говорите? — огрызнулась Байта.

— Вы — член демократической оппозиции, именуемой «подпольем». Имени вашего я не помню, зато помню лицо. Вы покинули Академию совсем недавно, и это вам вряд ли удалось бы, будь вы фигурой поважнее.

Байта пожала плечами.

— Вы подозрительно много знаете.

— Да. Знаю. Вы удрали с мужчиной. С этим?

— Какая вам разница?

— Никакой. Просто хочу, чтобы мы лучше поняли друг друга. Если не ошибаюсь, пароль на той неделе, когда вы удрали, был «Селдон, Гардин, Свобода»? А командиром вашей группы был Порфират Харт.

— Откуда вы знаете? — гневно воскликнула Байта. — Его схватила полиция?

Торан сжал ее руку, но она вырвалась и подошла ближе к незнакомцу.

— Никто его не схватил. Просто у подполья широ-

кие связи в самых неожиданных местах. Меня зовут капитан Хэн Притчер, я из Службы Информации, и я сам командир группы, а под каким именем — неважно. — Подождав немного, человек из Академии продолжил: — Нет, я вовсе не жду, что вы мне поверите. В нашем деле лучше не доверять, чем наоборот. Просто хотелось поскорее покончить с вводной частью.

— Ну, — сердито буркнул Торан, — допустим, вам это удалось.

— Можно присесть? Спасибо.

Капитан Притчер уселся, закинув ногу на ногу, а руку забросил за спинку кресла.

— Давайте для начала кое-что уточним. Вы двое прибыли не из Академии, следовательно, как нетрудно догадаться, из одного из независимых торговых миров. Это меня как раз мало интересует. Любопытно другое — что вы собираетесь делать с этим несчастным паяцем, которого вы похитили с такой легкостью. Удерживая его у себя, вы рискуете жизнью.

— Я вам этого не скажу.

— Гм-м. Собственно, я и не ожидал ответа. Только если вы думаете, что Мул лично явится за ним под звуки фанфар, барабанов и электроорганов, забудьте об этом. Мул до такого не унизится.

— Что? — одновременно выдохнули Торан и Байта, а в углу, где притаился Магнифико, в полном смысле слова навостривший уши, раздался вздох облегчения.

— Это правда. Я сам пытался войти с ним в контакт и проделал в этом плане гораздо более серьезную работу, чем вы, любители. Ничего не вышло. Он нигде лично не появляется, не разрешает себя фотографировать и вообще как бы то ни было изображать — видит его только ближайшее окружение.

— Чем же мы можем быть вам полезны в этом плане, капитан?

— Не вы. Паяц — ключ ко всему. Паяц — один из немногих, кто его видел. Он мне нужен. У меня есть кое-какие догадки, и он может их подтвердить. Мне нужно

их подтвердить, чтобы, черт побери, встряхнуть Академию!

— А ее нужно встряхнуть? — ехидно поинтересовалась Байта. — А зачем? И в какой роли вы выступаете сейчас? Кто вы — мятежный демократ или служащий тайной полиции и провокатор?

Лицо капитана помрачнело.

— Когда существует угроза для всей Академии, Мадам Революционерка, она существует для всех — и для демократов, и для тиранов. Так что давайте-ка спасем наших собственных тиранов от еще большего тирана, с помощью которого мы сможем их сбросить.

— О каком это тиране вы говорите?

— О Муле! Я кое-что о нем знаю — столько, что уже сто раз мог отправиться на тот свет, если бы не моя способность ускользать в самые опасные моменты. Попросите паяца выйти. Мне нужно кое-что сказать вам наедине.

— Магнифико!

Байта жестом попросила паяца удалиться, и тот безропотно повиновался.

Капитан заговорил так тихо, что Байте и Торану пришлось придвинуться поближе.

— Мул — хитрый игрок. Слишком хитрый, чтобы не понимать притягательности и блеска авторитарного правления. Если он от этого отказывается, то не без причины. Вот почему я думаю, что при личном контакте можно было бы узнать нечто важное, что он скрывает.

Он нетерпеливо махнул рукой, показывая, что вопросы задавать не время, и торопливо продолжал:

— Я побывал там, где он родился. Побеседовал с людьми, которые вряд ли долго задержатся на этом свете именно из-за того, что им кое-что известно. Они помнят ребенка, который родился тридцать лет назад, смерть его матери, его странную юность. Мул — не человек!

Торан и Байта вздрогнули. Они пока мало что понимали, но фраза звучала пугающе.

Капитан продолжал:

— Он — мутант, и, как свидетельствует его дальнейшая карьера, результаты мутации налицо. Я не знаю точно, какова его сила и до какой степени он соответствует образу супермена из дешевых триллеров, но то, что за два года он прошел путь от нуля до завоевателя Калгана, говорит само за себя. Видите, какова опасность? Разве может быть в Плане Селдона учтен генетический сдвиг с непредсказуемыми биологическими качествами?

Байта медленно, с трудом подбирая слова, проговорила:

— Не верю. Это какой-то обман. Почему же люди Мула не убили нас? Чего бояться слугам супермена?

— Я же сказал — я не знаю степени его мутации. Возможно, она еще не завершена, и поэтому он пока не готов к нападению на Академию. В такой ситуации самое разумное с его стороны — дожидаться завершения мутации. А теперь давайте вернемся к паяцу. Позовите его. Я хочу с ним поговорить.

Капитан перевел взгляд на вошедшего, дрожавшего от страха Магнифико, у которого высокий, крепкий мужчина, пристально глядевший на него, явно не вызывал доверия.

Капитан спокойно спросил паяца:

— Ты видел Мула собственными глазами?

— О, я видел его слишком близко, благородный господин. Так близко, что у меня все кости им переломаны!

— Не сомневаюсь. Можешь его описать?

— Мне страшно вспомнить о нем, благородный господин! Он такой... громадный! Рядом с ним даже такой могучий человек, как вы, показался бы муравьем. У него ярко-рыжие волосы — как огонь, а руки у него такие сильные, что я не смог бы сдвинуть его с места, уцепись я и потяни изо всей силы.

Видимо, Магнифико вспомнил пережитые кошмары и весь как-то сжался.

— Часто, на потеху своим генералам, а то и для собственной забавы, он брал меня указательным пальцем за пояс и подвешивал — вот так, а я должен был читать стихи. Только после двадцатого стихотворения он отпускал меня, причем каждое стихотворение должно было быть только что сочиненным и безукоризненно срифмованным. А порой он требовал еще и еще... Он — человек страшной силы, благородный господин, и ужасной жестокости. А глаз его, благородный господин, никто никогда не видел!

— Что? Повтори!

— Он носит очки, благородный господин, очень странные. Говорят, они непрозрачные, потому что у него нечеловеческое зрение. Я слышал, — он перешел на шепот, — что тот, кто посмотрит ему в глаза, умрет на месте. Он может убивать взглядом, благородный господин!

Испуганный взгляд Магнифико перебегал с одного лица на другое. Он молитвенно сложил руки.

— Это правда, клянусь вам. Это правда!

Байта глубоко вздохнула.

— Похоже, вы правы, капитан. Что будем делать? Командуйте.

— Так. Давайте рассудим здраво. Как я понимаю, никаких дел у вас здесь больше нет. Верхний барьер открыт?

— Мы можем стартовать в любое время.

— Тогда стартуйте. Может быть, Мул и не хочет ссориться с Академией, но отпускать Магнифико рискованно. Наверху вас запросто могут ждать. Если вы благополучно исчезнете — кто будет виноват?

— Вы правы, — мрачно признал Торан.

— Однако у вас есть защитное поле и скорость повыше будет, чем у любого из их кораблей, поэтому, как только выйдете из атмосферы Калгана, рвите вперед как можно быстрее.

— Хорошо, — холодно согласилась Байта. — А в каком качестве мы вернемся в Академию, капитан?

— В качестве дружественных представителей Калга-

на, если вы не против. По-моему, в этом не будет ничего удивительного.

Не сказав ни слова, Торан отправился к пульту управления. Все ощутили легкий толчок.

Только когда Калган остался далеко позади и Торан приготовился к первому межзвездному прыжку, лицо капитана Притчера едва заметно смягчилось — ни одного корабля армии Мула не встретилось на их пути.

— Похоже, он таки позволяет нам увезти Магнифико, — сказал Торан. — Что-то у вас не сходится.

— Только в том случае, если он почему-либо хочет, чтобы мы его увезли. Тогда — плохи дела Академии.

Наконец был совершен последний прыжок через гиперпространство, до Академии оставалось лететь сравнительно недолго, и они поймали первую передачу на гиперволнах за время полета.

Их внимание привлекла одна из новостей. Диктор упомянул о том, что некий диктатор, имя которого почему-то названо не было, послал в Академию ноту протеста по поводу насильственного увоза своего придворного. После этого сообщения диктор перешел к спортивным новостям.

Капитан Притчер процедил сквозь зубы:

— Все-таки он нас опередил. — И, подумав, добавил: — Значит, он готов напасть на Академию. Ему просто был нужен повод. Теперь ситуация для нас несколько осложнится. Придется поторопиться...

Глава 15

ПСИХОЛОГ

У того факта, что люди, занимавшиеся «чистой наукой», по-прежнему вели в Академии образ жизни «свободных художников», были свои причины. Превосходство Академии в Галактике — и само ее выживание — в огромной степени зависело от приоритета технологии,

и хотя уже минимум как лет полтораста все более главенствующие позиции занимала физическая сила, ученым удалось сохранить некоторый правовой иммунитет. Ученые были нужны, и они знали это.

Была причина и у того факта, что самым свободным из всех «свободных художников» был Эблинг Мис, несмотря на то что многочисленные титулы и ученые звания к его имени добавляли только те, кто не знал его поближе. В мире, где к науке все еще относились с уважением, он был Ученым — с большой буквы и кроме шуток. Он был нужен и знал об этом.

Вот почему, когда другие падали ниц, он не склонял головы да еще и громогласно заявлял при каждом удобном случае, что его предшественники сроду не унижались перед всякими там вонючими мэрами. И еще добавлял, что во времена его предшественников мэров худо-бедно, а все-таки избирали, а когда надо было — скидывали и что единственное качество, которое можно получить по праву рождения, — это врожденное слабоумие.

Поэтому, когда Эблинг Мис решил оказать мэру Индбуру честь удостоить аудиенции, он не стал утруждать себя отправкой официального запроса и ожиданием официального ответа, а просто напялил менее продранный из двух своих пиджаков, нахлобучил на голову шляпу, давным-давно утратившую всякое подобие формы, и, яростно попыхивая дешевой сигарой — плевать ему было на всякие там запреты, — гордо прошествовал мимо двоих не успевших и рта раскрыть охранников и вошел в ворота дворца мэра.

Его Сиятельство почувствовал первые признаки вторжения, когда до его слуха донесся шум приближавшихся голосов, которые кого-то тщетно увещевали остановиться, а этот кто-то басом чертыхался в ответ и посылал куда подальше тех, кто пытался его задержать.

Индбур медленно отложил лопату, выпрямился и нахмурился. Он позволял себе только два часа отдыха

от государственных дел. Это время он, если позволяла погода, копался в саду. Здесь, как и на его письменном столе, царил образцовый порядок — сад украшали клумбы идеальной квадратной и треугольной формы, желтые и красные цветочки чередовались строгими, ровными полосками. Клумбы обрамляли четкие бордюрчики фиалок и зелени. В саду его никто не имел права беспокоить. Никто!

Индбур, на ходу стягивая перепачканные землей перчатки, направился к калитке.

— Что это значит?

С тех пор как существует человечество, подобный вопрос ни разу не выражал ничего, кроме крайнего возмущения. На вопрос Индбура последовал достойный ответ — в калитку, вырвавшись из крепких рук охранников, вломился Эблинг Мис, оставив у стражей порядка в руках изрядную часть своего пиджака.

Индбур взглядом повелел охранникам удалиться, а Мис наклонился, чтобы поднять с земли нечто, смутно напоминающее шляпу, демонстративно стряхнул с нее некоторое количество пыли, зажал ее под мышкой и провозгласил:

— Значит, так, Индбур! С твоих, извини за выражение, паршивцев — новый пиджак. Совсем ободрали, засранцы!

Он пыхнул сигарой и театрально вытер пот со лба. Мэр, раздраженно глядя снизу вверх на старика, сдержанно заметил:

— Мне не сообщали, Мис, что вы просили об аудиенции. Насколько мне известно, она вам не была назначена.

Эблинг Мис, глядя на мэра сверху вниз, проговорил тоном, в котором не было ничего, кроме искреннего удивления:

— Вот это новости, Индбур, а тебе, что, мою записку не передали? Вчера я передал записку какому-то бездельнику в красной ливрее. Одеваешь их, как цирка-

чей, прости меня господи! Я бы мог, конечно, и прямо так прийти, без записки, но я же знаю, как ты обожаешь формальности!

— Формальности! — хмыкнул Индбур, отводя в сторону возмущенный взгляд. Взяв себя в руки, он сказал более сдержанно: — Вам, вероятно, плохо знакомо такое понятие, как четкая организация труда. Прошу учесть на будущее: когда вам вздумается просить об аудиенции, вы должны заполнить официальный запрос в трех экземплярах, подать его в правительственную канцелярию и спокойно ожидать, когда вам поступит официальный ответ. Только после получения такового вы обязаны явиться в назначенное время, одетым как подобает и соблюдая все правила этикета. Вы свободны!

— Ишь ты! Одежда моя ему не по вкусу! — возмутился Мис. — Да это, если хочешь знать, был мой лучший пиджак, пока твои головорезы не вцепились в него своими клешнями! Понял? А уйду я после того, как сообщу тебе то, что собирался сообщить. Черт подери, Индбур, стал бы я на тебя время тратить! Если бы не наступал селдоновский кризис, только бы ты меня и видел. Жди!

— Селдоновский кризис? — удивленно переспросил Индбур.

Как бы то ни было, Мис был выдающимся психологом. Конечно, он был демократом, грубияном, явным мятежником, но все-таки он был психологом. Мэр был настолько обескуражен его заявлением, что даже не нашелся, как выразить свое возмущение, когда тот сорвал с клумбы первый попавшийся цветок, понюхал и с отвращением швырнул на дорожку.

Индбур холодно спросил:

— Может быть, все-таки пройдем в кабинет? Сад — не место для серьезных разговоров.

В любимом кресле за огромным письменным столом он чувствовал себя намного увереннее. С возвышения он неприязненно поглядывал на розоватую лысину

Миса, едва прикрытую редкими седыми волосами. Мэр испытывал злорадное удовлетворение, наблюдая, как Мис оглядывается по сторонам в поисках второго кресла. Не обнаружив такового, он вынужден был стоять в неловкой позе, переминаясь с ноги на ногу. Еще большую уверенность в себе Индбур обрел, когда в ответ на нажатие послушной кнопки в кабинет вошел чиновник в ливрее и, подобострастно согнувшись, положил на стол тяжелый, оправленный металлом том.

— Ну а теперь давайте по порядку, — сказал Индбур, входя в роль хозяина положения. — Чтобы наша неформальная беседа закончилась побыстрее, постарайтесь как можно более коротко изложить суть.

Тоном человека, которому торопиться совершенно некуда, Эблинг Мис спросил:

— Тебе известно, чем я занимался в последнее время?

— Здесь — все ваши отчеты, — самодовольно ответил мэр. — Полные отчеты, к которым приложены краткие рефераты, выполненные моими сотрудниками. Насколько мне известно, ваши исследования, направленные на изучение математического обоснования учения Гэри Селдона, были предприняты в попытке повторить его работу и применить полученные данные для прогнозирования будущего на благо Академии.

— Вот-вот, — сухо подтвердил Мис. — Если ты не забыл — когда Селдон основывал Академию, он проявил потрясающую мудрость и не включил в состав первой научной колонии ни одного психолога, дабы Академия слепо шла вперед по пути исторической неизбежности. Проводя свои исследования, я тщательнейшим образом изучил мельчайшие подробности тех речей, которые были произнесены в Склепе.

— Это мне известно, Мис. Повторение — напрасная трата времени.

— Повторение! — рявкнул Мис. — Понимал бы чего! То, что я тебе собираюсь сообщить, в отчетах отсутствует.

— Что вы имеете в виду? Как это — отсутствует в отчетах? — возмутился Индбур. — Как это может быть, чтобы...

— Черт побери! Дашь ты мне сказать? Перестань цепляться к словам, или я сейчас действительно уйду к чертовой матери, а ты сам разбирайся! Запомни, ты, извини за выражение, дурак набитый, Академия-то выкарабкается, потому что должна выкарабкаться, а вот с тобой что будет, если я уйду? Прикинул?

Швырнув на пол шляпу с такой силой, что от нее во все стороны полетела пыль, он резво взбежал по ступенькам на возвышение, где стоял письменный стол, и, раздраженно отбросив в сторону бумаги, уселся на его угол.

Индбур в панике соображал, что лучше — вызвать охрану или воспользоваться вмонтированными в стол бластерами. Однако неумолимый взгляд Миса заставил его смириться и сделать хорошую мину при плохой игре.

— Доктор Мис, — начал было мэр, пытаясь изо всех сил оставаться в рамках этикета, — вы должны...

— Заткнись, — яростно потребовал Мис. — И слушай! Тут у тебя дерьмо, а не мои отчеты, так что можешь спокойненько выкинуть их ко всем чертям. Я отлично знаю, что любой мой отчет, прежде чем попасть к тебе, прочитают двадцать законченных ослов, а после тебя — еще столько же. И черт бы с вами, если тебе на все плевать и ты не понимаешь, что иногда нужно держать язык за зубами. Только сейчас я тебе сообщу нечто совершенно конфиденциальное. Настолько конфиденциальное, что даже мои парни не имеют об этом представления. Они, конечно, упорно трудились — но каждый из них работал над своей конкретной проблемой. А уж обдумывал и анализировал данные я один. Индбур, ты имеешь понятие о том, что такое Склеп?

Индбур беспомощно кивнул, а Мис продолжал, явно довольный собой:

— Молодец, далеко пойдешь, только я тебе все-таки

напомню. Знает он! Да я тебя насквозь вижу, мошенник ты жалкий, извини за выражение! А ну, убери руку от кнопки! Да хоть пятьсот своих холуев позови, хоть в тюрьме меня сгнои, хоть четвертуй, я знаю отлично: ты боишься того, что я знаю. Селдоновского кризиса боишься! И учти, прежде чем ты кнопочку нажмешь, я твою глупую башку об стол размозжу! Хватит, надоело. И ты, и папаша твой — разбойник, извини за выражение, и дед, пират вонючий, попили кровушки из Академии.

— Это измена! — вякнул Индбур.

— Ой-ой-ой, напугал! — каркнул Мис. — Только деваться-то тебе некуда. Сиди и слушай. Значит, так. Склеп — это хитрая штуковина, которую Гэри Селдон, царство ему небесное, установил тут для того, чтобы помочь нам в самые тяжелые дни. Во время каждого из кризисов в Склепе появлялся образ Селдона, чтобы объяснить нам, что происходит. Четыре кризиса миновало — четыре раза он появлялся. Впервые он появился на пике первого кризиса, второй раз — после успешного завершения второго... Оба раза в Склепе находились наши предки — они видели и слышали Селдона. Во время третьего и четвертого кризисов в Склеп никто не удосужился заглянуть — решили, наверное, что в этом нет необходимости. Так вот, мои последние исследования, сообщений о которых нет в отчетах, неопровержимо доказали, что он в Склепе появлялся, и именно в то самое время. Усек?

Не дожидаясь ответа, он бросил на стол погасшую, замусоленную сигару и достал из кармана новую. Яростно пуская клубы дыма, он продолжал:

— Официальной целью моих исследований была реставрация психоистории. Однако это не под силу никому — с этим за сто лет не справиться. Тем не менее кое в чем мы добились определенных успехов, что позволило мне основательно покопаться в Склепе. Полученные мной данные позволяют мне с высочайшей степенью вероятности сообщить дату следующего появления Гэри Селдона, а следовательно, я могу назвать тебе абсолютно точно день, когда пятый селдоновский кризис разразится, извини за выражение, во всей красе.

— К-когда? — испуганно выдохнул Индбур.

— Через четыре месяца, — беспечно сообщил, стряхнув пепел на стол, Мис. И столь же беспечно уточнил: — Через четыре месяца без двух дней.

— Через четыре месяца? — воскликнул Индбур с не свойственной для него горячностью. — Это невозможно!

— Невозможно, говоришь? Ну-ну...

— Через четыре месяца... Да вы понимаете, что это значит? Если кризис достигнет размаха через четыре месяца, значит, он развивается уже как минимум несколько лет!

— И что? Ты знаешь закон природы, который бы утверждал, что исторические процессы обязаны совершаться от рассвета до заката?

— Но ведь нет же ничего такого... Нам никто не угрожает! — возразил Индбур, нервно потирая руки. Наконец, дав волю своему раздражению, он крикнул: — Может быть, вы все-таки будете настолько любезны и слезете со стола, чтобы я привел в порядок бумаги? Я не могу думать в таком беспорядке!

Мис, искренне удивившись, слез со стола и отошел в сторону.

Индбур трясущимися руками восстановил порядок на столе, раскладывая по местам разбросанные листки бумаги. Он торопливо проговорил:

— Вы не имели никакого права врываться сюда подобным образом. Если вы закончили изложение вашей теории...

— Это не теория!

— А я говорю — теория! Когда вы представите ее в письменном виде, снабдив изложение соответствующими фактами и выкладками, она будет передана в Комиссию по Историческим Наукам. Там ее внимательно изучат, результаты анализа будут переданы мне, а за-

тем, конечно, будут приняты соответствующие меры. Пока же я не вижу никакого смысла в продолжении беседы. Ах, вот он где!

Он держал в руке лист полупрозрачной серебристой бумаги. Помахав им, он сообщил нахмурившемуся психологу:

— Вот краткий отчет по иностранным делам, который я лично составляю каждую неделю. Так вот. Что тут у нас: мы завершили переговоры по подготовке торгового соглашения с Морезом, продолжили переговоры на эту же тему с Лайонессом, отправили делегацию на празднование юбилея в Бонд, получили жалобу с Калгана и собираемся ее рассмотреть, выразили протест по поводу нарушения торговой конвенции в Асперте, и они обещали его рассмотреть, и так далее, и так далее...

Пробежав глазами лист до конца, мэр положил его в нужную папку, щелкнул скоросшивателем и поглядел на Миса ясными глазами.

— Повторяю, Мис, я не нахожу ничего такого, что говорило бы о нарушении мира и спокойствия...

И надо же — именно в это мгновение распахнулась дверь кабинета, и вошел не кто-нибудь, а личный секретарь мэра — в повседневном костюме!

Индбур, онемев от изумления, привстал. Чувство реальности покидало его с каждой минутой. Вторжение Миса, пропахший его дешевыми сигарами кабинет — это бы еще ничего, но секретарь, вошедший без доклада, без разрешения, — это уже слишком!

Секретарь смиренно преклонил колено и склонил голову.

— Ну?! — рявкнул Индбур.

Секретарь, не отрывая взгляда от пола, пробормотал:

— Ваше Сиятельство, капитан Хэн Притчер, нарушив ваш приказ, отправился вместо Хейвена на Калган. Он возвратился оттуда и во исполнение вашего приказа за номером X20-513 помещен в тюрьму и ожидает наказа-

ния. Сопровождавшие его лица арестованы. Полный отчет составлен.

Индбур, вне себя от ярости, гаркнул:

— Отчет получен. Ну?!!

— Ваше Сиятельство, капитан Притчер вскользь упомянул при допросе об опасных намерениях нового диктатора Калгана. Возможность официального заслушивания ему не была предоставлена в соответствии с вашим приказом за номером X20-651, но его сообщение было записано и составлен полный отчет.

— Он получен! — завопил Индбур. — Ну?!!!

— Ваше Сиятельство, пятнадцать минут назад получено экстренное сообщение с Салиннианской границы. Калганские корабли вероломно вторглись на территорию Академии. Корабли вооружены. Произошло военное столкновение.

Секретарь склонился еще ниже к полу. Индбур окаменел. Мис приосанился, подошел к секретарю, потрепал его по плечу и сказал:

— Вот что, дружище, ты бы лучше пошел да сказал бы, где следует, чтобы капитана Притчера отпустили и прислали сюда. Ну, чего стоишь, давай пулей!

Секретарь попятился к двери. Когда она захлопнулась за ним, Мис обернулся к мэру.

— Поторопись, Индбур! Четыре месяца у тебя, понял?

Индбур не шевелился. Только указательный палец правой руки с бешеной скоростью выписывал на безукоризненно гладкой поверхности стола невидимые треугольники.

Глава 16

КОНФЕРЕНЦИЯ

Когда двадцать семь Независимых Торговых Миров, дотоле объединенных единственным чувством — нелюбовью к своей исторической прародине — Академии, решили созвать всеобщую конференцию, возник-

ла масса непредвиденных сложностей. Основной их причиной было то, что каждый из миров просто-таки распирало чувство национального самосознания, которое, естественно, было обратно пропорционально их размерам. Пришлось преодолеть полосу долгих предварительных переговоров, чтобы удовлетворить все мелочные претензии наиболее упорствующих сторон.

Несмотря на то что заранее были обсуждены такие вопросы, как процедура голосования, принцип представительства — от страны или в зависимости от количества населения, решен вопрос о председательстве за столом — будь то стол президиума или банкетный стол, самые жаркие дебаты разгорелись относительно места проведения конференции. Тут уж во всей красе дала себя знать непроходимая провинциальность... В результате долгих и упорных дипломатических уступок и ухищрений местом проведения конференции был избран Радол — прозорливые комментаторы, кстати говоря, еще в самом начале дебатов называли его как наиболее вероятное место с точки зрения удобства его расположения.

Радол был невелик, а с точки зрения военного потенциала был чуть ли не самой слабой системой среди Независимых Миров, что, кстати, в немалой степени повлияло на окончательное решение.

Радол был планетой с так называемой «терминаторной» цивилизацией. Миров такого типа в Галактике предостаточно, но среди них крайне мало населенных, поскольку жить там тяжело с чисто физической точки зрения. Одно из полушарий планет такого типа обречено на жуткий холод, другое — на страшную жару, и пригодная для жизни территория ограничена узкой полоской зоны сумерек — терминатором.

Тех, кто никогда не бывал на подобных планетах, приводила в дрожь сама мысль о возможности жить там. Однако следует учесть, что и такая планета может оказаться стратегической точкой. А Радол был как раз такой точкой.

Столица государства — город Радол ютился в мягких складках холмов, у подножия мрачных скалистых гор, защищавших его от пронизывающих ледяных ветров холодного полушария. Теплый сухой воздух теплого полушария согревал, а с гор стекала река. В итоге возник своеобразный оазис — вечноцветущий сад, купающийся в вечноутренних лучах нескончаемого июня.

Каждый домик утопал в цветах и зелени. Каждый цветник являл собой шедевр садового искусства. Здесь росли самые экзотические цветы, составляющие важную статью экспорта — настолько важную, что были времена, когда Радол чуть было не стал миром скорее индустриальным, чем чисто торговым.

Так что без преувеличения можно сказать, что Радол был крошечным островком роскоши и блаженства на мертвой, ужасной планете — осколком Рая; это обстоятельство было последней каплей, склонившей чашу весов в его сторону...

Из двадцати шести остальных Торговых Миров прибывали на Радол участники конференции — делегаты, их жены, секретари, журналисты, команды звездолетов... Население Радола почти удвоилось, и местным жителям пришлось потуже затянуть пояса — прибывшие ели и пили вволю и почти совсем не спали.

Как ни странно, не все из прибывших понимали, что в те дни Галактика уже была втянута в тихую, дремотную войну. Те же, кто понимал это, делились на три категории. Во-первых, было довольно много таких, кто знал совсем немного, но зато много болтал.

Молодой щеголь-звездолетчик с хейвенской кокардой на фуражке был как раз из таких. Загородившись бокалом с искрящимся вином, он украдкой ловил кокетливые взоры хорошенькой девицы из местных, сидевшей напротив. Он объявил:

— По пути сюда мы прорвались через зону военных действий. Что-то около световой минуты примерно мы летели по прямой недалеко от Хорлеггора.

— Хорлеггор? — вмешался молодой длинноногий радолец, игравший роль хозяина на вечеринке. — Это там, что ли, где Мулу задали хорошую трепку на прошлой неделе?

— Кто это вам сказал, что ему задали трепку? — хмыкнул звездолетчик.

— Передачу слышал. Радио Академии.

— Что вы говорите? А теперь послушайте, что я вам скажу: Мул захватил Хорлеггор, ясно? Мы чуть было не напоролись на его конвой — корабли летели от Хорлеггора. О какой такой трепке может идти речь, если они остались на месте сражения? Тот, кого потрепали, уж мне-то можете поверить, драпает во все лопатки!

Раздался тонкий, ленивый голосок кого-то из гостей:

— Это вы зря, юноша, зря... Просто старушка Академия, как обычно, пока помалкивает, и все. Вот увидите, она еще даст о себе знать. А тогда — бабах, и все!

— Как бы то ни было, — кисло усмехнулся звездолетчик после короткой паузы, — я своими глазами видел корабли Мула, и они весьма недурно выглядели, весьма недурно. Чисто между нами, по секрету — они новенькие, с иголочки!

— Новенькие? — лениво удивился радолец. — То есть они сами их построили, что ли?

— Хотите, чтобы я поверил, будто они разбили корабли Академии на своих жалких самоделках? Слушайте, не надо дурака валять! Войны сами по себе не начинаются. А у нас и без войны дел — по горло. Без нас разберутся.

Обладатель писклявого голоса снова влез в разговор. Он был уже изрядно пьян.

— Погодите, старушка Академия еще себя покажет! Они будут спокойненько ждать до последнего момента, а потом — бабах, и все!

Он подмигнул девушке, но та брезгливо отодвинулась от него подальше.

— Может быть, старина, — продолжая жевать листок, продолжал радолец, — вам кажется, будто этот парень, Мул, хозяин положения? Не-е-ет! — покачал он указательным пальцем. — Как мне говорили, между нами — в самых высоких кругах, этот Мул — наш человек. Мы ему платим, так что — очень может быть, что и кораблики у него — наши. Давайте реально смотреть на вещи — могут быть наши. Конечно, по большому счету, с Академией ему не справиться. Но он может ее немножко пощекотать, а тут уж мы скажем свое слово!

— Клев, — капризно поджала губки девушка, — неужели больше говорить не о чем? Все война и война... Мне скучно!

Бравый звездолетчик, изо всех сил разыгрывая галантного кавалера, подхватил:

— И правда, давайте сменим пластинку! Заставлять девушек скучать — просто преступление!

Радолец подхватил последнюю фразу, как припев, и отстучал ногой ритм. Компания разбилась на пары, которые, смеясь и болтая, разошлись по укромным уголкам. Вскоре к ним присоединилась еще одна развеселая компания, с хохотом вывалившаяся в сад из солярия.

Разговор перешел на более общие темы, стал более оживленным и более бессмысленным.

...Во-вторых, среди тех, кто кое-что знал, были те, кто знал чуть-чуть побольше, а болтал поменьше.

Среди них был однорукий Фрэн — великан был официальным делегатом Хейвена. Жил он, естественно, на широкую ногу и заводил бесчисленные знакомства: с дамами — с удовольствием, а с мужчинами — по долгу службы.

На залитой солнцем лужайке у дома, стоявшего на вершине холма и принадлежавшего одному из его новых приятелей, он развалился в плетеном кресле, впервые отдыхая по-настоящему за время своего пребывания в Радоле. Первый из двух раз, если быть точным до конца. Его товарища звали Айво Лайон, он был добрей-

шим малым. Дом Айво стоял особняком, окруженный ароматом благоухающих растений и жужжанием насекомых. Лужайка представляла собой травянистый откос с наклоном под сорок пять градусов. Фрэн с полным блаженством загорал.

— Да... На Хейвене такого и в помине нет, — пробормотал он, не открывая глаз.

— Поглядел бы ты на холодное полушарие! В двадцати милях отсюда есть местечко, где кислород течет, как река!

— Ну да! Заливаешь!

— Клянусь!

— Ну, ладно, это еще что! А вот, представь себе, Айво, в те славные деньки, когда вторая рука моя была еще при мне, мотался я как-то, помню... Нет, ты просто не поверишь...

Далее последовал сногсшибательный рассказ. И Айво, конечно, не поверил... После продолжительной паузы он, позевывая, проговорил:

— Да... В наше время таких парней уже не сыщешь, это точно...

— Как пить дать, не сыщешь! То есть как это — не сыщешь? — неожиданно пробудился Фрэн. — Не смей так говорить, понял? Я тебе рассказывал про своего сына? Рассказывал? Он-то уж точно — парень старой закалки. Будет великим Торговцем, чтоб мне сквозь землю провалиться на этом месте! Не посрамит старика! Весь в меня! Только вот женился, дурак!

— То есть — зарегистрированный брак?

— Угу. Честно говоря, до сих пор не понимаю, зачем ему это понадобилось. Они улетели на Калган. Медовый месяц.

— Калган, Калган... На Калган?!! И давно?

Фрэн широко улыбнулся и многозначительно проговорил:

— А как раз перед тем, как Мул объявил войну Академии.

— Да что ты говоришь?

Фрэн кивнул и знаком попросил товарища пододвинуться поближе.

— Вообще-то, — прошептал он заговорщически, — я мог бы тебе кое-что рассказать, если только ты пообещаешь ни с кем не болтать об этом. Мой мальчик был послан на Калган с заданием. Тс-с-с... Пока мне не хотелось бы особо распространяться, с каким именно заданием, но если ты пошевелишь мозгами маленько, то сам догадаешься. Во всяком случае, мой мальчик как никто другой подходил для этого дела. Нам, Торговцам, нужен был именно такой смельчак, как он. И он сделал свое дело, — самодовольно улыбнулся Фрэн. — Не скажу, как именно, только — мой мальчик полетел на Калган, а Мул послал свои корабли против Академии. Понял? Мой мальчик!

Айво был потрясен до глубины души и отплатил Фрэну доверием:

— Это хорошо, Фрэн. Знаешь, говорят, у нас есть пятьсот кораблей, которые готовы вступить в бой по первому приказу.

Фрэн хвастливо уточнил:

— Даже побольше, пожалуй. Вот это — настоящая стратегия! Это мне по вкусу! Только не забывай, — добавил он, пошлепывая себя по животу, — Мул — он тоже не дурак. Про Хорлеггор слышал?

— Я слышал, будто он там потерял десять кораблей.

— Ага, но у него было еще сто, и Академии пришлось убраться подобру-поздорову. Для нас будет только хорошо, если он покажет этим выскочкам, где раки зимуют, только вряд ли у него это скоро выйдет...

Он задумчиво покачал головой.

— Но вот вопрос... Откуда у Мула столько кораблей? — спросил Айво. — Поговаривают, будто кораблями его снабжаем мы.

— Мы? Торговцы? — загрохотал Фрэн. — Ну ты даешь! В Хейвене находятся самые крупные верфи, но мы

сроду ни для кого, кроме самих себя, кораблей не делали! Неужели ты думаешь, что какой-нибудь мир станет тайком делать корабли для Мула без опаски быть втянутым в совместные военные действия? Чепуха!

— Ну хорошо, хорошо, а откуда же тогда он их берет-то?

Фрэн пожал плечами.

— Кто его знает? Может, сами делают. Мне это тоже покоя не дает.

Блаженно зажмурившись, Фрэн пошевелил ногами, пристроил их поудобнее на полированной подставке кресла-качалки... Вскоре он сладко заснул, и его богатырский храп слился с дружным жужжанием пчел и шмелей...

...И, наконец, были совсем немногие, которые знали гораздо больше и не болтали вообще.

Например — Ранду.

На пятый день работы Всеобщей Конференции Торговцев он вошел в Главный Зал, где у него была назначена встреча с двумя нужными людьми. Пятьсот кресел в зале пустовали — так и должно было быть.

Ранду обменялся рукопожатиями с коллегами и, еще не присев, быстро проговорил:

— На долю представляемых нами государств приходится около половины военного потенциала Независимых Торговых Миров.

— Мы с коллегой уже отметили этот факт, — ответил Мангин из Исса.

— Я готов, — сказал Ранду, — к откровенной и конструктивной беседе. Я не собираюсь торговаться и болтать попусту. Наше положение серьезно ухудшилось.

— В результате... — подхватил Оваль Гри из Мнемона.

— В результате событий, происшедших в последний час. Давайте по порядку. Во-первых, ситуацию создаем не мы. Не мы ее, пожалуй, и контролируем. Как вы помните, вначале мы имели дело не с Мулом, а с другими — к примеру, с бывшим диктатором Калгана, которого Мул сверг в самое неподходящее для нас время.

— Да, но Мул — совсем неплохая замена, — сказал Мангин. — Я не хотел бы уточнять детали.

— Можно было бы и не уточнять, если бы они были нам известны!

Ранду наклонился поближе к собеседникам и развел руками.

— Месяц назад я послал моего племянника и его супругу на Калган.

— Вашего племянника? — удивленно воскликнул Оваль Гри. — Я не предполагал, что он — ваш племянник!

— А зачем? — сухо поинтересовался Мангин. — Для этого, что ли? — Он описал указательным пальцем замкнутый круг над головой.

— Нет. Если вы имеете в виду объявление Мулом войны Академии — нет. Как я мог на это рассчитывать? Он ведь ничего не знал — ни о нашей организации, ни о ее целях. Ему было сказано, что я деятель средней руки в патриотическом обществе Хейвена, и на Калгане он должен был вести себя как наблюдатель-любитель. То есть, как видите, цели у меня были весьма неопределенные. Меня интересовал Мул как странный, непонятный феномен. Но это все уже жевано-пережевано, и не хотелось бы на эту тему распространяться. Во-вторых, это путешествие могло оказаться не лишним и для его жены, у которой есть опыт общения с Академией и связь с тамошним подпольем и которая в этом плане могла бы быть для нас крайне полезна. Видите ли...

Длинное лицо Оваля еще больше вытянулось, усмешка обнажила по-лошадиному крупные зубы:

— Тогда, наверное, вы очень удивитесь, узнав, что сейчас среди Торговых Миров вряд ли отыщется хоть один, где бы не болтали во всеуслышание, что ваш племянник похитил кого-то из подданных Мула, действуя от имени Академии, и дал Мулу повод для объявления

войны. Черт подери, Ранду, вы витаете в облаках! Ни за что не поверю, что вы к этому руку не приложили. Поздравляю — сработано на славу!

Ранду печально покачал седой головой.

— Ничего подобного. Моего участия здесь нет. Равно как нет и участия моего племянника, который теперь сидит в тюрьме на Терминусе и может не дожить до того дня, когда все будет успешно завершено. Я только что получил от него сообщение. Через зону военных действий непостижимым образом была переправлена персональная капсула. Она попала в Хейвен, а оттуда — сюда. Целый месяц болталась неизвестно где.

— Ну и?

Ранду, потирая руки, грустно сообщил:

— Боюсь, что нам уготована та же роль, которая в свое время досталась диктатору Калгана. Мул — мутант!

После этих слов установилась гробовая тишина. Слышно было, как стучат сердца. Примерно такой реакции Ранду и ожидал.

Однако когда Мангин подал голос, не было заметно, что он хоть сколько-нибудь взволнован.

— Откуда вы знаете?

— Со слов моего племянника. Повторяю — он был в Калгане.

— Какой именно мутант? Они бывают разные.

Ранду надоело сдерживать себя.

— Да! Разные! Какие угодно. А Мул — один! Какой еще мутант сумел бы начать карьеру, будучи никому не известным человеком, собрал бы армию, основал, как говорят, свою первую базу на астероиде площадью в пять миль, потом захватил бы планету, потом — целую систему, потом регион, а потом напал бы на Академию и побил бы их при Хорлеггоре? И все это — за два-три года!

Оваль Гри пожал плечами.

— И вы думаете, он одолеет Академию?

— Не знаю. А если да?

— Простите, но я — не романтик. Академию побе-

дить нельзя. Все-таки никаких новых фактов вы не сообщили, кроме свидетельств... ну, скажем прямо, малоопытного юноши. Полагаю, нам нечего пока над этим головы ломать. Несмотря на все победы Мула, нас пока никто не тронул, а пока он нас не трогает, не вижу особых причин для беспокойства.

Ранду нахмурился. Он физически ощущал, как его все сильнее опутывают невидимые нити безнадежности.

Он спросил у обоих:

— Удалось ли нам войти с Мулом в непосредственный контакт?

— Нет, — дружно ответили собеседники.

— Не удалось, хотя мы пытались, не правда ли? Разве не правда, что наша встреча здесь не будет гроша ломаного стоить, если нам не удастся войти с ним в контакт? Разве не правда, что до сих пор тут пока больше выпивают, чем думают, и больше отдыхают, чем делают, — это, кстати, цитата из последнего номера «Радол трибьюн». А все потому, что мы не можем связаться с Мулом. Господа, у нас почти тысяча кораблей, готовых броситься в битву по первому приказу, чтобы одолеть Академию. Я считаю, что положение нужно коренным образом изменить. Корабли должны быть готовы к другому. Они должны быть повернуты против Мула.

— То есть как? Воевать за этого тирана Индбура и прочих кровопийц из Академии? — с плохо скрытой яростью спросил Мангин.

— Давайте уточним, — взмахнул рукой Ранду. — Я сказал: против Мула, а за кого — неважно!

Поднялся Оваль Гри.

— Ранду, в этом деле я вам — не помощник. Изложите все, когда вечером соберется весь Совет, если вам не терпится совершить политическое самоубийство.

Не сказав больше ни слова, он удалился. За ним молча последовал Мангин. Ранду остался один и целый час перебирал в уме возможные варианты.

Вечером на Совете он не сказал ни слова...

А на следующее утро в комнату Ранду ввалился Оваль Гри, одетый как попало, небритый, непричесанный.

Ранду сидел за еще не прибранным после завтрака столом. Он взглянул на Оваля с искренним удивлением. Даже трубку выронил.

Оваль хрипло выкрикнул:

— Ночью бомбардирован Мнемон! Вероломное нападение!

Глаза Ранду сузились.

— Академия?

— Мул! — рявкнул Оваль. — Мул! Без причины, вероломно! — кричал он, размахивая руками. — Большая часть нашего флота присоединилась к объединенной флотилии. Небольшого числа кораблей, оставшихся на планете, было недостаточно. Они уничтожены! Враги пока не высадились. Может быть, и не высадятся, сообщают, что половина вражеских кораблей уничтожена. Но это — война, и я пришел спросить у вас, как на все это смотрит Хейвен.

— Полагаю, что Хейвен на это смотрит с точки зрения выполнения Федеративной Хартии. Вот видите? Вот он и на нас напал.

— Этот Мул — безумец! Разве ему под силу захватить Вселенную?

Оваль подбежал и схватил Ранду за руку.

— Наши, те немногие, кто выжил после битвы, сообщают, что у Мула есть новое оружие. Депрессор ядерного поля!

— Как?!

— Большинство наших кораблей погибло, — продолжал Оваль Гри, — поскольку были лишены возможности применить ядерное оружие. Несчастные случаи и саботаж исключены. Это все — оружие Мула. Оно, видимо, еще недоработано. Эффект был неполным. Была кое-какая возможность его нейтрализовать — у меня пока нет полной информации. Но вы должны понять,

что такое оружие в корне меняет картину войны, и может случиться так, что весь наш флот окажется абсолютно беспомощным.

На Ранду навалилась страшная слабость.

— Боюсь, — проговорил он безнадежно, — что родился монстр, который пожрет нас всех. И все-таки мы должны с ним сразиться!

Глава 17

ВИДЕОСОНОР

Дом Эблинга Миса, расположенный не в самом фешенебельном районе Терминуса, был хорошо известен в кругах интеллигенции, литераторов и вообще всей мало-мальски читающей публики в Академии. Отношение к месту обитания старого чудака зависело от того, кто какими источниками информации пользовался. Для кропотливого биографа оно было «символом ухода от реальности», для того, кто по вечерам пробегал взглядом колонки новостей, — «логовом, в котором царил типично холостяцкий беспорядок». Один доктор философии из Университета отметил, что в доме «прекрасная библиотека, но книги расставлены без всякой системы», а приятель Миса, далекий от университетских кругов, заметил, что там «всегда найдется, что выпить, и можно без стеснения забраться с ногами на диван». Наконец, в телевизионных сплетнях было сказано о «полуразвалившейся, угрюмой обители известного грубияна, полоумного Эблинга Миса».

У Байты была возможность взглянуть на дом Миса своими глазами. Кроме беспорядка, ничего особенного она не заметила.

За исключением первых дней ее арест не вызвал у нее особых эмоций, кроме, пожалуй, легкого неудобства. Сейчас ей даже казалось, что перенести те дни было намного легче, чем это получасовое ожидание в доме

психолога. Ей чудилось, что за ней и тут следили. По крайней мере, в тюрьме хоть Торан был рядом...

Возможно, она чувствовала бы себя более свободно, если б не Магнифико, — он совсем повесил нос и был гораздо более удручен, чем она.

Магнифико сидел в углу дивана, подтянув колени к подбородку и сжавшись в комочек, будто хотел стать невидимым.

Байта протянула руку и погладила его по голове. Магнифико вздрогнул и криво улыбнулся.

— О, моя госпожа, простите меня. Мне порой кажется, что до сих пор мое тело не ждет от чужой руки ничего, кроме удара.

— Не бойся, Магнифико. Я с тобой и никому не позволю ударить тебя.

Взгляд паяца немного оттаял, но он тут же отвел его в сторону.

— Но ведь они держали меня отдельно от вас и от вашего доброго супруга — и даю вам слово, только не смейтесь надо мной, но, правда, мне было одиноко без вас!

— Я не буду смеяться. Я тоже скучала по тебе.

Лицо паяца просветлело. Он еще крепче обхватил колени и осторожно спросил:

— А вы знакомы с тем господином, который назначил нам встречу?

— Лично — нет. Но он очень знаменит. Я видела его по телевизору. По-моему, он хороший человек, Магнифико, и не сделает нам ничего дурного.

— Правда?

Паяц беспокойно заерзал на диване.

— Может быть, и так, моя госпожа, но только он уже говорил со мной, и меня немного напугали его манеры — он говорит очень громко, машет руками и фразы до конца не договаривает. И произносит так много непонятных слов, что порой я просто немел от испуга и не мог ни слова сказать в ответ. Как будто сердце стояло в горле!

— Ну, теперь все будет иначе. Нас двое, а он один, а уж нас двоих ему не удастся напугать, правда же?

— Н-нет, моя госпожа...

Как раз в этот момент хлопнула входная дверь, и по дому разнеслись раскаты громоподобного голоса. Где-то совсем рядом раздался вопль:

— А ну-ка, выметайтесь отсюда к чертовой бабушке! И чтобы я вас тут больше не видел!

В окно было видно, как во двор тут же стремглав выбежали двое гвардейцев.

Бормоча под нос проклятия, Эблинг Мис вошел в комнату, швырнул на стол аккуратно перевязанный сверток, подошел к Байте и протянул руку для приветствия. Байта ответила твердым, мужским пожатием. Мис рассеянно встряхнул ее руку, глядя при этом на паяца, но все-таки обернулся и задержал взгляд на девушке.

— Замужем?

— Да. Официально.

Помолчав, Мис неожиданно поинтересовался:

— Счастливы?

— Пока — да.

Мис пожал плечами, выпустил руку Байты и повернулся к Магнифико.

— Знаешь, что это такое, малыш?

Магнифико неуклюже соскользнул с дивана и принял из рук ученого инструмент со множеством клавиш. Пробежал пальцами по клавиатуре, положил инструмент на стол и совершенно неожиданно сделал виртуознейшее сальто назад, нанеся ущерб окружающей мебели. И воскликнул:

— Это — видеосонор — такой прекрасный, что его звуки способны мертвого из гроба поднять!

Длинные пальцы Магнифико мягко и быстро касались клавиш. Он нажимал одну клавишу за другой, и в воздухе, казалось, возникали расплывчатые очертания великолепных благоухающих розовых кустов...

Эблинг Мис довольно потер руки.

— Отлично, малыш! Ты ведь говорил, что умеешь обращаться с такими игрушками, вот тебе и подарочек! Только, наверное, штуковину надо настроить — она из музея.

И добавил, обернувшись к Байте:

— Насколько я знаю, в Академии ни один, извиняюсь за выражение, болван до сих пор не мог из этой штуки ни звука извлечь.

Наклонившись к самому уху Байты, Мис прошептал:

— Паяц не будет говорить без вас. Поможете?

Байта кивнула.

— Замечательно! — обрадовался Мис. — Он страшно закомплексован — всего боится. Психотеста его психика может не выдержать. Чтобы он разговорился, он должен чувствовать себя в полной безопасности. Понимаете?

Байта снова кивнула.

— Этот видеосонор — неплохой ключик к его душе. Он говорил мне, что умеет на нем играть. Видите, как радуется? Видимо, для него это одно из самых больших удовольствий в жизни. Поэтому, как бы он ни сыграл — плохо или хорошо, делайте вид, что вы — в восторге. И если вам не трудно, постарайтесь продемонстрировать дружеское расположение ко мне. Постарайтесь помочь мне!

Он бросил быстрый взгляд на Магнифико, который, присев на краешек дивана, ловко настраивал инструмент. Казалось, он был всецело поглощен этим занятием.

Заговорщически подмигнув Байте, Мис громко спросил:

— А вы когда-нибудь слушали видеосонор?

— Только один раз, — дружелюбно отозвалась Байта. — На концерте старинных инструментов. Честно говоря, не очень понравилось.

— Наверное, исполнитель был неважный. Хороших мало осталось. Теперь вообще мало кто в чем-то хорошо разбирается, в музыке в том числе. При игре на этом инструменте не так нужны чисто физические усилия, как при игре на фортепиано, к примеру, — тут дело в определенном складе психики и подвижности воображения.

И добавил шепотом:

— Вот почему наш малютка может оказаться гораздо лучше, чем мы можем предполагать. Чаще всего, между прочим, хорошие музыканты — именно сумасшедшие. Очень интересно с точки зрения психологии!

Вернувшись к игре в непринужденную беседу, он сказал громче:

— Знаете, как работает эта несуразная штуковина? Я в ней пытался покопаться, но выяснил только одно: ее вибрации действуют непосредственно на зрительный центр мозга, не затрагивая зрительных нервов. Задействуются чувства, в обычной жизни не проявляющиеся. Потрясающе, если подумать! То, что воспринимается на слух, — более или менее обычно: барабанная перепонка, улитка, молоточек, всякое такое. Ага! Тс-с-с... Он готов. Выключите свет, будьте добры. В темноте будет лучше слушать. И смотреть...

Байта щелкнула выключателем. В темноте фигура Магнифико выглядела бесформенным расплывчатым пятном. Эблинг Мис же — темной, тяжело, с присвистом дышащей массой. Байта изо всех сил напрягала зрение, но, как ни старалась, поначалу ничего не видела. Но вот в воздухе возникла тонкая вибрирующая полоска света. Она становилась то уже, то шире, то взлетала к потолку, то опускалась к полу, снова поднималась и падала, сужалась, расширялась и, наконец, с треском разорвалась на части, как тонкая занавеска от удара молнии.

Вместо нее в воздухе возникла маленькая, ритмично пульсирующая, непрерывно меняющая цвет сфера — и распалась на бесформенные разноцветные ка-

пельки, непрерывно меняющие высоту и направление полета. Байта начала что-то смутно ощущать.

Она обратила внимание на то, что цвета становятся ярче, если прикрыть глаза, и что каждому тончайшему оттенку звука соответствует столь же неуловимая смена цвета, что точно назвать все цвета и оттенки она не может и что капельки на самом деле — вовсе не капельки, а крошечные фигурки...

Да, крошечные фигурки, маленькие язычки пламени, танцующие и сияющие, — неисчислимое множество! Они появлялись ниоткуда и исчезали в никуда, сталкивались друг с другом и меняли цвет.

Первое сравнение, которое пришло Байте на ум, — мелкие цветные пятнышки, мелькающие перед глазами, когда крепко-крепко сожмешь веки и сверкающие точки начинают танцевать безумную польку, образуя пересекающиеся концентрические круги, которые объединяются в странно очерченные фигуры и тут же исчезают. Сейчас было что-то в этом духе, только крупнее, разнообразнее, и каждая светящаяся точка была крошечной фигуркой.

Вот они устремились прямо к ней, разделившись на пары... В неосознанном порыве Байта заслонилась руками, и они отступили. На краткий миг она ощутила себя в самом центре вихря сверкающей, искрящейся метели — холодный свет стекал по ее плечам, рукам сияющей лавиной, готовой оторвать онемевшие пальцы, — и вновь собрался в воздухе в блестящий шар. А где-то в запредельном пространстве слышался звук множества инструментов — он тек прозрачными ручейками и был неотделим от игры света и красок...

Ей было страшно интересно — видит ли Эблинг Мис то же самое, а если нет — то что он видит? Потом и интерес пропал, а потом...

Она стала снова смотреть. Крошечные фигурки — были ли это на самом деле фигурки или ей только казалось? — маленькие стройные танцовщицы с огненными волосами, изгибающиеся и кружащиеся так быстро, что разум отказывался за ними уследить, — объединялись в хороводы в форме звездочек. Звездочки вращались, и в музыке слышался тихий звонкий девичий смех. Байта отчетливо слышала его внутри себя!

Звездочки приближались друг к другу, вспыхивали при столкновении, постепенно преображаясь в какую-то большую фигуру. Вот ее очертания стали более четкими, и от пола до потолка стал расти великолепный дворец. Каждый кирпичик — разного цвета, все они сияли по-своему, переливаясь всеми цветами радуги, увлекая взгляд выше, выше — туда, где сверкали драгоценными камнями двадцать стройных минаретов...

Над дворцом кружился в воздухе волшебный летающий ковер. Он сворачивался, разворачивался и наконец вытянулся в тончайшую паутину, затянувшую все видимое пространство причудливой прозрачной сетью. От него струились во все стороны лучи — они разветвлялись, превращаясь в прекрасные деревья, в ветвях которых начинала звучать их собственная мелодия.

Байта была просто зачарована. Музыка окружала ее теплым облаком, касалась кожи ласковыми движениями. Инстинктивно она потянулась вперед, чтобы коснуться ветви хрупкого деревца, — и лепестки цветов опали и посыпались на пол, сверкая и издавая мелодичный звон.

Двадцать цимбал звенели одновременно. Пространство перед Байтой преобразилось в огненный поток, который стек по невидимым ступеням к ней на колени... Там сверкающий огнепад распался и потек к ее ногам золотистыми струйками. Огненные брызги взлетали, касаясь талии и груди. Над ее коленями встала сказочная радуга, а на ней — крошечные фигурки!

Дворец и сад, крошечные дамы и кавалеры на радужном мосту, который тянулся насколько хватал глаз, плыл по волнам музыки, которая звучала везде — снаружи и внутри ее...

И потом — внезапная тишина, резкое, испуганное движение Магнифико... Цвета поблекли, фигурки собрались в шар, шар сморщился, взлетел к потолку и... исчез!

Стало темно.

Тяжелая нога Миса нащупала педаль, нажала на нее — раскрылись занавески, и комнату залил свет — обычный, будничный солнечный свет. Байта заморгала, и из ее глаз хлынули слезы отчаяния и тоски по тому, что было и так безжалостно исчезло... Эблинг Мис сидел не шевелясь, широко раскрыв рот и глаза.

Магнифико же прижимал к груди видеосонор, лаская его, как любимое дитя.

— Моя госпожа, — выдохнул он. — И правда, этот инструмент — волшебный. Не опишешь словами все тонкости музыки и цвета, которые он способен произвести. Когда я играю на нем, я чувствую себя немножко волшебником. Вам понравилось мое сочинение, моя госпожа?

— Это ты... сам сочинил? — утирая слезы, проговорила Байта.

В ответ Магнифико густо покраснел — от ушей до кончика длинного носа.

— Сам, сам, моя госпожа! Мулу оно не очень нравилось, но я часто играл эту пьесу для себя. Когда-то давным-давно, в юности, я видел такой дворец — огромный, украшенный драгоценными камнями. Издалека, во время пышного карнавала. Там были люди — высокородные особы, прекрасные, роскошно одетые, — таких я не видел даже тогда, когда служил у Мула. То, что мне удалось изобразить, — не более чем жалкое подобие того великолепия, что я видел тогда. Видно, ум и воображение мои жалки и ничтожны. А называется мое сочинение «Воспоминание о Рае».

Мис наконец очнулся и прервал объяснения паяца.

— Послушай, — проговорил он, тяжело дыша, — послушай, Магнифико, а ты мог бы что-нибудь в таком роде сыграть перед публикой?

Паяц испуганно замахал руками.

— Перед публикой? — прошептал он.

— Для тысяч зрителей! — воскликнул Мис. — Для многих тысяч, в самых грандиозных залах Академии! Разве тебе не хочется стать хозяином своей судьбы, человеком, которого бы слушали, которому поклонялись бы другие люди? Ты мог бы стать богатым, уважаемым... и... — он не мог подобрать нужных слов, — и всякое такое. Ну? Что скажешь?

— Как же я могу всего этого достичь, великий господин? Ведь я всего-навсего нищий паяц, которому недоступны сокровища мира больших людей!

Психолог хмыкнул, потер бровь и сказал:

— Твоя музыка сделает все за тебя. Ты завоюешь весь мир, если сыграешь вот так, как сейчас, для нашего мэра и его сановников. Ну, решайся!

Паяц украдкой взглянул на Байту.

— А она... останется со мной?

Байта рассмеялась.

— Конечно, глупыш! Неужели я откажусь от тебя, когда у тебя впереди такое будущее — богатство и слава!

— Все это я готов бросить к вашим ногам, моя госпожа, — серьезно ответил Магнифико. — Только... всех сокровищ Вселенной будет мало, чтобы я мог отплатить вам за вашу доброту.

— Только вот... — осторожно вмешался Мис, — не согласишься ли ты сначала оказать мне небольшую услугу?

— Какую услугу, господин?

Психолог помолчал, улыбнулся.

— Маленький тест такой — совсем не больно!

В глазах Магнифико загорелся смертельный ужас.

— Только не тест! Я видел, как это делается! Он выворачивает у человека все мозги, так что пустой череп остается. Мул делал такой тест изменникам, а потом отпускал их, и они скитались по улицам, как безумные, пока кто-нибудь из жалости не приканчивал их!

Он заслонился от Миса рукой.

— Ты говоришь о психотесте, — спокойно уговаривал его Мис. — Но даже он наносит человеку вред только тогда, когда его неправильно делают. Я хочу сделать другой тест — поверхностный, от которого не бывает вреда даже младенцу.

— Это правда, Магнифико, — пришла Мису на помощь Байта. — Это нужно только для того, чтобы помочь нам победить Мула, чтобы он ушел далеко-далеко и никогда больше не приходил. А после этого ты и я будем знаменитыми и богатыми всю свою жизнь.

Магнифико протянул ей дрожащую руку.

— Только держите меня за руку, моя госпожа.

Байта сжала его руку в ладонях, а паяц с испугом наблюдал, как Мис готовит все необходимое для проведения теста...

Эблинг Мис развалился в самом роскошном кресле в собственном доме мэра Индбура, по своему обыкновению не выказывая ни малейшей признательности за оказанную ему честь, и лениво наблюдал, как мэр-коротышка беспокойно ерзает на месте, недружелюбно поглядывая на него. Мис отбросил сигару и сплюнул на пол остатки табака.

— Кстати, если хочешь, чтобы следующий концерт в Мэллоу-Холле прошел со сногсшибательным успехом, Индбур, — сказал он небрежно, — можешь сказать своим дергунчикам, чтобы они выбросили к чертям собачьим, извиняюсь за выражение, все эти ваши электронные штучки-дрючки, и наш уродец сыграет нечто потрясающее на видеосоноре. Индбур, если ты хоть что-нибудь понимаешь в музыке, это — неземное зрелище!

Индбур капризно поморщился.

— Я вас сюда, между прочим, пригласил не для того, чтобы вы мне лекции по музыке читали. Что насчет Мула? Я от вас этого жду. Что насчет Мула?

— Ах, насчет Мула? Скажу. Я провел поверхностный тест и мало чего добился. О психотесте речи быть

не могло — уродец до смерти боится его, и его страх закрывает его треклятое подсознание. Но кое-что я все-таки выудил и скажу тебе, как только ты перестанешь так противно стучать когтями.

Индбур задохнулся от возмущения, но стучать перестал.

— Так вот. Все разговоры о потрясающей физической силе Мула — болтовня собачья. Может быть, он и правда не слабак, но впечатление о нем нашего беднягипаяца затуманено его собственными страшными воспоминаниями. Он носит странные очки, его глаза якобы способны убивать. Это означает, что велика его психическая, а не физическая мощь.

— Это все мы знали и вначале, — кисло прокомментировал мэр.

— Следовательно, тест подтвердил то, что мы знали. А сейчас я занимаюсь математической обработкой результатов.

— Да? И сколько же времени вам на это понадобится? Признаться, я порядком устал от вашей бестолковой болтовни.

— Понадобится примерно месяц или что-то около того, и тогда я сообщу тебе нечто более определенное. А может, и не сообщу. Какое это все имеет значение? Если это выходит за рамки Плана Селдона, то шансов у нас — кот наплакал!

Индбур одарил психолога ненавидящим взглядом.

— Ну, вот вы себя и выдали, изменник! Хватит лгать! Попробуйте-ка докажите, что вы не один из этих новоявленных болтунов, которые распространяют пораженческие настроения и панику в Академии и не дают мне работать!

— Я? Я? — Мис медленно, но верно закипал.

Индбур орал во всю глотку:

— Академия победит, клянусь всем святым! Академия должна победить!

— Несмотря на поражение при Хорлеггоре?

— Это было не поражение! Вы и эту сплетню под-

хватили и распространяете? Просто нас там было мало и нас предали...

— Кто?

— Кто? Да демократы вшивые, вот кто! — брызгал слюной Индбур. — Я давно уже догадывался, что флот кишмя кишит демократами! Большинство из них нам удалось выкинуть оттуда, но их там осталось еще достаточно для того, чтобы двадцать кораблей без видимой причины сдались в плен в самом разгаре схватки. Вот и возникло впечатление поражения. И поэтому я спрашиваю вас, наглец, выдающий себя за патриота, ходячее воплощение добродетелей, каковы ваши связи с демократами?!

Эблинг Мис пожал плечами.

— Совсем с ума сошел. Что ты можешь знать? Ты мне лучше скажи-ка, почему мы отступаем, почему мы отдали врагу половину Сивенны? А? Опять демократы?

— Нет. Не демократы, — хитро усмехнулся мэр. — Да, отступаем! Академия всегда отступала, если на нее нападали, но только до тех пор, пока триумфальный марш истории не начинал звучать для нас. Я уже вижу исход войны! Так называемое «демократическое подполье» уже понашлепало манифестов, где предлагает свою поддержку и присягает на верность правительству. Но это шантаж, прикрытие тайной измены. Только я сумею обернуть их пропаганду в свою пользу, каковы бы ни были истинные планы предателей. Я сделаю даже больше этого...

— Неужели? Даже больше, Индбур?

— А вот посмотрите: два дня назад пресловутая Ассоциация Независимых Торговцев объявила войну Мулу, и флот Академии разом увеличился на тысячу кораблей. Так что — Мул себя переоценивает. Он-то думает, что мы разделены, ссоримся друг с другом, а на самом деле перед лицом общей опасности мы объединяемся и становимся сильнее. Он должен проиграть! Это неизбежно — как всегда.

Мис иронично поглядывал на мэра.

— Ты мне еще скажи, Индбур, что Селдон запланировал даже такую непредсказуемую вещь, как случайное появление мутанта!

— Мутанта? А кто сказал, что он — мутант? Кто — кроме капитана-мятежника, двоих чужеземных сопляков и этого вашего уродца паяца? Вы забываете о самой важной точке зрения — вашей собственной!

— Моей собственной? — совершенно неподдельно удивился Мис.

— Вот именно! Вашей собственной! — злорадно проговорил мэр. — Через девять недель открывается Склеп. Что из этого следует? По какому поводу он открывается? Вот-вот, по поводу кризиса. Если нападение Мула — не кризис, где же настоящий, по поводу которого открывается Склеп? Отвечайте, ну!

Психолог пожал плечами.

— Ладно. Если тебе так хочется... Только сделай мне одолжение. Если старина Селдон действительно произнесет речь и дело окажется плохо, будет мне позволено присутствовать на Торжественном Открытии?

— Хорошо, — процедил Индбур. — А теперь убирайтесь. И не попадайтесь мне на глаза девять недель!

— С превеликим удовольствием, ваше тусклейшее сиятельство! — пробормотал Мис себе под нос, уходя.

Глава 18

ПОРАЖЕНИЕ АКАДЕМИИ

Атмосфера в Склепе была странная — что-то было не так, а что именно — непонятно. Не то чтобы заброшенность или запустение — нет, помещение было хорошо проветрено и освещено, стены отбрасывали мягкий рассеянный свет. Как прежде, стояли ряды удобных кресел, поставленных здесь, казалось, на вечные времена. Ни снаружи, ни внутри Склеп не производил

впечатления архаичной постройки — три столетия как будто прошли без следа. А вот ничего вроде благоговения и трепета не было и в помине — приглашения были разосланы самые что ни на есть скромные и будничные — еще немного, и вся церемония отдавала бы равнодушием.

Однако, несмотря на это, что-то неуловимо торжественное все-таки сохранилось. Наверное, это был стеклянный куб, занимавший почти половину помещения Склепа, привлекавший к себе внимание хотя бы своими колоссальными размерами. Четырежды за три столетия живая копия покойного Гэри Селдона появлялась там и говорила... Дважды он говорил, когда в Склепе не было ни души...

Старик пронес свой образ через три столетия, через девять поколений. Он, свидетель величайшего расцвета Империи, до сих пор знал о происходящем в Галактике больше, чем его прапраправнуки.

Куб был пуст.

Первым в Склеп прибыл мэр Индбур III на парадном автомобиле, с трудом пробившемся по запруженным взволнованной толпой улицам. С ним вместе прибыло его собственное кресло — оно было выше и просторнее тех, что стояли в Склепе. Кресло поставили перед остальными, так что Индбур возвышался над всеми, а над ним — только стеклянный куб.

Раздувшийся от важности чиновник низко поклонился мэру, церемонно взмахнул рукой.

— Ваше Сиятельство, для самой широкой трансляции вашего заявления вечером все готово.

— Хорошо. А пока пусть продолжается межпланетная трансляция церемонии открытия Склепа. Никаких, конечно, критических выступлений и вообще никаких мыслей по этому поводу. Реакция населения по-прежнему одобрительная?

— Ваше Сиятельство, весьма одобрительная! Злобных нападок становится все меньше. Доверие к правительству растет.

— Прекрасно.

Индбур жестом отослал чиновника и поправил яркий шейный платок.

До полудня оставалось двадцать минут.

По одному и парами входили избранные — опора правительства, тузы торговых организаций. Напыщенность и торжественность их представления зависела от величины их капитала и от того, насколько к ним благоволил мэр. Каждый из них кланялся ему, получал в ответ два-три благосклонных словечка и садился в предназначенное для него кресло.

Откуда ни возьмись, на редкость невзрачный на фоне высшего света Академии, появился хейвенец Ранду и пробрался, не будучи представленным, к креслу мэра.

— Ваше Сиятельство, — пробормотал он, кланяясь.

Индбур недовольно нахмурился.

— Вам не была назначена аудиенция!

— Ваше Сиятельство, я ожидаю ее уже целую неделю.

— Сожалею, однако государственные дела, связанные с открытием Склепа Селдона...

— Ваше Сиятельство, я тоже сожалею, но прошу вас отменить ваш приказ относительно того, чтобы корабли, переданные Независимыми Торговцами, были распределены между подразделениями Флота Академии.

Индбур, раздраженный тем, что был прерван на полуслове, покраснел.

— Сейчас не время для обсуждения подобных вопросов.

— Ваше Сиятельство, это единственное время, когда это возможно обсудить, — мягко прошептал Ранду. — Как представитель Независимых Торговых Миров я заявляю вам, что такой приказ не может быть выполнен. Он должен быть отменен до того, как Селдон решит за нас наши проблемы. Если мы упустим время,

потом будет слишком поздно вести мирные переговоры и наше сотрудничество попросту распадется.

Индбур смерил Ранду ледяным взглядом.

— Вы отдаете себе отчет в том, что я — Главнокомандующий Вооруженных Сил Академии? Имею я право определять военную политику своего государства или не имею?

— Ваше Сиятельство, имеете, но кое-какие действия представляются нецелесообразными.

— Не вижу никакой нецелесообразности. Мне как раз представляется опасным позволять вашим кораблям расщепить Флот Академии в теперешней экстренной ситуации. Раздельные действия — на руку врагу. Мы должны действовать сообща, посол, как с военной, так и с политической точки зрения.

У Ранду пересохло в горле. Он, опустив официальное обращение, выпалил:

— Конечно, сейчас вы чувствуете себя в безопасности, полагая, что Селдон все решит за вас, и позволяете себе выступать против нас. Месяц назад вы были сговорчивее, когда наши корабли разбили Мула при Тереле. Позволю себе напомнить вам, сэр, что корабли Академии пять раз проиграли в открытых боях и что не кто иной, как Флот Независимых Торговых Миров, одержал все ваши победы.

Индбур угрожающе нахмурился.

— Ваше дальнейшее присутствие на Терминусе нежелательно, посол. Вы будете официально отосланы сегодня вечером. Кроме того, сейчас мы занимаемся расследованием ваших преступных связей с подпольными демократическими силами на Терминусе. И мы продолжим расследование.

— Как только я буду отослан, вместе со мной уйдут и наши корабли. Я понятия не имею о ваших демократах. Зато мне известно, что ваши корабли сдались Мулу в результате измены высшего командного состава, а никак не простых солдат — не знаю, кто они — демократы

или кто еще. Повторяю: двадцать кораблей Флота Академии сдались Мулу при Хорлеггоре по приказу контр-адмирала — целые и невредимые. Контр-адмирал был вашим ближайшим приспешником — это он председательствовал в трибунале, когда здесь судили моего племянника, как только он вернулся с Калгана. Это не единственный случай, известный нам, и мы не собираемся рисковать своими людьми и кораблями ради потенциальных изменников!

— Вы будете арестованы, как только выйдете отсюда! — прошипел Индбур.

Ранду отошел в сторону, сопровождаемый ледяными взорами придворной камарильи.

До полудня оставалось десять минут!

Байта и Торан уже прибыли. Они приподнялись с кресел в последнем ряду и помахали Ранду.

— Ну, и вы здесь! Как вам это удалось?

— Нашим дипломатом был Магнифико, — усмехнулся Торан. — Его Сиятельство изволили пожелать, чтобы он сочинил нечто торжественное на тему открытия Склепа Селдона для видеосонора, причем в главной роли, естественно, — Его Сиятельство. А Магнифико наотрез отказался идти сюда без нас. Ему не смогли отказать. Эблинг Мис тоже здесь, по крайней мере — был здесь. Бродит где-то, видимо.

Торан спросил, заметно волнуясь:

— Дядя, что-нибудь произошло? Ты что-то неважно выглядишь.

Ранду кивнул.

— Наверное, неважно. Дела плохи, Торан. Боюсь, как только они разделаются с Мулом, тут же примутся за нас.

Неожиданно перед ними возник высокий мужчина в белом костюме и поклонился, прищелкнув каблуками.

Байта просияла и протянула ему руку.

— Капитан Притчер! А я думала, вы воюете!

Капитан пожал ее руку и склонился ниже.

— Что вы! Я так понимаю, это доктор Мис постарался, чтобы я попал сюда, но, увы, это временное послабление. Завтра возвращаюсь под домашний арест. Который час?

Было без трех минут двенадцать.

Магнифико являл собой зрелище крайней растерянности и удрученности. Он скрючился в кресле, как обычно, стараясь спрятаться от посторонних глаз. Сморщив длинный нос, он испуганно стрелял во все стороны темными глазами из-под полуприкрытых век.

Схватив Байту за руку, он прошептал ей на ухо:

— Как вам кажется, моя госпожа, все эти высокопоставленные люди были в зале, когда я играл на видеосоноре?

— Все были, я просто уверена, — подбодрила его Байта и ласково погладила его руку. — И еще я уверена, что они считают тебя самым прекрасным музыкантом в Галактике. Думаю, твой концерт — самое удивительное зрелище из всех, что им доводилось когда-либо видеть и слышать. Поэтому перестань бояться, выпрямись, сядь как следует. Мы гордимся тобой.

Он вяло улыбнулся в ответ на ее комплименты и неуклюже вытянул ноги.

Пробило полдень!

И стеклянный куб ожил!

Вряд ли кто-нибудь точно заметил, когда это произошло. Только что в кубе было пусто, и вот...

Внутри куба возникла фигура человека в инвалидном кресле. Фигура старика, лицо которого изборождили бесчисленные мелкие морщинки. Его ярко-голубые глаза сияли живым, молодым светом. Было полное впечатление, что он такой же живой, как и все, кто собрался в Склепе. На коленях у него лежала книга. Послышался мягкий тихий голос:

— Я — Гэри Селдон!

Голос звучал в гробовой тишине.

— Я — Гэри Селдон. Я не знаю, присутствует ли

здесь кто-нибудь, не могу даже догадываться об этом. Но это и не важно. Пока у меня нет оснований опасаться за провал моего Плана. Процент вероятности его успешного выполнения за первые триста лет составляет девяносто четыре и две десятых.

Он замолчал, улыбнулся и дружелюбно добавил:

— Кстати, если кто-то из присутствующих стоит, может присесть. Если кто-то желает закурить, я не против. Можете не церемониться, меня как бы здесь по-настоящему нет.

А теперь давайте рассмотрим положение дел на сегодняшний день. Сейчас впервые Академия столкнулась, или только начинает сталкиваться, с такой проблемой, как гражданская война. До сих пор все атаки извне успешно отражались, и это было неизбежно по законам психоистории. Теперешняя атака осуществляется со стороны чересчур независимых внешних групп населения Академии по отношению к чересчур авторитарному внутреннему правительству. Это необходимо, и результат очевиден.

Помпезность высокородной аудитории заметно поколебалась, Индбур привстал в кресле.

Байта встревоженно подалась вперед. О чем говорит великий Селдон? Она так разволновалась, что пропустила несколько слов.

— ...чтобы прийти к компромиссу. Это необходимо по двум причинам. Бунт Независимых Торговцев привносит элемент очередного недоверия к правительству, которое, по всей видимости, стало слишком переоценивать себя. Снова возродился дух противоречия. Несмотря на репрессии, всплеск демократического движения...

Послышались возмущенные голоса. Сначала перешептывались, потом стали переговариваться все громче — люди были взволнованы, испуганы.

Байта шепнула Торану:

— Почему он не говорит ни слова о Муле? Какой бунт? Торговцы не восстали!

Торан пожал плечами.

Голос Селдона спокойно звучал поверх шума возмущенной аудитории:

— ...новое, более сильное коалиционное правительство стало необходимым и позитивным итогом логично разразившейся гражданской войны в Академии. Теперь на пути экспансии Академии стоят только остатки старой Империи, но с ними, по крайней мере в течение нескольких ближайших лет, проблем не будет. Безусловно, я не вправе раскрывать перед вами суть следующей проб...

Голос Селдона пропал, утонув в реве. Губы его двигались беззвучно.

Эблинг Мис неожиданно появился рядом с Ранду. Лицо его побагровело. Он кричал:

— Селдон сошел с ума! Он не о том кризисе говорит! Разве вы, Торговцы, замышляли гражданскую войну?

Ранду тихо ответил:

— Да, замышляли. Только отложили — из-за нападения Мула.

— Значит, Мул — фигура, психоисторией не запланированная. Что же это такое?

Стояла ледяная, мертвая тишина. Взглянув на куб, Байта с удивлением обнаружила, что он уже пуст. Погасла матовая подсветка стен, затихло урчание кондиционеров.

Откуда-то издалека донесся пронзительный визг сирены. Ранду онемевшими губами проговорил:

— Воздушная тревога!

Он поднес к уху наручные часы и закричал:

— Остановились, черт подери! У кого-нибудь часы идут?

Двадцать человек, как по команде, поднесли к ушам свои часы. Не прошло и двадцати секунд, как стало ясно, что все часы остановились.

— Так... — обреченно проговорил Мис. — Это означает, что подача атомной энергии в Склеп прекращена и Мул атакует.

Пытаясь перекричать общий шум, Индбур визгливо завопил:

— Всем сесть!! Мул от нас в пятидесяти парсеках!

— Был! — рявкнул в ответ Мис. — Неделю назад! А сейчас он бомбардирует Терминус!

Байта почувствовала, что силы покидают ее. Она не могла пошевелить ни рукой, ни ногой. Тело налилось свинцом, стало больно дышать.

С улицы донесся гул огромной толпы. Двери были сорваны, на пороге появилась фигура насмерть перепуганного человека. Ему навстречу кинулся Индбур.

— Ваше Сиятельство! — прохрипел вбежавший. — В городе остановился весь транспорт, не работает ни одна линия внешней связи. Десятый Флот разбит, и корабли Мула — над планетой. Верховное Главнокомандование...

Индбур согнулся и как подкошенный упал на пол. Все онемели. Панический ужас сковал всех.

Индбура подняли с пола. К его губам поднесли бокал с вином. Губы его начали двигаться, когда он еще не мог раскрыть глаза. Он выдавил из себя единственное слово:

— Капитуляция!

Байта была готова разрыдаться — настолько сильным было состояние всеобщего отчаяния. Эблинг Мис дергал ее за рукав.

— Пойдемте, барышня!

Ее пришлось просто-таки вынимать из кресла.

— Мы улетаем, — сказал он. — И берем с собой вашего музыканта.

Пухлые губы старого ученого были бледны и дрожали.

— Магнифико... — только и смогла выдавить из себя Байта.

Паяца трясло мелкой дрожью. Глаза его выпучились и остекленели.

— Мул! — хрипел он. — Мул пришел за мной!!

Байта вялой рукой коснулась его плеча, и он дико отпрянул. Торан крепко взял его за руку. Магнифико потерял сознание. Торан взвалил его на спину и поволок к выходу.

На следующий день неуклюжие, закопченные в сражениях корабли Мула опустились на космодром Терминуса. Генерал, руководивший операцией захвата, проследовал по пустынным улицам Терминуса в шикарном автомобиле мимо безжизненно замерших у обочин атомных машин.

Заявление об оккупации было передано ровно через двадцать четыре часа — минута в минуту после того, как Селдон произнес речь перед бывшими правителями Академии.

Из всех миров, входивших в состав Академии, держались только Независимые Торговцы. Против них был весь флот Мула — покорителя Академии.

Глава 19

НАЧАЛО ПОИСКОВ

Маленькая планета Хейвен — единственная вращавшаяся вокруг одинокой звезды в секторе Галактики, окруженном межгалактическим вакуумом, была в осаде.

Она действительно была в осаде в строго военном смысле слова — на двадцать парсеков вокруг не осталось ни одной населенной звездной системы, где не были бы размещены военные базы Мула. Через четыре месяца после позорной капитуляции Академии все связи Хейвена с внешним миром были прерваны, как паутинка лезвием бритвы. Хейвенские корабли спешили домой, и Хейвену больше ничего не оставалось, как воевать в полном одиночестве.

На самой планете осада ощущалась еще сильнее — преобладало ощущение тоски и беспомощности...

Байта пробиралась к своему месту между рядами столиков, покрытых молочно-белым пластиком. Свой столик она нашла чисто автоматически. Она забралась на высокий стул без спинки, механически ответила на тихие приветствия, потерла слезящиеся от бессонницы глаза усталой рукой и потянулась за меню.

Байта огорченно отметила обилие блюд из парниковых грибов, которые на Хейвене считались непревзойденным деликатесом. На ее вкус, они были просто несъедобными. Услышав, что рядом кто-то всхлипывает, она оторвала взгляд от меню и оглянулась.

Плачущую девушку до сегодняшнего дня она видела всего пару раз. Звали ее Джуди — простенькая курносая блондиночка, — и обычно она сидела в столовой по диагонали от столика Байты. Сейчас Джуди плакала, сморкаясь в мокрый от слез платочек и изо всех сил сдерживая рыдания.

Личико ее покраснело и стало еще более некрасивым. Куртка от противорадиационного костюма была наброшена на ее плечи, а прозрачный защитный экран для лица упал в тарелку с десертом, да так там и лежал.

Байта подошла к трем девушкам, которые, сменяя друг друга, подходили к плачущей Джуди, безуспешно пытаясь утешить ее, гладя по головке и бормоча жалостливые слова. Эти приемы во все времена обречены на неудачу и вызывают только новые потоки слез.

— Что случилось? — шепотом спросила Байта.

Одна из девушек обернулась и, пожав плечами, призналась:

— Не знаю... — Отведя Байту в сторону, добавила: — Может, просто устала. Вообще-то она очень волнуется за мужа.

— Он в космическом патруле?

— Да.

Байта мягко коснулась плеча Джуди.

— Может быть, тебе лучше домой пойти, Джуди?

Голос Байты по сравнению с голосами подруг прозвучал трезво и спокойно, так что Джуди перестала всхлипывать и оторопело взглянула на Байту.

— Я уже была дома один раз на этой неделе.

— Ну, значит, надо еще денек передохнуть. Если ты не отдохнешь сейчас, на следующей неделе тебе придется отдыхать три дня. Надо отдохнуть, Джуди, даже из патриотических соображений. Девушки, кто-нибудь из вас работает вместе с Джуди? Ну, тогда позаботьтесь о ее отпуске. Пойди, Джуди, умойся и приведи себя в порядок. Ну, быстренько, давай, давай!

Байта вернулась за свой столик и облегченно продолжила изучение меню. Такие настроения заразительны, думала она. Одной плачущей девушки в ее отделе хватит, чтобы залихорадило всех сотрудниц.

В конце концов она выбрала наиболее съедобные, на ее взгляд, блюда, нажала соответствующие кнопки справа на столике и положила меню в предназначенное для него углубление.

Высокая эффектная брюнетка напротив проговорила сквозь зубы:

— Конечно! Что нам еще осталось? Только плакать!

Ее пухлые губы были искусно подкрашены, и казалось, будто она все время улыбается.

Байта мельком взглянула на нее, сделав вид, что фраза к ней не относится, и принялась за еду. Раскрыла судок и стала ждать, пока еда немного остынет. Брюнетка пристально глядела на нее. Не выдержав, Байта спросила:

— Я думаю, тебе-то есть чем заняться, Хелла?

— О да! — резко ответила Хелла. — Есть!

Она нервно погасила сигарету. Та вспыхнула и моментально исчезла в глубине маленького дезинтегратора, вмонтированного в край столика.

— Например, — сказала Хелла, опершись подбородком на тонкие холеные руки, — я думаю, что я бы

давно уже договорилась с Мулом и вся эта чепуха давно бы закончилась. Потому что когда он нас захватит, делать будет точно нечего.

Лицо Байты не дрогнуло. Голос по-прежнему был мягок и спокоен:

— Наверное, у тебя нет брата или мужа, которые сейчас воюют?

— Нет. И все равно я считаю, что незачем рисковать братьями и сыновьями. Даже я так считаю!

— Капитуляция принесет нам еще большие жертвы.

— А как же Академия капитулировала — и там все тихо и спокойно? А наши мужчины — неизвестно где, и против нас — вся Галактика!

Байта пожала плечами и улыбнулась.

— У меня есть маленькое подозрение, что первое тебя волнует больше.

Байта стала завтракать и с радостью отметила, что вокруг все молчат. Цинизм Хеллы остался без ответа.

Покончив с едой, Байта ушла, нажав кнопку, после чего ее столик был быстро прибран и ее место заняла другая девушка. Глядя вслед Байте, она спросила:

— Кто это?

Губы Хеллы презрительно скривились.

— Племянница нашего координатора. Ты что, ее не знаешь?

— Правда?

Девушка еще раз взглянула вслед Байте.

— А что она здесь делает?

— А... не знаю. Развивает какую-то деятельность. Сейчас же модно играть в патриотизм. Такие все демократы, тошнит просто.

— Ну, Хелла, — возразила пухлая девица, сидевшая справа, — пока ведь она дяде на нас не жаловалась. Чего ты вредничаешь?

Хелла равнодушно скользнула взглядом в сторону девушки и закурила новую сигарету.

Та, что сидела напротив Хеллы, изо всех сил при-

слушивалась к тому, что говорила ясноглазая официантка за соседним столиком.

— ...Говорят, она была в Склепе, в самом Склепе, представляешь? Ну, когда Селдон говорил... а еще говорят, что мэр был просто вне себя, ну и там были волнения, и всякое такое... Ей удалось смыться оттуда до того, как Мул высадился, в общем удирали они па-а-трясающе... прорывались через блокаду, ну, сама понимаешь!.. Удивляюсь, как это она до сих пор не написала про это книжку какую-нибудь, ведь теперь книжки про войну — просто нарасхват. А еще говорят, она была в том мире, где Мул, — ну, в Калгане, представляешь, и...

Раздался звонок, означавший окончание перерыва, и столовая опустела. Голосок официантки все еще звенел, а слушавшая ее девушка прерывала ее рассказ короткими возгласами типа «да ну!» или «потрясающе!».

Огромные прожекторы в пещерном городе уже гасли, и город постепенно погружался во мрак, когда Байта наконец добралась до дома. Хейвен укладывался спать после тяжелого трудового дня.

У дверей ее встретил Торан, дожевывая бутерброд.

— Где это тебя носило? — спросил он с набитым ртом. Прожевав, добавил: — Я тут сам кое-что приготовил на скорую руку. Не сердись, если не очень вкусно.

Байта смотрела на него широко раскрытыми глазами.

— Тори! Почему ты не в форме? Почему в гражданском?

— Приказ, Бай. Ранду заперся у себя с Эблингом Мисом, и, откровенно говоря, я ничего не понимаю. Вот, садись ешь.

— Я тоже лечу? — спросила она, порывисто прижавшись к нему.

Поцеловав ее, он ответил:

— Наверное. Но это будет опасно.

— Где теперь не опасно?

— Тоже верно. Да, я уже послал за Магнифико — наверное, он тоже полетит.

— То есть его концерт на заводе ядерных двигателей отменяется?

— Видимо, да.

Байта прошла в соседнюю комнату и села за стол. Ужин действительно был приготовлен на скорую руку. Она быстро расположила толстенные бутерброды и задумчиво проговорила:

— Плохо, что концерт отменили. Девушки на заводе так ждали его. Да и Магнифико тоже.

Она покачала головой.

— Странный он все-таки какой-то. Но очень милый.

— Байта, у тебя неудовлетворенный инстинкт материнства. Когда-нибудь у нас родится ребенок, и ты забудешь Магнифико.

Байта, откусив кусок бутерброда, отшутилась:

— Для удовлетворения материнского инстинкта мне вполне хватает тебя.

Она отложила бутерброд и неожиданно стала серьезной.

— Тори!

— М-м-м?

— Я была сегодня в Бюро Промышленности. Потому и задержалась.

— Что ты там делала?

— Ну... — она немного растерялась. — Понимаешь, я почувствовала, что не могу больше на заводе. Девушки начинают лить слезы без всяких причин. Те, кто не болен, заболевают. Просто эпидемия! Непосредственно в моем отделе производство не составляет и четверти от того, что было, когда я туда пришла. И не бывает дня, чтобы все были на работе.

— Понятно... — протянул Торан. — Ну а в Бюро Промышленности ты что делала?

— Задала кое-какие вопросы. Тори, такое творится везде, по всему Хейвену. Падает производство. Начальник Бюро только плечами пожимает, а ведь я у него в приемной целый час прождала, да и принял он меня

только потому, что я — племянница координатора, и сказал, что это не в его компетенции. Честно говоря, мне показалось, что ему нет до этого никакого дела.

— Бай, не уходи от главного.

— Ему просто нет дела! — распалялась Байта. — Говорю тебе, тут что-то не так! Тут что-то очень похожее на чувство прострации, которое охватило меня тогда, в Склепе Селдона. Ты же сам тогда что-то такое почувствовал!

— Да, почувствовал.

— Вот! А теперь опять! — продолжала она. — И все мы скоро будем бессильны перед Мулом. Будь у нас даже те материалы для работы, которых так не хватает сейчас, что-то случилось. Нет воли к победе, нет воодушевления, желания бороться... Тори, бороться бесполезно!

Торан не мог припомнить, чтобы Байта когда-нибудь при нем плакала. Сейчас она тоже не плакала. Торан ласково положил руку ей на плечо и прошептал:

— Давай не будем об этом, малышка. Я понимаю, о чем ты. Но нам нечего...

— Да, нам нечего делать! Все об этом говорят! А мы сидим и покорно ждем, пока нож гильотины опустится нам на шею!

Она принялась за бутерброд, отпила остывшего чая... Торан, стараясь ступать потише, пошел стелить постель. На улице было совсем темно.

Ранду, новоиспеченный координатор конфедерации городов Хейвена (этот пост был изобретен исключительно на время войны), поселился, по его личной просьбе, в верхней комнате, из окон которой он любил смотреть на зелень и крыши соседних домов. Любоваться ему пришлось недолго. В призрачном свете фонарей город казался нагромождением причудливых теней. Однако у Ранду не было времени задумываться о символике смены пейзажа.

Он обратился к Эблингу Мису, которого сейчас, казалось, интересовало только одно — наполненный рубиново-красным вином бокал, который он осторожно вертел в руках, глядя сквозь него на свет.

— На Хейвене есть пословица, суть которой состоит в том, что, когда в городе гаснет свет, тот, кто славно потрудился, может славно отдохнуть.

— Да? И много вы спите в последнее время?

— Мало! Простите, что побеспокоил вас так поздно, Мис, но в последнее время я чувствую себя лучше ночью. Не странно ли? Мы на Хейвене привыкли к тому, что темнота означает сон, и только сон. И я тоже привык. Но теперь все иначе.

— Вы недоговариваете, Ранду, — мягко проговорил Мис. — Просто днем вас окружают люди. Они смотрят на вас с надеждой. Это мучает вас. Когда все спят, вам легче.

— Значит, вы тоже это чувствуете? Это всеобщее отчаяние?

Эблинг Мис задумчиво кивнул.

— Да. Это — массовый психоз. Паника, черт бы ее побрал, извиняюсь за выражение, всеобщая. Ранду, а вы чего, собственно, ждали? Ведь людям с пеленок прививается мысль о том, что существует великий герой прошлого, который все за них спланировал и придумал и позаботился обо всех мелочах их проклятущей, извиняюсь за выражение, жизни! В результате сформировался образ мышления, близкий к религиозному, а вы понимаете, что это значит.

— Не очень, если честно.

Мису явно не хотелось пускаться в пространные объяснения. Он этого не любил. Поэтому он недовольно буркнул под нос какую-то фразу, в которой Ранду разобрал только «извиняюсь за выражение», поглядел на кончик длинной сигары и сказал:

— Видите ли, такой тип мышления характеризуется типичными для фанатиков реакциями. Веру трудно

поколебать, если только не случится что-нибудь вроде повального шока. В этом случае произойдет общее умопомрачение. Обычно мы имеем дело либо с мягкими проявлениями психических колебаний — истерией, болезненным страхом, либо с более тяжелыми — сумасшествием и самоубийствами.

Ранду покусывал ноготь на большом пальце.

— Если я правильно вас понял, это означает, что, если Селдон обманул нас, мы лишимся единственной точки опоры, а мы настолько крепко за нее держались до сих пор, что, как только она исчезнет, мы просто не сможем больше существовать. Образно говоря, как будто мышцы атрофировались.

— Именно так. Не очень удачная метафора, но близко по смыслу.

— Ну а как себя чувствует ваша мускулатура, Эблинг?

Психолог глубоко затянулся сигарой и рассеянно уставился на облачко дыма.

— Ослабла, собака, но не атрофировалась. Просто моя профессия вынуждает сохранять некоторую независимость суждений.

— И вы знаете выход?

— Нет. Но он должен быть. Может быть, Селдон не предвидел появления Мула. Может быть, он не гарантировал нашей победы. Но в таком случае он не гарантировал и поражения! Он просто вышел из игры, и мы должны действовать сами. Мула можно победить.

— Как?

— Единственным способом, которым можно победить любого. Применив силу там, где противник слаб. Ну посмотрите, Ранду, Мул — не сверхчеловек. Когда он будет окончательно разбит, все в этом убедятся воочию. Главное в том, что он непонятен, неизвестен, а неизвестность порождает легенды, а легенды быстро распространяются. Предполагают, что он мутант. Ну и что

из этого? «Мутант» для большинства невежд означает «сверхчеловек». Да ничего подобного!

Установлено, что в Галактике ежедневно появляется на свет несколько миллионов мутантов. Из этих миллионов все, за исключением одного-двух процентов, ничтожно малы, так что их можно разглядеть только под микроскопом или выявить путем химических анализов. Из одного-двух процентов макромутантов, то есть тех, что видны невооруженным глазом, все, опять-таки... за исключением одного-двух процентов, — жалкие уродцы, которые годятся разве что для кунсткамер и лабораторий да вдобавок нежизнеспособны. Из крошечного числа макромутантов, мутация которых протекает успешно, почти все представляют собой безвредные артефакты, необычность которых заключается, как правило, в чем-то одном, а во всем остальном это нормальные, абсолютно нормальные существа. Некоторые свойства у них порой даже ниже нормы. Понимаете, Ранду?

— Да, понимаю. И как, по-вашему, обстоит дело в этом смысле с Мулом?

— Если предположить, что Мул — действительно мутант, мы должны допустить, что у него есть некое качество, вероятнее всего связанное с особенностью деятельности мозга, которое позволяет ему овладевать мирами. В других отношениях у него обязательно должны быть какие-то недостатки, которые мы должны выявить. Недостатки должны быть, иначе он не был бы столь скрытен, не прятался бы столь упорно от посторонних глаз. Значит, эти недостатки очевидны и смертельны. Повторяю — если он мутант.

— Альтернативы есть?

— Могут быть. Сведения о мутации сообщил капитан Притчер из бывшей Разведки Академии. Он сделал свои выводы на основании туманных воспоминаний тех людей, которые заявили, что помнят Мула — или того, кто мог быть Мулом — в детстве. Притчер пользо-

вался отрывочной информацией, и полученные им данные запросто могут быть из области специально распространяемых Мулом — его военным успехам в немалой степени способствовал шквал слухов о том, что он мутант-супермен.

— Это интересно. Долго вы над этим голову ломали?

— Вовсе не ломал, и не могу сказать, чтобы я сильно верил в это. Просто вариант, который нужно учесть и рассмотреть. Ну, например, Ранду, представьте, что Мулу удалось открыть некий тип излучения, способный угнетать умственную деятельность мозга, — нашел же он нечто, способное угнетать ядерную реакцию? Что тогда, а? Можно этим объяснить, что поражает нас теперь, — гибель Академии?

Ранду погрузился в тоскливое раздумье.

Подумав, он спросил:

— А как успехи в обследовании шута Мула?

Тут настала очередь Эблинга Миса растеряться.

— Увы, пока безрезультатно. Да, я бравировал, хвастался перед мэром незадолго до нападения Мула на Академию — в основном из соображений поддержки его, извиняюсь, мужества, но частично и для того, чтобы не утратить собственное. Но понимаете, Ранду, если бы мои математические методы годились для этого, я бы уже давным-давно расщелкал и шута, и Мула в придачу. Тогда бы он у нас заплясал! Тогда бы мы точно установили причину странных аномалий, которые не так давно просто поразили меня.

— То есть?

— А вы подумайте, старина. Мул с необычайной легкостью захватил Академию, разбил их флот в пух и прах. Однако почему-то ему не удалось победить в сражениях с гораздо более слабыми силами Независимых Торговцев. Академия пала от первого удара. Независимые Торговцы держатся, противостоя всей мощи Мула. Впервые он применил депрессор ядерного поля против кораблей Независимых Торговцев при Мнемоне. Они

были потрясены, растеряны и именно из-за этого проиграли сражение, но депрессор-то они нейтрализовали! Получается, что ему так ни разу и не удалось применить это оружие против Флота Независимых Торговцев!

Зато против кораблей Академии это оружие действовало без промаха вновь и вновь. Оно подействовало и на саму Академию. Почему? С точки зрения наших теперешних знаний это совершенно нелогично. Значит, есть какие-то факторы, о которых мы не догадываемся.

— Измена?

— Чепуха собачья. Маразм, извиняюсь за выражение. Во Флоте Академии не было человека, который не был бы на все сто уверен в победе. Какой дурак покинул бы сторону, которая должна была заведомо победить?

Ранду подошел к круглому окошку и уставился туда, где не было видно ни зги. Помолчав, он проговорил:

— Но сейчас нет никаких сомнений в том, что мы проиграем, даже если Мул был бы в тысячу раз слабее, даже если бы весь его флот был продырявлен насквозь!

Он продолжал говорить, не оборачиваясь, сгорбившись, нервно потирая сведенные за спиной руки.

— Нам удалось легко улизнуть после того, что произошло в Склепе, Эблинг. Может быть, удалось удрать и еще кому-нибудь. Мало кому, конечно. Большинству не удалось. Да, поле депрессора могло быть нейтрализовано. Для этого нужно было проявить чудеса изобретательности и максимум упорного труда. Все корабли Академии могли просто-напросто отступить к Хейвену или к любому другому миру и продолжать сражаться, как сражаемся мы. Но они этого не сделали. Нет! Они вместо этого перешли на сторону врага.

Подполье Академии, на которое вы рассчитывали, до сих пор никак себя не проявило. Мул оказался недурным дипломатом, пообещав сохранить капиталы и прибыль торговым тузам Академии, и они тоже быстренько переметнулись на его сторону.

Эблинг Мис упрямо проговорил:

— Плутократы всегда были против нас.

— Но у них всегда была власть. Послушайте, Эблинг, по-моему, у нас есть достаточные основания, чтобы убедиться в том, что или сам Мул, или его оружие уже подействовали на некоторых людей не робкого десятка и из Независимых Торговых Миров. Как минимум десять Торговых Миров перешли на сторону Мула. Еще десять колеблются, как поступить. На Хейвене тоже хватает деятелей, которые не впадут в отчаяние, если нас захватит Мул. Видимо, существует непреодолимое искушение сдаться на милость любого победителя, лишь бы только он сохранил за собой экономическую власть.

— Значит, вы думаете, что Хейвен не сможет справиться с Мулом?

— Думаю, что Хейвен даже сражаться не будет.

Ранду отвернулся от окна. Взгляд его был переполнен страданием.

— Думаю, что Хейвен спит и видит, как бы поскорее капитулировать. Вот почему я хотел с вами поговорить. Я хочу, чтобы вы покинули Хейвен.

Эблинг Мис удивленно надул щеки.

— Вот те раз! Так скоро?

Ранду чувствовал себя бесконечно усталым.

— Эблинг, вы — величайший психолог Галактики. Настоящие корифеи-психоисторики ушли вместе с Селдоном, но вы — самый лучший, кто у нас остался. Вы — наша единственная надежда на победу над Мулом. Здесь вы нам уже ничем не поможете. Вам нужно лететь туда, где еще осталось кое-что от Империи.

— На Трентор?

— Верно. Только там еще могло что-то сохраниться. Там есть записи, Эблинг! Вы сможете углубиться в их изучение и узнать больше о математическом обеспечении психоистории. Может быть, этого хватило бы для более досконального обследования паяца. Он, естественно, отправится с вами.

Мис сухо отозвался:

— Сильно сомневаюсь, что он выразит горячее желание. Он, конечно, панически боится Мула, но если ваша племянница не отправится с нами...

— Понимаю. Торан и Байта летят с вами по этой самой причине. Но, Эблинг, есть и другая причина, более важная. Триста лет назад Гэри Селдон основал две Академии. Вторая должна находиться на другом краю Галактической спирали. Вы должны найти эту Академию.

Глава 20

КОНСПИРАТОР

Дворец мэра — вернее, здание, некогда бывшее дворцом мэра, — в темноте выглядел зловеще. Город, поверженный захватчиками, спал тревожным сном. Одинокие звезды холодно мерцали в черноте небес над Терминусом...

За три столетия Академия выросла из крошечного поселения ученых в грандиозную торговую Империю, распространившую свое влияние по всей Галактике, и всего за полгода была низвергнута с высот вселенского владычества, став всего-навсего одной из захваченных провинций...

Капитан Притчер до сих пор не мог с этим смириться.

Как бы ни был символичен угрюмый вид занятого захватчиками дворца мэра, разум капитана отказывался принять это как данность. Он бесшумной тенью скользнул за ограду, держа за щекой крошечную ядерную капсулу.

Низкая темная арка возникла перед ним. Капитан нагнулся. Прошептал, ободряя себя:

— Система сигнализации — как по схеме, капитан. Все в порядке. Она не сработает.

Капитан нырнул в арку и пошел дальше по дорож-

ке, вдоль которой тянулась цепочка затейливых фонтанов, — по любимому саду Индбура...

Четыре месяца назад, всего четыре месяца назад он был в Склепе. События того дня до сих пор он помнил так ясно, как будто это было вчера. Воспоминания приходили к нему по ночам, он пытался прогнать их, а они приходили и приходили снова.

Как наяву он видел старика Селдона, слышал его добрый усталый голос, произносивший слова, которые были безнадежно ошибочны... В памяти возникало мертвенно-бледное лицо Индбура, падающего навзничь, — белое пятно на фоне яркого парадного костюма, быстро собравшаяся перепуганная толпа, отрешенно ожидающая единственного рокового слова «капитуляция»... фигура молодого человека по имени Торан, исчезающего в дверном проеме с паяцем Мула на спине... Он видел и самого себя, неведомо как выбравшегося наружу и пытающегося завести безнадежно замолкший автомобиль... Он видел, как он пробирается сквозь толпу, бросившуюся бежать из города — неизвестно куда... Он видел себя, в отчаянии мечущегося по конспиративным квартирам, в которых когда-то были связные пункты подполья, функционировавшие в глубочайшей тайне уже восемьдесят лет.

Все квартиры были пусты...

На следующее утро в небе висели зловеще-черные корабли врагов, приземляющиеся где-то позади густонаселенных районов города. Капитан Хэн Притчер чувствовал, как им овладевает отчаяние и беспомощность.

Он честно продолжал поиски.

За тридцать дней он пешком одолел почти две сотни миль, переоделся в костюм работника гидропонных теплиц, чей труп нашел у обочины, отрастил густую разбойничью бороду.

В конце концов он нашел то, что осталось от подполья.

Городок назывался Ньютон. Притчер отыскал рай-

он, некогда самый элегантный и фешенебельный. Теперь здесь все больше воцарялись запустение и разруха. Отыскал он и дом одного рядового подпольщика и застал хозяина дома. Мужчина небольшого роста стоял на пороге, засунув грубые узловатые руки в карманы, и исподлобья глядел на Притчера.

Капитан пробормотал:

— Я от Мирана.

Человек ответил отзывом:

— Рановато в этом году.

Капитан продолжил пароль:

— Не раньше, чем в прошлом.

Однако человек не сошел с места и не предложил ему войти. Он спросил:

— Кто вы такой?

— А вы разве не Лис?

— Вы всегда отвечаете вопросом на вопрос?

Капитан глубоко вздохнул и спокойно ответил:

— Меня зовут Хэн Притчер, я капитан флота и член подпольной Демократической Партии. Вы позволите мне войти?

Лис отступил в сторону.

— Мое настоящее имя — Орум Пэлли, — сообщил он.

Он протянул руку. Капитан пожал ее.

В комнате был порядок. Не шикарно, но порядок и чистота. В одном углу стоял украшенный орнаментом книгопроектор, который, на опытный взгляд разведчика Притчера, мог запросто оказаться замаскированным бластером соответствующего размера. Объектив проектора был нацелен на дверь, и, судя по всему, им можно было управлять на расстоянии.

Лис поймал взгляд гостя и хитро усмехнулся.

— Все точно, — подтвердил он. — Было рассчитано на черный день — для Индбура и его треклятых кровососов. А против Мула — детская игрушка, ага? Тут уж ничего не поможет. Есть хотите?

У капитана засосало под ложечкой, к горлу подкатил комок. Он кивнул.

— Подождите минутку, если у вас есть время.

Лис достал из буфета две консервные банки и поставил на стол перед капитаном.

— Вот тут нажмите и подержите, пока нагреется. Регулятор температуры вышел из строя. Такие вот мелочи и напоминают, что идет война — или шла, правда?

Содержание фразы вроде бы было шутливым, но в интонации этого не чувствовалось, да и глаза хозяина были холодны и задумчивы. Он уселся напротив капитана и объявил:

— Я от вас мокрого места не оставлю, если вы мне не понравитесь. Ясно?

Капитан промолчал. Контейнеры раскрылись. Лис кратко прокомментировал:

— Там рагу. Прошу извинить, но с едой — напряженка.

— Знаю, — ответил капитан и набросился на еду.

Ел он быстро, не поднимая головы. Лис сощурился, склонив голову набок, и проговорил:

— А я вас видел как-то раз. Пытаюсь вспомнить где и когда, но борода сбивает.

— А я тридцать дней не брился, — пробурчал капитан. Прожевав, он сердито нахмурился. — Послушайте, чего вам надо? Я правильно сказал пароль. Хотите, удостоверение покажу?

Лис небрежно махнул рукой.

— Да нет, я верю, что вы — Притчер. Просто всякие тут ходят — пароль знают и удостоверения показывают, — только они уже с Мулом сотрудничают. Так-то. Про Леввоу слышали?

— Да.

— С Мулом.

— Что?! Он...

— Да. Тот самый, кого звали «Не сдаваться».

Губы Лиса разъехались в невеселой улыбке.

— А еще Виллинг. Тоже с Мулом. Гарре и Нот — тоже с Мулом. Почему и не Притчер? А? Откуда мне знать?

Капитан печально покачал головой.

— Да, в общем, мне все равно, — покачиваясь на стуле, сказал Лис. — Они наверняка знают мое имя. Если Нот проговорился. Так что, если вы зарегистрировались, наше знакомство для вас опаснее будет, чем для меня.

Капитан покончил с едой. Откинулся на спинку стула.

— Если и ваша организация не существует, где же еще искать? Академия сдалась, но я не сдался!

— Да ну? Ну, так вы можете долго искать. Только вам не дадут вот так вот разгуливать долго. Теперь гражданам Академии требуются специальные разрешения для перемещения из города в город. Вы не знали об этом? И специальные пропуска. У вас есть такой? Кроме того, всем бывшим офицерам положено зарегистрироваться в комендатуре по месту жительства. Сделали вы это? А? По-моему, это как раз для вас.

— Нет у меня ничего этого, — тяжело проговорил капитан. — Только не думайте, что я боюсь. Я был на Калгане вскоре после того, как они сдались Мулу. Через месяц все бывшие офицеры диктатора были пущены в расход, поскольку представляли опасность как потенциальные организаторы мятежа. В подполье всегда понимали, что никакая революция не будет успешной, если в ней не примет участия хотя бы часть флота. Не сомневаюсь — Мул знает об этом не хуже нас с вами.

Лис задумчиво кивнул.

— Довольно логично. Мул — не дурак.

— Я избавился от формы, как только смог. Отрастил бороду. Потом может выясниться, что не один я так сделал.

— Вы женаты?

— Жена умерла. Детей у нас не было.

— В заложники, стало быть, взять некого?

— Некого.

— Совет хотите?

— Не откажусь.

— Я понятия не имею, какую политику проводит Мул и чего он добивается. Знаю одно: до сих пор никто из профессионалов высокого класса не пострадал. Им даже ставки повысили. Производство всех видов ядерного оружия нарастает.

— Да? Значит, идет эскалация войны?

— Не знаю. Мул — сукин сын, так что очень даже может быть, что он просто хочет подчинить себе всех трудоспособных. Чтобы работали на него. Если уж Селдон не смог рассчитать его появления с помощью всей своей заумной психоистории, мне и рыпаться нечего. Вы вырядились в рабочий костюм. А ведь на этом можно сыграть!

— Не могу сказать, чтобы я был опытным рабочим.

— Но вы же специализировались по ядерным двигателям?

— Точно.

— Этого достаточно. Здесь, в нашем городке, расположены заводы компании по производству носителей ядерного поля. Скажите им, что у вас есть опыт работы. Заводами продолжают управлять те же слюнтяи, что и при Индбуре. Только теперь работают на Мула. Они не будут вас особо долго допытывать, им до зарезу нужны рабочие руки. Этим — хоть трава не расти! Продолжают сколачивать миллионы. Они выдадут вам удостоверение, имея которое, вы сможете подыскать себе жилье. Не мешкайте!

Вот как получилось, что капитан Притчер, офицер Национального Флота, профессиональный разведчик, стал инженером по фамилии Ло Моро в сорок пятом цехе крупного военного завода. Итак, из агента разведки он превратился в конспиратора, что и привело его несколько месяцев спустя ночью ко дворцу мэра, в любимый садик Индбура.

В саду капитан Притчер взглянул на табло радиометра, пристегнутого на запястье. Внутренняя сигнализация пока еще действовала. Он немного подождал. До момента взрыва крошечного ядерного устройства, лежавшего у него за щекой, оставалось полчаса. Он пошевелил капсулу языком.

Табло радиометра погасло, и капитан быстро зашагал вперед.

Пока все шло как по маслу.

Он совершенно отчетливо ощущал, что его жизнь соединилась с жизнью маленькой бомбы, что ее смерть — это и его смерть, но и смерть Мула тоже.

И тогда наконец будет окончен четырехмесячный кошмар той войны, которую он сам вел, работая на Ньютонском заводе.

Два месяца капитан Притчер носил свинцовый фартук и тяжелый противорадиационный шлем, и с виду никак нельзя было догадаться, что он — бывший офицер. Он был работягой, получавшим честно заработанные деньги, вечера проводил в городе, в политические дискуссии не вступал.

Все эти два месяца он ни разу не видел Лиса. И вот однажды мимо его рабочего места прошел человек.

Незаметно в карман капитана скользнула записка. В ней было только одно слово: «Лис». Он тут же бросил ее в урну-дезинтегратор, где она вспыхнула и моментально испарилась, и вернулся к работе.

В тот же вечер он был у Лиса и играл в карты с ним и еще двумя мужчинами, одного из которых знал понаслышке, а второго — в лицо и по имени. Во время игры они тихо переговаривались. Капитан сказал:

— Это глобальная ошибка. Вы живете в прошлом. Восемьдесят лет наша организация ожидала удобного исторического момента. Мы были ослеплены психоисторией Селдона, одним из основополагающих принципов которой является то, что деятельность отдельных людей ничего не значит, что личности погоды в исто-

рии не делают, что сложные социальные и экономические процессы доминируют над действиями индивидуума, делают его игрушкой в руках истории.

Он аккуратно разложил карты, прикинул варианты и, объявив игру, спросил:

— Почему бы не убить Мула?

— И что из этого выйдет? — сердито поинтересовался мужчина, сидевший слева от него.

— Вот видите, — усмехнулся капитан, сбрасывая две карты, — вот оно, ваше отношение к делу, во всей красе. «Что может значить один человек — один из квадриллионов людей? Галактика не перестанет вращаться, если один человек умрет!» Но Мул — не человек, он мутант! Он уже расстроил План Селдона! Если вы перестанете цепляться к мелочам, вы поймете, что это значит: один — один человек, один мутант — разрушил всю психоисторию Селдона! Если бы он не появился на свет, Академия бы не пала. Если он умрет, она не останется побежденной.

Ну послушайте, боролись же демократы с мэрами и воротилами бизнеса восемьдесят лет тайно. Почему бы не попробовать открытый террор?

— Каким же это образом? — поинтересовался Лис холодно, со всегдашним оттенком здравомыслия. Капитан медленно проговорил:

— Целых три месяца я над этим голову ломал, и все без толку. А здесь решение созрело у меня за пять минут.

Он быстро взглянул на мужчину, чье широкое, похожее на спелую дыню лицо улыбалось ему справа.

— Вы когда-то были камердинером Индбура, не так ли? А я и не догадывался, что вы — подпольщик.

— Признаться, я о вас тоже не догадывался.

— Ясно. Скажите, в ваши обязанности входила проверка работы системы сигнализации?

— Да, входила.

— Так... Теперь, как вы знаете, во дворце мэра расположился Мул.

— Так было объявлено, — уточнил бывший камердинер, — но вот ведь что странно — он же покоритель, завоеватель, а скромный такой — никаких тебе речей по телевизору, заявлений, — просто вообще на людях не показывается.

— Ну, это старая история и вообще к делу не относится. Вы — уважаемый камердинер, все, что нам нужно.

Игроки раскрыли карты, и Лис собрал ставки. Медленно перетасовав карты, он сдал их снова.

Бывший камердинер Индбура старательно, по одной, брал со стола карты и раскладывал по мастям.

— Вы уж извините, капитан. Я действительно проверял исправность сигнализации, но чисто эмпирически, так сказать. Как она действует, мне неизвестно.

— Я и не ждал другого. Тем не менее у вас в памяти должно было запечатлеться расположение кнопок. Сами вы схему не вспомните, но может помочь психотест.

Румяные щеки камердинера моментально побледнели как мел. Карты в руке разъехались.

— Психотест?

— Да не бойтесь вы! — резко сказал капитан. — Я знаю, как это делается. Никакого вреда, уверяю вас, просто несколько дней будете ощущать небольшую слабость. Если все получится, вы нам здорово поможете, и, естественно, за причиненное неудобство вам будет заплачено. Среди наших найдутся люди, которые по расположению кнопок сумеют определить всю схему сигнализации. Найдутся и такие, кто сможет смастерить маленькую атомную бомбу с часовым механизмом, и я сам отнесу Мулу этот подарочек.

Игроки склонились над столом.

Капитан прошептал:

— В назначенный вечер в Терминусе у дворца мэра начнется потасовка. Не настоящая драка. Просто что-то вроде нарушения общественного порядка. Я этим воспользуюсь и проскользну за ворота, пока охранники будут заняты... или, по крайней мере, отвлекутся.

Начиная с этого дня целый месяц шли интенсивные приготовления, и капитан Притчер, офицер Национального Флота, профессиональный разведчик, волею судеб ставший конспиратором, опустился еще ниже по социальной лестнице и стал террористом.

Капитан Притчер, ныне террорист, находился уже внутри дворца и был собой весьма доволен. Как они и предполагали, тщательно продуманная схема внешней сигнализации означала, что внутри дворца охранников немного. Судя по всему, внутри дворца их не было совсем.

План помещений дворца был у Притчера в голове. Он скользил по комнатам бесшумной тенью, мягко ступая по пушистым коврам. В конце длинного коридора он прижался к стене и замер.

Перед ним была небольшая закрытая дверь — она вела в личные покои. За дверью должен был находиться он, ненавистный мутант, победитель непобедимых. У капитана еще было время — до взрыва оставалось десять минут.

Прошло пять минут. Все было тихо. Мулу оставалось жить ровно пять минут — столько же, сколько и капитану Притчеру.

Он рывком шагнул вперед. Теперь его план просто не мог провалиться. Когда взорвется бомба, вместе с ним взлетит на воздух весь дворец. Дверь, отделявшая его от цели, не имела никакого значения. Каких-то десять ярдов. Но ему хотелось увидеть того, с кем вместе ему было суждено погибнуть.

Он рванул дверь и застыл на пороге. В глаза ему ударил сноп ослепительно яркого света. Капитан на мгновение растерялся, но быстро взял себя в руки.

Посреди большой, роскошно убранной комнаты, перед подвешенным на цепях аквариумом стоял высокий стройный мужчина в строгой черной форме.

Он небрежно качнул аквариум, и яркие рыбки с вуалевыми плавниками испуганно заметались туда-сюда.

— Входите, капитан! — сказал он как ни в чем не бывало.

На язык капитана давила проклятая капсула. Ответить он физически не мог. Наступила последняя минута в его жизни.

Человек в черной форме улыбнулся.

— Вы бы лучше выплюнули эту дурацкую пилюльку, капитан, хоть поговорить можно будет. Она не взорвется.

Минута миновала. Капитан беспомощно поднес ко рту руку, вынул капсулу и яростно швырнул ее в стену. Она с легким стуком отскочила от стены и упала на ковер. Ничего не произошло.

Человек в черной форме пожал плечами.

— Вот и все. Все равно ничего бы у вас не вышло, капитан. Я — не Мул. Вам придется удовлетвориться встречей с его вице-королем.

— Как вы узнали? — онемевшими губами выговорил капитан.

— Можете свалить все на безупречно работающую сеть шпионажа. Я могу назвать поименно всех членов вашей шайки, перечислить по пунктам все ваши планы.

— И... до сих пор вы ничего не предпринимали?!

— А зачем? Одной из моих основных задач было отыскать вас и ваших помощников. Но главное — вас. Я мог бы арестовать вас еще пару месяцев назад, когда вы трудились на Ньютонском заводе, но такой вариант, как сегодня, меня больше устраивал. Если бы вы сами не додумались до такого восхитительного плана, нашлись бы люди, которые бы вам его подсказали. Результат, как видите, весьма трагичный, но с элементом комедии.

Плечи капитана опустились. Он с горечью проговорил:

— Похоже на то. Все кончено?

— Да что вы? Все только начинается! Проходите, капитан, садитесь. Давайте оставим героизм и патрио-

тизм идиотам, на которых это производит впечатление. Капитан, вы же неглупый человек! Судя по той информации, которой я располагаю, вы первый в Академии догадались о могуществе Мула. И с тех пор вы проявляли исключительный интерес ко всему, что было связано с его ранним детством. Вы были среди тех, кто организовал похищение его шута, который, кстати говоря, до сих пор не найден, и за поимку его полагается большое вознаграждение. Естественно, ваши способности привлекли к себе внимание, а Мул — не из тех, кого пугают способности врагов. Он просто справедливо полагает, что может превратить их в своих друзей.

— Вот вы куда клоните! Ну нет!

— О да! Это и было целью сегодняшнего ночного фарса! Вы неглупый человек, повторяю, но ваша изощренная конспирация в отношении Мула просто смехотворна. Ее и конспирацией-то можно назвать с большой натяжкой. Вы же учились в Военной Академии. Разве вас там учили терять корабли в безнадежных ситуациях?

— Надо еще убедиться в том, что ситуация безнадежна.

— Убедитесь, — заверил его вице-король. — Мул захватил Академию. Она быстро и неотвратимо превращается в арсенал для осуществления его глобальных замыслов.

— Каких глобальных замыслов?

— Покорения всей Галактики. Воссоединения разрозненных миров в новую Империю. Выполнения, тупоголовый вы патриот, вашего же собственного, благословенного Селдоном Плана, его мечты, на семьсот лет раньше, чем он хотел. И в этом вы можете нам помочь.

— Несомненно, могу. Но, несомненно, не буду.

— Понятно, — кивнул вице-король. — Кстати, вы в курсе, что только три из Независимых Торговых Миров еще продолжают сопротивляться? Но долго они не продержатся. Это последнее, что осталось от Академии. Ну что, и это вас не убедило? Отказываетесь?

— Да.

— Не сможете отказаться. Конечно, нас больше бы устроило добровольное согласие. Но есть и другие методы. К сожалению, Мула сейчас нет. Он во главе Флота ведет сражение против Независимых Торговцев. Но он поддерживает с нами постоянную связь. Вам не придется долго ждать.

— Чего ждать?

— Того момента, когда вам придется изменить свое решение.

— Мулу, — твердо ответил капитан, — это не удастся!

— Удастся, удастся. Со мной же удалось. Вы не узнаете меня, капитан? Ну вспомните, вы же бывали в Калгане и не раз меня видели. Я носил монокль, красную мантию, отделанную мехом горностая, клобук...

Капитан застыл в изумлении.

— Вы... были... диктатором Калгана!

— Вот именно. А теперь я верный Мулу вице-король. Как видите, он упрям.

Глава 21

ИНТЕРЛЮДИЯ В КОСМОСЕ

Из блокады они вырвались легко. В колоссальных просторах Галактики, соберись вместе хоть весь ее флот, все равно невозможно уследить за всеми участками пространства. Один корабль, ведомый опытным пилотом, плюс небольшая порция удачи — а дырочка всегда найдется.

Холодно, спокойно Торан вел корабль от звезды к звезде. Наличие больших звездных скоплений в непосредственной близости не давало возможности совершать продолжительные прыжки через гиперпростран-

ство, однако именно это обстоятельство затрудняло и слежку за ними противника.

После того как им удалось вырваться из внутреннего кольца блокады, где субэфирное пространство было заблокировано настолько, что прием и передача информации были просто невозможны, они вздохнули свободнее. Впервые за три месяца Торан не чувствовал себя в изоляции.

Прошла неделя. Все это время в блоках новостей, передаваемых противником, не было ничего, кроме утомительных самодовольных перечислений деталей захвата Академии. Всю эту неделю маленький, до зубов вооруженный торговый корабль Торана гигантскими прыжками удалялся от Периферии.

В отсек управления позвонил Эблинг Мис. Торан оторвал воспаленные глаза от карты. Мис просил зайти.

— Что случилось? — спросил Торан, входя в маленький центральный отсек, который Байта, по своему обыкновению, превратила в уютную гостиную.

Мис покачал головой.

— Будь я проклят, если знаю. Дикторы Мула передают специальный информационный выпуск. Я подумал, может быть, тебе интересно будет послушать.

— Наверное. А Байта где?

— Накрывает стол к обеду. Что-то экзотическое готовит — если бы я что-то в этом понимал.

Торан присел на краешек кушетки — постели Магнифико.

Пропагандистская рутина «специальных информационных выпусков» телевидения Мула была назойливо однообразной. Сначала военные марши, потом масленый голосок диктора. Второстепенные новости следовали одна за другой. Пауза. Потом — фанфары, звук которых был призван пробудить у слушателей воодушевление и восторг.

Торан терпеливо ждал. Мис что-то бормотал себе под нос.

Блок новостей продолжался в обычной для военного времени манере — дубовые фразы, стандартные словечки, за которыми слышался скрежет плавящегося металла и вспышки взрывов космических сражений.

«Эскадроны скоростных крейсеров под командованием лейтенанта Сэммина вернулись на базу после тяжелого боя при Иссе...»

Лицо диктора, изо всех сил старавшегося сохранять непроницаемое выражение, сменилось на экране чернотой пространства, рассекаемого летящими на полной скорости кораблями, устремившимися к полю боя. Голос диктора продолжал звучать на фоне приглушенного грохота двигателей.

«Самым величественным моментом сражения была схватка тяжелого крейсера «Созвездие» с тремя вражескими кораблями».

На экране пошел крупный план. Огромный корабль озарила яркая вспышка ядерного удара. Он весь осветился багровым сиянием, был отброшен назад, завертелся и стал падать. «Созвездие» произвел еще один залп по поверженному врагу.

Диктор бесстрастно комментировал ход схватки.

Потом — пауза, а потом — тот же бесстрастный голос и похожая картина сражения при Мнемоне с единственным отличием от предыдущего репортажа — занудным перечислением подробностей высадки десанта. Потом — картина разбомбленного города, лица изможденных, измученных пленников.

Мнемону оставалось недолго жить.

Снова пауза, вслед за которой раздались режущие уши звуки военного духового оркестра. На экране возник длинный строй солдат, вдоль которого быстро шел представитель правительства в форме канцлера.

Гробовое молчание действовало угнетающе. Наконец зазвучал голос диктора — торжественно и четко:

«По приказу нашего монарха объявлено, что планета Хейвен, до сих пор оказывавшая военное сопротив-

ление, признала свою полную и окончательную капитуляцию. В настоящее время вооруженные силы нашего монарха оккупируют планету. Оппозиция была малочисленна, плохо организована и быстро повержена».

На экране снова возникла физиономия диктора, который важно объявил, что, как только поступят новые сообщения государственной важности, они тут же будут переданы.

Началась передача танцевальной музыки. Мис выключил гипервизор.

Торан встал и, пошатываясь, вышел из отсека, не сказав ни слова. Психолог не пытался его остановить.

Когда на пороге кухни показалась Байта, психолог тихо проговорил:

— Они захватили Хейвен.

— Уже? — онемевшими губами выговорила Байта. Глаза ее округлились. Видно было, что ей отчаянно не хочется верить.

— Без боя. Без боя!..

Он замолчал и сглотнул слюну.

— К Торану лучше пока не ходи. Пусть побудет один. Давай сегодня пообедаем без него.

Байта бросила взгляд в сторону двери отсека управления, тяжело вздохнула и проговорила:

— Хорошо...

Магнифико сел за стол. На него никто не обращал внимания. Он молчал, не прикасался к еде, только сидел, уставившись в одну точку с выражением полнейшего отчаяния.

Эблинг Мис поковырял ложкой десерт из замороженных фруктов и хрипло проговорил:

— Два Торговых Мира еще дерутся. Дерутся, истекая кровью. Погибают, но не сдаются. Только на Хейвене все — как в Академии.

— Но почему? Почему?

Психолог покачал головой.

— Это все из одной области. Каждое звено укладывается в схему того, что собой представляет Мул. Первый вопрос — как ему удалось захватить Академию малой кровью, фактически — с первого удара, в то время как Независимые Торговцы продолжали держаться? Это его хитрое оружие — депрессор ядерного поля, — мы просто языки и мозги сломали, когда думали об этом, — оно же не сработало ни на ком, кроме Академии!

Ранду предположил, — добавил Эблинг Мис, сдвинув щетинистые брови, — что было кое-что еще, нечто вроде «депрессора воли». Вот что могло сработать на Хейвене! Но почему тогда эта штука не была применена в Мнемоне и Иссе, которые даже сейчас дерутся с такой дьявольской страстью, что Мулу потребовалось добавить половину Флота Академии к своим войскам? Клянусь, когда передавали новости, я узнал корабли Академии среди атакующих!

Байта прошептала:

— Сначала Академия, потом Хейвен... Несчастья будто преследуют нас по пятам, а нас не трогают. Мы всегда ухитряемся ускользнуть, будучи на волосок от гибели. Сколько же это будет продолжаться?

Эблинг Мис не слушал ее. Он, казалось, говорил сам с собой:

— Но есть еще один вопрос, Байта: помнишь, както в новостях болтали, что, дескать, паяц Мула не был найден на Терминусе, что он удрал в Хейвен или туда его умыкнули те, кто, собственно, похитил в самом начале? С ним связано нечто важное, Байта, и все время остается важным, а мы никак не можем этого понять. Магнифико должен знать что-то такое, что смертельно для Мула. Я в этом уверен.

Магнифико, бледный как полотно, заикаясь, запротестовал:

— С-сэр, б-благородный г-господин, к-клянусь, что я не в силах в-выполнить ваше ж-желание! Я вам все,

все рассказал, а с помощью вашего теста вы в-вытащили из меня все, что я знал, но не знал, что з-знаю...

— Знаю. Знаю! Нет, это что-то совсем незначительное, какая-то пустяковая мелочь! Такая мелочь, что ни ты, ни я не обратили на нее внимания и не понимаем, для чего она и с чем ее едят! Но я должен ее найти, эту мелочь, — потому что скоро и Мнемон, и Исс сдадутся! А когда они сдадутся, только мы и останемся — последние капельки независимой Академии!

Ближе к центру Галактики звезды стали встречаться все чаще. Их притяжение все больше мешало осуществлению межзвездных прыжков. Торан понял это, когда после очередного прыжка их корабль оказался в непосредственной близости от красного гиганта. Вырваться из объятий его притяжения удалось только после двенадцати бессонных, напряженных, изматывающих часов.

Карт у него было явно недостаточно, опыта — тоже, как в навигации, так и в математических расчетах. Поэтому после каждого очередного прыжка Торан проводил дни и ночи напролет, вычерчивая курс корабля.

В конце концов эта работа стала коллективной. Эблинг Мис проверял математические расчеты Торана, а Байта проводила сверку маршрута различными обобщенными методами, и вместе они принимали окончательное решение. Даже Магнифико не остался без дела — его засадили за компьютер для проведения самых элементарных операций. Ему это, как ни странно, пришлось очень по вкусу. Он оказался на удивление способным и продуктивным помощником.

К концу первого месяца путешествия Байте удалось довести тонкую красную ниточку маршрута на трехмерной модели Галактики примерно до половины намеченного пути. Склонив голову набок, она саркастически заметила:

— Знаете, что это мне напоминает? Мертвого дождевого червяка, страдающего хроническим несварением. В конце концов, Тори, ты приведешь нас обратно в Хейвен.

— Так оно и будет, — буркнул Торан, угрожающе зашелестев картой, — если ты не замолчишь!

— А ведь наверняка, — продолжала Байта, — есть прямой путь, ровненький, как меридиан.

— Да? Во-первых, моя дорогая, чтобы проложить такой маршрут, потребовалось бы угробить пятьсот кораблей, которые бы прокладывали его лет пятьсот, и на моих вшивых картах за полкредитки он не указан. Кстати, может быть, именно прямых путей нам и следует избегать. Не исключено, что там-то и кишат корабли противника. И потом...

— Ох, ради бога, Тори, я сейчас сгорю в пламени твоего праведного гнева!

Она ласково погладила его по голове и запустила пальцы в его непокорную шевелюру.

— М-м-м... — простонал он. — Ну, держись!

Схватил Байту за обе руки, потянул, и через мгновение все оказались на полу — Торан, Байта и стул в придачу — настоящая куча-мала! Стул быстро освободился, а молодые супруги продолжали упорную схватку, сопровождавшуюся сдавленным хохотом и нанесением друг другу «сокрушительных» ударов.

Торан неохотно отпустил Байту, когда в отсек управления вошел Магнифико.

— В чем дело?

Физиономия паяца выражала крайнюю степень обескураженности. Кожа на переносице побелела, лицо покрылось мелкими морщинками.

— Приборы ведут себя так странно, сэр! Я там ничего не трогал, поскольку мое невежество...

В две секунды Торан оказался у пульта управления. Глянув на приборы, он холодно сказал Магнифико:

— Разбуди Эблинга Миса. Попроси его спуститься сюда.

Вошла Байта, поправляя растрепанные волосы. Торан сказал:

— Нас выследили, Бай.

— Выследили? — прошептала Байта, уронив руки. — Кто?

— Бог знает, — пробормотал Торан. — Только мы под прицелом бластеров.

Он сел за пульт и металлическим голосом сообщил по субэфирной связи идентификационный код корабля.

Когда в отсек управления вошел заспанный, в помятой пижаме Эблинг Мис, Торан сообщил с безнадежным спокойствием:

— Похоже, мы пересекли внутреннюю границу некоего королевства под названием Филианская Автархия.

— Сроду о такой не слышал, — буркнул Эблинг Мис.

— Я тоже, — ответил Торан, — но, как бы то ни было, остановил нас филианский корабль, и что теперь будет, можно только гадать.

Капитан-инспектор с филианского корабля ступил на борт в сопровождении шестерых вооруженных солдат. Он был маленького роста, с жидкими волосами, тонкогубый. Сильно закашлялся и раскрыл блокнот на чистой странице.

— Ваши паспорта и документацию на корабль, пожалуйста.

— У нас ничего этого нет, — ответил Торан.

— Ничего нет, говорите?

Он вытащил из нагрудного кармана микрофон и быстро проговорил в него:

— Трое мужчин и одна женщина. Документы не в порядке.

Сделал соответствующую пометку в блокноте и спросил:

— Откуда следуете?

— Из Сивенны, — без запинки ответил Торан.

— Где это?

— Тридцать тысяч парсеков отсюда, на восемьдесят градусов западнее Трентора, на сорок градусов...

— Ладно, ладно... — махнул рукой инспектор. Торан, заглянув ему через плечо, увидел, как он пишет: «Откуда прибыли: Периферия».

Филианец продолжал:

— Куда направляетесь?

— В тренторский сектор.

— С какой целью?

— Туристическое путешествие.

— Груз имеете?

— Нет.

— Гм-м... Ну, это мы проверим.

Он кивнул своим людям, и двое из них быстро принялись за дело. Торан не протестовал.

— Как вы попали на филианскую территорию?

— Мы не знали, где находимся. У меня карты очень неточные.

— Вам придется заплатить сто кредиток за ваше легкомыслие, а кроме того, таможенную пошлину и тому подобное.

Он снова поднес к губам микрофон, но на этот раз больше слушал, чем говорил. Обернувшись к Торану, спросил:

— Разбираетесь в ядерной технике?

— Немного, — осторожно ответил Торан.

— Значит, разбираетесь, — сказал филианец и, закрыв блокнот, добавил: — У людей с Периферии неплохая репутация в этом отношении. Наденьте скафандр и следуйте за мной.

Байта шагнула вперед:

— Что вы собираетесь с ним сделать?

Торан мягко отстранил ее и холодно поинтересовался:

— Куда вы меня поведете?

— Наш атомный двигатель нуждается в небольшом ремонте. Этот пойдет с вами.

Он ткнул указательным пальцем в Магнифико, карие глаза которого округлились от страха.

— Ему-то что там делать?

Инспектор нехотя пояснил:

— У нас есть сведения о росте пиратской деятельности в окрестностях. Описание одного из бандитов передано средствами массовой информации. Просто нужно кое-что уточнить.

Торан колебался, однако шестеро крепких мужчин и шесть бластеров наготове — серьезный аргумент. Он подошел к шкафу, чтобы достать скафандры.

Час спустя он закончил осмотр двигателя в энергетическом отсеке филианского корабля и заявил:

— Двигатель в порядке. Я не вижу никаких поломок. Все показывает «В порядке», L-трубки работают нормально, анализ хода реакции осуществляется как положено. Кто здесь главный?

Главный инженер спокойно ответил:

— Я.

— Ну так выведите меня отсюда.

Его проводили на офицерскую палубу. В крошечной приемной сидел только безразлично-равнодушный младший лейтенант.

— Где человек, которого привели вместе со мной?

— Подождите, пожалуйста, — вежливо ответил лейтенант.

Через пятнадцать минут ввели Магнифико.

— Что они делали с тобой? — быстро спросил Торан.

— Ничего. Совсем ничего. — Голова Магнифико медленно качнулась из стороны в сторону.

Было уплачено двести пятьдесят кредиток, из них пятьдесят — за то, чтобы их поскорее отпустили, и они снова оказались на свободе.

Байта с вымученным юмором проговорила:

— Что-то не видно почетного эскорта. Но, с другой стороны, пинка на прощание тоже не дали.

Торан с горечью в голосе ответил:

— Никакой это не филианский корабль. И далеко мы не улетим. Идите все ко мне.

Все собрались вокруг Торана. Он обреченно сообщил:

— Это был корабль Академии, а на нем были люди Мула.

Эблинг наклонился, чтобы поднять оброненную сигару.

— Здесь? — прохрипел он. — Да мы в пятнадцати тысячах парсеков от Академии!

— Тем не менее. Что мешало им проделать тот же путь? Господи, Эблинг, вы что же думаете, я корабли друг от друга отличить не в состоянии? Я видел двигатели, и мне этого хватило. Говорю вам: двигатели собраны в Академии, а корабль — оттуда.

— Но как они сюда попали? — спокойно спросила Байта. — Какова вероятность случайной встречи двух отдельно взятых кораблей в пространстве?

— Какое это имеет значение? — рявкнул Торан. — Это означает одно: за нами следят!

— Следят! — вспылила Байта. — Через гиперпространство?

— Это в принципе возможно, — вмешался Эблинг Мис. — Был бы только первоклассный корабль и пилот — ас. Но дело, похоже, не в этом.

— Я не заметал следов, — настаивал Торан. — Так что даже слепой мог проделать за нами наш путь.

— Черта с два! — крикнула Байта. — Да ты делал такие запутанные прыжки и зигзаги, что курс, взятый сначала, ничего ровным счетом не значит. Сколько раз после каждого прыжка мы меняли направление!

— Напрасная трата времени, — процедил сквозь зубы Торан. — Повторяю: это — корабль Академии, перешедший на сторону Мула. Он остановил нас. Он следил за нами. Они взяли Магнифико как заложника, чтобы вы двое не волновались. И мы должны пустить этот корабль ко всем чертям — и немедленно.

— Погоди, успокойся! — Эблинг Мис схватил Торана за руку. — Неужели ты хочешь погубить нас ради одного корабля, который показался тебе вражеским? Ну подумай, неужели эти скоты действительно мотались за нами всю дорогу по треклятой Галактике, выследили, поймали, чтобы потом отпустить?

— Им пока интересно, куда мы направляемся.

— Зачем же им тогда нужно было нас останавливать, вызывать подозрение, а потом отпускать? Не вижу логики.

— Я останусь при своем мнении. Отпустите меня, Эблинг, или я толкну вас!

Магнифико, скрючившийся в кресле, наклонился вперед. Кончик его громадного носа дрожал от возбуждения.

— Прошу милостиво извинить меня, что я вмешиваюсь в вашу беседу, но в мой скудный разум вдруг пришла странная мысль.

Торан отмахнулся от него, как от назойливой мухи, но Байта, не обратив на это внимания, перемигнулась с Эблингом Мисом.

— Говори, Магнифико. Мы внимательно слушаем тебя.

Магнифико заерзал в кресле и сказал:

— Пока я был на том корабле, я держал ушки на макушке и прислушивался ко всему, что вокруг меня говорили. Старался ни единого словечка не пропустить. Судя по разговорам, они все там чего-то боятся. Много людей смотрели на меня и говорили о чем-то, чего я не понимал. И наконец — как будто луч света пробился сквозь грозовую тучу — я увидел знакомое лицо! Я видел этого человека мельком, но теперь он ожил в моей памяти.

Торан резко спросил:

— Кто это был?

— Тот капитан, который был с нами давным-давно, там, где вы спасли меня из рабства.

Магнифико, видимо, ожидал, что это сообщение произведет сенсацию, и радостно улыбнулся.

— Капитан... Хэн... Притчер? — с трудом выдавил Мис. — Ты в этом уверен? И сейчас уверен?

— Сэр, я клянусь! — воскликнул паяц, прижав к груди худую руку. — Я не побоялся бы и перед Мулом поклясться в этом!

Байта изумленно проговорила:

— Что же это все значит?

Паяц с готовностью откликнулся:

— Моя госпожа, у меня есть идея! Она снизошла на меня, ну, правда, снизошла, как будто Галактический Дух милостиво вложил ее в мою бедную, глупую голову!

Магнифико так воодушевился, что говорил даже громче Торана, тщетно призывавшего его замолчать.

— Моя госпожа, — продолжал он, апеллируя к Байте. — Что, если этот капитан, так же как и мы, убежал на этом корабле? Что, если он тоже пустился в путешествие, чтобы провести какие-то собственные расследования, и вдруг наткнулся на нас — тогда он должен подозревать нас в том, что мы преследуем его, — так же, как мы теперь подозреваем его. Что же тогда удивительного в том, что он и разыграл эту комедию с остановкой нашего корабля?

— А зачем ему понадобилось тащить нас к себе на корабль? Не клеится, — возразил Торан.

— Почему? Очень даже клеится, сэр! — горячо продолжал Магнифико. — Он подослал подчиненного, который нас не знает, но он описал нас, когда говорил в микрофон. Капитан слушал и был поражен — меня-то он сразу вспомнил! Наверное, вряд ли во всей Галактике найдется несчастный, с которым можно меня спутать! А раз я — это я, то и все остальные — те же самые.

— И потом он нас отпустил?

— А разве мы можем судить о том, какая у него цель? И насколько секретна его миссия? Он ведь за нами следил не как враг, и если это так, разве он счел бы разум-

ным рисковать своими планами, раскрывая их перед остальными?

Байта медленно проговорила:

— Не упрямься, Тори. Это все-таки какое-никакое, а объяснение.

Торан почувствовал, что сопротивляться общему согласию бесполезно. Однако что-то в гладкости объяснений паяца ему не понравилось. Что-то было не так. Тем не менее спорить он не стал, и гнев его постепенно угас.

— Просто я думал, — прошептал он устало, — что было бы неплохо хоть один корабль Мула пустить в расход. Хоть один!

Он вспомнил о капитуляции Хейвена, и глаза его потемнели от боли. Остальные поняли его и промолчали...

Глава 22

СМЕРТЬ НА НЕОТРЕНТОРЕ

НЕОТРЕНТОР — *небольшая планета Деликасс была переименована в Неотрентор после Великого Побоища и на целое столетие стала резиденцией последней династии правителей Первой Империи. Это был карикатурный мир и карикатурная Империя, и ее существование имело чисто фактологическое значение. Под эгидой первых отпрысков Неотренторианской династии...*

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Название-то какое — Неотрентор! Новый Трентор! Всякому услышавшему его думалось, что это, наверное, не иначе как точная копия былого оригинала. Всего лишь в двух парсеках отсюда сияло солнце старого Трентора, и бывшая столица Галактической Империи продолжала свое молчаливое кружение по прежней орбите.

На старом Тренторе по-прежнему жили люди. Их было там что-то около ста миллионов. По старым мер-

кам — капля в море. Когда-то население Трентора равнялось сорока миллиардам. Не так давно — всего пятьдесят лет назад.

Теперь колоссальные металлические постройки зияли пробоинами и трещинами. Высоченные шпили были сорваны или погнуты. Здания обреченно взирали на свет глазницами пустых, мертвых окон и бойниц и дырами от взрывов — памятью о Великом Побоище, разразившемся сорок лет назад.

Было просто непостижимо, как этот громадный мир, бывший центром Галактики в течение двух тысячелетий, правивший необъятными просторами космоса, колыбель вершителей законов и правителей, любые прихоти которых были известны на много парсеков отсюда, мог погибнуть всего за месяц. Было непостижимо, что эта колоссальная планета, тысячелетиями оставававшаяся неприкосновенной, когда кругом, по всей Галактике, бушевали вихри гражданских войн и мятежей, теперь мертва. Разум отказывался верить, что этот вселенский Олимп, слава Галактики лежит в руинах!

Непостижимо — и грандиозно!

Понятно, когда за многие века упорный труд пятидесяти поколений превращается в прах. Но за месяц!

Миллионы людей, оставшихся в живых после гибели миллиардов своих соотечественников, разорвали стальную кору планеты и стали обрабатывать почву, которой не касались лучи солнца уже тысячи лет.

Окруженные механическими шедеврами человеческого разума, замкнутые в кольцо индустриальных монстров, долгие века безжалостно тиранивших природу, эти люди вернулись к земле. На громадных автостоянках росли пшеница и рожь. В тени высоких башен паслись овцы.

Однако существовал Неотрентор — по старым меркам, деревня деревней, почти незаметная в величественной тени старого Трентора. И быть бы ей деревней, если бы именно туда не рванула дрожавшая от страха

императорская семья, спасавшаяся от взрывов и пламени, пожиравшего столицу, и затаилась там, пережидая, пока рокочущий вал мятежа не откатился подальше. Там она из последних сил пыталась сохранить некое подобие власти — жалкие призраки, правящие смердящими останками Империи.

Теперь Галактическая Империя представляла собой... двадцать аграрных миров!

Дагобер IX, правитель двадцати аграрных миров, населенных обедневшими помещиками и угрюмыми нищими крестьянами, был Императором Галактики, повелителем всего сущего...

Дагоберу IX было двадцать пять лет, когда он вместе с отцом прилетел на Неотрентор. До сих пор он не забыл славу и мощь Империи. Но его сын, который в один прекрасный день должен был стать Дагобером X, родился на Неотренторе...

Двадцать миров — вот все, что он знал.

...Скоростной катер Джорда Коммейсона был самым шикарным из средств передвижения на Неотренторе. И это было понятно. Дело тут было не только и не столько в том, что Коммейсон был крупнейшим землевладельцем на Неотренторе. Это — полдела. Главная причина была в том, что в первые дни обитания здесь он был правой рукой и злым гением юного кронпринца, виновником последнего вздоха еще не старого Императора. Теперь он стал правой рукой и злым гением еще не старого кронпринца, который ненавидел старого Императора и только об одном и мечтал — как бы скорее занять его место.

Поэтому Джорду Коммейсону, проплывавшему над городом в своем катере, украшенном золотом и перламутром, не было нужды напичкивать свое транспортное средство бластерами — и так было ясно, кто летит. Он пролетал над землями — своими землями, над полями колышущейся на ветру золотой пшеницы — своими полями, над своими молотилками, своими комбайнами, на которых трудились его старательные фермеры и водители, — летел и преспокойно размышлял о своих делах.

Рядом с ним сидел его водитель, который мягко и плавно вел катер невысоко от поверхности планеты и благодушно улыбался.

Джорд Коммейсон, подставив лицо ветру и солнцу, спросил:

— Помнишь, что я говорил тебе, Инчни?

Мягкие седые волосы Инчни развевал ветерок. Тонкие губы раздвинулись. Улыбка обнажила редкие желтые зубы. Вертикальные морщины на впалых щеках стали глубже. Казалось, у него есть какая-то тайна, которую он скрывает даже от самого себя. Свистящим шепотом он ответил:

— Помню, господин, и я подумал...

— И до чего же ты додумался, Инчни?

Он с нетерпением ждал ответа.

А Инчни вспоминал, как он был молод и недурен собой, что на старом Тренторе он был лордом, а на Неотренторе стал пешкой, что и в живых-то он остался исключительно благодаря милости сквайра Джорда Коммейсона и что платил тот ему не за вождение катера, а за исполнение его хитрых поручений. Он тихо вздохнул и прошептал в ответ:

— Гости из Академии, господин, — это очень кстати. В особенности, господин, когда они прилетают на одном-единственном корабле и среди них только один сильный мужчина. Их надо бы принять как положено.

— Принять как положено? — задумчиво переспросил Коммейсон. — Может быть, может быть... Эти люди, однако, волшебники, и у них есть сила.

— П-ф-ф! — фыркнул Инчни. — Правда скрыта веками и расстоянием. Что такое Академия? Мир как мир, самый обычный, только и всего. Там живут самые обычные люди. Если в них стреляют, они умирают — как все.

Инчни легко вел катер. Внизу серебристой лентой извивалась река. Он прошептал:

— Сейчас поговаривают о другом человеке. Вот кто уж точно встряхнет всю Периферию!

Коммейсон сразу стал подозрительным.

— Что ты знаешь об этом?

Водитель перестал улыбаться.

— Ничего, сэр. Просто так, к слову пришлось.

Сквайр недолго оставался в растерянности. Он грубо и твердо заявил:

— Ты ничего не говоришь просто так. Только из-за того, что ты слишком много знаешь, твоя голова пока на плечах. Но я знаю, о чем ты. Этого человека зовут Мул, и его посланник был у нас пару месяцев назад... по делу. Скоро должен прибыть еще один посланник для... завершения переговоров по этому делу.

— А эти? Ну, те, что только что прибыли? Эти — не от него?

— Не похоже.

— Сообщали, что Академия захвачена.

— Я тебе, во всяком случае, этого не говорил.

— Но так сообщили, — беспечно продолжал Инчни. — И если это правда, значит, они могут быть беженцами, а их можно задержать — это очень понравится посланнику Мула.

— Ты так думаешь? — неуверенно спросил Коммейсон.

— Ну, сэр, это же ежу понятно: друг победителя — всегда его последняя жертва. Чтобы ею не стать, нам надо прибегнуть к элементарной самозащите. У нас же есть такое замечательное средство, как психотест. А к нам прибыли четыре человека из Академии, целых четыре мозга, которые можно исследовать. Неплохо было бы узнать побольше об Академии — это может оказаться даже полезнее, чем информация о Муле. И дружба с ним будет не так опасна для нас.

Коммейсон, подставив лицо прохладному ветерку, вернулся к своей предыдущей мысли.

— Ну а если Академия все-таки не побеждена? Если в сообщениях врут? Говорят, было предсказано, что их победить невозможно.

— Сэр, мы уже не в том возрасте, когда верят в сказочки.

— И все-таки вдруг их не победили, Инчни? Представь. Вдруг их не победили? Мул, правда, мне кое-что обещал... — Тут он почувствовал, что зашел слишком далеко в откровенности. — Ну... в общем, хвастался. Но слова — ветер. Легко сказать, а трудно сделать.

Инчни тихонько рассмеялся.

— Сделать и правда трудно, но главное — начать. Академия на краю Галактики — нашли чего бояться!

— Да... Но есть еще и принц... — пробормотал Коммейсон, обращаясь больше к самому себе.

— У него тоже дела с Мулом, сэр?

Коммейсон недовольно нахмурился. Инчни был назойлив.

— Да так себе. Слабенько. Не так, как у меня. Но он ведет себя все хуже. Несдержан, вспыльчив. В него как будто бес вселился. Если я задержу этих людей для своих целей, а он вздумает забрать их себе — ему ведь не откажешь в кое-какой проницательности, — знаешь, я пока не готов с ним сильно поссориться.

Он нахмурился, одутловатые щеки повисли мешками.

— Вчера я мельком видел этих чужестранцев, — вскользь заметил водитель. — Интересная дама, однако, эта брюнетка. Мужская походка, аристократическая бледность...

В голосе его звучали романтические нотки, и Коммейсон удивленно взглянул на него.

Инчни продолжал:

— Думаю, можно избавиться от излишней проницательности принца, если предложить ему разумный компромисс. Вы можете спокойненько забрать себе остальных, оставив ему эту даму.

Коммейсон просиял.

— Это мысль! Отличная мысль! Инчни, поворачи-

вай обратно! Слушай, Инчни, если все пойдет хорошо, мы вернемся к разговору о твоей реабилитации.

Что-то символическое было в том, что, войдя в свой кабинет, Коммейсон обнаружил ожидающую его персональную капсулу. Ее доставка была произведена на длине гиперволны, известной немногим. Коммейсон довольно ухмыльнулся. Человек от Мула вот-вот должен был прибыть, а Академия действительно капитулировала...

Не таким представляла себе Байта императорский дворец и была крайне разочарована. Комната была маленькая, простая, почти обычная. А дворец был намного скромнее, чем дворец мэра в Терминусе, а уж что касается Дагобера IX...

У Байты имелось сложившееся впечатление о том, как должен выглядеть Император. Во всяком случае, он не должен был выглядеть как добренький дедушка школьной подруги. Он никак не должен был оказаться тощим, седым и дряхлым и не мог сам подавать чай гостям, изо всех сил стараясь им угодить.

Но все было именно так.

Дагобер IX ласково улыбнулся, наливая чай в протянутую чашку.

— Это большая радость для меня, моя милочка. Возможность отдохнуть от церемоний и кучи придворных. Ах, как давно меня не навещали мои подданные из дальних провинций! Я уже старенький стал, и всеми делами занимается мой сыночек. Виделись вы с моим сыночком? Хороший мальчик. Молодой еще, горячий, ну да это дело понятное. Хотите ароматную таблеточку? Нет? Зря. Очень вкусно.

Торан попытался по возможности тактично прервать старика.

— Ваше Императорское Величество...

— Да?

— Ваше Императорское Величество, мы не намеревались вас задерживать...

— О, никакого беспокойства. Вечером, конечно, будет официальный прием, а пока мы совершенно свободны. Ну-ка, ну-ка, запамятовал, откуда вы прибыли-то? Знаете, давненько у нас не было официальных приемов. Из провинции Анакреон, вы сказали?

— Из Академии, Ваше Императорское Величество!

— Да-да, из Академии, вот теперь я вспомнил. Я посмотрел, где это. Это в провинции Анакреон. Я там, признаться, никогда не бывал. Доктор не позволяет мне, знаете ли, путешествовать. Что-то не припомню, чтобы тамошний вице-король что-нибудь сообщал в последнее время. Как там у вас дела?

— Сир... — обескураженно пробормотал Торан. — Ничего, мы не жалуемся...

— Это похвально. Надо будет как-нибудь отметить моего вице-короля.

Торан беспомощно глянул на Эблинга Миса, который откашлялся и проговорил:

— Сир, нам сказали, что для посещения Имперской Библиотеки на Тренторе требуется ваше разрешение.

— Трентор? — рассеянно спросил Император. — Трентор?

Его высохшее лицо неожиданно исказилось гримасой боли.

— Трентор? — прошептал он. — Теперь я вспомнил... Я вернусь туда... с эскортом звездолетов. И вы полетите со мной! Вместе мы одолеем мятежников! Этого, как его... Гилмера! Вместе с вами мы восстановим Империю!

Его согбенная спина выпрямилась. Голос зазвучал тверже, увереннее, в глазах загорелся огонек, который, однако, быстро угас. Он часто заморгал и тихо пробормотал:

— Только... Гилмер-то умер вроде бы, как мне помнится... Да... Да. Гилмер умер. И Трентор погиб — но,

конечно, это не насовсем, не надолго. Так откуда вы прибыли-то, я забыл?

Магнифико шепнул Байте на ухо:

— А это правда Император? Мне все время казалось, что Императоры не так выглядят. Что они должны быть величественнее и мудрее простых смертных...

Байта приложила палец к губам и прошептала в ответ:

— Тс-с-с...

И обратилась к Императору:

— Если Ваше Императорское Величество подпишет приказ, позволяющий нам отправиться на Трентор, это в большой степени поспособствует общему делу!

— На Трентор?

Император побледнел, руки у него дрожали.

— Сир! — продолжала Байта. — Вице-король Анакреона, от имени которого мы говорим с вами, утверждает, что Гилмер до сих пор жив.

— Жив? Жив?! — взорвался Дагобер. — Где он? Ну я ему задам. Будет война!

— Ваше Императорское Величество, об этом пока еще рано говорить. Его местопребывание пока не выяснено окончательно. Наш вице-король послал нас, чтобы мы сообщили вам об этом, но только побывав на Тренторе, мы сможем точно выяснить, где он скрывается. А когда мы отыщем его...

— Да, да! Его нужно отыскать!

Старый Император на ватных ногах добрел до ближайшей стены и коснулся дрожащими пальцами маленького глазка фотоэлемента. После неловкой паузы он пробормотал:

— Слуги не идут. У меня нет времени их ждать.

Порывшись в столе, он вытянул из кипы бумаг чистый лист, что-то нацарапал на нем и подписал затейливым Д.

— Гилмер еще узнает, как велик его Император! Так

откуда вы прибыли-то? Запамятовал... Анакреон? Ну и как там дела у вас? Ваш народ чтит своего Императора?

Байта взяла лист из трясущейся руки Императора.

— Наш народ любит Ваше Величество. Наш народ знает, как Ваше Величество любит своих подданных!

— Нужно будет мне как-нибудь навестить моих добрых подданных в Анакреоне, но мой доктор говорит... не помню, что он говорит... только...

Сощурив выцветшие глаза, он спросил у Байты:

— Вы, барышня, что-то сказали про Гилмера?

— Нет, Ваше Императорское Величество.

— Ничего у него не выйдет, у проклятого мятежника! Когда вернетесь, так и скажите своему народу. Трентор выстоит! Мой отец сейчас во главе Флота, и гадкий изменник Гилмер скоро будет выброшен на веки вечные в мертвящий холод пространства вместе со своими приспешниками!

Он устало опустился в кресло. Огонь в его глазах погас.

— О чем я... говорил?

Торан поднялся и отвесил низкий поклон Императору.

— Вы были так добры к нам, Ваше Императорское Величество, но, к сожалению, время, назначенное нам для аудиенции, истекло.

На короткое мгновение Дагобер IX действительно стал похож на Императора — он встал, выпрямился и оставался недвижим, пока его гости один за другим, кланяясь, исчезали в двери... за которой их ожидали двадцать вооруженных охранников, сомкнувшихся плотным кольцом. Мелькнула вспышка бесшумного выстрела...

...Сознание медленно возвращалось к Байте, но вопроса «где я?» у нее не возникло. Она отчетливо помнила и чудаковатого старика, называвшего себя Импера-

тором, и других, которые ждали за дверьми. В суставах противно покалывало. Это означало, что стреляли в нее из парализующего пистолета.

Она стояла, не открывая глаз, и болезненно прислушивалась к голосам, звучавшим рядом.

Разговаривали двое. Первый говорил с растяжкой, вежливо, с хитрецой, спрятанной за внешним подобострастием. Голос второго был хрипл и груб. Байте не понравились оба.

Обладатель грубого голоса говорил чаще и больше.

Байта поймала последнюю фразу.

— Он будет жить вечно, этот старый болван! Я устал! Мне надоело, черт подери! Годы идут, я тоже старею!

— Ваше Высочество, давайте сначала посмотрим, какую выгоду мы можем извлечь из наших пленников. Ведь может оказаться, что мы станем обладателями источников могущества, которое и не снилось вашему батюшке.

Грубый голос превратился в булькающий шепот. До Байты долетали только отдельные слова. Она разобрала слово «девушка»... Второй, вкрадчивый голос что-то бубнил на одной ноте и в конце концов произнес погромче, почти по-отечески:

— Ну что вы, Ваше Высочество, вы не стареете. Плюньте в лицо тому, кто скажет, что вам больше двадцати!

Они дружно расхохотались. Сердце Байты билось медленно. Казалось, кровь стынет в жилах. «Дагобер... Ваше Высочество...» Старик Император говорил о сыне... Смысл того, что было сказано шепотом, стал постепенно доходить до нее. Нет, это невозможно!

Из состояния ступора ее вывел голос Торана, разразившегося многоэтажным проклятием.

Она открыла глаза, поймала взгляд Торана. Ей стало немного легче. Торан яростно выпалил:

— За вашу бандитскую выходку вы ответите перед Императором! Немедленно освободите нас!

Байта наконец поняла, что ее запястья и лодыжки прикованы к стене и полу гравитационным полем.

Обладатель грубого голоса подошел к Торану. Вид у него был премерзкий — одет неопрятно, обрюзгший, синяки под опухшими веками, слипшиеся жиденькие волосики, съехавшая набок охотничья шапочка с легкомысленным перышком. Борта засаленной жилетки были отделаны серебристой вышивкой.

Он хмыкнул, изобразив на физиономии искреннее удивление:

— Император? Бедный сумасшедший Император!

— У меня есть его Указ! Никто не смеет чинить нам никаких препятствий! Ни один Его подданный!

— Ишь ты! Подданного нашел! Я не подданный! Понял ты, подонок? Я — регент и кронпринц, вот так ко мне и обращайся, сопляк! Что же до моего папаши-идиота, маразматика старого... ха-ха-ха! Просто ему приятно время от времени принимать гостей, и я не лишаю его этой маленькой радости. Пусть себе тешится, вспоминает дни своей молодости и былого могущества, чего там, мне не жалко. Вот так-то. А вы и поверили, уши развесили, олухи!

Отойдя от Торана, он приблизился к Байте. Она с ненавистью смотрела на кронпринца. Тот подошел вплотную, и ей стало еще противнее — так от него мерзко пахло. Обдавая ее зловонным дыханием, он проговорил:

— А глазки ничего, Коммейсон... Так она даже симпатичнее. Подойдет, пожалуй. Деликатес для изощренного гурмана, ага?

Торан отчаянно пытался освободиться от гравитационных пут, а кронпринц и бровью не повел. У Байты по спине мурашки забегали. Эблинг Мис пока не пришел в себя. Голова его безжизненно свисала на грудь. Но как же удивилась Байта, увидев, что глаза Магнифико широко раскрыты — так, как будто он открыл их

уже давно! Его пламенный взор был устремлен на Байту. Он всхлипнул и кивнул в сторону кронпринца.

— Этот... отобрал мой видеосонор!

Кронпринц резко обернулся на голос паяца.

— Так он твой, чудище?

И стянул с плеча инструмент, висевший на зеленом шнуре.

— Твой, спрашиваю?

Он неуклюже пробежался пальцами по клавишам, извлекая режущие ухо диссонансы.

— Можешь изобразить чего-нибудь, чудище?

Магнифико кивнул. Торан вмешался.

— Вы захватили корабль Академии! Если Император не вмешается, вмешается Академия.

Коммейсон — обладатель вкрадчивого голоса — с кривой усмешкой проговорил:

— Это какая такая Академия? Или Мул уже не Мул?

Ответа не последовало. Кронпринц довольно осклабился. Поле, державшее руки и ноги паяца, было отключено. Крон-принц грубо сунул ему в руки видеосонор.

— Ну-ка, сыграй нам, чудище! — буркнул принц. — Сыграй для нас серенаду о любви и красоте нашей чужеземной гостьи! Объясни ей, что тюрьма моего папаши — не дворец, но что я могу отвести ее во дворец, где она будет купаться в розовой водичке и познает любовь принца. Играй и пой о любви принца, чудище!

Он присел на низкий мраморный столик, лениво покачивая жирной ножищей. Его сальная улыбочка вызвала у Байты бессильное бешенство. Торан беспомощно пытался сорвать гравитационные путы, но, увы, это было бесполезно. Лицо его покрылось капельками пота. Эблинг Мис пошевелился и застонал.

Магнифико сморщился и прошептал:

— У меня... пальцы онемели — как деревяшки!

— Играй, чудище!! — проревел принц.

По знаку Коммейсона был выключен свет. В полумраке кронпринц встал, сложил на груди руки. Он ждал...

Длинные тонкие пальцы Магнифико стремительно забегали по клавишам — от одного края клавиатуры до другого, — и вот резко очерченная радуга перекинулась через тюремную камеру. Зазвучал низкий, глухой, вибрирующий, скорбный аккорд. Тембр становился выше, слышался громкий смех, за переливами которого угадывался рокочущий звон огромного погребального колокола.

Казалось, мрак сгущается. Музыка доносилась до слуха Байты как бы сквозь плотную складчатую завесу. Она видела слабый свет, мерцавший где-то далеко-далеко, будто одинокая свеча тускло мерцала со дна глубокого темного колодца.

Инстинктивно она напрягла зрение. Свет стал ярче, но оставался как бы за пеленой тумана. Пламя металось, извивалось, меняло оттенки... Внезапно музыка стала пронзительной, злобной, переросла в душераздирающее крещендо. Свет кидался из стороны в сторону, в такт ускоряющемуся ритму. Внутри островка света что-то корчилось, копошилось — что-то мерзкое, издававшее ядовитые металлические стоны и вопли.

Байта сражалась с изматывающим душу чувством. Ее все сильнее сжимало в объятиях отчаяние и бессилие. Она с ужасом вспомнила то состояние, что охватило ее в последние дни в Хейвене. Это было оно — то самое жуткое, изнурительное, обволакивающее как липкая паутина ощущение страха и отчаяния! Она съежилась, пытаясь закрыться, защититься.

Музыка наваливалась на нее волнами кошмарного хохота, и только тогда, когда ей удалось вымученным движением отвести взгляд в сторону, из поля зрения исчез корчащийся в пламени кошмар. Лоб ее похолодел, по нему стекали струйки липкого пота.

Резко, неожиданно музыка смолкла. Байта почувст-

вовала несказанное облегчение. Вспыхнул свет, и совсем рядом она увидела горящие глаза Магнифико.

— Моя госпожа! — выдохнул он. — Вам плохо?

— О, Магнифико, не спрашивай! Почему ты... так играл?

Постепенно она разглядела остальных. Быстро скользнула взглядом по безжизненно прилипшим к стене фигурам Торана и Миса. У столика в странной позе распростерся на полу кронпринц. Коммейсон сидел рядом, расставив ноги, выпучив глаза, глотая воздух, как выброшенная на берег рыба.

Магнифико шагнул к нему — тот издал истошный вопль и закрылся руками.

Магнифико отвернулся, подошел к пульту и отключил гравитационное поле.

Торан, уже успевший прийти в себя, рванулся вперед и мертвой хваткой схватил Коммейсона за загривок.

— Пойдешь с нами! Проведешь нас к кораблю, понял, мерзавец?!

...Два часа спустя на корабле Байта подала на стол шикарный домашний пирог, и Магнифико, забыв о всяких правилах приличного поведения, набросился на него.

— Вкусно, Магнифико?

— М-м-м!

— Магнифико?

— Да, моя госпожа!

— Все-таки что ты там играл?

Паяц нахмурился.

— Я... лучше я не буду об этом говорить... Давно когда-то разучил эту вещь. Видеосонор очень сильно действует на нервную систему, госпожа. Это, конечно, была злая шутка, но я вовсе не предназначал ее для чистого, невинного слуха!..

— Ну-ну, Магнифико, ты мне льстишь. Не так уж я невинна. Скажи, а я видела то же, что эти?

— О, надеюсь, нет! Я играл только для них. Вы должны были видеть только бледное подобие — как бы издалека.

— Мне хватило. Ты знаешь, что ты довел принца до обморока?

Прожевав здоровенный кусок пирога, Магнифико проговорил:

— Я убил его, моя госпожа.

— Что?! — сглотнув подступивший к горлу комок, спросила Байта.

— Когда я закончил играть, он был мертв. Можно было не продолжать — Коммейсон меня не интересовал. Он, конечно, мог бы убить нас всех или пытать. Но этот принц, госпожа, он... бросал на вас греховные взгляды, и... — Он замолчал, испугавшись собственной откровенности.

Байту пронзила странная догадка, но она постаралась поскорее прогнать внезапную мысль.

— Магнифико, добрая ты душа!

— О, моя госпожа... — пробормотал Магнифико, стряхивая с подбородка крошки.

В дверь заглянул Эблинг Мис и поманил их рукой. Трентор был близко — его металлическая поверхность зловеще сверкала в видовом иллюминаторе. Торан с горечью проговорил:

— Тут нам делать нечего, Мис. Посланец Мула наверняка опередил нас.

Эблинг Мис потер лоб тыльной стороной ладони и пробормотал что-то невыразительное.

Торан раздраженно добавил:

— Говорю вам, эти подонки знают, что Академия пала! Вы слышите?

— А? — очнулся Эблинг Мис. Он мягко коснулся руки Торана. Было совершенно ясно, что он не слышал ни слова.

— Торан, я... смотрел на Трентор. Знаешь... у меня странное чувство... оно не покидает меня с тех самых

пор, как мы приземлились на Неотренторе. Мне кажется, я начал что-то понимать... Мысли скачут в голове, просятся наружу. Все становится понятнее — никогда я еще не ощущал этого яснее!

Торан недоверчиво покосился на него и пожал плечами. Слова психолога явно не произвели на него никакого впечатления.

Он осторожно промолвил:

— Мис...

— Да?

— А вы не заметили, что в тот момент, когда мы стартовали, на Неотрентор приземлился корабль?

— Не тот ли, на котором якобы капитан Хэн Притчер?

— Тот самый, на котором черт его знает кто! Информация Магнифико — вот что идет по нашим следам, Мис.

Эблинг Мис ничего не ответил.

Торан громко спросил:

— Вам плохо? Что с вами?!

Глаза Миса сверкали. Он застыл, глядя в одну точку, и молчал, молчал...

Глава 23

РУИНЫ ТРЕНТОРА

Найти нужное место на такой громадной планете, как Трентор, — сложнейшая проблема. На Тренторе нет ориентиров типа континентов или океанов, нет ни рек, ни озер.

Окутанная облаками колоссальная планета представляет (вернее, когда-то представляла) собой огромный мир, единый город. На фоне общего серо-стального пейзажа выделялась только территория бывшего императорского дворца. «Байта» описывала круги на орбите прогулочного катера — и все без толку.

Они летали вокруг Трентора, опускаясь от полюсов к экватору. На полюсах набухли ледяные шапки, из которых торчали покосившиеся стальные шпили, молчаливо свидетельствуя о том, что система искусственного климата приказала долго жить. Время от времени Торан сверялся с картой, добытой на Неотренторе.

Но когда они увидели то, что искали, ошибки быть не могло. Разрыв в металлической обшивке планеты тянулся миль на пятьдесят. Яркая, режущая глаз зелень на сером фоне покрывала пространство площадью примерно в сто квадратных миль. Сквозь зелень деревьев проступали контуры строений бывшей резиденции Императоров Галактики.

«Байта» развернулась и пошла на посадку. Данные для выбора направления у путешественников были весьма приблизительные. Длинные прямые стрелки на карте — и гладкие сверкающие ленты магистралей внизу. К тому месту, где на карте был обозначен университетский квартал, они двинулись наугад. Скоро корабль мягко приземлился на гладком безлюдном поле, некогда бывшем оживленным космопортом.

Только ступив на металлическое покрытие летного поля, они по-настоящему ощутили атмосферу разрухи, не заметную сверху. Искореженные верхушки шпилей, пробоины и трещины в гладких стенах зданий... Совсем недалеко от места приземления виднелась полоса открытой земли — настоящей, темной, вспаханной земли...

Ли Сентер терпеливо ждал, когда опустится корабль. Звездолет был странный, явно не с Неотрентора. Он глубоко вздохнул. Незнакомые корабли, контакт с людьми из других миров — это могло означать конец хрупкого благоденствия и возвращение к дням гибельных сражений. Сентер был главой группы. В его обязанности входила забота о древних книгах, в которых он прочел о давних временах. Ему очень не хотелось, чтобы те времена возвратились вновь.

Примерно десять минут он следил за спуском ко-

рабля. За это время он успел многое передумать. Он вспомнил огромную ферму, на которой родился, где прошло его детство. Там было много, много людей... Потом началось массовое переселение народа на новые земли. Ему тогда было всего десять лет, у родителей он был единственным сыном. Тогда он был удивлен и напуган.

Он вспоминал о том, как впервые увидел незнакомые строения — огромные металлическке башни, — их нужно было вырвать с корнем, растащить в стороны... Под ними открылась земля, которую нужно было вспахивать, поливать и удобрять, расчищать от зданий все новые и новые пространства, а другие здания надо было переоборудовать под жилье...

Нужно было выращивать растения и собирать урожай, налаживать обмен с соседними фермами...

Хозяйство росло и укреплялось, воцарялось благоденствие самоуправления. Выросло новое поколение — поколение крепких, низкорослых, широкоплечих парней, привыкших с малолетства трудиться на земле. Он помнил тот торжественный день, когда его поставили во главе группы. В тот день он впервые не побрился, и у него начала отрастать борода — неотъемлемый атрибут внешности руководителя группы...

И вот теперь внешний мир напомнил о себе и мог положить конец их идиллической изоляции...

Корабль приземлился. Сентер молча наблюдал, как открылся входной люк. Оттуда вышли четверо — ступая осторожно, с опаской оглядываясь по сторонам. Среди прибывших было трое мужчин — один старик, один молодой, высокий, а третий — неопределенного возраста, носатый и худой. Четвертая — женщина, державшаяся как равная. Сентер уверенно шагнул навстречу незнакомцам.

Он поприветствовал их символическим жестом мира — протянул перед собой пустые ладони.

Молодой мужчина сделал два шага вперед, повторил жест и сказал:

— Мы пришли к вам с миром.

У него был странный акцент, но понять было можно, и тон самый дружелюбный. Сентер гулко повторил:

— Да будет мир между нами. Добро пожаловать. Я приветствую вас от имени всей нашей группы. Вы голодны? Вас накормят. Вы хотите пить? Вас напоят.

Последовал ответ:

— Благодарим вас за вашу доброту. Когда мы вернемся в свой мир, мы расскажем о вашей группе все самое хорошее.

Странный был ответ, но Сентеру он понравился. За его спиной прибывших встречали улыбками мужчины из его группы, из хозяйственных построек одна за другой стали появляться женщины.

У себя в квартире он достал из шкафчика запертую на ключ большую шкатулку с зеркальными стенками. В шкатулке лежали длинные толстые сигары. Эта шкатулка извлекалась на свет только в дни особых торжеств. Обнося гостей сигарами, он несколько растерялся, остановившись перед женщиной. Она сидела рядом с мужчинами как равная. Значит, у чужестранцев было так заведено. Он протянул ей шкатулку.

Улыбнувшись, она взяла сигару и, нимало не смущаясь, закурила, с удовольствием вдыхая ароматный дым. Ли Сентер был шокирован, но сдержал себя.

До еды разговор шел в основном на тему фермерства на Тренторе.

Старик спросил:

— А как тут у вас с гидропоникой? Ведь для такого мира, как Трентор, лучше просто не придумаешь!

Сентер медленно покачал головой. Он смутно припоминал это слово. Оно встречалось ему в древних книгах.

— Если не ошибаюсь, вы имеете в виду выращивание растений без почвы с помощью химических раство-

ров? Нет, это на Тренторе не годится. Для этой гидропоники нужна целая индустрия, например — развитая химическая промышленность. А вдруг война или стихийное бедствие — какая уж тут промышленность? Люди будут голодать. Нельзя все выращивать в искусственных условиях. На земле лучше — и дешевле, и надежнее.

— И хватает вам того, что вы выращиваете?

— Хватает, но, пожалуй, наше меню несколько однообразно. У нас есть птица, яйца, молочный скот — стало быть, есть молочные продукты и мясо, но мясо мы большей частью покупаем.

— Вот как? Вы торгуете? — проявил неожиданный интерес молодой мужчина. — И что же вы экспортируете?

— Металл, — коротко отозвался Сентер. — Сами посудите: у нас неисчерпаемые запасы превосходного, высококачественного металла. С Неотрентора прибывают корабли, выбирают определенный участок, снимают с него металл — тем самым еще и нам помогают, расширяя наши посевные площади. А в обмен оставляют нам мясо, консервированные фрукты, пищевые концентраты, сельскохозяйственную технику и так далее. Очень выгодно — и для нас, и для них.

К столу подали хлеб, сыр и вкуснейшее овощное рагу. Импортными продуктами были только замороженные фрукты на десерт. Когда приятная трапеза была завершена, выяснилось, что прибывшие — не просто туристы. Молодой человек достал карту Трентора.

Ли Сентер внимательно рассмотрел ее и сообщил:

— Университетский район — неприкосновенная территория. Мы ее пальцем не тронули. Мы стараемся туда даже не заходить без дела. Это — одна из немногих реликвий, оставшаяся от старых времен, и мы ее бережно охраняем.

— Мы прилетели к вам в поисках знаний. Мы клянемся, что ничего там не нарушим, не испортим. В залог мы готовы оставить вам наш корабль! — горячо сказал старик.

— Ну что ж, пойдемте. Я сам отведу вас, — ответил Ли Сентер.

Поздно ночью, когда чужестранцы уже спали, Ли Сентер отправил донесение на Неотрентор.

Глава 24

ПРЕВРАЩЕНИЕ

Робкое, хрупкое бытие теперешнего Трентора отступило и растаяло как облачко, когда они ступили на университетские земли. Огромные, увенчанные высокими куполами здания стояли, величаво поблескивая на солнце, — как во времена Селдона. Царила торжественная, безлюдная тишина.

Гости из Академии ничего не ведали о тех жутких, кошмарных днях Великого Побоища, после которых нетронутым остался только Университет. Они не знали ничего и о том времени, которое настало после краха императорской власти, когда студенты, расхватав какое попало оружие, встали на защиту alma mater, средоточия научной мысли Галактики. Они ничего не знали и о семидневной обороне, о тех жертвах, благодаря которым Университет был спасен и его не коснулась чья-либо рука в то время, когда даже по залам императорского дворца разносился топот кованых сапог Гилмера и его солдат. К счастью, его правление длилось недолго...

Гости из Академии, впервые попавшие сюда, осознавали только одно: в мире, похоронившем затхлое прошлое и возрождающем хрупкое, зыбкое настоящее, этот островок таил в себе спокойствие, музейное величие старины.

В каком-то смысле они сами себе казались интервентами. Колоссальные размеры безлюдных помещений действовали угнетающе. Казалось, здесь все еще

царит строгая академическая атмосфера, что она жива и недовольна тем, что ее потревожили.

Библиотека размещалась в относительно небольшом здании, размеры которого, однако, сильно увеличивало колоссальное подземное хранилище. Там было тихо. Эблинг Мис остановился у стены, украшенной грандиозной фреской, в зале приема заказов на книги. Он прошептал (здесь почему-то все невольно переходили на шепот):

— Кажется, мы проскочили каталожные залы. Я вернусь туда.

Лицо его зарумянилось, руки дрожали.

— Я тут хочу побыть один, Торан. Если можно, устрой так, чтобы еду мне принесли сюда.

— Как скажете, Мис. Все, что угодно. Все, что в наших силах. Хотите, мы поработаем вместе с вами, поможем...

— Нет-нет. Я сам.

— Я позабочусь, чтобы у вас было все необходимое. Вы думаете, вам удастся найти то, что нужно?

Эблинг Мис тихо, но уверенно ответил:

— Я знаю, что найду!

...Торан и Байта вплотную столкнулись с проблемой налаживания домашнего быта — пожалуй, впервые за все время их супружества. Странный это был быт. Непривычный. Они разместились в полупустом университетском помещении и совершенно запросто и довольно быстро освоились. Еду они добывали в основном на ферме Ли Сентера, расплачиваясь за нее компактными бытовыми ядерными приспособлениями, которые всегда в избытке имеются на любом торговом корабле.

Магнифико быстро освоился с проекторами в читальном зале и целые дни напролет просиживал там, просматривая боевики и мелодрамы, забыв про сон и еду, как и Эблинг Мис.

Эблинг же похоронил себя заживо в дебрях каталогов и хранилищ. Он добился, чтобы ему поставили ку-

шетку прямо в зале справочных изданий по психологии. Он исхудал, побледнел. Давно друзья не слышали от него ворчливой ругани, сопровождавшейся неизменным «извиняюсь за выражение». Старика как подменили. Он порой с трудом узнавал Торана и Байту.

Более легко он общался с Магнифико, который приносил ему сверху еду и частенько просиживал рядом с ним часами, молча наблюдая, как старый психолог выписывает на бумаге длиннющие уравнения, потом проверяет их решение по куче справочников и фильмокопий, как сидит часами, уставившись в одну точку, проверяя очередную, ему одному ведомую догадку.

...Торан наткнулся на Байту, сидевшую в полутемной комнате, и резко спросил:

— Байта, ты?

Байта виновато спросила у него:

— Да? Я тебе нужна, Тори?

— Конечно, нужна. Что ты тут делаешь? Вообще, я давно хотел сказать тебе... с тех пор как мы на Тренторе, ты ведешь себя странно. Что с тобой происходит?

— О, Тори, ради бога, перестань! — раздраженно проговорила она.

— «О, Тори, перестань!» — сердито передразнил ее Торан и добавил мягко, нежно: — Бай, ну скажи, что с тобой? Я же вижу, что-то мучает тебя!

— Нет-нет. Ничего подобного, Тори. Если ты будешь приставать и допытываться, вот тогда-то я точно сойду с ума. Просто я... думаю.

— О чем, Бай?

— Ни о чем. Ну если хочешь — о Муле, о Хейвене, об Академии — обо всем сразу. О Эблинге Мисе. О том, найдет ли он то, что ищет. О Второй Академии. О том, поможет ли нам то, что он найдет, и еще о целой куче вещей. Ты доволен? — устало спросила она.

— Если тебе хочется поиздеваться надо мной, то лучше перестань, прошу тебя. Во-первых, мне это неприятно, а во-вторых — никому от этого не легче.

Байта устало поднялась с кресла и вяло улыбнулась.

Издалека донесся взволнованный голос Магнифико:

— Моя госпожа!

— В чем дело? Входи!..

Голос Байты сорвался. Вместо Магнифико в дверном проеме возник высокий мужчина в темной форме с до боли знакомым лицом.

— Притчер! — воскликнул Торан.

Байта выдохнула:

— Капитан! Как вы отыскали нас?

Притчер шагнул за порог. Голос его звучал ровно и четко, как всегда, но был начисто лишен эмоциональной окраски.

— Я теперь в чине полковника и служу у Мула.

— У Мула?

У Торана запершило в горле. Трое старых знакомых молча стояли друг перед другом.

Магнифико бочком вошел и, дрожа, притаился за спиной у Торана. На него никто не обращал внимания. Байта судорожно сцепила руки у груди.

— Вы... пришли, чтобы арестовать нас? Неужели вы действительно перешли на их сторону?

Полковник резко мотнул головой из стороны в сторону.

— Я пришел не для того, чтобы вас арестовать. Это в моих инструкциях не указано. Что касается вас, я действую лично от себя и зашел исключительно по старой памяти, из дружеских соображений, если вы не возражаете.

Лицо Торана исказил гнев.

— Как вы нас нашли? Значит, вы действительно были на филианском корабле? Вы шпионили за нами?

Каменная непоколебимость выражения лица Притчера несколько смягчилась.

— Да, я был на филианском корабле. С вами я там встретился случайно.

— Такая случайность невозможна!

— Нет, не невозможна. Маловероятна, скажем так, но тем не менее вам придется мне поверить на слово. Во всяком случае, вы заявили «филианцам» — к слову сказать, такой нации в природе не существует, — что направляетесь в Тренторианский сектор, а поскольку у Мула к тому времени была уже налажена связь с Неотрентором, было совсем нетрудно задержать вас там. К сожалению, вам удалось удрать оттуда еще до того, как туда прибыл я, но совсем незадолго до того. У меня еще оставалось время сообщить всем фермам на Трентоpe о вашем прибытии и отдать приказ, чтобы они немедленно дали знать, как только вы появитесь. Что и было сделано. И вот я здесь. Можно, я присяду? Повторяю, я пришел к вам из дружеских побуждений, уверяю вас!

Он сел. Торан нахмурился и сосредоточенно размышлял. Байта, двигаясь как во сне, приготовила чай. Торан метнул на Притчера суровый взгляд.

— Ну так чего же вы хотите, кап... ах, простите, полковник? Что означают ваши «дружеские» побуждения? Если это не арест, то что же тогда? Не хитрите! Позовите своих людей и отдайте приказ!

Притчер грустно покачал головой.

— Нет, Торан. Я пришел к вам по собственной воле, поговорить с вами хотел, убедить вас в бесполезности того, что вы делаете. Если мне это не удастся, я уйду. Вот и все.

— Все? Ну тогда вперед, давайте разворачивайте пропаганду и... проваливайте, понятно? Байта, я чаю не хочу!

Притчер принял из рук Байты чашку, кивком поблагодарив ее. Прихлебывая чай небольшими глотками, он пристально глядел на Торана. Помолчав, проговорил:

— Мул — мутант. Природа его мутации непобедима.

— Почему? Что за мутация такая? — спросил Торан со злорадной ухмылкой. — Может, вы нам поясните, а?

— Да, поясню. То, что вы будете знать об этом, ему нисколько не повредит. Дело вот в чем. Он способен воздействовать на эмоциональное равновесие людей. Кажется, это нечто вроде безобидного фокуса, но противостоять этому и победить это невозможно.

Байта вмешалась.

— Эмоциональное равновесие? — нахмурилась она. — Может быть, объясните подробнее? Я что-то не совсем поняла.

— Я хочу сказать, что ему ничего не стоит превратить самого своего яростного противника из армии врага в преданнейшего раба, бесповоротно уверенного в неминуемой победе Мула. Все его генералы находятся под контролем такого рода. Они не могут предать его, мысли их не могут принять иного направления. Контроль над ними осуществляется постоянно. Самые умные, самые сильные его враги становятся его верными и преданными подданными. Диктатор Калгана сдал свою планету и скоро будет объявлен официальным вице-королем Академии.

— А вы, — с горечью в голосе добавила Байта, — предали свое дело и стали послом Мула на Тренторе. Все ясно!

— Я еще не закончил. Дар Мула действует еще в одном направлении и еще более эффективно. Отчаяние — вот эмоция, которую он старательно культивирует! И в критический момент правители Академии, а потом и правители Хейвена — отчаялись. Их миры пали практически без борьбы.

— Вы хотите сказать, — сурово спросила Байта, — что чувство, охватившее меня тогда, в Склепе Селдона, было вызвано тем, что моими эмоциями управлял Мул?

— Так же, как и моими. Эмоциями всех. А как было в Хейвене?

Байта отвернулась.

Полковник Притчер продолжал:

— Это действует как на отдельных людей, так и на

целые миры. Разве можно бороться с силой, которая способна заставить вас добровольно сдаться, когда сама мысль об этом вам противна?

Торан медленно проговорил:

— Как вы можете убедить меня в том, что это правда?

— А как иначе можно объяснить капитуляцию Академии и Хейвена? Как можно иначе объяснить то, что произошло со мной? Подумайте, дружище! Чего мы добились — вы, я, вся Галактика, объединившаяся против Мула за все это время? Чего мы добились?

Торана прорвало:

— Черт подери, я вам скажу, чего мы добились!

Со злорадным удовлетворением он выкрикнул:

— Ваш распрекрасный Мул наладил связь с Неотрентором, где по его приказу нас захватили, да? Этой связи больше нет, и даже более того! Мы убили кронпринца, а его ближайший приспешник сошел с ума. Мул не остановил нас там и не сделал этого до сих пор!

— Все так, но не совсем так. Они не были нашими людьми. Кронпринц — пьяница и ничтожество. Второй, Коммейсон, — просто феноменальный тупица. В своем мире он имел определенную власть, но это не мешало ему быть порочным, злобным и абсолютно некомпетентным. С ними каши не сваришь. Бледные призраки, и только...

— Тем не менее задержали нас — или пытались задержать — именно они!

— И еще раз — нет! У Коммейсона, к вашему сведению, был личный водитель, почти раб, по фамилии Инчни. Ваше задержание — его рук дело. Он, правда, не молод, но на какое-то время нас вполне устроит. Сами видите, его вам убрать не удалось.

Байта сверлила полковника глазами. Как и Торан, она к чаю не притронулась.

— Погодите, Притчер. Вы же сами сказали, что ваши эмоции находятся под контролем. Вы верите в победу Мула — верите патологически, неправдоподобно.

Как же мы можем доверять тому, что вы сейчас говорите? По идее, вы должны утратить всякую способность объективно мыслить!

— Вы ошибаетесь, — ответил полковник, медленно покачав головой. — Под контролем только мои эмоции. Разум в полном порядке. На мое мышление могут, конечно, оказать влияние наплывы эмоций, но заставить меня думать иначе никто не может. И теперь, признаться, я вижу многие вещи более ясно, освободившись от тех эмоций, которые владели мною раньше.

Я могу судить о том, что программа Мула умна и цельна. За время, прошедшее с тех пор, как произошло мое... превращение, я проследил его карьеру с самого начала, то есть на протяжении семи последних лет. Обладая мутированными психическими способностями, он начал с того, что одолел какого-то бандита, и на его сторону перешла неплохо вооруженная шайка. С небольшой кучкой людей он захватывал одну планету за другой, пока не добрался наконец до Калгана, где сверг диктатора. Каждый следующий его шаг логично следовал за предыдущим. С Калганом в кармане он стал обладателем первоклассного флота, и с его помощью, и со своей фантастической психической силой вдобавок он нападает на Академию.

Академия — ключевой момент. Это величайшая по площади территория, где сконцентрирована индустриальная мощь Галактики. И теперь, когда все ядерные ресурсы Академии в его руках, он стал фактическим хозяином Галактики. Имея всю эту технику и свой дьявольский дар, он сумеет подчинить себе все, что еще осталось от старой Империи, и скорее всего после смерти старого Императора, который безумен и немощен и долго не протянет, он станет новым Императором. Тогда у него появится имя. И тогда, когда у него будет все это — плюс его сатанинский талант, который никуда не денется, — разве отыщется в Галактике хоть один мир, который будет способен ему сопротивляться?

Ведь за эти семь лет он фактически создал новую Империю, сделал то, чего не могла бы добиться психоистория Селдона еще за семьсот лет. В Галактике наконец наступит мир и порядок. И вы ничего не сможете с этим поделать — как не смогли бы руками остановить вращение планеты.

Притчер умолк. Наступила долгая пауза. Чай остыл. Полковник допил его, налил себе еще, поболтал чашку. Торан яростно кусал ногти. Лицо Байты стало холодным, далеким, бледным.

Она тихо проговорила:

— Вы нас не убедили. Если Мулу так хочется, пусть сам придет сюда и попробует нас... обработать. Я так понимаю, вы-то до конца сопротивлялись своему превращению?

— Безусловно, — твердо ответил Притчер.

— Так оставьте и нам такую возможность.

Полковник Притчер встал и сказал последнее:

— Ну что ж, я уйду. Как я уже сказал, в настоящее время я не имею относительно вас никакого приказа. Поэтому я не думаю, что должен сообщать куда следует о вашем местопребывании. Это не такая уж большая милость. Если Мул захочет, он найдет для этого дела других людей, и они остановят вас. Я же не собираюсь *превышать свои полномочия.*

— Спасибо вам, — мягко сказала Байта.

— Только вот... насчет Магнифико. Где он? Выходи, Магнифико, я тебя не обижу.

— Что насчет него? — снова нахмурилась Байта.

— Ничего особенного. О нем тоже нет ни слова в моих инструкциях. Просто я слышал, что его продолжают разыскивать, и уверен, что Мул найдет его, если захочет. Но я никому ничего не скажу. Руку-то пожмете на прощание?

Байта крепко, искренне пожала руку полковника. Торан молча смотрел в сторону.

Полковник шагнул к двери. На пороге обернулся и сказал:

— И еще одно, последнее. Не думайте, что мне неизвестно, почему вы так упорствуете. Нам известно, что вы ведете поиски Второй Академии. Мул в свое время примет соответствующие меры. Вам ничто не поможет. Но... мы с вами были дружны когда-то. Сам не знаю, что это такое — совесть, добрые воспоминания или что другое, но только я чувствовал, что обязан предупредить вас, помочь вам отдалить насколько возможно ужас конца, пока еще не поздно. Прощайте!

Он резко отсалютовал, щелкнул каблуками и стремительно удалился.

Байта обернулась к Торану и прошептала:

— Они даже про Вторую Академию знают!

...А в глубинах библиотеки Эблинг Мис, ничего не подозревавший о том, что происходило наверху, ощутил внезапное озарение — как будто звездный свет озарил непроницаемую тьму — и сам себя поздравил.

Глава 25

СМЕРТЬ ПСИХОЛОГА

После этих событий Эблингу Мису оставалось жить всего две недели.

За эти две недели Байта виделась с ним три раза. Первый раз — ночью того дня, когда к ним приходил полковник Притчер. Второй — через неделю. И последний раз — еще через неделю, в день его смерти.

Итак, в первый раз она пришла к Мису ночью, после визита Притчера. Перед этим супружеская пара вела спор. Они торговались, как на ярмарке, только ярмарка была невеселая...

— Торан, давай скажем Эблингу, — предложила Байта.

— Думаешь, он может нам помочь? — буркнул Торан.

— Нас только двое! Нужно поделиться тем грузом, который свалился на нас. Может быть, он правда сможет помочь!

Торан задумчиво проговорил:

— Он так изменился. Отощал — кожа да кости. Легкий, как перышко, как былинка... Порой мне кажется, что он уже никогда и ничем не сможет нам помочь.

— Перестань! — крикнула Байта, и голос у нее едва не сорвался. — Тори, перестань! Когда ты говоришь так, мне кажется, что Мул уже заполучил нас! Давай скажем Эблингу, Тори, сейчас!

...Эблинг Мис оторвал голову от длинного, заваленного бумагами и фильмокопиями стола и подслеповато уставился на них. Его редеющие волосы спутались, губы двигались с трудом.

— А? — спросил он. — Кому я нужен?

Байта встала на колени.

— Мы разбудили вас? Нам уйти?

— Уйти? Кто вы? Байта, это ты? Нет, нет, останься! А что, стульев разве нет? Вроде бы были, я видел...

Он рассеянно махнул рукой. Торан подкатил два стула. Байта села и взяла психолога за руку. Рука его была вялая, ослабевшая.

— Можно поговорить с вами, доктор?

Чуть ли не впервые она обратилась к нему, назвав его ученую степень.

— Что-то стряслось?

В отсутствующем взгляде старого ученого вспыхнула слабая искорка оживления. Обвисшие щеки тронул легкий румянец.

— Что случилось?

— Здесь был капитан Притчер, — ответила Байта. — Тори! Давай я буду говорить, ладно? Вы помните капитана Притчера, доктор?

— Да... Да. Высокий такой. Демократ.

— Да, он. Он разгадал тайну мутации Мула. Он был здесь, доктор, и рассказал нам все.

— В этом нет ничего удивительного и нового. Мутация Мула известна мне. — Он удивленно воскликнул: — А разве я не говорил вам? Неужели я забыл вам сказать?

— Что вы забыли нам сказать? — резко спросил Торан.

— Ну конечно, о тайне мутации Мула! Он управляет эмоциями. Эмоциональный контроль! И я не говорил вам? Как же я мог забыть? Почему я забыл?

Он закусил губу и задумался. Молчал он довольно долго, потом заговорил снова. В голос его возвращалась жизнь, глаза широко раскрылись, как будто разболтанная колесница его мыслей наконец въехала в единственно верную колею. Но говорил он как во сне, не глядя на своих собеседников.

— На самом деле все очень просто. Для этого даже не нужны специальные знания. Психоисторическая математика, конечно, значительно облегчает задачу — достаточно было решить уравнение третьего порядка. Ну это ладно... Это можно описать простыми словами... грубо, приблизительно... но все будет понятно, что, кстати, не так уж часто встречается при описании психоисторических феноменов.

Спросите себя: что может нарушить тщательно продуманную Гэри Селдоном схему исторического развития? А? — Он переводил взгляд с Байты на Торана, все больше и больше оживляясь. — Каковы были первоначальные допущения в теории Селдона? Во-первых, они заключались в том, что никаких фундаментальных изменений в человеческом сообществе в течение ближайшего тысячелетия не произойдет. Например, представьте себе, что произошли бы радикальные изменения в галактической технологии — типа открытия принципиально нового источника энергии или коренной модификации электронной нейробиологии? Социальные изменения, последовавшие за этим, сделали бы основополагающие уравнения Селдона бессмысленными. Но этого не произошло.

Или представьте себе, что где-то за пределами Академии было разработано новое оружие, способное противостоять всей мощи вооруженной Академии. Это также могло бы вызвать серьезное отклонение в схеме, хотя и с меньшей вероятностью, чем в первом случае. Но и этого не произошло. Муловский депрессор ядерного поля оказался неуклюжей самоделкой, ему можно было сопротивляться. Это было, кстати, единственное примененное им технологическое новшество, да и то, как видите, несуразное.

Но было и второе допущение, гораздо более уязвимое. Селдон предположил, что реакции людей на стимулы различного рода будут оставаться неизменными. Если признать, что первое допущение не может быть нарушено, значит, может быть нарушено второе! Некий фактор должен был перевернуть, дезорганизовать человеческие эмоции, иначе Селдон бы не проиграл и Академия бы не пала. Какой мог быть другой фактор, кроме Мула? Ну, прав я или нет? Есть изъян в моих рассуждениях?

Байта нежно погладила высохшую руку Миса.

— Вы правы, Эблинг.

Мис обрадовался, как ребенок.

— Ну вот! И это, и многое другое оказалось так просто! Говорю вам, я иногда поражаюсь тому, что происходит у меня в голове! Когда-то все казалось таким туманным, таинственным, а теперь все так ясно! Никаких вопросов! Как только возникает какая-то проблема, она тут же сама собой разрешается у меня в мозгу, и я все отчетливо вижу и понимаю. Догадки, идеи так и рвутся наружу. Внутри меня что-то движется, все вперед... и вперед... так, что я не могу остановиться... и не хочу ни спать... ни есть... только вперед... и вперед... и вперед...

Голос его перешел в свистящий шепот. Он коснулся лба иссохшей, покрытой синей сеткой вен рукой. Глаза

его подернулись дымкой. Огонь в них погас. Он тихо проговорил:

— Значит, я так и не сказал вам, в чем состоит сила Мула? Но откуда же... Ты, кажется, сказала, что вы знаете об этом?

— Я говорила про капитана Притчера, Эблинг, — проговорила Байта. — Помните?

— Это он вам сказал? А... как он узнал об этом?

— Он был обработан Мулом. Он теперь полковник и служит у Мула. Он приходил, чтобы посоветовать нам сдаться Мулу, и сказал нам... ну, в общем, то же самое, что сказали вы.

— Значит, Мул знает, где мы? Мне нужно спешить. Где Магнифико? Его нет с вами?

— Магнифико спит, — сказал Торан. — Уже далеко за полночь.

— Вот как? А я? Я спал, когда вы вошли?

— Да, вы спали, — уверенно заявила Байта. — Но работать вы больше не будете. Немедленно в постель! Пойдемте. Тори, помоги мне. А вы перестаньте меня отпихивать, Эблинг! Еще ваше счастье, что я не заставляю вас пойти под душ. Сними с него туфли, Тори. А завтра придешь к нему с утра и выведешь его на воздух, пока он совсем не растаял. Да вы на себя в зеркало посмотрите, Эблинг. Вы только что паутиной не заросли. Есть хотите?

Эблинг Мис покачал головой и рассеянно поглядел на Байту, приподнявшись на кушетке.

— Попросите Магнифико спуститься ко мне завтра.

Подоткнув одеяло, Байта твердо заявила:

— Завтра, мой дорогой, к вам приду я и принесу чистое белье. Примете хорошую ванну, а потом выйдете на солнышко, сходите на ферму.

— Я не могу, — еле слышно отозвался Мис. — Слышите? Мне нужно торопиться!

Его редкие седые волосы рассыпались по подушке серебряной короной. Заговорщическим шепотом он спросил:

— Вы хотите найти эту... Вторую Академию, правда же?

Торан резко обернулся, подошел и сел на кушетку рядом со стариком.

— Что насчет Второй Академии, Эблинг?

Психолог выпростал руку из-под одеяла, слабыми пальцами прикоснулся к рукаву куртки Торана.

— Академии были созданы по решению Психологического Симпозиума под председательством Гэри Селдона. Торан, я нашел материалы этого Симпозиума. Целых двадцать пять фильмов. Я просмотрел все варианты.

— Ну и?

— Ну знаете, по ним легко найти точное место расположения Первой Академии, если вы хоть немного знакомы с психоисторией. Так же легко его вычислить путем математических уравнений. Но, Торан, никакого намека на Вторую Академию. Никакого упоминания.

— Не упоминается?

— Конечно, упоминается! — сердито закричал Мис. — Кто сказал, что нет?! Но очень мало! И важность ее — а все говорит за это — более скрыта, завуалирована. Неужели не понимаете? Более значительная роль отводится Второй Академии. В переломный момент, момент, который рассчитан. Все это я узнал из протоколов селдоновского Симпозиума. Так что — Мул пока еще не победил...

Байта молча выключила свет.

— Спать, спать...

Супруги молча поднялись к себе.

...На следующий день Эблинг Мис принял ванну и переоделся, выбрался наверх, поглядел на солнце Трентора, подышал его воздухом в последний раз. К концу дня он уже снова окопался в гигантских книгохранилищах библиотеки, чтобы больше никогда не выйти оттуда.

А наверху жизнь текла обычным чередом. Ночью в небе над Трентором можно было разглядеть яркую, спокойную звездочку — солнце Неотрентора. На ферме шел весенний сев. Территория Университета была без-

людна и молчалива. Казалось — так же безлюдна и пуста вся Галактика. Как будто никакого Мула нет и в помине.

Байта размышляла об этом, поглядывая на Торана, который спокойно раскуривал сигару и поглядывал на небо.

— Прекрасный день, — проговорил он.

— Да, прекрасный. Ты в списке все проверил, Тори?

— Вроде бы все, что ты просила, — полфунта масла, дюжина яиц, зеленая фасоль... — как будто все в порядке. Не волнуйся, Бай, все принесу.

— Хорошо, только смотри, чтобы овощи были свежие, а не музейные экспонаты. Кстати, тебе Магнифико не попадался на глаза?

— После завтрака я его не видел. Наверное, он внизу, у Эблинга, фильмы смотрит, как обычно.

— Ладно. Ну давай не теряй времени, мне яйца к обеду нужны.

Улыбнувшись и помахав рукой на прощание, Торан отправился в сторону фермы.

Как только он исчез из виду, Байта пошла на кухню, но, дойдя до двери, вернулась и пошла в сторону колоннады, ведущей к лифту, и спустилась в книгохранилище.

Эблинг Мис был там. Он прильнул к окуляру проектора как приклеенный. Рядом с ним сидел Магнифико, скрючившись на стуле, — сплошные локти и коленки. Венчал это коленчатое сооружение его знаменитый нос.

Байта шепотом окликнула его:

— Магнифико!

Паяц вскочил.

— Моя госпожа... — хрипло прошептал он.

— Магнифико, — ласково сказала Байта, — Торан ушел на ферму, а я кое о чем забыла его попросить. Будь хорошим мальчиком, отнеси ему записку, ладно? Я сейчас напишу.

— С радостью, моя госпожа! Я всегда так счастлив, когда могу оказать вам хоть небольшую услугу.

Байта и Эблинг Мис остались наедине. Байта твердо положила ладонь на плечо старого психолога.

— Эблинг...

Психолог вздрогнул и вскрикнул:

— Что? А, это ты, Байта? — проговорил он, часто моргая. — А где Магнифико?

— Я послала его по делу. Мне нужно поговорить с вами наедине. — В голосе ее звучала твердая настойчивость. — Я хочу поговорить с вами, Эблинг.

Психолог порывался вернуться к прерванному занятию, но рука Байты крепко сжимала его плечо. Господи, как же он исхудал. Пышнотелый старый задира истаял как свечка за время их пребывания на Тренторе. Лицо его пожелтело, щеки обвисли, обросли щетиной трехдневной давности.

Байта спросила:

— А Магнифико вам не мешает, Эблинг? Он здесь торчит дни и ночи напролет.

— Нет, нет, нет! Совсем не мешает. Он сидит тихо и совсем меня не беспокоит. Иногда приносит или уносит фильмокопии. Порой угадывает, что мне нужно, даже не спрашивая меня. Пусть он приходит.

— Хорошо... но, Эблинг, он вас не удивляет? Вы слышите меня, Эблинг? Он не удивляет вас?

Она придвинула стул и села поближе к ученому, чтобы прочесть ответ в его глазах. Эблинг Мис покачал головой.

— Нет. О чем ты?

— Вот о чем. И вы, и полковник Притчер говорили, что Мул может управлять человеческими эмоциями. Но вы в этом твердо уверены? Разве сам Магнифико не исключение из этого правила?

Ответа не последовало. Байта продолжала упорные попытки разговорить психолога.

— Что с вами происходит, Эблинг? Магнифико был шутом Мула. Почему же тот не запрограммировал его на любовь и преданность? Почему же он — единствен-

ный из всех, кто общался с Мулом, — так ненавидит его?

— Но... но... нет, конечно, он тоже был обработан. Конечно, был, Бай!

Казалось, Эблинг сам себя старается убедить в том, что говорит.

— Ты что же, думаешь, что своего шута Мулу нужно было обрабатывать в том же духе, что и своих генералов? От последних ему нужна была только преданность и лояльность, а от шута ему был нужен только страх. Разве тебе не приходило в голову, что постоянный страх Магнифико перед Мулом патологичен по природе? Разве естественно для нормального человека все время пребывать в таком состоянии? Это нелепо, комично. И, видимо, для Мула это было действительно смешно, но это ему было нужно для того, чтобы потом извлечь известную пользу из этого страха.

— Вы хотите сказать, что то, что говорит Магнифико о Муле, — неправда?

— Нет, он не лжет. Просто — так задумано. Чтобы повести по ложному следу. Ведь Мул — не сверхчеловек в плане физической силы, как думает Магнифико. За исключением своих фантастических психических способностей, он совершенно обычный человек. Но ему нравилось, ему было нужно казаться суперменом в глазах несчастного Магнифико.

Психолог пожал плечами.

— Вообще, все это не имеет теперь никакого значения.

— А что же имеет значение?

Но Мис высвободился и вернулся к проектору.

— Так что же имеет значение? — упорно повторяла Байта. — Вторая Академия?

Психолог неохотно глянул на нее.

— Я разве что-нибудь об этом говорил? По-моему, ничего не говорил. Я еще не готов. Что я вам говорил?

— Ничего, — резко ответила Байта. — О господи, ничего вы мне не говорили, но лучше бы сказали хоть

что-нибудь, потому что я... я так устала! Когда же это кончится!

Эблинга Миса тронул ее голос. Он погладил ее руку и тихо сказал:

— Ну что ты, милая моя, я вовсе не хотел тебя расстраивать. Я теперь все на свете забываю. Забываю даже, кто мои друзья. Порой мне кажется, что я вообще никому об этом не должен говорить. Это нужно держать в тайне — от Мула, конечно, не от тебя, милая моя девочка. Прости меня.

Он вяло потрепал ее по плечу. Она спросила:

— И все-таки что же насчет Второй Академии?

Эблинг Мис инстинктивно перешел на шепот:

— Ты просто не представляешь себе, насколько старательно Гэри Селдон заметал следы! Все материалы Симпозиума еще месяц назад казались мне бессмысленной галиматьей. Пока меня внезапно не осенило. Но даже сейчас мне кажется... Дело в том, что материалы Симпозиума большей частью не содержат фактической информации, многое в них изложено настолько туманно... Мне не раз приходило в голову, что даже те, кто присутствовал на Симпозиуме, могли не догадываться, что именно Селдон имеет в виду. Иногда я думаю, что вообще он затеял весь этот Симпозиум как грандиозный спектакль и только он сам один представлял себе структуру...

— Академий?

— Второй Академии! С нашей Академией все было просто. Но Вторая Академия для всех была только названием — не более. О ней упоминается в бумагах, но все разработки относительно нее упрятаны в такие математические дебри... Очень многое мне до сих пор непонятно, но за последнюю неделю отрывочные сведения в сочетании с моими догадками сформировались в более или менее определенную картину...

Академия номер один стала миром физиков. Она была задумана как место концентрации научной мысли умирающей Галактики и была помещена в условия, не-

обходимые для того, чтобы впоследствии дать науке новую жизнь. Психологи в состав поселения включены не были. Обычно это объясняют тем, что психоистория Селдона как раз и рассчитана на то, что ее законы выполняются более точно при отсутствии индивидуальной инициативы, когда люди не ведают, что творят, не догадываются о будущем, поэтому реагируют на создавшиеся ситуации естественно. Понимаешь, о чем я говорю, дорогая?

— Да, доктор.

— Тогда слушай внимательно. Академия номер два стала миром психологов. Зеркальным отражением нашего мира. Царицей наук там стала не физика, а психология. Понимаешь? — с триумфом победителя спросил он.

— Нет.

— Ну что ты, Байта, подумай, пораскинь мозгами. Ты же умница! Гэри Селдон знал, что психоистория способна давать прогнозы с большой вероятностью, но не с полной уверенностью. Всегда существовала определенная граница ошибок, и с течением времени протяженность этой границы растет в геометрической прогрессии. Селдон, понимая это, постарался этому противостоять как мог. Подстраховался, так сказать. Наша Академия развивала науку крайне энергично. Она стала способна победить любую армию, противостоять любым вооружениям, противопоставить силу силе. Но что она могла поделать перед лицом психической атаки, предпринятой Мулом?

— Это было предусмотрено как дело для психологов из Второй Академии! — взволнованно воскликнула Байта.

— Да, да, да! Безусловно!

— Но пока они ничего не предприняли!

— Откуда ты знаешь, что не предприняли?

Подумав, Байта согласилась:

— Не знаю. А у вас есть данные, что они что-то делают?

— Нет. Есть многое, о чем я не знаю. Вторая Академия, видимо, как и наша, не сразу стала такой, какая сейчас. Мы медленно развивались, наращивали силу, вероятно — они тоже. Одному богу ведомо, какова их сила сейчас. Достаточно ли они сильны, чтобы выступить против Мула? И главное — знают ли они о грозящей опасности? Есть ли у них мудрые руководители?

— Но если они развиваются по Плану Селдона, значит, Мул должен быть разбит Второй Академией!

Похудевшее лицо Миса напряглось в раздумье.

— Ты снова об этом... Видишь ли, я полагаю, что создание и развитие Второй Академии было гораздо более сложной задачей, чем затея с нашей. Вторая должна была быть более сложна по структуре, и не исключено, что процент ошибок в вероятности, связанный с ее развитием, мог оказаться выше. И если Вторая Академия не победит Мула, дело может оказаться плохо. Очень плохо. Смертельно плохо! Это будет означать конец человеческой расы, конец теперешнего человечества.

— Нет!

— Да! А если потомки Мула унаследуют его психическое могущество? Понимаешь? Homo sapiens не выдержит конкуренции. Разовьется новая, доминантная раса — новая аристократия, которая превратит homo sapiens в бессловесных рабов. Разве не так?

— Да, похоже, что так.

— И даже если по какой-то причине Мулу не удастся создать династию, он все равно успеет создать новую Империю, которую будет держать в повиновении единоличной властью. Она умрет только тогда, когда умрет он. После этого Галактика останется такой же, какой была до него, — только Академии перестанут существовать — Академии, вокруг которых могла бы сформироваться реальная, здоровая Империя. И конца этому ужасу видно не будет.

— Что же нам делать? Можем мы предупредить Вторую Академию?

— Мы обязаны это сделать, иначе они могут стать

жертвой собственного неведения, а этим рисковать нельзя. Но я не вижу, как мы могли бы их предупредить.

— Не видите?

— Я не знаю, где они находятся. Они «на другом краю Галактики» — вот все, что мне известно, и выбирать надо из миллионов миров.

— Эблинг, неужели здесь ничего нет про это? — с отчаянием спросила Байта, показывая на стопки фильмокопий, которыми был завален стол.

— Нет. Ничего. Пока я не нашел. И эта таинственность тоже о чем-то говорит. Этому наверняка есть причина.

Глаза его стали задумчивы.

— А теперь оставь меня. Я и так потерял уйму времени, а его все меньше и меньше...

Он отвернулся и прильнул к окуляру проектора. Вечером того же дня Торан, выслушав рассказ жены, сказал:

— Ты думаешь, он прав, Бай? Тебе не кажется, что он немного... — Смутившись, Торан замолчал.

— Он в порядке, Тори. Он очень ослаб, я знаю. Конечно, он нездоров — исхудал, внешне переменился. Я думаю, это оттого, что он совсем не бывает на воздухе. Но ты бы посмотрел, как он преображается, когда речь заходит о Муле, о Второй Академии. Глаза у него сразу становятся ясные, чистые, как небо. Он знает, о чем говорит. Я верю ему.

— Значит, есть надежда.

Слова Торана прозвучали наполовину вопросительно.

— Я... этого не поняла. Может быть. А может быть, нет. Я теперь всюду хожу с бластером.

В руке ее сверкнул небольшой пистолет.

— На всякий случай, Тори, на всякий случай...

— На какой случай?

Байта истерично рассмеялась.

— Может быть, я тоже немного сошла с ума, как Эблинг Мис.

...А Эблингу Мису между тем оставалось жить всего

семь дней. И они шли, эти семь дней, день за днем, медленно и спокойно.

Торану казалось, что все кругом погрузилось в спячку. Тепло и тишина отдавали летаргией. Казалось, жизнь утратила всякое подобие действия и превратилась в тягучее, липкое море сна.

Мис окончательно окопался в хранилище, но его упорная деятельность не приносила никаких плодов. Во всяком случае, он никому ничего не сообщал. Ни Торан, ни Байта с ним не виделись. Только из уст Магнифико, суждениям которого они не привыкли особенно доверять, они узнавали о жизни старого ученого. Магнифико, в эти дни ставший против обыкновения необычайно молчаливым и задумчивым, ходил на цыпочках, приносил психологу еду и сидел рядом с ним дни и ночи напролет.

Байта все больше и больше уходила в себя. Куда девалась ее всегдашняя живость и самоуверенность! Все больше времени она проводила в одиночестве, погруженная в горькие раздумья.

Однажды Торан наткнулся на нее, когда она сидела в кресле и вертела в руках бластер. Заметив мужа, она быстро спрятала пистолет и вымученно улыбнулась.

— Что ты делаешь с бластером, Байта?

— Просто держу. Что, нельзя? Это преступление?

— Да ты просто можешь прострелить свою глупую головку!

— Значит, туда ей и дорога, раз глупая. Невелика потеря!

Супружество приучило Торана к тому, что спорить с женщинами, когда они в мрачном расположении духа, бесполезно. Он пожал плечами и ушел.

Настал последний день. В их комнату без стука вбежал задыхающийся Магнифико. Он испуганно глядел на обоих супругов.

— Доктор зовет вас. Ему плохо.

Ему действительно было плохо. Он лежал на кушет-

ке, глаза его были неестественно широко раскрыты и неестественно ярко горели. Он был неузнаваем — всклокоченный, грязный...

— Эблинг! — вскричала Байта.

— Дай мне сказать, — слабым голосом вымолвил психолог, с трудом опираясь на локоть. — Мне конец. Работу должны закончить вы. Я не делал заметок, листки с математическими расчетами я уничтожил. Никто не должен знать об этом. Все должно сохраняться только у вас в голове.

— Магнифико, — твердо приказала Байта, — иди наверх!

Паяц послушно поднялся и отступил назад, печально глядя на Миса. Мис жестом выразил свой протест.

— Не обязательно. Пусть останется. Останься, Магнифико.

Паяц поспешно сел. Байта смотрела в пол. Она до боли закусила губу.

Хриплым шепотом Мис выговорил:

— Я убежден: Вторая Академия может победить, если ее раньше времени не захватит Мул. Она сохранялась в тайне. Тайна должна быть сохранена. У этого есть цель. Вы должны отправиться туда. Ваша информация — вопрос жизни и смерти, от нее зависит все! Вы слышите меня?

Торан выкрикнул:

— Да, да! Скажите нам, как туда добраться, Эблинг? Где она?

— Сейчас скажу, — ответил слабый голос.

Но больше он ничего не сказал.

Байта, бледная как полотно, подняла бластер и выстрелила. Раздалось громовое эхо выстрела. Верхняя половина тела Эблинга Миса исчезла, как будто ее и не было, а в стене над кушеткой образовалась огромная сквозная дыра. С сухим стуком бластер упал на пол, выпав из онемевших пальцев Байты.

Глава 26

КОНЕЦ ПОИСКОВ

Эхо выстрела прокатилось по дальним комнатам и затихло. На фоне затихающего звука раздался стук выпавшего из руки Байты бластера и визгливый вскрик Магнифико, заглушенный звериным ревом Торана.

Теперь, мгновение спустя, все молчали. Тишина была подобна агонии.

Голова Байты беспомощно упала на грудь. Блеснула скатившаяся по щеке слезинка. Байта не плакала с детства.

Все тело Торана сковал страшный спазм, он не в силах был пошевелить ни рукой, ни ногой, разжать стиснутые зубы. Лицо Магнифико стало подобно белой мертвенной маске.

Наконец Торан изменившимся до неузнаваемости голосом прохрипел:

— Значит, ты за Мула! Он достал тебя, обработал!

Байта подняла голову. Рот ее болезненно искривился.

— Я — за Мула? Ты шутишь. Смешно.

Она горько усмехнулась, отбросила волосы со лба. Постепенно к ней вернулся голос, похожий на обычный.

— Все кончено, Торан. Теперь я могу говорить. Сколько еще я проживу, я не знаю. Но теперь я могу говорить.

Напряжение, сковавшее Торана, отпустило его, уступив место страшному, непобедимому безразличию.

— О чем говорить, Бай? О чем теперь можно говорить?

— О несчастьях, которые преследовали нас. Мы уже говорили об этом, Тори. Разве ты не помнишь? Как беда все время ставила нам подножки, но так ни разу и не сбила с ног? Мы были в Академии, и Академия пала, а Независимые Торговцы продолжали сражаться, но мы успели вовремя улететь в Хейвен. Мы были в Хейвене, и Хейвен пал, а остальные продолжали сражаться — и

снова мы успели вовремя улететь. Мы прилетели на Неотрентор, а теперь он, конечно же, захвачен Мулом.

Торан слушал и качал головой.

— Не понимаю...

— Тори, в нормальной жизни так не бывает! Ты и я — мы ведь люди маленькие. Мы не оказались бы втянутыми в водоворот политических событий, если бы только не таскали этот водоворот всюду за собой! Мы страдаем потому, что возим с собой источник инфекции! Теперь понимаешь?

Губы Торана были плотно сжаты. Он с ужасом смотрел на окровавленные останки того, кто несколько мгновений назад был таким родным и близким человеком, и взгляд его был полон тоски и отчаяния.

— Давай уйдем отсюда, Бай. Выйдем на воздух.

Небо затянули дождевые облака. Дул порывистый ветер, развевая темные волосы Байты. Магнифико плелся позади и, по всей вероятности, не слышал, о чем они говорили.

Дома Торан сердито спросил:

— Так ты убила Эблинга Миса потому, что считала его источником инфекции?

Что-то во взгляде жены напугало его. Он прошептал:

— Он — Мул?

Сказал и сам не поверил в то, что сказал.

Байта нервно рассмеялась.

— Бедный Эблинг — Мул? О господи, нет! Если бы он был Мулом, я бы не смогла убить его. Он бы узнал о моих намерениях и превратил бы мою ненависть в любовь, преданность, обожание, страх — во что угодно. Нет, я убила Эблинга не потому, что он был Мулом. Я убила его, потому что он знал, где находится Вторая Академия, и через две секунды он бы раскрыл Мулу эту тайну.

— Раскрыл Мулу эту тайну... — тупо повторил Торан. — Раскрыл бы Мулу...

Издав дикий вопль, он в ужасе обернулся, чтобы

посмотреть на скорчившегося в углу паяца. Было не похоже, чтобы он понял что-то из сказанного.

— Ну не Магнифико же... — прошептал Торан.

— Слушай, — тихо сказала Байта. — Ты помнишь, что произошло на Неотренторе? Ну, вспомни и подумай, Тори!

Но он мотал головой и что-то беззвучно бормотал.

Она устало продолжила:

— На Неотренторе умер человек. Умер человек, к которому никто не прикасался. Так? Магнифико играл на видеосоноре, и, когда кончил играть, кронпринц был мертв. Ну разве не странно? Разве это не странно, что существо, которое боится всех и вся, совершенно беспомощное от этого страха, обладает способностью убивать, когда захочет?

— Музыка и световые эффекты, — пробормотал Торан, — оказывают сильное эмоциональное воздействие...

— Вот именно — эмоциональное воздействие! Очень сильное. Эмоциональное воздействие — это ведь из области способностей Мула! Ну ладно, это, может быть, совпадение. Но все-таки существо, совершившее убийство, по определению, жутко боязливо. Допустим, его обработал Мул, возможно, все этим объясняется. Но, Торан, мне тоже немного перепало от той музыки, которая прикончила кронпринца. Совсем немного, но этого оказалось достаточно, чтобы меня охватило то самое чувство, которое я испытала в Склепе Селдона. То самое чувство отчаяния и безнадежности, которое потом я испытала в Хейвене.

Лицо Торана потемнело.

— Я тоже ощущал что-то подобное... Но я забыл. Я никогда не думал...

— Вот тогда я впервые догадалась. Это было смутное чувство — интуиция, если хочешь. Я об этом больше не думала. Потом Притчер рассказал нам о Муле, о том, какова природа его мутации, и мне сразу все стало ясно. Это Мул создал атмосферу отчаяния и паники в

Склепе Селдона. Это Магнифико создал атмосферу отчаяния на Неотренторе. Это была одна и та же эмоция. Значит, Мул и Магнифико — один и тот же человек. Разве не логично. Тори? Разве это не как аксиома в геометрии — два отрезка, равные третьему, равны между собой?

Она была на грани истерики, но держалась из последних сил. Она продолжала:

— Догадка меня страшно напугала. Если Магнифико — Мул, думала я, значит, ему известны мои эмоции и он может использовать их для своих целей. Я старалась вести себя так, чтобы он ни о чем не догадывался. Я избегала его. К счастью, и он избегал меня. Гораздо больше меня его интересовал Эблинг Мис. Я решила, что убью Миса, прежде чем он успеет сказать главное. Я решила это втайне и хранила тайну как только могла — настолько, что самой себе старалась не признаваться. Если бы я могла убить самого Мула! Но я не могла рисковать. Он бы заметил, а тогда все бы пропало.

Она была совершенно измучена. Торан резко выпалил:

— Это невозможно! Ты только посмотри на это ничтожество! Он — Мул? Да он даже не слышит, о чем мы говорим!

Не глядя, он ткнул пальцем в тот угол, где сидел Магнифико. Но когда он туда посмотрел, то с ужасом увидел, что Магнифико выпрямился во весь рост, что глаза его смотрят сурово и смело. Он сказал совершенно спокойно и без всякого акцента:

— Я прекрасно слышал, что она сказала, мой друг. Просто сейчас я сидел и размышлял о том, как это я, при всем своем уме и способности все предвидеть, мог допустить роковую ошибку и так много потерял.

Торан в испуге откинулся на спинку кресла, как будто боялся, что сам паяц или его дыхание могут коснуться его.

Магнифико кивнул и ответил на незаданный вопрос:

— Я — Мул.

Он больше не был смешон — его скрюченные руки и ноги, его длинный нос стали скорее страшны, чем потешны. Он держался спокойно и уверенно.

Он великодушно проговорил:

— Сидите. Можете даже прилечь поудобнее. Игра окончена, и мне хотелось бы рассказать вам свою историю. Это моя слабость — желание, чтобы меня кто-то понял.

А глаза его, смотревшие на Байту, были прежние: мягкие, грустные карие глаза Магнифико-паяца.

— Не было ничего в моем детстве такого, — начал он, — что мне хотелось бы вспоминать. Может быть, вы сумеете это понять. Я был лишен возможности жить жизнью нормального здорового ребенка. Мать моя умерла, не успев взглянуть на меня. Кто мой отец, я не знаю. Я рос изгоем, с израненным и перевернутым сознанием, полным жалости к себе и ненависти к другим. Тогда меня считали страшным ребенком. Все избегали меня — большей частью из неприязни, но некоторые уже тогда боялись меня. Происходили странные случаи... но, впрочем, не стоит об этом. Главное, что этих случаев было достаточно для того, чтобы капитан Притчер сумел, копаясь в подробностях моего детства, прийти к выводу о том, что я — мутант. Справедливости ради скажу, что сам я об этом не догадывался лет до двадцати.

Торан и Байта, ошеломленные, слушали. Волна голоса Магнифико накатывала на них и разбивалась.

Паяц — нет, Мул похаживал перед ними мелкими шажками из стороны в сторону.

— Само понимание моей необычайной силы пришло ко мне не сразу. Долго я не мог в это поверить. В конце концов я осознал, что разум человека для меня — как циферблат, стрелки на котором показывают на доминирующую эмоцию. Конечно, это не самый лучший образ, но иначе я не могу объяснить. Постепенно я понял, что умею проникать в чужое сознание и поворачивать стрелки в нужном направлении и удерживать их

в этом положении сколько мне вздумается, даже навсегда. Но понял я это опять-таки далеко не сразу. Другой бы, наверное, догадался быстрее.

Но, как бы то ни было, сознание собственной силы пришло ко мне, а с ним пришло желание отомстить за ничтожность моей прежней жизни. Может быть, вы сумеете это понять! Может быть, вы хотя бы попытаетесь это понять! Уродом быть нелегко — иметь разум, сердце, все понимать — и быть уродом. Смех и жестокость при одном взгляде на тебя! Ты — другой! Ты — чужой, посторонний, всегда посторонний! Вы этого никогда не чувствовали!

Магнифико поднял глаза к потолку, покачался с носка на пятку и продолжал свои воспоминания...

— Но, как бы то ни было, я узнал об этом и решил, что мы должны помериться силами с Галактикой. У нее были свои ходы, и я терпел это — двадцать два года! Но настала моя очередь сделать ход! У Галактики была солидная фора: я — один, а их — квадриллионы!

Он остановился, чтобы бросить взгляд на Байту.

— Но у меня было слабое место. Сам из себя как личность я ничего не представлял. Если я и мог добиться власти и могущества, то только за счет других людей. Успех приходил ко мне через посредников. Всегда! Все было именно так, как говорил Притчер. С помощью отпетого бандита я захватил свою первую базу на астероиде. С помощью одного промышленника я обосновался на первой из планет. С помощью целой вереницы других людей я добрался в конце концов до диктатора Калгана, захватил сам Калган и стал обладателем флота. После этого была Академия как цель, и тут на сцене появились вы. Академия, — тихо проговорил он, — была самой трудной задачей, с какой мне когда-либо приходилось сталкиваться. Чтобы разбить ее, мне нужно было вывести из строя колоссальное количество людей из правящей верхушки. Я смог бы сделать это с самого начала, похитрее, но мог отыскаться прямой путь, и я искал его. В конце концов даже если очень сильный человек способен разом поднять пятьсот фунтов веса, это вовсе не означает, что ему нравится без конца этим заниматься. Эмоциональная обработка людей — нелегкий труд, и я стараюсь к ней не прибегать, за исключением тех случаев, когда она действительно необходима.

Поэтому я подыскивал посредников для нападения на Академию.

Под видом собственного шута я искал агента или агентов из Академии, которые непременно должны были быть засланы в Калган для того, чтобы выяснить, кто я и что я. Теперь я понимаю, что встретить я должен был капитана Притчера. Но по воле капризной судьбы мне встретились вы. Я — телепат, но не до конца. А вы, моя госпожа, были из Академии. Это меня обмануло. Но оказалось не смертельно, поскольку Притчер к нам вскоре присоединился. Но ошибка была допущена в самом начале, и она-то и оказалась смертельной.

Торан впервые за все время рассказа подал голос.

— Постой! Ты хочешь сказать, что, когда я стоял там и распинался перед лейтенантом, вооруженный только парализующим пистолетом, и защищал тебя, это было под воздействием эмоционального контроля!

Ты хочешь сказать, что я уже тогда был обработан? — кричал Торан, брызгая слюной от ярости.

Тонкая улыбка скользнула по лицу Магнифико.

— А почему бы и нет? Вы думаете, это невозможно? Тогда спросите себя: разве вы стали бы рисковать жизнью ради уродца, которого до этого и в глаза-то не видели, будь вы в здравом уме? Догадываюсь, что в трезвом размышлении вы были сами немало удивлены своим тогдашним поведением.

— Да, — отозвалась Байта, — так оно и было. Это было совершенно очевидно.

— Как бы то ни было, — продолжал Мул, — Торан был вне опасности. У лейтенанта были четкие инструкции — не задерживать вас. Итак, мы втроем и капитан Притчер отправились в Академию, и — сами помните, как быстро завертелась там моя кампания. Когда капи-

тана Притчера судил трибунал, на котором вы присутствовали, я упорно трудился. Военные судьи, которые вели этот процесс, позднее командовали эскадронами во время военных действий. Они быстро капитулировали, и мой флот выиграл сражение при Хорлеггоре и еще кое-какие сражения.

Через Притчера я познакомился с доктором Мисом, который принес мне видеосонор, полагая, что делает это по собственной инициативе, и тем самым несказанно облегчил мне задачу. На самом деле, конечно, он *сделал это вовсе не по собственной инициативе.*

Байта прервала его:

— Эти концерты! А я все думала, к чему они! Теперь я понимаю!

— Да! — подтвердил Магнифико. — Видеосонор действует как фокусирующий инструмент. Сам по себе он представляет довольно-таки примитивное средство воздействия на чужие эмоции. Но с его помощью я могу воздействовать как на большое число людей одновременно, так и более интенсивно — на отдельных людей. Те концерты, которые я дал в Академии перед тем, как она капитулировала, и те, которые были даны в Хейвене перед тем, как он сдался, сделали значительный вклад в общее пораженческое настроение. Я мог бы здорово повредить здоровью принца на Неотренторе, но без видеосонора не смог бы его убить. Понимаете?

Но главной моей находкой был Эблинг Мис. Он мог бы...

Магнифико произнес последние слова с горечью, но, не договорив фразу до конца, продолжал:

— Существует особая мишень для эмоционального контроля, о существовании которой вы не догадываетесь. Интуиция, предвидение, озарение — называйте как хотите — это свойство психики может наравне с эмоциями подвергаться обработке. По крайней мере, мне это удается. Вы не понимаете, о чем я говорю?

Ответа не последовало.

— Человеческий мозг работает весьма неэффективно. Обычно называют цифру: двадцать процентов от возможной потенции. Когда вдруг внезапно происходит то, что люди называют интуицией, озарением, ясновидением, в действительности мозг просто выдает то, на что он способен. Я давно понял, что умею индуцировать высокую работоспособность мозга в течение продолжительного времени. Это губительно для человека, подвергающегося такому воздействию, но очень эффективно для достижения моих целей. Депрессор ядерного поля, примененный в войне против Академии, *явился результатом подобной обработки одного* калганского инженера. Я снова работал через посредников.

Эблинг Мис был не просто мишенью. Он был десяткой. Его научный потенциал колоссален, и он был нужен мне. Еще до начала войны с Академией я послал агентов для переговоров с Империей. Уже тогда я начал собственные поиски Второй Академии. Естественно, я ее не нашел. Я знал, что должен отыскать ее — и помочь в этом мне мог только Эблинг Мис. Его разум, работающий с повышенной эффективностью, мог позволить ему продублировать работы самого Гэри Селдона.

Частично это ему удалось. Я довел его до последнего предела. Процесс обработки его мозга был безжалостным, но дело должно было быть доведено до конца. Он должен был скоро умереть, но он был еще жив...

Он снова не договорил.

— Он должен был прожить еще достаточно долго. Мы втроем должны были отправиться во Вторую Академию. Это был бы последний бой, и все было бы кончено, если бы не моя ошибка.

Торан сдавленным голосом спросил:

— Почему ты все время к этому возвращаешься? Что за ошибка? И давай кончай, надоело.

— Видите ли, дело в том, что ошибкой была ваша жена, Торан. Ваша жена оказалась необычным человеком. Я никогда в жизни не встречал никого, подобного ей. Я... Я... — Голос Магнифико сорвался. Он с трудом взял

себя в руки и продолжал: — Она любила меня, она жалела меня сама по себе, и мне не нужно было воздействовать на ее эмоции. Я ее не раздражал и не забавлял. Просто — она любила меня.

Неужели вы не понимаете? Неужели вы не видите, что это значило для меня? До сих пор никто... в общем, мне это было очень дорого. Собственные эмоции обманули меня, меня, бывшего хозяина чужих эмоций. Я не прикасался к ее разуму, к ее чувствам, понимаете? Я ее не трогал. Я дорожил настоящим чувством, слишком дорожил. Это и была моя ошибка, самая первая.

Вы, Торан, были под контролем. Вы никогда меня не подозревали, ничего у меня не выпытывали, не видели во мне ничего необычного. Как, например, в случае с «филианским» кораблем. Когда они нас остановили, они приняли меня на борт для того, чтобы я обработал капитана Притчера, который содержался там под стражей. Кстати, они знали, где мы находимся, потому что я постоянно поддерживал связь со всеми своими генералами. Когда я ушел оттуда, капитан стал полковником, человеком Мула и командиром корабля. Все это происходило у вас на глазах, Торан. Однако вы приняли мое объяснение, хотя оно было насквозь порочно. Понимаете, что я имею в виду?

Торан скривился и спросил:

— А как это, интересно, вы поддерживали связь со своими генералами?

— Это было совсем нетрудно. Гиперволновой передатчик портативен и прост в обращении. Да и потом, выследить меня было невозможно! Если бы кто-то и застал меня за этим занятием, из его памяти был бы тут же вырезан кусок. Кстати, такое имело место.

На Неотренторе мои собственные чувства снова подвели меня. Байта не находилась под эмоциональным контролем, но даже она никогда бы ни в чем меня не заподозрила, если бы все не испортил кронпринц. Его намерения в отношении Байты возмутили меня.

Я убил его. Это был идиотский поступок. Можно было попросту беспрепятственно улететь, как всегда.

И все-таки ваши подозрения не переросли бы в уверенность, если бы я помешал капитану, то есть полковнику Притчеру, выболтать вам все, что он пришел сообщить вам из наилучших побуждений, или уделял больше внимания вам, а не Мису.

Он ссутулился, поежился...

— Ты закончил? — спросила Байта.

— Да.

— Ну и что теперь?

— Я буду продолжать выполнение своего плана. Правда, вряд ли в эти сумасшедшие дни мне удастся отыскать кого-нибудь, кто был бы так же высокообразован и просвещен, как Эблинг Мис. Как бы то ни было, я намерен искать Вторую Академию. Но в каком-то смысле вы меня победили.

Байта встала и выпрямилась.

— В каком-то смысле? Мы победили тебя полностью, окончательно и бесповоротно. Все твои победы за пределами Академии гроша ломаного не стоят! Галактика теперь — варварская пустыня. Да и сама Академия — так себе победа, потому что не она избрана для того, чтобы остановить спровоцированный тобой кризис. Вторая Академия — вот с кем тебе предстоит сразиться! Вторая Академия! И она победит тебя. У тебя был единственный шанс найти ее и напасть на нее, когда она не была бы к этому готова. Теперь это тебе не удастся. Сейчас, возможно, в эту самую минуту, машина уже завертелась. И ты узнаешь об этом, когда ее колеса сотрут тебя в порошок и придет конец твоему краткому могуществу. Лопнет оно как мыльный пузырь, и ты останешься в памяти людской разовым захватчиком, размазанным по кровавому лику истории!

Она тяжело дышала.

— Так что мы — Торан и я — победили тебя. И нам не жалко умереть.

Все было сказано. Но грустные карие глаза Мула были грустными глазами Магнифико-паяца.

— Я не стану убивать ни вас, ни вашего мужа. После всего, что случилось, вы не сможете сделать мне больнее, чем сделали. Если я вас убью, Эблинга Миса я все равно не воскрешу. Мои ошибки — это мои ошибки, только мои, и я за них отвечаю перед собой. Ваш муж и вы свободны. Уходите с миром ради того, что я называю дружбой.

И добавил с некоторой гордостью:

— А пока я все-таки — Мул, самый могущественный человек в Галактике, и намерен победить Вторую Академию!

Тут Байта нанесла последний удар — твердо и уверенно:

— Нет. Тебе это не удастся. Я до сих пор не сомневаюсь в мудрости Селдона. Ты будешь последним властелином в своей династии — первым и последним!

Что-то перевернулось в Магнифико.

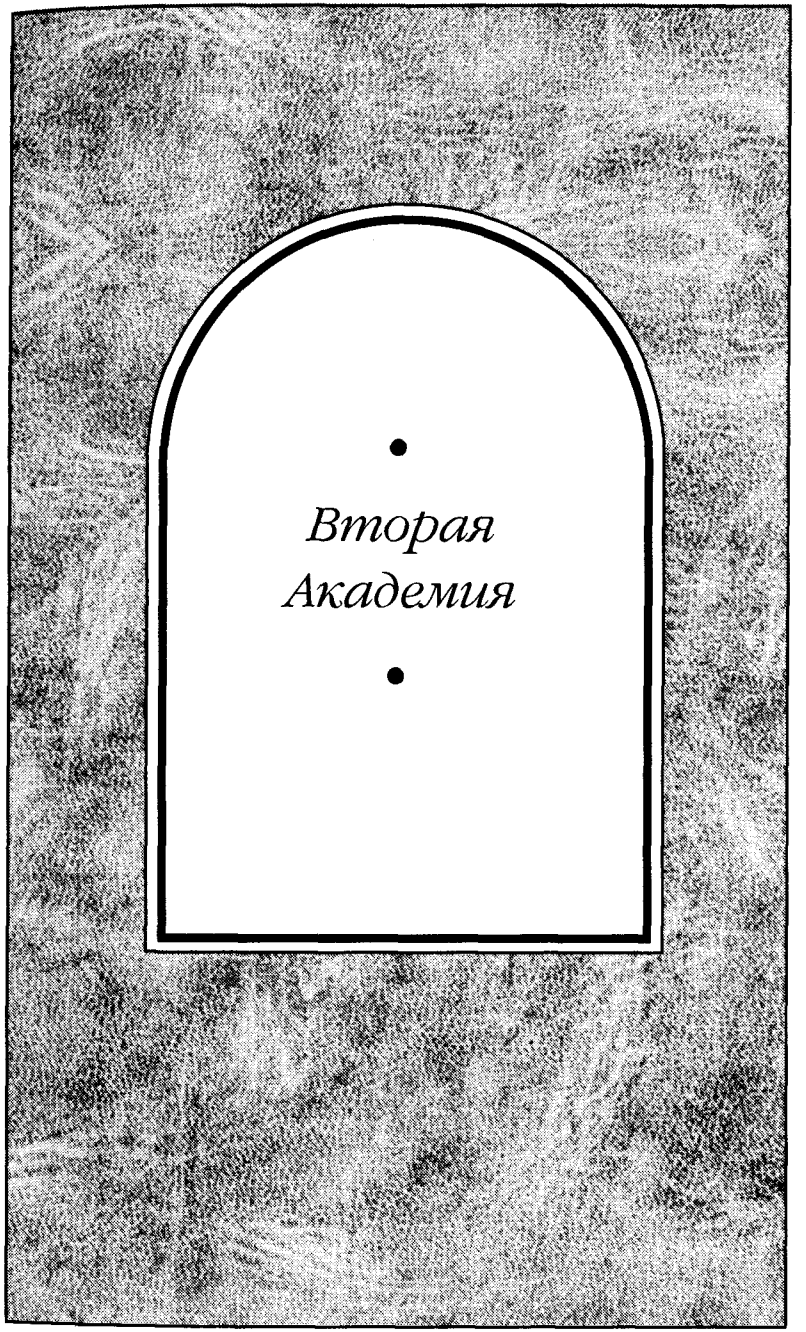
— В своей династии??! Да... я часто думал об этом. О том, что я мог бы основать династию. Что мог бы найти себе достойную пару...

Байта внезапно поняла, что означает горящий в его глазах алчный огонь, и похолодела.

Магнифико печально покачал головой.

— Я понимаю, чего вы испугались, но это глупо. Если бы все могло быть иначе, я очень легко сумел бы сделать вас счастливой. Это был бы искусственный экстаз, но он ничем не отличался бы от естественных эмоций. Но все, увы, так, как есть, а не иначе. Я назвал себя Мулом — но вы прекрасно знаете, что никакой необыкновенной физической силы у меня нет. Дело не в этом.

Он ушел не оглянувшись.

ЧАСТЬ I

ПОИСКИ ВЕДЕТ МУЛ

Глава 1

ДВОЕ ПЛЮС МУЛ

МУЛ. *Режим, установленный Мулом, проявился во всей полноте после захвата Первой Академии. Добившись окончательного распада Первой Галактической Империи, Мул стал первым в истории, кому удалось подчинить себе территорию поистине имперского масштаба. Прежняя коммерческая Империя, созданная павшей Академией, несмотря на то усердие, с которым невидимой рукой психоистории плелись ее тонкие сети, оказалась жалким подобием жестко управляемого Союза Миров, во главе которого встал Мул. В Союз Миров входила примерно десятая часть Галактики и пятнадцатая часть ее населения. В особенности на протяжении эпохи так называемых «Поисков»...*

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

В «Энциклопедии» сказано довольно много о Муле и о его Империи, но почти все там изложенное не имеет отношения к тому, о чем собирается поведать автор. К тому же стиль «Энциклопедии» грешит сухостью. Статья, посвященная Мулу, описывает далее экономические условия, которые привели к возвышению Первого Гражданина Союза — именно таков был официальный статус Мула, — и экономические последствия его возвышения.

Всякий раз, когда из контекста статьи чувствуется,

что автор статьи испытывает хотя бы легкое удивление по поводу той колоссальной спешки, с которой Мул занимался созданием своей Империи, превратившейся всего за пять лет из ничего в колоссальную по масштабам территорию, становится очевидно, что он всеми силами старается скрыть свое удивление. Всякий раз, когда его поражает внезапный переход от активной экспансии к пассивной консолидации захваченной территории, он явно скрывает факты.

Поэтому мы отложим «Энциклопедию» в сторону и пойдем собственным путем и попробуем описать историю Великого Безвластия — промежутка между падением Первой и началом Второй Империи, к концу пятилетия «консолидации».

С политической точки зрения в Союзе царило спокойствие, с экономической — процветание. Мало кому приходило в голову мечтать о том, чтобы покой, установившийся под железной пятой Мула, сменился хаосом, ему предшествовавшим. В мирах, которые всего пять лет назад знали, что такое Академия, кое у кого, возможно, и появились чувства сродни ностальгическому сожалению, но не более того. Те лидеры Академии, которые были не нужны Мулу, были уничтожены, а те, которые были нужны, были «обработаны».

Самым нужным из «обработанных» был Хэн Притчер, ныне генерал-лейтенант.

Во времена Академии Хэн Притчер был капитаном и членом подпольной демократической оппозиции. После того как Академия без боя сдалась Мулу, Притчер продолжал вести борьбу против Мула до тех пор, пока не был «обработан».

«Обработка» была весьма специфичная. Это был не просто разумный добровольный переход на сторону победителя, и Хэн Притчер это отлично понимал. Его воззрения радикально переменились, потому что Мул

был мутантом, психическая энергия которого подчиняла себе нужных ему людей. Сам Хэн Притчер никаких неудобств не испытывал. Все было, с его точки зрения, нормально. Само по себе чувство удовлетворения собственным состоянием являлось признаком того, что «обработка» прошла успешно, однако Хэн Притчер уже чувствовал себя так, что собственное состояние его нисколько не занимало.

Теперь, возвращаясь из своей пятой по счету экспедиции из беспредельных просторов Галактики за границами Союза, он с неестественной радостью предвкушал — он, бывший ас-звездолетчик, опытный агент разведки Академии, — будущую аудиенцию у Первого Гражданина... Его суровое лицо, словно выточенное из куска твердого дерева, казалось, неспособное улыбнуться, чтобы при этом не потрескаться, не выражало никаких чувств — но внешние проявления не имели никакого значения. Мул видел его насквозь — всего, до самой тончайшей эмоции, и замечал малейшие эмоциональные порывы, как обычный человек замечает, например, что у собеседника слегка дрогнула бровь.

Притчер поставил свой космический катер на стоянку в старом вице-королевском ангаре и отправился на территорию дворца пешком — так полагалось. Целую милю он прошел по снабженной указателями дороге. Она была безлюдна и тиха. Притчер знал, что на всей территории дворца нет ни одного охранника, ни одного солдата, ни одного вооруженного человека.

Мул не нуждался в защите.

Мул сам себе был лучшим и надежнейшим защитником.

Звук собственных шагов отдавался в ушах Притчера. Здание дворца приближалось, отражая яркий солнечный свет полированной поверхностью стен, покоящихся на высоких, полубезумных по очертаниям арках, — типичный образчик архитектуры былой Империи. Здание крепко сидело в земле, возвышаясь и над обшир-

ной дворцовой территорией, и над многонаселенным городом, видневшимся на горизонте.

Внутри дворца находился тот один-единственный человек, от нечеловеческих психических способностей которого зависела и вся новая им созданная аристократия, и вся структура Союза.

Огромная входная дверь мягко отъехала в сторону, и генерал ступил на широкий пандус. Бесшумный лифт быстро поднял его наверх. Он остановился перед небольшой, непримечательной на вид дверью личных покоев Мула, расположенных на самом верху самой высокой башни дворца.

Дверь открылась...

Бейл Ченнис был молод. Бейл Ченнис не был «обработан». То есть, проще говоря, его эмоции не находились под управлением Мула. Они оставались такими, какими были даны ему от рождения и как впоследствии сформировались под воздействием окружающей среды. Это его вполне устраивало.

Ему еще не было и тридцати, но в столице он занимал высокое положение. Он был хорош собой и умен и потому пользовался успехом в высшем обществе. Он был прекрасно образован и самолюбив и потому пользовался успехом у Мула. Его одинаково удовлетворяло и то и другое.

Сегодня впервые Мул удостоил его личной аудиенции.

Ноги легко несли его по длинной сверкающей нитке дороги, ведущей к дворцу, украшенному башнями из губчатого алюминия, — бывшей резиденции вице-короля Калгана, — который позднее стал резиденцией независимых князей Калгана, которые управляли государством сами по себе, и который теперь стал резиденцией Первого Гражданина Союза, который сам по себе правил в своей собственной Империи...

Ченнис шел, тихо мурлыкая мотивчик собственного сочинения. У него не было ни малейших сомнений, о чем пойдет речь. Конечно же, о Второй Академии! Об этом призраке, который заставил Мула прекратить свою политику безудержной экспансии и держал его в постоянном напряжении. Официально это называлось «консолидацией».

Сейчас Калган был переполнен слухами. Слухи — не экспансия, их во все времена остановить нельзя. Одни говорили, что Мул якобы нашел, где находится Вторая Академия, и собирается на нее напасть. Другие — что Мул сговорился со Второй Академией и они вместе собираются учинить передел Галактики. Третьи — что Мул наконец убедился в том, что Вторая Академия вообще не существует, и скоро сам завоюет всю Галактику.

Бесполезно перечислять все, о чем говорили в гостиных. Тем более что это была уже не первая полоса слухов. Однако теперь создавалось впечатление, что за разговорами действительно что-то стоит, и это страшно будоражило людей с развитой фантазией, которых хлебом не корми, а дай пожить во времена войн, сражений и политического хаоса; когда же тишь да гладь — они скучают и чахнут.

Бейл Ченнис был как раз из таких. Он не боялся таинственной Второй Академии. Именно поэтому он не боялся Мула, открыто этим бравируя. Возможно, некоторые, которым не слишком нравился этот человек, такой молодой и одновременно такой преуспевающий, злорадно поджидали, когда же этот дамский любимец поплатится за то, что позволяет себе во всеуслышание потешаться над внешностью Мула и его подозрительно уединенным образом жизни. Никто не осмеливался присоединяться к его саркастическим высказываниям, мало кто смеялся над его шутками, но, поскольку с ним, как бы то ни было, ничего не происходило, репутация его, естественно, росла.

Ченнис шел вперед, сочиняя слова на импровизи-

рованный мотивчик. Слова были самые что ни на есть дурацкие и сопровождались припевом: «Академия Вторая всю Галактику пугает, нам спокойно спать мешает».

Он подошел к дворцу.

Огромная входная дверь мягко отъехала в сторону, и он ступил на широкий пандус. Бесшумный лифт быстро поднял его наверх. Он остановился перед небольшой, непримечательной на вид дверью личных покоев Мула, расположенных на самом верху самой высокой башни дворца.

Дверь открылась...

Человек, у которого не было другого имени, кроме клички Мул, не было другого титула, кроме как Первый Гражданин Союза, смотрел на видневшийся на горизонте город сквозь странное окно — он видел все как на ладони, а с внешней стороны была глухая стена.

В сгущающихся сумерках на небе загорались первые звезды. Все они без исключения принадлежали ему.

Он горько усмехнулся. Они принадлежали тому, кого мало кто видел собственными глазами.

Он, Мул, был человеком, на которого нельзя было взглянуть без жалости и сострадания. Его исключительно скромный вес — сто двадцать фунтов — до смешного не соответствовал росту — пять футов и восемь дюймов.

Из тщедушного туловища, как скрюченные длинные стебли, росли руки и ноги. Длинное худое лицо почти терялось на фоне торчавшего на три дюйма крючковатого, похожего на клюв хищной птицы носа.

Пожалуй, только глаза не соответствовали общему карикатурному облику того, кого называли Мулом. В этих глазах — странно мягких для величайшего покорителя Галактики — никогда не исчезала странная грусть.

В городе царило оживление, какое и должно царить в роскошной столице роскошного мира. Он мог основать столицу в Академии, на территории самого сильного из поверженных врагов, но это было далеко, на самом краю Галактической спирали. Калган, расположенный

ближе к центру, имевший стойкую славу аристократического курорта, более устраивал его — со стратегической точки зрения.

Но типичная для столицы бурная жизнь, подкрепленная невиданным доселе процветанием, его вовсе не радовала и как бы совсем не касалась.

Его боялись, ему подчинялись, его, наверное, даже уважали — на расстоянии. Но кто бы взглянул на него без сожаления и усмешки? Только те, кто был «обработан». Но что толку было в их искусственной верности? Ему недоставало искренности. Он мог бы наделить себя кучей титулов, разработать неимоверно изощренные ритуалы поклонения своей персоне, но это бы ничего не изменило. Лучше — или, по крайней мере, не хуже — было оставаться Первым Гражданином и скрываться от посторонних взглядов.

Внутри у него шевельнулось нечто вроде протеста — сильное, грубое чувство. Никто в Галактике не смел отрицать его существования! Пять лет он хранил молчание, похоронив себя здесь, в Калгане, — и все из-за этого вечного, туманного, притаившегося в неведомых глубинах пространства призрака, этой постоянной угрозы — невидимой, неслышимой, неизвестной Второй Академии. Ему было тридцать два. Совсем немного — но чувствовал он себя стариком. Тело его, несмотря на колоссальную психическую энергетику мутанта, было слабым, болезненным.

Каждая звезда! Каждая звезда, которую он видел, и каждая из тех, что были не видны. Все должно было принадлежать ему!

Месть всем и всему. Месть человечеству, частью которого он не был. Месть Галактике, в которой для него не было места!

Над головой у него мигнул сигнальный огонь. По дворцу кто-то шел. Он спокойно следил за передвижениями этого человека, и одновременно, словно его мутантные психические способности обострились в оди-

ночестве сумерек, он почувствовал, как волна чужого эмоционального удовлетворения легко коснулась его собственного сознания.

Он узнал идущего без особых усилий. Это был Притчер.

Капитан Притчер из бывшей Академии. Капитан Притчер, которого проигнорировало, недооценило насквозь обюрократившееся правительство времен упадка. Капитан Притчер, чью шпионскую деятельность он без труда разоблачил, кого он возвысил, вытащил из грязи. Капитан Притчер, которого он сначала сделал полковником, а потом генералом, предоставив ему в полное распоряжение всю Галактику.

Теперешний генерал Притчер, в прошлом несгибаемый мятежник, был безоговорочно предан Мулу. Однако причиной его преданности была отнюдь не благодарность за данные ему привилегии, не логика, не чувство справедливости — только «обработка».

Мул прекрасно отдавал себе отчет в том, что прочный слой верности и преданности ему, который определял все эмоциональные проявления поведения Притчера, — тот самый слой, тот колпак, которым он накрыл его пять лет назад, исключительно поверхностен. В глубине души Притчер продолжал оставаться прирожденным упрямцем, борцом с властью, идеалистом, хотя теперь даже сам этого и не сознавал.

Дверь за спиной Мула открылась. Он обернулся. На месте окна появилась глухая стена, и пурпурные краски вечера сменились ярким белым безжалостным сиянием атомного освещения.

Хэн Притчер сел на указанный ему стул. Он не кланялся, не становился на колени. Никаких формальных выражений подобострастия на аудиенциях у Мула не требовалось. Мул был просто Первым Гражданином. Обращаться к нему полагалось «сэр». В его присутствии можно было сидеть, можно было даже спиной повернуться, если уж так получалось.

Для Хэна Притчера все эти мелочи свидетельствовали о непререкаемом могуществе этого человека. Сама мысль об этом приятно радовала его.

Мул сказал:

— Вчера я получил ваш последний отчет. Не скрываю, он меня очень огорчил, Притчер.

Брови генерала сошлись на переносице.

— Да, сэр, я вас понимаю. Но, к сожалению, другого просто быть не могло. Никакой Второй Академии нет, сэр.

Мул задумался, медленно, упрямо покачал головой, как делал уже много-много раз на памяти Притчера.

— Существует свидетельство Эблинга Миса. Всегда существовало и будет существовать свидетельство Эблинга Миса.

Старая песня, подумал Притчер и сказал без всякого выражения:

— Конечно, Мис был величайшим психологом в Академии, но в сравнении с Гэри Селдоном — он мальчишка-подмастерье. Ведь, изучая работы Селдона, он был под воздействием вашей искусственной стимуляции. Может быть, вы его перенапрягли. Он мог ошибиться. Скорее всего он ошибся, сэр.

Мул вздохнул, вытянул вперед птичью головку на тонком стебельке шеи.

— Если бы только он прожил еще одну минуту! Он как раз должен был проболтаться, где находится Вторая Академия! Говорю вам, он знал это! Зря я медлил. Нельзя было ждать так долго. Сколько времени потеряно зря! Пять лет — и все впустую!

Притчер никак не отреагировал на минутную слабость своего господина — его контролируемые чувства не допускали этого. Он только слегка заволновался и сказал:

— Но как же можно иначе объяснить, сэр? Пять раз я отправлялся на поиски. Вы лично вычерчивали маршруты. Не осталось ни одного астероида, который бы я

не перевернул вверх ногами! Триста лет назад Гэри Селдон из бывшей Империи основал две Академии, которые якобы должны были стать зародышами новой Империи, призванной заменить старую. Через сто лет после смерти Селдона Первая Академия, которая нам обоим так хорошо знакома, была известна на всей Периферии. Через сто пятьдесят лет после смерти Селдона ко времени последнего сражения со старой Империей — она была известна по всей Галактике. Теперь, когда прошло триста лет, — где же таинственная Вторая? Ни в едином уголке Галактики о ней никто слыхом не слыхивал.

— Эблинг Мис говорил, что она содержится в секрете. Только скрытность ее существования, по его словам, способна обратить ее слабость в силу.

— Ну знаете, сэр, такая глубочайшая секретность может с успехом означать и то, что ее вообще не существует.

Мул поднял на него взгляд. Глаза его были широко раскрыты — подозрительно широко.

— Нет. Она существует, — твердо сказал он, многозначительно подняв указательный палец, и добавил: — Будут кое-какие изменения в тактике поисков.

Притчер нахмурился:

— Вы собираетесь лично возглавить экспедицию? Я бы вам не советовал.

— Нет. Конечно, нет. Вам придется полететь еще раз самому. Последний раз. Но с вами полетит еще один человек. Вторым командиром.

— Кто это, сэр?

— Есть тут один молодой человек в Калгане по имени Бейл Ченнис.

— Никогда не слышал о таком, сэр.

— Да, скорее всего не слышали. Однако у него незаурядные способности и высочайшие амбиции. К тому же он... не «обработан».

Массивный подбородок Притчера едва заметно дрогнул.

— Не вижу в этом особых преимуществ.

— Преимущества есть, Притчер. Давайте посмотрим правде в глаза. Вы — неглупый и опытный человек. Вы сослужили мне неплохую службу. Но вы «обработаны». Вся мотивация ваших поступков зиждется всегонавсего на искусственно созданной, беспомощной верности мне. Утратив мотивацию поведения, данную вам от природы, вы потеряли нечто такое... какие-то душевные порывы, которые даже я не в силах в вас восстановить.

— Я этого не ощущаю, — угрюмо буркнул Притчер. — Я прекрасно помню себя — того, каким я был в те дни, когда был вашим врагом. Не думаю, чтобы тогда я был лучше, чем сейчас.

— Естественно, — криво усмехнулся Мул. — Но ваше мнение по этому поводу вряд ли можно считать объективным. Но вернемся к Ченнису. Итак, как я сказал, он амбициозен — по природе. Ему вполне можно доверять, поскольку он не признает никаких авторитетов, кроме самого себя. Однако отлично сознает, что он тем не менее существует, вцепившись в шлейф моего могущества. Поэтому он сделает все, чтобы провисеть на этом шлейфе как можно дольше, дабы добраться на этом транспортном средстве к своей цели — славе и могуществу. Если он отправится вместе с вами, его устремления получат дополнительный толчок — хотя бы для него самого.

— Тогда, — настаивал Притчер, — почему бы вам не освободить меня от эмоционального контроля, если вы и вправду считаете, что это пошло бы мне на пользу? Вряд ли теперь я сумею изменить вам.

— А вот это — никогда, Притчер. Пока вы от меня на расстоянии руки, на расстоянии выстрела бластера, вы будете оставаться под жестким контролем. Я отлично знаю, что, освободив вас, в следующую же минуту я буду мертв.

Щеки генерала вспыхнули лихорадочным румянцем.

— Для меня оскорбительно, что вы так думаете обо мне.

— Я вовсе не хотел оскорбить вас, но вы просто не можете себе представить, какие чувства овладеют вами, когда они будут отпущены на свободу, когда ваше поведение вернется в русло прежней мотивации. Человеческий разум сопротивляется контролю. Обычный гипнотизер-человек по этой самой причине не способен загипнотизировать человека, сопротивляющегося гипнозу. Я — могу, поскольку я — не гипнотизер, и поверьте мне, Притчер, сопротивление, которого вы не оказываете и о котором вы даже не помышляете, — это то, с чем мне совсем не хотелось бы столкнуться.

Притчер нагнул голову. Снаружи его охватила мука беспомощности, внутри у него были только тоска и усталость. Он с усилием выговорил:

— Но как же вы можете доверять этому человеку? Я хочу сказать — разве можно доверять ему так же безоговорочно, как мне — «обработанному»?

— Ну, наверное, полностью ему доверять нельзя. Именно поэтому вы и отправитесь вместе с ним. Видите ли, Притчер...

Мул забрался с ногами в глубокое кресло и стал похож на украшенную птичьей головкой зубочистку, сломанную посередине.

— Видите ли, Притчер, вам придется приглядывать за ним на тот случай, если ему взбредет в голову, что со Второй Академией он сумеет договориться более выгодно, чем со мной. Вы понимаете?

В глазах Притчера мелькнул огонек удовлетворения.

— Так-то лучше, сэр.

— Вот именно. Но помните — до поры до времени ему должна быть предоставлена полная свобода действий.

— Ясно.

— И еще, Притчер... Молодой человек этот очень хорош собой, приятен в общении, обаятелен. Не позвольте ему одурачить вас. Он опасный, непредсказуемый человек. Будьте с ним осторожны. Это все.

Мул снова остался один. Он выключил свет, и стена напротив снова стала прозрачной. Небо окрасилось в пурпур, город на горизонте утопал в бесчисленных огнях.

Ради чего было все это? Даже если бы он стал властелином Вселенной — что тогда? Разве перестали бы такие люди, как Притчер, быть высокими, стройными, самоуверенными, сильными? Разве отказался бы Бейл Ченнис от своих убеждений, перестал бы отпускать мерзкие остроты в его адрес? Разве он сам, Мул, стал бы другим?

Он думал так и проклинал собственные мысли. Чего же ему на самом деле хотелось? К чему он стремился?

Мигнул бесстрастный сигнальный огонек. Мул знал о том, что сейчас по дворцу идет человек, и почти помимо воли ощутил, как волна чужого эмоционального удовлетворения коснулась его мозга.

Он без труда узнал идущего. Это был Ченнис. На этот раз Мул не ощущал привычного однообразия эмоций, как у «обработанных». Наоборот, он чувствовал сопротивление сильного разума, нетронутого, неприкосновенного, не задетого ничем, кроме периодических размышлений о бренности всего сущего и неустройстве Вселенной. От чужого сознания плыли к нему потоки и волны. Чувствовалась наружная осторожность — тонкая, мягкая, но под ней таилась циничная самоуверенность. Еще глубже ощущалось мощное течение честолюбия и самолюбия, вспучивающееся то там, то тут вспышками жестокого юмора, а в самой глубине стояло спокойное озерцо амбиции.

Мул знал, что способен протянуть невидимую руку и преградить путь потоку, выплеснуть воду из русла и

направить по другому пути, высушить одно русло и проложить другое. Но что из этого? Если бы он взял и накрыл кудрявую гордую голову Ченниса колпаком обожания, разве это хоть что-нибудь изменило бы в его собственном уродстве, вынуждавшем его ненавидеть солнечный свет и любить ночь, сделавшем его отшельником в Империи, безраздельно принадлежавшей ему одному?

Дверь у него за спиной открылась. Он обернулся. Прозрачная стена стала непрозрачной, и темнота позднего вечера сменилась белым безжалостным атомным освещением.

Бейл Ченнис непринужденно уселся и сказал:

— Это — неожиданная честь для меня, сэр.

Мул всей пятерней почесал огромный нос и несколько раздраженно спросил:

— Почему же, молодой человек?

— Предчувствие, наверное. Если только, положа руку на сердце, не признаться, что до меня доходили кое-какие слухи.

— Слухи? Ну, их теперь множество. Какие же именно?

— Ну, пожалуй, те, в которых говорится о том, что планируется возобновить Галактические Завоевания. Очень надеюсь, что это — правда и что я смогу сыграть в этом достойную роль.

— Следовательно, вы думаете, что Вторая Академия существует?

— Почему бы и нет? Это было бы так интересно!

— И лично вам это интересно?

— Ну конечно! Хотя бы потому, что это так таинственно! Разве еще о чем-нибудь можно так фантазировать! В последнее время газеты только об этом и говорят — а это кое-что да значит. Тут вот, например, в «Космосе» опубликовали гипотезу одного из их обозревателей: он предполагает, что существует мир, населенный существами, представляющими собой нечто вроде сгустков чистого разума — то есть так он представляет себе Вторую Академию, — ну вот, и они как будто бы разработали ментальную энергию такой силы, что она способна

противостоять любой физической мощи. И будто они способны отбрасывать прочь от себя корабли на целые световые годы, сворачивать планеты с привычных орбит...

— Интересно. Занимательно. Да. Ну а у вас лично есть какие-нибудь соображения на этот счет? Вы считаете, что такое возможно — эта психическая сила?

— О господи, ну конечно же, нет! Разве можно себе представить, что подобные существа посиживали бы на своей планете? Нет, сэр! Вторая Академия сохраняется в тайне именно потому, что они слабее нас.

— В таком случае мне не составит труда объяснить вам, в чем, собственно, суть дела. Как вы отнесетесь к предложению возглавить экспедицию по поиску Второй Академии?

На мгновение Ченнис растерялся. События развивались быстрее ожидаемого. Казалось, у него простотаки язык присох к нёбу.

Мул сухо поторопил его:

— Ну?

Ченнис потер лоб ладонью.

— Конечно. Согласен. Но куда я должен отправляться? У вас есть какая-нибудь идея?

— С вами отправится генерал Притчер.

— Следовательно, экспедицию возглавляю не я?

— Выводы будете делать, когда я закончу. Послушайте, вы не из Академии. Вы — уроженец Калгана, не так ли? Да? Отлично. Следовательно, ваши знания о Плане Селдона весьма туманны. Так вот. Когда Первая Галактическая Империя стала приходить в упадок, Гэри Селдон вместе с группой психоисториков, анализируя будущее течение истории математическими методами, которые в наше упадочное время безнадежно утрачены, основал две Академии — по одной на каждом краю Галактики — так, чтобы экономические и социальные тенденции, которые в то время только начали намечаться, сделали бы эти Академии впоследствии очагами создания Второй Империи. Гэри Селдон предполагал, что на

ее создание уйдет тысяча лет. Не будь Академий, на это ушло бы тридцать тысячелетий. Но он не учел *меня*. Я — мутант, и мое появление не было запланировано психоисторией, которая оперирует только усредненными реакциями больших масс людей. Понимаете?

— Прекрасно понимаю, сэр. Но какое отношение это имеет ко мне?

— Скоро поймете. Я намерен объединить Галактику уже сейчас и тем самым достичь цели, поставленной Селдоном, скорее — всего за триста лет. Одна из Академий — мир ученых-физиков — все еще процветает под моим неусыпным наблюдением. В условиях расцвета и порядка, царящих в Союзе, атомное оружие, разрабатываемое ими, способно победить всех и вся в Галактике — всех и вся, кроме, пожалуй, Второй Академии. Поэтому я должен больше узнать о ней. Генерал Притчер твердо убежден, что она вообще не существует. Я убежден в обратном.

Ченнис осторожно поинтересовался:

— А откуда вы знаете, сэр?

— Знаю! — неожиданно взорвался Мул. — Потому что в умах людей, находящихся у меня под контролем, происходят кое-какие изменения. Кто-то вмешивается! Мягко! Осторожно! Но все-таки не настолько, чтобы я не мог заметить. И это вмешательство нарастает и затрагивает важных для меня людей в самые ответственные моменты. Теперь вам, думаю, не будет удивительно, почему я бездействовал по непонятной якобы причине последние годы?

Вот ваша задача. Генерал Притчер — лучший из моих людей, поэтому он наверняка не в безопасности. Он этого, естественно, не знает. Но вы не «обработаны», поэтому вас не сразу распознают как человека Мула. Вы сможете дурачить Вторую Академию дольше, чем кто-либо из моих людей. Может быть, достаточно долго. Понимаете?

— Гм-м-м... Да. Простите, сэр, хотелось бы кое о чем спросить вас. Каким образом я могу ощутить это... воз-

действие на ваших людей — конкретно на генерала Притчера, если таковое произойдет? Они что — снова становятся «необработанными»? Нелояльными, так, что ли?

— Нет. Я же сказал вам, это почти неуловимо. И это-то как раз самое плохое, потому что заметить что-либо конкретное исключительно трудно, и порой мне приходится ждать, прежде чем принимать меры, не будучи уверенным в том, что именно происходит с «ключевым» человеком: то ли он допускает естественные ошибки, то ли его «обрабатывают» по-своему. С лояльностью ничего не происходит — поражаются такие качества, как инициатива и способность принимать решения. Они как бы стираются из сознания. Мне оставляют совершенно нормального с вида человека, но абсолютно бесполезного. За последний год таким образом обработали шестерых. Шестерых лучших моих людей!

Уголок его рта нервно задергался.

— А они сейчас отвечают за работу тренировочных баз — и я всей душой желаю, чтобы у них не случилось ничего экстренного, что потребовало бы от них принятия решений.

— Но, сэр, а если допустить, что это все-таки не дело рук Второй Академии? Вдруг это кто-то вроде вас... другой мутант?

— Нет. Все чересчур тонко спланировано и чересчур надолго. Один человек торопился бы. Нет, это целый мир, и вы должны стать моим оружием против него.

Глаза Ченниса блеснули.

— Я счастлив, что вы оказываете мне эту честь.

Но от Мула не укрылся резкий всплеск эмоций. Прищурившись, он проговорил:

— Да, скорее всего именно вам доведется совершить уникальный подвиг, достойный уникальной награды, — возможно, вам даже доведется стать моим преемником. Даже так. Но не забывайте, что, кроме того, наказания мои тоже уникальны. Моя эмоциональная

гимнастика рассчитана не только на создание верноподданности.

Легкая улыбка его была печальна.

Ченнис в страхе вскочил на ноги.

На одно лишь мгновение, лишь на одно короткое мгновение Ченнис ощутил, как его сознание сжало крепкой, безжалостной, невидимой десницей. Сильнейшая боль пронзила его мозг. Рука разжалась и отпустила его. Не осталось ничего, кроме кошмарного неукротимого гнева.

Мул объяснил:

— Не стоит гневаться. Это не поможет. Вы уже справились с собой, не так ли? Но я все вижу. Поэтому просто помните, что воздействие такого рода я могу усилить и сохранить. Я убивал людей с помощью эмоционального контроля, и нет смерти более жестокой.

Мул снова остался один. Он выключил свет, и стена перед ним снова превратилась в окно. Небо было черным, и сверкающее тело Галактической линзы протягивало во все стороны бесконечные лучи, мерцавшие серебристыми украшениями на фоне черного бархата межзвездного пространства.

Вся эта масса звезд и туманностей, которых было так много, что они соединялись друг с другом и становились похожими на облака света, — все это должно было принадлежать ему.

Оставалось сделать только одно, и он смог бы спать спокойно...

Первая интерлюдия

Чрезвычайный Совет Второй Академии собрался на заседание. Но мы не смогли бы услышать речей присутствовавших. Не увидели бы и заседания — в привычном смысле слова. Поэтому и неважно, кто именно на нем присутствовал.

Кроме того, строго говоря, нам не удалось бы точно воспроизвести детали этого странного заседания — всякая попытка описания того, что там происходило, грешила бы приблизительностью.

Тут мы имеем дело с психологами — и не просто с психологами. Скорее, скажем, мы имеем дело с учеными психологической ориентации. То есть с людьми, чьи фундаментальные понятия о научной философии абсолютно отличны от всех известных нам ориентаций. «Психология» в привычном понимании слова — плод деятельности ученых, воспитанных на аксиомах, которые выведены на основании привычных представлений, типичных для естественных наук, и она имеет весьма отдаленное отношение к той ПСИХОЛОГИИ, о которой пойдет речь.

Рассказывать о ней — все равно что объяснять слепому, что такое цвет, — и автор при этом так же незряч, как его читатели.

Все дело в том, что мозг каждого из собравшихся прекрасно воспринимал сигналы, исходившие от мозга остальных. Они знали о том, как функционирует человеческий мозг, не только теоретически, но и за счет специфического приложения этой теории к отдельным индивидуумам в течение долгого времени. Речь, к которой мы так привыкли и без которой наше общение было бы немыслимым, тут была не нужна, фрагмент предложения равнялся длинному изощренному пассажу. Жест, усмешка, выражение лица — все несло информацию. Поэтому автор возьмет на себя дерзость вольно перевести небольшую часть заседания на язык, который бы поняли люди, разум которых с детских лет сориентирован на восприятие обычной речи, но, увы, с риском утратить нюансы тонкости такого общения.

Преобладал один «голос», и принадлежал он человеку, которого мы назовем для удобства Первым Оратором.

Он сказал:

— Теперь совершенно очевидно, что именно оста-

новило Мула во время первой безумной атаки. Не могу, к сожалению, констатировать, что это — результат контроля ситуации нами. На самом деле он чуть было не узнал наше местонахождение посредством искусственного усиления умственной деятельности одного из тех, кого в Первой Академии называют психологами. Этот психолог был убит как раз перед тем, когда собирался сообщить Мулу о своем открытии. События, приведшие к его убийству, оказались совершенно случайными для развития ситуации, предусмотренного расчетами ниже Третьей Фазы. Позвольте предложить вам возглавить заседание.

Назовем того, к кому были обращены эти слова, Пятым Оратором. На слух его слова звучали бы угрюмо:

— Безусловно, это так. Ситуация вышла из-под контроля. Конечно, мы исключительно уязвимы в отношении массированной атаки, в особенности если такую атаку возглавляет такой феномен разума, как Мул. Вскоре после того как он вплотную приблизился к своей цели — завоеванию галактического господства, захватил Первую Академию, — а точнее, через полгода после этого, он оказался на Тренторе. Еще через полгода он мог бы оказаться здесь, и вероятность неблагоприятного для нас исхода была бы исключительно высока. Точнее — девяносто шесть плюс-минус пять сотых процента.

Довольно долгое время мы занимались анализом тех сил, которые остановили его. Мы, конечно, знаем о главных мотивах его действий. Врожденные последствия его физического уродства и уникальность его умственных способностей нам давно известны. Однако только посредством входа в Третью Фазу нам удалось определить — постфактум — вероятность отклонений в его поведении в присутствии другого человека, который испытывал к нему искреннее чувство.

И поскольку такие отклонения в его поведении зависели от присутствия такого человека рядом с ним в определенный момент времени, в этом смысле вся ситуация изобиловала случайностями. Наши агенты уверены, что психолога, которого «обрабатывал» Мул, убила девушка — та самая девушка, которой Мул доверял из чисто сентиментальных соображений и которую он именно из этих соображений не подвергал эмоциональному контролю — просто потому, что она к нему тепло, искренне относилась.

Начиная с этого события (кстати, для тех, кого интересуют детали, математическая обработка данных передана в Центральную Библиотеку), которое насторожило нас, мы держали Мула на безопасном расстоянии за счет применения неортодоксальных методов, используя которые, мы подвергали и подвергаем ежедневному риску весь исторический План Селдона. У меня все.

Выдержав паузу, позволяющую присутствовавшим осознать все, что стояло за этими словами, Первый Оратор сказал:

— Вследствие этого ситуация крайне нестабильна. В условиях, когда первоначальный План Селдона находится на грани срыва, нам остался только один шанс — и то очень рискованный.

Мы должны позволить Мулу разыскать нас — в некотором смысле.

После паузы, во время которой он выслушал возражения, он добавил:

— Повторяю — в некотором смысле!

Глава 2

ДВОЕ МИНУС МУЛ

Корабль был готов к старту. Все было ясно, кроме одного: куда лететь. Мул предложил вернуться на Трентор — остов гигантской галактической метрополии колоссальнейшей Империи, которую когда-либо знало человечество, — мертвый мир, некогда бывший столицей всех звезд.

Притчер возражал. Он считал, что это слишком старая, чересчур проторенная дорога.

Он нашел Бейла Ченниса в навигационной кабине корабля. Курчавые волосы молодого красавца были игриво растрепаны. Один непослушный завиток упал ему на лоб, но казалось, что там ему и место. Губы его расплылись в приветственной улыбке, обнажив безукоризненно белые ровные зубы. Да, он был действительно хорош собой и знал это. В сердце твердокаменного офицера шевельнулась неприязнь к своему напарнику по экспедиции.

Ченнис был заметно возбужден.

— Притчер, — выпалил он, — это может быть совпадением!

Генерал холодно отозвался:

— Не понимаю, о чем вы.

— А? Ну да. Подсаживайтесь, старина, и давайте разберемся. Я тут просматривал ваши записи. Отличная работа, старина!

— Мне... очень приятно, что вы их так оцениваете, — выдавил Притчер.

— Понимаете... Я пришел к кое-каким выводам, и мне было бы интересно узнать ваше мнение. Вы не пытались подойти к этой проблеме дедуктивно? Я хочу сказать, что очень мило, конечно, прочесывать звезды наугад и в итоге сделать все, что вам удалось во время ваших пяти экспедиций. Но все-таки, простите, это отдает чем-то вроде прыгания со звезды на звезду на одной ножке. Но неужели вам никогда не приходила в голову мысль о том, сколько уйдет времени на то, чтобы посетить все известные миры?

— Почему же? Я думал об этом, и не раз.

Притчер не чувствовал жгучего желания идти навстречу молодому человеку. Ему, наоборот, хотелось вытянуть что-нибудь из него, чей разум не был под контролем и, следовательно, был непредсказуем.

— Ну тогда давайте попробуем проанализировать

ситуацию и зададим себе вопрос: что мы, собственно, хотим найти?

— Вторую Академию, — буркнул Притчер.

— Академию Психологов, — уточнил Ченнис, — которые настолько же слабы в физической науке, как Первая Академия была слаба в психологии. Теперь: вы из Первой Академии, но я-то — нет. Разница, надеюсь, вам ясна. Мы должны отыскать мир, в котором правят посредством психических способностей, но который с научной точки зрения сильно отстал.

— Разве это так уж обязательно? — спокойно возразил Притчер. — Наш собственный Союз Миров никак не назовешь научно отсталым, невзирая на то что могущество нашего правителя целиком и полностью зависит от силы его разума.

— Только потому, что у него была возможность опереться на научные достижения Первой Академии, — последовал нетерпеливый ответ. — И, заметьте, другого такого источника научных знаний в Галактике нет. Вторая Академия, по определению, должна находиться на высохших пепелищах разбитой Галактической Империи, из которых, как ни крути, ничего не выжмешь.

— Следовательно, вы пытаетесь утверждать, что они обладают силой разума, достаточной, чтобы править некоей группой миров, страдая одновременно физической беспомощностью?

— Относительной физической беспомощностью. Они скорее всего способны защитить себя от пришедших в полный упадок окрестных миров. Против же сокрушительной силы Мула, подкрепленной мощной экономикой, они устоять не смогут. Почему же они столь тщательно скрывают свое местоположение — как в самом начале, при их основании Гэри Селдоном, так и теперь? Ведь ваша Первая Академия не делала из себя секрета даже тогда, когда представляла собой всего-навсего единственный город на единственной незащищенной планете триста лет назад!

Смуглое лицо Притчера подернулось сардоническими морщинками.

— Ну а теперь, когда вы закончили столь глубокий анализ, не откажетесь ли просмотреть перечень всех королевств, республик, федераций планет и диктаторий всевозможных типов, которые соответствуют не только вашему описанию, но и еще целому ряду факторов?

— Значит, все это было учтено? — разочарованно нахмурился Ченнис.

— Ну, здесь так прямо не написано, но у нас есть тщательно разработанный путеводитель по противоположной Периферии. Нет, вы серьезно думаете, что Мул в бирюльки играет?

— Ну тогда...

Голос молодого человека вновь обрел решимость.

— Что вы скажете насчет олигархии Конзвездия?

Притчер задумчиво потеребил мочку уха.

— Конзвездия? Ах, ну да, знаю это место. Но это же не на Периферии, насколько я помню. Вроде бы это где-то в трети пути к центру Галактики.

— Да. И что из этого?

— В тех записях, что имеются в нашем распоряжении, место расположения Второй Академии указывается как «другой край Галактики». Черт подери, это единственное место, куда мы можем отправиться. Что толку болтать о какой-то Конзвездии? Тьфу ты, язык сломаешь! Так вот, ее угловое склонение от радиана Первой Академии составляет что-то около ста десяти — ста двадцати градусов. Никак не восемьдесят.

— Послушайте, но ведь, кроме того, в записях мелькает еще такое определение места, как «конец звезд».

— Такого астрографического понятия не существует.

— Ну конечно. Так и было задумано! А теперь вслушайтесь в звучание: «Конзвездия»... Ни о чем не говорит?

— Ну что-то вроде бы есть. Нет, несерьезно.

— А вы там были когда-нибудь?

— Не припомню.

— Однако в ваших записях это название упомянуто.

— Где? Ах да. Но это только потому, что там можно было запастись водой и продовольствием. Ничего исключительного в этом мире не было.

— А вы приземлялись на главной планете? Там, где резиденция правительства?

— Не могу сказать с уверенностью.

Ченнис погрузился в раздумья под холодным взглядом своего спутника. Наконец он изрек:

— Не откажетесь взглянуть вместе со мной на «Линзу»?

— Как вам будет угодно.

«Линза» была новейшим изобретением, которым были оборудованы крейсеры тех времен. Фактически это была сложнейшая вычислительная машина, способная выдавать на экране воспроизведение картины ночного неба, видимой из любой точки Галактики.

Ченнис установил на пульте координатные точки. Свет погас. В красноватых отблесках огоньков, горевших на панели пульта, лицо Ченниса выглядело довольно-таки зловеще. Притчер уселся в кресло пилота, вытянув длинные ноги. Его лица в полумраке кабины видно не было.

Медленно, одна за другой, на экране стали появляться светящиеся точки. Постепенно они становились все ярче. На экране возник участок населенных звездных скоплений центра Галактики.

— Это, — объяснил Ченнис, — зимнее ночное небо, видимое с Трентора. Это, кстати, на мой взгляд, важнейшая деталь, до сих пор не учитывавшаяся в ваших поисках. Всякая разумная ориентация должна принимать за точку отсчета Трентор. Трентор был столицей Галактической Империи. Гораздо больше — с научной и культурной точки зрения, чем с политической. Поэтому значение любого названия должно в девяти из

десяти случаев выводиться с учетом расположения Трентора. Вспомните в этой связи, что Селдон родился на Геликоне, то есть ближе к Периферии, но группа его работала на Тренторе.

— Что вы мне пытаетесь доказать?

Ледяной голос Притчера показывал, что он всеми силами старается противостоять горячему энтузиазму собеседника.

— «Линза» докажет все за меня. Видите ту темную туманность?

Тень от его руки упала на экран. Указательный палец остановился на крошечном темном пятнышке, казавшемся дырочкой в расшитой звездами ткани.

— В астрографии она называется туманностью Пелло. Смотрите внимательно. Сейчас я увеличу изображение.

Притчер, затаив дыхание, смотрел, как на его глазах растет изображение на экране. Это напоминало картину, возникшую бы на иллюминаторе кругового обзора, если представить, что корабль несется на сумасшедшей скорости по переполненной звездами Галактике, но при этом и не думает входить в подпространство. Звезды летели на них как бы из общего центра, расходились в стороны и исчезали за краем экрана. Какие-то точки раздваивались, превращались в сферы. Туманные пятнышки делились на мириады точек. И все время сохранялась полная иллюзия движения.

Ченнис комментировал:

— Как видите, мы движемся по прямой от Трентора к туманности Пелло — как бы продолжая линию взгляда, направленного туда с Трентора. Вероятно, небольшая погрешность тут есть, если учитывать гравитационное отклонение света, которое я математически не рассчитывал, но, уверен, оно невелико.

Тьма заполняла экран. Скорость увеличения изображения падала, и звезды со всех четырех краев экрана посылали последний прощальный свет. Туманность

росла на глазах. Ее обрамляли сверкающие скопления звезд, внезапный резкий свет которых говорил о том, что они просто раньше были скрыты за бесчисленными темными фрагментами атомов натрия и кальция, заполнявшими кубические парсеки пространства.

Тень от руки Ченниса снова легла на экран.

— Населявшие этот участок пространства вот это местечко называли «Пасть». Это очень важно, потому что только с Трентора оно действительно выглядит похожим на пасть.

То, на что он показывал, представляло собой просвет в теле туманности, очерченный в форме извилистой, усмехающейся пасти в профиль, подчеркнутый ярким, величественным сиянием звезд, наполнявших его.

— Следуйте взглядом вдоль «Пасти». Видите — дальше она сужается, переходит как бы в «пищевод», что ли, — вот в эту тоненькую ниточку света.

Изображение на экране вновь увеличилось и продолжало увеличиваться до тех пор, пока темная туманность, окружавшая «Пасть», не заняла весь экран, — только тонкая световая ниточка тянулась по ней, и указательный палец Ченниса безмолвно следовал к тому месту, где она обрывалась, — к точке, где мерцала одна-единственная, последняя звезда. Здесь его палец остановился. Дальше была только темнота, мрачная, мертвенная темнота.

— «Конец звезд», — просто сказал молодой человек. — Ткань туманности в этом месте тонка — свет одной-единственной звезды проникает сквозь нее, посылая лучи в одном-единственном направлении — к Тренторе.

— Вы хотите сказать, что... — начал генерал и замолчал, пораженный собственной догадкой.

— Да не хочу сказать, а так вот прямо и говорю: «Конец звезд» — Конзвездия.

Вспыхнул свет. Звезды на экране померкли. В три шага Притчер оказался рядом с Ченнисом.

— Как вы до этого додумались?

Ченнис откинулся на спинку кресла. На лице его играла самодовольная улыбка.

— Совершенно случайно! Конечно, мне было бы приятнее сообщить вам, что это — плод напряженного умственного труда, но на самом деле вышло все абсолютно случайно. Однако как бы то ни было, все сходится. Судя по нашим справочникам, Конзвездия является олигархией. Она правит двадцатью семью обитаемыми планетами. В научном отношении — полный ноль. И самое главное — это мир, который придерживается строжайшего нейтралитета в местной политике этого региона и не проводит никакой экспансии. Думаю, стоит взглянуть на них поближе.

— А Мулу вы об этом сообщили?

— Нет. И не собираюсь. Мы уже в космосе и вот-вот совершим первый прыжок.

Притчер, не веря собственным ушам, бросился к пульту видового иллюминатора. Когда он отладил изображение, глаза его встретились с холодной пустотой пространства. Он, не отрываясь, смотрел перед собой несколько мгновений, потом обернулся. Рука его автоматически легла на тяжелый, удобный, привычный приклад бластера.

— По чьему приказу?

— По моему приказу, генерал, — как ни в чем не бывало ответил Ченнис, впервые обратившись к спутнику, упомянув его звание. — Пока мы с вами тут беседовали, вы, вероятно, увлеклись и не почувствовали ускорения, поскольку в этот момент я как раз увеличил изображение на экране «Линзы», и вы, конечно же, приняли это за иллюзию, кажущееся передвижение меж звезд.

— Ну и чего вы добиваетесь? К чему был тогда весь этот треп насчет Конзвездии?

— Никакого трепа. Все совершенно серьезно. Именно туда мы и отправляемся. Мы стартовали сегодня, потому что до старта оставалось целых три дня. Генерал, вы не верите во Вторую Академию, а я верю. Вы просто, не веря ни во что, слепо выполняете приказы Мула. Я же чувствую серьезную опасность. У Второй Академии было пять лет на приготовления. Насколько они подготовились, я не знаю, но что, если у них были агенты в Калгане? Если бы я разгуливал там, нося в мозгу догадку о том, где находится Вторая Академия, они запросто могли бы это обнаружить. Тогда моя жизнь повисла бы на волоске, а я, признаться, ею очень дорожу. Вероятность такого стечения обстоятельств, возможно, мизерна, но я все-таки предпочел не рисковать. Поэтому в итоге о Конзвездии не знает никто, кроме вас, а вы узнали об этом тогда, когда мы были уже в космосе.

Ченнис иронично улыбнулся, всем своим видом показывая, что ему приятно чувствовать себя хозяином положения.

Рука Притчера сползла с приклада бластера. На какое-то мгновение его охватило чувство неловкости. Почему же он ничего не сделал? Что ему мешало? Что сдерживало его? Ведь было время, когда он был мятежным, непокорным капитаном в коммерческой Империи, созданной Первой Академией. Тогда-то уж точно скорее он, чем Ченнис, предпринял бы такую смелую, дерзкую акцию. Неужели Мул прав? Неужели его разум настолько подчинен, что утратил всякую инициативу? Отчаяние все сильнее охватывало его, наваливалась страшная, непривычная усталость. Справившись с собой, он сказал:

— Отлично сработано. Тем не менее попрошу вас на будущее консультироваться со мной при принятии подобных решений.

Не успел он произнести последнее слово, как замигала сигнальная лампочка.

— Это из двигательного отсека, — небрежно сооб-

щил Ченнис. — У них была объявлена пятиминутная готовность, и я попросил их дать мне знать, если что-то будет не в порядке. Останетесь здесь — держать оборону?

Притчер кивнул. «Мне скоро пятьдесят», — с горечью признался он сам себе. На экране обзора мерцали редкие звезды. В тумане виднелся край Галактики.

Если бы только он был свободен от Мула!

Но от этой мысли у него по спине забегали мурашки...

Главный инженер Хакслейни бросил неприязненный взгляд на молодого, одетого в гражданское человека, который вел себя так, будто был офицером флота, и держался так, что все должны были ему повиноваться. Хакслейни, помнивший себя на службе в регулярных войсках с тех пор, когда у него еще молоко на губах не обсохло, привык к субординации совершенно определенного рода.

Но этого человека назначил Мул, а за Мулом было последнее слово. И в этом случае — единственное. Даже подсознательно у Хакслейни не возникало никакого протеста. Эмоциональный контроль работал четко.

Не сказав ни слова, он протянул Ченнису маленький яйцеобразный предмет.

Ченнис взял его и ободряюще улыбнулся:

— Вы из Академии, не так ли?

— Да, сэр. Я служил во Флоте Академии восемнадцать лет к тому времени, как к власти пришел Первый Гражданин.

— Какое образование вы получили в Академии?

— Я инженер-технолог Первого Класса. Учился в Центральной Школе Анакреона.

— Недурно. Это вы нашли в коммуникационном блоке, как я и предполагал?

— Да, сэр.

— Эта штука и должна там находиться?

— Нет, сэр.

— Тогда что это такое?

— Гипертрейсер, сэр.

— Непонятно. Я ведь не из Академии. Поясните.

— Это устройство, позволяющее следить за кораблем через гиперпространство.

— Иначе говоря, за нами можно следить, где бы мы ни находились?

— Да, сэр.

— Отлично. Новейшее изобретение, судя по всему? Не иначе как придумано в каком-нибудь из исследовательских институтов, созданных Первым Гражданином?

— Скорее всего, сэр.

— Принцип его действия — государственная тайна. Так?

— Думаю, да, сэр.

— И тем не менее — вот он. Забавно.

Ченнис повертел гипертрейсер в руках и резко протянул его инженеру.

— Тогда вот что. Возьмите его и положите туда, где нашли. На то самое место. Ясно? И забудьте об этом. Навсегда!

Главный инженер автоматически отдал честь, резко повернулся и вышел.

Корабль несся черрез Галактику. Курс его на символической карте представлял собой широкую пунктирную линию. Черточки означали расстояния примерно в шестьдесят световых секунд, преодолеваемых в обычном пространстве, а расстояния между ними составляли более ста световых лет. Это были прыжки через гиперпространство.

Бейл Ченнис сидел у контрольной панели «Линзы» и в очередной раз восхищался совершенством ее конструкции. Он был не из Академии, и для него осознание взаимодействия сил, происходившего после нажатия очередной кнопки или поворота рычажка, не было так уж привычно.

«Линза» и для бывалого человека из Академии, честно говоря, не была проста и понятна. Внутри ее невероятно компактного корпуса помещалось неимоверное количество электронных блоков, необходимых для точного размещения сотен миллионов звезд на соответствующем расстоянии друг от друга. И как будто одно это само по себе не было величайшим достижением, «Линза», кроме того, была способна осуществлять вращение картины любой части галактического поля в трех измерениях или вокруг центра.

Именно поэтому «Линза» произвела настоящую революцию в космической навигации. В прежние времена межзвездных странствий расчет каждого прыжка заключался в колоссальном объеме работы, занимавшей дни и недели, — и большая часть этого труда состояла в более или менее точном расчете «положения корабля» на масштабной модели Галактики, фактически это означало ориентацию относительно как минимум трех далеко отстоящих друг от друга звезд, положение которых относительно произвольно избранного галактического тройственного нуля было известно.

Но именно понятие «известно» и было в некотором смысле ловушкой. Для всякого, кто хорошо знает звездное поле от одной определенной точки отсчета, ясно, что звезды так же неповторимы, как люди. Прыгните на десяток парсеков, и даже ваше собственное солнце станет неузнаваемым. Оно может даже оказаться невидимым.

Ответ на эти вопросы дал, безусловно, спектроскопический анализ. В течение веков главной задачей межзвездной инженерии был анализ «световых позывных» все большего и большего числа звезд во все более и более тонких подробностях. Учитывая это, а также и все возрастающую точность прыжков самих по себе, были разработаны стандартные маршруты передвижения по Галактике, и межзвездные путешествия стали в большей степени наукой, чем искусством.

И тем не менее даже во времена расцвета Академии, когда было достигнуто совершенство конструкций вычислительной техники, был разработан новейший метод механического сканирования звездных полей для известных «световых позывных»; иногда уходили целые дни на то, чтобы определить координаты трех звезд, а затем рассчитать координаты регионов Галактики, до того пилоту неизвестных.

«Линза» стала устройством, коренным образом изменившим положение дел. Во-первых, для всех расчетов «Линзе» требовались координаты одной-единственной звезды. Во-вторых, с ней запросто мог управляться даже такой дилетант в вопросах космоплавания, как Ченнис.

Ближайшей звездой в тот момент была Винцетори — в соответствии с данными расчета прыжка. В центре видеоэкрана горела яркая звезда. Ченнис очень надеялся, что это была Винцетори.

Экран «Линзы» принял информацию с экрана обзора, и Ченнис старательно набрал на пульте координаты Винцетори. Нажал кнопку, и звездное поле ярко засветилось на экране. В центре экрана обозначилась звезда, горевшая ярче других, но это еще ни о чем не говорило. Рядом была другая. Ченнис сфокусировал экран по оси Z, увеличил изображение и отладил фотометр, чтобы обе звезды стали одинаковой яркости.

Ченнис поглядел на вторую звезду, тоже довольно яркую на экране обзора, и нашел соответствующую ей на экране «Линзы». Медленно развернул изображение на экране «Линзы» под соответствующим углом. Скривил рот в недовольной усмешке — результат его явно не устроил. Снова развернул изображение — оценил расположение второй яркой звезды, потом — на всякий случай — еще одной. Довольно улыбнулся. Все сходилось. Возможно, специалисту, искушенному в астронавигации, хватило бы и одной попытки. Ему понадобилось три.

Итак, наводка осуществлена. После окончательной операции поля наложились друг на друга. При этом многие звезды как бы двоились. Но коррекция наводки не отняла много времени. Сдвоенные звезды соединились, осталось одно поле, и «положение корабля» можно было спокойно считать на табло. Вся процедура заняла не более получаса.

Ченнис нашел Притчера в его каюте. Генерал явно собирался спать. Не вставая с кушетки, он поднял взгляд на Ченниса.

— Новости?

— Да нет, ничего особенного. Еще один прыжок — и мы в Конзвездии.

— Знаю.

— Вы собрались отдохнуть, и мне не хотелось бы вам надоедать. Я только хотел спросить: вы просмотрели пленку, которую мы добыли в Циле?

Хэн Притчер бросил угрюмый взгляд на предмет разговора — пленка в черном футляре лежала на нижней полке книжного шкафа.

— Да.

— Ну и что скажете?

— Скажу, что, если когда-либо в истории и существовала какая-нибудь наука, в этой части Галактики она напрочь забыта.

Ченнис широко улыбнулся:

— Понятно. Мартышкин труд, хотите сказать?

— Ну, в общем, да, если только вы не любитель почитывать на досуге жизнеописания правителей. Информация ненадежна по двум причинам, я бы сказал. Там, где история занимается в основном ролью отдельных личностей, черное становится белым, а белое — черным в зависимости от склонностей автора. Я считаю, что такое чтение абсолютно бесполезно.

— Однако там есть упоминание о Конзвездии. Именно поэтому я и передал вам пленку. Это, кстати, единственный материал, где я нашел хоть что-то о ней.

— Да, конечно. Там говорится, что у них бывали хорошие правители, а бывали и плохие, что они завоевали сколько-то планет, выиграли сколько-то сражений, сколько-то проиграли — проиграли, естественно, меньше, чем выиграли. Ничего конкретного. Короче говоря, Ченнис, ваша теория меня не слишком впечатляет.

— Но вы кое-что упустили. Вы не обратили внимания на то, что у них никогда не образовывались коалиции? Они все время оставались как бы вне политики этого уголка Галактики. Как вы сказали, они захватили несколько планет, но потом прекратили завоевания — и это произошло в отсутствие каких-либо драматических поражений или их последствий. Как будто они распространили свое влияние достаточно для того, чтобы суметь защитить себя, но недостаточно для того, чтобы привлекать к себе внимание.

— Прекрасно, — последовал равнодушный ответ. — Я не возражаю против посадки. В худшем случае — небольшая потеря времени.

— О нет. В худшем случае — полное поражение. Если это все-таки Вторая Академия. Не забывайте, что это может быть мир, в котором черт знает сколько Мулов.

— И какие же у вас планы?

— Высадиться на какой-нибудь второстепенной планете. Разузнать как можно больше о Конзвездии, а потом — импровизировать.

— Нормально. Возражений нет. А теперь, если не возражаете, мне бы хотелось выключить свет.

Ченнис исчез в двери, помахав рукой на прощание. В темноте крошечной каютки, на островке из движущегося металла, затерянном в бесконечности пространства, генерал Хэн Притчер тщетно пытался уснуть — он думал, думал, думал...

Все-таки уму непостижимо. Если все, к чему он так болезненно пришел, было правдой... но факты начинали сходиться... значит, Конзвездия — действительно Вторая Академия... Выхода не было. Но как? Как?

Неужели это действительно Конзвездия? Самый обычный мир? В котором нет ничего выдающегося? Хижина на руинах Империи? Обломок среди груды хлама? Он помнил, очень смутно, отдаленно, сморщенное лицо Мула, его тихий голос, рассказывающий о психологе из Первой Академии, Эблинге Мисе, единственном человеке, который — может быть — узнал тайну Второй Академии.

Притчер вспомнил о том, с каким значением Мул произносил фразы типа: «Было такое впечатление, что Мис был просто поражен, потрясен тем, что он узнал. Что-то он узнал о Второй Академии, что превзошло все его ожидания, повернуло его мысли в абсолютно противоположном направлении. Если бы я мог прочитать его мысли так, как мог читать эмоции! Однако его эмоции были в обычном состоянии — только вот это его удивление!»

Ключом ко всему было удивление. Что-то там было такое потрясающее! А теперь вот откуда ни возьмись появился этот мальчишка, этот вечно улыбающийся сосунок, с превеликой легкостью рассуждающий о Конзвездии, о ее незаметной аномальности... Но он скорее всего прав. *Скорее всего*. Иначе все остальное лишено смысла.

Последняя мысль Притчера перед тем, как он наконец заснул, была окрашена самодовольным злорадством. Гипертрейсер был на месте — лежал на субэфирной трубке. Час назад он проверил, там ли он. Ченниса в это время поблизости не было.

Вторая интерлюдия

Это была случайная встреча в кулуарах приемной Палаты Совета. До начала заседания оставалось всего несколько минут. Двое встретившихся быстро обменялись мыслями.

— Значит, Мул уже в пути.

— Я тоже слышал. Рискованно. Очень рискованно.

— Не сказал бы, чтобы события укладывались в рамки рассчитанных функций.

— Мул — неординарный человек, и против него трудно действовать даже его оружием. Да, тяжко иметь дело с контролируемыми умами. Говорят, он засек несколько случаев.

— Да, и я не представляю, как этого избежать.

— С «необработанными» легче. Но таких очень мало среди людей, занимающих при нем важные посты.

Двое вошли в Палату. Остальные сотрудники Второй Академии последовали за ними.

Глава 3

ДВОЕ ПЛЮС КРЕСТЬЯНИН

Россем — один из тех пограничных миров, которым традиционно не уделялось особого внимания в истории Галактики. Живущие здесь редко принимали гостей из менее забытых богом миров.

В те дни, когда Галактическая Империя доживала свой век, здесь отбывали ссылку несколько политических преступников. Только обсерватория да небольшой флотский гарнизон делали планету не совсем необитаемой. Позднее, в тяжкие дни сражений, еще до рождения Гэри Селдона, более слабые духом люди, уставшие за десятилетия непрерывной опасности и страха, изможденные жизнью на истощенных планетах в условиях призрачной смены эфемерных императоров, локтями пробивавших себе дорогу к трону, чтобы воссесть на нем на пару-тройку порочных и бесплодных лет, покидали населенные центры, чтобы найти приют в менее заброшенных уголках Галактики.

На открытых всем ветрам пустошах Россема там и сям были разбросаны сирые деревушки. Солнце Россе-

ма — крошечный красный карлик, тепла которого едва хватало для него самого. Девять месяцев в году здесь шел снег. Тощие зерна местных злаков тоскливо дремали в земле все эти месяцы напролет. Когда снег таял, они начинали расти с панической быстротой в те короткие месяцы, когда солнце лениво поднимало температуру примерно до пятидесяти градусов.

Маленькие, напоминавшие коз животные паслись на чахлых лугах, разбивая снег крошечными копытцами, оставлявшими следы, похожие на трилистник клевера.

У живущих на Россеме была, следовательно, пища — хлеб и молоко. А когда они позволяли себе забить животное — то и мясо. Мрачные, зловещие леса, занимавшие примерно половину экваториальной области, давали прочное, твердое дерево для постройки домов. Это дерево, кое-какие меха и полезные ископаемые были предметами экспорта, и время от времени на Россем наведывались корабли из Империи, доставлявшие в обмен сельскохозяйственное оборудование, атомные обогреватели и даже телевизоры. Последние отнюдь не были роскошью, поскольку помогали крестьянам скоротать долгие нудные зимы.

Имперская история пролетала мимо россемских крестьян. Новости они узнавали только от вечно куда-то торопившихся торговцев. Иногда прибывали новые партии ссыльных. Как-то сюда выслали довольно большую партию, которая так и осела на Россеме навсегда.

Вот тогда-то россемиты и узнали о том, что идут сражения за сражениями, об исчезнувших поколениях, о смене императоров-тиранов, о мятежах вице-королей. Они вздыхали, качали головами, поднимали повыше меховые воротники и задумчиво чесали длинные бороды, посиживая на деревенских площадях под тусклыми лучами ленивого солнца и рассуждая о бренности всего сущего.

Потом перестали прилетать и торговые корабли, и жизнь стала еще трудней. Прекратились поставки делика-

тесов, табака, машин. Те, у кого были телевизоры, сообщали остальным отрывочные, но весьма тревожные новости. В конце концов все узнали о том, что пал Трентор. Великая столичная планета Галактики, великолепный, многоэтажный, недоступный, несравненный мир, колыбель Императоров, была разрушена, превращена в руины.

В это было трудно, невозможно поверить, и для многих крестьян на Россеме, ковырявших мерзлую землю своих полей, это означало начало конца Галактики.

И вдруг, в один прекрасный день, снова прилетел корабль. Старики во всех деревнях мудро закивали головами и зашептали друг другу, что вот так оно и было во времена их отцов, — но на самом деле все было совсем не так.

Корабль был не имперский. На его обшивке не было старинной эмблемы Империи — «Звездолет и Солнце». Это было довольно-таки корявое сооружение, собранное из остатков старых кораблей, а люди, прилетевшие на этом корабле, называли себя солдатами из Конзвездии.

Крестьяне недоумевали. Они сроду не слышали ни о какой Конзвездии, но тем не менее приветствовали солдат с традиционным гостеприимством. Прибывшие подробно расспрашивали их о планете. Их интересовало, каково население, сколько городов — крестьяне объясняли, что городов у них нет, только деревни, и это очень удивило прибывших, — какая у них промышленность, ну и так далее.

Потом прилетели и другие корабли, и повсюду на стенах появились прокламации, извещавшие о том, что отныне правящим миром является Конзвездия, что в районе экватора — то есть в самом густонаселенном — будут организованы пункты сбора налогов и что туда следует сдавать определенный процент сбора урожая и мехов ежегодно.

Россемиты читали прокламации и молча моргали, не понимая значения слова «налоги». Когда же настало время сбора налогов, одни их уплатили, а другие — нет, поскольку якобы ничего не знали не ведали. Сборщики налогов грузили зерно и шкурки на широкие, приземистые грузовики.

Тут и там недовольные крестьяне стали собираться в группы и доставали на свет божий древнее охотничье оружие — но это так ничем и не кончилось. Они поворчали и разошлись по домам, когда стали прибывать все новые и новые солдаты из Конзвездии и сборщики налогов, и жизнь их, и без того тяжелая, становилась все тяжелее и тяжелее.

Были установлены новые порядки. Губернатор из Конзвездии окопался в деревушке Джентри, из которой незамедлительно были выселены все россемиты. Он и его приспешники были призрачными пришельцами из другого мира, редко ступавшими в места обитания аборигенов. Сборщики налогов, которые теперь назначались из местных, периодически появлялись в деревнях, но к ним уже успели привыкнуть, и крестьяне научились вовремя прятать зерно и угонять скот в леса и создавать в своих домах обстановку, далекую от процветания. Крестьяне со скучающими, невыразительными физиономиями выслушивали резкие вопросы и разводили руками — вот, дескать, все что есть, не взыщите.

Они добились-таки своего. Налоги были снижены, как будто Конзвездия особо и не ждала ничего от этого нищего мира. Жители Россема больше не получали взамен красивых блестящих приспособлений времен Империи, но все-таки даже конзвездианская пища и конзвездианские машины были получше их собственных. Кроме того, конзвездианцы привозили кое-какие платья для женщин, сшитые из ткани покрасивее, чем серое домотканое рядно, что было весьма немаловажно.

А галактическая история снова потекла мимо, и крестьяне продолжали борьбу за жизнь, ковыряя почти бесплодную землю Россема.

Выйдя на порог своего домика, Нарови выдохнул облачко пара. Густая борода его сразу покрылась инеем. Первый снег укрыл замороженную землю, небо было грязно-розового цвета. Он внимательно поглядел вверх и решил, что, пожалуй, сильного ветра сегодня не будет. Это означало, что он может спокойно отправиться в Джентри и обменять там излишки зерна на нужное количество консервированных продуктов, чтобы как-то протянуть зиму.

Он прорычал в щелку приотворенной двери:

— Горючее в бак залил, олух?

В ответ ему крикнули что-то неразборчивое, и на пороге появился старший сын Нарови, у которого только-только начала пробиваться рыжеватая бородка. Физиономия у него была совсем мальчишеская.

— Машина заправлена, — сонным голосом сообщил он отцу. — И ездит ничего себе. Только оси маленько барахлят. Но тут уж я не виноват. Я же говорил, нужно показать тому, кто разбирается.

Старик отступил немного назад и угрюмо смерил сына с головы до ног суровым взглядом, выставив вперед мохнатый подбородок.

— Не ты виноват, а кто — я, что ли? Откуда взять того, кто разбирается? На какие шиши? Или мы пять лет подряд не собирали урожай — курам на смех? Или чума не покосила половину скота? Или шкурки облезли сами собой?

— Нарови! — прервал речь старика женский голос из дома.

— Ну-ну, — пробурчал старик, — сейчас твоя матушка будет вмешиваться в мужской разговор. Выведи машину да посмотри, чтобы прицеп был закреплен как следует!

Он сложил на груди руки в теплых перчатках и еще раз взглянул на небо. Начали собираться грязноватые кучевые облака. Солнце скрылось за ними.

Он готов был уже опустить взгляд, как вдруг заме-

тил нечто, заставившее его широко раскрыть рот. Опомнившись, он заорал во всю глотку:

— Жена! Старуха! Да поди же сюда!

В окне появилось заспанное лицо. Взгляд женщины устремился туда, куда показывал палец супруга. Разразившись испуганным воплем, она выскочила из дома и сбежала по ступенькам крыльца, на ходу кутаясь в старое одеяло. Натянув его на нечесаную седую голову, она остановилась рядом с мужем.

— Корабль, — хрипло проговорила она. — Корабль издалека.

Нарови сердито буркнул:

— А что же еще? Гости к нам пожаловали, старуха, гости!

Корабль медленно опускался на голое мерзлое поле на северной окраине владений Нарови.

— Но что же нам делать-то? — вздохнула старуха. — Разве мы можем оказать гостеприимство этим людям? Разве мы можем уложить их спать на грязный пол в нашей хижине и угостить их остатками пирога, испеченного на прошлой неделе?

— А что же, прикажешь к соседям их отправлять? Ну уж нет...

Нарови потер зарумянившиеся от мороза щеки рукавом меховой куртки и обнял плечи жены.

— Дорогая моя супружница, — промурлыкал он ласково, — пойди-ка принеси вниз два стульчика из нашей комнаты, зажарь молодого козленка да приготовь свежий пирог. А я пойду и встречу этих могущественных пришельцев издалека и... и... — Тут он замолчал, натянул поглубже лохматую шапку и торопливо добавил: — Да не забудь принести из погреба кувшин пивка. Очень способствует душевной беседе.

Пока муж говорил, губы старухи беззвучно двигались. Она так ничего и не сказала, только горько вздохнула. Нарови многозначительно поднял указательный палец:

— Старуха, да ты вспомни, что когда-то говорили наши Старейшины? Ну? Пошевели мозгами-то! Старейшины ходили из деревни в деревню — сами! Ты только покумекай, как это важно! Они сами просили нас, чтобы мы, ежели откуда ни возьмись прилетит хоть какой ни на есть корабль, немедля сообщили об этом Старейшинам — это же приказ самого Губернатора!

Так что же мне теперь, упускать такой случай выслужиться перед властями? Ты разуй глаза-то, на корабль погляди! Ты когда-нибудь такой видала? Эти люди из другого мира наверняка великие и богатые. Сам Губернатор отдал приказ насчет таких, как они, сами Старейшины ходят с фермы на ферму, хотя уже здорово похолодало. Наверно, по всему Россему знают, что этих людей хотят видеть правители Конзвездии, — а они приземляются не где-нибудь, а прямехонько на моей ферме! Соображаешь, старуха?

Он был так возбужден, что чуть не прыгал на месте.

— Так что, как я сказал, так и сделаем — окажем им соответствующее гостеприимство — а потом... мое имя узнает сам Губернатор — и... чем черт не шутит?!

Жена наконец почувствовала, что на улице довольно-таки холодно. Зябко кутаясь в тонкое ветхое одеяло, шаркая шлепанцами, она побрела к двери, на самом пороге обернулась и крикнула через плечо:

— Раз так, поторапливайся!

А Нарови уже во всю прыть несся на своей видавшей виды колымаге по направлению к приземлившемуся кораблю...

На генерала Притчера ни холод незнакомой планеты, ни ее суровые, пустынные небеса угнетающего впечатления не произвели. Ничуть его не взволновали ни нищета ее обитателей, ни сам вспотевший от усердия хозяин.

Его волновало одно: хитрость их тактики. Ведь они с Ченнисом были тут совсем одни.

Корабль они оставили на орбите, что в обычных обстоятельствах означало бы гарантию безопасности, но тут он чувствовал себя не слишком уверенно, поскольку за все, что было связано с кораблем, отвечал Ченнис. Он украдкой взглянул на молодого красавца. Тот любезно улыбался пожилой женщине, появившейся в этот момент в дверном проеме, завешанном драной шкурой.

Да, Ченнис, напротив, вел себя исключительно непринужденно. Это слегка успокоило Притчера. Игра пока шла как будто не так, как задумал Ченнис. Но они все-таки могли держать связь с кораблем с помощью миниатюрных раций, пристегнутых на запястье.

Хозяин неправдоподобно широко улыбнулся, закивал головой и сказал голосом подобострастно-масленым:

— Благородные Господа, с превеликой радостью я сообщаю вам о том, что мой старший сын, которому наша нищета не позволяет получить достойное его ума и способностей образование, сообщил мне, что скоро сюда прибудут Старейшины. Я надеюсь, что ваше пребывание у меня было приятным, насколько позволяет судить мой слабый ум — ведь я всего лишь презренный нищий фермер, хотя и работаю в поте лица. Но я честный человек — это вам тут всякий скажет, и я сделал для вас все, что было в моих силах.

— Старейшины? — спросил Ченнис непринужденно. — Это люди, управляющие здешней областью?

— Да, да, Благородные Господа! Они — честные, достойные люди — все, все. И скажу не без гордости — наша деревня всему Россему известна своей добропорядочностью и честностью, хотя жизнь тут у нас тяжелая, и урожаи плохие, и леса скудные. Может быть, вы не откажетесь намекнуть Старейшинам, Благородные Господа, о том, что я вас принял как подобает, — тогда я смог бы попросить у них новую машину, фургончик для фермы — вы же сами видали мою развалюху. А без машины, сами понимаете, — как без рук.

Он заискивающе поглядывал по очереди на гостей,

и Хэн Притчер благосклонно кивнул в ответ — со всей торжественностью, которую на него накладывала роль «Благородного Господина».

— Безусловно, мы расскажем вашим Старейшинам о вашем гостеприимстве.

На некоторое время они остались наедине с Ченнисом, и Притчер воспользовался этим. Он шепнул полусонному от еды и выпивки спутнику:

— Что-то я не в восторге от этой затеи со Старейшинами. А вы? Вы-то что думаете?

Ченнис, казалось, был искренне удивлен подозрительностью Притчера.

— Ничего не думаю. А вы что так разволновались? У нас тут есть дела поважнее, чем излишняя подозрительность.

Ченнис быстро, монотонно проговорил:

— Позднее, позднее подозрительность нам не повредит. Людей, которые нам нужны, Притчер, мы не найдем, наугад шаря рукой в мешке. Люди, которые правят силой разума, вовсе не обязательно на вид должны казаться сильными и могучими. Во-первых, психологи из Второй Академии скорее всего составляют небольшую часть здешнего населения — точно так же, как в вашей собственной Первой Академии инженеры и ученые составляли меньшинство. А обычное население — оно и должно так выглядеть — обычное, подчеркиваю. Психологи скорее всего здорово скрываются. А те, кто с виду тут правит, могут честно и откровенно полагать, что правят именно они. И задача наша может быть решена именно здесь, на этом мерзком клочке заброшенной планеты.

— Не вижу никакой логики.

— Господи, да пошевелите вы мозгами, это же чертовски очевидно! Конзвездия, вероятно, представляет собой довольно обширный мир, населенный миллионами, сотнями миллионов людей. Как мы можем определить, кто из них психологи, и с полной ответственно-

стью сообщить Мулу, что мы нашли Вторую Академию? Только здесь, на этой крошечной планете, крестьянской, порабощенной, все конзвездианские правители, как сообщил наш гостеприимный хозяин, сконцентрированы в одной-единственной деревеньке под названием Джентри. Их тут всего-навсего, наверное, тысяча наберется, и среди них наверняка должен быть хоть один — а может, и не один представитель Второй Академии. Туда мы непременно отправимся, а пока давайте встретимся со Старейшинами — это абсолютно логичный шаг.

Они слегка отодвинулись друг от друга, как только на пороге комнаты появился заметно взволнованный хозяин.

— Благородные Господа, Старейшины приближаются. Я позволю себе еще раз нижайше просить вас замолвить обо мне словечко.

Кланяясь, он согнулся пополам.

— Конечно, конечно, замолвим, — заверил Ченнис. — Это и есть ваши Старейшины?

Скорее всего это они и были. Их было трое. Один подошел поближе. Торжественно кивнул и сказал:

— Мы польщены оказанной нам честью. Благородные Господа, машина ждет вас. Вы окажете нам еще большую честь, если согласитесь встретиться с нами в Зале Встреч.

Третья интерлюдия

Первый Оратор задумчиво глядел на ночное небо. Легкие облака неслись куда-то вдаль мимо бесчисленных звездных скоплений. Странной враждебностью веяло от небес. Они и никогда не были слишком дружелюбны, но теперь в их глубинах таилось странное создание — Мул, и от этого небеса казались еще более неприятно пугающими и темными.

Заседание окончилось. Оно получилось коротким.

Были высказаны кое-какие сомнения, возникли кое-какие вопросы, связанные со сложностью математических выкладок проблемы воздействия на мутанта с неограниченными психологическими способностями. Должны были быть учтены все крайние пермутации.

И все-таки — все ли они учли? Могли ли они быть спокойны? Где-то там, далеко, но не так уж недостижимо далеко, по современным понятиям о скорости, был Мул. Что он собирался делать?

С его людьми особых проблем не было. Они среагировали и продолжали реагировать в соответствии с Планом.

Но сам Мул?

Глава 4

ДВОЕ ПЛЮС СТАРЕЙШИНЫ

Старейшины в этом районе Россема были какие-то нетипичные. Они не производили впечатления людей некрестьянского происхождения, не казались ни более старыми, ни менее дружелюбными.

Подчеркнутое достоинство, с которым они повели себя в начале встречи с чужестранцами, постепенно возрастало, и в конце концов в их поведении, кроме этого достоинства, ничего не осталось.

Они сидели вокруг овального стола — задумчивые и медлительные мудрецы. Некоторые из них действительно были преклонного возраста, однако у бородатых бороды были коротко и аккуратно подстрижены. Довольно многие между тем выглядели моложе сорока, из чего можно было сделать вывод, что звание «Старейшины» скорее подчеркивало не возраст, а некое уважительное отношение.

После скромной трапезы и обмена приветственными речами, произнесенными со стороны хозяев двумя, видимо, наиболее уважаемыми из Старейшин, собрание перешло к неофициальной беседе.

Складывалось впечатление, что Старейшинам просто-таки невтерпеж поскорее покончить с формальной частью и дать волю естественному любопытству и дружелюбию.

Они подсели поближе к гостям, и вопросы посыпались как из рога изобилия.

Их интересовало буквально все: трудно ли управлять кораблем, сколько для этого нужно человек, можно ли усовершенствовать моторы их автомобилей, идет ли в других странах снег, как в Конзвездии, сколько народу живет в их мире, так ли он велик, как Конзвездия, далеко ли он, из чего сшита их одежда и почему у нее металлический отлив, почему они не одеваются в меха, каждый ли день они бреются, какой камень вставлен в перстень Притчера — и так далее и тому подобное.

Почти все вопросы адресовались Притчеру — видимо, судя по возрасту, они наделили его большими полномочиями. Притчер с удивлением замечал, что его ответы становятся все более пространными. Он чувствовал себя окруженным толпой любопытных детей. Его ответы вызывали у них неподдельное удивление и новые вспышки жаркого интереса. Трудно было не откликнуться.

Притчер объяснял, что кораблем управлять несложно и что состав команды зависит от размеров корабля — может быть один пилот, а может быть и много народу; что он пока не видел, как устроены их автомобили, но что двигатели наверняка можно усовершенствовать; что климат в разных мирах разный и кое-где тоже идет снег; что в его мире живет более ста миллионов человек, но что он, конечно, не так могуч, как великая Конзвездия; что их одежда сшита из силиконового пластика, а металлический отлив у нее потому, что в ткани особым образом сориентированы поверхностные молекулы, что обеспечивает искусственный подогрев и поэтому им не нужны теплые меха; что бреются они каждый день; что в перстень его вставлен аметист. И так далее и тому подобное. Он отвечал и отвечал и, к своему удивлению, чувствовал, что ему все больше и больше нравятся эти наивные провинциалы.

Всякий раз после очередного ответа Старейшины разражались удивленными возгласами и переговаривались между собой. Понять, о чем именно они говорят, было трудно, потому что, хотя разговор и шел на универсальном общегалактическом языке, акцент был кошмарный. Видимо, язык их стал архаичным за счет долгой изоляции. То есть общий смысл их высказываний был более или менее понятен, но оттенки смысла терялись.

Наконец Ченнис не выдержал и вмешался:

— Добрые господа, позвольте же и нам спросить вас кое о чем. Мы — чужестранцы, и нам хотелось бы узнать как можно больше о Конзвездии.

Ответом ему было гробовое молчание. Все Старейшины затихли как по команде. Руки их, дотоле активно сопровождавшие их речи, застыли на коленях. Они обескураженно поглядывали друг на друга, надеясь, очевидно, что кто-нибудь заговорит первым.

Притчер мягко пояснил:

— Уверяю вас, мой друг интересуется вашей страной из самых миролюбивых побуждений. Слава Конзвездии широко известна в Галактике, и мы, несомненно, сообщим вашему Губернатору о верности и любви к нему Старейшин Россема.

Вздохов облегчения в ответ не послышалось, однако лица Старейшин немного просветлели. Один из них разгладил бороду большим и указательным пальцами, стараясь подровнять упрямые завитки, и торжественно произнес:

— Мы — верные слуги правителей Конзвездии.

Раздражение Притчера, вызванное неосторожным вопросом Ченниса, постепенно утихло. По крайней мере, он с удовлетворением отметил, что собственный возраст, о котором он недавно думал с горечью, не ли-

шил его способности сглаживать острые углы. Опыт, как ни крути.

Он продолжал:

— Проживая далеко отсюда, мы незнакомы с прошлой историей правителей Конзвездии. Мы полагаем, что они милостиво правят здесь уже долгое время.

Ответил ему тот же Старейшина:

— Даже дед самого старого из нас не сможет припомнить времен, когда правителей из Конзвездии тут не было.

— Это были времена мира и спокойствия?

— Времена мира и спокойствия? — вскричал Старейшина и сам испугался. — Губернатор — сильный и могущественный правитель, который безжалостно накажет всякого изменника. Но никто из нас здесь не изменник.

— Вероятно, в прошлом он наказывал изменников?

Снова испуг и растерянность...

— Среди нас никогда не было изменников, так же как их не было среди наших отцов и дедов. В других мирах были, и они были осуждены на смерть. Но мы об этом не помышляем. Мы скромные, честные фермеры и не думаем о делах политики.

По его испуганным глазам было видно, как он волнуется.

Притчер мягко проговорил:

— Не могли бы вы любезно сообщить нам, как нам встретиться с Губернатором?

Старейшины были не на шутку обескуражены. Прошло довольно долгое время, и наконец Старейшина, которому выпало отвечать на неловкие вопросы, проговорил:

— А вы разве не знаете? Губернатор прибудет сюда завтра утром. Он знает о вашем прибытии. Для нас это была большая честь. Мы... очень надеемся, что вы сообщите ему о том, что мы верой и правдой служим ему.

Притчер широко улыбнулся:

— Он знает о нашем прибытии? Он ожидал нас?

Старейшина удивленно посмотрел поочередно на обоих чужестранцев:

— А как же? Мы ждали вас целую неделю!

Жилище, в котором их поселили, видимо, по россемским понятиям, считалось роскошным. Во всяком случае, Притчер видал и похуже, поэтому слишком не расстраивался. Ченнису, казалось, вообще ни до чего не было дела.

Однако между ними возникла некоторая натянутость. Притчер чувствовал, что пора принять уже какое-то более или менее определенное решение, но обстоятельства вынуждали ждать. Повидаться с Губернатором означало довести игру до опасной черты, но зато выигрыш мог вдвое повысить шансы на успех в общем зачете. Он поглядывал на Ченниса и замечал, как тот все чаще хмурится и покусывает губы. Притчер чувствовал, что игра затянулась, и всей душой желал, чтобы все поскорей закончилось.

— Похоже, нас не очень-то жалуют, — не вытерпел он.

— Да, — коротко отозвался Ченнис.

— Вот как? И вы того же мнения? Больше вам сказать нечего? Хорошенькое дельце! Мы попадаем сюда и обнаруживаем, что Губернатор, оказывается, нас ждал. Потом окажется, что в Конзвездии нас тоже ожидают — ждут не дождутся. Что же толку от всей нашей миссии?

— Одно дело — ждать нас, а другое — знать, кто мы и зачем здесь.

— И вы полагаете, что это можно скрыть от людей из Второй Академии?

— Наверное. Почему бы и нет? А вы уже готовы спасовать? Допустим, наш корабль заметили на подлете. Разве у них не может быть пограничных наблюдательных постов? Даже если бы мы были просто путешественники, нами бы заинтересовались.

— Хорош интерес! Такой сильный, что Губернатор едет к нам собственной персоной!

Ченнис пожал плечами:

— Об этом можно подумать и потом. Сначала поглядим, что за птица этот Губернатор.

Ченнис обнажил зубы в усмешке. Неожиданно оживился:

— По крайней мере, одну вещь мы уже знаем. Либо Конзвездия — Вторая Академия, либо все свидетельства до одного ошибочны. Как, например, можно иначе объяснить тот страх, с которым аборигены говорят о Конзвездии? Не похоже, чтобы их тут слишком притесняли. Группы Старейшин, судя по всему, встречаются совершенно свободно, без всяких помех. Налоги, о которых они говорили, похоже, не слишком высоки, и опять-таки не чувствуется, чтобы их очень-то усердно собирали. Местные все говорят о нищете, но между тем не выглядят ни заморенными, ни голодными. Дома у них не слишком уютны и грубы, это правда, но скорее всего просто оправдывают свое предназначение.

Знаете, а мир довольно симпатичный. Раньше я никогда не сталкивался с такой суровой жизнью, но такое впечатление, что население не страдает. Как будто в суровой неприхотливости такого бытия есть некое устойчивое счастье, которого так не хватает обитателям технически развитых планет, где живут искусственно усложненной жизнью.

— У вас что же, склонность к пасторальным добродетелям?

— И рад бы, да не судьба!

Ченнис, казалось, был страшно доволен своими размышлениями.

— Я просто стараюсь подчеркнуть, как все это важно. Скорее всего Конзвездия — неплохой администратор. Неплохой в том смысле, что суть насаждаемых ею порядков в корне отлична от того администрирования, к которому привыкли в старой Империи или в Первой

Академии, да и в нашем собственном Союзе. Все эти структуры основаны на том, чтобы добиться подчинения любой ценой. Конзвездия дает своим подданным счастье и достаток. Разве вы не видите, что все их правление ориентировано иначе? Оно носит не физический, а психологический характер.

— Вот как? — иронично хмыкнул Притчер. — А как же ужас, с которым Старейшины говорили о наказании изменников этими добросердечными администраторами от психологии? Это как укладывается в вашу схему?

— Да их-то самих разве кто-нибудь наказывал? Они ведь говорили только о наказании каких-то абстрактных «других». Такое впечатление, что боязнь наказания им так здорово привита, что само наказание никогда не потребуется. Разрази меня гром — я уверен, что на планете нет ни одного конзвездианского солдата. Понимаете?

— Может быть, пойму, — холодно ответил Притчер, — когда увижу Губернатора. Кстати, вы не думаете, что наш собственный разум уже может быть под контролем?

— Вот уж к чему вам не привыкать, — грубо, презрительно парировал Ченнис.

Притчер заметно побледнел и неловко отвернулся. Больше они в этот день не разговаривали.

В тишине безветренной морозной ночи, слушая, как сладко посапывает его спутник, Притчер тихо настроил свою миниатюрную рацию на ультраволновой канал, к которому рация Ченниса не была подсоединена, и связался с кораблем. Ответ поступил в виде коротких, едва слышных звуков.

Притчер дважды спросил:

— Есть сообщения?

Ему дважды ответили:

— Пока никаких. Мы постоянно на связи.

Он встал с постели. В комнате было холодно, и он,

завернувшись в меховое одеяло, уселся в кресле перед окном и стал смотреть на звездное небо. Оно было так не похоже на небо его родной Периферии!

...Где-то там, меж звезд, был ответ на все вопросы, которые мучили его, и он очень хотел, чтобы все они поскорее разрешились.

На мгновение он задумался о том, прав ли Мул, — действительно ли «обработка» лишила его способности самостоятельно принимать какие-либо решения? Или это все-таки возраст и усталость, накопившаяся за последние годы?

Вообще-то говоря, ему было все равно.

Он смертельно устал.

Прибытие Губернатора Россема особой помпой не отличалось. Сопровождал его один-единственный человек в военной форме, сидевший за рулем автомобиля.

Автомобиль был неплохой, можно даже сказать — шикарный, но двигался рывками, а на подъезде к дому пару раз здорово буксовал — видимо, из-за слишком быстрой смены скоростей. По его конструкции Притчер сразу понял, что работает он на химическом, а не на ядерном топливе.

Конзвездианский Губернатор мягко ступил на тонкий слой снега, выпавшего за ночь, и быстро прошел сквозь строй склонившихся в почтительных поклонах Старейшин. На них он даже не взглянул. Они гуськом последовали за ним в дом.

Из окна своих апартаментов два человека из Союза Миров — Империи Мула — смотрели на улицу. Губернатор был полноват, приземист, наружности совершенно невыразительной.

Ну и что?

Притчер проклинал себя за то, что нервничает. То есть, надо отдать ему должное, лицо его было, как всегда, спокойно. В этом смысле ему нечего было стес-

няться перед Ченнисом, но сам-то он прекрасно знал, что у него наверняка подскочило давление и в горле жутко пересохло.

Нет, не физический страх. Он был, конечно, не из породы тупоголовых, начисто лишенных воображения людей с железными нервами, которые тупы настолько, что ничего не боятся, — но он знал, что такое физический страх. Страх был другой.

Он незаметно взглянул на Ченниса. Молодой человек лениво разглядывал ухоженные ногти на левой руке. Обнаружив на одном из них неровность, он преспокойно обкусал краешек.

Внутри у Притчера поднялась волна раздражения. Конечно, хорошо Ченнису — чего ему бояться мозговой атаки?!

Генерал взял себя в руки и постарался припомнить, как все было. Каким же он был до того, как Мул «обработал» его, неукротимого демократа? Вспоминалось трудно. Он не мог разумно, трезво оценить себя, не мог порвать невидимых проводов, эмоционально связывавших его с Мулом. То есть он помнил, что однажды пытался убить Мула, но, как ни старался, не мог вспомнить, каковы тогда могли быть его эмоции, — не влезая в детали, а просто пытаясь представить себе тот порыв. Может быть, собственный его разум защищался от этих воспоминаний? Как бы то ни было, как только он пытался представить, какие им владели тогда чувства, у него начинало противно сосать под ложечкой.

А вдруг это Губернатор так действовал на его сознание?

Что, если нематериальные психологические антенны представителя Второй Академии уже начали ощупывать его мозг, отыскивая в сознании щелочки, забираются в них, пытаются разъединить его разум на части?

Да нет, ничего он не чувствовал, никакой боли, никакого давления. Все в порядке. Нет, он всегда любил Мула. Как будто те времена, пять лет назад, когда он

его ненавидел, были всего-навсего кошмарным сном. Мысль об этом кошмаре напугала его.

Но боли не было.

Что, если встреча с Губернатором усилит эти ощущения? Вдруг все, что давно миновало, — его служба у Мула... все, к чему он успел привыкнуть... исчезнет... и он соединится с туманной, потусторонней мечтой, стоящей за словом «демократия»? Мул — тоже сон, тоже иллюзия. Есть только Конзвездия, и ей нужно подчиниться...

Он резко отвернулся от окна.

Его сильно подташнивало.

Голос Ченниса донесся до него как сквозь вату:

— Думаю, это то самое, генерал.

Притчер обернулся. Старейшина молча открыл дверь и в торжественном молчании застыл на пороге. Он сказал:

— Его Сиятельство, Губернатор Россема от имени правителей Конзвездии рад дать вам аудиенцию и просит вас предстать перед ним.

— Само собой, — с готовностью откликнулся Ченнис, поправил ремень и натянул на голову россемитский капюшон.

Притчер скрипнул зубами. Да, начиналась настоящая игра.

Внешность Губернатора Россема и вблизи не производила угрожающего впечатления. Голова его была непокрыта. Редеющие светло-каштановые волосы, кое-где тронутые сединой, придавали его лицу некоторую мягкость. Глаза глубоко посажены и окружены щеточками бесчисленных мелких морщинок. Казалось, он что-то подсчитывает, прикидывает «на глазок». Но свежевыбритый подбородок был мягко очерчен, невелик, и, если судить по данным псевдонауки, определяющей характеры людей по строению черепа, характер Губернатора должен быть «слабым».

Притчер старался не смотреть Губернатору в глаза и уперся взглядом в потолок. Он не знал, поможет ли это — и вообще, поможет ли что-нибудь.

Голос у Губернатора оказался довольно-таки высоким и невыразительным.

— Добро пожаловать в Конзвездию. Приветствуем вас с миром. Вы не голодны?

Он почти по-королевски указал рукой с холеными длинными пальцами и сильно выступавшими венами на П-образный стол.

Они поклонились и сели. Губернатор сел с внешней стороны перекладины П, они — напротив. По обе стороны расселись хранившие молчание Старейшины.

Губернатор произносил короткие, отрывистые фразы — расхваливал еду, привезенную из Конзвездии, которая действительно на вкус была лучше россемитской, но ненамного, поругивал россемскую погоду, с деланой непринужденностью интересовался трудностями их путешествия.

Ченнис говорил мало, а Притчер и вообще помалкивал.

Трапеза подошла к концу. На десерт были поданы мелкие фрукты в желе. Наконец все отложили в сторону салфетки, и Губернатор откинулся в кресле.

Его маленькие глазки заблестели.

— Я поинтересовался насчет вашего корабля. Естественно, мне хотелось, чтобы к нему отнеслись с должной заботой. Но мне сообщили, что его местонахождение неизвестно.

— Да, — непринужденно отозвался Ченнис. — Мы оставили его на орбите. У нас большой корабль, приспособленный для долгих путешествий. Порой нам приходится посещать враждебные миры, но нам показалось, что не стоит приземляться на нем здесь, чтобы наши добрые намерения не были превратно истолкованы. Мы предпочли совершить посадку на легком катере, невооруженными.

— Это дружественный акт, — сказал Губернатор без тени подозрения в голосе. — Большой корабль, вы говорите?

— Большой, но не военный, Ваше Сиятельство.

— Гм-гм... А откуда вы прибыли?

— Из небольшого мира в секторе Сантанни, Ваше Сиятельство. Может быть, вы не знаете о его существовании, поскольку он слишком мал и незначителен. Мы заинтересованы в установлении торговых связей.

— Торговых, вот как? А что вы можете предложить?

— Всевозможные машины, Ваше Сиятельство. Взамен — продукты, дерево, руды...

— Гм-м-м...

Губернатор был несколько смущен.

— Я в этих делах мало что смыслю. Может быть, мы и сумеем договориться. Возможно, после того, как я более подробно ознакомлюсь с вашими документами. Вы, надеюсь, понимаете, что моему правительству нужна более подробная информация. А после того как я лично осмотрю ваш корабль, я бы посоветовал вам отправиться в Конзвездию.

Ответа на это предложение не последовало, и тон Губернатора стал заметно прохладнее.

— Как бы то ни было, я должен осмотреть ваш корабль.

Ченнис сдержанно ответил:

— К сожалению, в настоящее время на корабле идет ремонт. Если Ваше Сиятельство не будет возражать, через сорок восемь часов мы примем вас на борту.

— Я не привык ждать.

Впервые за все время встречи Притчер встретился взглядом с Губернатором и ощутил мягкий толчок в груди. На мгновение ему показалось, что он тонет в бездонном море, и он поспешно отвел взгляд в сторону.

Ченнис не дрогнул и твердо отчеканил:

— Раньше чем через сорок восемь часов, Ваше Сиятельство, корабль просто не сможет приземлиться. Мы перед вами и не вооружены. Неужели вы сомневаетесь в дружелюбии наших намерений?

Наступила долгая неловкая пауза, потом Губернатор хрипло проговорил:

— Расскажите мне о мире, из которого вы прибыли.

И все. Вроде сошло. Больше никаких трений не возникало. Губернатор, исполнив официальный долг, явно утратил интерес к беседе, и вся аудитория погрузилась в тягостное молчание.

Вернувшись в отведенную им комнату, Притчер решил еще разок покопаться в своих ощущениях.

Осторожно, затаив дыхание, он попытался «пощупать» свои эмоции. Нет, никаких резких изменений в себе он не ощущал. Но разве он должен был ощутить какие-то изменения? Разве он почувствовал изменения после муловской «обработки»? Разве он не чувствовал себя тогда совершенно естественно? Так и должно было быть.

Тогда он решил поэкспериментировать.

С холодным упорством он мысленно прокричал внутрь своего сознания фразу: «Вторая Академия должна быть найдена и уничтожена».

Ответом на этот крик души была искренняя ненависть. Никаких колебаний и сомнений.

Тогда он мысленно прокричал ту же фразу, заменив слова «Вторая Академия» на слово «Мул». Дыхание его остановилось, язык присох к нёбу.

Пока все было в порядке.

Но, может быть, на него воздействовали более тонко, менее откровенно? Может быть, произошли маленькие, едва заметные изменения? Изменения, которых он не мог ощутить, поскольку само их наличие повлияло бы на его суждения?

Этого он не знал и судить об этом не мог.

Но до сих пор он ощущал полную и бесповоротную преданность Мулу! Если это не изменилось, решил он, все остальное не имело значения.

Закончив этот безмолвный эксперимент, он посмотрел на Ченниса. Тот сидел в своем углу, отвернув-

шись к стене, не обращая на Притчера никакого внимания. Большой палец руки Притчера незаметно нажал кнопку рации.

Когда он выслушал ответ, он почувствовал, как его словно окатила теплая волна облегчения. Он расслабился.

Натренированные мышцы лица не выдали его, но внутри он просто-таки прыгал до потолка от радости, и, когда Ченнис обернулся, Притчер уже знал, что комедии скоро конец.

Четвертая интерлюдия

Двое Ораторов встретились на дороге, и один остановил другого.

— Есть новости от Первого Оратора.

В глазах второго вспыхнул огонек радости.

— Точка пересечения?

— Да. Дай нам бог увидеть развязку!

Глава 5

ОДИН ИЗ ДВОИХ ПЛЮС МУЛ

Ченнис вел себя так, словно не замечал никаких перемен ни в отношении Притчера к ситуации, ни в их отношении друг к другу. Прислонившись к спинке стула, он закинул ногу на ногу.

— Ну как вам Губернатор?

Притчер пожал плечами:

— Никак. Впечатления гения разума он на меня не произвел. Весьма бледный образчик представителей Второй Академии, если он действительно оттуда.

— Не думаю, чтобы он был оттуда. Просто не знаю, что и подумать. Притчер, попытайтесь себе представить, что вы из Второй Академии, — сказал Ченнис,

становясь все более задумчивым. — Что бы вы сделали? Допустим, вы знаете, какова цель нашего пребывания здесь. Как бы вы с нами обращались?

— «Обработал» бы, конечно.

— Как Мул? — спросил Ченнис, бросив на Притчера быстрый взгляд. — Как бы мы узнали, что нас «обработали»? Интересно... А что, если они просто психологи, но только очень умные и хитрые?

— В таком случае на их месте я бы нас поскорее прикончил.

— И корабль наш тоже? Не-е-ет... — Ченнис покачал указательным пальцем. — Мы ведь блефуем, Притчер, старина. Только блефовать и можно. Даже если бы они задумали применить эмоциональный контроль, единственные мишени для них мы — вы и я. Но сражаться они должны с Мулом, и с нами они так же осторожны, как и мы с ними. Я предполагаю, что они знают, кто мы такие.

Притчер холодно взглянул на него:

— Что вы собираетесь делать?

— Ждать, — твердо ответил Ченнис. — Пусть покажут себя. Они боятся — может быть, корабля, но скорее всего — Мула. С Губернатором они сблефовали. Но у них не вышло. Мы выстояли. Следующим, кого к нам подошлют, будет представитель Второй Академии, и он наверняка предложит нам сделку того или иного сорта.

— Ну а потом?

— Потом мы заключим сделку.

— Я так не думаю.

— Вы считаете, что тем самым мы обманем Мула? Нисколько.

— Да Мул расщелкает все ваши обманы. Но тем не менее я так не думаю.

— Может быть, вы думаете, что тогда мы не обманем Вторую Академию?

— Не уверен. Но это не причина.

Ченнис перевел взгляд на правую руку Притчера и угрюмо поинтересовался:

— Значит, причина — вот это?

Притчер навел на Ченниса бластер.

— Вот именно. Вы арестованы.

— За что?

— За измену Первому Гражданину Союза.

Ченнис сжал губы.

— Что происходит?

— Я же сказал — измена. А с моей стороны — ответные действия.

— А доказательства? Ну — свидетельства, предположения, ночные грезы, что там у вас? Вы в своем уме?

— Вполне. А вы? Вы что, думаете, Мул посылает сосунков вроде вас на умопомрачительные задания просто так? Мне все время это покоя не давало. Я слишком долго сомневался. Почему он послал именно вас? Потому что вы очаровательно улыбаетесь и одеты в модные тряпки? Потому что вам всего двадцать восемь, вот почему!

— Наверное, все-таки потому, что мне можно доверять. Или логичные мысли вам в голову не приходят?

— А может быть, как раз потому, что вам доверять нельзя. Что как раз вполне логично следует из всего, что происходит.

— Мы что тут — в парадоксах соревнуемся? Или это игра такая — кто скажет больше меньшим количеством слов?

Но бластер приближался, и Притчер тоже. Он встал перед Ченнисом, навис над ним как скала.

— Встать!

Ченнис повиновался, но не особенно резво и почувствовал, как дуло бластера уткнулось в пряжку ремня. Как ни странно, внешне он был спокоен.

Глядя на Ченниса в упор, Притчер сказал:

— Мул хотел, чтобы мы нашли Вторую Академию. Ему это не удалось, не удалось и мне, потому что тайна,

которую ни он, ни я не могли раскрыть, была хорошо спрятана. Поэтому оставалась одна-единственная возможность — найти человека, который бы знал место, где она скрывается.

— Это я?

— Естественно. Раньше я этого, конечно, не знал, но, хотя разум мой работает замедленно, он мыслит тем не менее в верном направлении. Как легко вы нашли Конзвездию! Как волшебно легко вы исследовали нужное звездное поле на «Линзе», хотя вероятностей миллион! Как точно вы нашли нужную точку! Дурень вы набитый! Неужели вы настолько недооценивали меня, что думали, будто такое стечение невероятностей не позволит мне раскусить вас?

— Только потому, что мне слишком везло?

— Вам слишком везло даже для верноподданного Мула.

— Может быть, у вас заниженные представления о том, насколько мне должно было повезти?

Только холодный блеск глаз Притчера выдавал его ярость, но бластер грубо ткнул Ченниса в живот.

— Вам платит Вторая Академия!

— Платит? — искренне удивился Ченнис. — Докажите.

— Или вас «обработали».

— Вот как? И Мул об этом не знает. Смешно!

— Мул об этом знает. О том и речь, дурашка. Мул знает! А вы-то небось думали, что вам просто так дали корабль, поиграть? Вы привели нас ко Второй Академии, как мы и рассчитывали.

— В вашей болтовне нет и крупицы здравого смысла. Можно поинтересоваться — зачем мне все это было нужно? Если я — изменник, на кой черт мне нужно было тащить вас во Вторую Академию? Почему бы мне вместо этого не таскать вас за собой по всей Галактике?

— Корабль вам был нужен, потому что людям из

Второй Академии как воздух необходимо атомное оружие для самозащиты.

— Додумались, нечего сказать! Да один корабль для них — капля в море! Если вы думаете, что они покопаются в нем и через год воздвигнут на своей территории ядерные заводы, то тогда они действительно очень глупые представители Второй Академии. Не умнее вас, я бы сказал, уж простите за откровенность.

— У вас будет возможность объяснить все это Мулу.

— Мы возвращаемся в Калган?

— Совсем наоборот. Мы остаемся здесь. А Мул присоединится к нам минут через пятнадцать. Неужели вы думаете, что ему было неизвестно, куда мы отправляемся, — вы, прозорливый, всезнающий себялюбец! Вы сыграли нам на руку, не помышляя об этом. Вы не привели бы наши жертвы к нам, но зато привели нас к ним.

— Можно мне присесть? — спросил Ченнис. — И объяснить вам кое-что на пальцах? Ну пожалуйста!

— Стойте где стоите!

— Ладно, я могу и стоя. Вы уверены, что Мул следил за нами потому, что в системе коммуникации находился гипертрейсер?

Бластер дрогнул, хотя, возможно, Ченнису и показалось. Он улыбнулся:

— Вы не удивлены. Я так и думал. Да, я знал об этом. А теперь, когда я показал вам, что знаю кое-что, о чем, как вы думали, я не знаю, я скажу вам кое-что еще, чего не знаете вы, — и я знаю, что вы не знаете.

— Слишком много вводных слов, Ченнис. Я думал, вы более изощрены в словоблудии.

— Тут нечего изощряться. Изменники, конечно, были — или вражеские агенты, если вам так больше нравится. Но Мул знал об этом, вернее — узнавал крайне странным способом. Видимо, «обработанных» им людей «обрабатывал» по-своему кто-то еще.

На этот раз бластер действительно дрогнул — сомнений быть не могло.

— Подчеркиваю, Притчер. Вот почему ему понадобился я. Я не был «обработан». Разве он не говорил вам, что ему нужен как раз «необработанный» человек? Говорил он вам почему или нет?

— Попробуйте что-нибудь еще, Ченнис. Если бы я восстал против Мула, я бы знал об этом.

Быстро, хладнокровно Притчер проверил свое состояние. Все было как обычно. Конечно, врал Ченнис, врал как сивый мерин.

— Вы хотите сказать, что чувствуете себя по-прежнему? Вы чувствуете себя преданным Мулу? Очень может быть. Лояльность тут ни при чем. На нее не действуют. Мул сам сказал мне, что это было бы слишком легко заметить. Но как вы себя чувствуете с эмоциональной точки зрения? Слабовато? Вспомните свое состояние — с самого начала полета. Можете вы, положа руку на сердце, утверждать, что чувствовали себя нормально? Или все-таки порой вас одолевали странные ощущения — как будто вы как бы не совсем вы? Да что вы дурака валяете и пытаетесь во мне дырку бластером просверлить, не нажимая на курок?

Притчер отодвинул бластер.

— Что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, что вас «обработали» другие. Вами управляли. Вы не видели, как Мул положил этот гипертрейсер. Вы не видели, как это сделал кто-либо другой. Вы просто нашли его там и решили, что это сделал Мул, и с тех пор думали, что он за нами следит. Да, конечно, ваша рация настроена на длину волны, на которой моя не работает. Вы думаете, я не знаю, что вы связывались с кораблем?

Он говорил быстро, гневно. Напускное безразличие сменилось неприкрытой яростью.

— Но к вам оттуда прибудет не Мул. Не Мул, ясно?

— Кто же, если не он?

— Ну а вы как думаете? Я нашел этот гипертрейсер в день, когда мы стартовали. Но мне и в голову не при-

шло, что это — дело рук Мула. У него на то не было причины. Разве вы не видите, какая это чепуха? Если бы я был изменником и Мул знал об этом, я был бы «обработан» им так же легко, как вы, и тайну расположения Второй Академии он выудил бы из моего мозга, не посылая меня за тридевять земель на другой край Галактики. Вы можете утаить что-либо от Мула? Нет? То-то. А если я не знал, где она находится, то я и привести бы его туда не смог при всем своем желании. Зачем же тогда было меня посылать в противном случае?

Несомненно, гипертрейсер был положен туда агентом Второй Академии. *Вот кто* к нам прибудет. Могли бы вы быть одурачены, если бы не были обработаны ими? Насколько же вы в порядке, если такую чепуховину не раскусили? Чтобы я привел корабль во Вторую Академию? Да что им делать с нашим кораблем? На кой черт он им сдался?

Вы им нужны, Притчер. Вы знаете о Союзе Миров больше всех, кроме Мула, но вы для них не так опасны, как он. Вот почему они вложили мне в голову маршрут поисков. Конечно, сам я бы ни за что не догадался отыскать Конзвездию с помощью «Линзы». Я это понимал. Я догадался, что это они так задумали. Я знал, что это — дело рук Второй Академии. Почему не подыграть им? Это был взаимный блеф. Они хотели заполучить нас, а мне нужно было узнать, где они находятся. И тут уж был вопрос — кто кого переблефует.

Но проиграем мы, если вы немедленно не уберете свою дурацкую пушку. И это, конечно, не ваша идея. Их как пить дать. Отдайте мне бластер, Притчер. Я знаю, вам трудно в это поверить, но вами движет сейчас не ваш собственный разум — внутри вас работает Вторая Академия. Отдайте мне бластер, Притчер, и давайте встретим опасность плечом к плечу!

Притчер в ужасе смотрел на Ченниса. Черт подери, правдоподобно! Но откуда эта проклятая неуверенность в себе? И почему Ченнис так уверен?

Правдоподобно!

Или его перевернутое сознание сопротивлялось чьему-то воздействию?

Он что — раздвоился?

Как сквозь туман смотрел он на стоявшего перед ним Ченниса и понимал, что сейчас, вот сейчас отдаст ему бластер. И как только он собрался сделать это, за спиной у него открылась дверь, и он резко обернулся.

Могут быть в жизни ситуации, когда одного человека можно принять за другого, даже будучи в относительно спокойном состоянии. Можно спутать абсолютно непохожих друг на друга людей. Но Мула ни с кем и никогда спутать невозможно.

И пламя агонии, охватившее в тот миг сознание Притчера, не могло противостоять волне холодной силы, нахлынувшей на него, окатившей его с ног до головы.

Физически Мул никогда не выглядел хозяином положения, как и сейчас.

Он неуклюже смотрелся даже в просторной одежде, которая не скрывала его жуткую худобу и физическое уродство. Лицо его было закрыто капюшоном, нос же торчал сильнее обычного — крючковатый красный клюв экзотической птицы.

Трудно представить себе более анекдотичную фигуру демона мщения.

Он сурово приказал:

— Держите бластер, Притчер!

Потом повернулся к Ченнису. Тот ссутулился и опустился на стул.

— Похоже, вы тут повздорили. Ну так что у вас там такое было насчет того, что за вами следил не я, а кто-то другой?

Притчер горячо вмешался:

— Так гипертрейсер был помещен в блок связи по вашему приказу, сэр?

Мул ответил холодным взглядом.

— Естественно. Разве кто-либо, кроме Союза Миров, во всей Галактике располагает такими приборами?

— А он сказал...

— Ну-ну, не ябедничайте, генерал. Не будем играть в испорченный телефон. Он же здесь. Так что вы сказали, Ченнис?

— Да... Сказал. Но, видимо, ошибся, сэр. Я был уверен, что трейсер установил кто-то из тех, кому платит Вторая Академия, и что нас заманили сюда для какой-то цели, и я приготовился к контратаке. Кроме того, я был уверен, что генерал в какой-то степени у них в руках.

— Можно подумать, что теперь вы в этом не уверены.

— Боюсь, что так. Или вы сейчас не были бы тут.

— Хорошо, давайте пока забудем об этом.

Мул сбросил с плеч просторный плащ с электрическим обогревом.

— Надеюсь, вы не возражаете, если я тоже присяду? Ну так вот. Здесь мы в безопасности, и никто нам не помешает. Ни один абориген не осмелится близко подойти к этому дому, уверяю вас, — сказал он тоном человека, ни на йоту не сомневающегося в своей силе.

Ченнис был возмущен:

— К чему эта таинственность? Не лучше ли приказать, чтобы подали чай и привели девушек, которые бы потанцевали перед нами?

— Пока не стоит. Так какова же ваша теория, молодой человек? Кто-то из Второй Академии следил за вами с помощью устройства, которое есть только у меня, — да, кстати, как вы его обнаружили?

— Очень просто, сэр. Если опираться на известные факты, получается, что кто-то мне это подсказал...

— Все те же люди из Второй Академии?

— А кто же еще?

— В таком случае не приходило ли вам в голову, что, если Вторая Академия решила затащить вас на свою территорию для каких-то своих целей — а я предполагаю, что они пользовались своими методами примерно так же, как я своими, хотя, напомню вам, что я управляю эмоциями, а не мыслями, — так не приходило ли вам в голову, что, если они могут это сделать, им для этого вовсе не требуется гипертрейсер?

Ченнис с испугом встретил взгляд своего повелителя. Притчер удовлетворенно откашлялся и уселся в кресле поудобнее.

— Нет, — ответил Ченнис, — это мне в голову не приходило.

— А не задумывались ли вы о том, что, если они вынуждены за вами следить, это означает, что они не чувствуют уверенности в том, правильно ли вы изберете направление, и что в случае, если вы ошибетесь, у вас будет маловато шансов попасть сюда. Это вам тоже в голову не приходило?

— И это тоже не приходило, сэр.

— Ну почему же? Неужели ваш интеллектуальный уровень пал так низко?

— Единственным ответом может быть вопрос, сэр. Вы едины во мнении с генералом Притчером о том, что я — изменник?

— У вас есть возражения, если это действительно так?

— Те же самые, которые я высказал генералу. Если бы я был изменником и знал, где находится Вторая Академия, вы могли бы «обработать» меня и напрямую выудить из меня эти знания. Если вы решили, что за мной нужно следить, значит, этих знаний изначально у меня не было, и я, следовательно, не изменник. Так что я ответил вам парадоксом на парадокс.

— И каков же отсюда вывод?

— Я не изменник.

— С чем я пока вынужден согласиться, ибо ваши свидетельства неоспоримы.

— В таком случае позвольте поинтересоваться, зачем вы тайно следили за нами?

— Затем, что для всех фактов есть еще и третье объяснение. И вы, и Притчер уже объяснили случившееся — каждый по-своему. Я — если вы любезно уделите мне время — объясню все. И довольно быстро, так что не успею вас утомить. Притчер, отдайте мне ваш бластер. Никакой опасности, что на нас кто-то нападет, больше нет. Ни отсюда, ни из более отдаленных мест. Даже из самой Второй Академии. Включите свет. Благодарю вас, Ченнис.

Комната была освещена обычным для Россема способом. Единственная электрическая лампочка мерцала под потолком тускло-желтым светом. Все трое отбрасывали причудливые тени.

Мул сказал:

— Когда я понял, что за Ченнисом нужно следить, стало очевидно, что я чего-то ожидаю. Поскольку он отправился ко Второй Академии с потрясающей скоростью и по удивительно прямому маршруту, можно заключить, что все вышло именно так, как я и предполагал. Раз мне не удалось выудить из него знаний напрямую, значит, что-то мне мешало. Таковы факты. Ченнис, несомненно, знает ответ. Знаю его и я. А вы знаете, Притчер?

— Нет, сэр, — угрюмо буркнул Притчер.

— Тогда я объясню. Только один человек одновременно может знать, где находится Вторая Академия, и не позволить мне узнать об этом. Боюсь, Ченнис, что вы — человек из Второй Академии.

Ченнис поставил локти на колени и уперся подбородком в плотно сжатые кулаки.

— Как вы это докажете? Логика доказывает обратное.

— Есть и прямые доказательства, Ченнис. Это оказалось достаточно легко. Я говорил вам, что заметил, что моих людей «обрабатывают»? Тот, кто «обрабатывал» их, должен был быть: а) не «обработан» мной и б) приближен к центру событий. Поле для поисков велико, но не безгранично. Вам слишком везло, Ченнис. Вас слишком любили люди. Вы были слишком удачливы. Меня это заинтересовало...

Тогда я решил отправить вас в экспедицию, и это вас нисколько не удивило. Я следил за вашими эмоциями. Вы этого не замечали. Но вот тут-то вы превысили предел доверия, Ченнис. Любой человек, даже очень компетентный, испытал бы хоть малую толику неуверенности в подобной ситуации. А вы, полный дилетант, не испытали. И здесь просчитывалось два варианта: либо ваша миссия плохо подготовлена, либо вами хорошо управляли.

Варианты было легко проверить. Я захватил ваше сознание в тот момент, когда вы расслабились, и сжал его, а потом отпустил. Вы жутко разозлились, настолько натурально, что это — естественная реакция. Но я почувствовал и сопротивление в момент вмешательства в ваши эмоции. Это все, что мне нужно было знать.

Никто бы не устоял даже на короткое мгновение, не находись он под воздействием, подобным моему.

Ченнис глухо и горько проговорил:

— Ну и что? Что теперь?

— Теперь вы умрете — как шпион из Второй Академии. Это, как вы, надеюсь, понимаете, совершенно логично.

Дуло бластера вновь уставилось на Ченниса. На этот раз смертоносное оружие было в руках человека, обладающего сокрушительной психической силой. Это был не Притчер, руку которого можно было отвести. Это был достойный противник, такой же сильный и такой же устойчивый к силе, как он сам.

А времени, чтобы изменить ход событий, у Ченниса было мало.

То, что случилось потом, трудно поддается описанию для тех, у кого нормально развиты чувства и отсутствует способность эмоционально воздействовать на других людей.

Вот что фактически понял Ченнис за тот кратчай-

ший промежуток времени, пока Мул держал палец на кнопке бластера.

Эмоциональное состояние Мула в тот момент выражало твердую, непоколебимую уверенность, незамутненную никакими сомнениями. Если бы у Ченниса была возможность рассчитать время, которое должно было пройти от решения стрелять до самого выстрела — выброса дезинтегрирующей энергии, — он бы узнал, что у него в запасе всего лишь около одной пятой доли секунды.

Можно сказать, времени не было совсем.

За это же время Мул почувствовал, что эмоциональный потенциал Ченниса неожиданно получил непонятно откуда мощную поддержку и как оттуда же на него самого хлынул поток неприкрытой, страшной ненависти.

Именно это неожиданное эмоциональное вмешательство заставило его убрать палец с кнопки. Ничто другое не заставило бы его так поступить, но, сделав это, он сразу же понял, что ситуация в корне изменилась.

Наступила немая сцена, какой не увидишь и в театре: Мул, убравший палец с кнопки бластера, немо уставившийся на Ченниса; Ченнис, натянутый как струна, затаивший дыхание; и Притчер, скрючившийся в кресле, скованный страшным спазмом. Лицо его вытянулось, одеревенело, стало похоже на посмертный слепок, на котором отпечаталась жуткая ненависть. А взгляд его был устремлен на Мула, только на Мула — неотрывно.

Только слово-другое было сказано Мулом и Ченнисом друг другу мысленно. Только слово-другое, но этого было достаточно для людей, владеющих силой эмоционального воздействия. Они прекрасно поняли друг друга. Но для того чтобы и мы поняли, что стояло за этими «словами», давайте переведем их безмолвную беседу на понятный нам с вами язык.

Ченнис:

— Вы — меж двух огней, Первый Гражданин. Вы не можете управлять разумом двоих людей одновременно, когда один из двоих — я. Так что перед вами выбор.

Притчер сейчас свободен от вашей «обработки». Я освободил его. Он сейчас — прежний Хэн Притчер, тот самый, что однажды пытался прикончить вас. Тот самый, который считает вас врагом всего свободного и справедливого на свете, всего святого. Кроме того, он знает, что это вы превратили его в беспомощного раба на пять лет! Я удерживаю его сейчас, подавляя его волю, но, если вы убьете меня, этому придет конец, и скорее, чем вы успеете выстрелить в него или применить свою волю, он убьет вас.

Мул понял его сразу. Он не двигался.

Ченнис продолжал:

— Если же вы сейчас обернетесь для того, чтобы убить его или воздействовать на него своими методами, да для чего угодно, вам не удастся опередить меня.

Мул по-прежнему не двигался. Он только коротко вздохнул, понимая, что к чему.

— Так что, — сказал Ченнис, — бросьте ваш бластер и давайте-ка снова по-честному. Тогда получите Притчера обратно.

— Я совершил ошибку, — наконец проговорил Мул. — Нельзя было позволять третьему присутствовать здесь. Это я сделал зря. Все испортил. Это моя ошибка, за которую мне придется дорого заплатить.

Он небрежно разжал пальцы. Бластер упал на пол, и Мул отфутболил его в дальний угол комнаты. В то же мгновение мышцы Притчера расслабились, он обмяк и погрузился в глубокий сон.

— С ним все будет в порядке, когда он проснется, — безразлично заметил Мул.

С того момента, когда Мул был готов нажать на кнопку бластера, до того мгновения, когда он бросил его, прошло всего-навсего полторы секунды. Все было сказано противниками друг другу за это время.

Но за границей сознания Мула за это же время — даже раньше — Ченнис уловил легкое движение в эмоциональных вихрях, бушевавших в мозгу противника. Там до сих пор чувствовался триумф победителя.

Глава 6

ЧЕННИС, МУЛ ПЛЮС...

Оба противника вели себя теперь совершенно открыто. Физически они были полными противоположностями. Но это было неважно. Каждый нерв, отвечающий за контроль эмоций, у каждого из них был напряжен до предела. Мул впервые за долгие годы не был уверен в себе. Ченнис знал, что краткая самозащита далась ему с колоссальным трудом и что у противника еще полно сил в запасе. Шла игра на выносливость. Ченнис знал, что проиграет.

Но думать об этом было страшно. Отступить эмоционально перед Мулом означало добровольно отдать оружие в его руки. Он ведь уже отследил в подсознании Мула что-то вроде радости победителя.

Выиграть время...

Почему тянут остальные? Почему Мул так уверен в себе? Что он знал такое, чего не знал Ченнис? Сознание Мула помалкивало. Эх, если бы он мог читать мысли... И все-таки...

Ченнис резко прервал собственные раздумья. Оставалось одно — тянуть время...

Ченнис сказал:

— Поскольку вы решили, а я после небольшой дуэли не отрицаю, что я — из Второй Академии, может быть, вы теперь объясните мне, зачем, по вашему мнению, я прилетел в Конзвездию?

— О нет, — несколько истерично рассмеялся Мул. — Я вам — не Притчер. Я не обязан давать вам объяснения. У вас на то были причины. Каковы бы они ни были, ваши действия меня устраивали, а остальное меня не интересует.

— Однако в ваших представлениях о том, что произошло, недостает существенных деталей. Разве Конзвездия — та Вторая Академия, которую вы ожидали

найти? Притчер много рассказывал о ваших прежних попытках отыскать ее и о том психологе, которым вы пользовались, как подопытным кроликом, Эблинге Мисе. Иногда он выбалтывал кое-какие подробности с моей... ну, скажем, небольшой помощью. Вспомните Эблинга Миса, Первый Гражданин!

— Зачем?

Внимание — уверенность!

Ченнис ощутил, как уверенность, которую он раньше нащупал в подсознании Мула, все возрастает и как все более и более спокойно держит себя Мул внешне.

Он попытался улыбнуться, старательно прогоняя наплыв отчаяния.

— А вы, оказывается, нелюбопытны? Притчер мне говорил, что Мис к концу поисков был чем-то очень удивлен. Он почему-то очень торопился, спешил предупредить Вторую Академию. Зачем? Почему? Эблинг Мис погиб. Вторая Академия не была предупреждена. И тем не менее Вторая Академия существует.

Мул с явным удовольствием осклабился и с неожиданной и грубой жестокостью, которую Ченнис ощутил еще до того, как Мул раскрыл рот, объявил:

— Но, видимо, Вторая Академия все-таки была предупреждена. Откуда бы иначе взялся Бейл Ченнис, который явился в Калган для того, чтобы «обрабатывать» моих людей и попытаться одурачить меня. Просто предупреждение несколько запоздало, вот и все.

— Тогда, — с сожалением вздохнул Ченнис, — вы просто не представляете себе, что такое Вторая Академия, и ваши суждения обо всем происходящем более чем поверхностны.

Тянуть, тянуть время!

От Мула не укрылось ни сожаление, ни пренебрежение, с которым это было сказано, и глаза его враждебно сузились. Он привычно поскреб пятерней свой клювоподобный нос и буркнул:

— Забавляйтесь, забавляйтесь. Ну так что насчет Второй Академии?

Ченнис заговорил спокойно, стараясь больше пользоваться словами, чем эмоциональными символами:

— Насколько мне известно, именно тайна, окружавшая Вторую Академию, больше всего удивляла Эблинга Миса. Гэри Селдон основал две совершенно различные структуры. Первая Академия похожа на вспышку, которая за два столетия озарила половину Галактики. Вторая подобна темной бездне.

Вы не поймете, почему это так, если не сумеете почувствовать вновь атмосферу тех дней упадка Империи. Это было время абсолютов, великих конечных обобщений как минимум — в образе мысли. Это были признаки упадка культуры, безусловно — плотины на пути развития живой мысли. Именно бунт против догм и сделал Селдона знаменитым. Именно последняя искра молодого энтузиазма, жившего в нем, зажгла закат старой Империи, в лучах которого угадывался рассвет новой.

— Весьма образно. И что?

— Поэтому он создал свои Академии на основании законов психоистории, но кто лучше него знал, насколько эти законы относительны? Он и не думал создавать конечный продукт. Конечные продукты — это для декадентов. Он создал развивающиеся механизмы, и Вторая Академия была инструментом такого развития. Мы, слышите, Первый Гражданин вашего времени, тленного Союза Миров, мы — хранители Плана Селдона. Только мы.

— Вы сами себя воодушевляете, — сердито поинтересовался Мул, — или пытаетесь на меня впечатление произвести? Развели тут театр! Да вся ваша болтовня насчет Второй Академии, Плана Селдона, Новой Империи не производит на меня ни малейшего впечатления, не вызывает у меня ни сочувствия, ни симпатии, не действует ни на какие эмоциональные струны, которые вы пытаетесь задеть. Во всяком случае, глупец несчастный, советую вам говорить о Второй Академии в прошедшем времени, поскольку с ней покончено.

Мул встал и пошел к Ченнису, и тот мгновенно ощутил, как катастрофически растет давление на его сознание. Он изо всех сил сопротивлялся, но что-то надорвалось у него внутри, а давление становилось все сильнее и сильнее...

Он прислонился к стене и увидел прямо перед собой лицо Мула. Тот стоял перед ним — руки в боки, тонкие губы разъехались в злорадной усмешке под противным длиннющим носом.

Мул прошипел:

— Кончена ваша игра, Ченнис! Вся ваша игра кончена — всех, кто был Второй Академией! Был! Был!

Чего ради вы сидели тут и ждали все это время и играли в бирюльки с Притчером, когда давным-давно могли прикончить его, забрать его бластер, пальцем не пошевелив? Вы ждали меня, не так ли? Ждали меня, чтобы встретиться в ситуации, которая бы не вызвала у меня подозрений?

Сплоховали, Ченнис! Никаких подозрений и не надо было вызывать. Я прекрасно вас знал, Ченнис из Второй Академии!

И чего же вы ждете сейчас? Вы по-прежнему отчаянно пытаетесь меня заговорить, как будто сам звук вашего очаровательного голоса должен приковать меня к полу. Говорить-то вы говорите, но что-то в вашем сознании ждет и ждет. Но никто не придет. Никто из тех, кого вы ждете. Никто из ваших. Вы здесь один, Ченнис, и вы здесь останетесь. А знаете почему?

Потому что ваша Вторая Академия просчиталась со мной от начала до конца! Я рано раскусил их планы. Они думали, что я поплетусь следом за вами и предстану перед ними на блюдечке с голубой каемочкой — вот он я, ешьте! Вы были приманкой — приманкой для несчастного, глупенького мутанта — такого глупенького,

что он с радостью бы отправился за вами в такую очевидную ловушку. И вы думаете, я попался?

Просто поразительно, как им в голову не пришло, что я ни за какие коврижки не отправлюсь сюда без своего флота, против одного-единственного корабля которого они абсолютно беспомощны! Неужели они думали, что я тут с ними буду мирные переговоры вести?

Мои корабли двенадцать часов назад атаковали Конзвездию. Конзвездия лежит в руинах, ее города стерты с лица земли! И никакого сопротивления. Вторая Академия больше не существует, Ченнис, а я — странный, уродливый, хилый мутант — правитель, властелин Галактики!

Ченнис только слабо мотал головой.

— Нет... Нет...

— Да! Да! — передразнил его Мул. — И вы — последний из оставшихся в живых, но ненадолго.

Наступила короткая мучительная пауза, и Ченнис чуть было не застонал от дикой боли, сковавшей его сознание.

Мул немного отступил назад и пробормотал:

— Еще не все. Вы пока не выдержали испытания. Ваше отчаяние притворно. Ваш страх — это не тот смертельный ужас, которым сопровождается крушение идеалов. Пока что это только ваш собственный, жалкий, мелкий страх за собственную жизнь.

Хилая рука Мула схватила Ченниса за горло — не сильно, но Ченнис не мог освободиться.

— Вы — моя страховка, Ченнис. Вы — мой гид и телохранитель, моя защита от всех возможных просчетов.

Глаза Мула пронизывали его насквозь — требовательно, безжалостно.

— Ну что, правильно я рассчитал, Ченнис? Перехитрил ваших умников из Второй Академии? Конзвездия разрушена, Ченнис, разрушена до основания, так почему же ваше отчаяние притворно? Где правда? Мне нужна правда! Неужели я не докопался до истины? Есть еще опасность? Говорите, Ченнис! Что я сделал не так?

Ченнис почувствовал, что сейчас заговорит, заговорит против своей воли. Он пытался сжать зубы, чтобы слова не вырвались у него изо рта, прикусил язык, напряг мышцы гортани.

Но слова вырывались наружу, как выдох, разрывая глотку, царапая язык, обжигая губы.

— Правда... — хрипел он. — Правда...

— Да, правда, мне нужна правда! Что еще не сделано?

— Селдон основал Вторую Академию здесь. Здесь, как я и говорил. Я не лгал... Психологи прибыли сюда, чтобы держать под контролем местное население.

А Мул копал и копал все глубже почву эмоционального состояния противника, грубо разрывая его.

— Население Конзвездии! Я разрушил ее. Вы знаете, чего я хочу. Говорите!

— Не Конзвездия... Я сказал, что люди из Второй Академии — не те, кто здесь пользуется властью. Конзвездия — это... обман.

Слова вырывались против воли измученного Ченниса:

— Россем... Россем?! *Россем — вот мир...*

Мул ослабил хватку, и Ченнис часто задышал, обливаясь потом.

— И вы собирались меня обмануть? — мягко спросил Мул.

— Вы и были обмануты, — в последней попытке защититься прохрипел Ченнис.

— Но только не вами и не вашими пособниками. Я держу связь с моим флотом. После Конзвездии настанет очередь Россема. Но сначала...

Ченнис ощутил, как вокруг него смыкается непроницаемая тьма, он инстинктивно поднял ладони к измученным глазам, но закрыться от мрака не смог. Тьма наваливалась на него, и он чувствовал, как погружается в нее, как тонет в ней его безнадежно истерзанное сознание. Перед глазами был только один образ — образ торжествующего Мула — смеющегося уродца, и его длинный, мерзкий, трясущийся от злорадного смеха нос.

Звуки исчезли. Темнота ласково обняла его.

Но ее объятия неожиданно дрогнули от чего-то, что показалось Ченнису вспышкой молнии, и он медленно вернулся на землю. Глаза его вновь обрели зрение, но он видел все сквозь пелену слез.

Голова невыносимо болела. Он с невероятным, нечеловеческим усилием поднес ко лбу налитую свинцом руку. Кажется, он жив. Мягко, как перышки, кружившиеся в воздухе, его мысли вернулись к нему и улеглись в сознании. Он чувствовал, как на него откуда-то извне нисходит покой. Медленно, мучительно он повернул голову и с острейшей болью почувствовал, что может расслабиться.

Потому что дверь была распахнута настежь и порог переступил Первый Оратор. Ченнису хотелось говорить, кричать, предупредить его, но язык его словно прирос к нёбу, и он понял, что невидимая рука Мула все еще держит его и не дает ему говорить.

Голова его беспомощно упала на грудь. Мул был рядом. Он был взбешен, глаза его метали молнии. Он уже не смеялся, но зубы его были обнажены в страшной усмешке.

Ченнис ощущал, как мягкие волны, исходящие от мозга Первого Оратора, касаются его воспаленного, истерзанного сознания, исцеляют его, и, собрав все силы, он попытался коснуться порога защиты сознания Мула, но тут же отступил.

Мул напряженно, с плохо скрываемым гневом, который плохо сочетался с его карикатурным обликом, проговорил:

— Значит, кое-кто еще решил меня поприветствовать?

Сознание его устремилось за пределы комнаты — дальше, дальше...

— Вы — один, — произнес он удовлетворенно.

— Да, я совершенно один, — быстро согласился Первый Оратор. — Я и должен быть один, потому что

именно я неверно рассчитал ваше будущее пять лет назад. Поэтому мне будет особенно приятно исправить свою ошибку без посторонней помощи. К сожалению, я не учел силы вашего Поля Эмоционального Отражения, которым окружена эта местность. Долго пришлось пробиваться. Поздравляю вас — сработано хорошо.

— Не тратьте времени на комплименты — я в них не нуждаюсь, — враждебно отозвался Мул. — Вы пришли, чтобы добавить свою мозговую атаку к той, которую безуспешно пытался предпринять этот сопляк из вашей компании?

Первый Оратор улыбнулся:

— Ну что же, человек, которого вы называете Бейлом Ченнисом, справился со своим заданием неплохо, тем более что он не идет в сравнение с вами по силе мозгового воздействия. Я вижу, вы его сильно измучили, но даже сейчас мы сумеем ему помочь и восстановить его здоровье. Он — храбрый человек, сэр. Он добровольно пошел на это задание, хотя мы могли математически прогнозировать высокую степень вероятности поражения его мозга — более опасного поражения, чем физическая травма.

В сознании Ченниса пульсировала мысль, которую он силился высказать, прокричать, но не мог. Он только испускал позывные страха, опасности.

Мул был спокоен.

— Вы, безусловно, знаете о разрушении Конзвездии?

— Знаю. Атака вашего флота была предусмотрена.

Мул угрюмо проговорил:

— Так я и думал. Но не предотвращена, не так ли?

— Нет, не предотвращена.

Эмоциональная символика сознания Первого Оратора была для Мула проста. Она выражала только собственный страх, собственное презрение к самому себе.

— И вина в этом больше моя, чем ваша, — продолжал Первый Оратор. — Кто бы мог предположить, какова ваша истинная сила, пять лет назад? Мы с самого

начала, еще тогда, когда вы только захватили Калган, предполагали, что вы обладаете силой эмоционального контроля. Это было не так уж удивительно, Первый Гражданин, и я могу вам это объяснить.

Эмоциональный контакт, с помощью которого вы и я сейчас общаемся, — не такое уж новое изобретение. На самом деле он присущ мозгу человека. Большинство людей способны читать эмоции примитивным способом, ассоциируя их — прагматически — с выражением лица, интонациями голоса и так далее. У большого числа животных эта способность развита сильнее — они широко используют обостренное обоняние, и эмоции, вовлеченные в этот процесс, естественно, более сложны.

Конечно, люди способны на большее, но способность к эмоциональному контакту атрофировалась с развитием речи примерно миллион лет назад. Главным достижением деятельности нашей Второй Академии было то, что мы реставрировали до какой-то степени это забытое чувство.

Но мы с ним не рождаемся. Миллион лет простоя — существенное препятствие, и мы вынуждены проводить обучение, воспитание этого чувства, тренировать его так, как мы тренируем наши мышцы. В этом мы радикально отличаемся от вас. Вы *родились* с этим даром.

Это мы смогли рассчитать. Мы смогли подсчитать, каков эффект воздействия такого дара на человека в мире людей, им не обладающим. Зрячий в мире слепых... Мы рассчитали также, до какой степени у вас разовьется мания величия, и решили, что приготовились. Но к двум моментам мы готовы не были.

Первый из них — высочайшая степень развития ваших способностей. Мы можем устанавливать эмоциональный контакт только при непосредственном общении с глазу на глаз, и именно поэтому мы беззащитны перед лицом физического уничтожения — еще более беззащитны, чем вы думаете. Зрение, видимость противника играют для нас колоссальную роль. С вами все

иначе. Известно, что у вас под контролем много людей, причем вам нет нужды непосредственно общаться с ними для установления эмоционального контакта. Это было обнаружено слишком поздно.

Во-вторых, мы не знали о ваших физических недостатках, в особенности об одном из них, который мучил вас настолько, что вы взяли себе кличку Мул. Мы не предполагали, что вы не просто мутант, но стерильный мутант и что у вас есть отклонения в психике, сопутствующие физическому комплексу неполноценности. Это мы упустили из виду. Мы учли только манию величия, не обратив внимания на то, что, кроме того, вы страдаете параноидальной психопатией.

Именно я виноват в том, что все это не было учтено, потому что я руководил Второй Академией в то время, когда вы захватили Калган. Когда вы разрушили Первую Академию, мы поняли это — но слишком поздно, из-за чего погибли миллионы людей в Конзвездии.

— И теперь вы пытаетесь исправить ошибку? — Тонкие губы Мула скривились в усмешке. Мозг его излучал импульсы ненависти. — Что вы собираетесь предпринять? Что вы можете сделать? Разве вам под силу нарастить мои хилые мышцы или восстановить мою детородную способность? Вычеркнуть из прошлого мучительное детство в чужеродном окружении? Вы жалеете меня, сочувствуете моим страданиям? Вас трогают мои несчастья? Нет, я ни на йоту не сожалею о том, что сделал для себя. Пусть теперь Галактика попробует защититься как может, потому что, когда мне нужна была защита, никто пальцем не пошевелил!

— Ваши эмоции сейчас, безусловно, — мягко прервал его Первый Оратор, — цветочки по сравнению с тем, что вы думаете на самом деле, и судить вас за это я не собираюсь. Разрушение Конзвездии было неизбежно. В противном случае последовали бы гораздо более страшные разрушения по всей Галактике в течение нескольких столетий. Мы сделали все, что смогли. Эва-

куировали с Конзвездии людей, сколько сумели. Остальных расселили по планете. К сожалению, всего этого оказалось мало. Многие миллионы погибли — их вам не жалко?

— Ни капельки — не больше, чем тех, кто погибнет на Россеме в ближайшие шесть часов.

— На Россеме? — быстро спросил Первый Оратор. Он обернулся к Ченнису, который успел немного оправиться. Сознание его было напряжено из последних сил. Ченнис чувствовал, как два разума борются за него, и наконец ему удалось разорвать связывавшие его невидимые путы, и он выкрикнул:

— Сэр, я проиграл. За десять минут до вашего прихода он вытянул это из меня. Я не мог ему сопротивляться, и нет мне прощения. Он знает, что Конзвездия — не Вторая Академия. Он знает, что это — Россем.

Путы снова сомкнулись.

Первый Оратор снова нахмурился:

— Ясно. Что вы собираетесь делать?

— Вам так интересно? Вы не видите очевидного? Все это время, пока вы читали мне лекцию об эмоциональном контакте, — все это время я работал, а вы бросали на ветер громкие слова типа «мания величия» и «паранойя». Я связался с моим флотом, и они выполняют мой приказ. Через шесть часов, если только у меня не будет причины его отменить, они будут здесь и бомбардируют Россем — за исключением этой заброшенной деревушки и местности на сто квадратных миль вокруг. Они сделают это, а потом приземлятся здесь. У вас есть шесть часов, а за шесть часов вы не успеете ни победить мой разум, ни спасти остальных на Россеме.

Мул довольно потер руки и рассмеялся, а Первый Оратор, казалось, с трудом осваивается с новым поворотом событий.

— Варианты? — спросил он.

— Да с какой стати должны быть какие-то варианты? Никаких вариантов! Что я — должен заботиться о

жизни жителей Россема? Хотя... В принципе можно было бы дать моим кораблям возможность приземлиться здесь и подвергнуть мозговой атаке всех вас — всех людей из Второй Академии. Тогда можно было бы отменить приказ о бомбардировке. Неплохо было бы заиметь такое количество умных людей! Но для этого мне пришлось бы изрядно потрудиться, а я не вижу в этом особого смысла. Потому и не предлагаю. Что вы языком-то треплете, вы, человек из Второй Академии? Какое оружие вы можете противопоставить моему разуму, который как минимум не слабее вашего, и моим кораблям, которые сильны настолько, что вам такое и в голову никогда не приходило?

— Что я могу противопоставить? — медленно проговорил Первый Оратор. — Да ничего, кроме крошечного зернышка — крошечного зернышка истины, которое у меня есть, а у вас пока нет.

— Говорите быстрее, — расхохотался Мул. — И говорите вразумительно. Вы умеете выворачиваться, но на этот раз вам это не удастся.

— Бедный мутант, — с сожалением вздохнул Первый Оратор. — Не из чего мне выворачиваться! Спросите себя — зачем Бейл Ченнис был послан в Калган как приманка для вас, Бейл Ченнис, который, невзирая на свою молодость и отвагу, настолько же уступает вам в отношении психологических способностей, как этот храпящий солдафон, ваш доблестный Хэн Притчер? Почему туда не отправился я или кто-то другой из наших руководителей, который мог бы с вами потягаться?

— Наверное, — последовал уверенный ответ, — потому, что вы не окончательно сошли с ума и понимали, что никто из вас все равно не сможет со мной тягаться.

— Истинная причина более логична. Вы узнали, что Ченнис из Второй Академии. У него были возможности скрыть это от вас. Кроме того, вы знали, что по способностям он вам не ровня, потому-то и пошли так легко на эту игру и последовали за ним, как он и хотел, чтобы

переиграть его потом. Если бы в Калган прилетел я, вы бы меня просто убили, потому что я представлял бы для вас реальную опасность. А если бы мне удалось избежать смерти, скрыв от вас, кто я такой, мне бы ни за что не удалось заманить вас в путешествие. Только чувство собственного превосходства двигало вами. А если бы вы остались на Калгане, никакие силы Второй Академии не смогли бы вам повредить — там вы окружены своими людьми, своей военной техникой и своим психологическим полем.

— Мое психологическое поле и сейчас при мне, трепач, — рявкнул Мул, — а мои люди и мои корабли не так уж далеко.

— Именно так, но вы — не на Калгане. Вы — в королевстве Конзвездия, которое, как вам внушили, является Второй Академией, — хорошо внушили. Так и должно было быть, поскольку вы — мудрый человек, Первый Гражданин, и только логикой можно было вас убедить.

— Верно. В этом вы, конечно, победили, но я вытянул правду из вашего Ченниса, поскольку предполагал заранее, что такая правда может существовать.

— Но не такие уж мы слабаки, как вы думаете. Мы предусмотрели и этот вариант, поэтому Ченнис был соответствующим образом подготовлен.

— Сомневаюсь, чтобы он был подготовлен, — я ощипал его сознание, как цыпленка. Он был голенький передо мной, и, когда он сказал, что Россем — это Вторая Академия, — это было правдой. Он не мог лгать. Я видел все как под микроскопом.

— Все правильно. Тем лучше это подтверждает, что планы мы построили правильно. Я же сказал вам, что Бейл Ченнис был добровольцем. А знаете, каким именно добровольцем? Прежде чем отправиться на Калган, он был подвергнут серьезной психологической операции. Неужели вы думаете, что нам было достаточно обмануть вас словами? Неужели вы думаете, что Бейл

Ченнис, не будь он предварительно подготовлен соответствующим образом, сумел бы одурачить вас? Нет, Бейл Ченнис был сам обманут — по необходимости и добровольно. Ченнис честно, до последней клеточки своего мозга верил, что Россем — Вторая Академия.

И в течение трех лет мы, люди из Второй Академии, создавали в королевстве Конзвездия декорации и готовились к встрече с вами. И мы преуспели в этом, не правда ли? Вы попали в Конзвездию и даже на Россем — но дальше этого вы бы не попали.

Мул резко вскочил на ноги.

— Вы... осмеливаетесь утверждать, что и Россем — не Вторая Академия?

Ченнис, лежа у стены на полу, почувствовал, как окончательно разорвались связывавшие его сознание путы. Собрав все силы, он приподнялся с пола и пораженно выкрикнул:

— Разве Россем — не Вторая Академия?

Его память, все знания, которые он имел, — все закружилось в мозгу безумным вихрем.

Первый Оратор улыбнулся:

— Вот видите, Первый Гражданин, Ченнис поражен не меньше вас. Конечно, Россем — не Вторая Академия. Неужели мы — безумцы, чтобы привести вас, нашего злейшего и опаснейшего врага, в наш собственный мир? О нет!

Пусть ваш флот бомбардирует Россем, Первый Гражданин, если вам уж так хочется. Пусть разрушают все, что хотят и могут. Единственные, кого они здесь могут убить, — так это меня и Ченниса, но это вам ничего не даст.

Потому что Вторая Академия, вернее — ее экспедиция на Россеме, которая работала тут три года под видом Старейшин этой деревни, вчера отбыла с Россема и отправилась на Калган. Они опередят ваш флот и прибудут на Калган как минимум на день раньше вас, вот почему я вам рассказываю все это. Если я не отменю

свой приказ, то, когда вы вернетесь, застанете дома взбунтовавшуюся Империю, разрушенное государство, и только люди из вашего флота останутся верны вам. Но их будет очень мало по сравнению с восставшими военными. Кроме того, люди из Второй Академии внедрятся в те соединения флота, которые остались дома, и позаботятся о том, чтобы вы больше никого не смогли «обработать». С вашей Империей покончено, мутант.

Мул медленно склонил голову. Злоба и отчаяние загнали его сознание в тупик.

— Да, слишком поздно... Слишком поздно... Теперь понятно...

— Теперь понятно, — согласился Первый Оратор. — Но все-таки не до конца.

Улучив момент, когда сознание Мула было обнажено отчаянием поражения, Первый Оратор быстро проник в него. Ему потребовалось совсем немного времени, чтобы радикально переориентировать противника.

Мул рассеянно взглянул на него и проговорил:

— Значит, я вернусь на Калган?

— Конечно. Как вы себя чувствуете?

— Прекрасно. — Брови его удивленно приподнялись. — Кто вы?

— Какая вам разница?

— Никакой, конечно. Извините.

Мул коснулся плеча Притчера.

— Проснитесь, Притчер, мы летим домой.

Прошло еще два часа, прежде чем Ченнис сумел самостоятельно передвигаться. Он спросил:

— И он никогда ни о чем не вспомнит?

— Никогда. Его способности, его сила, его Империя — все останется при нем, но мотивация его поступка теперь радикально изменена. Понятие «Вторая Академия» теперь для него не существует, и он — совершенно миролюбивый человек. Отныне он будет и более

счастлив — хотя бы те немногие годы, которые отпущены ему из-за его болезни. А потом, после его смерти, План Селдона будет осуществлен дальше.

— Но неужели это правда? — настаивал Ченнис. — Неужели Россем — не Вторая Академия? Я могу поклясться, что это так! Я же не сошел с ума!

— Вы не сошли с ума, Ченнис. Просто, как я сказал, вы были так подготовлены. Россем — не Вторая Академия. Пойдемте. Мы тоже отправимся домой.

Последняя интерлюдия

Бейл Ченнис находился в небольшой комнате с белыми стенами. Сознание его постепенно приходило в норму. Он был счастлив тем, что жил в настоящем. Он видел стены, и окно, и траву под окном, но не помнил, как все это называется. Они просто были. Он видел кровать, и стул, и книги, которые перелистывались на экране библиовизора, стоявшего в ногах кровати. Он видел сиделку, которая приносила ему еду.

Сначала он пытался соединить обрывки фраз, которые он слышал. Кажется, говорили двое.

Один говорил:

— Пока — полная афазия. Все вычищено, и, думаю, полностью. Но без вреда. Теперь нужно только возвратить записи его первоначального сознания.

Он помнил звуки наизусть, но почему-то они казались ему особенными. Но напрягаться не хотелось, как и думать об этом.

Куда приятнее было смотреть на смену цветов на экране, лежа на том, на чем он лежал.

Потом кто-то вошел и что-то делал с ним, а потом он долго спал.

Когда он проснулся, кровать стала «кроватью», и он понял, что находится в «больнице», и все слова обрели смысл.

Он сел.

— Что происходит?

Рядом с ним был Первый Оратор.

— Вы во Второй Академии, и ваше сознание вернулось к вам — ваше собственное сознание.

— Да. Да! — Ченнис понял, что он — это он, и это его страшно обрадовало.

— А теперь скажите мне, — спросил Первый Оратор, — знаете вы, где Вторая Академия?

Истина окатила Ченниса теплой волной, но он не ответил. Как до него Эблинг Мис, он не испытал ничего, кроме всепобеждающего удивления.

Наконец он кивнул и ответил:

— Клянусь всеми звездами Галактики — теперь я знаю.

ЧАСТЬ II

ПОИСК ВЕДЕТ АКАДЕМИЯ

Глава 7

АРКАДИЯ

Дарелл, АРКАДИ — *писательница, родилась 11.5.362 А.Э., умерла 1.7.443 А.Э. Известная прежде всего как беллетрист, Аркади Дарелл снискала заслуженную славу автора блестящей биографии своей знаменитой бабушки — Байты Дарелл. Эта книга, основанная на достоверной информации, в течение многих веков служила главным источником данных о Муле и его времени. Книга вышла под названием «Неподслушанные мемуары» и, наряду с романом «Снова и снова и всегда», содержит блестящее описание высшего света Калгана времен начала Безвластия, основанное, как принято считать, на воспоминаниях Аркадии Дарелл о посещении ею Калгана в ранней юности...*

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Аркадия старательно продиктовала в микрофон своего принтера:

— «Будущее Плана Селдона», Аркадия Дарелл.

«Вот стану знаменитой писательницей, — подумала она, — и буду подписывать свои шедевры псевдонимом Аркади. Аркади — и все. Никакой фамилии».

«А. Дарелл» — такую подпись она пока была вынуждена ставить под своими сочинениями на уроках композиции и риторики. Это было ужасно скучно и обыденно. Так должны были подписывать свои сочинения все ученики — все, кроме Алинтуса Дама. Когда он

впервые подписал свое сочинение «А. Дам», класс чуть не помер со смеху.

Аркадия — ну и имечко! Годится для маленькой девчушки с бантиком в косичке. Ее так назвали в честь прабабушки. Ну неужели папа с мамой ничего получше придумать не могли? Фантазии у них, что ли, не хватило?

Теперь, когда ей было четырнадцать лет и два дня, уж теперь-то, по ее мнению, все должны были понять, что она уже взрослая, и называть ее Аркади...

Она презрительно скривила губы, отчетливо представляя, как отец отрывается от библиовизора и, улыбаясь, говорит: «Если ты сейчас притворяешься, будто тебе девятнадцать, что же будет, когда тебе будет двадцать пять, а? Все парни будут считать, что тебе все тридцать?»

Оттуда, где она сидела, забросив ноги на подлокотник кресла, ей было видно собственное отражение в зеркале. Только лицо загораживало отражение правой ноги, на большом пальце которой небрежно повисла домашняя тапочка. Она поправила тапочку, села прямо, неестественно выпрямив спину, совершенно уверенная в том, что стала выше дюйма на два, и постаралась придать своему облику королевское величие.

Аркадия придирчиво разглядывала свое лицо. «Щеки слишком пухлые», — подумала она и изо всех сил втянула их. Облизнула губы, чуть-чуть приоткрыла рот. Томно, устало опустила веки — право, все бы ничего, но этот дурацкий румянец!

Тогда она пальцами растянула веки, чтобы придать глазам то таинственное, экзотическое выражение, которым отличались женщины из центральных звездных систем, но тут ее отражение загородили собственные локти, и она не сумела разглядеть, хорошо ли вышло.

Она опустила руки, вздернула подбородок, повернула голову в полупрофиль и произнесла фразу, страдая от боли в неестественно вывернутой шее и рези в скошенных глазах:

— Знаешь что, папочка, если ты думаешь, что меня волнует, что про меня думают всякие ослы, то ты жестоко...

Тут она вспомнила, что в руке у нее микрофон, и сердито буркнула:

— О, черт! — и выключила приемное устройство.

На бледно-сиреневой бумаге, выползшей из принтера, отпечаталось следующее:

БУДУЩЕЕ ПЛАНА СЕЛДОНА

— Знаешь что, папочка, если ты думаешь, что меня волнует, что про меня думают всякие ослы, то ты жестоко...

О, черт!

Она раздраженно вырвала лист из принтера. На его место тут же вполз другой.

Она прочитала, что получилось, и усмехнулась. Очень мило, решила она. Очень даже элегантно и изящно.

Принтером — последним словом техники в писательском ремесле — она обзавелась позавчера. Он был куплен и подарен ей в ее первый взрослый день рождения. В магазине она капризно сказала отцу:

— Ну, папочка, у всех-всех, кто в нашем классе что-то из себя представляет или думает, что представляет, — у всех есть такие. Никто теперь, кроме каких-нибудь занюханных стариков, не пользуется механическими пишущими машинками!

Продавец усиленно рекламировал принтер:

— Это — самая компактная, самая удобная модель. Она может правильно писать орфографически, расставлять знаки препинания в соответствии со смыслом предложения. Кроме того, это устройство является и обучающим, поскольку заставляет пользующегося им правильно говорить и правильно дышать. В результате развивается верная постановка речи и получается безупречно написанный текст.

Но даже это не сразу убедило отца, и он склонен был все-таки купить ей пишущую машинку, как будто делал подарок не ей, а какой-нибудь тощей, как веник, классной даме.

Но в итоге было куплено именно то, что она хотела, — пришлось, правда, немного поклянчить и похныкать, но ведь ей было всего-навсего четырнадцать. И вот теперь она держала в руках лист бумаги с очаровательным началом сочинения, написанным так мило и резво — чисто по-женски. Буквы выглядели написанными от руки, а заглавные вдобавок были украшены красивыми завитушками.

Даже фраза «О, черт!» смотрелась неплохо.

Но такое начало не устроило бы учительницу. Поэтому Аркадия выпрямилась, сделала глубокий вдох и начала снова, старательно выдерживая паузу между словами. С театральным пафосом она произнесла:

— Будущее Плана Селдона.

Прошлое Академии, я думаю, хорошо известно всем, кто имел счастье обучаться в системе великолепных школ нашей планеты.

(Вот! Именно так надо было начать, чтобы угодить мисс Эрлкинг, этой старой грымзе.)

Наша история, наше прошлое — это в основном прошлое Великого Плана Селдона. Это — одно и то же. Но сегодня многие задают вопрос: будет ли выполнение Плана продолжено во всей его полноте и мудрости или он будет грубо и непоправимо нарушен? А может быть, он уже нарушен.

Чтобы понять это, лучше всего быстро пробежаться по основным положениям Плана в том виде, в котором он сегодня известен Человечеству.

(Этот абзац дался ей легко — в прошлом семестре они как раз изучали курс Новой Истории.)

Примерно четыре столетия назад, когда Первая Галактическая Империя была скована параличом, предшествовавшим ее окончательной гибели, один человек — великий Гэри Селдон — предвидел приближавшийся крах.

С помощью науки психоистории, хитросплетения математической теории которой с тех пор были утрачены...

(Тут она умолкла и засомневалась. Слово «хитросплетения» выглядело как-то не так. Ей почему-то казалось, что после «л» должно быть «и». Ну да ладно, машина тоже может ошибаться...)

Уже было слишком поздно, чтобы предотвратить упадок, но еще существовала возможность сократить продолжительность периода хаоса и анархии.

Поэтому План был составлен так, чтобы между падением Первой и возникновением Второй Империи прошло только одно тысячелетие. Мы находимся в конце четвертого столетия этого тысячелетия. Многие поколения людей жили и умерли, а План неизменно продолжал выполняться.

Гэри Селдон основал две Академии на противоположных концах Галактики — таким образом и в таких обстоятельствах, которые позволили бы наилучшим образом решать математические аспекты психоисторических проблем. В одной из них, нашей Академии, основанной здесь, на Терминусе, была сконцентрирована физическая наука Империи. Обладая достижениями этой науки, Академия отразила атаки варварских Королевств, которые отделились от старой Империи и обрели независимость на ее Периферии.

Постепенно Академия окончательно победила эти иллюзорные Королевства под руководством мудрых и героических людей — таких, как Сальвор Гардин и Хобер Мэллоу, которые сумели умно интерпретировать План и провести нашу страну через все его сложности.

(Она было снова хотела сказать «хитросплетения», но решила не рисковать.)

Все наши планеты до сих пор хранят память о тех днях, хотя прошли столетия.

Постепено Академия разработала и внедрила торго-

вую систему, благодаря которой взяла под контроль большую часть сивеннианского и анакреонского секторов Галактики и даже сумела победить остатки Первой Империи — армию, возглавляемую последним из великих генералов — Белом Риозом. Казалось, ничто не могло помешать выполнению Плана Селдона. Каждый из запланированных им кризисов наступал в соответствующее время и разрешался; преодолев очередной кризис, Академия делала очередной гигантский шаг по пути осуществления Плана, по направлению ко Второй Империи и Галактическому Миру.

И тогда...

(Тут у нее перехватило дыхание, в голосе от волнения появилась хрипота, но принтер бесстрастно продолжал.)

...когда исчезли последние останки Старой Империи и не стало других врагов, кроме никому не опасных диктаторов, правящих жалкими осколками и обломками падшего колосса...

(Эту фразу она почерпнула из боевика, который видела по библиовизору на прошлой неделе, но старая мисс Эрлкинг ничего, кроме симфоний и лекций, в жизни не слушала, поэтому и не узнает никогда, откуда взялся этот перл.)

...на сцену истории вышел Мул.

Этот необычный человек не был предусмотрен Планом. Он был мутантом, чье рождение не могло быть предсказано. Он обладал странной, таинственной силой управления человеческими эмоциями и сумел подчинить всех людей своей воле. С потрясающей легкостью он стал покорителем миров и создателем своей Империи и, наконец, сумел захватить и саму Академию.

Но вселенского господства ему достичь так и не удалось, поскольку как раз во время первого мощного броска к этой цели он был остановлен мудростью и отвагой великой женщины.

(Ну вот, опять — старая проблема. Отец наверняка

будет возражать против упоминания этого факта. Он не любил, когда она упоминала, что она — внучка Байты Дарелл. Но ведь это было известно всем, и Байта действительно была величайшей женщиной в истории, и именно она остановила Мула!)

А как это произошло на самом деле, никто точно не знает.

(Вот! Когда она будет читать это в классе, эту фразу она произнесет таинственно и загадочно, и кто-нибудь обязательно спросит, как же это на самом деле произошло, и тогда... ну что же, тогда она просто не сможет не рассказать правду. Если спросят — надо рассказать, правда же? Она прокручивала эту ситуацию в уме и представляла, какими словами она опишет великий подвиг своей бабушки.)

Через пять лет после начала единоличного правления Мула произошли непонятные изменения, причины которых неизвестны. Но факт остается фактом — Мул отказался от дальнейших завоеваний. Последние пять лет его правления были годами господства просвещенного деспота.

Некоторые говорят, что изменение намерений Мула было вызвано вмешательством Второй Академии. Однако до сих пор никому не удалось определить, где она находится и чем занимается. Поэтому гипотеза остается гипотезой.

Целое новое поколение появилось на свет после смерти Мула. Каково же будущее — после того, как он явился и ушел? Он прервал выполнение Плана Селдона и, казалось, разорвал его на части, но, как только он умер, Первая Академия вновь воспряла к жизни, как сверхновая звезда из мертвенного пепла звезды погасшей.

(А вот эту фразу она придумала сама.)

И вновь планета Терминус стала центром Торговой Федерации, почти такой же великой по размерам и богатству, какой была до завоевания, но гораздо более миролюбивой и демократичной.

Запланировано ли это? Жива ли до сих пор великая мечта Селдона и будет ли создана Вторая Галактическая Империя через шестьсот лет? Лично я верю в это, потому что...

(Это было очень важно — вставить фразочку такого типа. Мисс Эрлкинг вечно своим безобразным здоровенным красным карандашом черкала под их сочинениями что-нибудь вроде: «Чересчур описательно! Где твое собственное мнение? Подумай! Вырази свои мысли! Внеси свою душу!» — и тому подобное. Старая дура! Что бы она понимала в их душах — со своей чахлой, высушенной, как лимон, физиономией, никогда в жизни не улыбавшейся...)

...не было еще в истории более благоприятной политической ситуации. Старая Империя полностью разрушена, и период правления Мула завершил эпоху правления военных диктаторов, предшествовавшую его воцарению. Большая часть окружающих нас миров цивилизованна и миролюбива.

Кроме того, и внутренняя ситуация в Академии сейчас лучше, чем когда бы то ни было. Времена деспотизма наследственных мэров, правивших в Академии до Завоевания, прошли, и мы вернулись снова к демократическим выборам прежних времен. Не существует больше и мятежных миров Независимых Торговцев, нет несправедливости и неравномерности в распределении материальных благ, которые раньше были сосредоточены в руках малочисленных групп населения.

Поэтому нет причин опасаться неудач, если только действительно Вторая Академия сама по себе не представляет опасности. У тех, кто считает, что это так, нет фактов, которыми они могли бы подтвердить свои предположения. Есть только смутные опасения и суеверия. Я считаю, что мы должны верить в себя, в свой народ, что великий План Гэри Селдона должен прогнать из наших сердец всякую неуверенность, и...

(Гм-м-м... Это было ужасно избито, но в конце сочинения именно что-то в этом роде и требовалось.)

...поэтому я заявляю...

Но именно в это мгновение «Будущее Плана Селдона» было прервано — кто-то постучал в окно. Аркадия Дарелл выпрямилась и увидела за стеклом улыбающееся лицо молодого незнакомого мужчины, правильные черты которого подчеркивал указательный палец, прижатый к губам.

После короткой паузы, необходимой для того, чтобы справиться с неожиданностью, так не вовремя оторвавшей ее от исторического труда, Аркадия выбралась из кресла, подошла к кушетке, стоявшей у широкого окна, и встала на колени, чтобы разглядеть, кто же это такой.

Улыбка быстро исчезла с лица незнакомца. Стоять на карнизе под окном верхнего этажа ему явно было неудобно. Пальцы одной руки побелели, крепко сжимая край подоконника. Другой рукой он быстро произвел недвусмысленный жест. Аркадия поняла и нажала кнопку. Нижняя треть окна плавно отъехала в сторону, убравшись в проем стены. Теплый весенний воздух смешался с кондиционированным воздухом комнаты.

— Вы не сможете влезть в окно, — язвительно сообщила она. — Все окна в доме экранированы, и залезть может только тот, кто здесь живет. Если попытаетесь забраться, сработает целая куча сигнальных устройств.

Немного помолчав, она добавила:

— А умнее вы ничего не придумали? Зачем забрались на карниз? Вот свалитесь, шею сломаете и вдобавок кучу дорогущих цветов.

— Тогда, — сказал человек за окном, который, судя по всему, именно эту проблему и обдумывал, только с употреблением несколько других эпитетов, — может быть, ты все-таки будешь настолько добра, что отключишь экранирование и впустишь меня?

— Это еще зачем? — ехидно поинтересовалась Аркадия. — Вы, вероятно, ошиблись адресом, если принимаете меня за легкомысленную дурочку, которая впускает ночью кого ни попадя в свою... в свою спальню!

Произнося эти слова, она придала глазам такое выражение, что и впрямь можно было так подумать.

Лицо молодого незнакомца стало совсем серьезным.

— Это дом мистера Дарелла? — пробормотал он.

— С какой стати я должна отвечать?

— О, черт подери!..

— Если вы спрыгнете, юноша, я сама включу сигнализацию!

Слово «юноша» было сказано с легкой иронией — на наметанный взгляд Аркадии, злоумышленнику было никак не меньше тридцати.

После короткой паузы он взмолился:

— Послушай, детка, я вижу, ты не хочешь, чтобы я остался, и не хочешь, чтобы я ушел. Чего же ты от меня хочешь?

— Пожалуй, я вас все-таки впущу. Доктор Дарелл действительно здесь живет. Сейчас отключу экранирование.

Оглядевшись по сторонам, молодой человек покрепче ухватился за подоконник и скользнул в проем окна. Сердито отряхнул колени. Лицо его покраснело от напряжения.

— А ты уверена, что твоя репутация не пострадает, если меня здесь застанут, а?

— Не больше, чем ваша. Как только поблизости раздадутся чьи-нибудь шаги, я тут же заору во весь голос и объявлю, что вы сами сюда забрались.

— Да? — искренне удивился незнакомец. — А как ты собираешься объяснить, почему отключила защитное поле?

— П-ф-ф! Вот уж ерунда. Начнем с того, что никакого защитного поля нет и не было.

Незнакомец ошарашенно вытаращил глаза.

— Обманула, значит? Сколько тебе лет, детка?

— Неприличный вопрос, молодой человек. К тому же я не привыкла, чтобы меня называли «деткой».

— Неудивительно. Ты — не иначе как переодетая

прабабушка Мула. Может, мне лучше убраться отсюда подобру-поздорову, пока ты будешь готовить ужин с изысканными пытками в мою честь?

— Нет уж, пожалуй, вам лучше остаться. Мой отец ждет вас.

Взгляд незнакомца стал настороженным. Брови слегка приподнялись.

— Вот как? У него кто-нибудь уже есть в гостях?

— Нет.

— Кто-нибудь заходил к нему недавно?

— Только торговцы. И вот — вы.

— Ничего необычного не происходило?

— Кроме вашего появления — ничего.

— Про меня давай забудем. Хотя нет — погоди. Откуда ты знаешь, что отец ждет меня?

— О, это очень просто. На прошлой неделе он получил персональную капсулу, зашифрованную лично для него, с самоокисляющейся запиской. Оболочку он выбросил в дезинтегратор, а вчера он отпустил Полли — нашу служанку — на месяц в отпуск, понимаете, чтобы она поехала к сестре на Терминус. А сегодня вечером постелил себе в пустующей комнате. Поэтому я и догадалась, что он кого-то ждет и я об этом не должна знать. Обычно-то он мне все рассказывает.

— Неужели? Удивительно зачем. Похоже, ты и так все знаешь.

— Как правило, да.

Она весело рассмеялась. Она чувствовала себя все более уверенно. Незнакомец был взрослый, но очень неплохо выглядел — у него были длинные вьющиеся каштановые волосы и ярко-голубые глаза. Может быть, когда она станет взрослой, ей доведется с кем-нибудь вроде него познакомиться.

— Ну а все-таки, — настаивал незнакомец, — как ты догадалась, что он ждет именно меня?

— Господи, а кого же еще? Он ожидал кого-то и так таинственно к этой встрече готовился, если вы пони-

маете, о чем я говорю, и тут являетесь вы, прыгаете под окнами, влезаете на верхний этаж, вместо того чтобы просто взять и войти в переднюю дверь, как любой нормальный человек. — Тут ей на ум пришла любимая цитата, и она быстро проговорила: — Мужчины так наивны!

— А ты самоуверенна, детка! То есть, прошу прощения, — мисс. Ты можешь ошибаться. А что, если я скажу тебе, что все это — чепуха и твой отец, наверное, ждет кого-то другого?

— О нет, я так не думаю. Я же до тех пор не разрешила вам влезть в окно, пока не убедилась, что вы бросили свой портфель.

— Мой... что?

— Ваш портфель, молодой человек. Я не слепая. И уронили вы его не случайно — сначала поглядели вниз, чтобы удостовериться, что он упадет куда надо. Когда вы убедились, что он упал под изгородью, где его никто не заметит, больше вы вниз не смотрели. Потом: поскольку вы не вошли в дом через дверь, а полезли в окно, это означает, что вы боялись войти, не исследовав для начала обстановку. А после того как мы тут с вами немного попрепирались, когда вы еще были за окном, вы решили позаботиться о своем портфеле, что означает, что его судьба вам более дорога, чем ваша собственная, а уж вот это означает, что, пока вы здесь, а портфель — там, а мы оба знаем, что он там, вы скорее всего просто беспомощны.

Она остановилась, чтобы набрать побольше воздуха в легкие, а гость, вымученно улыбнувшись, проговорил:

— Ну да, только если мне не взбредет в голову стукнуть тебя покрепче и удалиться с портфелем.

— Ну да, молодой человек, если только у меня под кроватью не лежала бы бейсбольная бита, достать которую я могу всего за две секунды. Я не такая уж слабенькая, как может показаться.

Незнакомец просто онемел. Наконец с вымученной улыбкой он выговорил:

— Пожалуй, надо представиться, раз уж мы так мило беседуем. Меня зовут Пеллеас Антор. А тебя?

— Меня — Аркади. Аркади Дарелл. Очень приятно.

— Ну а теперь, Аркадия, будь паинькой и позови папу.

Аркадия нахмурилась:

— Я вам не паинька. Вы жутко невоспитанны, особенно если учесть, что обращаетесь ко мне с просьбой.

Пеллеас Антор обреченно вздохнул:

— Ладно, будь по-твоему. Будь хорошей, милой, дряхлой, насквозь пропахшей нафталином старушкой и позови папу. Идет?

— Это не то, чего я ожидала, но, так уж и быть, позову. Но учтите, с вас я глаз не спущу, молодой человек.

Она громко топнула ногой. В холле тут же раздался звук поспешных шагов, и дверь распахнулась настежь.

— Аркадия! — изумленно вскрикнул отец. — Кто вы такой, сэр?

Пеллеас облегченно вскочил на ноги.

— Доктор Торан Дарелл? Я — Пеллеас Антор. Надеюсь, вам сообщили обо мне. По крайней мере... так утверждает ваша дочь.

— Утверждает моя дочь?

Он, нахмурившись, взглянул на Аркадию, но она встретила его испытующий взгляд широко раскрытыми невинными глазами.

Доктор Дарелл вынужден был признаться:

— Да, я вас ждал. Пожалуйста, пройдемте со мной.

Он шагнул к двери, но оглянулся и в следующий момент был рядом с принтером. Аркади рванулась за ним. Отец мягко упрекнул ее:

— Ты все время оставляешь его включенным, Аркадия.

— Папа! — обиженно вскрикнула она. — Это возмутительно! Настоящий джентльмен никогда не станет читать чужие письма, особенно если это «говорящее письмо»!

— Ах-ах! — покачал головой отец. — Но «говорящее письмо» написано в присутствии незнакомого мужчины в твоей спальне. Должен же я блюсти твою нравственность.

— Елки-палки, да ничего такого не было!

Пеллеас неожиданно расхохотался:

— Было, было, доктор Дарелл! Юная леди пыталась обвинить меня в самых тяжких грехах, поэтому я настаиваю, чтобы вы все прочитали, чтобы моя совесть была чиста.

— О! — вскричала Аркадия, с трудом сдерживая слезы. Даже собственный отец ей не доверял. А еще этот проклятый принтер! И надо же было этому идиоту влезть в окно — конечно, из-за него она и забыла выключить устройство. А теперь отец наверняка начнет читать ей мораль по поводу того, что можно и чего нельзя делать юным леди. А юной леди только останется, что горько вздохнуть и умереть от горя.

— Аркадия, — начал отец, — меня просто поражает, как юная леди...

Она так и знала, так и знала...

— ...может вести себя так бесцеремонно с человеком, который намного старше ее.

— А с какой стати ему понадобилось лезть ко мне в окно? Имею я право защищать свою собственность или нет? Теперь еще придется заново переписывать это треклятое сочинение!

— Во всяком случае, ты не должна была предлагать ему лезть в твое окно. Нужно было сразу позвать меня. В особенности если ты знала, что я его жду.

Она вызывающе сощурилась.

— Вот уж — нашел кого ждать. Если он все время собирается в окна влезать, то любое дело испортит.

— Аркадия, здесь никого не интересует твое мнение по вопросам, в которых ты ничего не понимаешь!

— Я не понимаю? Отлично понимаю! Дело во Второй Академии, вот в чем!

Все молчали. Даже у самой Аркадии противно засосало под ложечкой.

Доктор Дарелл мягко поинтересовался:

— С чего ты взяла?

— Ни с чего. Только неоткуда больше взяться такой таинственности. Можешь не беспокоиться, я не проболтаюсь.

— Мистер Антор, — пробормотал Дарелл, — я вынужден просить у вас прощения за все происходящее.

— О, что вы, не за что, — глухо отозвался Антор. — Не виноваты же вы, в конце концов, в том, что ваша дочь вступила в общение с темными силами... Вы не будете возражать, если я задам ей один вопрос, прежде чем мы уйдем? Мисс Аркадия...

— Что вам угодно?

— Почему вы считаете, что влезать в окно глупее, чем войти в дверь?

— Да потому что сразу становится ясно, что вы что-то скрываете, глупец! Если у меня есть тайна, я не стану заклеивать себе рот пластырем, чтобы все до одного догадались, что я боюсь проболтаться. Наоборот, я говорю столько же, сколько обычно, но совсем о другом. Вы когда-нибудь читали афоризмы Сальвора Гардина? Надеюсь, вы знаете, что он был нашим первым мэром?

— Да, знаю.

— Ну так вот, он говорил, что только та ложь хороша, за которую не стыдно. А еще он говорил, что не все должно быть правдой, но все должно выглядеть правдиво. Ну так вот: когда вы влезаете в окно, это как раз та самая ложь, за которую стыдно и которая правдиво не выглядит.

— Ну а вы как поступили бы на моем месте?

— Если бы я была на вашем месте и мне нужно было познакомиться с моим отцом или посетить его по крайне секретному делу, я бы познакомилась с ним совершенно открыто и встретилась совершенно легально. И тогда, когда бы все знали, что ваши отношения с мо-

им отцом сами собой разумеются, вы бы сохранили свою тайну в целости и сохранности и никому в голову не пришло бы вас в чем-то заподозрить.

Антор оторопело смотрел на девочку. Потом отвел взгляд в сторону. Откашлявшись, он сказал Дареллу:

— Пойдемте, доктор. Мне нужно подобрать в саду свой портфель. Нет, еще одну минутку. Только один вопрос. Аркадия, у тебя ведь нет под кроватью бейсбольной биты, правда?

— Нет, конечно!

— Ха! Я так и думал!

Доктор Дарелл остановился на пороге.

— Кстати, Аркадия, когда будешь переписывать сочинение, постарайся избежать этих туманных намеков на свою бабушку. Я считаю, что вполне можно выпустить эту часть.

Он и Пеллеас молча спускались по лестнице. Гость осторожно поинтересовался:

— Извините, сэр... Сколько ей лет?

— Позавчера исполнилось четырнадцать.

— *Четырнадцать?* Боже милосердный... Скажите, она вам говорила когда-нибудь, что в один прекрасный день выйдет замуж?

— Нет, пока не говорила.

— Знаете, когда она об этом объявит, лучше сразу пристрелите жениха.

Молодой человек без тени юмора смотрел в глаза хозяина.

— Я говорю совершенно серьезно. С ней и сейчас-то страшно, а когда ей будет двадцать... нет, не завидую я ее жениху. Ради бога, только не обижайтесь.

— Я и не обижаюсь. Я понимаю, о чем вы говорите.

А наверху объект столь тонкого психоанализа — усталая, обиженная Аркадия сжала в руке микрофон и продиктовала полусонным голосом: «Будущеепланаселдона». Принтер невозмутимо снабдил эту абракадабру соответствующим количеством изящных заглавных букв, и на бледно-сиреневом листе появилось название:

«Будущее Плана Селдона».

Глава 8

ПЛАН СЕЛДОНА

Представьте себе комнату!

Где конкретно она находилась, сейчас неважно. Достаточно будет сказать, что в этой комнате — больше, чем где бы то ни было — существовала Вторая Академия.

Эта комната на протяжении столетий была колыбелью чистой науки, но в ней не было ни одного из тех приспособлений, которые мы привыкли видеть в лабораториях ученых. Здесь обитала наука, оперирующая только математическими понятиями, — так работали древние мыслители в доисторические времена, когда человек еще не шагнул за пределы своего собственного знакомого мира.

Итак, во-первых, в комнате находился защищенный силой психоисторической науки, которую до сих пор не смогла победить вся объединенная физическая мощь Галактики, Главный Радиант — вся суть, вся полнота Плана Селдона.

Во-вторых, в комнате находился человек — Первый Оратор.

Он был двенадцатым в череде главных хранителей Плана, а титул его означал единственное: на встречах руководителей Второй Академии за ним было первое слово.

Его предшественник победил Мула, но ошибка, допущенная во время этой чудовищной схватки, до сих пор сказывалась — прямая линия была искривлена...

Уже двадцать пять лет он и его сотрудники пытались вернуть Галактику, населенную упрямыми, глупы-

ми людьми, назад, на верную дорогу. Это было чудовищно трудно.

Первый Оратор взглянул на робко открывшуюся дверь. Все время, пока он в одиночестве вспоминал о напряженнейшей борьбе, которая медленно и неизбежно шла к развязке, — все это время он не забывал о том, кто должен был прийти к нему. О юноше, Студенте, одном из тех, кому суждено было когда-то победить в этой борьбе.

Молодой человек неуверенно остановился на пороге. Первый Оратор встал, подошел к нему и провел его в комнату, мягко положив руку на его плечо.

Студент смущенно улыбнулся, и Первый Оратор улыбнулся ему в ответ.

— Во-первых, я должен объяснить тебе, почему ты здесь.

Они сидели друг против друга за письменным столом и разговаривали так, как принято разговаривать только во Второй Академии.

Речь — изначально — была средством, которое человек разработал для передачи своих мыслей и эмоций. Средство это далеко от совершенства. Решив, что определенные звуки и комбинации звуков должны выражать определенные нюансы мышления, человек создал метод коммуникации, который, однако, за счет своей громоздкости свел на нет всю тонкость мозговой деятельности, превратив ее в грубые голосовые сигналы.

Назад в прошлое... Назад... Вспомним все радости и страдания, которые когда-либо знало человечество, и мы сможем увидеть и понять, что ни один человек до Гэри Селдона и нескольких его последователей не был способен по-настоящему понимать другого человека. Каждое человеческое существо жило за непроницаемой перегородкой душного тумана, внутри которой существовал только он, и никто другой. Порой человек улавливал сигналы из глубины пещеры, в которой жил другой человек, — может, звал на помощь, может — хотел

что-то сказать. Но потому что они не знали друг друга, и не могли понимать друг друга, и не осмеливались доверять друг другу, но при этом с детства ощущали страх и опасность полной изоляции — возникла предательская ненависть человека к человеку.

Тысячелетия схоронили под грудами земли и пепла умы, которые все это время не утрачивали способности общаться со звездами.

На ощупь, неумело, инстинктивно человек искал, как выбраться из темницы обычной речи. Семантика, математическая логика, психоанализ — лишь средства, с помощью которых люди либо пытались формализовать, очистить речь, либо вовсе избавиться от нее.

Психоистория стала достижением психологической науки, вернее — ее конечной математизацией, что в конце концов и стало залогом успеха. За счет развития математики, необходимого для понимания фактической стороны нейрофизиологических процессов, электрохимической основы высшей деятельности, которые сами по себе должны были быть прослежены до атомного уровня, стало впервые возможно развить истинную психоисторию. А за счет экстраполяции знаний об индивидуальной психологии на большие массы населения была разработана математическая основа социологии.

Более крупные группы людей — миллиарды, населявшие планеты, триллионы, населявшие секторы Галактики, квадриллионы, населявшие всю Галактику, стали рассматриваться не просто как огромные массы человеческих существ, а как грандиозные силы, действие которых можно подвергнуть статистической обработке. Для Гэри Селдона, таким образом, будущее стало зримым и неизбежным, и появилась возможность разработать План.

Те самые достижения психологической науки, которые привели к разработке Плана Селдона, и были причиной того, что Первому Оратору не было нужды пользоваться словами в разговоре со Студентом.

Любая реакция на стимул, даже самый слабый, четко указывала на мельчайшие изменения в течении мыслей в сознании собеседника. Первый Оратор не мог почувствовать эмоциональное состояние Студента инстинктивно, как это мог бы сделать Мул, — поскольку Мул был мутантом, психические способности которого невозможно сравнить со способностями обычного человека, будь этот человек даже из Второй Академии. Он скорее дедуктивно исследовал его. Эту способность обретали в результате интенсивного обучения.

Однако поскольку совершенно невозможно хотя бы приблизительно передать человеку, выросшему в обществе, в среде, где общение основано исключительно на речи, тонкости манеры коммуникации, которой пользовались люди из Второй Академии, общаясь друг с другом, этот вопрос мы впредь опустим. Представим себе, что они говорят совершенно обычно, как мы с вами, и, если перевод не всегда будет адекватным, все равно лучше не передашь.

Итак, представим себе, что Первый Оратор на самом деле сказал:

— Во-первых, я должен объяснить тебе, почему ты здесь.

Хотя в действительности он просто улыбнулся и поднял вверх указательный палец.

И добавил:

— Ты упорно и успешно всю сознательную жизнь изучал науку о мышлении. Ты впитывал все знания, которые тебе могли дать твои учителя. Теперь пришло время тебе и еще нескольким твоим товарищам начать обучение ораторскому искусству.

С другого края стола ответом ему было безмолвное волнение.

— Нет. Волноваться не нужно. Ты думал, что тебе предстоит испытание. Ты боялся, что не выдержишь. На самом деле и надежда, и страх — проявления слабости. Ты знал, что тебя будут оценивать, и боишься в

этом признаться, потому что знание такого рода может показать тебя слишком самоуверенным и, следовательно, негодным. Чепуха! Самый безнадежный тупица — как раз тот, кто не знает, что он мудр. Часть оценки твоей квалификации как раз и состоит в том, что ты знал, что тебя будут оценивать.

С другого края стола ответом ему было молчаливое облегчение.

— Ну вот. Теперь тебе легче, и опасениям твоим конец. Теперь тебе будет легче сконцентрироваться и понять меня. Помни: для достижения наилучшего эффекта нет необходимости держать сознание за прочным, контролирующим барьером — для тонкого собеседника такой барьер столь же информативен, как обнаженное сознание. Наоборот, следует развивать, культивировать наивность, сознание собственной стеснительности, которая не позволяет ничего скрывать от собеседника. Мой разум открыт для тебя. Пусть и твой откроется тоже.

Он продолжал:

— Быть Оратором нелегко. Во-первых, нелегко быть психоисториком, и даже лучшие психоисторики не всегда выдерживают экзамен на звание Оратора. Тут есть различие. Оратор должен не только знать все математические сложности Плана Селдона — он должен любить План. План должен стать его жизнью, его дыханием, чем-то вроде живого, осязаемого друга. Знаешь ли ты, что это такое?

Рука Первого Оратора мягко легла на поверхность черного блестящего куба, стоявшего в центре стола. Ничего особенного в нем не было. Куб как куб.

— Нет, Оратор, не знаю.

— Ты слышал когда-нибудь о Главном Радианте?

— Это... он? (Неподдельное удивление.)

— Ты ожидал увидеть нечто более таинственное, вызывающее благоговение? Ну что ж, это естественно. Радиант был создан во времена Империи соратниками Селдона. Почти четыреста лет он верой и правдой слу-

жит нам и нашим целям, не требуя ни ремонта, ни наладки. И это отрадно, поскольку никто во Второй Академии не имеет понятия, как с ним обращаться с технической точки зрения.

Он мягко улыбнулся.

— Знай о нем люди из Первой Академии, они, пожалуй, смогли бы изготовить копии, но они никогда о нем не узнают.

Он нажал рычажок на краю стола, и комната погрузилась в темноту. Но только на мгновение, потому что постепенно стали загораться и оживать две противоположных стены. Вначале их поверхность мерцала жемчужно-белым светом, потом тут и там стали появляться темные пятнышки и черточки, которые в конце концов превратились в четко, ярко выписанные уравнения, кое-где подчеркнутые или обведенные тонкими красными линиями, похожими на полосы охотничьих флажков в густом темном лесу.

— Подойди, мой мальчик, стань вот здесь, у стены. Не волнуйся, ты не отбрасываешь тени. Этот свет идет от Радианта не так, как обычный свет. Правду сказать, я и сам не знаю точно, как именно он образуется, но тени ты не отбрасываешь. Это я знаю точно.

Они стояли рядом в лучах света. Длина каждой стены составляла тридцать, а высота — десять футов. Цифры были написаны мелко и покрывали каждый квадратный дюйм поверхности стен.

— Здесь — не весь План, — объяснил Первый Оратор. — Чтобы он весь поместился на обеих стенах, нужно было бы уменьшить цифры до микроскопического размера — но это не нужно. То, что ты видишь сейчас, представляет собой главную часть Плана на сегодняшний день. Тебя учили этому, так ведь?

— Да, Оратор, я это изучал.

— Узнаешь какой-нибудь фрагмент?

Долгое молчание. Наконец Студент робко указал пальцем, и как только он это сделал, строчка уравнений

опустилась вниз по стене на уровень глаз. Трудно себе представить, как быстро перед ним оказалась именно та группа функций, о которой он думал.

Первый Оратор тихо рассмеялся:

— Ты скоро поймешь, что Главный Радиант настроен на твое сознание. В этом маленьком устройстве множество сюрпризов. Так что ты хотел сказать о тех уравнениях, которые избрал?

— Это, — робко начал Студент, — интеграл Ригеля с использованием планетарного распределения диагонали, указывающей на наличие двух главных экономических классов на планете, а может быть — в секторе, плюс неустойчивая картина эмоциональных настроений.

— А что он обозначает?

— Он обозначает предел напряженности, поскольку вот здесь, — он указал пальцем, и уравнение опустилось еще ниже, — серия конвергенций.

— Хорошо, — похвалил его Первый Оратор. — А теперь скажи мне, что ты об этом думаешь. Совершенное произведение искусства, не правда ли?

— Потрясающе!

— А вот и неправда. Нет!

И резко добавил:

— Это — первый урок, который ты должен выучить. План Селдона неполон и не до конца верен. Просто он — лучшее, что могло быть в то время. Десяток поколений людей корпел над этими уравнениями. Их разрабатывали, уточняли до последней цифры после запятой и снова собирали вместе. Наши предшественники сделали еще больше. Четыреста лет они сверяли все прогнозы и уравнения с реальностью и кое-что поняли.

Они узнали больше, чем когда-либо знал Селдон, и теперь, обогащенные знаниями, накопленными за века, мы можем сделать больше и лучше. Тебе понятно, о чем я говорю?

Студент был явно обескуражен.

— До того как ты получишь звание Оратора, — про-

должал Первый Оратор, — ты должен будешь внести свою лепту в выполнение Плана. И не думай, что это такое уж страшное святотатство. Каждая красная пометка, которую ты здесь видишь, — это вклад наших соратников, живших и трудившихся над Планом со времен Селдона. Так... Так... — он поднял голову. — Вот здесь!

Казалось, полстены мигом упало к его ногам.

— Вот здесь, — сообщил он, — моя работа.

Тонкой красной линией, образованной двумя квадратными скобками, было обведено шесть квадратных футов уравнений. Свободное пространство между скобками заполняла серия уравнений, написанных красным.

— Как видишь, немного, — сказал Первый Оратор. — Это, — пояснил он, — та точка Плана, которой мы не достигнем даже за то время, что прошло с начала его выполнения. Это период коалесценции, когда будущая Вторая Империя будет находиться в руках соперников. В случае равной борьбы они разорвут ее на части, а если силы будут неравны, сожмут в комок. Здесь учтены и прослежены обе вероятности и показан способ, с помощью которого можно избежать обеих крайностей.

Однако поскольку мы имеем дело с вероятностями, не исключен и третий вариант. Вероятность его относительно низка — если точнее — двенадцать и шестьдесят четыре сотых процента, но события, имевшие и более низкую вероятность, уже имели место в истории. А План на сегодняшний день осуществлен только на сорок процентов. Этот третий вариант состоит в возможности компромисса между двумя и более противоборствующими сторонами, учтенной здесь. Это, как мне удалось показать, вначале «заморозит» создание Второй Империи, лишив само это понятие притягательности, а потом постепенно докажет, что гражданские войны, которые разразились бы в случае, если бы компромисс не был достигнут, нанесли бы гораздо больше вреда. К счастью, это тоже можно предотвратить. Вот таков мой вклад.

— Если мне будет позволено прервать вас, Оратор... Каким образом вносятся изменения в План?

— При Радианте существуют Комиссии. В твоем случае ты будешь иметь возможность убедиться, что все твои математические расчеты будут проверяться самым тщательным образом пятью различными независимыми Комиссиями, и тебе придется защищать свои выводы от беспощадных и пристрастных оппонентов. Пройдет два года, и твои выводы будут снова подвергнуты оценке. Уже бывали случаи, когда кажущийся безупречно выполненным фрагмент работы открывал свои просчеты только после нескольких месяцев и даже лет. Порой и сам разработчик обнаруживает собственные ошибки.

Если через два года, на следующем испытании, не менее трудном, чем первое, ты выстоишь, а что еще лучше — если в промежутке между испытаниями представишь дополнительные детали, доказательства, то твои изменения будут внесены в План. Это была вершина моей карьеры, будет вершиной и твоей.

Главный Радиант может быть настроен на твое сознание, и все коррекции и добавления могут быть произведены за счет мысленного контакта. Нет необходимости уточнять, что они принадлежат именно тебе. За всю историю Плана личность разработчика никогда не уточнялась. Это, скорее, — наш общий труд. Понимаешь?

— Да, Оратор!

— Ну что ж, тогда хватит об этом.

Он шагнул к Главному Радианту, нажал рычажок, и стены снова стали белыми, осталось только освещение на верхних кромках.

— Присаживайся, и давай еще поговорим с тобой. Психоисторику как таковому достаточно знать свою биостатистику и свою электрохимическую нейроматематику. Некоторые больше ничего и не знают и годятся только на то, чтобы работать инженерами-статистиками. Но Оратор должен быть способен обсуждать План

без применения математики. Если не сам План, то, по крайней мере, его философскую основу и его цели.

Во-первых, какова цель Плана? Попробуй сказать своими словами — и не бойся показаться излишне сентиментальным. Я не буду судить тебя с точки зрения отточенности стиля, уверяю тебя.

Впервые Студенту нужно было попробовать «произнести» больше чем двусложные ответы, и он растерялся, прежде чем ступить на ожидавшее его поле беседы.

Он застенчиво, неуверенно начал:

— Как меня учили... то есть я верю, что План нужен для того, чтобы создать человеческую цивилизацию с ориентацией, коренным образом отличной от всех, когда-либо существовавших. С такой ориентацией, которая, по данным психохимии, спонтанно не возникла бы никогда...

— Стоп! — резко прервал его Первый Оратор. — Ни в коем случае не говори «никогда». Только лентяи, умалчивая факты, этим словом прикрывают собственную лень. На самом деле психоистория лишь предсказывает вероятности. Вероятность отдельного события может быть и ничтожно мала, но всегда выше нуля.

— Да, Оратор. «Желаемая ориентация», если мне будет позволено поправить себя, как хорошо известно, не имеет высокой вероятности развиться спонтанно.

— Уже лучше. Какова же ориентация?

— Это ориентация цивилизации, основанной на психологической науке. На протяжении всей известной истории Человечества его достижения лежат главным образом в сфере физической технологии, в способности управлять неодушевленным миром, окружающим Человека. Самоконтроль и управление социальными явлениями были оставлены на произвол судьбы или исключительно слабых попыток систем интуитивной этики, базирующихся на воодушевлении и первичных эмоциях. В итоге не существовало ни одной культуры, стабильность которой превышала бы пятьдесят пять процентов. И все это — результат величайшей ошибки Человечества.

— А почему ориентация, о которой мы говорим, не спонтанна?

— Потому что огромное большинство человеческих существ, с психологической точки зрения, настроены на то, чтобы принимать участие в приоритетном развитии физических наук, и все они получают за счет этого грубые и осязаемые преимущества. Однако все же существует крайне ограниченное меньшинство людей, от рождения способных вести Человечество по пути величайших достижений науки о мышлении, но ценности, получаемые при этом, хотя и более долговечны, гораздо менее очевидны и более тонки. Кроме того, поскольку такая ориентация привела бы к созданию хоть и миролюбивой, но все-таки диктатуры лучших в психологическом плане, то есть фактически — элиты Человечества, — это вызвало бы недовольство и возмущение большинства, и такое общество не сможет быть стабильным — без применения силы, которая подавляла бы остальное Человечество на грубом уровне. Подобное развитие событий для нас нежелательно, и его следует избегать.

— Каков же вывод?

— Решение — План Селдона. Были созданы и закреплены такие условия, что за тысячелетие с начала выполнения Плана — через шестьсот лет с сегодняшнего дня — будет основана Вторая Империя, в которой Человечество будет подготовлено к жизни под управлением психологической науки. В это же самое время Вторая Академия, непрерывно развиваясь, даст миру группу ученых, Психологов, способных возглавить Человечество. Или, как я сам часто думал, Первая Академия будет обеспечивать физическую структуру единственной политической единицы, а Вторая — ментальную структуру готового правящего класса.

— Понятно. Очень неплохо. Как ты думаешь, всякая ли Вторая Империя, созданная ко времени, запла-

нированному Селдоном, будет означать завершение выполнения Плана?

— Нет, Оратор, я так не думаю. Существует несколько вариантов Второй Империи, способных образоваться за период времени продолжительностью от девятисот до тысячи семисот лет после начала выполнения Плана, но только одна из них — действительно Вторая Империя.

— И в свете этого, скажи, почему существует необходимость скрывать существование Второй Академии — прежде всего от Первой Академии?

Студент робко попытался проникнуть в сознание Первого Оратора, стараясь разгадать, нет ли в вопросе какого-нибудь подвоха, но ему это не удалось. Он осторожно ответил:

— По той же самой причине, по которой детали всего Плана не должны быть известны всему Человечеству. Законы психоистории по природе стàтистичны и теряют ценность, если действия отдельных людей начинают носить произвольный характер, перестают быть случайными. Если значительная группа людей узнает о главных деталях Плана, их действия станут определяться этими знаниями и утратят непроизвольность, случайность в свете аксиом психоистории. Другими словами, пропадет возможность прогнозировать такие действия. Прошу прощения, Оратор, я чувствую, что ответил не совсем правильно...

— Хорошо, что чувствуешь. Твой ответ далеко не полон. Скрыта в тайне должна быть сама Вторая Академия, а не только План. Вторая Империя пока не образована. Пока имеем общество, которое будет сопротивляться возвышению правящего класса Психологов, которое будет сторониться такого пути развития и бороться с ним. Понимаешь?

— Да, Оратор, понимаю. Но этот момент никогда не подчеркивали...

— Не надо оправдываться. Да, этого никогда не делали в классе, но ты бы мог и сам до этого додуматься. Этот и многие другие моменты мы обсудим сейчас и во время твоего обучения в ближайшем будущем. В следующий раз я жду тебя через неделю. К этому времени мне хотелось бы услышать от тебя комментарии по определенной проблеме, которую я сейчас перед тобой поставлю. Не обязательно проводить полную и тщательную математическую обработку. Эксперту на это потребовался бы год, а тебе я даю всего неделю. Мне нужно, чтобы ты только обозначил тенденции и направления...

Он нажал кнопку, и рядом на стене загорелся небольшой встроенный экран.

— Вот здесь в Плане есть разветвление. Это время примерно пятьдесят лет назад. Необходимые уточнения приложены. Ты заметишь, что линия, выведенная из предполагавшейся реальности, отклоняется от графика. Вероятность — ниже одного процента. Ты должен будешь определить, как долго может продолжаться это отклонение, прежде чем оно станет невозможным для корректировки. Попробуй определить также, к чему это приведет, если не будет внесена коррекция, и предложить разумный способ коррекции.

Студент быстро пробежал глазами строчки на экране.

— Но почему, — растерянно спросил он, — именно эта проблема? Ведь у нее, Оратор, несомненно, есть значение, отличное от чисто академического?

— Прекрасно, мой мальчик. Ты подаешь большие надежды. Впрочем, я этого ожидал. Да, проблема не абстрактна. Примерно пятьдесят лет назад в галактическую историю ворвался Мул, и в течение десяти лет не было факта важнее, чем его существование. Его появление не было предусмотрено и рассчитано. Он серьезно повредил Плану, но не смертельно.

Но чтобы остановить его, пока вред действительно не стал фатальным, нам пришлось активно выступить против него. Мы обнаружили наше существование. Что

еще хуже, мы частично продемонстрировали свою силу. Первая Академия узнала о нас, и их действия теперь основаны на этом знании. Вот посмотри. Вот здесь... и здесь.

Полагаю, нет нужды объяснять тебе, что об этом ты не должен говорить ни с кем?

Возникла напряженная пауза, в течение которой к Студенту постепенно пришло понимание. Он спросил:

— Значит... План Селдона провалился?

— Пока нет. Он просто *мог* провалиться. По последней оценке, вероятность его успешного выполнения составляет пока двадцать один и четыре десятых процента.

Глава 9

КОНСПИРАТОРЫ

Вечера доктор Дарелл и Пеллеас Антор проводили в дружеских беседах, а дни — в приятном ничегонеделании. Все выглядело как самый обычный визит. Знакомым доктор Дарелл представил своего гостя как прилетевшего издалека двоюродного брата, вследствие чего интерес к незнакомцу был также самый обычный.

Ну а если время от времени кто-то и проявлял любопытство, доктор Дарелл, не задумываясь, отвечал то «да», то «нет» — в зависимости от обстоятельств. В один прекрасный день он разослал по общей линии связи приглашение на вечеринку, звучавшее так: «Не желаете ли познакомиться с моим кузеном?»

Аркадия готовилась по-своему. Ее приготовления носили самый невинный характер.

Например, она вынудила Алинтуса Дама подарить ей маленький самодельный приемник — идеальное подслушивающее устройство. Сделала это она таким способом, что можно искренне пожалеть всех особ мужского пола, с которыми ее могла свести судьба в будущем. Короче: она просто-напросто проявила неподдельный интерес к страстному увлечению Алинтуса — у того дома была своя мастерская. Кроме того, она проявила неожиданное внимание и к его совершенно невыразительной внешности. Вскоре несчастный юнец, к собственному удивлению, обнаружил, что он: 1) долго, нудно и восторженно излагает принципы деятельности гиперволнового реле; 2) испытывает сильное головокружение от взгляда больших задумчивых глаз и 3) отдает в руки Аркадии свое гениальное произведение — вышеупомянутый приемник.

После получения подарка Аркадия какое-то время поддерживала с Алинтусом довольно теплые отношения, чтобы не вызывать лишних подозрений. Еще много месяцев спустя Алинтус вспоминал о своем коротком блаженстве, но, убедившись, что счастью конец, повздыхал и перестал вспоминать.

Наступил седьмой вечер после появления Антора. В гостиной доктора Дарелла, поглощая угощение и пуская клубы дыма, сидело пятеро мужчин, а наверху, на письменном столе Аркадии стояло совершенно невинное на вид творение гения Алинтуса Дама...

Итак, их было пятеро. Прежде всего сам доктор Дарелл — седеющий, изысканно одетый, выглядевший чуть старше своих сорока двух. Пеллеас Антор — сегодня подчеркнуто серьезный, выглядевший молодо и не очень уверенный в себе. И еще трое: Джоуль Турбор, известный тележурналист, — грузный, губастый; доктор Эльветт Семик, университетский профессор физики, — худой, с желтоватым морщинистым лицом, заполнявший, образно говоря, половину своего костюма; и последний — Хомир Мунн, известный библиограф, — тощий, стеснительный, ужасно неуклюжий.

Доктор Дарелл начал легко, в своей обычной деловой манере:

— Наша встреча, джентльмены, посвящена не про-

сто социальной проблеме. Надеюсь, вы это понимаете. Не случайно я пригласил вас — ваша деятельность отмечена заслугами совершенно определенного толка. Я не собираюсь вас запугивать, но все же подчеркну, что все мы, в любом случае, приговорены.

Но как бы то ни было — никто из вас не был приглашен сюда тайно. Никому из вас не пришлось, добираясь сюда, оглядываться по сторонам. Окна дома не экранированы и не занавешены. Для того чтобы враг обнаружил нас, самое лучшее — это привлечь его внимание, а самый легкий способ привлечь внимание — это создать обстановку дешевой театральной таинственности.

«Ага!» — усмехнулась Аркадия, склонившись над черной коробочкой, откуда доносились слегка искаженные расстоянием голоса.

— Вы понимаете меня?

Эльветт Семик покусал нижнюю губу — так он делал всегда, когда собирался что-нибудь сказать.

— Ладно, Дарелл, не тяните волынку. Представьте нам молодого человека.

— Его имя — Пеллеас Антор. Он ученик моего старшего товарища по работе, Кляйзе, умершего в прошлом году. Доктор Кляйзе прислал мне его энцефалограмму, сделанную незадолго до его кончины, которую я сравнил с энцефалограммой человека, который сейчас перед вами. Вы знаете, что «портрет» мозга человека продублировать невозможно, — как отпечатки пальцев. Это неподвластно даже Психологам. Если вы этого не знаете, придется вам поверить мне на слово.

Надув губы, Турбор проворчал:

— Ближе к делу. Естественно, мы верим вам на слово, ведь после смерти Кляйзе вы — величайший электроневролог в Галактике. По крайней мере, в одной из телепередач я именно так вас представил. Сколько вам лет, Антор?

— Двадцать девять, мистер Турбор.

— Гм-м-м... И вы тоже электроневролог? И тоже великий?

— Нет, сэр, я только учусь. Но я упорно работаю, и мне посчастливилось учиться у самого Кляйзе.

Тут вмешался Мунн. Волнуясь, он здорово заикался.

— Я д-думаю, п-пора бы начать. П-по-моему, с-слишком много ра-азговоров.

Доктор Дарелл, слегка нахмурившись, взглянул на Мунна:

— Вы правы, Мунн. Приступайте, Антор.

— Не сразу, — медленно проговорил Пеллеас. — Прежде чем мы приступим к самому главному, мне хотелось бы сделать энцефалограммы всех присутствующих.

Дарелл нахмурился сильнее:

— О чем вы, Антор? Зачем вам наши энцефалограммы?

— Хочу получить ваши «портреты». Мой у вас есть, доктор. И исследование мне хотелось бы провести самому.

Турбор спокойно сказал:

— У него нет причин доверять нам, Дарелл. Молодой человек имеет на это полное право.

— Благодарю вас, — вежливо кивнул Антор. — Будьте так любезны, доктор Дарелл, проводите нас в вашу лабораторию. Утром я позволил себе проверить, как работает ваша аппаратура.

Наука электроэнцефалографии стара и молода одновременно. Стара в том смысле, что знания о способности нервных клеток генерировать микротоки принадлежали к той категории знаний Человечества, происхождение которых полностью утрачено. Эти знания такие же древние, как само Человечество.

Однако она и нова. Факт существования микротоков мозга живых существ на протяжении десятков тысячелетий существования Галактической Империи считался одним из очевидных, но совершенно бесполезных с практической точки зрения аспектов природы человека. Кое-кто пытался, правда, классифицировать волно-

вые свойства мозга в зависимости от состояния сна и бодрствования, покоя и возбуждения, здоровья и болезни — но даже самые обобщенные понятия изобиловали массой исключений из правил.

Другие пробовали доказать существование групп мозговых волн, аналогичных хорошо известным группам крови, и тем самым продемонстрировать значение определяющего влияния окружающей среды. Так возникла очередная теория деления Человечества на подгруппы. Но подобная философия не смогла пробить себе дорогу, противостоять мощному экуменическому потоку, захлестнувшему Галактическую Империю — единую политическую структуру, в которую входило двадцать миллионов звездных систем, населенных людьми, — от столичного Трентора, ныне не более чем прекрасного и печального воспоминания, до самых заброшенных астероидов Периферии.

В те времена в обществе, существовавшем в Первой Империи, отданном на откуп физическим наукам и сложнейшей технологии, вновь наметился неясный, но мощный отход от исследований мозга. Такие исследования стали менее престижны, поскольку не были делом повседневной необходимости. А поскольку вдобавок эти исследования не давали немедленной отдачи, они еще и плохо финансировались.

За распадом Первой Империи последовал распад организованной науки. Начался обратный процесс — были утрачены даже фундаментальные знания об атомной энергетике, и наступил возврат к энергии угля и нефти. Единственным исключением, разумеется, была Первая Академия, где искра научной мысли была возрождена и из нее возгорелось пламя. Но даже здесь первенствовала физика, а исследования мозга свелись к чисто хирургическим проблемам.

Гэри Селдон был первым, кто сказал то, что впоследствии оказалось неопровержимой истиной.

«Мозговые микротоки, — сказал он однажды, — являются носителями, отголосками самых разнообразных импульсов и реакций, сознательных и бессознательных. Волновая активность мозга, вычерченная на бумаге в виде колеблющихся пиков и провалов, — это зеркало объединенных мысленных импульсов, испускаемых миллиардами клеток. Теоретически такой анализ должен выявлять мысли и эмоции субъекта — до самой последней и мельчайшей. Должны выявляться различия, обусловленные не только серьезными органическими нарушениями — врожденными или приобретенными, но также и те, что вызваны переменами в эмоциональном состоянии, ростом общей культуры, жизненного опыта, даже самих взглядов на жизнь».

Но даже Селдону не удалось в этом вопросе продвинуться дальше общих рассуждений.

И вот теперь уже в течение пятидесяти лет ученые в Первой Академии упорно раскапывали закрома громадной и захламленной кладовой знаний. Подход теперь, естественно, осуществлялся с помощью новейшей техники — такой, например, как возможность размещать электроды на черепе по новому методу, обеспечивающему контакт непосредственно с серым веществом мозга. Не надо было даже выбривать волосы на голове. Кроме того, было разработано записывающее устройство, которое автоматически регистрировало данные волновой деятельности мозга как в целом, так и в виде отдельных функций шести независимых переменных.

Нужно особо отметить то уважение, с которым теперь относились к энцефалографии и к электроневрологам. Доктор Кляйзе, величайший из них, на научных симпозиумах восседал наравне с физиком — доктором Дареллом, который, хотя и не занимался уже активной научной деятельностью, но снискал себе широкую известность достижениями в энцефалографических исследованиях. Эти его достижения были известны настолько, насколько было известно то, что он — сын Байты Дарелл, великой героини предыдущего поколения.

Итак, сейчас доктор Дарелл сидел в наклоненном кресле, спокойно ощущая легкое прикосновение электродов к коже головы. Иглы самописца, заключенные в вакуумные футляры, двигались по бумаге. Он сидел спиной к самописцу — так было нужно, поскольку, как было известно, визуализация движущихся ломаных линий вызывала у обследуемого бессознательное желание корректировать их, что неизбежно сказывалось на результатах. Но он знал, что на сводном экране идет ритмичная линия сигма-колебаний, чего, впрочем, и следовало ожидать от его сильного и дисциплинированного ума. Она будет выглядеть еще более четко после последующей компьютерной обработки совместно с мозжечковыми волнами. Он знал — там будут острые непрерывные пики сигналов с лобной доли мозга, а в промежутках между ними — невысокие зубчатые линии — сигналы низкой частоты с подповерхностных участков мозга.

Он знал свой мозговой «портрет» так же хорошо, как художник знает цвет своих глаз.

Пеллеас Антор не сказал ни слова, когда Дарелл поднялся с кресла. Молодой человек быстро пробежал глазами результаты девяти записей — так делают только те, кто знает, что означает самая малая малость.

— Теперь вы, если не возражаете, доктор Семик.

Старчески-желтоватое лицо Семика напряглось. Электроэнцефалография была наукой, о которой он знал маловато. Но он догадывался, что бесстрастный прибор покажет именно то, чего ему меньше всего хотелось, — его старость. Что он стар внешне — это было видно всякому, но «портрет» волновой активности мозга мог показать, что и ум его состарился вместе с телом. Он с неприязнью предчувствовал предстоящее вторжение за последнюю линию обороны — в его сознание.

Пеллеас приладил электроды. Весь процесс, разумеется, от начала до конца не причинял обследуемому никаких неприятных ощущений.

Затем настала очередь Турбора, который все пятнадцать минут сидел спокойно, не шелохнувшись, а затем — черед Мунна, который все время, пока шло исследование, так ворочал глазами, будто и впрямь хотел просверлить взглядом дырочку в затылке и подсмотреть, что происходит на экране.

— Ну а теперь... — начал доктор Дарелл, когда все было закончено.

— Ну а теперь, — извиняющимся тоном прервал его Антор, — простите меня, доктор, но в доме есть еще один человек.

Дарелл, нахмурясь, спросил:

— Моя дочь?

— Да. Как вы помните, я настоял, чтобы она осталась дома.

— Неужели для того, чтобы ее обследовать? Господи, зачем?

— Я не могу иначе.

Дарелл недоуменно пожал плечами, вышел и поднялся по лестнице на верхний этаж. Будучи заранее предупреждена, Аркадия успела спрятать приемник и послушно последовала за отцом. Это было первое в ее жизни электроэнцефалографическое исследование — исключая то, что было проведено в раннем детстве для идентификации и регистрации.

— А посмотреть можно? — спросила она, показывая на ленту бумаги.

— Ты все равно ничего не поймешь, Аркадия. И потом, тебе спать пора.

— Да, пора, — притворно зевая, произнесла она. — Всем доброй ночи.

Она стрелой взбежала по лестнице и, наспех раздевшись, забралась в кровать. Прильнув к собранному руками несчастного Алинтуса приемнику, она чувствовала себя героиней шпионского библиофильма. Азарт игры все больше овладевал ею.

Первые после возвращения слова, услышанные ею, принадлежали Антору, который сказал:

— Результаты всех исследований, джентльмены, удовлетворительны. И у девочки тоже.

«У девочки!» — зло передразнила его Аркадия и мысленно плюнула ему в физиономию.

Наконец Антор раскрыл свой портфель и вынул оттуда несколько листков с результатами электроэнцефалографических исследований. Это были, естественно, копии, и закрывался портфель не совсем обычным способом. Попади ключ от него в чужие руки, все листки внутри портфеля моментально превратились бы в горстку пепла. В том случае, если ключ поворачивал владелец портфеля, его содержимое сохранялось в течение получаса, а потом окислялось и превращалось в пепел, как и в первом случае.

Ну а пока все было цело и невредимо, Антор поторопился начать объяснения:

— Здесь у меня электроэнцефалограммы отдельных второстепенных лиц из администрации Анакреона. А вот это — электроэнцефалограмма психолога из Локрийского Университета, а вот это — промышленника из Сивенны. Ну и еще кое-кого.

Все сгрудились вокруг стола. Для всех, кроме Дарелла, электроэнцефалограммы выглядели всего лишь странными замысловатыми закорючками. Для него это были крики миллионов внятных голосов.

Антор тихо проговорил:

— Обратите внимание, доктор Дарелл, на вот этот участок утолщения во вторичном тау-ритме лобной доли — он имеется на всех записях. Не желаете воспользоваться Аналитическим Правилом, чтобы проверить результаты, сэр?

Аналитическое Правило можно отдаленно сравнить — примерно как небоскреб с хижиной — с той детской игрушкой, что называется Правилом логарифмического скольжения. Дарелл прекрасно знал это правило и пользовался им давным-давно. Он быстро набросал на листке ряд цифр, и оказалось, как и утверждал Антор, что вместо четких колебаний ритма, которые должны были наблюдаться в норме на этом участке энцефалограммы, действительно имело место явное выравнивание ломаной линии.

— Как бы вы это объяснили, доктор Дарелл?

— Не уверен... Теоретически — просто не представляю себе возможности такой картины. Даже в случаях амнезии наблюдается лишь частичное подавление колебаний, но никак не полное их исчезновение. Грубое хирургическое вмешательство, может быть?

— Ну конечно, словно что-то вырезано! — нетерпеливо вскричал Антор. — Однако отнюдь не в физическом смысле. Знаете, такое было бы под силу Мулу. Он мог бы подавить полностью способность к проявлению какой-то определенной эмоции, и в результате образовалось бы вот такое Плато. Или...

— Или это дело рук Второй Академии. Так? — медленно улыбаясь, проговорил Турбор. Вопрос был риторический.

— И что же навело вас на подозрения, м-мистер Антор? — спросил Мунн.

— Не меня. Доктора Кляйзе. Он собирал энцефалограммы, как полиция собирает отпечатки пальцев, но по другому принципу. Те коллекционируют преступников, а он собирал энцефалограммы деятелей науки, правительственных шишек и бизнесменов. Видите ли, это ведь совершенно очевидно: если Вторая Академия управляет течением истории Галактики — нашей с вами истории, — они должны это делать осторожно, с минимумом внешних проявлений. Если они воздействуют на умы, а они должны это делать, — то они прежде всего воздействуют на умы людей, имеющих влияние — в

науке, промышленности, политике. Именно на таких людей и обратил внимание доктор Кляйзе.

— Но, — возразил Мунн, — есть ли ка-акая-то взаимосвязь? Как ведут себя эти люди — те, у которых наблюдается вот такое, как вы сказали, Плато? Может быть, это совершенно но-ормальное явление?

Он отчаянно искал поддержки в глазах остальных, но, увы, не нашел.

— Давайте послушаем доктора Дарелла, — предложил Антор. — Спросите у него, сколько раз он встречался с этим явлением при проведении собственных исследований и в научной литературе. А потом спросите его, какова вероятность обнаружения этого феномена на тысячу случаев в той популяции, которую выделил доктор Кляйзе.

— Полагаю, нет никаких оснований сомневаться, что тут мы имеем дело с внедрением искусственного менталитета, — задумчиво проговорил Дарелл. — Эти люди «обработаны». Должен сознаться, я это, в некотором роде, подозревал.

— Я знаю, доктор Дарелл, — неожиданно резко сказал Антор. — Я знаю, что вы когда-то сотрудничали с доктором Кляйзе. И мне хотелось бы узнать, почему вы прервали сотрудничество с ним.

Казалось бы, никакой особой враждебности в этом вопросе не прозвучало, тем не менее после него наступила тягостная пауза.

Дарелл, обведя взглядом всех присутствующих, ответил:

— Прервал, потому что понял, что борьба, которую затеял Кляйзе, бесполезна. Он пытался вступить в единоборство с соперником, который был ему не по силам. Он обнаружил то, что мы оба ожидали обнаружить, — что мы сами себе не хозяева. *Это было то, чего мне знать не хотелось!* У меня, в конце концов, было чувство собственного достоинства. Мне было приятно сознавать, что наша Академия — хозяин некоей собственной об-

щей души, что наши праотцы прожили жизнь не зря. Я думал, что самое легкое — просто отвернуться и уйти и ждать, пока я сам не уверюсь во всем. Мое положение в научном мире меня не беспокоило — жизнь моя была материально устроена. Та пенсия, которую правительство назначило нашей семье в честь заслуг моей покойной матери, вполне обеспечивала безбедное существование, тем более что мои запросы всегда были невелики. Чтобы не страдать от безделья, у меня была домашняя лаборатория, и в один прекрасный день жизнь моя подошла бы к концу, так я думал, а потом... потом Кляйзе умер.

Семик неловко улыбнулся и проговорил:

— Кстати — о Кляйзе. Я про него ничего не знаю. Как он умер?

Вмешался Антор:

— Он умер. Он знал, что умрет. За полгода до смерти он сказал мне, что подошел вплотную к...

— *А теперь вплотную к этому подошли мы,* — проговорил Мунн. У него пересохло в горле от волнения.

— Да! — отрезал Антор. — Собственно, в этом нет ничего нового. Мы все были к этому слишком близко. Я — ученик доктора Кляйзе, доктор Дарелл — его бывший коллега. Джоуль Турбор объявил во всеуслышание по всем каналам телевидения об опасности нашей слепой веры в спасительную десницу Второй Академии и делал это не раз, пока правительство не заткнуло ему рот, — кстати сказать, не без активного участия организации, субсидируемой мощным финансистом, на электроэнцефалограмме которого отчетливо прослеживается «Плато обработки». Хомир Мунн — обладатель крупнейшей домашней коллекции «Мулианы» — позволю себе так назвать всю литературу, посвященную Мулу. Вы, уважаемый Мунн, опубликовали ряд статей, содержащих ваши мысли о природе и действиях Второй Академии. Доктор Семик внес уникальный вклад в математическое обоснование электроэнцефалографиче-

ских исследований, хотя скорее всего и не полагал, что его данные могут быть интерпретированы таким образом.

Семик вытаращил глаза и выдохнул:

— Нет, нет, молодой человек, вы ошибаетесь! Я занимался анализом интрануклеарной кинетики — проблемой п-телец, если точнее. В энцефалографии я полный профан!

— И тем не менее ваши данные используются в электроневрологии, и весьма успешно. Таким образом, наше положение нам должно быть ясно. Правительство, разумеется, ничего сделать не может. Я не в курсе относительно того, насколько мэр и остальные представители администрации осознают серьезность проблемы. Но зато я знаю другое: нам, пятерым, нечего терять, а обрести мы можем многое. Всякие новые знания будут помогать нам двигаться в нужном направлении. Сейчас — только начало, как вы, надеюсь, понимаете.

— Как вы оцениваете степень проникновения Второй Академии в нашу жизнь? — поинтересовался Турбор. — Насколько оно глубоко?

— Не знаю. Пока могу ответить только приблизительно. Все факты проникновения пока отмечаются в пограничных мирах. Столичный мир, возможно, пока и не затронут, хотя наверняка утверждать нельзя — именно поэтому я и обследовал вас. Вы были под особым подозрением, доктор Дарелл, поскольку вы прекратили сотрудничество с Кляйзе. Вы знаете, он не мог вам этого простить. Честно говоря, я думал, что вас подкупила Вторая Академия, но Кляйзе утверждал, что вы просто-напросто струсили. Вы должны простить меня, доктор Дарелл. Все это я говорю не для того, чтобы вас обидеть, а исключительно затем, чтобы прояснить мою собственную позицию. Мне кажется, я вас понимаю, и, если это действительно была трусость, я бы вас простил.

Прежде чем ответить, Дарелл глубоко вздохнул.

— Да, я сбежал! Называйте это как хотите — трусостью, малодушием. Я пытался сохранить с Кляйзе дружеские отношения, но он мне не писал и не звонил, только вот прислал вашу энцефалограмму, а это было всего за неделю до его кончины...

— П-простите, ч-что я вмешиваюсь, — проговорил Хомир Мунн, покрывшись лихорадочным румянцем, — н-но я ка-ак-то плохо п-представляю себе, чем мы, собственно, за-анимаемся. Если м-мы бу-удем все говорить и г-говорить, то м-ы-ы просто п-презренная ш-шайка к-к-конспираторов, и все. Но с дру-угой стороны, не-епонятно, что же мы-ы можем п-предпринять? Все это ка-ак-то по-детски. М-мозговые во-олны, м-мумбо-юмбо и всякое та-акое. Де-елать-то ч-что?

Глаза Антора загорелись.

— Есть что делать! Нам нужно как можно больше информации о Второй Академии. Это — дело первейшей необходимости. Мул посвятил поиску этой информации первые пять лет своего правления и потерпел фиаско — или нам так внушили. А потом что — перестал искать? Почему? Потому что преуспел — или потому что потерпел провал?

— С-снова одни с-слова... — разочарованно протянул Мунн. — Ка-ак м-мы можем это у-узнать?

— Поймете, если выслушаете меня до конца. Столица Мула была на Калгане. Калган не был частью сферы торгового влияния Академии до воцарения Мула, не является таковой и сейчас. В настоящее время на Калгане правит человек по имени Стеттин, если только завтра там не грянет очередной дворцовый переворот. Стеттин именует себя Первым Гражданином Галактики и считает себя преемником Мула. Если в этом мире есть какая-то традиция, то она зиждется на сверхчеловечности Мула, и традиция эта там здорово укрепилась. В итоге прежняя цитадель Мула — его дворец — сохраняется как реликвия. Посторонних туда не пускают, внутри ни к чему не прикасаются.

— Ну?

— А почему, а? В такие времена ничего не бывает без причины. Что, если дворец Мула сохраняется в не-

прикосновенности не только из-за суеверия? Что, если Вторая Академия так все обставила? Что, если там хранятся записи Мула — итог его пятилетних поисков?

— О, это ч-чепуха.

— Ну почему же чепуха? — настаивал Антор. — На протяжении всей истории Вторая Академия только и делала, что непрерывно скрывалась и в дела Галактики вмешивалась минимально. Да, для нас было бы более логично, если бы дворец Мула был разрушен и записи, хранящиеся там, уничтожены. Но вы не должны забывать, что речь идет о Психологии в руках Мастеров Психологии. Они — Селдоны, они — Мулы, и действуют не напрямую, а через умы, через сознание. Зачем им что-то разрушать и ликвидировать, если они спокойно могут достичь своей цели, воздействуя на умы других людей?

Никто не ответил ему, и Антор закончил:

— И именно вы, Мунн, — тот человек, который может добыть для нас необходимую информацию.

— Я? — испуганно вскрикнул Мунн и быстро обежал взглядом всех присутствующих. — Н-но я не могу! Я... н-не герой, я вообще... н-ну, я би-иблиограф, и все... В этом п-плане я м-могу оказать ва-ам всяческую п-помощь, но... нет, я го-отов столкнуться и со Второй Академией, если п-по-отребуется, но лететь в космос по такому странному делу — нет, у-увольте!

— Ну посудите сами, — спокойно сказал Антор. — Доктор Дарелл и я, мы пришли к общему мнению, что это дело нужно поручить именно вам. Это — единственная возможность придать ситуации естественность. Вы — библиограф? Вот и отлично! Что является предметом вашего основного интереса? Мулиана! Уже сегодня вы — владелец самого крупного в Галактике собрания литературы о Муле. Вполне логично, что вы заинтересованы в его пополнении — для вас это более естественно, чем для кого-либо другого. Вы сможете попросить разрешения осмотреть калганский дворец, не вызывая ни у кого подозрений в искренности своих намерений. Вам могут отказать, но подозревать вряд ли станут.

Кроме того, у вас есть одноместный крейсер. Известно, что вы во время отпусков часто в одиночестве отправляетесь на другие планеты с целью сбора литературы. Вы и на Калгане раньше бывали. Разве вы не понимаете, что в вашем полете туда нет ничего нелогичного?

— М-мне трудно та-ак с-сразу... Э-это что же, я вот так прямо п-приду и ска-ажу: «Здра-авствуйтте, мистер Пе-ервый Г-гражданин, нельзя ли м-мне п-посетить вашу дра-агоценную реликвию?»

— А почему бы и нет?

— По-потому, ч-черт п-подери, что он мне не п-позволит!

— И ладно! Не позволит так не позволит. Тогда вернетесь домой, и мы еще что-нибудь придумаем.

Мунн беспомощно искал поддержки у присутствующих, затравленно поглядывая на всех по очереди. Он чувствовал, что его втягивают в дело, которое ему глубоко противно. Но никто не выражал желания поддержать его молчаливый протест.

Итак, в итоге в доме доктора Дарелла было принято два решения. Во-первых, Мунн с явной неохотой вынужден был согласиться отправиться на Калган, как только оформит летний отпуск.

О втором решении официальные участники встречи ничего не знали — оно было принято той, которая наверху, в своей спальне, выключила приемник, чтобы наконец заснуть — была уже глубокая ночь. Но об этом пока умолчим...

Глава 10

КРИЗИС ПРИБЛИЖАЕТСЯ

Та же самая неделя минула во Второй Академии, и Первый Оратор улыбкой встретил Студента.

— Ты сердит сегодня, мальчик, значит, принес что-то интересное.

Студент накрыл ладонью стопку листков с компьютерными расчетами и спросил:

— Вы уверены, Оратор, что та проблема, которую вы поставили передо мной, носит фактический характер?

— Исходные данные истинны. Я ничего не добавлял от себя.

— Тогда я вынужден признать, что полученные мною результаты верны, но, видит бог, мне не хочется этого признавать.

— Понимаю. Но при чем тут твои желания? Ну хорошо, скажи мне, что именно так огорчает тебя? Нет-нет, расчеты отложи. Я потом посмотрю. Пока давай просто поговорим. Расскажи, как ты сам это понимаешь.

— Хорошо, Оратор... В общей психологической ситуации, наблюдающейся в Первой Академии, очевидны глобальные перемены. Все время, пока они знали о существовании Плана Селдона, не будучи знакомы с его деталями, они верили в него, но не до конца. Они знали, что должны побеждать, но никогда не знали наверняка, когда и как. Поэтому там все время существовала атмосфера напряженности, боевой готовности — то есть именно то, чего и хотел Селдон. Другими словами — Первой Академии все время приходилось трудиться с полной выкладкой.

— Сомнительная метафора, — откликнулся Первый Оратор, — но я понял, что ты хотел сказать.

— Но теперь, Оратор, они знают о Второй Академии гораздо больше. Раньше им было известно лишь туманное напоминание о ней в записях Селдона, но теперь они догадываются, что ей отведена роль Хранительницы Плана. Они знают, что существует некая организация, которая следит за каждым их шагом и не позволяет им упасть. Поэтому они отбросили прочь сомнения, отказались от борьбы за существование и позволили вести себя на поводке. Ну вот, получилась еще одна метафора. Прошу прощения...

— Ничего, ничего, продолжай.

— И вот именно этот отказ от активности, эта нарастающая инерция, этот переход к упадочной, гедонистической философии и означает провал Плана. Они снова должны обрести некую самостоятельность.

— Это все?

— Нет, есть кое-что еще. Реакция большинства населения именно такова, как я описал. Но существует высокая вероятность наличия реакции меньшинства. Знание о нашей руководящей роли, роли поводыря, вызовет у некоторых не расслабление, не покорность судьбе, а совсем наоборот — протест, враждебность. Это следует из теоремы Кориллова...

— Да-да. Теорему я знаю.

— Прошу прощения, Оратор. Очень трудно обойтись без математики... Как бы то ни было, мы имеем дело не только с падением активности в Первой Академии, но и с тем фактом, что некоторая часть ее населения может выступить против нас, и весьма активно.

— Теперь все?

— Остался еще один фактор, вероятность которого достаточно высока.

— Отлично. Что за фактор?

— Пока вся энергия Первой Академии была направлена на борьбу с Империей, пока их единственный враг являл собой неуклюжие, безнадежно устаревшие останки былого величия, они концентрировали свое внимание исключительно на развитии физической технологии. Когда же новой, немаловажной частью их окружения стали мы, резко возросла вероятность перемены в их ориентации. Они могут попытаться стать Психологами...

— Эта перемена в ориентации, — холодно прокомментировал Первый Оратор, — уже произошла.

Губы Студента плотно сжались. Он нахмурился:

— Значит, все кончено. Это — фундаментальное расхождение с Планом. Оратор, мог ли я узнать об этом, если бы жил... не здесь?

Первый Оратор спокойно и серьезно ответил:

— Мальчик мой, ты расстроен, удручен — я понимаю тебя. Ты думал, что столь многое тебе открыто, а теперь вдруг с удивлением обнаружил, что не видел столь очевидного. Ты считал себя одним из Правителей Галактики, а теперь понял, что стоишь так близко к собственному краху. Образно говоря, ты понял, что теперь тебе придется покинуть башню из слоновой кости, где ты обитал до сих пор, и выйти в широкий мир, отрешившись от всех иллюзий, что питали тебя во время учебы.

Я сам это пережил в свое время. Это нормально. Понимаешь, это необходимо — чтобы какое-то время в начале твоей жизни ты существовал в некотором отрыве от реальности, чтобы ты был здесь, где все знания достались тебе в чистом виде, чтобы вырос и заострился твой разум. Мы могли бы и раньше показать тебе этот частичный провал в Плане, чем избавили бы тебя от теперешнего потрясения, но тогда ты бы еще не сумел так хорошо понять значения всего этого, как понял сейчас. Так, значит, ты не видишь никакого решения проблемы?

— Никакого... — проговорил Студент, понурив голову.

— Ну что ж, это неудивительно. Послушай меня, юноша. На самом деле способ действия существует, и он уже осуществляется примерно в течение десяти лет. Это необычный способ — мы были вынуждены прибегнуть к нему против своей воли. Он требует учета низких вероятностей, опасных допущений... Нам даже пришлось временами учитывать реакции отдельных людей, потому что иначе в такой ситуации просто нельзя — ведь ты прекрасно знаешь, что психостатистика, по определению, утрачивает значение, будучи применена на материале ниже планетарных чисел.

— Есть успехи? — выдохнул Студент.

— Пока сказать трудно. Пока мы еще удерживаем контроль над ситуацией, но впервые за всю историю

выполнения Плана так высока вероятность того, что действия отдельных людей могут разрушить все. Мы воздействовали в нужном направлении на умы ограниченного числа наших противников, у нас есть агенты — но их действия четко спланированы. На импровизацию они не отважатся. Это тебе должно быть понятно. Мне трудно допустить самое страшное — то, что нас могут обнаружить здесь, в этом мире. Если это произойдет, не только План будет разрушен, но и мы сами. Так что, как видишь, вывод весьма, весьма неутешительный.

— То, что вы сказали, Оратор, это... как бы вообще не вывод. Это не решение — это не больше чем отчаянная догадка!

— Нет. Это — разумная догадка.

— Когда же... наступит кризис, Оратор? Когда мы узнаем, выиграли мы или нет?

— В течение года все станет ясно.

Студент задумался. Кивнув, он пожал руку Оратора.

— Горькая правда. Но лучше — правда, — сказал он, повернулся и вышел.

Первый Оратор подошел к стене, часть которой постепенно стала прозрачной. Он смотрел поверх высоких, гигантских строений на бесчисленные спокойные скопления звезд.

...Год пройдет быстро. Доживет ли кто-нибудь из них, наследников Селдона, до его конца?

Глава 11

НА КАЛГАН — «ЗАЙЦЕМ»

Прошло чуть больше месяца, и для Хомира Мунна наступило лето. Он написал финансовый отчет за год, передал все дела своему новому заместителю, недавно назначенному Правительством, — прежний никуда не годился в деловом плане, и занялся подготовкой к полету своего маленького одноместного крейсера под на-

званием «Русалка» — это имя корабль получил в честь загадочного, романтического эпизода двадцатилетней давности. Корабль был извлечен на свет из ангара и очищен от налипшей за зиму паутины.

Мунн покидал Терминус с грустью. Его никто не провожал — и это было печально, хотя его и раньше никто не провожал в путешествия. Он понимал, что все должно выглядеть так, чтобы это его событие ничем не отличалось от предыдущих, но радости от этого было мало. Он, Хомир Мунн, вынужден рисковать жизнью в потрясающей авантюре, а улетал один-одинешенек...

По крайней мере, он так думал.

Однако он жестоко ошибался, и поэтому на следующий день был жуткий переполох — как на борту «Русалки», так и в загородном доме доктора Дарелла.

Если придерживаться хронологии, то сначала шок наступил в доме Дареллов. Шум подняла Полли, служанка, чей отпуск к этому времени уже закончился. Она сбежала по лестнице, отчаянно причитая.

Доктор встретил ее внизу. Вначале она тщетно пыталась выразить обуревавшие ее чувства словами, но в конце концов просто сунула ему листок бумаги и какой-то маленький кубический предмет.

Он недовольно взял все это и спросил:

— Так в чем дело, Полли?

— Она убежала, доктор!

— Кто убежал?

— Аркадия!

— Что значит — «убежала»? Куда убежала? О чем ты?

Полли сердито топнула ногой.

— Вот уж не знаю! Она ушла — взяла маленький чемоданчик с одеждой, оставила вот эту записку. Да вы бы взяли и прочитали, а не стояли бы так! Ох уж эти мужчины!

Доктор Дарелл недоуменно пожал плечами и раскрыл сложенную вчетверо записку. Записка была короткая и, кроме размашистой подписи «Аркади», напечатана — вернее, написана на принтере.

«Милый папа,

прощаться с тобой было бы невыносимо тяжело. Я бы стала плакать, как маленькая, и тебе было бы стыдно за меня. Поэтому я решила попрощаться с тобой в записке. Я буду очень скучать по тебе, хотя, конечно, каникулы с дядей Хомиром получатся прекрасные. Я обещаю вести себя хорошо и скоро вернусь. На память оставляю тебе одну свою вещицу.

Любящая тебя дочь, Аркади».

Он несколько раз перечитал записку. По его лицу было видно, что с каждым разом он понимает ее смысл все меньше и меньше. Потом он строго спросил:

— Ты прочла это, Полли?

Полли обиделась:

— Ну уж в этом я не виновата, доктор! Там же было написано: «Полли», а я откуда могла знать, что записка-то вам? Я в чужие дела не привыкла соваться, доктор, я у вас столько лет служу, и вы знаете, что...

Доктор протестующе поднял руку:

— Ладно, ладно, Полли. Не обижайся. Я просто хотел узнать, поняла ли ты, в чем дело.

Она молчала, а он лихорадочно соображал, как быть. Убеждать ее забыть о происшествии бесполезно. При общении с врагом пожелание «забыть и не думать» было бессмысленно, и подобный совет мог сыграть абсолютно противоположную роль.

Поэтому он сказал:

— Ты знаешь, Полли, она странная девочка. Очень... романтичная. Она так ждала этой поездки с тех самых пор, как мы договорились.

— Договорились? А мне никто и словом не обмолвился?

— Просто мы все решили, когда ты была в отпуске, а потом как-то позабыли тебе рассказать. Вот и все.

Полли откровенно возмутилась:

— Вот как у вас все просто получается! Бедняжка

отправилась неизвестно куда с одним-единственным чемоданчиком, не взяла ни одного хорошенького платьица, никто ее, бедненькую, даже не проводил! И надолго?

— Ну что ты, Полли, перестань волноваться. На корабле у нее куча всякой одежды. Все было сделано заранее. А теперь, будь добра, скажи мистеру Антору, что я хочу его видеть. Да, кстати, вот эту вещь Аркадия мне оставила?

Он повертел в руках приемник.

Полли гордо подняла голову:

— Вот уж не знаю! Записка просто лежала на этой штуке. Больше мне нечего вам сказать. Мне тут вообще ничего не говорят. О, если бы ее мать была жива!..

Дарелл жестом отослал ее, поторопив:

— Будь добра, позови мистера Антора.

Реакция Антора на происшедшее была абсолютно противоположна отношению отца Аркадии. В первый момент он даже сказать ничего не мог, а только сжимал и разжимал кулаки и пытался рвать на себе волосы. Потом он разразился проклятиями.

— Черт возьми, чего вы ждете? Чего мы оба ждем? Немедленно свяжитесь по видеофону с космопортом и скажите им, чтобы они связались с «Русалкой»!

— Спокойно, Пеллеас. Она — моя дочь.

— Да, но Галактика не ваша!

— Ну-ну, потише. Она — умная девочка, Пеллеас, и она все продумала досконально. Давайте-ка пока быстренько обдумаем все сами. Знаете, что это такое?

— Нет. Какая разница, что это такое.

— Это — приемник. Подслушивающее устройство.

— Вот эта штуковина?

— Да, это самоделка, но работает прилично. Я проверил. Не понимаете? Она же четко и ясно дает нам понять, что прекрасно слышала все, о чем мы говорили во время нашей встречи. Она знает, куда и зачем отправился Хомир Мунн. Она решила, что ей интересно будет отправиться вместе с ним.

— О Боже Всемогущий! — прорычал Антор. — Ну вот, еще один подарочек для Второй Академии!

— Да, конечно, если только не подумать хорошенько, с какой стати им взбредет в голову в чем-то заподозрить четырнадцатилетнюю девчонку *apriori*, если только мы, со своей стороны, не предпримем ничего такого, что могло бы привлечь к ней внимание, — типа попытки связаться с кораблем, приказа вернуться домой и тому подобного. Вернуться из-за нее. Вы разве забыли, с кем мы имеем дело? Забыли, как тонка завеса, отделяющая нас от истины? И как беспомощны мы станем после подобных панических действий!

— Но мы не имеем права ставить наше дело в зависимость от причуд безумного ребенка!

— Она не безумный ребенок, и выбора у нас нет. Она могла бы не писать записку, но сделала это исключительно для того, чтобы мы не бросились сломя голову в полицию заявлять о ее пропаже. Ее записка — она для того и написана, чтобы у всех создалось впечатление, что добрый дядюшка Хомир Мунн взял с собой в отпуск племянницу, дочку старого приятеля. Почему бы и нет? Он — мой друг уже лет двадцать. Ее он знает с трехлетнего возраста, с тех пор как я привез ее сюда с Трентора. Все выглядит совершенно натурально и даже уменьшает подозрительность всего мероприятия. Шпион не потащил бы с собой четырнадцатилетнюю племянницу.

— Ясно. А что станет делать Мунн, когда ее обнаружит?

Доктор Дарелл слегка нахмурился:

— Не знаю... Но, думаю, она сумеет с ним договориться.

Антора-то доктор Дарелл вроде бы убедил, но ему самому к вечеру стало ужасно одиноко в собственном доме, и не было ему никакого дела до судьбы Галактики. Он думал только о том, что жизнь, маленькая взбалмошная жизнь его единственного ребенка в опасности...

На борту «Русалки» и народу было поменьше, и шума тоже. Аркадия, притаившись в багажном отсеке, испытывала смешанные чувства. С одной стороны, ее радовал некоторый собственный опыт космических путешествий, с другой стороны, она жестоко страдала из-за того, что не все предусмотрела.

Первую перегрузку она перенесла довольно легко: ее только немного затошнило и чуть-чуть закружилась голова. Это было во время первого прыжка через гиперпространство. Подобное она переносила и раньше, и это ей было не в новинку. Кроме того, она знала, что багажный отсек вентилируется и освещается, но проверять, работает ли освещение, она, естественно, не стала — это было бы не так романтично. Она сидела в темноте, как полагается истинному конспиратору, стараясь дышать как можно тише и прислушиваясь ко всем звукам, доносившимся извне.

Это были самые обычные звуки, какие производит человек, находясь в одиночестве, — шум шагов, трение ткани одежды о металл обшивки стен, поскрипывание кресла, резкие щелчки тумблеров на пульте управления, мягкий звук прикосновения руки к глазку фотоэлемента...

Но, как бы то ни было, скоро выяснилось, что Аркадия действительно не все предусмотрела. Да, в библиофильмах и видеобоевиках у «зайцев» всегда были неограниченные возможности скрываться сколь угодно долго. Конечно, там бывали эпизоды, когда герои того и гляди должны были что-то уронить на пол со страшным грохотом и, что того хуже, чихнуть. Это она прекрасно знала и вела себя крайне осторожно. Она предвидела, что ей захочется пить и есть. Еду и питье она с собой захватила. Но оставались еще кое-какие досадные мелочи, которые в фильмах почему-то не упоминались, и Аркадия с ужасом поняла, что, как бы она ни старалась, до туалета добраться незамеченной ей никак не удастся.

На таком маленьком спортивном кораблике, как «Русалка», жилой отсек представлял собой одну-единственную каюту, и никоим образом нельзя было прошмыгнуть в туалет, минуя Мунна.

Она отчаянно пыталась определить по звукам, когда же Мунн наконец заснет. Эх, если бы она только помнила, храпит он или нет? Правда, она знала, где стоит койка, и надеялась, что она заскрипит, когда Мунн будет укладываться спать. Наконец она услышала долгожданный скрип. Потом последовали глубокий вдох и звучный зевок. Она ждала. Наступила тишина, потом койка опять скрипнула — видимо, Мунн устраивался поудобнее.

Прошло еще несколько минут. Аркадия толкнула дверь багажного отсека пальцем. Дверь бесшумно открылась. Она осторожно выглянула.

Койка резко скрипнула. Аркадия окаменела. Нет, стоять, не двигаться!

Она отчаянно попыталась спрятаться за дверью — скрыть глаза, не пошевелив головой. Но это ей не удалось — глаза у людей все-таки на голове.

Увы, Хомир Мунн не спал — он читал, лежа в постели. Горела маленькая лампочка у кровати. Он рывком сел, всмотрелся в темноту. Правая рука скользнула под подушку.

Голова Аркадии инстинктивно отдернулась назад. Вспыхнул свет, и голос Мунна произнес:

— У меня бластер, и я буду стрелять!

Аркадия хмыкнула:

— Не стреляйте. Это... я...

Вот видите, как хрупка романтика? Пистолет в руке нервного героя может все испортить!

Свет горел по всему кораблю, Мунн сидел на койке. Вид у него был совсем не романтичный — щетина однодневной выдержки на впалых щеках и жиденькая растительность на груди.

Аркадия вышла, понурив голову. На ней был метал-

лический комбинезон — идеальная одежда для космических полетов, — плотный, облегающий ее стройную фигурку.

Опомнившись от шока, Мунн чуть было не вскочил с постели, но, вспомнив, что он не одет, натянул одеяло до подбородка и срывающимся шепотом произнес:

— Ч-ч-что?!

Он был сражен наповал.

Аркадия кротко проговорила:

— Простите меня, я на минутку... Только руки вымою.

Она отлично знала планировку корабля и быстро скользнула в дверь туалета. Когда она вернулась, поднабравшись храбрости, Хомир Мунн стоял у постели, одетый в помятую пижаму. Взгляд его пылал гневом.

— К-какого... ч-что ты тут де-елаешь? Ка-ак ты сюда п-попала? Ч-что я до-олжен с тобой д-делать? Ч-то зде-есь п-происходит?

Он мог бы задать еще много вопросов, но Аркадия спокойно ответила на все сразу:

— Я просто хотела полететь с вами, дядя Хомир.

— Ка-ак? Куда со м-мной п-полететь? Я... н-никуда не лечу!

— Вы летите на Калган, чтобы добыть информацию о Второй Академии.

У Мунна вырвался сдавленный стон. Он без сил опустился на постель. Аркадии показалось, что у него сейчас начнется истерика и он станет биться головой о стену. Бластер все еще был у него в руке, и у нее противно засосало под ложечкой.

— Не волнуйтесь вы так... — Это было все, что она смогла сказать.

Но он уже успел взять себя в руки и с такой силой швырнул бластер на пол, что, казалось, тот неминуемо должен был пролететь весь корабль насквозь и пробить дыру в обшивке.

— К-как ты сюда попала? — отчетливо выговаривая

каждое слово, спросил Мунн, стараясь не показывать, как у него зубы стучат.

— Очень просто. Просто пришла в ангар со своим чемоданчиком и сказала: «Багаж мистера Мунна», а служащий только ткнул пальцем в корабль, и все.

— Мне придется, милочка, отвезти тебя домой, — объявил Мунн и почувствовал, что этот вариант его даже обрадовал. В конце концов — он же не виноват, что так вышло.

— Вы не сможете этого сделать, — спокойно отозвалась Аркадия. — Это привлечет внимание.

— Ч-что?

— Вы все отлично понимаете. Вся затея с вашим полетом на Калган задумана потому, что для вас вполне естественно отправиться туда и попросить разрешения на посещение дворца, чтобы просмотреть записи Мула. Чтобы все продолжало выглядеть естественно, вам не следует привлекать к себе лишнего внимания. А если вы отправитесь назад, чтобы отвезти домой девочку-«зайца», такое даже по телевидению объявят, это точно.

— А о-откуда т-ты знаешь п-про Калган? Ч-что за ш-шутки такие?

Он никак не мог заставить себя поверить — да и кто бы поверил? И кто бы мог признаться — кому бы то ни было?

— Я все слышала, — спокойно объяснила она, — через приемник. Я все знаю, так что вам просто придется взять меня с собой.

— А отец? — Мунн ухватился за последнюю соломинку. — Он-то ч-что по-одумает? Ч-что тебя п-похитили, убили!

— Не подумает. Я оставила ему записку, — безжалостно вырвав соломинку из руки Мунна, объявила Аркадия. — Думаю, он понял, что шума поднимать не следует. Наверное, очень скоро вы получите космограмму от него.

Мунну нечего было возразить, тем более что ровно

через две секунды после этих слов раздался оглушительный писк сигнала приемного устройства космопочты.

Аркадия кивнула и сказала:

— Клянусь, это от папы.

Послание было короткое и адресовано Аркадии. Там говорилось:

«Спасибо за прекрасный подарок. Желаю хорошо провести время».

— Вот видите, — довольно улыбнулась Аркадия. — Четкие инструкции.

Хомир постепенно привык к девочке. Пожалуй, он даже был рад, что она здесь. Порой он удивлялся, как мог без нее обойтись. Она болтала без умолку. Ее все удивляло. А самое главное — она ни капельки не боялась! Она знала, что Вторая Академия — их враг, а все остальное ее ни капельки не волновало. Она знала, что на Калгане их вряд ли встретят с распростертыми объятиями, но и это ее не пугало. Она просто дождаться не могла, когда они туда доберутся.

Может быть, все это потому, что ей было всего четырнадцать.

Как бы то ни было, недельный полет превратился для Мунна в непрерывную увлекательную беседу с Аркадией вместо мучительных размышлений наедине с самим собой. Не сказать, конечно, чтобы это были очень умные разговоры, поскольку состояли они в основном из собственных соображений Аркадии на тот счет, как лучше всего охмурить повелителя Калгана. Это было бессмысленно, но занимательно, поскольку все свои доводы Аркадия высказывала с потрясающей самоуверенностью.

Хомир, к своему удивлению, обнаружил, что ласково улыбается, выслушивая ее заявления, хотя и понимал, что у девочки полная путаница в голове относительно истории Галактики.

Настал вечер перед последним прыжком через гиперпространство. Звездочка Калгана ярко горела на фоне других редких звезд бескрайнего космоса. Телескоп корабля увеличил изображение, но все равно до Калгана было еще очень далеко.

Аркадия, закинув ногу на ногу, сидела в удобном кресле. На ней были облегающие брючки и довольно приличная рубашка, принадлежавшая Хомиру. Ее собственная одежда была выстирана и выглажена, приготовлена к посадке.

Она спросила:

— Я вам говорила, что собираюсь писать исторические романы?

Она была в полном восторге от путешествия. Хомир умел слушать, а ей только того и надо — ведь это так здорово — разговаривать с умным человеком, который тебя понимает.

Она продолжала:

— Я прочитала целую уйму книг о великих людях из нашей Академии. Ну, знаете — про Селдона, Гардина, Мэллоу, Деверса и всех остальных. Ваши книжки про Мула я тоже читала, только... знаете, не очень-то приятно читать те места, где описывается, как Академия проигрывала. Гораздо приятнее читать истории, где не описываются поражения и трагедии.

— Наверное, приятнее, — улыбнулся Мунн, — но ведь тогда нельзя считать эти истории правдивыми, не так ли, Аркади? Чтобы тебя высоко оценили профессионалы, нужно писать правду.

— Да ну! — махнула рукой Аркадия. — Кому она нужна — оценка профессионалов?

Аркадии все больше нравился Мунн. Вот уже несколько дней он называл ее исключительно Аркади, как она попросила, и ни разу не сбился.

— Мои романы будут захватывающие, потрясающе увлекательные, их все будут покупать, и я стану знаменитостью. Какой же смысл сочинять книжки, если они не будут нарасхват и ты не станешь знаменитостью? Вот

уж ни капельки не хочу, чтобы мои книги читали всякие там занюханные лысые профессора! Нет, мои книжки будут читать все, все на свете!

Глаза ее потемнели от удовольствия. Она поджала под себя ноги, взъерошила волосы и продолжала:

— Нет, серьезно, как только папа меня отпустит, я обязательно слетаю на Трентор, чтобы собрать побольше материала о Первой Империи. Между прочим, я на Тренторе родилась, знаете?

Он знал, но спросил:

— Вот как? — стараясь вложить в вопрос побольше искреннего удивления. Вознагражден он был чем-то средним между восторгом и презрением:

— А-га! Моя бабушка... — ну, вы знаете. Байта Дарелл, уж про нее-то вы наверняка слышали, когда-то попала на Трентор вместе с моим дедушкой. Вот там-то они и остановили этого подлеца Мула, когда вся Галактика уже была у его ног, ну а мой папа и моя мама туда полетели, как только поженились. Я там родилась и еще немного жила там, а потом мама умерла, а мне было тогда только три года, и я почти не помню про Трентор. А вы там были, дядя Хомир?

— Нет, не сказал бы, — невпопад ответил Мунн. Мысли его были далеко, поскольку Калган был уже совсем близко.

— Ну это же, наверное, потрясающе романтичный мир! Папа говорил мне, что при Станнеле V там жило больше людей, чем сейчас, наверное, в целых десяти мирах! Он рассказывал, что это был большущий мир, целиком одетый в металл, — один громадный город, и он был столицей Галактики. А теперь там одни руины, но уж наверняка — величественные! Ой, как бы мне хотелось туда попасть! Ну правда... дядя Хомир!

— Да?

— А почему бы нам не слетать туда, когда мы все, что нужно, сделаем на Калгане?

Лицо его перекосилось от испуга:

— Что? Вот этого, пожалуйста, не надо. Мы не на прогулку летим. У меня важные дела. Не забывай об этом.

— А разве там нет важных дел? — воскликнула она, сдвигая брови. — Да ведь на Тренторе наверняка целая куча бесценной информации. Или вы так не думаете?

— Нет, я так не думаю.

Он встал с кресла:

— А теперь, будь добра, пусти меня к компьютеру. Нам осталось сделать последний прыжок, а потом мы еще поболтаем.

Как ни боялся он посадки и всего, что за ней последует, одна мысль его все-таки радовала — ему до смерти надоело спать на жестком металлическом полу, кутаясь в собственную куртку.

Расчеты оказались несложными. В пособии под названием «Популярный учебник навигации» маршрут от Академии до Калгана был объяснен четко и ясно. Раздался легкий щелчок. Корабль преодолел временной барьер. Прошел последний световой год их путешествия.

Солнце Калгана теперь стало действительно похоже на солнце — большое, яркое, желто-белое. Но они недолго на него смотрели — иллюминаторы с солнечной стороны автоматически зашторились.

Еще одна ночь — и они на Калгане.

Глава 12

ЛОРД

История Калгана на фоне истории других миров была поистине уникальна. К примеру, история Терминуса — это непрерывное возвышение, история Трентора — это постепенный, но неумолимый упадок. Но Калган...

Вначале Калган снискал себе славу лучшего галактического курорта — это было за два столетия до рождения Селдона. Там развилась настоящая индустрия раз-

влечений. Калган качал в свой карман миллионы — и все за счет организации отдыха.

И это была исключительно стабильная индустрия. Самая стабильная в Галактике. Вокруг рассыпались в прах миры, а на Калган не упало ни одной пылинки. Дело в том, что, как бы плачевна ни была экономика и культура окружающих секторов Галактики, там во все времена существовала какая-никакая элита, а элита во все времена считала и считает получение удовольствий наградой за само свое существование.

Поэтому дела Калгана шли прекрасно. Он верно служил и разодетым, надушенным щеголям из имперской камарильи, сопровождаемым кокетливыми, блистательными дамами, и грубым горластым диктаторам, правившим огнем и мечом в захваченных в кровавых схватках мирах, — их сопровождали такие же неотесанные, как они сами, жены, и пузатым толстосумам из Академии, прибывавшим с пышнотелыми, ярко накрашенными любовницами.

Никакой дискриминации и в помине не было, поскольку у всех у них водились денежки. Итак, Калган служил всем, никого не отвергал, его услуги всегда пользовались спросом, ему всегда хватало ума не вмешиваться в политику, и потому он процветал, как никакой другой мир, и набирал вес, когда другие вокруг тощали от нищеты и голода.

То есть так было до тех пор, пока не появился Мул. Вот тогда-то Калган впервые стал на колени перед завоевателем, которому не было ровным счетом никакого дела до развлечений, — ему вообще ни до чего, кроме непрерывных завоеваний, дела не было. Все планеты для него были одинаковы, в том числе — Калган.

Вот так получилось, что в течение одного десятилетия Калгану пришлось играть непривычную для него роль Галактической метрополии, хозяйки величайшей по масштабу Империи после падения Первой.

Потом, после смерти Мула, внезапной, как утренний звонок будильника, настали совсем другие времена. Встала на ноги и отделилась Академия. Вслед за ней отделились и другие муловские колонии. Прошло пятьдесят лет, и осталась только память об этом кратком, эфемерном величии — сладкая несбыточная мечта. Калган так и не сумел оправиться от этого потрясения до конца. Не удалось ему вновь стать беззаботным, веселым курортом — проклятие власти не ослабило своей мертвой хватки. Калганом стали править непрерывно сменяющие друг друга правители — в Академии их называли Лордами Калгана. Но сами себя они именовали, в подражание титулу Мула, Первыми Гражданами Галактики.

Нынешний Лорд Калгана находился у кормила власти уже пять месяцев. Пост этот достался ему без особого труда. Предшественник его был недостаточно прозорлив, а Стеттин стоял во главе калганского флота. Однако никому на Калгане и в голову не приходило усомниться в его праве на «престол». К таким событиям здесь уже успели привыкнуть.

Лорд Стеттин в общении был крайне тяжелым человеком и не допускал мысли о том, что в один прекрасный день может появиться некий соперник, способный сбросить его так, как он сбросил своего предшественника.

Никак не мог найти с ним общий язык даже самый высокий вельможа — Первый Министр, человек большого ума и хитрости, успевший послужить и его предшественнику и способный, позволь ему время, послужить и его преемнику.

Нелегко порой было с ним договориться и Леди Каллии, которая была для него больше чем подруга, но меньше чем жена.

Эти трое находились в личных покоях Лорда Стеттина в тот вечер, о котором пойдет речь. Первый Гражданин, облаченный в свою любимую парадную адмиральскую форму, хмуро поглядывая на остальных, вос-

седал в жестком кресле без подлокотников — и сам казался таким же жестким и несгибаемым, как пластик, из которого оно было сделано. Первый Министр Лев Мейрус поглядывал на Стеттина с тщательно скрываемым недоверием. Его длинные нервные пальцы скользили по глубокой складке, тянущейся по впалой щеке от носа к седой бородке клинышком. Леди Каллия, свернувшись калачиком на покрытой пушистым пледом фоамитовой кушетке, капризно дула губки.

— Сэр, — сказал Мейрус (это было единственное обращение к повелителю Калгана), — вам недостает четкого взгляда на исторические события. Ваша собственная жизнь, прошедшая на фоне непрерывных переворотов и революций, вероятно, внушила вам мысль о том, что все в истории происходит путем резких перемен. Это не так.

— Мул доказал обратное.

— Да, но кому под силу пойти по его стопам? Он был больше чем человек, не забывайте, сэр. Но даже ему не все удалось.

— Зайчик, — капризно хныкнула Леди Каллия, но тут же испуганно съежилась под ледяным взглядом Первого Гражданина.

— Помолчи, Каллия! — грубо одернул ее Стеттин. — Мейрус, я устал от бездействия. Мой предшественник всю свою жизнь только тем и занимался, что начищал до блеска наш флот и превратил его в совершенное оружие, равного которому нет в Галактике. Он приказал долго жить, а наша великая армада скоро просто проржавеет. Что, и мне сидеть сложа руки? Мне, Адмиралу Флота? Сидеть и ждать, пока действительно все проржавеет и рассыплется? Мы же, как собака на сене, сидим на своем сокровище и ничего не имеем взамен. Офицеры мечтают о захвате новых колоний, о добыче и славе. Весь Калган хочет возврата власти и величия. Это вы можете понять?

— Это все — слова, но я понимаю, что вы имеете в

виду, сэр. Колонии, добыча, слава — все это приятно, когда это заполучишь, да только процесс добывания всего этого чаще всего рискован и далеко не всегда приятен и легок. Первый порыв быстро пройдет. История показывает, что нападать на Академию во все времена оказывалось неразумно. Даже Мулу в свое время не следовало этого делать.

Глуповатые голубые глаза Леди Каллии были полны слез. В последнее время ее любимый Зайчик мало виделся с ней, и вот теперь, когда он обещал провести с ней этот вечер, явился этот противный тощий седой умник, который смотрел сквозь нее, словно ее и не было. И Зайчик его принимает и слушает. Ее душили рыдания, но она боялась даже слово вымолвить.

А Стеттин говорил сейчас тем самым тоном, которого она так боялась, — сердито, неторопливо.

— Вы — раб далекого прошлого. Да, Академия больше нас по территории и населению, но они слабы в военном отношении и развалятся от первого же удара. Они держатся вместе сегодня только за счет инерции, а у меня хватит сил победить инерцию. Вы находитесь под гипнозом тех времен, когда Академия, и только Академия, владела атомной энергией. Этим могучим молотом они могли наносить сокрушительные удары по старой, умирающей Империи и сталкивались с сопротивлением всего лишь безмозглой анархии диктаторов, которые могли выставить против атомного оружия Академии только ржавые развалюхи.

А Мул, дорогой мой Мейрус, все изменил. Он дал всем понять, что Академия замкнута в самой себе. Он половине Галактики дал понять, что ее монополия на ядерную науку сгинула навеки. Нет, мы можем с ними потягаться!

— А Вторая Академия? — холодно поинтересовался Мейрус.

— Что — «Вторая Академия»? — в тон ему спросил Стеттин. — Вам что, известны ее намерения? Им потре-

бовалось десять лет для того, чтобы остановить Мула, — если это действительно они его остановили, в чем лично я сильно сомневаюсь. Известно ли вам, что подавляющее большинство психологов и социологов из Первой Академии считают, что План Селдона полностью разрушен со времен Мула? А если Плана нет, значит, есть вакуум, который я могу так же спокойно заполнить, как всякий другой.

— Наши знания об этом не настолько обширны, чтобы позволить себе рисковать.

— *Наши* — может быть, и действительно не очень обширны, да, но на планете сейчас находится человек из Первой Академии. Знаете вы об этом, а? Некто Хомир Мунн — человек, который, насколько мне известно, написал много статей о Муле и четко выразил свою точку зрения. Он считает, что План Селдона больше не существует.

Первый Министр кивнул:

— Я слышал о нем. По крайней мере, о его работах. Чего он хочет?

— Он просит разрешения посетить Дворец Мула.

— Разумнее было бы отказать. Опасно разрушать суеверия, бытующие на Калгане.

— Я подумаю. Мы еще поговорим.

Мейрус поклонился и вышел.

Леди Каллия капризно спросила:

— Ты... сердит на меня, Зайчик?

Стеттин резко развернулся к ней:

— Сколько раз я просил тебя не называть меня этим идиотским прозвищем при посторонних?!

— Но тебе так нравилось...

— Больше не нравится! И чтоб больше не смела этого делать!

Он угрюмо смотрел на нее. И как он только переносил ее в последние дни — сам удивлялся. Да, она миленькая, хорошенькая, пухленькая безделушка, ее приятно ласкать, отвлекаясь от забот и тягот правления. Но сей-

час он устал даже от ее прелестей. Она мечтала о замужестве, о том, чтобы стать первой леди.

Смешно.

Все это было очень мило, когда он был просто Адмиралом, но теперь, когда он стал Первым Гражданином, будущим великим завоевателем, ему нужно было что-то большее. Ему нужны были наследники, которые смогли бы объединить его будущие колонии, наследники, которых у Мула не было и быть не могло, и именно поэтому Империя его не пережила. Ему, Стеттину, необходимо создать династию, породниться с кем-то из могучих фамилий Академии...

Да, от Каллии нужно избавиться. «Вообще-то ничего особо трудного в этом не будет, — думал он. — Ну похнычет немножко...» Но он прогнал эту мысль. «Ладно, черт с ней, иногда она все-таки еще очень ничего себе...»

Каллия немного приободрилась. Противный Мейрус ушел, и сердитое лицо Зайчика немного смягчилось. Она мягко, порывисто встала, подошла и прижалась к нему.

— Ты не будешь меня ругать, правда?

— Нет... — ответил он, рассеянно гладя ее по спине. — Только посиди тихо и не болтай. Мне нужно кое о чем подумать.

— Об этом человеке из Академии?

— Да.

— Зайчик... — осторожно начала она и смолкла.

— Что?

— Зайчик, я слышала, что с этим человеком — маленькая девочка. Ты сам мне говорил, помнишь? Можно мне с ней увидеться? Я никогда...

— За каким это дьяволом я буду его просить, чтобы он привел сюда эту соплячку? У меня что тут — детский сад? Прекрати ерунду пороть, Каллия!

— Но... я ее сама встречу, Зайчик, и она совсем-совсем тебе не помешает! Просто я так редко вижу детишек, а ты ведь знаешь — я их так люблю...

Он с усмешкой уставился на нее. Вот еще новости! Детишек она, видите ли, любит! Надо понимать — «его детишек», то есть его «законных детишек», значит, замуж хочет! Он расхохотался.

— Этому ребеночку, — сообщил он, — лет четырнадцать или пятнадцать. Небось с тебя ростом.

Каллия обиделась.

— Ну и что? Ну пожалуйста! А она мне, может быть, про Академию расскажет... Мне же всегда так хотелось там побывать. Мой дедушка был из Академии. Зайчик... а... ты меня когда-нибудь туда возьмешь?

Стеттин улыбнулся. Хорошая мысль. Может, и возьмет, когда эту самую Академию завоюет. От этой мысли он как-то сразу подобрел.

— Возьму, возьму. Ладно, так и быть. Можешь повидаться с девочкой и потрепаться с ней об Академии и обо всем остальном. Только не при мне, ясно?

— Нет-нет, я не буду тебе мешать, честное слово! Я приму ее у себя.

Она снова была счастлива. В последнее время ей так редко выпадало удовольствие чего-нибудь выпросить для себя. Она обвила пухлыми ручками шею Стеттина и ощутила, как постепенно расслабились и обмякли напряженные мышцы. Большая голова возлюбленного опустилась на ее мягкое теплое плечо.

Глава 13

ЛЕДИ

Аркадия была на седьмом небе от счастья. Как изменилась ее жизнь с той минуты, когда глупая физиономия Пеллеаса Антора появилась в ее окне, — а все потому, что она была так дальновидна и смела и знала, что нужно делать.

Итак, она на Калгане! Она уже успела побывать в громадном Центральном Театре — самом большом в Галактике — и своими ушами слушала, и своими глазами видела оперных звезд, чья слава гремела даже в далекой Академии. Она сама ходила по магазинам на Цветочной Аллее — по самым модным магазинам Галактики, и покупки делала сама — в чем, в чем, а в этом она понимала побольше Хомира. Продавщицы, не говоря ни слова, подавали ей длинные блестящие платья, в которых она казалась такой высокой и взрослой, — и деньги из Академии заканчивали свой долгий путь. Хомир дал ей чек на десять кредиток, а когда она обменяла его на калганские калганитки, получилась жутко толстая пачка денег.

Она даже успела поменять прическу, сходив в модную парикмахерскую. Ей немного подстригли волосы сзади, а спереди завили два игривых локона, слегка подкрасили, и копна ее волос стала по-настоящему золотой.

Но самое главное... Самое главное происходило сейчас, и это самое грандиозное! Конечно, дворец Лорда Стеттина не такой огромный и шикарный, как калганские театры, и не такой таинственный и древний, как старый Дворец Мула, на который пока посмотреть им удалось только сверху во время обзорной экскурсии вокруг планеты.

Но только представить себе — она во дворце Лорда! Она просто не могла в себя прийти от восторга.

И это еще не все. Она была наедине — тет-а-тет — с Госпожой, его Фавориткой. Аркадия в уме написала это слово с большой буквы — она-то знала, какую роль порой играли женщины такого сорта в истории, знала об их блеске и власти. Чего греха таить — бывало, изредка она пыталась представить себя на их месте — в блеске и могуществе, но теперь фаворитки в Академии были как-то не в моде, ну и потом, дойди дело до этого, папа бы ей, конечно, не разрешил как пить дать...

Правду сказать, Леди Каллия оказалась не похожа на тот образ, который рисовался в воображении Арка-

дии. Для роковой женщины она слишком уж полновата, старовата, близоруко щурилась, голос у нее был так себе — тонкий, высокий, а уж никак не низкий, грудной, и вообще...

Каллия спросила:

— Хочешь еще чаю, детка?

— Я выпью еще чашечку с удовольствием, ваша милость.

А может, нужно было сказать «Ваше Высочество»? Тоном искушенного знатока Аркадия проговорила:

— Какие у вас замечательные жемчужины, моя госпожа. — В конце концов она решила, что «моя госпожа» будет звучать лучше всего.

— О! Ты так думаешь?

Пожалуй, Каллия была польщена. Она сняла ожерелье и покачала его на указательном пальце.

— Тебе нравится? Вот, возьми.

— Ой... Правда?

Ожерелье перешло в руки Аркадии. Она восхищенно перебирала жемчужины, но потом с сожалением проговорила:

— Боюсь, папе не понравится.

— Ему не понравятся жемчужины? Но это очень красивые жемчужины!

— Нет, что вы! Они очень красивые! Просто ему не понравится, что я их взяла. Он говорит, что неприлично принимать дорогие подарки.

— Неприлично? А... мне их подарил Зай... то есть Первый Гражданин. Ты думаешь, это неприлично?

Аркадия покраснела:

— Я не хотела сказать...

Но Каллии явно надоела эта тема. Она взяла ожерелье, небрежно бросила его на столик и сказала:

— Ты мне хотела рассказать об Академии. Будь добра, расскажи.

Аркадия вдруг растерялась. Что рассказать о мире, скучном до слез? Для нее Академия была скучным провинциальным городком, уютным домом, занудной необходимостью каждый день ходить в школу, обычной повседневностью размеренной жизни. Она неуверенно проговорила:

— Да все там как в библиофильмах...

— О, ты смотришь библиофильмы? Как ты можешь их смотреть? У меня от них только головная боль. Но знаешь, мне всегда нравились боевики про ваших Торговцев — какие это сильные, смелые мужчины! Вот это потрясающе интересно. А твой дядя, этот, как его... мистер Мунн, он из них? Только он что-то не выглядит очень храбрым. У Торговцев, которых показывают в фильмах, такие большие бороды, они говорят басом и так сурово обращаются с женщинами... Или ты другого мнения?

Аркадия загадочно улыбнулась:

— Это все — история, моя госпожа. Я хочу сказать, — продолжала она тоном лектора, — что в те дни, когда Академия была молода, Торговцы были пионерами, которые расширяли наши границы и несли свет цивилизации в самые глухие уголки Галактики. Это все мы в школе учили. Но эти времена миновали. У нас больше нет Торговцев. Теперь у нас корпорация и всякое такое...

— Правда? Как жаль... Ну а чем же занимается мистер Мунн? Ну кто же он, если не Торговец?

— Дядя Хомир — библиограф.

Каллия прикрыла рот рукой и прыснула:

— Ты хочешь сказать, что он — хранитель библиофильмов? Надо же! Мне кажется, что это какое-то несерьезное занятие для взрослого мужчины.

— Он — очень хороший библиограф, моя госпожа. Эта профессия высоко ценится в Академии.

Она поставила маленькую прозрачную чашечку на молочно-серебристую поверхность столика.

Хозяйка прижала руки к груди:

— Но, милая детка, я вовсе не хотела тебя обидеть. Наверное, он очень просвещенный человек. Я как на

него посмотрела, так сразу поняла, какой он просвещенный. У него такие... просвещенные глаза. И потом, он, наверное, очень храбрый человек, если хочет посетить Дворец Мула...

— Храбрый? — Аркадия внутренне напряглась. Вот оно! Вот этого она ждала! Интрига! Авантюра!

С напускной непринужденностью она спросила, внимательно разглядывая ногти на правой руке:

— А что, надо быть храбрым, для того чтобы войти во Дворец Мула?

— А ты не знаешь?

Глаза Каллии округлились, она перешла на полушепот:

— На нем — проклятие! Умирая, Мул запретил кому-либо туда заходить до тех пор, пока не будет образована Галактическая Империя. На Калгане никто до сих пор даже на дворцовую территорию не осмеливался ступать.

— Но это же суеверие! — возразила Аркадия.

— Не говори так! — предостерегающе воскликнула Каллия. — Вот и Зайчик тоже всегда так говорит. Говорить-то говорит, но считает, что это помогает ему народ держать в повиновении, хотя сам-то там ни разу не был. И Таллос тоже туда не ходил — тот, кто правил Калганом до Зайчика.

Неожиданно она поинтересовалась:

— А почему мистер Мунн хочет посетить Дворец?

Вот тут-то настало время начать осуществление тщательно продуманного плана. Из прочитанных книжек Аркадия давно сделала вывод о том, какую роль играет Фаворитка, — она, стоя за троном Правителя, на самом деле обладает реальной властью, она должна иметь на него влияние. Следовательно, если дяде Хомиру не удастся уговорить Лорда Стеттина — а она была уверена, что не удастся, — надо попытаться уговорить Леди Каллию. Правда, Леди Каллия все-таки была какая-то нетипичная Фаворитка, не производила впечат-

ления мудрой и властной женщины. Ну да ладно, попытка не пытка, да и вся история показывает... Она загадочно произнесла:

— Для этого есть причина, моя госпожа, но... могу я быть уверена, что вы сохраните это в тайне?

— Клянусь, — прошептала Каллия, сделав большие глаза и прижав руку к декольтированной груди.

Мысль Аркадии летела впереди слов:

— Дядя Хомир — один из ведущих специалистов по биографии Мула. Он написал про него кучу книжек, и он считает, что галактическая история сильно изменилась с тех пор, как Мул пришел к власти и захватил Академию.

— Ой, мамочки!

— Он считает, что План Селдона...

Каллия радостно захлопала в ладоши:

— Ой, вот про План Селдона я знаю! Ну знаешь, во всех фильмах про Торговцев всегда-всегда говорится про План Селдона. Он так все здорово придумал, что Академия всегда побеждала. Ну еще что-то там такое очень научное, но только в этом уж я ничего не понимаю. Когда кто-то что-то начинает объяснять, мне становится так скучно... Но продолжай, моя милочка. Ты объясняешь хорошо. У тебя так просто и ясно получается. Продолжай!

Аркадия продолжала:

— Ну вот! И понимаете, когда Академия была побеждена Мулом, План Селдона не сработал и с тех пор вообще не срабатывал. Следовательно, — проговорила она и на мгновение умолкла, подняв вверх указательный палец, — встает вопрос: кто же будет создателем Второй Империи?

— Второй Империи?

— Да, она ведь должна быть когда-то создана, понимаете? Но кем? Вот в чем весь вопрос! И еще — ведь существует Вторая Академия.

— Вторая Академия?

Леди Каллия была сражена наповал.

— Да, — небрежно продолжала Аркадия, явно довольная реакцией собеседницы. — Они занимаются планированием истории и идут по стопам самого Селдона. Они остановили Мула, потому что было еще рано, но теперь... я думаю, они будут поддерживать Калган.

— А почему? — робко поинтересовалась Каллия.

— Да потому что Калган сейчас — самая подходящая кандидатура для того, чтобы стать ядром новой Империи.

Было похоже, что до Леди Каллии наконец дошел смысл сказанного.

— Ты хочешь сказать, что мой Зайчик может стать во главе новой Империи, да?

— Ну, этого нельзя вот так с уверенностью утверждать... Дядя Хомир так думает, но, чтобы все уточнить, ему нужно посмотреть записи Мула.

— Это очень, очень сложно... — покачав головой, проговорила Леди Каллия.

Аркадия пожала плечами. Она сделала все, что могла.

Лорд Стеттин был настроен саркастически. Беседа с хлюпиком из Академии прошла без особого успеха. Более того — ему было стыдно за себя. Быть абсолютным монархом двадцати семи миров, хозяином мощнейшего в Галактике Флота — и быть вынужденным тратить время на пустую болтовню с каким-то букинистом!

Проклятие!

Неужели он должен нарушить калганские традиции? Позволить этому слюнтяю войти во Дворец Мула для того, чтобы он еще одну книжонку написал? Черт бы его побрал — научный вопрос! Святость истины! Дьявол! И он должен был выслушивать эту галиматью совершенно серьезно! Нет, а потом все-таки — как ни крути — на Дворце было проклятие... Конечно, он в это не верил — ни один здравомыслящий человек не поверил бы в глупые байки. Но для того чтобы нарушить неписаный закон, нужна была более веская причина.

— Чего тебе? — буркнул он, когда в дверях появилась Каллия.

— Ты занят?

— Да. Я занят.

— Но... у тебя никого нет, Зайчик. Позволь мне минутку поговорить с тобой...

— О господи! — заскрипел зубами Стеттин. — Ну чего ты хочешь? Только побыстрей!

Запинаясь, она проговорила:

— Девочка... сказала мне, что они... хотят войти во Дворец Мула. Там, наверное, очень красиво...

— Вот как? Она тебе сказала? Ну так вот, заруби себе на носу — никто туда не войдет — ни они, ни мы! А теперь ступай займись своими делами. Ты мне надоела.

— Но Зайчик, а почему бы и нет? Неужели ты правда им не разрешишь? Ведь девочка сказала, что ты... можешь создать новую Империю...

— Плевать я хотел, что она сказала. Постой!

Он шагнул к Каллии и грубо схватил ее за руку:

— Что она тебе сказала?

— Мне больно! Отпусти! Ну не помню я точно, что она сказала, и не вспомню, если ты будешь так на меня смотреть!

Он отпустил ее, и она, всхлипывая и потирая покрасневшую руку, призналась:

— Я обещала девочке, что никому не скажу.

— Умница! А теперь говори быстро!

— Ну, в общем, она сказала, что План Селдона изменился, и что где-то есть еще одна Академия, и что эта Академия хочет, чтобы ты создал новую Империю. Вот и все. Она сказала еще, что мистер Мунн — очень важный ученый и что во Дворце Мула он может найти что-то такое, что подтвердит его догадки. Вот и все, что она сказала. Ты сердишься?

Но Стеттин ничего ей не ответил. Он быстро вышел

из комнаты, оставив Леди Каллию в полной растерянности. Она проводила его взглядом, глаза ее были полны слез.

Не прошло и получаса, как по официальной почте Первого Гражданина было отдано два приказа. В первом было изложено распоряжение немедленно вывести в космос пятьсот линкоров — якобы на боевые учения. Второй приказ поверг в полное замешательство одного нашего знакомого...

Хомир Мунн как раз заканчивал приготовления к отлету, когда ему доставили этот самый второй приказ. Естественно, это было официальное разрешение посетить Дворец Мула. Он читал и перечитывал его, испытывая какие угодно чувства, но только не радость.

А Аркадия была счастлива. Она-то знала, что произошло.

По крайней мере, думала, что знает.

Глава 14

ПАНИКА

Полли поставила поднос с завтраком на стол и принялась за сервировку, искоса поглядывая на маленький телевизор, стоявший тут же. Шла программа новостей. Делать два дела сразу ей было совсем не трудно — вся пища была упакована в стерильные разовые контейнеры. Ей оставалось только выбрать меню, поставить контейнеры на стол, а потом убрать их и выбросить в дезинтегратор.

Она комментировала новости, укоризненно цокая языком и вздыхая.

— Господи, ну до чего же злые люди... — проговорила она, качая головой.

Доктор Дарелл промычал в ответ что-то нечленораздельное.

Голос Полли, когда она принималась обличать пороки рода человеческого, становился неприятно скрипучим.

— Нет, все-таки почему эти мерзкие калганцы себе такое позволяют? И ведь хитрющие такие — с виду мирные да тихие, но я-то знаю; от них все беды, все время от них все беды.

Нет, вы поглядите, что вытворяют: «Народные волнения перед посольством Академии»! Меня бы вот спросили — я бы им быстро все объяснила. Память у них короткая, доктор Дарелл, вот что я вам скажу. Ну вы же помните последнюю войну после того, как Мул помер — я-то тогда еще пешком под стол ходила, — сколько мы тогда от них, мерзавцев, натерпелись! Дядя-то мой погиб тогда, а ведь какой молодой был — еще двадцати не исполнилось, только два года как женился, дочка сироткой осталась... А его как сейчас помню — блондин, красавец писаный, ямочка на подбородке. Где-то у меня портрет его есть...

А теперь у дочки его уже свой сын во флоте, и случись что...

Помню, ох как хорошо помню, как мы ходили в патрулях при бомбардировках, даже старики дежурили в стратосферной защите — господи, да что угодно могло случиться, если бы калганцы прорвались! А мать нам тогда, детям малым, только и говорила, что надо еду экономить, да какие цены, да какие налоги — едва концы с концами сводили...

Да будь у них там люди поумнее, сроду бы не начали ничего такого опять. Только это все не простой народ выдумывает, это уж как пить дать. Простым калганцам разве это надо? Сидели бы себе дома, с женами да детишками — неужто им и впрямь охота тащиться невесть куда, чтобы их там кокнули? Нет, это все этот Стеттин, скотина, прошу прощения, доктор. И как его только земля носит? Укокошил этого старика несчастного — ну, как его — Таллоса, вот, а теперь думает, как бы всю Галактику к рукам прибрать.

А уж мы-то ему чем не угодили, ума не приложу! Ведь все одно — победить ему нас не выйдет, ни у кого не выходило. Уж не знаю, План там или что другое, но только не по душе мне такие планы, чтобы людям убивать друг друга. Нет, про Гэри Селдона я ничего дурного не хочу сказать, упаси бог, он, наверное, все знает, ему виднее, и не такой дуре, как я, его судить. А вот для другой Академии я слова доброго не найду. Уж они-то наверняка могли бы этим калганцам по мозгам дать, да покрепче, чтоб те прочухались и перестали пакостничать. В конце-то концов они так и сделают, только уж поторопились бы, пока беды не вышло.

Доктор Дарелл рассеянно взглянул на нее:

— Ты что-то сказала, Полли?

Глаза Полли широко раскрылись, но тут же сердито сузились.

— Ничего, доктор, ровным счетом ничего не сказала. Что я могла сказать? Разве мне можно хоть слово сказать в этом доме? Крутишься тут целый день — все подай да принеси, а чтоб слово сказать...

Продолжая сердито ворчать, она удалилась.

Ее уход произвел на доктора Дарелла впечатления не больше, чем ее причитания.

Калган? Блеф, ерунда. Элементарный физический противник. Таких во все времена побеждали.

У него были дела поважнее. Неделю назад мэр предложил ему возглавить пост Главного Куратора по Научным Исследованиям в Министерстве обороны. Сегодня он должен дать ответ.

Он нервничал. Почему он? Ведь можно отказаться... Нет, это покажется странным, а ему вовсе не хотелось казаться странным. В конце концов, до Калгана ему никакого дела нет. У него только один враг. Этот враг у него был всегда.

Пока была жива его жена, у него была только одна

цель — скрываться. Он с тоской вспоминал долгие тихие дни на Тренторе, которые текли среди молчаливых руин прошлого. Тишина разрушенного мира, полное, отрешенное забытье...

Но она умерла — и пяти лет не прошло... А после этого в его жизни осталось одно — борьба с призрачным, невидимым врагом, лишившим его простого, человеческого счастья, предопределившим его судьбу, превратившим всю его жизнь в отчаянное отодвигание ненавистного финала, сделавшего всю Вселенную полем смертельной шахматной игры.

Да, это была высокая, благородная роль — он и сам так думал, и борьба стала смыслом его жизни.

Вначале был Сантаннийский Университет, где он работал с доктором Кляйзе. Эти пять лет были относительно спокойными.

Но Кляйзе — всего-навсего сборщик и классификатор данных. Настоящая борьба была ему не по плечу. И когда Дарелл окончательно в этом убедился, он понял, что ему пора уходить.

Кляйзе мог бы, конечно, работать втайне, но один он работать не мог — ему нужны были помощники. Он обследовал конкретных людей. Он был официальным сотрудником Университета, то есть был на виду. Все это мешало делу.

Кляйзе не сумел бы этого понять, а он, Дарелл, не мог ему ничего объяснить. Они расстались врагами. Это нормально, так и должно было быть. Он и должен был уйти так, как будто сдался. На тот случай, если за ним следили.

Кляйзе открыто работал с энцефалограммами, а Дарелл только в уме математически обрабатывал полученные данные. У Кляйзе было много сотрудников, у Дарелла — никого. Кляйзе работал в крупном Университете, а Дарелл — в тишине и покое загородного дома.

Но он был близок к решению. Он понял многое.

Человек из Второй Академии — не человек, если го-

ворить о головном мозге. Мудрейшие физиологи-нейрохимики со своими тончайшими анализами могут ничего не заметить — но различие именно здесь. А если различие кроется на уровне сознания, то только там его нужно искать и только там его можно выявить.

Взять, к примеру, такого человека, как Мул. Несомненно, люди из Второй Академии обладали силой, подобной силе Мула, — врожденной или приобретенной, неважно, то есть способностью выявлять и контролировать человеческие эмоции. Попробуйте вычленить из этого сознания ту самую электрическую цепь, попробуйте найти те мельчайшие детали на энцефалограмме, которые позволили бы вам нечто безошибочно определить!

И вот теперь Кляйзе опять вернулся в его жизнь — в обличье этого гордеца и выскочки — его ученика, Антора.

Чушь! Чушь! Все эти энцефалограммы «обработанных» людей! Да он много лет назад все это видел и умел выявлять, а толку-то что? Ему нужен инструмент, нужно оружие. Однако он вынужден сотрудничать с Антором — так спокойнее.

Спокойнее и разумнее было и сейчас согласиться на предложенную мэром работу. Это был разумный и безопасный вариант. Итак, он оставался конспиратором внутри конспирации...

Страх за Аркадию пронзил его на мгновение, но он прогнал его прочь. Будь он сам себе хозяин, разве он допустил бы это? Будь он сам себе хозяин, только он и был бы в опасности и больше никто. Если бы он был сам себе хозяин... Внутри у него жарким клубком закручивались ярость, гнев, злость на мертвого Кляйзе, на живого Антора, на всех самоуверенных идиотов...

Нет, она сумеет о себе позаботиться. Она взрослая, умная девочка. Должна, должна суметь!

Но мысленно он шепотом спросил у самого себя:

— А сумеет ли?

Как раз в этот самый момент, когда доктор Дарелл пытался уговорить самого себя, что его дочь сумеет о себе позаботиться, Аркадия сидела в холодной неуютной приемной официальной Резиденции Первого Гражданина Галактики. Уже полчаса она сидела там, уныло поглядывая на стены. Когда они входили в приемную вместе с Хомиром Мунном, у двери стояли два вооруженных гвардейца. Прежде она их там что-то не замечала.

Сейчас она была одна, но ей казалось, что даже мебель смотрит на нее как-то недружелюбно. Такое было впервые.

С чего бы это?

Хомир был на приеме у Лорда Стеттина. Господи, ну что же случилось?

Она начинала злиться. В подобных ситуациях герои библиофильмов и видеотриллеров всегда предвидели развязку, были подготовлены к ней, когда она наступала, а она — она просто сидела... Случиться могло все, что угодно. Все, что угодно! А она просто сидела и ничего не делала. А главное, ничего не понимала.

Ну-ка, еще раз все с начала. Еще раз. Может быть, удастся что-нибудь понять.

Две недели Мунн, можно сказать, жил во Дворце Мула. Один раз, с разрешения Лорда Стеттина, он взял ее туда с собой. Дворец представлял собой массивное угрюмое здание — казалось, все там как-то нервно вздрагивало от прикосновения живого ко всему, что спало мертвенным сном, погруженное в воспоминания, и отвечало на звук шагов враждебным эхом или сердитым скрипом. Ей там совсем не понравилось.

Насколько приятней было смотреть на широкие оживленные улицы столицы, ходить в театры и смотреть спектакли в мире, который хотя и был гораздо беднее Академии, но не жалел денег на роскошь!

По вечерам Хомир возвращался из Дворца, сияющий от благоговейного трепета.

— Это мир моей мечты, — говорил он. — О, если бы я мог разобрать весь Дворец по кусочку и перевезти на Терминус — какой можно было бы создать музей!

Казалось, он полностью избавился от сомнений и растерянности. Он весь светился, был заметно возбужден. И еще один признак появился в его состоянии. Он совсем перестал заикаться...

Однажды Мунн обмолвился:

— Я нашел кое-какие обрывки записей генерала Притчера.

— Я знаю о нем, — ответила Аркадия. — Он был изменником из Академии и прочесывал Галактику в поисках Второй Академии.

— Ну, не совсем «изменником», Аркадия. Так нельзя. Его же «обработал» Мул.

— А это одно и то же.

— Ну нет. Ты пойми: прочесывание Галактики, о котором ты говоришь, было абсолютно бесполезным занятием. В материалах Конвенции Селдона о создании двух Академий пятьсот лет назад содержится только одно-единственное упоминание о Второй Академии. Там говорится, что она находится «на другом краю Галактики», «в конце звезд». Это все, чем располагали Мул и Притчер. У них не было в распоряжении метода, с помощью которого они могли бы точно распознать Вторую Академию, даже если бы нашли ее. Это было чистое безумие!

Я нашел их записи, — продолжал он, будто разговаривая сам с собой, — и оттуда явствует, что они, как ты сказала, «прочесали» почти тысячу миров, но могли бы с таким же успехом посетить хоть миллион. Но наше положение ничуть не лучше...

Аркадия прижала палец к губам.

— Ш-ш-ш... — прервала она его.

Хомир вздрогнул, задумался. Придя в себя, кивнул.

— Да, ты права, лучше об этом не говорить, — пробормотал он.

А теперь Хомир был у Лорда Стеттина, а Аркадия сидела в приемной одна-одинешенька и чувствовала, как громко и быстро бьется у нее сердце, но ничего не могла поделать. Это было самое страшное. Никакой причины происходящего она не видела и ничего не могла понять.

А по другую сторону двери примерно так же чувствовал себя Хомир Мунн. Ему казалось, что он тонет в море липкого желе. Он отчаянно боролся с заиканием, но в результате, естественно, не мог двух слов связать.

Лорд Стеттин был в полном парадном облачении и во всем величии своего шестифутового роста. Чеканя слова, он отстукивал ритм железным кулачищем.

— Итак, у вас было две недели. И вы осмеливаетесь заявиться ко мне со сказочками про белого бычка! Ну давайте скажите мне самое худшее. Значит, я должен свой флот на пуговицы переплавить? Или я должен сражаться с призраками из Второй Академии так, как с ними сражались ваши люди?

— Я-я п-повторяю, мой господин, ч-что я не п-пророк. Я... с-совершенно ра-астерян, п-поверьте!

— А может быть, вы хотите вернуться домой, чтобы предупредить ваших соотечественников? Надоели мне ваши увертки, ясно? Или скажете мне правду, или я вытрясу ее из вас вместе с вашими кишками.

— А-а я и г-говорю т-только п-правду! И вы-ынужден на-апомнить вам, мой господин, ч-что я — г-гражданин Академии. Вы не посмеете ко м-мне п-прикоснуться, чтобы это не на-авлекло на вас к-кучу всяких н-неприятностей...

Лорд Стеттин громко расхохотался:

— Вот уж напугали, нечего сказать! Детишек пугайте или полоумных дурачков. Так вот, мистер Мунн, я и так был достаточно терпелив. Целых двадцать минут я выслушивал ваш детский лепет. Небось ночи не спали, при-

думывали? Напрасно утруждались! Я прекрасно знаю, что вы прибыли сюда не только для того, чтобы потревожить прах Мула, разгрести пепел погребального костра и погреть руки на головешках. Что, разве я не прав?

Хомир Мунн не мог утаить жуткого, знобящего страха. Глаза выдали его. Он сделал судорожный, глубокий вдох. Лорд Стеттин заметил это и с такой силой надавил на плечо несчастного гражданина Академии, что даже кресло, в котором тот сидел, просело от давления.

— Ну вот. А теперь давайте откровенно. Вы исследуете План Селдона. Вы знаете, что он больше не выполняется. Вероятно, вы знаете и то, что единственным претендентом на победу в настоящее время являюсь я. Я и мои наследники. Послушайте, дружище, разве не все равно, кто станет во главе Второй Империи, если таковая будет создана? У истории нет фаворитов — так, кажется, говорится? Или вы боитесь мне сказать? Вы же видите, я отлично знаю, какова ваша миссия!

Мунн прохрипел:

— Ч-чего в-вы хо-отите?

— Вашего присутствия. Я не хочу, чтобы План полетел к чертикам из-за того, что я был слишком доверчив. Вы в этих вещах понимаете побольше моего, от вас не укроются такие мелочи, которые я мог бы упустить. Не сомневайтесь, когда все будет кончено, я вас щедро вознагражу. Отвалю приличный куш, будьте уверены. Что вам делать в Академии? Книжки с места на место переставлять? Что толку пытаться сражаться с волной, которая неизбежно захлестнет всех вас? Чего вы добьетесь? Продлите войну? Или вы, так сказать, патриот, мечтающий умереть за родину?

— Я... я...

Мунн запнулся и замолчал окончательно.

— Вы останетесь здесь, — уверенно заявил Лорд Стеттин. — Выбора у вас нет. Да, вот еще что — чуть не забыл. Судя по моим данным, ваша племянница — из семьи Байты Дарелл. Это правда?

Хомир удивленно выговорил:

— Д-да...

Тут ему не было смысла врать.

— Эта семья пользуется почетом в Академии?

Хомир кивнул:

— Да. Они не позволят, ч-чтобы ей п-причинили зло.

— Зло! Не будьте так наивны. Я совсем о другом думаю. Сколько ей лет?

— Четырнадцать.

— Так... Ну что ж, даже Гэри Селдону и Второй Академии не под силу ни остановить время, ни запретить девочке стать женщиной.

Сказав это, он резко развернулся и в два шага оказался у занавешенной двери. Рывком отдернул занавеску.

— Что ты тут делаешь? Какого дьявола!

Леди Каллия, застигнутая врасплох, испуганно моргала. Собравшись с духом, она пробормотала:

— Я... не знала, что ты не один...

— Не один, как видишь. Об этом я с тобой после поговорю, а теперь — марш отсюда, да побыстрей!

Ее поспешные шаги быстро затихли в коридоре. Стеттин вернулся.

— Ну вот, — сказал он, довольно потирая руки, — последний акт затянувшейся комедии. Ничего, скоро финал. Значит, четырнадцать? Ну-ну...

Хомир в ужасе уставился на него.

Дверь приемной бесшумно открылась. Аркадия вздрогнула и вскочила на ноги. Казалось, целую вечность она не двигалась, глядя на отчаянно манивший ее указательный палец, но наконец, как будто в ответ на магнетический призыв, излучаемый самим видом белой дрожащей фигуры, она на цыпочках подбежала к двери.

Тихо-тихо прошелестели их шаги по коридору. Леди Каллия — это, конечно же, была она — до боли сжала запястье Аркадии. Аркадия сама не понимала поче-

му, но послушно шла за ней. Может быть, потому, что ее-то как раз она совсем не боялась.

И все-таки — в чем же дело?

Они добежали до двери будуара и скользнули в нее — тут царил розовый пух, запах духов и патоки. Леди Каллия закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Тяжело дыша, она проговорила:

— Мы прошли ко мне... в мою комнату... потайным ходом... от Его кабинета.

Произнося слово «Его», она подняла вверх указательный палец, будто сама мысль о Нем ее смертельно пугала.

— Как удачно... как удачно!

Зрачки ее так увеличились, что глаза казались не голубыми, а черными.

— Но... в чем дело? — робко начала Аркадия.

— Нет, детка, нет. Нет времени объяснять. Разденься! Быстро! Пожалуйста, прошу тебя! Я дам тебе другую одежду, тогда они не узнают тебя.

Она побежала за ширму и принялась яростно вышвыривать из гардероба белье, платья, шарфы, отчаянно пытаясь найти что-нибудь подходящее, такое, что могла бы надеть на себя девочка и не выглядеть как из публичного дома.

— Ну вот, вот это, пожалуй, подойдет. Должно подойти. У тебя есть деньги? Вот, возьми. Возьми, прошу тебя. Возьми все! И еще вот это. — Она яростно вырвала серьги из ушей и сорвала с пальцев все кольца и перстни. — И беги домой — домой, к себе в Академию!

— Но... а как же мой дядя, Хомир? — попыталась слабо протестовать Аркадия, в то время как на нее опускались вороха шелка, пахнущего смесью пота и духов.

— Он не сможет улететь. Зайчик решил оставить его здесь навсегда, а тебе нельзя здесь оставаться. Ну, миленькая, неужели ты не понимаешь?

— Нет! Я не понимаю! — крикнула Аркадия и вырвалась из ее рук.

— Ты должна немедленно лететь домой и предупредить свой народ, что будет война. Неужели не ясно?

Непостижимым образом страх изменил Каллию — придал ее голосу твердость, мыслям — ясность, словам — четкость. Она просто на себя не была похожа.

— А теперь — пошли.

Наружу они выходили другим путем. Люди, мимо которых они проходили, не останавливали их — только провожали взглядами. Они не могли решиться остановить ту, которую безнаказанно мог остановить только сам Повелитель Калгана. Гвардейцы щелкали каблуками и приставляли к ноге оружие, когда они проходили через очередные двери.

Аркадия задыхалась. Ей казалось, что с того момента, как Леди Каллия, бледная и трепещущая, поманила ее пальцем и вывела из приемной, прошла целая вечность, — но на самом деле с той минуты до того мгновения, как они оказались за воротами ограды, на улице, полной людей, где издалека слышался шум автострады, прошло всего-навсего двадцать пять минут.

Аркадия с внезапной жалостью и нежностью оглянулась на свою провожатую.

— Я не понимаю, почему вы это делаете для меня, моя госпожа, но все равно — я благодарю вас. А что все-таки будет с дядей Хомиром?

— Не знаю, — покачала головой Каллия. — Ну что же ты стоишь? Бегом в космопорт. Не жди. Тебя, может быть, уже ищут.

Но Аркадия все еще колебалась. Как она могла покинуть Хомира? Только теперь, когда она наконец была на свободе, она задала тот вопрос, который не давал ей покоя:

— А... вас это почему так волнует?

Леди Каллия, прикусив нижнюю губу, пробормотала:

— Я не смогу тебе этого объяснить — ты еще маленькая. Это неприлично, непристойно — говорить тебе такие вещи. Вырастешь — сама все поймешь. И меня

поймешь. Когда я встретила Зайчика, мне было всего шестнадцать. В общем, тебе нельзя здесь оставаться. Я этого не переживу!

Аркадия похолодела. Она поняла.

— А... — прошептала она, — что он с вами сделает, когда узнает?

— Не знаю, — опустив глаза, прошептала в ответ Каллия, последний раз взглянула на Аркадию и, подхватив юбку, бросилась бегом назад, к особняку Первого Гражданина.

Долгое, очень долгое мгновение Аркадия стояла не двигаясь, потому что в тот самый момент, когда Каллия бросила на нее прощальный взгляд, девочка кое-что увидела... Напуганные, полные ужаса глаза Леди Каллии на миг вспыхнули и озарились холодной радостью.

Потрясающей, знобящей, нечеловеческой радостью.

Много чего можно было увидеть в этой быстрой вспышке чужого взгляда, но у Аркадии не было никаких сомнений в том, что именно она увидела.

А теперь она бежала — нет, она опрометью неслась прочь, отчаянно ища глазами ближайшую будку, откуда можно было вызвать воздушное такси.

Она бежала не от Лорда Стеттина — нет, не от него и не от его ищеек, наверное, уже пущенных по ее следам, не от того гигантского монстра, в которого в ее воображении превратились принадлежавшие ему двадцать семь миров и который гнался за ней по пятам.

Она бежала от одной-единственной слабой женщины, которая устроила ее побег. От той, которая одарила деньгами и драгоценностями, которая рисковала собственной жизнью, чтобы спасти ее, от той, которая — теперь она это твердо знала — была из Второй Академии...

Воздушное такси мягко опустилось рядом с тротуаром. В лицо Аркадии дунул мягкий ветерок, ее пушистые волосы слегка растрепались под подаренным Каллией капюшоном.

— Куда поедем, мадам?

Она всеми силами пыталась сделать свой голос более низким, чтобы водитель не догадался, что перед ним — ребенок.

— Сколько в городе космопортов?

— Два. А вам в какой надо-то?

— Какой ближе?

Водитель удивленно взглянул на нее:

— Центральный, мадам.

— Тогда в другой. Я хорошо заплачу.

В руке у нее был банкнот в двадцать калганиток. Она не знала, много это или мало, но таксист одобрительно кивнул:

— Как скажете, мадам. Куда вашей душеньке угодно, туда и отвезем!

Она прижалась горячей щекой к прохладному стеклу. Внизу ленивой рекой текли огни города.

Что же делать? *Что же делать?*

Именно сейчас она отчетливо ощутила, что она — всего-то навсего упрямая, непослушная девочка, которая забралась так далеко от папы. Ей стало страшно. Глаза ее против воли наполнились слезами, грудь разрывали сдавленные рыдания.

Она не боялась, что ее поймает Лорд Стеттин. Леди Каллия этого не допустит. Леди Каллия! Старая, толстая, глупая — а ведь держала же под уздцы своего господина и повелителя каким-то образом. Ну, теперь-то было ясно — каким. Все-все теперь было ясно.

Этот чай, эта светская беседа... А она-то, дурочка, старалась, умную из себя корчила! Умненькая маленькая Аркадия! Аркадия просто готова была сгореть со стыда за себя. Как она себя презирала и ненавидела сейчас! Все ведь было продумано — все это были хитрые маневры, даже то, что Стеттин разрешил Хомиру войти во Дворец. Это она, эта дура набитая Каллия, так хотела и все устроила так, что умненькая Аркадия сама взяла да и предложила такое прекрасное объяснение для всего — такое, какое бы не вызвало никаких подоз-

рений у жертв ее деяний, а ее личное участие во всем этом было минимальным.

Но почему же тогда она осталась на свободе? Хомир, без сомнения, арестован...

Если только...

Если только она послушается и отправится домой, в Академию, как приманка, с помощью которой они затянут в свои ловчие сети всех остальных.

Она ясно поняла, что в Академию ей возвращаться нельзя ни в коем случае.

— Космопорт, мадам.

Воздушное такси стояло на земле. Вот дела! А она даже и не заметила, как приземлились. Как тут было красиво!

— Благодарю, — проговорила она, сунула водителю банкнот, даже не взглянув на него, и выпрыгнула из кабинки на землю.

Не оглядываясь по сторонам, она бегом бросилась по асфальтированной дорожке.

Огни. Веселые, беспечные мужчины и женщины. Огромные, светящиеся в воздухе буквы — информация о прилетающих и улетающих звездолетах.

Куда же ей лететь? Ей было все равно. Она знала только, куда ей лететь нельзя — в Академию. Так что, в принципе, лететь можно куда угодно.

Слава богу, что все-таки было это мгновенное забытье — когда Каллия устала от своей игры. Она-то думала, что имеет дело просто-напросто с ребенком, и на мгновение расслабилась — дала волю своей радости.

Но Аркадия поняла и еще кое-что. Мысль эта неотступно вертелась у нее в сознании и пришла к ней еще до того, как она села в такси. Мысль эта означала конец ее детства.

Она знала, что должна убежать.

Это было самое главное. Да, они могут раскрыть любого конспиратора в Академии, могут даже схватить ее отца — но она не могла, не имела права пренебрегать

предупреждением. Она не могла рисковать собственной жизнью — ради всего Терминуса. Сейчас она была самой важной персоной в Галактике.

Она знала это уже тогда, когда стояла перед кассой-автоматом и выбирала, куда ей лететь.

Потому что во всей Галактике только она, только она одна знала, кроме них самих, знала, где находится Вторая Академия.

Глава 15

ВОН ИЗ СЕТИ

ТРЕНТОР... *К середине периода Безвластия Трентор был заброшенной планетой. Посреди колоссальных руин ютилась малочисленная фермерская община...*

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Вряд ли найдется что-либо подобное оживленному космопорту на окраине столицы многонаселенной планеты. Впечатляет зрелище громадных кораблей, величаво покоящихся на стоянках. Если подгадать, можно увидеть потрясающую воображение картину — посадку звездолета, а если повезет еще больше — то и взлет стального гиганта. Причем все это происходит практически бесшумно.

Под взлетно-посадочное поле отведено девяносто пять процентов территории космопорта. Все это пространство отдано кораблям, обслуживающему персоналу и диспетчерским компьютерам, которые обслуживают и персонал, и корабли.

И только пять процентов территории отведено пассажирам, для которых космопорт — всего-навсего вокзал, откуда они могут отправиться ко всем звездам Галактики. Конечно, только единицы из этой многоголовой безымянной толпы остановятся, чтобы задуматься о том, сколько труда и инженерной мысли вложено в это грандиозное сооружение, связывающее тонкими

невидимыми нитями всю Галактику. Возможно, найдется и такой, кто почешет затылок, увидев вблизи тонны сверкающей стали, — издалека ведь корабли казались такими маленькими! Невольно придет в голову мысль, что достаточно одному из этих циклопических цилиндров пройти мимо направляющего луча и грохнуться на землю в полумиле от места посадки, а может быть, даже и пробить гласситовую крышу зала ожидания, и от сотен тысяч людей останется лишь микроскопическая органическая пыль да порошок фосфатов.

Но такое могло прийти в голову только неизлечимому психопату. Система контроля безопасности действовала бесперебойно и четко.

Но о чем же думали все эти люди? Это же не просто толпа, как вы понимаете. Это толпа, имеющая определенную цель. Цель эта витает над залом ожидания и создает специфическую атмосферу. Выстраиваются очереди, родители шикают на детей, перевозится с места на место багаж — люди путешествуют, все куда-то летят...

А теперь представьте себе одно-единственное существо в этой толпе, которое не знает, куда ему лететь, и в то же время жаждет улететь куда-нибудь гораздо более сильно, чем все остальные: улететь куда угодно. Или, точнее, почти куда угодно.

Аркадия Дарелл, одетая в чужую одежду, стоящая на чужой планете посреди бесчисленного множества чужих жизней и чужих планов — даже сама ее жизнь показалась ей на мгновение чужой, честно желала сейчас только одного — безопасности собственной жизни. Она не знала, что хочет именно этого, — и в то же время ее пугала открытость пространства и ей хотелось как можно скорее где-нибудь спрятаться, где-нибудь в самом заброшенном уголке Галактики, где ее никто не стал бы искать.

Она стояла там, ей было всего четырнадцать, а она устала и измучилась на все восемьдесят, а уж напугана так, как будто ей было всего лет восемь-девять.

Кто из всех этих тысяч людей, которые непрестанно проходили мимо, был из Второй Академии? Какой случайный прохожий мог ее уничтожить только за то, что она знала? За то, что она знала, где находится Вторая Академия?

Когда к ней кто-то обратился, ей показалось, что раздался удар грома.

— Послушайте, мисс, — сказал кто-то у нее за спиной, — вы тут билет покупаете или так просто стоите?

Только теперь она поняла, что стоит перед кассой-автоматом. Нужно было вложить в щель на панели автомата крупный банкнот, который тут же исчезал внутри. Потом нужно было нажать кнопку около названия места назначения, и из другой щели выпадали билет и сдача — все тютелька в тютельку благодаря работе электронной схемы. Это было настолько просто и привычно, что и правда странно было стоять перед автоматом целых пять минут.

Аркадия сунула в щель банкнот в двести кредиток, и тут ее взгляд неожиданно остановился на табличке с надписью «Трентор». Трентор — столица мертвого мира, мертвой Империи, планета, где она родилась. Она, как во сне, нажала кнопку. Ничего не случилось — только на табло загорелись цифры — 172.18, 172.18 — мигало табло, 172.18. Автомат требовал еще один двухсотенный банкнот. Такая сумма у нее, к счастью, нашлась. Выпал билет. Она взяла его, и следом за ним выпала сдача. Она сгребла деньги и побежала прочь. Человек, стоявший позади нее, быстро нажал кнопку на панели автомата, а она даже не обернулась, чтобы взглянуть, кто ее просил поторопиться.

Но бежать некуда. Здесь везде были ее враги.

Зажав в руке билет, она задрала голову и принялась лихорадочно читать повисшие в воздухе слова из светящихся букв — названия рейсов: «Стефания», «Анакреон», «Фермус». А вот и родное название — «Терминус».

Она вздрогнула, задержалась на мгновение, но тут же ринулась дальше.

На оставшиеся деньги она могла бы приобрести маленькое устройство, настроенное на нужный ей рейс. Такое устройство можно спрятать в сумочку, так что только она одна услышала бы его тихий сигнал за пятнадцать минут до отправления корабля. Но такие устройства приобретают люди, по-настоящему заботящиеся о своей безопасности, которые могут себе позволить остановиться на бегу, чтобы подумать об этом.

А она, глядя во все стороны одновременно, на бегу уткнулась головой в чей-то мягкий живот. Она почувствовала, как у этого человека перехватило дыхание и вырвалось сдавленное проклятие. Чья-то рука легла на ее плечо. Она обреченно съежилась и только и смогла, что промычать нечто отдаленно напоминавшее извинение. Человек крепко сжимал ее плечо и не уходил. Далеко не сразу она собралась с духом и осмелилась взглянуть ему в лицо. Он был полный, маленького роста. Волосы у него были светлые, густые, зачесанные назад, что создавало впечатление парика, совершенно не вязавшегося с круглым, румяным, добродушным лицом.

— Ну что стряслось? — наконец дружелюбно поинтересовался он. — Мы чем-то напуганы?

— Простите, — оторопело пробормотала Аркадия. — Извините, мне нужно идти.

Но он, пропустив мимо ушей ее слова, сказал:

— Погоди, малышка, ты так билетик потеряешь.

Он взял билет из ее ослабевших бледных пальцев и с видом явного удовольствия уставился на него.

— Ну я так и думал, — сказал он и взревел, как бык: — Ма-му-ля!!

Рядом с ним тут же оказалась женщина — еще толще, еще ниже ростом и еще более румяная. Она накручивала на палец седой локон, выбившийся из-под жутко старомодной шляпки.

— Папуля, — произнесла она укоризненно, — ну

что же ты так вопишь в общественном месте? Люди подумают, что ты не в своем уме. Ты же не на ферме!

Она солнечно улыбнулась оторопевшей Аркадии:

— У него, знаешь, манеры — сущий дикарь. — Потом резко добавила: — Папуля, отпусти девочку! Чего ты к ней пристал?

Но Папуля только билетом помахал ей в ответ:

— Глянь-ка — она летит на Трентор.

Лицо Мамули просияло:

— Так ты с Трентора? Да отпусти же ты ее руку, Папуля, сколько тебе говорить!

Она поставила на пол громадный чемодан и усадила на него Аркадию — мягко, но настойчиво.

— Садись, и пусть твои маленькие ножки немного отдохнут. Корабль еще только через час будет, а все кресла заняты спящими бродягами. Так ты с Трентора?

Аркадия вздохнула поглубже и наконец выдавила из себя:

— Я там родилась.

— Ну надо же! А мы тут целый месяц проторчали и ни одного земляка не встретили. Вот радость-то!! А твои родители...

— Я без родителей, — осторожно ответила Аркадия.

— Одна-одинешенька? Такая маленькая девочка?

Мамуля была возмущена и полна жалости одновременно.

— Как же это тебя так отпустили?

— Мамуля, — Папуля потянул супругу за рукав, — дай мне сказать. Тут что-то не то. Мне кажется, ее кто-то здорово напугал.

Он старался говорить шепотом, но Аркадия прекрасно все слышала.

— Она бежала — я видел, — бежала, сама не зная куда. Я не успел в сторону отойти, а она как налетит на меня. И знаешь, Мамуля, что я думаю? Она в опасности, вот что.

— Угу. А теперь, Папуля, будь добр, заткнись. На такого, как ты, налететь нетрудно.

Она уселась на чемодан рядом с Аркадией. Чемодан заскрипел и просел от ее солидного веса. Мамуля мягко обняла Аркадию за плечи.

— Ты от кого-то убегаешь, лапочка? Не бойся, скажи мне. Я тебе помогу, вот увидишь.

Аркадия искоса взглянула на Мамулю, в ее добрые серые глаза, и у нее задрожали губы. Одна часть ее сознания говорила ей: вот люди с Трентора, с которыми можно полететь туда, которые помогут ей остаться там, покуда она не решит, куда ей лететь дальше. Но другая часть сознания, чей голос звучал громче и настойчивее, твердила ей, что она забыла о судьбе своей матери, что она слишком мала и слишком устала для того, чтобы бороться со всей Вселенной, что ей ничего не хочется, только бы свернуться в клубочек и чтобы вот такие теплые и добрые руки обнимали ее, и если бы мама была жива, то она бы, она бы...

Впервые за весь вечер она расплакалась — совсем как маленькая, но ничуть не стыдилась этого. Она уткнулась в плечо Мамули, в ее старомодное платье, и уже насквозь промочила его безутешными, неудержимыми слезами, а добрые руки женщины все обнимали ее, нежно поглаживая кудряшки Аркадии.

Папуля стоял рядом, беспомощно глядя на супругу, отчаянно шаря по карманам в поисках носового платка. Наконец платок был найден и тут же перешел в руку Мамули. Она взглядом призвала супруга к спокойствию. Толпы народа проходили мимо, не обращая на них никакого внимания, — подумаешь, ничего особенного. Они были как будто совсем одни.

Наконец слезы кончились. Аркадия смущенно улыбнулась, вытирая покрасневшие глаза чужим носовым платком.

— Черт возьми, — прошептала она. — Стыд какой. Я...

— Ш-ш-ш! — тихо успокоила ее Мамуля. — Не говори ничего. Просто посиди и отдохни. Отдышись маленько. А потом расскажи нам, что у тебя за беда такая приключилась. Вот увидишь, мы все уладим. И все будет хорошо.

Аркадия собрала все свое мужество, сосредоточилась. Нет, правду им сказать она не могла. Правду она не могла сказать никому. Но она слишком устала для того, чтобы придумать подходящее объяснение.

Она прошептала:

— Мне уже лучше.

— Вот и славно, — сказала Мамуля. — Ну а теперь скажи мне, что у тебя за несчастье. Ты же ничего плохого не сделала? Ну а сделала — беда невелика. Мы тебе поможем, только скажи нам все начистоту.

— Для друга с Трентора мы все сделаем, — возбужденно вставил Папуля, — правда, Мамуля?

— Папуля, заткнись, — ответила жена.

Аркадия покопалась в сумочке. Она, по крайней мере, принадлежала ей, и она не забыла ее захватить, несмотря на спешное переодевание в покоях Леди Калии. Она нашла то, что искала, и подала Мамуле.

— Вот мои документы, — сказала она решительно. Это была блестящая пластиковая книжечка, которую ей вручил посол Академии в тот день, когда они с Хомиром Мунном прибыли на Калган, и которая была подписана официальным представителем Калганской администрации. Мамуля повертела паспорт и передала его Папуле, который внимательно изучил содержание. Читая, он шевелил губами. Он спросил:

— Так ты из Академии?

— Да. Но я родилась на Тренторе. Там написано...

— А-га... По-моему, все в порядке. Тебя зовут Аркадия, да? Старое доброе тренторианское имя. А где же твой дядя? Тут написано, что ты прибыла вместе с дядей, Хомиром Мунном.

— Он... арестован, — глубоко вздохнув, ответила Аркадия.

— Арестован! — воскликнули супруги хором.

— За что? — спросила Мамуля. — Он что-нибудь натворил?

— Не знаю. Мы ведь тут просто так — с визитом. У дяди Хомира были какие-то дела с Лордом Стеттином, только...

Ей не составляло особого труда изобразить на лице страх. Его у нее было — хоть отбавляй.

На Папулю ее заявление произвело большое впечатление.

— С Лордом Стеттином? Ну знаешь, твой дядя, видно, большой человек!

— Я в этом ничего не понимаю, только Лорд Стеттин и меня хотел задержать.

Она вспомнила о последних словах Леди Каллии. Они ей были как раз на руку. Теперь она знала, что Каллия — специалист своего дела, и решила продолжить начатую линию.

Она умолкла, и Мамуля с интересом спросила:

— А почему же он хотел, чтобы ты осталась?

— Точно не знаю, — пожала плечами Аркадия, — но только он хотел пригласить меня на обед — совсем одну, понимаете, а дядя Хомир был против, и я не хотела идти одна, а хотела пойти с дядей, а этот — он все молчал, и смотрел на меня странно, и сжимал мою руку...

Рот у Папули приоткрылся, а Мамуля густо покраснела и рассердилась:

— Сколько тебе лет, Аркадия?

— Четырнадцать. Почти четырнадцать с половиной.

Мамуля глубоко вздохнула и сказала:

— Откуда только такие люди берутся? Бродячие собаки и те лучше, честное слово. Так ты от него убежала, детка?

Аркадия кивнула.

Мамуля объявила:

— Папуля, ступай быстренько в справочное бюро и уточни, когда будет рейс на Трентор. Поторопись!

Но Папуля сделал только шаг и остановился. Громкий металлический голос донесся сверху, и тысячи глаз невольно устремились туда.

— Дамы и господа, — четко произносил диктор. — В космопорте находится опасная преступница. Она замечена в зале ожидания. Выходить и входить кому-либо после объявления запрещается. Поиски не отнимут много времени, и никто из вас не пропустит своего рейса. Сейчас будет опущена сеть. Повторяю, все успеют на свои рейсы. Никто из вас не должен покидать своего сектора до тех пор, пока не будет убрана сеть. В противном случае мы будем вынуждены применить нейропарализаторы.

Пока этот жуткий голос звучал под куполом зала ожидания, Аркадия не могла и пальцем пошевелить — она чувствовала, что все зло Галактики ополчилось против нее, собралось в стальной шар и должно вот-вот ударить ее и сбить с ног.

Конечно, в виду имели ее. Другой мысли не было. Но почему...

Ведь Леди Каллия организовала ее побег. А Каллия была из Второй Академии. Почему же ее ловят теперь? Каллия провалилась? Или это тоже — часть плана, тонкостей которого Аркадия не понимала?

Все смешалось у нее в голове. Ей вдруг захотелось вскочить и бежать и кричать, что она сдается, что она больше так не может, что она пойдет с ними, куда скажут, что... что...

Но рука Мамули крепко сжала ее запястье:

— Быстро! Скорее! Мы успеем уйти в туалет, пока они еще не начали.

Аркадия ничего не понимала. У нее не было сил сопротивляться. Она покорно шла, куда вела ее за руку Мамуля. Они продирались сквозь толпу. Люди были

напуганы, сбились в кучки, а голос под потолком все еще звучал, произнося последние слова...

А с потолка уже начала опускаться сеть. Папуля, задрав голову и широко разинув рот, смотрел, как она опускается. Про сеть он слышал и читал, но сам в нее ни разу в жизни не попадал. Она поблескивала в лучах света и представляла собой не что иное, как соединение пересекавшихся многочисленных пучков излучения, заполнявшее воздушное пространство безвредной паутинкой, сплетенной из световых нитей.

Впечатление, чисто психологическое, было неприятное. Наверное, что-то подобное испытывают звери, когда их ловят сетью.

Вот она уже на уровне пояса. Между полосками света не более десяти футов. Папуля оказался совершенно один на квадрате площадью в сто квадратных футов, а по соседству с ним все квадраты были заполнены людьми. Он ощутил себя в некоторой изоляции, но знал, что перейти в другой квадрат, чтобы затеряться в толпе, невозможно — при этом нужно пересечь один из лучей, а от этого тут же срабатывала сигнализация и пускался в ход нейропарализатор.

Он ждал.

Толпа была неестественно спокойна, и где-то вдали происходило какое-то шевеление — это выстраивалось окружение из полицейских. Они постепенно окружали каждый квадрат. Через какое-то время полицейский появился в том квадрате, где стоял одинокий Папуля.

Полицейский старательно занес координаты квадрата в блокнот.

— Документы!

Папуля подал ему документы. Полицейский быстро, профессионально просмотрел их.

— Вы — Прим Пальвер, житель Трентора, прибыли на Калган на месяц и возвращаетесь на Трентор. Отвечайте: да или нет?

— Да, да.

— Чем вы занимались на Калгане?

— Я — торговый представитель фермерского кооператива. У меня были переговоры с Департаментом Сельского Хозяйства Калгана.

— М-м-м... Ваша супруга с вами? Где она? Она значится в ваших документах.

— Простите... Моя жена в...

Он смущенно указал в сторону туалета.

— Ханто! — рявкнул полицейский. К нему быстро подошел второй. — Еще одна баба в клозете, черт бы их подрал. Похоже, их там вагон и маленькая тележка. Запиши ее имя.

Он ткнул пальцем в строчку документа:

— Еще кто-нибудь с вами есть?

— Моя племянница.

— Тут она не значится.

— Она прибыла самостоятельно.

— Где она? А, понятно. Ханто, запиши, как зовут племянницу. Как ее имя? Запиши — «Аркадия Пальвер». Ладно, с бабами потом разберемся.

Папуля оторопело ждал. Прошло довольно много времени, и он наконец увидел, как к нему твердой походкой приближается Мамуля, крепко держа за руку Аркадию, а за ней вышагивают двое полицейских.

Они вошли в квадрат, где стоял Папуля, и первый спросил:

— Эта хамка — ваша жена?

— Да, сэр! — гордо ответил Папуля.

— Ага, ну тогда скажите ей, что у нее будут неприятности, если она будет позволять себе и впредь так разговаривать с представителями полиции Первого Гражданина, — сообщил полицейский, поправляя воротничок рубашки. — Это — ваша племянница? Дайте мне ее документы!

Глядя на супруга в упор, Мамуля медленно, но твердо покачала головой.

— Боюсь, что не смогу этого сделать, сэр!

— Как это? Что значит — не сможете?

Полицейский требовательно протянул руку:

— Давайте документы, живо!

— Дипломатическая неприкосновенность, — мягко разъяснил Папуля.

— Что вы хотите сказать?

— Я же вам уже объяснил, что я — торговый представитель фермерского кооператива. Я аккредитован в правительстве Калгана как официальный иностранный представитель, и мои документы это подтверждают. Документы я вам показал и не желаю, чтобы меня больше беспокоили.

На мгновение полицейский растерялся.

— Но я должен просмотреть все документы. Это приказ.

— Проваливайте! — неожиданно вмешалась Мамуля. — Если вы нам будете нужны, мы вас позовем. Вот уж тупицы!

— Ты пригляди за ними, Ханто, а я за лейтенантом сбегаю.

— Смотри не споткнись! — крикнула ему вслед Мамуля. Кто-то неподалеку хихикнул, но тут же умолк.

Поиски приближались к концу. Толпа начинала волноваться. Прошло не меньше сорока пяти минут с того момента, как была опущена сеть, а это уже слишком. Поэтому лейтенант Диридж торопился, пробираясь к нужному квадрату.

— Вот эта девочка? — спросил он устало. Он смотрел на нее. Очень похоже на описание. И все из-за ребенка!

Он сказал:

— Ее документы, будьте добры.

— Я уже объяснял вашим людям... — начал Папуля.

— Я знаю, что вы объясняли, и мне очень жаль, но у меня есть приказ, и тут уж ничего не поделаешь. Если вы так хотите, то позже можете заявить протест. Пока

же я имею право в случае необходимости применить силу.

Наступила пауза. Лейтенант терпеливо ждал. Наконец Папуля торопливо проговорил:

— Дай мне твой паспорт, Аркадия.

Аркадия панически замотала головой, но Папуля успокаивающе кивнул.

— Не бойся. Дай.

Она беспомощно поковырялась в сумочке, вытащила паспорт и отдала его Папуле. Папуля раскрыл паспорт, внимательно просмотрел его и передал лейтенанту. Лейтенант в свою очередь внимательно рассмотрел паспорт, потом перевел взгляд на Аркадию, долго смотрел на нее, потом, не говоря ни слова, резким движением захлопнул паспорт.

— Все в порядке, ребята, — сказал он. Откозыряв, он удалился, полицейские — за ним; а через две минуты — не больше — сеть поползла вверх, и голос диктора из-под потолка объявил, что все закончено. Толпа зашевелилась, зашумела.

Аркадия бормотала:

— Как же это?.. Как...

Папуля приложил палец к губам:

— Ш-ш-ш! Не говори ничего! Пошли-ка побыстрее. Наш рейс уже объявили.

На корабле у них была отдельная каюта и отдельный столик в ресторане. От Калгана их отделяло расстояние в два световых года, и Аркадия наконец решилась вернуться к прерванному разговору.

Она сказала:

— Но они же меня искали, мистер Пальвер. У них наверняка было мое описание. Почему же они дали мне уйти?

Папуля широко улыбнулся, пережевывая ростбиф.

— Ох, Аркадия, деточка, это так просто. Знаешь,

когда без конца имеешь дело с агентами, покупателями и конкурирующими фирмами, в конце концов учишься всяким штучкам. А я им учусь уже двадцать лет. Видишь ли, детка, когда я передал лейтенанту твои документы, я вложил в паспорт сложенный во много раз чек на пятьсот кредиток. Просто, правда?

— Я вам отдам... Честное слово, у меня куча денег!

— Да? — Круглое румяное лицо Папули озарилось добродушной улыбкой. — Ну ясно, богачка-провинциалка!

Он протестующе помахал рукой, но Аркадия настаивала:

— А что, если бы он взял деньги, а меня бы увел с собой? Да еще бы мог меня во взяточничестве обвинить!

— И отказался бы от пятисот кредиток? Нет... я людей знаю получше твоего, детка.

Но Аркадия отлично понимала, что этих людей он не знает так, как она. Не этих людей он знает, вот что. Ночью, лежа в постели, она напряженно размышляла обо всем, что произошло, и совершенно уверилась в том, что никакая взятка не помогла бы лейтенанту полиции задержать ее, если только это не было спланировано. Они *не хотели* ее поймать, хотя и подстроили все так, будто очень хотели.

Почему? Чтобы убедиться, что она улетела? И именно на Трентор? Неужели эти добрые, мягкосердечные люди, с которыми она летит, — инструменты в руках Второй Академии? Такие же беспомощные, как она?

Должно быть, так.

А вдруг нет?

В голову решительно ничего не приходило. Все было бесполезно. Как она могла с ними бороться? Что бы она ни сделала, получалось, что делала только то, что хотели эти всесильные повелители.

Но она должна была их перехитрить. Должна! Должна! *Должна!!!*

Глава 16

ВОЙНА НАЧИНАЕТСЯ

По причине или по целому ряду причин, неизвестных простым смертным в Галактике, в незапамятные времена в Межгалактическом Стандарте Времени была выделена основная единица — секунда, то есть промежуток времени, за который свет проходит 299,766 километра. 86 400 секунд произвольно приравнены к Межгалактическому Стандартному Дню. А 365 таких дней составляют один Стандартный Межгалактический Год.

Почему же именно 299,766, почему 86 400, почему 365?

Традиция, говорят историки, отвечая на этот вопрос. Нет, говорят мистики, это таинственное, загадочное сочетание цифр. Им вторят оккультисты, нумерологи, метафизики. Некоторые, правда, считают, что все эти цифры связаны с данными о периодах вращения вокруг своей оси и вокруг Солнца той единственной планеты, что была первородиной человечества.

Но на самом деле точно никто этого не знал.

Как бы то ни было, день, в который крейсер Академии «Хобер Мэллоу» столкнулся в космосе с эскадрой Калгана во главе с флагманским кораблем «Бесстрашный» и отказался пустить на борт группу, которая, непонятно почему, вознамеривалась обыскать крейсер, и из-за чего он был незамедлительно превращен в кусок оплавленного металла, отмечен в календаре как 185:11692 Г.Э. То есть — сто восемьдесят пятый день одиннадцать тысяч шестьсот девяносто второго года Галактической Эры. Начало летосчисления в таком календаре приходилось на воцарение Первого Императора династии Камблов. По другому летосчислению это был сто восемьдесят пятый день четыреста девятнадцатого года от рождения Гэри Селдона — 185:419, а по третьему — 185:348 А.Э., то есть сто восемьдесят пятый день триста

сорок восьмого года от основания Академии. На Калгане же это был 185:46 П.Г., то есть сто восемьдесят пятый день сорок шестого года со дня введения Мулом титула Первого Гражданина. Как видите, день был один и тот же, независимо от того, с какого года начиналась эра.

Кроме того, в миллионах миров Галактики существовало местное летосчисление, основанное на датах жизни собственных небесных покровителей.

Но что бы вы ни выбрали — 185: 11692, 419, 348 или 46, да что угодно, — это был один и тот же день, тот самый, который историки впоследствии пометят как день начала стеттинианской войны.

А для доктора Дарелла эти цифры не значили ровным счетом ничего. Для него это был всего-навсего тридцать второй день, как Аркадия покинула Терминус.

Как Дареллу удавалось сохранять спокойствие и присутствие духа в те дни, для всех оставалось загадкой.

Но Эльветту Семику казалось, что он догадывается, как и почему. Он был старый человек и любил при случае повторять, что как раз в тех самых местах мозга, где его суждения тверды и непоколебимы, мозговое вещество сцементировалось. Он нисколько не возражал против того, что его как ученого списали со счетов — он это даже приветствовал, — и сам был готов посмеяться над собой. Но глаза его пока не ослепли до такой степени, чтобы уж совсем ничего не видеть вокруг, и ум, конечно, далеко не настолько притупился, как он сам про себя рассказывал, — нет, он многое видел и многое понимал.

Растянув в усмешке сморщенные губы, он спросил:

— Что же вы ничего не предпринимаете, дружище?

Звук его голоса произвел на Дарелла чисто физическое воздействие. Он рассеянно спросил:

— На чем мы остановились?

Семик с сожалением разглядывал друга.

— На чем, на чем... Лучше бы насчет девочки что-нибудь придумали!

В ожидании ответа он закусил неровными желтоватыми зубами нижнюю губу.

В ответ послышалось:

— У меня к вам вопрос: можете вы добыть резонатор Саймса — Мольфа в указанном частотном диапазоне?

— Я уже сказал, что могу, но вы меня, вероятно, не слышали.

— Простите, Эльветт. Понимаете, дело в том, что то, чем мы с вами сейчас занимаемся, для Галактики более важно, чем то, в безопасности ли сейчас Аркадия. В общем, это дело мое и Аркадии, а я сейчас должен быть там, где большинство. Какого размера будет резонатор?

Семик пожал плечами:

— Ну не знаю... Можно просто в каталог заглянуть.

— Хотя бы приблизительно. Сколько он будет весить — тонну, фунт? С квартал длиной?

— А-а-а... Я думал, вам нужно точно... Да нет, маленькая такая штуковинка.

Он показал первую фалангу большого пальца:

— Вот такая примерно.

— Отлично! А что-нибудь в таком роде сумеете изобразить?

Он быстро сделал набросок на листе из блокнота и передал старому физику. Тот скептически поглядел на набросок и хмыкнул:

— Знаете, вы много от меня хотите! Вот станете таким старым, как я, и мозги у вас так же затвердеют, поймете меня — не дай бог! Что вы хотите-то?

Дарелл растерялся. Он изо всех сил постарался мысленно передать собеседнику информацию, но был вынужден, поскольку это у него не вышло, облечь свою идею в слова.

Семик покачал головой.

— Тут понадобятся гиперволновые реле. Это — единственные устройства, которые могут обеспечить

такие быстрые реакции. И понадобится их вам чертова уйма.

— Но в принципе можно?

— В принципе — конечно.

— Можете раздобыть все составные части? Я имею в виду — не поднимая шума? Так, чтобы это выглядело частью повседневной работы.

Семик закусил верхнюю губу.

— Раздобыть пятьдесят штук гиперреле? Да я столько за всю свою жизнь не использовал!

— Но вы забываете, что сейчас мы заняты разработкой оборонного проекта. Можете вы измыслить что-нибудь такое неприметное, безвредное, где бы понадобилось такое количество реле? Деньги у нас есть.

— Гм-м-м... Ну, может, что и придумаю.

— И какого же размера эта штуковина получится окончательно?

— Ну, если раздобудем микроскопические реле... потом провода... трубки... черт возьми, но там выйдет несколько сот электрических цепей!

— Знаю. И все-таки какого это будет размера?

Семик показал руками.

— Нет, это не пойдет. Великовато, — покачал головой Дарелл. — Размер должен быть такой, чтобы можно было к ремню пристегнуть.

Он старательно скатал листок с наброском в тугой шарик и бросил его в пепельницу-дезинтегратор, и тот исчез, испарился, распавшись до молекулярного уровня. Маленькая вспышка — и ничего не осталось.

Тут замигал сигнал, и Дарелл спросил:

— Кто это к вам, посмотрите!

Семик склонился над письменным столом, чтобы получше разглядеть изображение на маленьком молочно-белом экране, вмонтированном в стол чуть выше лампочки дверного сигнала.

— Это наш юный друг, Антор. А с ним кто-то еще.

Дарелл рукой отбросил назад волосы.

— Об этом никому ни слова, Семик. Эти знания стоят жизни — будут стоить, если они узнают об этом, поэтому давайте ограничимся только нашими.

Вместе с Пеллеасом Антором в кабинет Семика ворвалась неуемная молодая горячность. Бедный кабинет — он ведь тоже за годы состарился вместе со своим хозяином. А Антор, даже не двигаясь, был наполнен движением. Воздух в тихой комнате был неподвижен, а свободные легкие рукава туники Антора развевались, будто от легкого ветерка.

Он представил товарищам своего спутника.

— Доктор Дарелл, доктор Семик... Орум Диридж.

Его спутник был высокого роста. Физиономия, на которой выделялся длинный, с горбинкой нос, была не лишена привлекательности. Доктор Дарелл протянул ему руку.

Антор улыбнулся и сообщил:

— Диридж — лейтенант полиции. — И подчеркнул многозначительно: — С Калгана.

Дарелл повернулся к Антору. Он готов был его насквозь просверлить взглядом.

— Лейтенант полиции Диридж с Калгана, — четко выговаривая каждое слово, повторил Дарелл. — И вы привели его сюда. Зачем?

— Потому что он — последний человек, кто видел на Калгане вашу дочь. Да вы что? Спокойно!

Триумф Антора неожиданно оказался под вопросом. Ему пришлось, заслонив собой лейтенанта, схватиться с бросившимся на него Дареллом. Старший коллега был вынужден отступить и опуститься в кресло, тяжело дыша.

— Вы с ума сошли! — крикнул Антор, отбрасывая со лба каштановый завиток. Он уселся на краешек письменного стола, покачивая ногой. — А я-то думал, вы обрадуетесь!

Дарелл, не слушая его, обратился прямо к полицейскому:

— Что это он имеет в виду? Что значит — вы последним видели мою дочь? Она умерла? Говорите, быстро!

Он страшно побледнел.

Лейтенант Диридж совершенно спокойно ответил:

— «Последний человек» — это он просто неудачно выразился, мистер Дарелл. Она уже не на Калгане — это все, что я знаю.

— Погодите, — вмешался Антор. — Дайте я объясню. Прошу прощения, док, я, видно, слишком сгустил краски. Вы так разволновались, а я совершенно упустил из виду ваши отцовские чувства. Во-первых, лейтенант Диридж — наш человек. Он родился на Калгане, но его отец — из Академии. Он был вывезен туда, чтобы работать на Мула. Я готов ответить за то, что лейтенант предан Академии.

Кроме того, я поддерживал с ним связь с того самого дня, когда перестали поступать ежедневные отчеты от Мунна.

— Зачем? — яростно прервал его Дарелл. — Я полагал, что мы твердо условились, что не будем никого вмешивать в наши дела. Вы рисковали и их жизнью, и нашей!

— Затем, — столь же яростно ответил Антор, — что в эту игру я играю дольше вас. Потому что у меня на Калгане есть связи, о которых вы не имеете понятия. Потому что я знаю больше, понятно?

— Похоже, вы просто с ума сошли!

— Вы слушать будете или нет?

Наступила пауза. Дарелл стиснул кулаки и закрыл глаза.

Губы Антора скривились в усмешке:

— Все нормально, док. Пять минут — и вы все поймете. Скажите ему, Диридж.

Диридж непринужденно начал:

— Насколько мне известно, доктор Дарелл, ваша

дочь — на Тренторе. По крайней мере, у нее был билет на Трентор, купленный в Восточном Космопорте. Она была с Торговым Представителем Трентора, который утверждал, что она — его племянница. У вашей дочери, похоже, странная коллекция родственников, доктор. Второй дядюшка за две недели, а? Тренторианец даже пытался всучить мне взятку — и, наверное, думает, что им удалось улететь именно поэтому.

Он саркастически улыбнулся.

— Как она выглядела?

— В полном порядке, но мне показалось, что она была напугана. Но ее можно понять. Весь полицейский департамент охотился за ней. Почему — я сам до сих пор не пойму.

Дарелл, как ему показалось, впервые за все время сделал вдох. Он заметил, что у него страшно дрожат руки. Изо всех сил пытаясь овладеть собой, он проговорил:

— Значит, с ней все в порядке. А этот Представитель Трентора — кто он такой? Вернитесь к нему. Какова его роль во всей этой истории?

— Понятия не имею. А вы что-нибудь про Трентор знаете?

— Я там жил когда-то.

— Теперь это — сельскохозяйственный мир. Экспортирует продукты животноводства и зерно. Качество отменное! Они торгуют со всей Галактикой. На планете — десятка два кооперативов, и у каждого — собственный зарубежный представитель. Пройдохи еще те. Досье этого человека я видел. Он уже не первый раз на Калгане. Обычно прилетает с женой. Похоже — честный, порядочный человек. И не опасный.

— Хм-м-м... — протянул Антор. — Аркадия родилась на Тренторе, так ведь, Док?

Дарелл кивнул.

— Видите, все, в принципе, увязывается... Она хотела скрыться — как можно быстрее. И Трентор ей показался самым подходящим местом. Или вы так не думаете?

Дарелл спросил:

— А почему бы ей было не вернуться сюда?

— Может быть, она думала, что за ней будут следить, и решила удрать в другое место?

У Дарелла не было сил больше ни думать, ни говорить. «О боже! — думал он. — Дай ей бог быть в безопасности на Тренторе, если вообще можно хоть где-нибудь быть в безопасности в этой проклятой, враждебной Галактике!» Он, покачиваясь, побрел к двери; почувствовав, как Антор слегка тронул его за рукав, остановился, но не обернулся.

— Можно вас навестить дома, док?

— Заходите, — автоматически отозвался Дарелл.

К вечеру доктор Дарелл уединился. Он отказался от ужина и все время упорно занимался математической обработкой энцефалограмм.

Было уже около полуночи, когда он вернулся в гостиную. Пеллеас Антор все еще был там. Он сидел у телевизора, переключая каналы. Услышав за спиной шаги, он обернулся.

— А, это вы? А я думал, вы уже спите. Я уже два часа сражаюсь с телевизором — пытаюсь что-нибудь поймать, кроме сводок новостей. Похоже, «Хобер Мэллоу» сбился с курса, и о нем ничего не слышно.

— Вот как? И какие есть предположения?

— А вы как думаете? Конечно, калганские штучки. Есть сообщения, что калганские корабли замечены в нейтральном пространстве в том самом секторе, откуда последний раз поступали сообщения с «Хобера Мэллоу».

Дарелл нахмурился, а Антор задумчиво потер ладонью лоб.

— Слушайте, док, — сказал он, — а почему бы вам не отправиться на Трентор?

— Зачем это?

— Затем, что здесь нам от вас — никакого толку. Вы

просто не в себе. Да и не можете иначе. Кроме того, на Тренторе вам нашлось бы чем заняться. Там ведь до сих пор существует старая Имперская Библиотека с полным набором отчетов о заседаниях Комиссии Селдона.

— Нет! Все отчеты проштудированы и еще никому не помогли!

— Ну почему же? Эблингу Мису помогли когда-то.

— Откуда вы знаете? Да, он *сказал*, что нашел Вторую Академию, и моя мать убила его через пять минут после этого, чтобы он не успел сказать Мулу, где она находится. Но, поступив так, она тем самым лишила всех возможности узнать, действительно ли Мис узнал, где она находится. И, наконец, из самих отчетов никому не удалось выудить и толики правды.

— Эблинг Мис, как вы помните, — попытался возразить Антор, — находился под воздействием искусственной стимуляции мозга, осуществляемой Мулом.

— Да, я это знаю. Но напомню вам, что состояние сознания самого Мула было не совсем нормально. Разве вы и я — разве мы что-нибудь знаем о том, как работает сознание человека, находящегося под управлением сознания другого человека? Что мы знаем о преимуществах и недостатках такого мышления? Нет, как бы то ни было, на Трентор я не полечу. Об этом не может быть и речи.

Антор нахмурился:

— Да нет, вы только не обижайтесь. Я просто предложил, потому что, клянусь всеми святыми, я вас не понимаю. Вы за месяц состарились лет на десять. Вам, я чувствую, зверски трудно. Здесь вы все равно ничего толкового не сделаете. На вашем месте я хотя бы слетал туда и забрал девочку.

— Вот именно! Вы думаете, что мне этого не хочется? Послушайте меня, Антор, и постарайтесь понять. Вы играете — да мы оба играем — с чем-то, с чем в действительности справиться не в силах. По трезвом размышлении, если вы на такое способны, вы должны от-

дать себе отчет в этом, что бы вы ни думали в минуты, когда вами овладевает романтическое донкихотство.

Уже пятьдесят лет мы знаем, что Вторая Академия — прямая наследница и носительница селдоновской математики. А это означает — и вы это прекрасно знаете, — что ни у кого в Галактике волос не упадет без их ведома. Для нас вся наша жизнь — не более чем цепь непрерывных случайностей. Мы встречаемся с ними и импровизируем на ходу. Для них же любая жизнь имеет некое предназначение, и она должна быть спрогнозирована и рассчитана наперед.

Но и у них есть свои слабые места. Их работы основаны на статистике, а не может быть такого, чтобы историю двигали вперед одни лишь только громадные людские массы. Такие понятия, как «неизбежность», «неотвратимость», имеют отношение только к такой — массовой статистике. Я, например, не знаю, какова моя роль — роль отдельного человека в истории. Может быть, у меня и нет никакой роли, поскольку План оставляет отдельному человеку такие прелести, как недетерминированность и свобода воли. Но тем не менее я существую, и они — они, вы понимаете, способны рассчитать и мое поведение, и мои реакции на определенные события — правда, с очень низкой степенью вероятности. Но могут. Поэтому я не доверяю ни своим порывам, ни своим желаниям — как возможным реакциям.

Поэтому я считаю более разумным реагировать как можно менее вероятно. Я останусь здесь, невзирая на то что мне нестерпимо хочется улететь. Нет, я этого не сделаю! Именно потому, что мне так хочется улететь!

Молодой человек печально улыбнулся:

— А мне кажется, что вы просто не знаете своего сознания так, как знают его *они*. Разве нельзя предположить, что, зная вас, они могут рассчитать и ход ваших мыслей — одних только мыслей — и что как раз то, что вы считаете маловероятной реакцией, и есть наиболее

вероятная, а они именно на это и рассчитывают, зная, какова будет цепь ваших размышлений.

— В таком случае — выбора нет. Не исключено, что они предусмотрели и тот тип размышлений, который вы только что описали. Тут можно бесконечно пере-пере-пересматривать варианты. А на самом деле их всего два. Я могу либо улететь, либо остаться. Но хитрый замысел — утащить мою дочь через пол-Галактики — не может быть предпринят с целью вынудить меня остаться здесь. Ведь остался бы я только в том случае, если бы ничего подобного не случилось. Следовательно, все задумано с одной-единственной целью — выманить меня отсюда. Вот именно поэтому я и останусь.

И кроме того, Антор, совершенно необязательно, чтобы все события укладывались в схему, навязанную Второй Академией. Не все события суть результаты того, что они дергают нас, как марионеток за веревочки. Они могут не иметь никакого отношения и к отлету Аркадии на Трентор, и она спокойно может остаться там жива и здорова, в то время как все мы тут погибнем.

— Нет, — резко прервал его Антор, — тут вы ошибаетесь.

— У вас есть другое объяснение?

— Есть, если вы готовы меня выслушать.

— Ради бога. Чего-чего, а терпения у меня достаточно.

— Тогда ответьте: вы уверены, что хорошо знаете собственную дочь?

— Как может любой человек с уверенностью утверждать, что знает другого? Естественно, мои знания неадекватны истине.

— Так же как и мои в этом случае. Но я, по крайней мере, имел возможность взглянуть на нее со стороны, свежим взглядом, так сказать. Она — необузданная маленькая романтическая особа, единственный ребенок кабинетного ученого, выросшая в «башне из слоновой кости» и всю жизнь прожившая в мире видеофильмов и

книжных приключений. Она создала себе свой собственный мир — мир фантазии, шпионажа и интриг. Это — во-первых. Во-вторых, она умна, достаточно умна — как бы то ни было, а нас она сумела перехитрить. Она тщательно спланировала, как подслушает первое же наше собрание, и преуспела в этом. Потом она придумала, как ей улететь с Мунном на Калган, и это ей тоже удалось. В-третьих, в ней течет героическая кровь ее бабушки — вашей матери, победительницы Мула.

Пока все верно, не так ли? Хорошо. А теперь вот что. В отличие от вас я получил полный отчет от лейтенанта Дириджа, и, кроме того, у меня на Калгане полным-полно других источников информации — все точные и проверенные. Нам, например, известно, что Хомир Мунн при первой встрече с Лордом Стеттином получил отказ на просьбу разрешить ему посетить Дворец Мула и получил разрешение сразу же после того, как Аркадия побеседовала с Леди Каллией, доброй подругой Первого Гражданина.

Дарелл прервал его:

— Откуда вам это известно?

— Во-первых, Мунн был опрошен лейтенантом Дириджем в процессе экстренного полицейского расследования, организованного для поиска Аркадии. Естественно, у нас имеется полный текст допроса.

А теперь давайте вернемся к Леди Каллии. Поговаривают, что Лорд Стеттин в последнее время охладел к ней. Слухи, конечно, слухами, но есть и фактическая информация, их подтверждающая. Но пока она не только не получила «отставки», но остается при Стеттине, следовательно, запросто могла на него повлиять и в плане уговора дать Мунну разрешение на посещение Дворца, а что еще более важно — могла организовать побег Аркадии. Ведь с десяток гвардейцев подтвердили, что в вечер побега их видели в особняке Стеттина вдвоем. Тем не менее никакого наказания она не понесла.

И это несмотря на то что Аркадию разыскивали везде и всюду.

— И каковы же ваши выводы из массы столь противоречивых сведений?

— Вывод один: побег Аркадии был организован.

— Я так и говорил.

— С небольшим уточнением: Аркадия сама должна была знать, что побег организован. Аркадия, ваша маленькая умная дочка, все прекрасно поняла и последовала вашему типу размышлений. Они хотели, чтобы она вернулась в Академию, а она вместо этого улетела на Трентор. Только вот — почему именно на Трентор?

— Ну и почему?

— Полагаю, потому, что именно туда в свое время улетела ее знаменитая бабушка, когда ей нужно было скрыться. Сознательно или бессознательно, Аркадия поступила так же. Но вот что интересно — столкнулась ли Аркадия с тем же самым врагом?

— С Мулом? — с плохо скрытым сарказмом поинтересовался Дарелл.

— Нет, разумеется. Под словом «враг» я имею в виду ту самую психологическую силу, которую она не смогла победить. Убегала она от Второй Академии, точнее, от ее воздействия, влияния, которое она могла почувствовать на Калгане.

— О каком воздействии вы говорите?

— А вы думаете, что у Калгана — иммунитет против этой проклятой болезни? Ведь мы оба, не сговариваясь, пришли к выводу о том, что побег Аркадии был организован. Так? Ее искали и нашли, но преспокойненько дали ей улететь — а это было делом рук Дириджа. Дириджа, понимаете? Как это вышло? Это вышло потому, что Диридж был нашим человеком. Но они откуда об этом знали? Они разве могли считать его предателем? А, док?

— Выходит, вы считаете, что они откровенно хотели перехватить ее. Ничего не понимаю. Откровенно гово-

ря, вы меня порядком утомили, Антор. Давайте закругляйтесь. Я хочу спать.

— Сейчас закончу.

Антор достал из внутреннего кармана маленькую пачку фотографий. Знакомые линии энцефалограмм.

— Вот, взгляните. Энцефалограмма Дириджа после возвращения из Калгана.

Дареллу все стало ясно. Лицо его приобрело землистый оттенок и вытянулось.

— Он «обработан»!

— Вот именно. Он дал Аркадии улететь не потому, что был нашим человеком, а потому, что он был человеком из Второй Академии.

— Дал улететь, зная, что она летит на Трентор, а не в Академию?

Антор пожал плечами:

— Надо полагать, что его действия были запрограммированы так, что он должен был дать ей улететь. Импровизировать он не мог. Он ведь был не более чем инструментом, как вы понимаете. Просто получилось так, что Аркадия выбрала самый невероятный ход поступков и скорее всего именно благодаря этому находится в безопасности. Или в относительной безопасности — до тех пор, пока Вторая Академия не изменит своих планов и не внесет в них изменений, соответствующих перемене в ходе событий...

Ом умолк. На панели телевизора замигала маленькая сигнальная лампочка. Это означало, что сейчас начнется передача экстренного выпуска новостей. Дарелл это заметил и повернулся к экрану. Первую фразу сообщения они расслышали не сначала, но еще до того, как предложение закончилось, оба они знали, что «Хобер Мэллоу», а вернее, то, что от него осталось, был обнаружен в космосе, а это означало единственное: впервые за полвека Академии объявлена война. Антор стукнул кулаком по подлокотнику кресла.

— Ну вот, док, теперь вы все знаете. Калган пошел в

атаку. А Калган — в руках Второй Академии. Так, может, все-таки полетите на Трентор?

— Нет. Я рискну. Останусь здесь.

— Доктор Дарелл, вы не так умны, как ваша дочь. Просто не знаю, можно ли вам доверять.

На мгновение он задержал долгий испытующий взгляд на лице Дарелла, быстро повернулся и вышел.

Доктор Дарелл остался один. Он был в растерянности, граничащей с отчаянием.

А на экране взволнованный диктор описывал подробности первого часа войны между Калганом и Академией...

Глава 17

ВОЙНА

Мэр Академии рассеянно приглаживал редкие волосы, обрамлявшие лысоватый череп. Он вздохнул:

— Вот они, аукаются нам — утраченные годы и возможности, не использованные нами. Я не то чтобы обвиняю кого-то, доктор Дарелл, но, честное слово, мы заработали свое поражение.

Дарелл спокойно возразил:

— Не вижу причин для особого беспокойства, сэр.

— Особого беспокойства? Особого беспокойства! Да откуда взяться другому отношению! Пойдите-ка сюда...

Он почти силой заставил Дарелла подойти к медленно вертящемуся на невидимой гравитационной подставке овоиду. Мэр коснулся его рукой, и овоид засветился изнутри — точная трехмерная модель двойной спирали Галактики.

— Желтым, — взволнованно начал мэр, — обозначен тот район космического пространства, который находится под влиянием Академии, а красным — районы протектората Калгана.

Картина, представшая перед Дареллом, представляла собой нечто вроде маленького красного шарика, за-

ключенного как бы внутрь гораздо большего по объему желтого пространства, отдаленно напоминавшего очертания кулака. Желтый «кулак» окружал красную сферу со всех сторон. Открытым оставалось только направление, ведущее к центру Галактики.

— Галактография, — сказал мэр, — наш злейший враг. Наши адмиралы просто-напросто ни от кого не могут скрыть нашей почти безнадежной стратегической позиции. Вот смотрите: у противника имеются внутренние линии коммуникации. Его позиция сконцентрирована, они способны одинаково легко встретиться с нами в любой точке пространства и защититься, не прикладывая особых усилий.

А мы разбросаны. Среднее расстояние между населенными системами на территории Академии почти в три раза превышает таковое для Калгана. Например, чтобы добраться из Сантанни в Локрис, нам нужно одолеть двадцать пять парсеков, а им — всего восемь, если мы не будем выходить за пределы наших территорий.

— Это все я понимаю, сэр, — сухо сказал Дарелл.

— И тем не менее вы не согласны, что одно только это уже означает поражение?

— В войне, сэр, имеют значение не только расстояния. Я утверждаю, что мы не можем проиграть. Это просто невозможно.

— И почему же вы так считаете?

— Таково мое понимание Плана Селдона.

— О!.. — скептически кивнул мэр, скривив губы и сложив руки за спиной. — Значит, и вы тоже рассчитываете на мистическую помощь Второй Академии?

— Нет. Всего лишь на помощь неизбежности — а также на мужество сограждан и мощное сопротивление врагу.

Но, несмотря на высказанную словами уверенность, он сам не переставал размышлять.

А что, если...

Ну... что, если Антор был прав и Калган на самом

деле — непосредственное орудие в руках мастеров психологической войны? Что, если это и есть их цель — победить и разрушить Академию? Нет! Бессмыслица!

И все-таки...

Он горько усмехнулся. Все время — одно и то же. Все время это тыканье лбом в неподатливый гранит — такой твердый и непрозрачный, который для врагов светился насквозь...

Голографическая картина сложившейся ситуации у Лорда Стеттина, напротив, вызывала удовлетворение.

Повелитель Калгана стоял перед точно такой же моделью Галактики, которую разглядывали мэр и доктор Дарелл. Отличие было лишь в том, что то, что заставляло мэра хмуриться, у Стеттина вызывало довольную усмешку.

Адмиральская форма поблескивала всеми регалиями на его внушительной фигуре. Алая лента ордена Мула, которым его наградил предыдущий Первый Гражданин, не слишком любезно смещенный им с этого поста полгода спустя, пересекала его торс от правого плеча до пояса. Серебряная Звезда с двойными кометами и мечами ярко сияла на левой стороне груди.

Он обратился к присутствующим — шести представителям генерального штаба, облаченным в форму, лишь слегка уступавшую его собственной по количеству блестящих знаков отличия, а также и к Первому Министру, худощавому и седому — темной паутинке, терявшейся в блеске орденов и позументов.

— Полагаю, решение ясное. Мы имеем возможность ждать. Для них каждый день ожидания — лишний удар по их достоинству. Если они попытаются организовать защиту по всему фронту, то вынуждены будут сильно рассеяться, и тогда мы сможем нанести два сокрушительных удара одновременно — вот тут и тут.

Он показал направления атаки на модели Галакти-

ки — две стрелки ослепительно белого цвета, отсекавшие желтый «кулак» изнутри от красивого шарика и замыкавшиеся на Терминусе плотной дугой с обеих сторон.

— Тем самым мы разорвем их флот на три части, каждую из которых можно разбить по отдельности. Если они попытаются осуществить концентрацию сил, то неизбежно сдадут добровольно две трети своих колоний, где, вероятно, вспыхнут бунты.

Тихий голос Первого Министра с трудом пробился сквозь довольный шепот офицеров:

— Через шесть месяцев Академия станет в шесть раз сильнее. Как мы отлично знаем, у них более мощные резервы, численность их флота более велика, людская сила — тоже. Наверное, все-таки вернее было бы предпринять один мощный удар.

Однако к его голосу никто не прислушался. Стеттин снисходительно улыбнулся и небрежно махнул рукой.

— Шесть месяцев... Да пусть хоть год! Для нас это ровным счетом ничего не значит. Люди из Академии не смогут подготовиться. Они на это просто морально не способны. Они верят, что им поможет Вторая Академия. Но на этот раз они жестоко ошибаются.

Присутствующие нервно зашевелились и зашептались.

— Видимо, у вас недостаточно информации, — жестко сказал Стеттин. — Что, еще раз процитировать отчеты наших агентов на территории Академии? Или еще раз пересказать выводы мистера Хомира Мунна, перешедшего на нашу сторону бывшего агента Академии? Прошу вас, джентльмены, расходитесь. Совет окончен.

Стеттин вернулся в свои апартаменты. Улыбка не сходила с его лица.

Порой он, конечно, задумывался о Хомире Мунне. Странный это был человек, непонятный. Первого своего обещания он, конечно, не сдержал, но все-таки время от времени сообщал небезынтересную информацию — особенно тогда, когда присутствовала Каллия.

Улыбка его стала еще шире. У этой толстой дуры всегда на все есть свои резоны, но и она порой бывала полезна. По крайней мере, она со своей дурацкой бабьей болтовней ухитрялась выудить у Мунна больше, чем ему самому удавалось, да и выходило это у нее гораздо легче. Может, отдать ее Мунну совсем? Он нахмурился. Каллия... Каллия со своей идиотской ревностью! Черт бы ее побрал! Если бы не она, у него была бы теперь эта девчонка — Дарелл, и как это он только ей башку не проломил за это?

Этого он и сам не мог понять.

Может, потому, что она ухитрялась так ловко обстряпывать разговоры с Мунном? А Мунн ему очень нужен. Ведь именно Мунн доказал, что уж, по крайней мере, Мул был убежден, что никакой Второй Академии не существует. А его адмиралам как воздух необходима такая уверенность.

Он не прочь объявить об этом во всеуслышание, но разумнее оставить все как есть. Пусть Академия верит в эту несуществующую поддержку. Но неужели именно Каллия это выяснила? Да, точно. Именно она. Она и сказала.

Да нет, что за чушь. Что она могла сказать?

И все-таки...

Он потряс головой, но особой ясности не прибавилось.

Глава 18

МИР-ПРИЗРАК

На Тренторе царило странное сочетание смерти и возрождения. Как потускневший алмаз в обрамлении огромного количества ярчайших звезд в центре Галактики, освещенный их лучами, он дремал и видел во сне свое прошлое и свое будущее.

Было время, когда невидимые нити власти тянулись от его металлической коры во все концы Галактики. На

планете некогда существовал один-единственный город, населенный четырьмя сотнями миллиардов администраторов, — это была самая грандиозная столица всех времен и народов.

Но постепенно Империя пришла в упадок, а потом — примерно столетие назад — было Великое Побоище и силы Трентора остались при нем самом, а потом и вовсе иссякли. Сияющие останки трупа — его металлическая оболочка сморщилась и покорежилась, страдая от сознания своего былого величия.

Те, кому удалось выжить здесь, разорвали металлическую оболочку планеты и стали торговать этим металлом, получая взамен зерно и скот. Земля, тысячелетиями не видевшая солнца, не дышавшая воздухом, снова открылась, и планета вернулась к первозданным временам. На открытых участках почвы, где велось примитивное земледелие, Трентор, казалось, начисто забыл о своем великом, закованном в непроницаемую броню прошлом.

И совсем забыл бы, если бы эти клочки возделанной земли не были бы окружены гигантскими стальными руинами, вздымавшимися к небу искореженными башнями и шпилями с пустыми глазницами окон и арок.

Аркадия, затаив дыхание, смотрела на стальную линию горизонта. Деревня, в которой жили Пальверы, была всего-навсего кучкой маленьких простых домиков. Ее окружали поля — золотисто-желтые, волнующиеся под ветром полосы пшеницы.

А там, далеко-далеко, была память прошлого, все еще сияющая незаржавевшим величием, отбрасывающая блики и отсветы огня в лучах закатного и рассветного солнца Трентора. За все те месяцы, что Аркадия жила на Тренторе, она была там только один раз. Она бродила по гладким стальным тротуарам, заходила в молчаливые, покрытые вековой пылью дома, в которые свет проникал сквозь трещины разбитых стен и крыш.

Это была нескончаемая сердечная боль. Это было проклятие.

Долго выдержать там она не смогла и убежала и бежала до тех пор, пока ноги ее вновь не коснулись мягкой живой земли.

Теперь она лишь подолгу смотрела на руины издалека. Еще раз потревожить мертвый прах она не отважилась бы.

Она знала, что где-то в этом мертвом мире она родилась — недалеко от древней Имперской Библиотеки, — в самом тренторианском Тренторе. Это была святая святых, только Библиотека и пережила Великое Побоище и уже целое столетие стояла в неприкосновенности, как безмолвный вызов всей Вселенной.

Там Гэри Селдон и его соратники сплели свою невидимую паутину. Там бился в поисках тайны Эблинг Мис, там он сидел, пораженный внезапным открытием, пока не был убит, чтобы о его открытии не узнал никто на свете.

Там, в Имперской Библиотеке, ее дедушка и бабушка прожили десять лет, пока не умер Мул и они не смогли вернуться в возрождающуюся Академию.

Туда, в Имперскую Библиотеку, вернулся ее отец со своей молодой женой, чтобы попытаться еще раз отыскать Вторую Академию, но не сумел. Там родилась она, там умерла ее мать.

Ей очень хотелось попасть в Библиотеку, но Прим Пальвер только головой покачал и сказал:

— Это за тысячу миль от нас, Аркадия, а у нас тут столько дел. И потом, это не очень хорошее место. Святыня, понимаешь, и всякое такое...

Но Аркадия прекрасно понимала, что ему просто не хочется идти в Библиотеку, что тут все точно так же, как с Дворцом Мула на Калгане. Это был тот самый суеверный страх пигмеев перед реликвиями гигантов прошлого.

Но осуждать за это маленького доброго толстяка она не могла — это было бы кощунством. Она уже три

месяца на Тренторе, и все это время он и она — Папуля и Мамуля — были так добры к ней...

А что было бы, если бы она вернулась? Она бы только навлекла на них смерть и разрушение. Разве она сказала им о том, что сама стала мишенью для разрушения? Нет. Она просто милостиво позволила им взять на себя опаснейшую роль своих защитников и укрывателей.

От этих дум она нестерпимо страдала, мысли ее путались, ей было невыносимо стыдно, но выбора не было.

Она медленно спускалась по ступенькам лестницы в столовую. До нее донеслись голоса.

Прим Пальвер, запрокинув голову, с трудом заправил салфетку за воротник и с нескрываемым удовольствием принялся за яичницу.

— Я вчера был в городе, Мамуля, — проговорил он с набитым ртом.

— Ну и что там слышно, Папуля? — безразлично поинтересовалась Мамуля, разглядывая стол в поисках соли. Найдя, она встала и подала ему соль.

— А, ничего хорошего. Прибыл корабль с калганского направления с газетами оттуда. Война там.

— Война! Вот как! Ну что ж, пусть разбивают свои дурацкие лбы, коли ума у них нет совсем. Ты платежный чек получил, Папуля? Папуля, я тебе советую: скажи ты этому старому подлецу Коскеру, что у него не единственный кооператив на Тренторе. Они и так, паршивцы, платят тебе столько, что людям стыдно сказать, так хоть бы уж платили вовремя!

— Вовремя-шмовремя, — раздраженно отозвался Папуля. — Слушай, только не надо со мной за завтраком говорить о делах. У меня кусок в горле застревает.

Он мстительно, раздраженно намазал масло на хлеб, будто оно в чем-то виновато, и добавил более спокойно:

— Война-то между Калганом и Академией, и уж два месяца как началась.

Он стукнул кулаком о кулак, имитируя столкновение двух космических кораблей.

— Гм-м-м... Ну и как там дела?

— У Академии дела плохи. Ты же сама видела Калган — солдат на солдате и солдатом погоняет. Они были наготове. А Академия — нет, так что... — он развел руками.

Мамуля резко отложила в сторону салфетку и прошипела:

— Идиот!

— Чего?

— Тупица! Болтаешь всякое, язык у тебя без костей!

Она быстро повела глазами, и Папуля, заглянув ей за спину, увидел, что в дверях стоит Аркадия, онемевшая от ужаса.

Она спросила:

— Академия воюет?

Папуля беспомощно посмотрел на Мамулю и кивнул.

— И они проигрывают?

Он еще раз кивнул.

У Аркадии перехватило горло. Она медленно подошла к столу.

— Это — конец? — прошептала она.

— Конец? — с деланой беспечностью переспросил Папуля. — Кто сказал — «конец»? Когда война, всякое бывает. И... и...

— Садись, милая, — ласково сказала Мамуля. — Сначала поешь как следует, а потом и поговорить можно.

Но Аркадия пропустила ее слова мимо ушей.

— Аркади, — сказал Папуля серьезно, — новости — за прошлую неделю, и Терминус все еще сражается. Это чистая правда. Я не обманываю тебя. Хочешь, я покажу тебе газеты?

— Да!

Она прочитала все колонки новостей, торопливо поела, даже не глядя в тарелку. Она читала, и глаза ее

краснели и наливались слезами. «Сантанни и Кореллия сдались без боя». «Эскадра Флота Академии захвачена в малонаселенном секторе Ифни и уничтожена практически до единого корабля».

Теперь Академия была заперта на территории бывших Четырех Королевств — той территории, что была очерчена Сальвором Гардином, первым мэром. Но они продолжали сражаться, и все еще была возможность... Нет, что бы то ни было, она должна предупредить отца! Она должна каким-то образом сообщить ему. Должна!

Но как? На пути к Терминусу шла война.

После завтрака она спросила у Папули:

— Мистер Пальвер, вы в ближайшее время куда-нибудь собираетесь по делам?

Папуля сидел в просторном шезлонге на лужайке перед домом и загорал. В его толстых пальцах была зажата такая же толстая сигара, а сам он напоминал карикатурного мопса.

— По делам? — лениво пробормотал он. — Как знать... Вообще-то я в отпуске и никуда не собирался. И про дела как-то вспоминать неохота. Ты беспокоишься, Аркади?

— Я? Нет, мне здесь очень хорошо. Вы так добры ко мне — и вы, и миссис Пальвер.

Он замахал рукой в знак протеста.

Аркадия сказала:

— Я думала о войне.

— Лучше не думай. Что ты-то можешь поделать? Ты ничем не можешь помочь, так что толку мучить себя?

— Понимаете, я думала о том, что Академия потеряла часть своих сельскохозяйственных миров. У них там, наверное, очень плохо с продуктами.

Папуля поерзал в кресле.

— Не стоит волноваться. Все будет хорошо.

Она не слушала.

— Мне бы хотелось помочь им с продуктами, вот что. Знаете, когда умер Мул и Академия восстала, Терминус был в осаде почти целый месяц, и генерал Хэн Притчер, который временно замещал Мула, устроил нам настоящую блокаду. Продуктов было очень мало, и мой папа рассказывал мне, как его отец рассказывал ему, что они питались тогда одними какими-то жуткими аминокислотными таблетками. Нет, честное слово — одно яйцо стоило двести кредиток. Но потом они прорвали блокаду — как раз вовремя, и продуктовые грузы стали прибывать из Сантанни. Думаю, это было ужасное время. И теперь им наверняка не лучше.

Знаете, я готова голову дать на отсечение, что Академия сейчас просто бешеные деньги отвалит за продукты! Двойную, тройную цену. Даже больше! И если бы, к примеру, здесь, на Тренторе, какой-нибудь кооператив за это дело взялся, то он, может быть, и потерял бы несколько кораблей, но за время войны фермеры стали бы все миллионерами. Вот! Торговцы из Академии именно таким образом наживали себе состояния. Нет, серьезно, за одну такую вылазку они привозили пару миллионов прибыли. Могли бы, наверное, и побольше получить, но это была плата за то, что они могли увезти на одном корабле.

Папуля поерзал сильнее. Сигара давно упала и погасла в траве, а он и не заметил.

— Продуктовая сделка! Гм-м-м... Да, но Академия так далеко...

— О, я знаю! Конечно, отсюда нечего и пытаться. Но можно ведь воспользоваться рейсовым кораблем, добраться дальше Массены и Смужчика, а там можно взять напрокат небольшой крейсер или еще что-нибудь в этом роде — небольшой кораблик, на котором можно было бы перебраться через линию фронта.

Папуля поскреб затылок. Он прикидывал в уме.

Через две недели приготовления к отлету были закончены. Мамуля все эти две недели ворчала не переставая. Сначала ее возмущало то, что ее супруг идет на явное самоубийство, летя неизвестно куда. Потом она

столь же рьяно возмущалась, почему он не берет ее туда с собой.

Папуля урезонивал ее:

— Мамуля, ну что ты ведешь себя как старая карга? Я не могу тебя взять с собой. Это мужская работа. Ты себе представляешь, что такое война? Развлечение? Игра в кошки-мышки?

— Ну а ты тогда зачем летишь? «Мужская работа»!.. Тоже мне мужчина выискался — старый балбес, одной ногой в могиле. Лучше бы кто помоложе полетел — не такой лысый олух, как ты.

— Ну вот еще новости. Лысого нашла! — слабо протестовал Папуля. — Да у меня еще волосы — о-го-го! И потом — почему бы именно мне не сделать это дело? Неужто уступать какому-нибудь молодому бездельнику? Да тут, Мамулечка ты моя, миллионами пахнет, понимаешь ты или нет? Мил-ли-он-чиками!

Это она понимала и потому в конце концов сдалась. Перед самым отлетом Аркадия улучила минутку, чтобы поговорить с Пальвером наедине.

— Вы на Терминусе будете?

— Почему бы и нет? Ты же сама сказала, что им нужен хлеб, и рис, и еще картофель. Я заключу с ними контракт, и они все это получат.

— Тогда вот что. Если вы будете на Терминусе, не могли бы вы навестить папу?

Папуля понимающе улыбнулся и ласково погладил ее по голове.

— А я ждал, что ты меня попросишь об этом. Конечно, конечно, детка, я зайду к нему. Я скажу ему, что ты жива и здорова, и что у тебя все в порядке, и что, когда все закончится, я привезу тебя обратно.

— Спасибо. Сейчас я расскажу, как его найти. Его зовут доктор Торан Дарелл, он живет в Станмарке. Это немного в стороне от Терминуса, там летают маленькие маршрутные самолеты. Дом пятьдесят пять на Набережной Канала.

— Постой, я запишу.

— Нет-нет, — покачала головой Аркадия. — Записывать ничего не нужно. Вы должны запомнить и найти его, ни у кого не спрашивая.

Папуля озадаченно пожал плечами.

— Ну ладно, как хочешь. Повторяю: дом пятьдесят пять на Набережной Канала в Станмарке, недалеко от Терминус-сити, добираться маршрутным самолетом. Все правильно?

Аркадия кивнула.

— И... еще кое-что.

— Да?

— Можете передать ему кое-что от меня?

— Конечно.

— Я вам на ухо скажу.

Он склонил голову, и она что-то прошептала ему на ухо. У Папули удивленно округлились глаза.

— Вот так прямо и сказать? Но это же чепуха какая-то!

— Он поймет. Просто скажите, что я так сказала и сказала, что он поймет, что я хотела сказать. Только скажите все слово в слово. Не перепутаете?

— Почему же я должен перепутать? Шесть словечек всего. Ну слушай.

— Нет-нет, ни в коем случае! Не повторяйте! И никому не говорите! Никому, кроме моего папы! Обещайте!

Папуля опять пожал плечами.

— Обещаю! Не волнуйся, все будет в порядке.

— Все будет в порядке, — задумчиво пробормотала она, глядя ему вслед, когда он шел по улице к месту, где его ожидало воздушное такси. Она думала об одном: действительно ли она подписала его смертный приговор. И еще она думала, увидит ли его еще когда-нибудь.

Ей так трудно было возвращаться в дом и смотреть в добрые глаза Мамули... Наверное, когда все будет кончено, лучше ей будет покончить с собой за все, что она им сделала...

Глава 19

КОНЕЦ ВОЙНЫ

СРАЖЕНИЕ ПРИ КВОРРИСТОНЕ... *произошло 9:17:377 А.Э. между вооруженными силами Академии и войсками Стеттина, повелителя Калгана. Это было последнее сражение Периода Безвластия...*

ГАЛАКТИЧЕСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ

Джоуль Турбор в новой роли военного корреспондента, облаченный в форму звездолетчика, был явно доволен собой: форма ему очень шла. Он был даже рад, что он в космосе, а не на Терминусе, — вынужденная беспомощность в призрачной борьбе с невидимой Второй Академией для него сменилась физически осязаемой борьбой военных кораблей друг с другом и окружением обычных людей.

Честно говоря, блистательных побед со стороны Академии не отмечалось, но ситуация оставляла место для размышлений. Прошло уже шесть месяцев с начала войны, а ядро Академии оставалось практически нетронутым, и основные силы флота тоже оставались в полном порядке. Численность их, за счет кораблей, построенных с начала войны, оставалась неизменной, а с технической стороны флот стал гораздо мощнее, чем во время поражения при Ифни.

За это время была усилена и оборона планет, шло интенсивное обучение войск на военных базах, командование наконец взялось за голову, и большая часть калганского флота вынуждена была отойти на «подготовленные» позиции.

В настоящее время Турбор находился в группе соединения Третьего Флота на дальних границах Анакреонского сектора. Он разрабатывал свою излюбленную тему — рассказ о войне как о войне «маленьких людей» — и брал интервью у Феннеля Лимора, инженера третьего класса, добровольца.

— Расскажите нам немного о себе, матрос, — попросил Турбор.

— А что рассказывать? Рассказывать-то особенно нечего...

Лимор смущенно улыбнулся, повертел носком ботинка, но тут же выпрямился и стал смотреть в камеру, осознав, что на него смотрят миллионы телезрителей.

— Я — локрисец. Работал на космическом заводе главным инженером отдела, мне неплохо платили. Женат, имею двух детей — обе девочки. А можно я им привет передам — вдруг они смотрят?

— Давайте, давайте, матрос. Не стесняйтесь!

— Ну спасибо.

Он приосанился.

— Привет, Милла! Если ты меня видишь, слушай — у меня все отлично. Как там Санни и Томма? Я о вас все время думаю, и, может, мне удастся отпроситься на побывку, когда мы вернемся на базу. Я получил от тебя продуктовую посылку и отослал ее обратно. У нас тут отличный паек, а гражданским, говорят, сейчас с едой туго приходится. Ну вот и все. Береги детей.

— Я загляну к вашей жене, когда буду в Локрисе, матрос, и поинтересуюсь, как у них с продуктами. Идет?

Молодой человек широко улыбнулся и кивнул:

— Спасибо, мистер Турбор. Вы очень добры, я этого не забуду.

— Не стоит благодарности. Ну а теперь скажите нам... вы ведь доброволец?

— Так точно. А что же, на нас нападают, а я буду сидеть сложа руки, что ли? Ну нет. Я записался добровольцем сразу, как только услышал про «Хобера Мэллоу».

— Вы молодчина. А в боевых действиях вы уже принимали участие? Я смотрю, у вас уже две боевые звездочки?

— Тьфу, — сплюнул матрос. — Да разве это сражения были? Так, ерунда. Да калганцы просто боятся драться, если у них нету пяти кораблей против одного нашего. И даже тогда они стараются разбить наш строй, что-

бы рассеять и перебить поодиночке. Мой двоюродный братишка попал в заварушку при Ифни, он служил на том корабле, который уцелел там, — на старом «Эблинге Мисе». Так он говорит, что и там было то же самое. У них был целый флот против нашего подразделения, и, даже когда у нас оставалось всего пять кораблей, они задирались, вместо того чтобы драться по-настоящему. В том сражении у них было подбито вдвое больше кораблей, чем у нас.

— Значит, вы думаете, мы победим в этой войне?

— Да это же ежу понятно! Мы ведь не отступаем! Ну а уж если дело плохо повернется, я уверен, нам Вторая Академия на подмогу придет. План Селдона — он ведь никуда не делся, и они, калганцы-то, про это тоже знают, я уверен.

Турбор едва заметно улыбнулся:

— Вы рассчитываете на помощь Второй Академии?

Матрос искренне удивился вопросу:

— А как же? Как все!

Младший офицер Типпельблюм зашел в каюту Турбора после окончания передачи. Он предложил корреспонденту сигарету и откинул фуражку на затылок — непонятно было, как она там удержалась.

— Пленного захватили, — сообщил он небрежно.

— Да?

— Ага. Какой-то стукнутый мужичок. Утверждает, что он якобы нейтрал — дипломатический иммунитет у него, никак не меньше. Похоже, начальство не знает, что с ним делать. Фамилия что-то вроде Пальви или Пальвер — что-то в этом роде. Говорит, что с Трентора. Ума не приложу, как его занесло в зону военных действий.

Турбор рывком приподнялся и сел на койке. Он даже забыл о предложенной сигарете. Он отлично помнил последний разговор с Дареллом в тот день, когда началась война и он должен был вылететь на задание.

— Прим Пальвер, — проговорил он. Это прозвучало утвердительно.

Типпельблюм поперхнулся на середине затяжки. Пуская клубы дыма и кашляя, он выговорил:

— Да. А вы-то откуда знаете?

— Неважно. Могу я с ним увидеться?

— Черт подери, не знаю... Старик держит его у себя, допрашивать собирается. Все говорят, что он шпион.

— Скажите старику, что если он действительно тот, за кого себя выдает, то я его знаю. И беру ответственность на себя.

Капитан Диксиль, командир флагманского корабля Третьего Флота, не отрываясь, смотрел на экран Большого Детектора. Всякий корабль, как известно, представляет собой источник ядерного излучения даже без движения — точки на экране Детектора и были кораблями.

Все корабли Академии были в наличии, и никаких других вспышек на экране после поимки шпиона замечено не было. Но появление чужого кораблика, пусть даже маленького, вызвало некоторое замешательство в командирском отсеке. Могло потребоваться изменение в боевой тактике, и притом очень быстрое. Что и было сделано.

— Вы помните? — спросил капитан. — Повторите еще раз.

Командор Сенн кивнул:

— Я проведу свою эскадру через гиперпространство. Радиус — десять парсеков, тета — 268,52 градуса, фи — 84,15 градуса. Вернусь на место в 13.30. Общая продолжительность отсутствия — одиннадцать и восемьдесят три сотых часа.

— Все точно. Учтите, вы должны вернуться минута в минуту. Ясно?

— Так точно, капитан.

Он взглянул на наручные часы:

— Мои корабли будут готовы к старту в 01.40.

— Хорошо, — ответил капитан Диксиль. Калганская эскадра пока еще не попала в поле «зрения» Большого Детектора, но ждать ее нужно было с минуты на минуту. У капитана имелась по этому поводу проверенная независимая информация. В отсутствие эскадры Сенна сил у Флота Академии будет катастрофически недостаточно, но капитан был совершенно спокоен. То есть — *абсолютно* спокоен.

Прим Пальвер грустно поглядывал по сторонам. Ему ничего не оставалось, как ждать своей участи, переводя взгляд с одного лица на другое. В каюте присутствовал капитан — высокий, сухопарый, в адмиральской форме, и несколько офицеров. Кроме них, был еще один человек, у которого, в отличие от остальных людей, верхняя пуговица рубашки была расстегнута и не было галстука. Этот человек сказал, что хочет поговорить с ним.

Джоуль Турбор продолжал уговаривать адмирала:

— Я полностью отдаю себе отчет, адмирал, в том, что дело крайне серьезное, но уверяю вас — если мне будет дана возможность поговорить с этим человеком с глазу на глаз всего пару минут, многое может проясниться.

— А почему бы вам не поговорить с ним в моем присутствии?

Турбор выпятил губы и набычился.

— Адмирал, — сказал он упрямо, — все то время, что я нахожусь в Третьем Флоте, вы не можете пожаловаться на отсутствие самых лестных отзывов в прессе о вас и ваших людях. Я бы не стал вам об этом напоминать, но уж если так стоит вопрос... Можете выставить охрану за дверью, а сами возвращайтесь через пять минут. Ну, пожалуйста, позвольте мне эту малость — уверяю вас, ваша репутация от этого не только не пострадает, а даже выиграет. Вы меня понимаете?

Он понял.

Как только они остались наедине, Джоуль Турбор резко повернулся к Пальверу.

— Быстро: назовите имя девочки, которую вы увезли с Калгана!

Пальвер только широко раскрыл глаза и отрицательно замотал головой.

— Я не шучу, — сказал Турбор. — Если вы не ответите, вас сочтут шпионом, а шпионов в военное время расстреливают на месте без суда и следствия.

— Аркадия Дарелл! — выдохнул Пальвер.

— Отлично. Она жива?

Пальвер кивнул.

— Если вы не уверены в этом, то ваше дело плохо.

— Она жива и здорова, — побледнев, отозвался Пальвер.

Тут вернулся адмирал.

— Ну? — спросил он сурово.

— Этот человек — не шпион, сэр. Можете верить всему, что он вам говорит. Я ручаюсь за него.

— Вот как? — нахмурился адмирал. — Следовательно, получается, что он — представитель сельскохозяйственного кооператива с Трентора, который желает заключить с Терминусом торговую сделку на поставку зерна и картофеля. Ну хорошо, будь по-вашему, только сейчас я его все равно отпустить не смогу.

— Почему? — резко спросил Пальвер.

— Потому что мы в самом центре военных действий. Когда сражение закончится и если все мы будем живы, мистер Пальвер, мы сопроводим вас на Терминус.

Калганский Флот, на полной скорости несущийся через пространство, издалека заметил корабли Академии, но и сам не остался незамеченным. Как крошечные светлячки на экранах Больших Детекторов, они летели навстречу друг другу в безмолвной пустоте.

Адмирал Флота Академии нахмурился и сказал:

— Скорее всего это их главный удар. Поглядите, сколько их. — И добавил: — Однако им против нас не устоять, если только Сенн подоспеет вовремя.

Командор Сенн улетел несколько часов назад — как только враг был замечен. Теперь план изменить уже нельзя. Он мог либо сработать, либо сорваться, но адмирал был спокоен. Так же, как все офицеры и матросы.

Снова танец светлячков на экране. Пляски смерти...

Флот Академии медленно, нудно отступал. Шли часы, а Флот медленно отходил назад, изматывая противника, сбивая его с намеченного курса — все сильнее и заметнее.

В умах стратегов, ведущих эту битву, было предусмотрено колоссальное пространство, которое должны занять корабли Калганского Флота. Флот Академии освобождал это пространство — и его тут же занимали калганцы. Те их корабли, что рисковали выйти за пределы этого пространства, тут же подвергались резкой и беспощадной атаке. Тех, кто оставался внутри пространства, никто не трогал.

Все зависело только от собственной инициативы командиров кораблей Флота Лорда Стеттина — то ли идти на верную смерть, то ли оставаться там, где им ничто не угрожает.

Капитан Диксиль холодно взглянул на циферблат наручных часов. Было 13.10.

— У вас есть еще двадцать минут, — сообщил он.

Лейтенант, стоявший справа от него у экрана, сдержанно кивнул:

— Пока все идет по плану, капитан. Почти девяносто процентов их кораблей заперто. Если удастся их еще продержать...

— Да! Если...

Теперь корабли Академии медленно двинулись вперед. Не так быстро для того, чтобы обратить калганцев в бегство, но все-таки достаточно быстро, чтобы сдерживать их наступление. Враг предпочел выждать.

Шли минуты.

В 13.25 адмиральский сигнал прозвучал на семидесяти пяти кораблях линии фронта Академии, и они,

развив максимальную скорость, бросились в самую середину фронта калганцев, насчитывающего три сотни кораблей. Вспыхнуло защитное поле вокруг калганских звездолетов, черную пустоту пространства озарили вспышки колоссальных выбросов энергии. Каждый из трехсот кораблей устремился вперед, навстречу безумным атакующим, которые шли на них так бездумно, так легкомысленно, и...

В 13.30 — откуда ни возьмись — появились пятьдесят кораблей под командованием командора Сенна. Мощным броском из гиперпространства они оказались в расчетной точке в расчетное время и яростно накинулись на незащищенный фланг калганцев.

Хитрость сработала превосходно!

Численное преимущество пока еще было на стороне калганцев, но считать свои силы им было попросту некогда. Вначале они пытались ускользнуть, но строй их был разбит напрочь, и те корабли, что пытались спастись бегством, натыкались друг на друга и взрывались.

Через некоторое время ситуация стала напоминать охоту на крыс. Из трехсот кораблей калганцев — ядра и гордости Флота — меньше шестидесяти, многие — в безнадежно подбитом состоянии, постыдно драпали на Калган. Потери Академии составили восемь из ста двадцати пяти кораблей.

Прим Пальвер приземлился на Терминусе в самый разгар празднования победы. Фурор торжества несколько смутил его, но, прежде чем покинуть планету, он успел сделать две вещи и получил одну просьбу.

А вещи он сделал вот какие: 1) заключил контракт, согласно которому кооператив Пальвера должен был поставлять на Терминус двадцать грузовых кораблей с продовольствием в месяц в течение будущего года по расценкам военного времени, причем — слава богу и исходу последнего сражения — без всякого риска, и 2) передал доктору Дареллу шесть слов Аркадии.

Несколько мгновений доктор Дарелл смотрел на него широко раскрытыми от изумления глазами, а потом попросил передать Аркадии кое-что на словах. Пальвер был доволен. Ответ простой и незамысловатый: «Можешь вернуться. Опасности больше нет».

Лорд Стеттин был вне себя от ярости. Видеть, как его превосходное оружие ломается на глазах и превращается в труху, как прочнейшая ткань его военной мощи рвется, как ветхое рядно, — это даже закоренелого флегматика привело бы в состояние бушующего вулкана. Но тем не менее он осознавал, что поделать ничего не может.

Уже несколько недель он почти не спал. Три дня он не брился. Отменил все аудиенции. Адмиралы были предоставлены самим себе, и никто лучше самого повелителя Калгана не знал, что пройдет совсем немного времени и даже новых поражений не потребуется, как начнутся внутренние бунты.

Лев Мейрус, Первый Министр, тоже ничем помочь не мог. Он стоял перед Лордом Стеттином — спокойный, безнадежно старый, нервно похрустывая длинными пальцами, как обычно. Вертикальная складка, пересекавшая его лицо, стала, казалось, еще глубже.

— Ну! — рявкнул Стеттин. — Что же вы молчите? Предлагайте хоть что-нибудь! Мы разбиты, понимаете вы или нет? Разбиты! А почему? Я не знаю почему! А вы знаете?

— Думаю, да, — спокойно отозвался Мейрус.

— Измена... — тихо проговорил Стеттин. Не повышая голоса, он продолжал: — Вы знали об измене и помалкивали. Вы служили тому козлу, которого я прогнал с поста Первого Гражданина, и думаете, что сможете служить всякому другому мошеннику, который сбросит меня? Если окажется, что вы действовали вот так, а не иначе, я из вас кишки вытяну и сожгу их, поджарю у вас на глазах!

Мейрус не пошевелился.

— Я много раз, сэр, пытался вам внушить свои собственные сомнения. Я пытался вложить слова вам в уши, но вы предпочитали выслушивать советы других, поскольку они больше тешили ваше самолюбие. Все повернулось именно так, как я боялся, и даже хуже. Если вы и сейчас не желаете меня слушать, сэр, то так и скажите, и я уйду и, конечно же, стану служить тому, кто сменит вас, если у него хватит ума первым же делом подписать мирный договор.

Стеттин сверлил его покрасневшими от бессильной злобы глазами, сжимая и разжимая гигантские кулаки.

— Говори, серое ничтожество. Говори, черт бы тебя побрал!

— Я не раз говорил вам, сэр, что вы — не Мул. Вы можете командовать кораблями и орудиями, но вы не можете управлять умами своих подданных. Известно ли вам, сэр, с кем вы сражаетесь? Вы сражаетесь с Академией, которую никому и никогда не удавалось победить, с Академией, которая защищена Планом Селдона, с Академией, которой на роду написано сформировать новую Империю.

— Нет никакого Плана! Так сказал Мунн.

— Значит, Мунн ошибается. Да даже если он прав, что с того? Вы и я, сэр, еще — не народ. Мужчины и женщины Калгана и наших колоний свято верят в План Селдона — так же как все, кто населяет этот район Галактики. Четыреста лет — хороший урок того, что Академию победить невозможно. Это не удалось никому — ни королевствам, ни диктаторам, ни старой Империи.

— Мулу удалось!

— Да, но он не был предусмотрен Планом Селдона — в отличие от вас. Что еще хуже: народ это отлично понимает. Вот и получается, что ваши корабли отправляются на битву, неся в себе зародыш поражения. Невидимая ткань Плана окутывает их, и ваши люди становятся осторожными и осмотрительными — думают каждый раз, семь раз отмеряют, прежде чем атаковать. Но

та же самая невидимая ткань Плана придает врагу уверенность и решимость, прогоняет страх, поддерживает боевой дух, невзирая на поражения вначале. Почему бы и нет? Так всегда бывало. Поначалу Академия всегда терпела некоторые потери, зато в конце всегда выигрывала.

А ваше собственное состояние, сэр? Ваши позиции на территории врага вроде пока крепки. Ваши собственные колонии не захвачены. И захвачены скорее всего не будут. И все-таки вы побеждены. Вы сами не верите в возможность победы, потому что знаете: такой возможности попросту нет.

Так отступите же сейчас, или вас поставят на колени. Отступите добровольно, и тогда вам удастся спасти хотя бы то, что у вас осталось. Вы положились на железо и сталь, и они дали вам возможность продержаться. Вы игнорировали силу разума и духа — и это вас подвело. Послушайтесь моего совета хотя бы сейчас. У вас есть человек из Академии — Хомир Мунн. Освободите его. Отпустите его на Терминус, чтобы он доставил туда ваши мирные предложения.

Стеттин плотно сжал губы и заскрипел зубами. Выбора не было.

В первый день нового года Хомир Мунн наконец покинул Калган. Прошло больше шести месяцев с того дня, как он улетел сюда с Терминуса. За это время много воды утекло — началась и кончилась война.

Прибыл сюда он сам собой, а улетел с эскортом. Прибыл сюда он простым смертным, по частному делу, а улетал не то чтобы официально назначенным, но фактически — послом мира.

Ну а уж что радикально переменилось за это время, так это его суждение о Второй Академии. Эта мысль веселила его. Он уже рисовал в уме, как будет рассказывать об этом доктору Дареллу и этому выскочке, молодому всезнайке — Антору, всем им...

Он знал. Он, Хомир Мунн, наконец знал всю правду.

Глава 20

«Я ЗНАЮ...»

Последние два месяца стеттинианской войны Мунн потратил недаром. В необычной для себя роли Чрезвычайного Посредника он находился в самом центре межзвездных событий, и эта роль, к его собственному удивлению, пришлась ему по вкусу.

Крупных сражений больше не происходило — несколько мелких стычек, которые можно и не принимать в расчет. За это время были разработаны пункты мирного договора между Калганом и Академией. Стеттин торчал у себя в особняке и делами занимался мало. Флот его был расформирован, владения за пределами Калгана получали автономию, и им было дано право провести референдумы, в ходе которых они должны были решить — вернуться ли им к первоначальному статусу или перейти под протекторат Академии.

Формально война была окончена на астероиде, в звездной системе, принадлежавшей Академии, в месте размещения ее самой старой военной базы. Со стороны Калгана мирный договор подписал Лев Мейрус, а Хомир присутствовал в качестве заинтересованного наблюдателя.

За все это время он не видел ни доктора Дарелла, ни кого-либо другого из своих знакомых, хотя они тоже обретались в тех краях. Но это не имело никакого значения. Его новости могли и подождать. При мысли об этом он неизменно улыбался.

Доктор Дарелл вернулся на Терминус через несколько недель после окончания войны, и в тот же вечер в его доме состоялась встреча пятерых людей, которые десять месяцев назад здесь строили свои планы.

Тянулся обед, они ели и пили вино и явно не хотели возвращаться к старым разговорам.

Первым молчание нарушил Джоуль Турбор. Одним

глазом поглядывая в пурпурную глубь бокала с вином, он процедил сквозь зубы:

— Ну, Хомир, вы теперь — просто герой дня. Здорово вы все обстряпали!

— Я? — воскликнул Мунн и весело расхохотался. Странно — вот уже несколько месяцев он не заикался. — Да мне и пальцем шевельнуть не пришлось. Это все Аркадия. Кстати, Дарелл, как она? Я слышал, она возвращается с Трентора?

— Вы слышали правильно, — спокойно отозвался Дарелл. — Она возвращается через неделю.

Он пристально оглядел присутствующих, но в ответ на свое сообщение не услышал ничего, кроме вздохов облегчения и слов радости. Ничего.

Турбор допил вино и сказал:

— Ну, значит, все кончено. И кто бы мог представить себе такое десять месяцев назад? Мунн слетал на Калган и вернулся. Аркадия побывала на Калгане и на Тренторе и тоже возвращается домой. Была война, и мы ее выиграли, черт подери! Вот говорят, что можно предсказать колоссальные повороты событий в истории, но разве можно себе представить, что то, что случилось, кто-нибудь из нас мог предвидеть, а ведь каждый из нас по-своему прожил это время и все события почувствовал на своей шкуре, образно говоря.

— Ерунда... — кисло отозвался Антор. — И с чего это вы так радуетесь? Вы говорите так, будто мы в действительности выиграли войну, а выиграли-то мы на самом деле чепуховую потасовку, которая только для того и была нужна, чтобы отвлечь наше внимание от реального врага.

Наступила неловкая пауза. Только Хомир понимающе усмехнулся.

Антор стукнул по столу кулаком.

— Да-да! — яростно воскликнул он. — Я говорю о Второй Академии. О ней теперь ни слова не говорят, и, если я прав, значит, предприняты все попытки, чтобы о ней и не вспоминал никто. И все эта проклятая атмо-

сфера триумфа, наполняющая этот мир непроходимых тупиц, — все так радуются и торжествуют, что возникает идиотское желание присоединиться. Ну что ж, давайте вывешивайте за окнами транспаранты, бегите на улицу, влезайте друг другу на спины и бросайте с балкона конфетти, а когда вам это наконец наскучит, возьмитесь за голову, спуститесь с небес на землю, и давайте вернемся к обсуждению все той же проблемы — она никуда не делась и сегодня так же актуальна, как десять месяцев назад, когда вы все сидели тут с глазами на лбу от страха — и боялись, сами не зная чего и кого. Неужели вы правда думаете, что теперь, когда вы побили жалкую кучку военных кораблей, бояться Второй Академии нужно и можно меньше?

Он замолчал, тяжело дыша. Лицо его покрылось испариной и покраснело.

Мунн спокойно сказал:

— Позвольте, теперь скажу я, Антор. Или вы собираетесь играть роль конспиратора-пропагандиста?

— Говорите, Хомир, — сказал Дарелл, — только поосторожнее с эпитетами, прошу вас. Я и сам порой не против поговорить красиво, но сейчас нам просто не до этого.

Хомир Мунн откинулся на спинку кресла и аккуратно налил себе вина из графина, стоявшего рядом с ним на столе.

— Я был послан на Калган, — начал он, — для того, чтобы выудить все, что я мог выудить из записей Мула, хранящихся во Дворце. Я потратил на это несколько месяцев. Не собираюсь ставить себе это в заслугу. Как я уже говорил, неожиданное разрешение на допуск во Дворец целиком и полностью — дело рук и гениальной головки нашей маленькой Аркадии. Тем не менее факт остается фактом — к моим первоначальным знаниям о жизни Мула и его времени, которые и так были не малы, я добавил плоды напряженного труда над первоисточниками, которых до меня никто в руках не держал.

Поэтому у меня есть уникальная возможность су-

дить о реальной опасности Второй Академии — гораздо более реальная, чем у нашего возбудимого друга.

— Ну и какова же ваша оценка опасности? — буркнул Антор.

— Нулевая.

Короткая пауза. Эльветт Семик удивленно уточнил:

— Нулевая? Нет опасности, что ли?

— Разумеется. Друзья мои, никакой *Второй Академии не существует.*

Веки Антора медленно опустились. Он побледнел, лицо его вытянулось, стало невыразительным.

Мунн продолжал, явно довольный тем, что был в центре внимания.

— И более того: никогда не существовало.

— И на чем же, — поинтересовался Дарелл, — вы основываете это столь неожиданное заключение?

— Не стал бы называть его неожиданным. Все вы знаете историю поисков Второй Академии Мулом. Но что вам известно об интенсивности этих поисков, о том колоссальном упорстве, с которым они велись? У него были громадные ресурсы, и он их использовал до конца. У него только одно желание и было — и он ничего не добился. Никакой Второй Академии найдено не было.

— Трудно ожидать, что она могла быть найдена, — нетерпеливо прервал его Джоуль Турбор. — Она наверняка имела и имеет способы защиты от любопытных глаз и умов.

— Даже если это был такой любопытный ум, как ум Мула — могущественнейшего мутанта? Не думаю. Ну ладно, в конце концов, ведь не ждете же вы, что я вам за пять минут перескажу содержание пятидесяти томов отчетов? Все это, согласно одному из пунктов мирного договора, перейдет в ведение Исторического Музея имени Селдона, и вы сможете с ними спокойно ознакомиться — так же, как я. Собственными глазами прочтете и убедитесь — уверяю вас, там черным по белому написано то, что я сказал. Нет и никогда не было никакой Второй Академии.

Семик поинтересовался:

— Ну и кто же тогда — или что — остановило Мула?

— Елки-палки, а вы как думаете, что его остановило? Смерть его остановила, как в свое время остановит каждого из нас! Величайшее заблуждение всех времен как раз и заключается в том, что считается, что всепобеждающая карьера Мула была якобы остановлена какими-то неведомыми, мистическими силами, оказавшимися сильнее его самого. Это — результат того, что на ситуацию смотрели под в корне неверным углом.

Однако никто в Галактике ведь не станет оспаривать тот факт, что Мул был калекой — как с физической, так и с умственной точки зрения. Он умер в возрасте чуть более тридцати, потому что его измученное болезнью тело устало жить, скрипя по всем швам. Еще за несколько лет до смерти он уже был дряхлым инвалидом. В самом лучшем здравии он был не лучше смертельно больного человека. Ну хватит об этом. В общем, он покорил Галактику, а потом совершенно естественным образом умер. Даже удивительно, что он так долго протянул. Друзья мои, тут все предельно просто. Нужно только терпеливо и бесстрастно взглянуть правде в глаза и постараться посмотреть на вещи под другим углом.

Дарелл задумчиво проговорил:

— Ну что ж, давайте попытаемся, Мунн. Это не лишено интереса и уж, во всяком случае, может внести некоторое разнообразие в ход наших мыслей. Вот интересно, что в этой связи вы скажете об энцефалограмме «обработанных» людей, которые нам в прошлый раз показывал Антор?

— Нет ничего проще. Сколько лет энцефалографии? Нет, лучше поставить вопрос иначе: насколько хорошо развита наука изучения нейронных процессов?

— Мы — в самом начале пути, — ответил Дарелл. — Попали в точку, принято.

— Отлично. Так насколько же мы можем быть уверены в том, что то объяснение, которое нам представил Антор, и та интерпретация, которую вы дали преслову-

тому Плато на энцефалограммах, верны? У нас есть гипотезы, но насколько вы можете быть уверены в их правильности? И как вы можете быть уверены в том, что это явление действительно отражение существования некоей могущественной силы, никаких других свидетельств существования которой нет? Всегда легко объяснить неизвестное наличием потусторонней нечеловеческой силы и воли.

Это в природе человеческой. На протяжении всей истории Галактики было полным-полно случаев, когда оказавшиеся в изоляции системы время от времени возвращались в первобытное, варварское состояние, и какой урок мы извлекли из этого? Во всех случаях подобные дикари считают непостижимые для собственного разума явления — ураганы, эпидемии, засухи — делом рук существ более могущественных, чем они сами.

Если не ошибаюсь, это называется антропоморфизмом, и в этом смысле мы ничем не лучше дикарей. Мы просто с головой погрузились во все это. Имея крайне ограниченные познания в области психологии, мы сваливаем все непонятные нам явления на область деятельности сверхлюдей — в данном случае на тех, кто якобы населяет Вторую Академию, на существование которой в свое время туманно намекнул Селдон.

— Ах! — вмешался Антор, театрально заломив руки. — Значит, вы все-таки помните о Селдоне? А я так понял, что вы про него напрочь забыли. Селдон сказал, что Вторая Академия существует, и давайте все-таки плясать от этого.

— А вы до конца понимаете все цели Селдона? Вы знаете, какие именно задумки были заложены во все его расчеты? Да Вторая Академия запросто могла быть выдуманным пугалом, жупелом, изобретение которого преследовало весьма специфическую цель. Почему, например, мы победили Калган? Как вы писали в последней серии статей, Турбор?

Турбор поерзал в кресле.

— Я понял, куда вы клоните. Я был на Калгане до

конца, Дарелл, и должен честно сказать, что моральный дух калганцев был здорово сломлен. Я просматривал все их газетенки, смотрел все ролики новостей и должен сознаться, что они просто-таки сами не видели другого исхода — они ждали, что их победят. То есть у них просто руки опускались при мысли о том, что вот-вот должна вмешаться Вторая Академия и приложить к войне свою карающую десницу, и, что вполне естественно, выступить на стороне Первой.

— Вот именно! — воскликнул Мунн. — А я-то и вообще там всю войну проторчал! Я сказал Стеттину, что Второй Академии не существует, и он мне поверил. Для него это было жутко важно, и он за счет этого чувствовал себя более уверенно. Но заставить народ перестать верить в то, во что он верил всю жизнь, было невозможно — так миф, придуманный Селдоном, сыграл роковую роль в начатой им космической шахматной партии.

Антор резко открыл глаза и в упор уставился на Мунна, который был явно доволен, что у него все так складно получилось.

— А я заявляю, что вы лжете, — отчетливо выговорил он.

Хомир побледнел.

— Не считаю нужным реагировать и отвечать на подобные обвинения.

— А я вовсе не намеревался задеть ваше достоинство. Вы просто не можете не лгать. Вы даже не понимаете, что лжете. Но тем не менее все, что вы говорите, ложь!

Семик, сидевший рядом с Антором, мягко опустил руку на запястье молодого человека.

— Не надо так горячиться, юноша!

Антор раздраженно стряхнул руку старика и крикнул:

— Как же вы все мне надоели! Сидят, смотрят — и ничего не понимают. Да я этого человека и видел-то всего раз десять за свою жизнь, но мне совершенно очевидно, насколько он переменился! А вы все знаете его, что называется, сто лет и ничего не замечаете! Просто с ума можно сойти! Нет, вы серьезно считаете, что этот

человек, которого слушаете развесив уши, — Хомир Мунн? Это не тот Хомир Мунн, которого я знаю!

Немая сцена. Почище, чем в театре. Тишину нарушил пронзительный вскрик Мунна:

— Вы что, считаете меня мошенником?

— Не в прямом смысле, но это не имеет значения! — прокричал в ответ Антор. — Все равно вы — мошенник! Тихо, все тихо! Я требую, чтобы меня выслушали!

Он так рассвирепел, что все вынуждены были повиноваться.

— Так вот: помнит ли кто-либо из вас того Хомира Мунна, каким его запомнил я, — того застенчивого библиотекаря, который и говорить-то вслух стеснялся, человека с напряженным, нервическим голосом, заикающегося на каждом слове? Разве это — тот самый человек? Он гладко говорит, он самоуверен, у него куча теорий, и, черт бы меня подрал, он не заикается! Так что — это тот самый человек?

Даже сам Мунн растерялся. Пеллеас Антор предложил более спокойно:

— А не стоит ли его обследовать?

— Как? — спросил Дарелл.

— Это вы меня спрашиваете — как? Обычно! У вас есть его энцефалограмма десятимесячной давности? Сделайте новую и сравните!

Он ткнул пальцем в съежившегося от страха библиотекаря и яростно крикнул:

— Боюсь, он пострашится идти на обследование!

— Нисколько, — ответил Мунн. — Я — тот же самый человек, каким был всегда.

— Как вы можете об этом судить? — с сожалением в голосе спросил Антор. — Нет, я больше скажу: я здесь теперь никому не доверяю. И требую, чтобы были обследованы все до одного. Была война, так? Мунн был на Калгане. Турбор был за пределами Терминуса, на борту корабля, в зоне военных действий. Дарелла и Семика тоже какое-то время не было здесь — уж не знаю, где они были и чем занимались. Один только я был здесь, в

одиночестве и безопасности, поэтому я больше не верю никому из вас. Но, честно говоря, и я не прочь обследоваться. Согласны? Или мне уйти? В таком случае я уйду и буду делать что сочту нужным.

Турбор пожал плечами:

— Лично у меня возражений нет.

— Я уже сказал, что я не против, — сказал Мунн.

Семик жестом дал понять, что и он не возражает. Антор ждал, что скажет Дарелл. Дарелл кивнул.

— Начните с меня, — предложил Антор.

Электроды были прилажены на курчавой голове молодого человека. Он застыл в кресле, прикрыв глаза. Веки его слегка подрагивали. Дарелл достал из ящика стола листок с прежней энцефалограммой Антора и показал ему.

— Ваша подпись, не так ли?

— Да, да! Это моя энцефалограмма. Сравните.

Сканнер выбросил на экран старые и новые линии — все шесть. В темноте раздался голос Мунна:

— Вот посмотрите: по-моему, тут есть изменения.

— Это — первичные волны с лобной доли. Это ничего не значит, Хомир. Эти дополнительные пики, на которые вы показываете, не отражают ничего, кроме возбуждения нервной системы. Тут надо на другое смотреть, — объяснил Дарелл.

Он нажал контрольную кнопку, и все шесть ломаных линий слились в одну попарно. Удвоение отмечалось только в области более высокой амплитуды первичных волн.

— Удовлетворены? — спросил Антор.

Дарелл вежливо кивнул и занял его место. За ним последовал Семик, потом — Турбор. И запись, и сравнение результатов происходили в гробовом молчании.

Последним в кресло сел Мунн. На мгновение он растерялся и с оттенком отчаяния в голосе сказал:

— Только учтите: я последний и очень волнуюсь. Надеюсь, это будет принято во внимание.

— Разумеется, — заверил его Дарелл. — Ни одна ваша сознательная эмоция не повлияет на первичную кривую, да она и не важна.

Казалось, потекли долгие часы в тишине... Потом, когда на экране пошло сравнение линий, Антор торопливо проговорил:

— Смотрите — вот оно! Ну конечно, это самое начало развития комплекса. Разве он сам не рассказал нам об этом? Нет никакой «обработки» — это глупое, нелепое антропоморфическое понятие, но вы сами посмотрите! Думаю, все ясно!

— В чем дело? — вскрикнул Мунн.

Рука Дарелла легла на плечо Мунна.

— Спокойно, Мунн. Вас «обработали». «Обработали» они.

Вспыхнул свет. Мунн затравленно озирался по сторонам, пытаясь выдавить жалкое подобие улыбки.

— Вы шутите! Нет, вы точно шутите! Вы меня проверяете!

Но Дарелл только покачал головой:

— Нет-нет, Хомир. Это правда.

Глаза библиографа неожиданно заволокло слезами.

— Но я не чувствую в себе никаких перемен. Я не могу поверить в это! Вы... просто с ума все посходили со своей конспирацией! — выкрикнул он.

Дарелл попытался удержать руку на его плече, чтобы немного успокоить, но рука его была яростно отброшена в сторону. Мунн взвизгнул:

— Вы хотите убить меня! Клянусь, вы этого хотите!

Одним прыжком рядом с ним оказался Антор. Раздался глухой, неприятный звук сильного удара, и Хомир повалился навзничь с перекошенным от страха лицом.

Антор резко поднялся и сказал:

— Стоило бы его связать, а потом решим, что с ним делать дальше. — Он отбросил назад свои длинные волосы.

Турбор поинтересовался:

— А как вы догадались, что с ним не все в порядке?

Антор повернулся к нему и насмешливо проговорил:

— Это было нетрудно. Видите ли, дело в том, что *я знаю, где находится Вторая Академия.*

Это был сильный удар. Но давно замечено, что каждый последующий удар всегда слабее предыдущего. Неудивительно, что Семик очень спокойно поинтересовался:

— Вы уверены? Только что нам нечто в этом роде пытался доказать Мунн...

— Это далеко не то же самое, — ответил Антор. — Дарелл, в тот день, когда началась война, я с вами говорил совершенно серьезно. Я пытался убедить вас покинуть Терминус. Я бы и тогда мог сказать вам то, что собираюсь сказать сейчас, если бы мог доверять вам.

— Вы хотите сказать, что уже полгода знаете ответ?

— Я знал его с того самого дня, как Аркадия улетела на Трентор.

Дарелл вскочил на ноги.

— При чем здесь Аркадия? К чему вы клоните?

— Да ни к чему особенному. Все вполне согласуется с тем ходом событий, о котором мы все прекрасно осведомлены.

Аркадия отправляется на Калган и в страхе спасается бегством, улетая в самый центр Галактики, вместо того чтобы вернуться домой. Лейтенант Диридж, наш лучший агент на Калгане, «обработан». Хомир Мунн, попав на Калган, тоже подвергается «обработке». Мул покорил Галактику, но, как ни странно, сделал своей резиденцией именно Калган. Тут можно поразмышлять, действительно ли он был таким уж великим Завоевателем. Может быть, он был всего-навсего инструментом. Мы все время наталкиваемся на Калган и ни на что другое — на мир, который непостижимым образом остался целым и невредимым за время почти вековой истории непрерывных сражений между диктаторами.

— Каков же ваш вывод?

— Он очевиден, — ответил Антор, глядя прямо Дареллу в глаза. — Вторая Академия находится на Калгане.

Тут вмешался Турбор:

— Антор, но я был на Калгане! Я был там не далее как на прошлой неделе. И если Вторая Академия находится там, значит, я сошел с ума. Но, честно говоря, у меня впечатление, что с ума сошли вы...

Молодой человек в ярости развернулся к Турбору.

— А у меня впечатление, что вы — жирный осел! Как вы себе представляете Вторую Академию? Что это — детский сад с вывеской? Или вы считаете, что на табло в космопортах должно быть указано: «Вторая Академия»? Послушайте меня, Турбор! Где бы они ни находились, они формируют некую ограниченную олигархию. Они так же упорно должны скрываться внутри того мира, где они находятся, как сам этот мир — в Галактике.

Турбор нервно подвигал скулами.

— Меня смущает ваше отношение к этому, Антор.

— Очень меня трогает ваше смущение! — огрызнулся Антор. — Да вы вокруг себя на Терминусе оглядитесь! Где мы находимся? Мы находимся в самом центре, в ядре, в колыбели Первой Академии, хранилище всех знаний по физической науке. И какую часть населения составляют ученые-физики? Вот вы, лично вы, смогли бы управлять атомной электростанцией? Что вы, лично вы, знаете о конструкции и принципе действия гиператомного двигателя? А? Число настоящих ученых на Терминусе — даже на самом Терминусе — едва ли составит больше одного процента от всего населения планеты.

А что же тогда говорить о Второй Академии, главный принцип существования которой — строжайшая секретность? Их должно быть еще меньше, и они должны скрываться даже внутри своего собственного мира.

— Ну, скажем, — осторожно вмешался Семик, — Калган мы все-таки одолели...

— Да, одолели, — сардонически парировал Антор. — И бурно празднуем победу. В городах до сих пор иллюминация, фейерверки, по телевизору только об этом и орут взахлеб. Но сейчас, именно сейчас, когда

мы снова ищем Вторую Академию, каково последнее место, куда нам следует заглянуть? Правильно, Калган.

И ни хрена мы их не победили. Мы только пустили на воздух сколько-то кораблей, убили сколько-то тысяч человек, разрушили на части их Империйку, несколько подорвали их экономическую и торговую базу, но это все семечки. Я готов поклясться, что ни один из тех, кто действительно правит Калганом, нисколько не пострадал. Наоборот, они выиграли, поскольку теперь свободны от всякого стороннего любопытства. Ну, что скажете, Дарелл?

Дарелл пожал плечами:

— Интересно. Я пытаюсь соединить сказанное вами с теми короткими словами, что мне передала Аркадия пару месяцев назад.

— Что, было письмо? — поинтересовался Антор. — И что же?

— Ну не то чтобы письмо. Я пока и сам не очень понимаю. Всего шесть слов. Но это очень, очень интересно.

— Послушайте, — вмешался Семик. — Я все-таки кое-чего недопонимаю.

— Чего именно?

Семик заговорил, устало двигая губами, тщательно подбирая слова:

— Ну вот, например: Хомир Мунн говорил, что Гэри Селдон, грубо говоря, врал, когда утверждал, что основал Вторую Академию. Вы теперь утверждаете, что это не так, что Селдон вовсе не врал, так?

— Да, он не врал. Селдон сказал, что основал Вторую Академию, и это действительно так.

— Ладно, но тогда следует вспомнить, что он сказал и еще кое-что. Он говорил, что основал две Академии на разных концах Галактики. Ну, молодой человек, а к этому как относиться — тоже шутка, вранье? Калган-то уж никак не на противоположном конце Галактики.

Антор был раздражен.

— Это — второстепенный момент. И это запросто могло быть сказано и выдумано для того, чтобы их лучше

обезопасить. И потом, сами подумайте: какая могла быть реальная польза от того, что Хозяева, Властители Умов, были бы помещены на другом конце Галактики? Какова их функция? Служить делу выполнения Плана. Кто является основным двигающим моментом в деле выполнения Плана? Мы, Первая Академия. Откуда же им удобнее понаблюдать за нами в таком случае, чтобы наши действия служили их целям? С другого конца Галактики? Смешно! На самом деле — они всего-навсего в пятидесяти парсеках от нас, что гораздо удобнее и разумнее.

— Мне нравится этот довод, — вставил Дарелл. — Он не лишен смысла. Погодите... Похоже, Мунн пришел в себя. Думаю, его можно развязать. Он уже не опасен.

Антор явно был против, но Хомир отчаянно кивал головой. Пять секунд спустя он принялся столь же отчаянно и яростно растирать затекшие кисти рук.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Дарелл.

— Отвратительно, — ответил Мунн. — Но это не важно. Мне хотелось бы кое о чем спросить нашего молодого всезнайку. Я слышал почти все, что он сказал, и не дурно было бы услышать, что он думает о том, как же нам быть дальше.

Наступила напряженная пауза.

Мунн едко ухмыльнулся:

— Ну ладно, давайте представим, что Калган — действительно Вторая Академия. И *кто* же на Калгане на самом деле они? Как вы собираетесь их искать? Как их опознаешь? Как и что можно с ними сделать, даже если вы их найдете?

— А вот на этот вопрос легко ответить мне, — сказал Дарелл. — Рассказать вам, чем мы с Семиком занимались последние полгода? Тем самым я сумею убить двух зайцев, то есть отвечу, Антор, на ваш вопрос: почему я все это время не мог улететь с Терминуса.

— Во-первых, — продолжал он, — я работал над энцефалографическими исследованиями, преследуя цели гораздо большие, чем кто-либо из вас может подозревать. Выявление типа разума, характерного для людей из Второй Академии, — дело гораздо более тонкое, нежели обнаружение «Плато обработанности», и этим напрямую я не занимался. Но подошел к этому вплотную. Вплотную, уверяю вас.

Знает ли кто-нибудь из вас, какова сама природа управления чужими эмоциями? Со времен Мула эта тема пользовалась колоссальной популярностью у писателей-фантастов, и были сочинены целые горы макулатуры, которая, однако, живо обсуждалась, были длинные передачи по телевидению и тому подобное. Большей частью на это явление смотрели как на нечто таинственное, непостижимое. Но это не так. Каждый знает, что человеческий мозг является источником мириадов крошечных электромагнитных полей. Всякая возникающая эмоция так или иначе влияет на состояние этих полей, и это тоже должно быть каждому понятно.

Значит, в принципе, есть возможность создать мозг, который мог бы улавливать эти изменения в состоянии полей, фиксировать их и даже входить с ним в резонанс. То есть должен существовать некий специфический участок в головном мозге, который способен воздействовать на любое выявленное им состояние электрического поля. Каким именно образом это происходит, я не представляю, но дело не в этом. Если бы я, например, был слепым, ничто не помешало бы мне теоретически узнать о том, каково значение фотонов и квантов энергии, и мне было бы понятно, что захват фотонов этой энергии может вызвать химические изменения в некотором органе человеческого организма, который способен эти изменения уловить. Но, конечно, от этого я не стал бы способен различать цвета.

Вам все ясно?

Антор кивнул твердо, остальные — менее уверенно.

— Так вот, подобный гипотетический Резонирующий Орган мозга, будучи настроенным на поля, испускаемые мозгом других людей, может осуществлять то, что мы называем «чтением эмоций» или «чтением умов», но в действительности дело обстоит гораздо сложнее.

Исходя из этого, легко предположить, что может существовать и сходный орган, способный воздействовать на другой мозг. Этот орган способен сориентироваться своим более сильным полем на более слабое поле другого мозга — почти так же, как сильный магнит ориентирует атомные диполи куска стали и оставляет их после этого намагниченными.

Я решил математическую задачу принципа действия Второй Академии в том смысле, что вывел функцию, с помощью которой можно прогнозировать необходимую комбинацию нейронных цепочек, нужную для формирования такого органа, какой я вам только что описал. Но, к сожалению, функция эта слишком сложна, чтобы ее можно было построить и решить с помощью любого из имеющихся в распоряжении на сегодня математических методов. И это очень плохо, поскольку это означает, что на основании изучения энцефалограмм я никогда не сумею выявить человека из Второй Академии.

Но мне удалось сделать нечто другое. С помощью Семика я сумел создать устройство, которое назвал менторезонатором. Возможности современной науки позволяют создать источник энергии, который способен имитировать тип электромагнитного поля, подобный тому, что фиксируется на электроэнцефалограммах. Более того, можно устроить так, что поле будет иметь некий сдвиг, создавая в сознании предполагаемого представителя Второй Академии нечто вроде «шума» или «резонанса», что поможет защитить, закрыть для доступа сознание других людей, с которыми такой человек может быть в контакте.

Вам все ясно?

Семик довольно прищелкнул языком. Работал-то он вслепую, но догадывался и вот теперь понял, что догадки его были верны. Он был доволен собой — есть еще порох в пороховницах!

Антор ответил:

— Мне как будто ясно.

— Это устройство, — продолжал Дарелл, — сконструировать оказалось довольно-таки несложно, тем более что к моим услугам был весь научный потенциал Академии, когда я возглавлял военное научное ведомство. В настоящее время Резиденция Мэра и Юридическая Ассамблея снабжены такими устройствами, то есть защищены полем ментостатики. То же самое сделано вокруг основных стратегически важных заводов. То же самое сделано вокруг этого здания. Фактически каждое место, которое мы хотим обезопасить от действия Второй Академии, можно снабдить таким устройством, и тем самым оно будет в неприкосновенности и от нее, и от всех будущих Мулов, появись они на свет. Вот и все.

Он улыбнулся и развел руками.

Турбор откинул назад голову и рассмеялся:

— Значит, все кончено? Все позади? Господи боже, наконец-то все позади!

— Ну, — сказал Дарелл, — не совсем так.

— Как же это — не совсем? Что еще?

— А как же? Ведь мы до сих пор не обнаружили Вторую Академию!

— Что, — рявкнул Антор, — вы хотите сказать?

— Хочу сказать, что Калган — не Вторая Академия.

— Вы-то откуда знаете?

— Это просто, — усмехнулся Дарелл. — Дело в том, что *мне известно, где на самом деле находится Вторая Академия.*

Глава 21

ОТВЕТ, КОТОРЫЙ ВСЕХ УСТРОИЛ

Турбор истерически расхохотался. Его хохот, казалось, сотрясал стены; наконец он, всхлипывая и утирая слезы, затих. Устало покачав головой, он сказал:

— Боже праведный, так ведь с ума сойти можно. Весь вечер одно и то же. Одного за другим сбиваем оловянных солдатиков. Развлекаемся вовсю, а ни к чему так и не

придем. Слушайте — может быть, уже все планеты, какие есть, — Вторые Академии? А может, у них нет вообще никакой планеты, а они везде? Какая же разница теперь, когда Дарелл говорит, что разработал совершенное средство защиты?

Дарелл улыбнулся, но глаза его оставались серьезными.

— Совершенной защиты порой бывает недостаточно, Турбор. Даже мой менторезонатор — это всего-навсего прибор, позволяющий нам оставаться все время на месте связанными по рукам и ногам, со страхом оглядываться по сторонам, нет ли где врага, — только и всего. Мы должны знать не только, как победить, но и кого побеждать. А реальный мир, где существует враг, есть.

— Ближе к делу, — поторопил его Антор. — Говорите по существу.

— Аркадия, — ответил Дарелл, — передала, как я говорил, мне кое-что на словах, и до тех пор, пока я не услышал этих слов, я не понимал, что не вижу очевидного. А ведь это были самые простые слова — детская поговорочка: «У кольца нет начала и конца». Понимаете?

— Нет, — угрюмо ответил за всех Антор.

— «У кольца нет начала и конца»? — вопросительно повторил Мунн, задумчиво наморщив лоб.

— Знаете, — сказал Дарелл, — а я сразу понял... Какой единственный абсолютно достоверный факт известен нам о Второй Академии, а? Я вам скажу. Мы знаем, что Гэри Селдон основал ее «на другом конце Галактики». Хомир Мунн высказал предположение, что Гэри Селдон солгал и что Второй Академии вообще не существует. Антор высказал предположение, что в этом случае Селдон сказал правду, но солгал относительно расположения Второй Академии. А я заявляю, что Селдон не лгал ни в том ни в другом случае: он сказал истинную правду.

Но... что есть «другой конец»? Галактика — плоский объект в форме чечевицы. В сечении она представляет собой круг, кольцо, а «у кольца нет начала и нет конца», как говорит Аркадия. Мы — мы, Первая Академия, расположены на Терминусе, который находится на краю этого кольца. Мы, по определению, на краю Галактики. Ну а теперь попробуйте мысленно пройти по краю Галактики и найти ее конец. Идите, идите, идите... и никакого конца вы не найдете! Вы просто вернетесь туда, откуда вышли!

Вот там-то вы и найдете Вторую Академию!

— Там? — повторил за ним Антор. — Вы хотите сказать «здесь»?

— Да, я хочу сказать «здесь», — энергично воскликнул Дарелл. — А где же еще? Вы же сами сказали, что люди из Второй Академии являются хранителями Плана Селдона, и поэтому маловероятно, чтобы они были расположены на другом краю Галактики, в полной изоляции. Вы сказали, что было бы более вероятно, если бы они находились от нас на расстоянии пятидесяти парсеков. А я утверждаю, что и это слишком далеко. А где они были бы в наибольшей безопасности? Кто бы вздумал их здесь искать? Да это же самый старый и испытанный способ игры в прятки!

Почему покойный Эблинг Мис был так удивлен, просто поражен своим открытием расположения Второй Академии? Вот именно это он и узнал, отчаянно разыскивая ее, чтобы предупредить о нашествии Мула, выяснив для себя неожиданно, что, оказывается, Мул успел убить Две Академии одним ударом. А почему сам Мул не преуспел в своих поисках? Почему? Если кто-то ищет непобежденного врага, разве станет он искать его среди врагов побежденных? А Властители Умов тем временем спокойно вынашивали дальнейшие планы, как остановить Мула, и весьма в этом преуспели.

Да это же безумно просто! А на нас поглядеть — как мы тут носимся со своими графиками, полями — а сами сидим в цитадели врага! Не смешно разве?

Однако лицо Антора сохраняло скептическое выражение.

— И вы искренне верите в свою гипотезу, доктор Дарелл?

— Да, я искренне в нее верю.

— Но тогда получается, что любой из ваших соседей, всякий прохожий на улице может быть сверхчеловеком из Второй Академии, мозг которого следит за всяким из нас и улавливает биение нашего сознания?

— Разумеется.

— И нам была дана возможность беспрепятственно работать и жить все это время?

— Беспрепятственно? Кто вам сказал, что нам никто не препятствовал? Вы, вы лично обнаружили, что Мунна «обработали». Как вы можете быть уверены, что мы его послали на Калган по собственной воле? Как можно быть уверенным в том, что Аркадия подслушала нас и отправилась с Мунном на Калган по своей воле? Ха! Да я ни на минуту не сомневаюсь, что каждый наш шаг был запрограммирован. А им больше ничего и не нужно было — достаточно было сбить нас с толку, и это было гораздо проще, чем грубо останавливать.

Антор с головой ушел в пучину размышлений. Вынырнул он оттуда крайне недовольным.

— Не нравится мне все это. Тогда вашему менторезонатору — грош цена. Не можем же мы вечно оставаться в доме! А как только мы выйдем отсюда, мы предстанем перед ними голенькими, со всеми своими теперешними знаниями — нате, берите. Получается, мы пропали. Если только вы не сумеете снабдить портативными средствами каждого человека в Галактике.

— Да, но не так уж мы беспомощны, Антор. Эти люди из Второй Академии обладают специфическим чувством, которого у нас нет. Это — одновременно — их сила и их слабость. Ну, например, есть ли такое средство, которое могло бы безошибочно отличить зрячего человека от слепого?

— Есть, конечно, — быстро ответил Мунн. — Свет в глаза.

— Вот именно, — подтвердил Дарелл. — Сильный, хороший такой, слепящий свет.

— Ну и что из этого? — спросил Турбор.

— По-моему, аналогия ясна. У меня есть менторезонатор. Он создает искусственное электромагнитное поле, которое для человека из Второй Академии — все равно что для нас пучок ярких лучей. Только мое устройство по принципу действия больше напоминает калейдоскоп. Оно постоянно меняет направленность и силу поля — очень быстро, быстрее, чем может воспринять такие сдвиги воспринимающий орган в мозгу. Ну, представим себе это в виде мигающего луча — это, как правило, вызывает у нас головную боль. А теперь представьте себе, что сила света доведена до того, что он ослепляет, или, другими словами, настолько усилена мощь этого электромагнитного поля, — и это вызовет боль, непреодолимую боль. Но только у того, кто обладает определенной чувствительностью, и ни у кого другого.

— Правда? — оживленно поинтересовался Антор. — Вы уже пробовали?

— На ком? Конечно, никаких испытаний не было. Но все сработает, я уверен.

— А где у вас пульт управления полем, которое окружает ваш дом? Мне хотелось бы взглянуть.

— Вот пульт, — ответил Дарелл и достал из внутреннего кармана небольшой предмет.

Маленький, черный, снабженный рядами кнопок и рычажков цилиндр перешел в руки Антора.

Антор повертел его и сказал, пожав плечами:

— От того, что я на него смотрю, я понимаю не больше, чем до этого. Скажите, Дарелл, на какую кнопку не следует нажимать? Мне не хотелось бы случайно отключить поле, окружающее дом, понимаете?

— Вы не сможете этого сделать. Эта кнопка заблокирована.

И он указал на кнопку, которая была жестко зафиксирована.

— А это что за регулятор?

— С его помощью меняется частота импульсов. А с помощью вот этого — интенсивность. То самое, о чем я говорил.

— А можно? — спросил Антор, положив кончик пальца на регулятор интенсивности. Остальные сгрудились вокруг него.

— Почему бы и нет? — пожал плечами Дарелл. — Нам ведь это нисколько не повредит.

Медленно — даже замедленно — Антор повернул регулятор в одну сторону, потом в другую. Турбор сжал зубы, Мунн быстро заморгал. Было впечатление, что они пытаются своим несовершенным «оборудованием» ощутить импульс, который в действительности ощутить не могли.

В конце концов Антор пожал плечами и вернул Дареллу пульт управления.

— Видимо, придется поверить вам на слово. Но, ей-богу, трудно поверить, что что-то действительно произошло в тот момент, когда я повернул регулятор.

— Разумеется, Пеллеас Антор, — сказал Дарелл с едва заметной иронией. — Я ведь вам дал фальшивый пульт. У меня есть другой.

Он сунул руку под куртку и отстегнул от ремня точно такой же цилиндр.

— Вот — видите? — сказал Дарелл и резко перевел регулятор интенсивности в крайнее положение.

В то же мгновение Антор с нечеловеческим, душераздирающим воплем повалился на пол. Он метался в агонии. Побелевшие скрюченные пальцы пытались рвать собственные волосы.

Мунн, сидевший поблизости, инстинктивно подобрал ноги, чтобы не коснуться корчившегося в судорогах тела. Глаза его потемнели от страха. Семик и Турбор застыли, как две безмолвные статуи.

Дарелл же спокойно вернул регулятор в прежнее положение. Антор пару раз слабо дернулся и остался лежать без движения. Он был жив, но дышал слабо.

— Давайте перенесем его на кушетку, — предложил

Дарелл, приподнимая голову Антора от пола. — Помогите мне.

Турбор ухватил Антора за ноги. Казалось, они перетаскивают не живого человека, а мешок с мукой. Потянулись долгие минуты. Дыхание Антора стало спокойнее, веки задрожали, глаза открылись. Лицо его было желтым от ужаса, тело и волосы взмокли от пота, а голос, когда он заговорил, стал надтреснутым, хриплым, незнакомым.

— Нет! — просипел он. — Нет, нет! Только не делайте этого опять! Вы не представляете, не знаете... О-о-о... — простонал он.

— Мы не станем этого больше делать, — сказал Дарелл, склонившись над ним, — если вы скажете нам правду. Вы — из Второй Академии?

— Дайте мне воды! — взмолился Антор.

— Принесите воды, Турбор, — попросил Дарелл, — да захватите бутылку виски.

После того как он влил Антору в рот глоток виски и два стакана воды, он повторил свой вопрос. Молодой человек не сопротивлялся.

— Да... — устало проговорил он. — Я — из Второй Академии.

— Которая, — закончил за него Дарелл, — находится здесь, на Терминусе.

— Да-да... Вы совершенно правы, доктор Дарелл.

— Отлично. А теперь объясните нам все, что происходило в течение последнего года. Говорите!

— Я хочу спать... — прошептал Антор.

— Успеете. Говорите же!

Горький вздох. Потом Антор заговорил торопливо и тихо. Остальные склонились над ним, чтобы не пропустить ни слова...

— Ситуация становилась опасной. Мы знали, что ученые на Терминусе стали интересоваться энцефалограммами и что вот-вот будет создано устройство такого типа, как сконструировал доктор Дарелл. Кроме того, нарастала общая враждебность в отношении Второй

Академии. Мы должны были остановить развитие событий так, чтобы не повредить Плану Селдона.

Мы... мы попытались взять под контроль ваше... движение. Мы попытались присоединиться к нему. Это бы... избавило нас от подозрений и отвлекло от нас внимание. Одним из таких отвлекающих моментов была спровоцированная нами война с Калганом. Вот почему я отправил Мунна на Калган. Мнимая фаворитка Стеттина была нашей сотрудницей. Она устроила все так, чтобы Мунн делал нужные шаги...

— Что? Каллия?! — вскрикнул Мунн, но Дарелл жестом остановил его.

Антор продолжал, не заметив, что его прервали:

— С Мунном отправилась Аркадия. На это мы не рассчитывали... не можем же мы предусмотреть все... поэтому Каллия отправила ее на Трентор, чтобы предотвратить ее вмешательство. Вот и все. Кроме того, конечно, что мы проиграли...

— Меня вы тоже хотели отправить на Трентор, не так ли?

Антор вяло кивнул:

— Должны были... убрать вас отсюда... на время... Ваше сознание явно и неопровержимо излучало триумф победителя. Вы решали проблему создания своего прибора — менторезонатора.

— Почему вы не «обработали» меня?

— Не мог... не сумел. У меня были инструкции... мы работали в соответствии с планом... Импровизация... все бы нарушила... План только предсказывает вероятности... вы это знаете... как и План Селдона.

Фразы его становились все более отрывистыми, почти бессознательными. Голова моталась из стороны в сторону — болезненно, лихорадочно.

— Мы имели дело с отдельными людьми... не с массами... вероятности очень низки... и проиграли. И потом... если бы мы вас «обработали»... устройство изобрел бы кто-то еще... все было бесполезно... должны были тянуть время... а это труднее... Собственный план

Первого Оратора... я не знаю всех деталей... только... ничего не вышло...

Он глубоко зевнул и впал в прострацию.

Дарелл грубо встряхнул его:

— Не спать! Сколько вас здесь?

— А? Вы что-то спросили? О-о-о... немного... будете удивлены... около пятидесяти... нужно было больше...

— А конкретно на Терминусе?

— Пятеро... еще шестеро на заданиях... как Каллия... спать хочу...

Неожиданно он сделал над собой невероятное усилие, пытаясь побороть слабость и наваливающийся сон. Казалось, ему хочется сделать все возможное, чтобы как-то смягчить позор поражения.

— Но в конце я почти было поборол вас! Мог выключить защиту и схватить вас! Тогда посмотрели бы, кто здесь хозяин! Но вы дали мне фальшивый пульт... вы все время меня подозревали...

Наконец он умолк и крепко заснул.

Изменившимся голосом Турбор спросил:

— И давно вы его подозревали, Дарелл?

— С тех пор, как он тут появился, — последовал спокойный ответ. — Он заявил, что прибыл от Кляйзе. Но я прекрасно знал Кляйзе и отлично помнил, в каких отношениях мы расстались. Он просто заболел розысками Второй Академии, а я его бросил. Мое поведение было оправданно, поскольку я понял, что разумнее и безопаснее вести исследования самостоятельно. Но объяснить этого Кляйзе я не мог, да он и не стал бы меня слушать. Для него я остался трусом и предателем, возможно, он даже счел меня агентом Второй Академии. Он из тех, кто не прощает обид, и с того самого времени вплоть до самой смерти он со мной не общался. И вдруг, ни с того ни с сего, в последние недели своей жизни он пишет мне — совсем как старый друг — и присылает ко

мне своего сотрудника, ученика, с предложением возобновить старые исследования.

Это было настолько не похоже на него! Он не мог на такое пойти без постороннего воздействия. Тогда я и стал думать о том, не подсунул ли он мне настоящего агента из Второй Академии. В итоге так оно и оказалось.

Он вздохнул и на секунду прикрыл глаза.

Семик взволнованно проговорил:

— Но что же мы будем делать с ними со всеми... с этими, ну из Второй Академии?

— Не знаю, — устало отозвался Дарелл. — Можно, например, устроить что-то вроде резервации. В Зоранеле, к примеру. Можно их там поместить и окружить планету защитным полем с помощью менторезонатора. Мужчин и женщин лучше было бы разделить, а еще лучше — стерилизовать, и через пятьдесят лет Вторая Академия останется историческим фактом, не более. А может быть, милосерднее было бы дать им всем спокойно умереть.

— Как вы думаете, — задумчиво спросил Турбор, — а мы не могли бы обучиться этому их дару? Или они с ним рождаются, как Мул?

— Не знаю. Но думаю, дар этот приобретается в процессе длительного обучения, поскольку данные энцефалографии показывают, что такие способности есть в мозгу каждого человека, только в латентном состоянии. Но для чего вам это чувство, этот дар? Видите — он им не помог.

Он нахмурился.

Он молчал, а мысли его кричали.

Все получилось слишком легко, слишком легко... Они были побеждены, эти непобедимые, побеждены, как книжные злодеи, и это ему не нравилось.

Черт побери! Когда же человек может быть уверен в том, что он — не марионетка? И как он может знать, что он — не марионетка?

Аркадия возвращалась домой, и мысли Дарелла постепенно отвлеклись от того, с чем ему еще предстояло столкнуться.

Она была дома — неделю, вторую, а он все никак не мог избавиться от этих мыслей. И как он мог от них избавиться? За время ее отсутствия она превратилась из ребенка в молодую девушку — под действием какой-то странной алхимии. Она была звеном в цепи, которая связывала его с жизнью, ниточкой, связывавшей его память с его сладостно-горькой женитьбой, супружеством, длившимся чуть дольше медового месяца...

И вот однажды, поздно вечером, он спросил осторожно, как только мог:

— Аркадия, как вышло, что ты решила, что обе Академии находятся на Терминусе?

Они как раз вернулись из театра, где сидели на самых лучших местах. На Аркадии было новое красивое платье, и она была просто счастлива.

Она удивленно взглянула на него и отвела взгляд.

— Ой, папа, сама не знаю. Просто на меня нашло.

Сердце Дарелла похолодело.

— Вспомни, — настойчиво попросил он. — Это очень важно.

Она слегка нахмурилась.

— Ну... была Леди Каллия... Я знала, что она — из Второй Академии. Ведь Антор сказал то же самое!

— Но она была на Калгане, — настаивал Дарелл. — Почему же ты решила, что Вторая Академия — на Терминусе?

Тут Аркадия задумалась на несколько минут, прежде чем ответить. Что заставило ее так решить? Ей стало неприятно об этом думать — почему, она сама не знала.

Она сказала:

— Но она же знала все — Леди Каллия. И у нее... наверное... была информация о Терминусе. Похоже, папа?

Но он только головой покачал.

— Папа, — воскликнула она, — но я это знала!

И чем больше я об этом думала, тем больше я убеждалась в этом. Это так *логично!*

Но в глазах отца, смотревших на нее, читалось все то же чувство беспомощности и растерянности.

— Не то, Аркадия, не то... Интуиция уже сама по себе подозрительна, когда речь идет о Второй Академии. Ты же это понимаешь, правда? Это могла быть интуиция, но могла быть и «обработка».

— «Обработка»? Ты хочешь сказать, что меня... изменили? О нет! Они не могли!

Она отвела взгляд и слегка отодвинулась от отца.

— И потом... разве Антор не сказал тебе, что я была права? Он же все подтвердил! Признался во всем. И ты нашел целое их гнездо тут, на Терминусе. Разве нет? Разве нет?

Она раскраснелась и тяжело дышала.

— Да, я знаю... но... Аркадия, ты позволишь, я сделаю тебе энцефалограмму?

Она отчаянно замотала головой:

— Нет, нет! Только не это! Мне страшно, я боюсь!

— Меня боишься, Аркадия? Ну что ты, глупышка, не бойся! Но мы должны проверить, мы обязательно должны проверить! Ты же это понимаешь, правда?

После этого она обратилась к нему только раз. Она вцепилась в его руку как раз перед тем, как он собирался выключить свет.

— А если меня изменили, папа? Что ты будешь делать?

— Если тебя изменили, Аркадия, ничего я делать не буду. Если это так, то мы просто-напросто уедем отсюда. Отправимся на Трентор, только ты да я... и не будет нам никакого дела до всей Галактики.

Никогда в жизни Дарелл не проводил обследование так медленно и тщательно, никогда он еще не ставил на карту более высокой ставки... Когда все было кончено, Аркадия тихо сползла с кресла. Она боялась смотреть на отца. Наконец раздался его радостный смех, и этим

все было сказано. Она вскочила, подбежала к нему и упала в его объятия.

Они стояли, прижавшись друг к другу. Он гладил ее непослушные кудряшки и радостно говорил:

— Дом окружен максимальным резонирующим полем, а твоя энцефалограмма — в полном порядке. Значит, мы действительно покончили с ними, Аркадия. Мы можем начать жизнь сначала!

— Папа, — проговорила она сквозь слезы, — а теперь мы сможем получить медали?

— Медали? А откуда ты знаешь, что я от них отказался?

Он на мгновение отстранил ее от своей груди и снова рассмеялся:

— Маленькая шпионка! Ты, как водится, знаешь все! Ладно, можешь получить свою медаль — все, как положено, — трибуна, торжественные речи. Ты ее заслужила.

— И... папа...

— Да?

— Ты не мог бы теперь называть меня Аркади?

— Ну хорошо... Аркади.

Медленно, постепенно пришло к нему ощущение настоящей победы и захлестнуло его. Академия — Первая Академия — и теперь единственная — стала настоящей Хозяйкой Галактики. Больше не существовало преграды между ними и Второй Империей — венцом Плана Селдона.

Оставалось только дожить до этого...

А все благодаря...

Глава 22

ВЕРНЫЙ ОТВЕТ

Непонятно где расположенная комната в непонятно где расположенном мире... И план, чей план сработал... Первый Оратор взглянул иа Студента.

— Пятьдесят мужчин и женщин, — сказал он. —

Пятьдесят жертв! Они знали, что для них это означает смерть или пожизненное заключение, но они не посмели пойти на сопротивление, они не могли быть так ориентированы, поскольку такая ориентация могла быть выявлена. Но они не пали духом. Они осуществили план до конца, потому что были верны высшему Плану.

— А могло их быть меньше? — осторожно спросил Студент.

Первый Оратор медленно покачал головой:

— Это было максимально возможное количество. Будь их меньше, возможно, задуманное и не удалось бы осуществить. В действительности объективно требовалось не менее семидесяти пяти человек, чтобы подстраховаться от возможных ошибок. Но это теперь неважно. Ты изучил ход событий, разработанный Советом Ораторов пятнадцать лет назад?

— Да, Оратор.

— И сравнил его с реальным ходом развития событий?

— Да, Оратор, — ответил Студент и после короткой паузы добавил: — Я был совершенно поражен, Оратор.

— Знаю. Это всегда вызывает искреннее удивление. Если бы ты знал, сколько труда скольких людей вложено за многие годы в то, чтобы отшлифовать, довести до совершенства эту идею, ты бы меньше удивлялся. Ну а теперь расскажи мне, что произошло, — своими словами. Расшифруй свои математические выводы.

— Хорошо, Оратор.

Молодой человек старательно сконцентрировал свои мысли.

— Главное: людей из Первой Академии нужно было твердо, неопровержимо убедить в том, что они обнаружили и ликвидировали Вторую Академию. В этом плане отмечается некоторый возврат к исходной позиции. Теперь Терминус снова не будет знать о нас ничего и не станет включать нас в свои расчеты. Мы снова в тайне и безопасности... ценой жизни пятидесяти человек.

— А какова была роль калганской войны?

— Показать Академии, что они способны победить физического врага, — с тем чтобы укрепить их достоинство, по которому нанес серьезный удар Мул.

— Вот здесь ты потрудился недостаточно. Помни: население Терминуса относилось к нам с явной враждебностью. Они ненавидели нас, завидовали нашему превосходству, но бессознательно надеялись на нашу защиту. Если бы мы были «ликвидированы» до калганской войны, это вызвало бы панику на всей территории Академии. Тогда они ни за что не отважились бы выступить против Стеттина, нападi он на них тогда. А он бы именно так и сделал. Только на своем пике ослепления победой могла произойти «ликвидация» с минимумом побочных эффектов. Даже если бы позволили себе подождать еще год, успех не был бы воспринят столь горячо и безоговорочно.

Студент кивнул:

— Я понял. Теперь течение истории будет происходить без отклонений от курса, намеченного Планом.

— Если только, — уточнил Оратор, — не произойдет больше никаких случайностей индивидуального порядка.

— А для этого, — сказал Студент, — мы и существуем. Только вот... Один момент волнует меня, Оратор. В Первой Академии осталось мощнейшее оружие — менторезонатор. По крайней мере, это уже выходит за рамки возврата к прежней позиции.

— Верно подмечено. Но им не на ком его применять. Оно стало холостым оружием, стерильным. Таким же холостым и стерильным оружием станет со временем и энцефалография, поскольку мы как угроза для них больше не существуем. Ее место займут те отрасли науки, которые больше отвечают насущным потребностям. Так что — первое поколение ученых-психологов в Первой Академии одновременно станет последним, и примерно через сто лет менторезонатор станет реликвией прошлого.

— Да... — подумав, проговорил Студент. — Похоже, вы правы.

— Но вот на что я хочу обратить твое особое внимание, юноша. Ради твоего же собственного будущего — ради твоей работы в Совете. Это — учет самых тончайших вмешательств, проведенный в Плане за последнее десятилетие. И все это было нужно потому, что мы имели дело с отдельными людьми. Я говорю о способе, благодаря которому Антор ухитрился вызвать к себе подозрение таким образом, что оно созрело в нужное время, но это было относительно просто.

Была создана такая ситуация, такая атмосфера, что до поры до времени никому и в голову не приходило, что Вторая Академия находится там. Это знание должно было быть внушено маленькой девочке, Аркадии, на которую, кроме ее отца, никто бы не обратил внимания. Она была увезена на Трентор именно для того, чтобы раньше времени не встретилась с отцом. Эти двое — отец и дочь — были чем-то вроде полюсов гиператомного двигателя. Каждый из них в отдельности от другого беспомощен. Должна была проскочить искра, должен был сработать контакт — именно в нужный момент. А это уж была моя работа.

А еще было необходимо, чтобы последнее сражение прошло так, как надо. Флот Академии должен был быть морально поддержан, а калганцы — обращены в бегство. Об этом я тоже позаботился.

Студент сказал:

— Мне кажется, Оратор, что вы... то есть я хотел сказать, что все мы... рассчитывали на то, что доктор Дарелл не станет подозревать, что Аркадия является нашим инструментом. Судя по моим расчетам, существовала тридцатипроцентная вероятность того, что он все-таки это заподозрит. Что бы произошло тогда?

— Об этом мы тоже позаботились. Тебя ведь учили, и ты должен знать, что такое «Плато обработанности». Что оно собой представляет? Конечно же, не внедрение иной эмоциональной подложки. Это как раз делается без возможности выявить это с помощью энцефалографии. Следствие из теоремы Лефферта ты должен знать.

Нет, Плато отражает стирание прежнего предубеждения, только это оно в действительности и демонстрирует. Должно демонстрировать.

— И, конечно, Антор удостоверился в том, что доктор Дарелл именно так, как надо, понимает сущность Плато?

— Да. Однако... Как и когда можно «обработать» отдельного человека, начать управлять его эмоциями так, чтобы это не обнаружили? Только тогда, когда изначальное предубеждение еще не сформировалось. Другими словами — тогда, когда индивидуум — новорожденный ребенок с чистым, нетронутым сознанием. Таким ребенком была Аркадия Дарелл пятнадцать лет назад здесь, на Тренторе, когда в структуру Плана была внесена новая линия.

Она никогда не узнает о том, что ею управляли, и нам всем от этого лучше и легче, поскольку ее «обработка» не принесла ей никакого вреда, а, наоборот, привела к развитию уникальной личности.

Первый Оратор коротко рассмеялся:

— В каком-то смысле это — ирония судьбы, и это самое смешное. Четыреста лет назад люди были обмануты словами Селдона о «другом крае Галактики». Они придавали этим словам свой собственный, буквальный, физический смысл — они ведь всегда ищут другой конец линейками и рулетками и находят этот конец в точке, отстоящей от начала измерения на сто восемьдесят градусов, а то и просто у себя дома.

Но величайшая для нас опасность таилась именно в том, что у нашего расположения была и чисто физическая разгадка. Как ты знаешь, Галактика — не просто плоский, сплющенный овоид, так же как его периферия — не просто замкнутая кривая. Фактически Галактика — это двойная спираль, и восемьдесят процентов населенных миров находятся на ее внутреннем витке, а мы — на другом конце, поскольку что есть другой конец спирали? Естественно, центр.

Но это ловушка, шарада. К такому выводу трудно прийти просто так. Однако к нему пришли бы обяза-

тельно, если бы те, кто искал ответ, вспомнили, что Гэри Селдон был психолог, а не физик и прекрасно понимал, каково будет течение мыслей в данном случае. Он сориентировал их в нужном для нас направлении. Что могли для психолога значить «разные концы»? Два противоположных края карты? Конечно, нет. Это — чисто механическая интерпретация.

Первая Академия находилась на Периферии, в том месте, где власть Империи была наиболее слаба, где наименьшим было ее цивилизующее влияние, где практически отсутствовали культура и процветание. Но где же находился социально противоположный конец Галактики? Ну конечно, в том месте, где первоначальная Империя была наиболее сильна, где ее цивилизующее влияние было наиболее выражено, где наиболее заметны были ее процветание и культура.

Здесь! В центре! На Тренторе, в столице Империи времен Селдона!

И это настолько очевидно! Гэри Селдон оставил после себя Вторую Академию, чтобы она сохранила, улучшила и продолжила его работу. Где это могло быть осуществлено наилучшим образом? На Тренторе, где работала группа Селдона, где десятилетиями скапливалась информация. Кроме того, целью Второй Академии была охрана Плана от врагов. И это тоже было известно. А где был главный источник опасности и для Терминуса, и для Плана?

Здесь! На Тренторе, здесь, где Империя умирала в течение трех столетий, но все-таки могла разрушить, ликвидировать Академию, если бы только ей пришло в голову это сделать.

Потом, когда Трентор пал и был разрушен, всего лишь сто лет назад, мы наконец обрели реальную возможность защитить нашу цитадель, и из всей планеты только Имперская Библиотека и окружающая ее территория остались в неприкосновенности. Это было прекрасно известно в Галактике, но даже этот столь прозрачный намек остался без должного внимания.

Здесь, на Тренторе, Эблинг Мис нашел нас, и здесь же мы не позволили ему пережить свое открытие. Чтобы осуществить это, потребовалось все продумать так, чтобы обычная девушка из Академии победила могущественного мутанта — Мула. Конечно, и это событие могло привлечь внимание к планете, на которой оно произошло.

Именно здесь мы впервые изучили Мула и спланировали его полное и окончательное поражение. Именно здесь родилась Аркадия и началась цепь событий, которая вернула нас в конце концов к Плану Селдона.

И все эти прорехи в ткани нашей секретности, все эти зияющие дыры остались незамеченными! А все потому, что Гэри Селдон сказал «другой конец» в одном смысле, а они поняли это в совершенно другом.

Первый Оратор «молчал» уже довольно долго. На самом деле он перестал обращаться к Студенту, а как бы исповедовался самому себе, стоя перед окном и глядя на звезды.

Огромная Галактика теперь была в безопасности навсегда.

— Гэри Селдон назвал Трентор «концом звезд», — прошептал он. — Ну что же, почему бы и нет? Это так поэтично... Когда-то отсюда правили всей Вселенной, со всех звезд тянулись сюда невидимые нити и обрывались здесь. «Все пути ведут к Трентору», — говорит старая пословица, и именно тут и есть конец всех звезд.

Десять месяцев назад Первый Оратор стоял на этом самом месте и смотрел на то же самое небо, усеянное бесчисленными звездами, — нигде их не было так много, как здесь, в центре Галактики. Но тогда он был печален. Сегодня же его лицо было озарено искренней, неподдельной радостью — круглое румяное лицо Прима Пальвера — Первого Оратора.

СОДЕРЖАНИЕ

АКАДЕМИЯ. *Роман* 5

АКАДЕМИЯ И ИМПЕРИЯ. *Роман* 243

ВТОРАЯ АКАДЕМИЯ. *Роман*. 527

Литературно-художественное издание

Айзек Азимов

АКАДЕМИЯ. ПЕРВАЯ ТРИЛОГИЯ

Ответственный редактор *Д. Малкин*
Редактор *Л. Корзун*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *О. Шувалова*
Корректор *Е. Самолетова*

В оформлении переплета использована иллюстрация
художника *Стивена Юла*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@eksmo.ru**

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82.
В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.
В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8435) 70-40-45/46.
В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.
В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.
В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52.
Во Львове: Торговое Представительство ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 745-89-15, 780-58-34.
Информация по канцтоварам: **www.eksmo-kanc.ru** e-mail: **kanc@eksmo-sale.ru**

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:
В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12 . Тел. 937-85-81.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.
В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

Подписано в печать с готовых монтажей 20.04.2006.
Формат 84x108$^{1}/_{32}$. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Бум. тип. Усл. печ. л. 42,0. Уч.-изд. л. 33,4.
Доп. тираж 5000 экз. Заказ № 3803.

ОАО "Тверской полиграфический комбинат", 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15
Интернет/Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) -sales@tverpk.ru

Айзек

АЗИМОВ

I. Asimov